

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

p 31av 236.4

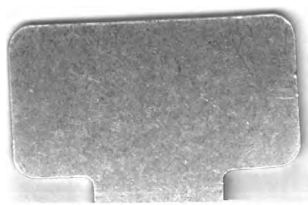
HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

P 31a v 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

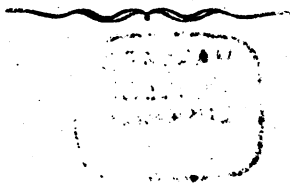
ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Е. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

△
P Slav 236-4 (1881, no. 10)

✓

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно приобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871	годъ съ пересылкою	10	р.
” 1872	” ”	10	”
” 1876	” ”	8	”
” 1877	” ”	10	”
” 1880	” ”	12	”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересылкою по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 октября 1881 года.

КРУТЫЯ ГОРКИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XV.

Духовъ получилъ разрѣшеніе открыть пансіонъ для мальчиковъ, готовящихся въ поступленію въ низшіе или средніе классы классическихъ гимназій и нанялъ квартиру въ одной изъ людныхъ петербургскихъ улицъ. Школьная мебель—косые столы и черныя доски были заказаны. Нужны были деньги, и, на первыхъ порахъ, Володя Померанскій помогъ ему. Но какъ это могло случиться? Очень просто: Анна Егоровна жаловалась Володѣ на свои стѣсненныя обстоятельства, и Володя, который у дяди Григорія занялъ лишнюю тысячу, тотчасъ-же предложилъ ей займы деньги на честное слово и безъ процентовъ. Рѣдкое великодушіе!.. Но люди, одержимые бѣсомъ страсти, бываютъ, какъ извѣстно, еще великодушнѣе. Есть пороки, которые сродни кой-какимъ добродѣтелямъ и иногда вызываютъ ихъ. Володя огорчилъ свою маменьку—отказался держать переходные экзамены; зато занятыхъ денегъ не прокутилъ, а самоотверженно предложилъ ихъ Аннѣ Егоровнѣ. Анна Егоровна поступила на этотъ разъ съ удивительнымъ тактомъ,—тотчасъ-же позвала мужа и сказала ему: „вотъ этотъ милый молодой человекъ знаетъ, что мы затѣваемъ открыть пансіонъ и предлагаетъ намъ 800 рублей, и даже безъ процентовъ. Не правда-ли, это очень мило!“ При этомъ и Анна Егоровна, и мужъ ея, и Володя, всѣ покраснѣли, всѣмъ было чего-то совѣстно...

Духовъ, конечно, пожалъ руку великодушному молодому человеку, попросилъ привезти деньги, и такъ-какъ пріѣтомъ Володя непременно пожелалъ не росписки, а векселя—Духовъ сначала помялся, потомъ согласился и на эту операцію.

— Вотъ, если-бы вы не позвали вашего мужа, а-бы вамъ и безъ росписки далъ, а мужу вашему не дамъ... проговорилъ не безъ досады Володя, повѣсивъ длинный, дядинъ носъ и изподлобья поглядывая на влажные, слегка улыбающіяся губы Анны Егоровны... Онъ никогда еще не видѣлъ въ глазахъ ея такого кокетливаго, такъ-сказать, заигрывающаго огонька или выраженія...

— Вѣдь эти деньги ваши пойдутъ на расходы по пансіону: стало-быть, все-же я отдала-бы ихъ мужу, ну, и онъ-бы меня спросилъ, гдѣ я ихъ взяла... Я-бы, конечно, сказала, что получила отъ васъ, и онъ,—Богъ знаетъ, что-бы подумалъ... ревновать-бы сталъ, а я этого не хочу... Можно и безъ этого обойтись...

Володя вскинулъ носъ свой, встряхнулъ волосами, пристально поглядѣлъ ей въ прищуренные глазки и сказалъ:

— Вы умница! Дайте мнѣ вашу ручку...

Это было тому назадъ слишкомъ мѣсяць. Съ тѣхъ поръ воды много утекло,—утекло много воды для дѣйствующихъ лицъ моего разсказа, но не для общества, которое предчувствовало войну и волновалось, никуда не двигаясь.

Тотъ, кто помнитъ это время и, не лишенный способности волноваться, могъ вращаться въ разныхъ слояхъ нашего общества,—тотъ, конечно, никогда не забудетъ той путаницы, которая происходила въ головахъ и сердцахъ нашей интеллигенціи. Одни были противъ войны и, въ случаѣ войны, угрожали Россіи всякаго рода бѣдствіями. Другіе—за войну, и еще пущими бѣдствіями угрожали Россіи, если она не вступится за Сербію и Болгарію; и несомнѣнно, что за войну было большинство. Не даромъ сосѣдка Блина (по дачѣ), женщина среднихъ лѣтъ, барыня съ вѣсомъ, какъ и подобаетъ быть супругѣ государственнаго мужа,—не разъ послѣ обѣда выходила на балконъ къ своему мужу и гостямъ его, отвѣдывающимъ всякаго сорта послѣобѣденныя ликеры, и говорила имъ: „ради Бога, вспомните, что не далеко улица, будьте поосторожнѣе—все слышно“... И дѣйствительно, хотъ

хорошій обѣдъ и располагалъ къ храбрости, нужно было осторожно высказывать все, что тогда приходило въ голову нашимъ патриотамъ, прогрессистамъ и политикамъ.

— На кой-же лядъ, кричалъ одинъ, — насъ восемьдесятъ миліоновъ!.. Развѣ мало у насъ войска, не для парадовъ-же они, чертъ возьми! голосилъ другой. — Тамъ рѣжутъ младенцевъ, жгутъ и терзаютъ. Даже англичане „подлецы!“ приходятъ въ содрганіе и начинаютъ кричать... а мы... мы будемъ издали смотрѣть, трусить, поджимать свой хвостъ и любоваться... Тьфу!..

Въ этомъ родѣ было не мало рѣчей, и авторъ не разъ имѣлъ случай собственными ушами ихъ выслушивать...

Но, какъ мы знаемъ, нашъ почтенный Егоръ Антоновичъ Блинъ, хоть онъ и мѣтилъ въ государственные дѣятели, былъ совершенно чуждъ всѣхъ этихъ тревоженій и велъ свою собственную политику. Онъ причислялъ себя къ числу здравомыслящихъ, такъ-сказать, закаленныхъ въ благонамѣренности, и потому паче всего заботился о своемъ карманѣ. Но такъ-какъ и честолюбивыя мысли были не чужды артистической душѣ его, — въ надеждѣ на протекцію, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ пріѣзда Тютюна и былъ огорченъ извѣстіемъ, что онъ пріѣдетъ не раньше осени. И если война съ Турціей была ему желательна, то только потому, что давала ему возможность выступить на болѣе широкое поприще; онъ-же былъ увѣренъ, что начальство ему довѣряетъ, имъ дорожатъ и, такъ-сказать, уважаютъ его солидныя качества... Что болтаютъ дачники-сосѣди — объ этомъ онъ мало заботился. Отчего-же такъ озабочено, такъ сурово и такъ мрачно лицо его?

Новость, что Петя самовольно вышелъ изъ гимназіи и куда-то исчезъ — можетъ быть утопился или, что еще хуже, присталъ къ нигилистамъ, — сильно тревожитъ нашего почтеннаго Егора Антоныча.

Надя-же Баскова, сестрица жены его, какъ нарочно, чтобъ еще пуще растравить его родительское сердце, по секрету рассказываетъ ему, какъ Петя собирался угаромъ уморить себя и какою записку нашла она у него на столѣ...

— Если-бъ я не пріѣхала къ той ночи, у васъ не стало-бы сына... говорить она ему, и при этомъ сама такъ блѣдна и встре-

вожена, что старшй Клинь, вослсь на нее, чувствуетъ въ душѣ своей нѣчто вродѣ тоски или угрызения совѣсти...

— Пожалуйста, узнайте, говоритъ онъ Надѣ,—взялъ-ли онъ изъ гимназіи свои документы... Если взялъ, значить, уѣхалъ... Но на какія средства!.. Зуевъ... Гж... Да, я и забылъ, вы еще не знаете этого Зуева. Зуевъ видѣлъ его въ Демидовомъ саду съ какинъ-то франтомъ, и видѣлъ его въ партикулярномъ платьѣ... Откуда у него вдругъ взялось партикулярное платье?..

Надя думаетъ, должна-ли она выдать сестру свою... и говорить: у него не было денегъ, и я, насколько могла, помогла ему.

— Вы? А кто просилъ васъ помогать ему?

— Если съ вами сдѣлается ударъ или хоть обморокъ, я не буду ни у кого спрашивать: помогать вамъ или не помогать — помогу, насколько буду въ силахъ...

Клинь не безъ злости глядитъ на дѣвушку, которая, сложивъ на груди руки, неподвижно сидитъ въ уголкеъ террасы, опершись спиной въ наружную, сѣрой краской выкрашенную стѣну дачи, и, какъ кажется, нисколько не думаетъ о томъ, какое впечатлѣніе производятъ слова ея на вспыльчиваго Егора Антоновича.

Егоръ Антоновичъ допиваетъ послѣднюю кружку пива, и когда Надя выходитъ въ садъ (гдѣ давно уже поджидаетъ ее Ксенія), закрываетъ глаза и думаетъ: „Петька, каковъ-бы онъ ни былъ, а все-таки онъ мнѣ дороже ихъ, дороже и этой шлюхи—жены моей. Дочь ушла... сынъ порѣшилъ съ собой... Но я-ли виновать?.. Я-ли виновать, что онъ не выдержалъ экзамена!.. А что если меня и въ самомъ дѣлѣ кондрашка хватитъ!.. Типунъ ей на языкъ—этой дѣвчонкѣ! Хоть-бы замужъ скорѣй выходила... Что Зуевъ, дуракъ, не женится!.. За женой моей ухаживаетъ, что-ли?.. А чортъ ихъ знаетъ... Никому я не вѣрю, никому!“..

На другой день въ Павловскѣ, какъ-разъ послѣ обѣда, совершенно неожиданно явилась Анна Егоровна Духова. Не въ духѣ застала она своего родителя, который утромъ посылалъ въ гимназію и узналъ, что Петя не взялъ ни аттѣстата, ни бумагъ своихъ.

„Что-же это значитъ? думалъ онъ.—Что-же все это значитъ? Неужели удралъ за-границу съ чужимъ паспортомъ? Этого еще не доставало!“

Сначала онъ сухо принялъ Анну; но затѣмъ мысль, что она привезла съ собой извѣстіе о братѣ, заставила его смягчиться и посадить ее.

— А гдѣ-же наша милая Мина Михайловна? спросила Анна.

— Ну, милая Мина Михайловна не пропадетъ; она сейчасъ выйдетъ и будетъ звать васъ на музыку. Безъ музыки мы не можемъ—ужъ такая пасія у насъ... Ну, а куда пропалъ братъ твой Петька?

— Петя? Куда пропалъ? Какъ пропалъ? Развѣ онъ не при васъ, не съ вами? удивилась Анна.

— Такъ ты и этого не знаешь?

— Нѣтъ, папа, я этого не знала... это меня удивляетъ, папа...

— Сбѣжалъ! Знать ужъ такая судьба моя!.. Дочь сбѣжала, сынъ...

— Папа, не напоминайте, я рассказываюсь... Ахъ, если-бы вы знали, какъ я рассказываюсь!.. Мой мужъ очень хорошій человекъ, смиренный, умный; но думала-ли я, что всѣ хлопоты по устройству этого пансіона, всѣ заботы падутъ на меня, и что я должна, во что-бы то ни стало, выручить его. Ахъ, папа, какъ это тяжело... Здравствуйте, папа! и Анна бросилась цѣловать руки своей мачихи, которая, услыжавъ ея голосъ, вышла изъ своей комнаты.

— Ну, вотъ, Мина Михайловна, какъ вы говорили, такъ мы и поступили.

— Что такое?

— Наняли большую квартиру и открываемъ частный пансіонъ.

— Для дѣвочекъ?

Анна замаялась—что сказать? Она очень хорошо помнила, что Мина Михайловна ей совѣтовала открыть пансіонъ для дѣвочекъ.

— Ну, да... и... для дѣвочекъ... пробормотала она и еще нагнулась, чтобы поцѣловать въ плечо свою милую папа, или мачиху.

— Напрасно для дѣвочекъ, мальчики лучше, замѣтила Мина, не думая въ эту минуту ни о мальчикахъ, ни о дѣвочкахъ.

— Все едино... отозвался Клинь,—что дѣвчонки, что мальчишки, всѣ дрянъ: никто теперъ не уважаетъ и не боится своихъ родителей.

— Я всегда уважала, всегда боялась васъ, и теперъ... даже

теперь боюсь... не без чувства, искреннимъ голосомъ проговорила Анна.

— И все-таки прїѣхала съ тѣмъ, чтобы попытаться: дескать, не дастъ-ли папенька денегъ.

— Какъ мнѣ ни тяжело, какъ ни трудно мнѣ думать, что можетъ быть наше предпріятіе, такое выгодное, такое полезное во всѣхъ отношеніяхъ, кончится ничѣмъ,—что мы только войдемъ въ долги и окончательно раззоримся,—какъ это ни тяжело, но я не съ тѣмъ прїѣхала, чтобы напоминать вамъ о деньгахъ: знаю, что вы не дадите... Зачѣмъ-же просить?

— А можетъ быть, дамъ, сказалъ старикъ, какъ-бы себѣ подполье.

Анна, не ожидая этихъ словъ, замѣтно дрогнула.

— Это воля ваша, но я просить не буду...

— А я не дамъ, коли не попросишь... Попросишь—дамъ, а не попросишь—значить, отъ убытка и Богъ избавилъ...

Анна даже поблѣднѣла, такъ стало ей страшно сказать что-нибудь не впопадъ, какъ-нибудь, неудачнымъ словомъ разсердить своего мудренаго родителя.

— А если я за нее попрошу? сказала Мина Михайловна.

— Ты?... Совѣтую тебѣ не вмѣшиваться... Помогай ты, если ты богата... Я тебѣ не мѣшаю...

— Ну, и мы тебѣ не мѣшаемъ, сказала Мина и, повернувшись къ мужу спиною, увела Анну въ свою комнату.

— Повѣрьте, Анна Егоровна, что я хорошо сдѣлала, что увела васъ. Одна минута, одно слово, которое-бы ему не понравилось, и все кончено. Я и теперь еще не надѣюсь, чтобъ онъ что-нибудь далъ вамъ... Я-бы съ особеннымъ удовольствіемъ могла вамъ, душа моя, но скоро сама буду безъ копѣйки... и это меня ужасаетъ... Какъ я буду жить!.. Вѣдь я до сихъ поръ живу, т. е. обуваюсь и одѣваюсь, на свой счетъ, вѣрите-ли вы? Одна надежда на прїѣздъ моего стараго друга, Тютинъ: онъ имѣетъ на мужа моего огромное вліаніе, огромное! Вѣрите-ли вы этому, душа моя?... Но, не хотите-ли черносливу? Отличный! Я его покупаю у грека... Ну, рассказывайте, что новаго? Да расскажите все, что знаете, про Петю... Правда-ли, что онъ ушелъ въ Сербію, турокъ бить?

— Въ Сербію... турокъ бить!?. удивилась Анна.

— Ну, да... въ этому, какъ бишь его... ну да, къ этому Черняеву... знаете?

— Кто-же вамъ это сказалъ?

— Это предположеніе моей сестрицы, которой вы еще не знаете, душа моя. Моя Ксенія только и твердитъ объ этомъ... Одинъ папаша ничего не знаетъ... Да что ему говорить!—Еще, пожалуй, вообразить, что это мы его снарядили, да отправили...

А въ это время старый Клинь ушелъ въ свою комнату, слушалъ какъ по кровлѣ барабанилъ дождикъ и думалъ:

„Дамъ ей на разживу двѣ тысячи и чортъ съ ней—пусть не поминаетъ лихою. Я не обязанъ... Ну, да ужь куда ни шло... Думаютъ, что я скупой. Вотъ и Петя воображалъ, что я трясусь, какъ скряга, надъ каждой копѣйкой. Дуракъ!“

И опять мысль о Петѣ засѣла у него въ головѣ.

Анна пробыла на дачѣ у отца до 10 часовъ вечера. Въ одиннадцатомъ часу она послала за извозчикомъ, надѣла шляпку и вошла къ своему родителю.

— Прощайте папа, я ѣду.

— А деньги нужны? спросилъ онъ, сидя въ халатѣ и туфляхъ.

— Ахъ! Кому они не нужны! вздохнула Анна.

— А попросить—языкъ отсохъ.

— Не хочется беспокоить...

— А!.. Не хочется, прохрипѣлъ старикъ.—Не хочется!.. Дескать, отецъ скряга, надъ каждой копѣйкой трясется; хоть колъ у него на головѣ чеши—не дастъ... такой-сякой! А!.. Не такъ-ли, дочка?.. А?

— Вы подумаете, что я только для этого и пріѣхала... Это обидно! и Анна заплакала.

И, надо отдать ей справедливость, заплакала всати.

— На, сколько могу—возьми, дома сосчитай... Прощай!..

Онъ сунулъ ей въ руку пачку депозитовъ и отвернулся.

Анна молча поцѣловала его въ голову... Сердце у ней билось, и рука, которая въ карманъ опустила деньги, трепетала. Она боялась, что у нее эти деньги отнимутъ. Она боялась, что это сонъ, что вотъ-вотъ она проснется и ничего не будетъ.

— Папа... спасибо вамъ. А знаете вы, гдѣ Петя?

— Петя... гдѣ?

— Я сейчасъ слышала отъ вашей жены, что онъ ушелъ въ Сербію—драться съ турками...

— Какъ?!

Но Анна уже выпорхнула въ другую комнату, со всѣми расцѣловалась и уѣхала.

Въ Петербургѣ, на царскосельской станціи, Володя Померанскій ждалъ Анну, и когда пришелъ длинный и многолюдный поѣздъ, онъ, въ толпѣ, у самыхъ дверей, поймалъ ее за руку.

— Ну, что? спросилъ онъ.

— Ничего! отвѣчала Анна.

— На что-же вы рѣшаетесь?

— Отдайте мнѣ вексель мужа, и я рѣшусь на randevu, только не сегодня.

— Или сегодня, или никогда.

— Завтра, въ одиннадцать часовъ утра, я буду въ пассажѣ... Слышите... пролетела Анна, слегка склоняясь къ плечу долговязаго юноши.

— Я нанялъ карету, и въ каретѣ довезу васъ до дому.

— Ни за что въ каретѣ!

— Слышите, какой дождь, такъ и леть.

— Я не растаю—я желѣзная.

Послѣдними вышли они на ступеньки подъѣзда. Ночью и сыростью охватило ихъ. Володя крикнулъ: „Иванъ!“ и карета подѣхала.

„Что за бѣда, не съѣсть, подумала Анна,—пусть довезетъ меня въ каретѣ“.

Они сѣли въ четверомѣстную старую карету, и клячи медленно потащили ихъ.

На этотъ разъ кокетливая распушенность Анны не прошла ей даромъ: настойчивый молодой человѣкъ перехитрилъ ее. Она очнулась и вырвалась изъ его объятій только тогда, когда карета остановилась... Но выходя, какъ ни была она смущена и взволнована, она все-таки не забыла ощупать карманъ свой, чтобы убѣдиться, цѣлы-ли деньги...

ГЛАВА XVI.

— А что случилось съ Дуней... я и не понимаю... Намедни я вошла: „убирайтесь!“ кричить, — „убирайтесь!“ Букетъ, который былъ въ комнатѣ, куда Петя долженъ былъ переѣхать, взяла при мнѣ и выбросила изъ окошка... Правда, букетъ былъ уже не новый, завялъ; но кому онъ иѣшалъ, этотъ букетъ несчастный? Расплескала всю воду и выбросила... „Ну, и чортъ съ нимъ! говорить, — ну, и чортъ съ нимъ!“... Ахъ, Надя! Какъ я была-бы рада, если-бъ онъ жилъ у насъ... Я такъ надѣялась!..

Такъ говорила Ксенія въ тотъ день, когда Надя въ послѣдній разъ была въ Павловскѣ.

— Надѣйся только на себя, отвѣчала Надя.—Кто знаетъ, можетъ быть, Петя и хорошо поступилъ...

— А что если онъ и въ самомъ дѣлѣ укатилъ въ Сербію и тамъ убьютъ его?

— Не дай Богъ. А впрочемъ, не все-ли равно—умереть отъ чахотки, или убитымъ быть...

— Неужели тебѣ не жаль его? Вѣдь онъ... Развѣ онъ уѣхалъ, не простясь съ тобою?

И Ксенія, быстрымъ, испуганнымъ взглядомъ поглядѣвъ въ глаза своей молоденькой тѣти, опустила рѣсницы...

— Не простясь...

— Это удивительно! скрестивъ пальчики, воскликнула Ксенія.— Любить и не проститься!

Надя не могла не замѣтить, какъ при этомъ вспыхнуло свѣженькое личико наивной дѣвочки или, лучше сказать, недоразвившейся, мечтательной дѣвушки.

— Ничего нѣтъ удивительнаго. Вотъ я люблю тебя, но мнѣ ни почему уѣхать и даже не предупредить тебя о своемъ исчезновеніи... Такое время... Каждый дѣлаетъ такъ, какъ ему кажется лучше, и каждый такъ самолюбивъ, что боится не столько препятствій, сколько ненужныхъ совѣтовъ... хотя-бы и дружескихъ, все равно... Дружба и не цѣнится тамъ, гдѣ въ ней не нуждаются, а чѣмъ-же я и могу быть для Пети, какъ не другомъ?

Ксенія при этомъ вспомнила свою дружбу съ гимназистами и рѣшила, что дружба—это дѣло извѣстное, ничего въ ней нѣтъ

такого особеннаго... и что дорожить ею можно, но не особенно... Тогда какъ любовь... о, это дѣло другое! Для этого мало жизни, — можно и сто жизней за нее, за одну, пожертвовать.

Рано начитанная, Ксенія, какъ губка, изъ литературы вобрала въ себя все романически-идеальное, иначе сказать, все облагороженно-чувственное и самоотверженно-эгоистичное, словомъ — все, чѣмъ питается молодая фантазія, все, что манить на тотъ скользкій жизненный путь, на которомъ погибло не мало наивныхъ...

Надя поняла, что говорить съ ней не наивный ребенокъ, а наивная, еще не совѣмъ оперившаяся ревнивица... Ксенія не разъ уже разными намеками давала ей знать, что она-то и есть та сама Надя, о которой Петя рассказывалъ ей, какъ о предметѣ любви своей... Ни откровенничать съ Ксеніей, ни разувѣрять ее въ справедливости ея догадокъ и предположеній Надя не хотѣла; но когда, при словѣ *дружба*, Ксенія сдѣлала гримаску, Надѣ стало досадно, и ей вздумалось посмѣяться надъ своей племянницей.

— Можетъ-быть, сказала она, — Петя, какъ герой новаго романа, пошелъ на поиски твоихъ родителей, такъ-какъ даль тебѣ слово отыскать ихъ. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ услышалъ, что за тридевять земель, въ тридесатомъ царствѣ живетъ какой-то Сергѣевъ и скучаетъ по своей пропавшей дочкѣ, и даже не знаетъ какъ зовутъ ее.

У Ксеніи, все время, пока говорила ей Надя, глаза дѣлались все шире и шире: казалось, она выслушиваетъ что-то такое необыкновенное и въ то-же время такое возможное, что надо только удивляться, какъ это все ей самой не приходило въ голову.

— Ты такъ думаешь? Ты это не шутя говоришь мнѣ, тетя?

— Не шутя фантазирую, серьезнымъ тономъ отвѣчала ей Баскова. — Довольна-ли ты моею фантазіей?

Ксенія потупилась.

— А можетъ быть, это и такъ?! задумавшись, проговорила дѣвочка.

— Нѣтъ, это не можетъ быть такъ, потому-что это было-бы и глупо, и даже смѣшно... Петя самъ удивился, когда я напомнила ему его обѣщаніе... Онъ даже и забылъ о немъ и... хорошо сдѣлалъ. Ему надо еще учиться, надо добиваться самостоятельности, труда, который-бы его обезпечивалъ, давалъ-бы ему возможность существовать независимо, а стало-быть, и лю-

бить независимо; — и вдруг, онъ будетъ рыскать по свѣту, да распрашивать—нѣтъ-ли такого Сергѣева, который оставилъ свою дочку на попеченіе его мачихи или ея матери. Сергѣевыхъ въ Россіи несчетное множество... Прошу покорно взять на себя трудъ со всѣми съ ними познакомиться! Какъ это полезно и какъ это благотворно отразится на всей будущей судьбѣ его! Да и стоитъ-ли человѣкъ того, чтобы о немъ думали, если онъ самъ покинулъ дитя свое или давнымъ-давно забылъ о его существованіи... Нѣтъ, милая моя, не въ такое время живемъ мы, чтобы не шута фантазировать... Даже вотъ что я скажу тебѣ: надо работать, надо быть работницей... что-нибудь знать и что-нибудь умѣть, чтобы любить; иначе, — любовь и пошлость, пошлость и любовь одно и то-же, или такъ одно отъ другого не далеко, такъ близко, что и не замѣтишь, какъ, полюбивъ кого-нибудь, превратишься въ тряпку, никому ненужную, иначе сказать, въ очень пустую женщину, которая сама не будетъ знать, что ей дѣлать: хныкать или напустить на себя видъ гордаго презрѣнія, или отдаться теченію обстоятельствъ и постепенно погрязать въ тинѣ всяческихъ житейскихъ мелочей, способныхъ убить всякую мысль, всякое стремленіе быть полезной, т. е. нужной для блага общественнаго или хоть для самой малой капельки этого блага... Петя тоже еще не знаетъ, что съ собой дѣлать. Если-бы онъ зналъ, онъ не пришелъ-бы въ отчаяніе отъ того, что есть какой-то латинскій учитель, который почему-то не влюбилъ его... Онъ понялъ-бы, что все это пусто и ничтожно, что сокрушаться не стоитъ, особливо при его способностяхъ, при его наклонности къ труду... Онъ-бы зналъ, если-бы не фантазировалъ, что пожелаей онъ, и тотъ-же самый учитель можетъ оказаться передъ нимъ пигмеемъ, будетъ передъ нимъ расшаркиваться и лебезить... а онъ умирать вздумалъ... дескать, такъ страдает мое самолюбіе, что лучше не жить!.. Нѣтъ, до любви онъ еще не доросъ...

Никогда еще Ксенія не слыхала ничего подобнаго... Она была такъ огорчена, потрясена и удивлена, что долго еще сидѣла на одномъ мѣстѣ и старалась привести свои мысли въ порядокъ. А Надя, недождавшись отъ нея возраженій, встала и, не простясь ни съ ней, ни съ Миной Михайловной, ушла въ паркъ и затѣмъ уѣхала изъ Павловска.

ГЛАВА XVII.

Оставимъ озадаченную Есеню думать и передумывать, что значать и какой имѣють смыслъ тѣ рѣчи, которыя услышала она изъ устъ своей молодой тѣти. Займемся другими лицами и затѣмъ пустимся въ догонку за нашимъ юношей.

Надя уже имѣла понятіе объ Ознобинѣ, такъ-какъ Петя на дебаркадерѣ ей рекомендовалъ его. Затѣмъ, однажды, въ Павловскѣ встрѣтилась она съ Ерошиными, — встрѣтилась съ ними не одна, а въ сопровожденіи сестры своей, и по неволѣ познакомилась. Мина Михайловна очень была рада увидѣться съ своимъ единственнымъ другомъ — Александрой Александровной, хотя этотъ единственный другъ обошелся съ ней довольно сухо — не пригласилъ ее къ себѣ на дачу и только нѣсколькими словами перекинулся съ Надей.

Физиономія Ерошина (большая, волосастая голова, крупныя черты лица, выразительно-умные глаза и борода, какой любой деревенскій староста позавидуетъ) была не изъ числа тѣхъ физиономій, которыя такъ-же скоро забываются, какъ забываются тѣ красавцы, которыхъ лица то и дѣло встрѣчаешь на вивѣскахъ. И Надя тотчасъ-же узнала Ерошина, когда на возвратномъ пути изъ Павловска увидала его въ одномъ съ нею вагонѣ 3-го класса. И онъ тоже тотчасъ узналъ ее и сѣлъ съ ней рядомъ. Разговоръ зашелъ объ Ознобинѣ.

— Я долженъ сказать вамъ объ этомъ другѣ нашего дома, что онъ чудакъ преестественный, и вы, быть можетъ, не повѣрите, если я скажу вамъ, что онъ, который видѣлъ васъ разъ или два, уже успѣлъ составить объ васъ самое дурное понятіе, даже по-просту возненавидѣлъ васъ.

— Это за что? засмѣявшись, спросила Надя.

— Онъ почему-то ненавидитъ стараго Ылина, и такъ-какъ вы принадлежите, такъ-сказать, къ семьѣ его, — заключаетъ, что и въ васъ нѣтъ ничего хорошаго, что вы кокетка, и что любимецъ его Петя непременно пропадетъ, если попадется къ вамъ въ сѣти, такъ-какъ, по его мнѣнію, вы принадлежите къ типу такихъ женщинъ, для которыхъ ничего святого нѣтъ...

— Ничего святого нѣтъ... Это забавно...

Надя смѣялась, и Ершнинъ, глядя на нее, улыбался и думалъ: „экая прелесть эта дѣвушка!“

— А я только-что собралась какъ-нибудь подойти къ нему и спросить: не знаетъ-ли онъ, куда дѣвался другъ его — Петя Клинь.

— Не спрашивайте, онъ не знаетъ... и это тѣмъ болѣе его огорчаетъ, что онъ отъ Пети не ожидалъ такого пасажа, — убѣжденъ былъ, что молодой человѣкъ откровененъ съ нимъ.

— Такъ онъ знаетъ, по крайней мѣрѣ, что Петя куда-то пропалъ...

— Это онъ знаетъ... Можетъ быть, даже отъ меня знаетъ, такъ-какъ Мина Михайловна какъ-то говорила мнѣ объ этомъ обстоятельстве и даже просила совѣта — что дѣлать.

— Какой-же вы дали совѣтъ?

— Я ей далъ совѣтъ — ничего не дѣлать.

— А если я когда-нибудь попрошу у васъ совѣта — вы будете искренни?

— Не только совѣтомъ, всѣмъ чѣмъ могу, постараюсь быть полезенъ вамъ... Скажу вамъ про себя, что я человѣкъ, прошедшій сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы... Я сынъ крестьянина вологодской губерніи. Учился на мѣдныя деньги, самъ выбился на просторъ, т. е. изъ одной тѣсноты въ другую тѣсноту попалъ... Иногда пописываю: — два или три разсказа изъ деревенской жизни не прошли незамѣченными; но я никогда не имѣлъ обыкновенія подписывать свою фамилію: мой псевдонимъ „Понева“. А подъ статьями политической окраски, въ газетахъ, я никакъ не подписывался — не стоить.

— Въ какомъ-же духѣ ваши статьи?

— Въ патриотическомъ и въ то-же время въ прогрессивномъ — я прогрессистъ.

— Что-же, какъ вы думаете, хорошо это, что наши молодые люди бѣгутъ въ Сербію и тамъ, на границѣ, дерутся съ турками?

— Не молодые люди, а всякій сбродъ... Но вы спрашиваете, хорошо-ли? отвѣчаю вамъ: хорошо. Это наши застрѣльщики, потому-что, какъ-бы мы ни вертѣлись — войны намъ не миновать. Таковы обстоятельства, да и Бисмаркъ этого хочетъ, и даже Австрія. Всѣмъ имъ до такой степени нажужжали въ уши о нашей несостоятельности, объ упадкѣ дисциплины, о безпорядкахъ и

шаткости умовъ, что, поглядѣть, какъ мы будемъ воевать — для нихъ зрѣлище интересное. Если мы побѣдемъ, они въ убыткѣ не останутся, особливо Австрія. А если насъ побьютъ, то кто-же въ Европѣ этого не желаетъ!

— А какъ вы думаете, насъ побьютъ или мы побѣдемъ?

— Непремѣнно мы побѣдемъ, потому-что потасовка это-съ наша родная стихія и охулки мы на руку не положимъ. И знаете, отчего мы будемъ воевать такъ, какъ давно не воевали?—Отъ скуки. Мы до того исхандрились и такъ скучаемъ, не зная что съ собой дѣлать, такъ извѣрились, что войнѣ обрадуемся, какъ благодати Божіей... Не будь у меня семьи, я-бы и самъ теперь въ повстанцы пошелъ.

— А вы изъ числа скучающихъ?

— Признаться сказать, скучать мнѣ некогда — контора на рукахъ, дѣла, семья и проч. Ну, а въ минуты досуга, до такой степени тоска меня одолеваетъ, что жизни не радъ... Мнѣ противно это филистерское, это буржуазное прозябанье до того, сударыня вы моя, противно, что хоть въ петлю!.. Если я когда-нибудь съума сойду, то начну съ того, что переколочу зеркала, расшибу рояль, а мебель и всѣ вещи изъ окна побросаю на улицу... То-есть, поступлю такъ, какъ я-бы и теперь поступилъ, если-бъ не удерживала меня любовь къ ближнимъ моимъ... Что дѣлать, не люблю огорчать...

— И я понимаю васъ, съ живостью проговорила Нада.

— Вы меня понимаете?.. Этого я уже никакъ не ожидалъ, милое вы существо!

Фамильярничать было въ натурѣ Брошина, но какъ человекъ, выкарабкавшійся изъ среды російскихъ пролетаріевъ, онъ никогда не терялъ русской смекалки и зналъ съ кѣмъ нужно и съ кѣмъ не нужно церемониться. Иногда онъ былъ правдивъ до грубости, иногда правдивъ до нѣжности, особливо съ женщинами, которыя ему нравились, такъ-какъ въ немъ, подъ маской самаго скромнаго семьянина, таилась порядочная доза донжуапства. Въ молодости-же онъ былъ великій ловець, хотя и не хвасталъ своими побѣдами.

Надѣ почему-то нравилась оригинальность его обращенія. Эта оригинальность не отталкивала, а сближала ихъ.

— Зачѣмъ вы ѣдете въ Петербургъ? спросила Нада.

— Буду побывать у одного пошляка и негодяя. Надо съ нимъ переговорить о дѣлѣ и помѣшать ему сдѣлать пакость—такъ-какъ онъ человѣкъ не безъ власти и не безъ вліянія... Надо будетъ очень хитро мнѣ съ нимъ вести себя... и пригрозить, и помазать по губамъ, т. е. поподличать. Показать ему, насколько онъ свинья и человѣкъ вредный, и въ то-же время доказать, что онъ непременно будетъ въ выгодѣ, если себя не влупаетъ и въ скверномъ дѣлѣ не приметъ никакого участія. Вѣдь я... что вы думаете, я человѣкъ практическій и давно-бы пропалъ, если-бы не былъ практическій... Я... Читали вы Помяловскаго?

— Читала, разумѣется.

— Очень мнѣ нравится ваше *разумѣется*. Точно вы обидѣлись, хоть въ сущности вы вовсе не обидѣлись... Разумѣется, всякая порядочная російская дѣвица должна знать порядочныхъ російскихъ писателей и уметь различать ихъ отъ ерундистовъ и бонмотистовъ. Ну, такъ вы знаете, что такое Молотовъ? Ну-съ, хорошо... Такъ вотъ я почти-что такой-же Молотовъ. Слѣдовало-бы мнѣ всю жизнь свою въ смазныхъ сапожищахъ проходить, какъ и подобаеть сыну земли, а я мѣщанствую и чувствую, что не могу иначе, и—никто не можетъ иначе, какъ онъ ни бейся... Слыхали вы про нашего народолюбца и врага всякихъ роскошей и всякаго барства—Чапскаго?

— Разумѣется...

— Опять „разумѣется“,—ну, хорошо-съ... Такъ я разъ засталъ его: торопится, обойщиковъ ищетъ, нужно драпри въ гостиной и спальной развѣшивать. Французскій, мохнатый коврикъ купилъ, чтобъ сунруга, вставая съ постельки, да гуляя въ туфелькахъ, чувствовала „ковровъ роскошное прикосновенье“... Такъ жизнь сложилась... Вѣдь и вы выйдете замужъ или за Молотова, или за такого пролетарія, который носить въ себѣ всѣ задатки быть Молотовымъ, то есть подарить и себѣ, и вамъ, и вашимъ дѣтямъ хоть какое-нибудь, хоть самое крошечное, мѣщанское счастье. Съ жизнью не скоро сладяшь; у ней свои привычки есть и свои поползновенья. Претягъ мнѣ всѣ эти поползновенья, да что-же, голубушка вы моя, прикажете дѣлать? Такой климатъ. Неужели топиться или вѣшаться оттого, что нельзя въ одной рубахѣ по гостямъ ходить. Вотъ какъ мы съ вами заболтались, не замѣтно доѣхали... время-то значить, вещь условная... какъ вода течеть...

уравновѣсьте, — остановится... сдѣлайте ^ннаклонъ — побѣжить. А подь-гору, таеъ и того... не удержите... Спасибо вамъ... Ахъ, да... а какой-же совѣтъ-то вы хотѣли отъ меня потребовать?

— Послѣ, когда-нибудь...

— Осторожная вы барышня... Скажите, пожалуйста, вы какъ сродни Минѣ Михайловнѣ?

— Родная сестра ея.

— Такъ-таки родная, какъ есть родная? присталь. Ерошинъ, наклонивъ къ лицу Нади топорно-красивое, мужественное лице свое и взглядывая ей въ глаза вопросительно и въ то-же время необыкновенно ласково.

Надя невольно отклонилась, покраснѣла и отвѣчала:

— Отчего-же вы мнѣ не вѣрите; вѣдь я-же сказала вамъ — родная, родная, родная...

— Значить, тѣми-же руками пирогаъ испеченъ да изъ другого тѣста.—Ну, прощайте, Богъ съ вами, попросиль-бы васъ навѣщать насъ, да вѣдь вы меня не послушаетесь...

— Прощайте.

ГЛАВА XVIII.

Еще одно событіе, нежданное-негаданное, потрясло душевный миръ и обычный повои почтеннаго Клина.

Событіе это не осталось безъ нѣкоторыхъ послѣдствій для лицъ, выведенныхъ нами на сцену, и мы должны упомянуть о немъ.

Кто-бы могъ ожидать, что Михѣй, лысый, глупый, безтолково-усердный и повремениамъ отъ всей души искренно хихикающій, смѣшной Михѣй совершить уголовное преступленіе?!

Самъ онъ этого не ожидалъ и не повѣрилъ-бы, если-бы кто-нибудь утромъ того-же дня сказалъ ему, что въ сумерки, послѣ обѣда, онъ убьетъ Любовь Петровну.

Онъ мысленно давно уже желалъ ей всего нехорошаго. Онъ-бы обрадовался какъ глупый ребенокъ, если-бы кто-нибудь столкнулъ ее съ лѣстницы или если-бы она лбомъ ударилась о притолку, или если-бы она заболѣла и въ какой-нибудь больницѣ окочурилась. Онъ-бы непремѣнно захихикалъ, если-бы кто-нибудь при этомъ спросилъ его: правда-ли, что Любовь Петровна окочури-

лась?.. Но убить ее онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго на-
мѣренія.

Любовь Петровна для него была ехидная женщина, запирала
буфетъ и ни разу не дала ему понюхать чѣмъ пахнуть ромъ
или барская водка („какъ собака на снѣгъ“, думалъ про нее Ми-
хѣй). Мало того, она безпрестанно осыпала его разными попре-
ками и пророчила, что его непременно выгонять.

И Михѣй все это выносилъ съ замѣчательнымъ наружнымъ спо-
койствіемъ: только пялил на нее глаза, моргалъ усами, такъ-что
брови шевелились и на лбу его морщилась кожа... Или вор-
чалъ: „Ахъ-ма... не все святые... Во гробъ вы меня вгоните...
Ей Богу!.. Ну, выпилъ малую толику, а ужъ вы и того... не
пьяница-же я, хе, хе!“..

И самъ при этомъ не сознавалъ до какой степени онъ ньян-
ствуетъ и ее ненавидитъ.

Въ сумерки того дня, когда въ Павловскѣ совершилось дру-
гое событіе (старый Клинь далъ деньги своей дочери), Михѣй по-
чувствовалъ страшную тоску и даже вышелъ за ворота — про-
вѣтриться...

И нельзя ему было не страдать: утромъ, только-что уѣхалъ
баринъ, который съ запискою посылалъ его въ гимназію, онъ слу-
чайно на улицѣ встрѣтилъ одного изъ своихъ однокашниковъ,
тоже изъ отставныхъ, зашелъ съ нимъ въ распивочную, и тотъ уго-
стилъ его. Михѣй далъ ему честное слово вечеромъ придти въ тотъ-
же питейный домъ и, въ свою очередь, улагодворить его. — „При-
ходи, голубь, утѣшу. Въ кои-то вѣки встрѣтились... Ради ком-
паніи жидъ, говорятъ, удавился. Стало-быть, намъ самъ Богъ ве-
литъ... Хе-хе хе! Приходи ради компаніи“...

Михѣй былъ не настолько пьянъ, чтобъ не помнить этого обѣ-
щанія; чувствовалъ, что какой-то червь сосетъ его подъ ложеч-
кой, что мутная голова похмѣлья проситъ и что въ карманѣ его
такъ-же пусто, какъ въ водосточной трубѣ.

Поднявшись задней лѣстницей наверхъ, Михѣй вошелъ въ кухню.

Любовь Петровна имѣла обыкновеніе послѣ обѣда прилегать, и
такъ-какъ ей нездоровилось, она заснула, лежа въ платьѣ на своей
кровати, и, хотя ея ситцевая занавѣска не была задернута, Ми-
хѣй ее не замѣтилъ. Къ несчастью, онъ подошелъ къ кухонному
столу и увидалъ, что на самомъ краю его лежитъ какая-то смятая

бумажка, сложенная въ четверо, и на ней куча мелочи — копѣекъ шестьдесятъ или семьдесятъ... Михѣй съ жадностью поглядѣлъ на эти деньги... Кровь прилила къ вискамъ его... Сердце забилося...

„Подтибрю“... подумаль онъ, — „хе-хе!.. зачѣмъ плохо кла- деть“ ...

Въ это время сзади его скринула кровать. Сонная пошевели- лась... Михѣй оглянулся; ему показалось, что Любовь Петровна не спитъ, притворяется спящей и однимъ глазомъ подсматри- ваетъ, уличить его хочеть въ воровствѣ... анафема...

И все, что тайлось въ немъ, вспыхнуло какъ порохъ, съ не- удержимою силою. Схватилъ онъ деревянное полѣно и хватилъ имъ по головѣ спящей, насколько было силы.

Спящая приподнялась, замахала руками и со стономъ повали- лась навзничь.

Михѣю показалось, что онъ только ошеломилъ ее, какъ слѣ- дуетъ... Онъ схватилъ деньги и, не притворивши кухонной двери, спустился внизъ по лѣстницѣ.

Въ питейномъ домѣ онъ тотчасъ-же хватилъ стаканчикъ водки и, дождавшись однокашника, провелъ съ нимъ весь вечеръ въ компа- нии... Сначала онъ еще припоминалъ, что сдѣлалъ что-то такое нехорошее... „Будеть помнить!“ еще ворчалъ онъ про себя, — еще образъ подскочившей и замахавшей руками Любовь Пет- ровны смутно возникалъ въ его воображеніи. Потомъ все ступе- валось въ головѣ, — онъ, пьяный, обнималъ пьянаго друга, или голубя, какъ онъ называлъ его. Хвастался, что онъ храбрець и что добрѣе его въ цѣломъ свѣтѣ человѣка нѣтъ.

Поздно вернулся онъ домой... Кое-какъ одолѣлъ парадную лѣстницу, позвонилъ въ передней, и такъ-какъ, разумѣется, никто ему дверей въ переднюю не отперъ, повалился на полъ, у самого порога, и заснулъ богатырскимъ сномъ, хотя и не былъ похожъ на богатыря — испитый и щедушный...

На другой день, въ три часа и 40 минутъ по полудни, Мина Михайловна получила телеграмму; но такъ-какъ ее не было дома, Ксенія расписалась въ полученіи и положила ее на туалетъ своей матери.

Мина Михайловна вернулась къ обѣду и стала ожидать супруга... Было уже 6 часовъ, когда Ксенія вошла и сказала ма-

тери:—Егоръ Антоновичъ вѣрно не прійдетъ. Не оны-ли это телеграмму прислалъ... Ты читала?..

— Подай, сказала Мина Михайловна и протянула руку.

Ксенія передала ей заклеенную по формѣ бумажку и вышла. Мина разобрала телеграмму, и вскочила, испуганная. Мужъ ей телеграфировалъ: „Пріѣзжай немедленно—на квартирѣ несчастье“.

— Несчастье! Что такое, Боже мой... Не погорѣли-ли мы?.. Какое несчастье!..

Торопливо съѣла она нѣсколько ложекъ супу, надѣла пальто и шляпку, сказала Ксеніи, что она ѣдетъ въ Петербургъ, и вышла, чтобъ на первомъ попавшемся извозчикѣ, какъ можно скорѣй, до 7 часовъ, добраться до вокзала и застать отъѣзжающій поѣздъ.

Около 8 часовъ вечера, Мина Михайловна, взволнованная ожиданіемъ чего-то страшнаго или непріятнаго, торопливо взбѣгала по каменной лѣстницѣ своей петербургской квартиры, слегка задышалась и приняхивалась, не пахнетъ-ли гарью, не сгорѣли-ли ея будуаръ и цѣлы-ли ея вещи.

Дверь въ переднюю отворилъ ей городской — въ полицейской формѣ, съ серебряною цѣпочкой отъ часовъ, румяный, сѣроглазый и съ большими пушистыми баками. Любой исправникъ былъ-бы очень доволенъ, если-бы у него была такая благообразная и въ то-же время внушительная фізіономія. Только у с.-петербургскихъ околочныхъ и бывають такія фізіономіи... Но все-же Мина Михайловна оторопѣла, чего-то, испугалась и, блѣдная, молча вошла въ свою пасмурную переднюю...

— Гдѣ-же Михѣй? спросила она.

Но въ эту минуту изъ залы появилось другое лицо, и тоже ей совершенно незнакомое, лицо черноглазое, опушенное черною бородой, облеченное въ вицмундиръ съ золотыми пуговицами и съ золотой цѣпочкой отъ часовъ. Лицо изжелта-блѣдное, но не отъ испуга, а скорѣй отъ усталости...

— Мина Михайловна! произнесъ вопросительно появившійся передъ ней чиновникъ и, такъ-какъ оны слегка улыбался, у Минны Михайловны отлегло отъ сердца... „Должно быть, подумала она, — ничего нѣтъ очень страшнаго. Ужь не ударъ-ли съ Егоръ Антоновичемъ? Вѣрно докторъ“. И только тогда поняла, что оны за человѣкъ, когда оны отрекомендовался ей.

А отрекомендовался онъ ей развязно и любезно въ высшей степени.

— А гдѣ-же мужъ? задыхаясь, спросила Мина Михайловна.

— Онъ у себя въ кабинетѣ и занятъ... Прикажете доложить ему?

— Не беспокойтесь... Только, ради Бога, скажите, что такое случилось?

Машинально играя цѣпочкой отъ часовъ, слѣдователь сообщилъ ей, что женщина, которая берегла ее квартиру, найдена на своей постели мертвой (Мина Михайловна ахнула и перекрестилась), что частный врачъ освидѣтельствовалъ трупъ ея и нашелъ, что женщина убита тупымъ орудіемъ—ударомъ молотка или обухомъ топора по головѣ, что вещи ея тоже освидѣтельствованы и имѣ сдѣлана опись, что подозрѣніе падаетъ на Михѣя, что Михѣй арестованъ по приказанію г. прокурора, и что онъ, лично, весьма сомнѣвается, чтобъ это сдѣлалъ Михѣй, такъ-какъ на допросѣ онъ оказался слишкомъ глупъ и сказалъ, что онъ ничего не помнить, что вернувшись ночью, онъ въ квартиру не попалъ, а почевалъ въ корридорѣ на полу, такъ-какъ былъ сильно выпивши.

Мина Михайловна пришла въ ужасъ и застонала.

— Ахъ, Любовь Петровна, Любовь Петровна! Что такое... какъ это можетъ быть, голубушка моя! Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Затѣмъ она узнала, что тѣло убитой уже на столѣ и, вѣроятно, на ночь будетъ вынесено, и затѣмъ, не рѣшаясь заглянуть въ кухню изъ страха упасть въ обморокъ, она прошла въ свою пустую спальню, сѣла на кушетку, на которой такъ много пріятныхъ часовъ провела она, приподняла свои плечики, точно озябла, вздрогнула и заплакала.

Но кто-же не знаетъ, кто-же сомнѣвается въ глубокой чувствительности и добротѣ Мины Михайловны!

Наплакавшись, она осмотрѣла свой туалетъ, нашла всѣ ящики запертыми и все въ порядкѣ, даже пыли нигдѣ не было. Это еще больше заставило ее пожалѣть объ утратѣ такой необыкновенно аккуратной и честной женщины.

— Мало повѣсить, мало разстрѣлять того, кто убилъ ее! воскликнула она въ полголоса, въ порывѣ негодованія.

И такъ-какъ всѣ мягкосердечныя, добрыя женщины въ минуту досады бываютъ иногда особенно злы и мстительны, Мина Ми-

хайловна непремѣнно-бы въ эту минуту казнила преступника самой страшной казнью, если-бы преступникъ этотъ былъ на лицо и если-бы она обладала властью или перунами.

Хорошо еще, что порывъ негодованія, какъ и всякій порывъ, бываетъ непродолжителенъ.

Заплаканная, вышла она въ залъ, гдѣ стоялъ раскрытый ломберный столикъ, на которомъ лежали бумаги, чья-то кожанная портфель съ стальнымъ замочкомъ и торчало перо изъ чернильницы. Ей хотѣлось пройти къ мужу въ кабинетъ и уронить ему на грудь слезу печали и сожалѣнья; но въ залъ опять встрѣтилъ ее тотъ-же самый судебный слѣдователь и сказалъ ей, что онъ очень радъ случаю, который далъ ему возможность ей отрекомендоваться.

„Хорошъ случай, нечего сказать!“ грустно улыбувшись, подумала Мина Михайловна.

Но судебный слѣдователь продолжалъ въ томъ-же любезномъ тонѣ. У него чуть-было не сорвалось съ языка, что онъ знакомъ съ Зуевымъ и отъ Зуева много слышалъ про ея добродѣтели; но онъ быстро что-то сообразилъ и—о Зуевѣ ни слова. Сказалъ только, что у него есть одинъ знакомый, который такъ много лестнаго ему говорить о ней, что онъ давно уже сторааетъ желаніемъ съ нею познакомиться. Однимъ словомъ, этотъ среднихъ лѣтъ блестятель правосудія говорилъ съ ней какъ съ женщиной, которая слишкомъ добра и мягка для того, чтобъ противиться кому-бы то ни было изъ числа претендующихъ на красоту ея, а онъ кое-что слышалъ о ней и, какъ мы уже сказали, былъ развязенъ и любезенъ съ ней въ высшей степени.

„Ну, знаемъ, знаемъ, не распинайся!“ подумала про себя Мина Михайловна, глядя на его бойкіе, черные глазки, бѣлыя, пухлыя руки и окладистую бороду.

Вдругъ судебный слѣдователь что-то какъ будто вспомнилъ, на бѣлый лобъ его быстро набѣжали и быстро исчезли небольшія морщинки, и вдругъ спросилъ онъ Мину Михайловну (тѣмъ-же любезнымъ тономъ), давно-ли пропалъ изъ дому ея пасынокъ?

Мина Михайловна никогда не помнила дней (для нее всѣ дни были одинаковы), но чтобъ что-нибудь сказать на это, она сказала: кажется дня три-четыре, а впрочемъ, не помню.

— А не знаете-ли вы, Мина Михайловна, были-ли деньги у

вашей Любовь Петровны? Я это потому васъ спрашиваю, что сундукъ ея не былъ запертъ и были-ли тамъ деньги—неизвѣстно.

— И на это Мина Михайловна не знала, что отвѣчать. Можетъ-быть были, а можетъ быть, и не были.

— А сколько денегъ было или могло быть у вашего пасынка въ день его исчезновенія?

— Я, помнится мнѣ, черезъ сестру послала ему сколько-то денегъ на партикулярное платье, такъ-какъ онъ вышелъ изъ гимназіи, и такъ-какъ я, хоть и мачиха, но все-же не хуже родной матери... Я думала, что заслужу его довѣріе, но видно, какъ волка ни корми, онъ все-таки въ лѣсъ уйдетъ. Что прикажете дѣлать... Ахъ, Боже мой, Боже! Все непріятности, одни только непріятности!

— И вы не знаете, отецъ ничего не давалъ ему?

— Не знаю, онъ даже, кажется, и не видалъ его послѣ...

— Послѣ чего?

— Послѣ выхода его изъ гимназіи.

— А куда онъ ушелъ или уѣхалъ—это неизвѣстно вамъ?

— Говорятъ, что въ Сербію. А впрочемъ, почему я знаю...

Но позвольте, я хочу къ мужу, что онъ тамъ дѣлаетъ?

Слѣдователь вѣжливо отступилъ и, глядя изподлобья, съ улыбающимися изъ-подъ усовъ губами, протянулъ руку по направленію къ кабинету. „Дескать, я нисколько не мѣшаю вамъ!“

Мина вошла къ мужу, но не удалось ей пролить слезу на грудь его: онъ встрѣтилъ ее бранью, зачѣмъ она такъ поздно явилась, лучше-бы и не являлась. Мина должна была оправдываться и, затѣмъ, чтобы отвлечь его мысли, спросила: кто этотъ слѣдователь?—Онъ все спрашиваетъ меня о Петѣ. Какое ему до него дѣло? Неужели въ этомъ злодѣяніи онъ хочетъ на него бросить тѣнь своего подозрѣнія!

— Смѣетъ онъ кого-нибудь подозрѣвать, когда это очевидно, какъ дважды-два четыре... это—мерзавецъ, каналья, пьяница, идиотъ. Это... котораго мнѣ рекомендовали, навязали на меня... это Михѣй; это его дѣло... Я видѣлъ, какъ его рожу коробило и какими лагушечьими глазами глядѣлъ онъ...

Тутъ Клинь такъ энергически сталъ ругаться, что Мина положила ему на ротъ свои пальчики и, такимъ образомъ, сдѣлала какъ-бы плотину, чтобы хоть до слѣдователя не долетали тѣ не-

удобные для печати возгласы, которыми въ эту минуту наводненъ былъ раздраженный и занятый спѣшными дѣлами супругъ ея.

ГЛАВА XIX.

Вотъ уже слишкомъ двѣ недѣли, какъ Аполлонъ Карпычъ Орѣшинъ гостить у себя въ имѣннн (за 970 верстъ отъ Питера, въ 41 верствѣ отъ желѣзной дороги, на границахъ чернозема и глинистой почвы, между плодоносѣйшими степями средней половины Россіи и брянскими лѣсистыми болотами).

Что сказать про него? Чѣмъ ознаменованъ намъ его пребываніе въ родномъ гнѣздѣ, въ тѣни тѣхъ самыхъ дубовъ и кленовъ, которые видѣли его и въ дѣтской курточкѣ, и въ конверскомъ мундирѣ, и въ домашнемъ, изъ бѣлаго холста кителѣ, съ молодой женой подъ-руку, съ дѣтьми на свободѣ...

Зачѣмъ пріѣхалъ онъ? Оттого-ли, что поселившись въ столицѣ около самаго владѣища, захотѣлось емудохнуть инымъ, болѣе свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ, или оттого, что почувалъ, что кулаки и арендаторы его такъ-же надуваютъ, какъ и его ключница... то и дѣло жалуются ему на неурожай и раззореніе, тогда-какъ по газетамъ и слухамъ нельзя не предположить, что въ его уѣздѣ, слава Богу, уродилось достаточное количество ржи, ячменя и сѣна... Жалуются и не высылаютъ денегъ. Трудно сказать, что иногда руководило поступками нашего мистика. Чаще блажь (несмотря на то, что всю жизнь считался онъ образцовымъ практикомъ), чѣмъ здравый смыслъ, сдвинутый съ мѣста потрясающими потерями...

Поселился Орѣшинъ у себя въ небольшомъ флигелѣ, гдѣ когда-то, въ старыя крѣпостныя годы, жилъ французъ, губернёръ его. Главный господскій домъ давно уже стоитъ съ забытыми окнами, съ прорѣхами въ кровлѣ и съ лѣстницами безъ ступенекъ. Въ этомъ громадномъ бревенчатомъ домѣ, гдѣ полъ-вѣка тому назадъ могла помѣщаться, гостить, ѣсть, пить, плясать и спать цѣлая орава гостей всякаго пола и всякаго возраста, осталось всего только двѣ обитаемыхъ горницы, только три окна со стеклами и только одна труба, каждое утро пропускающая струйки сѣраго дыма.

И эти горницы занимаетъ старый камердинеръ Орѣшина — Павелъ Константинычъ и семья его. Тамъ только у него и можно стряпать кушанье, такъ-какъ во флигелѣ печки не годятся ни для страпухи, ни для повара и, неизвѣстно даже, годятся-ли на то, чтобы зимой согрѣвать стараго барина, такъ-какъ онъ и лѣтомъ въ деревнѣ забнетъ, говоря, что въ старые годы солнце свѣтило и жарче, и ярче, не было такихъ холодныхъ вѣтровъ и погода была постояннѣе. Константинычъ говоритъ, что зимой нельзя жить во флигелѣ, что печи надо передѣлать и рамы въ окнахъ тоже передѣлать заново.

Орѣшинъ пріѣхалъ въ имѣніе свое самъ-другъ съ Сашей и помѣстилъ ее тоже во флигелѣ, такъ-какъ въ немъ было цѣлыхъ четыре комнаты.

Саша тоже все это время не то что забла, а какъ-то ѣжилась. Въ саду и въ полѣ ей было теплѣе, чѣмъ дома. Давно никѣмъ не посѣщаемыя комнаты дышали чѣмъ-то сырмъ и затхлымъ, а старые, столѣтніе вязы, которые окружали флигель, были вырублены по приказанію управляющаго и неизвѣстно на что пошли — на топку-ли печей или въ городъ, на столярныя издѣлія.

Надъ кроватью Саши, въ потолокъ было ввинчено желѣзное кольцо; должно быть гувернеръ Орѣшина спалъ здѣсь когда-то подъ пологомъ (Гдѣ-то онъ теперь? Или на какомъ кладбищѣ похонется прахъ его?).

И теперь, несмотря на дождливое лѣто, не мѣшало-бы повѣсить пологъ, такъ-какъ рано по утрамъ мухи не даютъ спать, путешествуя по носу, рукамъ и шеѣ, а по вечерамъ и ночамъ комары то спускаются, то поднимаются и поютъ и кусаютъ, кусаютъ и опять поютъ. Одна Матреша, дочь Павла Константиныча, спитъ въ одной комнатѣ съ Сашей, какъ убитая. Хоть эта Матреша и считаетъ себя барышней, дочерью мелкопомѣстнаго помѣщика, но, къ счастью, нисколько еще не смущается тѣмъ, что отецъ ее чиститъ сапоги Аполлону Барпычу и накрываетъ ему на столъ; но къ Сашѣ относится съ маленькимъ пренебреженіемъ, такъ-какъ узнала, что Саша не барская дочь, а пріемышь.

Во флигелѣ есть и піанино, семь или восемь лѣтъ тому назадъ выписанное Орѣшинымъ для дочерей. Но когда его раскрыли и Саша потрогала его клавиши, оно издало такія плаксивыя нотки, такими кислыми диссонансами поразило чуткое ухо, что

Саша тотчасъ-же его закрыла и уже съ тѣхъ поръ ни разу не подошла къ нему.

Быль вечеръ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда и больное сердце не можетъ не помириться съ природой и деревенскимъ воздухомъ. Руина стараго дома, потонувшая въ зелени стараго сада, наполовину была освѣщена ярко закатывающимся пурпурно-золотистымъ солнцемъ. Серебристые тополи на самомъ дѣлѣ казались изъ серебра отчеканенными. Поздно зацвѣтшія липы, наполовину закрытныя тѣнью отъ дома, пахли медомъ... Бабы и дѣвки, половшія грады, уходили домой и громогласно пѣли. Издали казалось, что мужскіе хриплые голоса примѣшиваются къ хору ихъ, но эти голоса принадлежали бабамъ...

Саша сидѣла на крыльцѣ и прислушивалась къ лошадиному топоту. За плетнемъ поднимались клубы пыли и въ этой пыли мелькали рубахи деревенскихъ мальчиковъ; размахивая локтями, они скакали и гнали табунъ... въ ночное...

— Аполлонъ Карпычъ!.. Батя!

— Что, дитя мое? отозвался Орѣшинъ, который, опершись на трость, сидѣлъ около крыльца на сзамейкѣ, тоже прислушивался къ голосамъ и звукамъ деревенскаго, лѣтняго вечера и съ грустью думалъ: „какія тутъ были деревья, и зачѣмъ, для чего этотъ варваръ ихъ вырубилъ?“

— Батя!

— Ну, что?

— Скоро-ли пріѣдетъ Петя?

— Петя... Гм... да... не знаю... Я уже думалъ, что вапуть... и что мы его не увидимъ...

Орѣшину было не весело, хоть онъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ первые дни пріѣзда.

— Отчего-же ты думалъ, что вапуть и что мы его не увидимъ?

— Да оттого, что я полюбилъ его. Какъ-то не живется тѣмъ на свѣтѣ, кого я люблю...

— А меня ты любишь?

Аполлонъ Карпычъ только поглядѣлъ на нее и ничего не сказалъ.

— А отчего ты не взялъ сюда мою старую бабушку?

— Отчего я не взялъ бабушку—ну, да оттого и не взялъ...

что стеречь квартиру осталась. Какъ-же я могъ взять ея?.. Да и куда-бы я ее посадилъ... въ моемъ тарантасѣ только и было два мѣста. Петя твой, и тотъ на козлахъ нашолъ себѣ помѣщеніе.

— И отчего-же это онъ вдругъ такъ заболѣлъ?.. Такъ вдругъ заболѣлъ!

— А оттого и заболѣлъ, что... ходилъ по избамъ... тифъ схватилъ... Ты смотри у меня, не смѣй, ходя по деревнѣ, въ избы заглядывать. Слышишь?

Саша ничего на это не отвѣтила. Ей хотѣлось не отвѣчать, а спрашивать.

— А что за человекъ Аркадѣевъ—хорошій онъ?

— Да вѣдь ты-же его знаешь, Саша, мы у него гостили.

— Гостили-то мы гостили, это да; но отчего-же онъ такъ струсилъ, когда сказали, что Петя боленъ и что у него горячка?

— Отчего?.. Оттого, что заразы струсилъ... умирать не хочется...

— А! нѣтъ...

— Что „нѣтъ“?

— Онъ умирать хочетъ... Помнишь, батя—онъ каждый день говорилъ: „охъ, охъ, охъ, не зачѣмъ жить — умирать пора!..“

— Да мало-ли что! Мы всегда умирать не прочь, пока дуемаемъ, что смерть еще за горами...

— За какими горами?

— Такъ говорится... Какая ты безтолковая... „За горами“ — значитъ далеко...

И затѣмъ Орѣшинъ, минуты три спустя, спросилъ свою любимицу: писала-ли она къ бабушкѣ, такъ-какъ Петя не даромъ-же писать ее выучилъ.

— Выучить-то выучилъ, да плохо еще, пожалуй я напишу, только плохо... А Петѣ я уже писала...

— Что-же ты писала?

— Что-бъ онъ скорѣй пріѣзжалъ.

— А отвѣтъ получила? минуты три спустя, спросилъ Орѣшинъ.

— Ни... Батя, пошли завтра спросить, живъ-ли онъ, легли ему?

— Да я посылалъ уже, и письмо получилъ отъ Аркадѣева. Пишетъ, что Петя всталъ съ постели. Я радъ, душа моя, очень

радъ... Хочешь, прочту тебѣ, что пишетъ Аркадьевъ?.. Поди принеси... У меня на столѣ подъ прессы-папье сегодняшнее, утреннее письмо найдешь въ конвертѣ—бумага такая атласистая, съ вензелемъ.

Саша принесла письмо съ вензелемъ. Орѣшинъ надѣлъ очки и сталъ читать:

„Сегодня, другъ мой, утромъ я засталъ Петра Егорыча на балконѣ—вышелъ провѣтриться (Слышишь, Саша... на балконѣ... значитъ, силы восстанавлиются!)... Славный онъ, должно быть, малый, продолжалъ читать Орѣшинъ.—Я уже предчувствую, что мы будемъ друзьями... Разумѣется, онъ будетъ другъ, въ глубинѣ души своей меня презирающій, а я буду другъ его, въ глубинѣ души своей его сожалеющій... (Эдакій чудакъ!..) Докторъ изъ уѣзда, который не иначе входилъ къ нему, какъ предварительно снявши сюртукъ и брюки, не смѣлъ ко мнѣ и приближаться, прежде чѣмъ одеколономъ не вымывалъ себѣ руки и бороду. Разъ говорилъ онъ мнѣ, какъ твой юнецъ въ забытѣ называлъ его Надой и такъ глядѣлъ на него, точно онъ не обрубокъ мужского пола, а существо съ полной грудью и алыми губками“.

— Ну, дальше не касающееся и не интересное... пробурчалъ Орѣшинъ, какъ-бы раскаяваясь, что прочелъ Сашѣ послѣднюю фразу.

Черными и большими, большими глазами, какъ-бы остановившимися на блѣдномъ, похудѣвшемъ личикѣ, смотрѣла дѣвочка на старика и думала: „Если такъ, то онъ скоро пріѣдетъ“. Больше она ни о чемъ не подумала.

Орѣшинъ-же въ эту минуту не замѣчалъ ни Саши, ни черныхъ глазъ ея, съ рѣдко мигавшими рѣсницами,—онъ дочитывалъ письмо своего старого друга или, лучше сказать, перечитывалъ.

„Что мы ни предпринимаемъ, дружище Аполлонъ Карпычъ—писалъ къ нему Аркадьевъ,—ничего не будетъ: наша пѣсенка спѣта... ничего мы съ тобой не подѣлаемъ!.. Что значить какой-нибудь Петя Клинь, бѣдный юнецъ, живущій уроками? Что онъ значить передъ нами, столбовыми дворянами и полураззорившимися, нѣкогда очень богатыми помѣщиками? Повидимому—ничего не значить; а между тѣмъ мы съ тобой ни куда передъ

нимъ не годился: онъ не брезгливъ, а мы брезгливы; онъ не боится ходить по зараженнымъ избамъ—а мы боимся... Его поражаютъ соломенные кровли, обдерганныя вѣтрами и безкормицей, грязь, тѣснота и нищета крестьянскаго житья-бытья,—а мы ко всему этому приглядѣлись и приюхались... Живемъ по деревнямъ и будто-бы хозяйничаемъ, а въ сущности кое-какъ прозабаемъ; все идетъ мимо нашихъ рукъ, и даже доходы съ земли не всё попадаютъ къ намъ—не съ чѣмъ и за-границу вѣхать. Да, братъ, наша пѣсенка спѣта... Затянулъ кто-то другую пѣсню, и мы, старики, хоть иногда и стараемся ей подтягивать—выходить фальшь... Голосу не хватаетъ, да и содержанье пѣсѣнки-то этой намъ не по вкусу...: Что будетъ? Аллахъ это вѣдаетъ... Много мы съ тобой спорили, ни до чего не доспорились, а юный Кливъ слушалъ, молчалъ, смекалъ и вывелъ изъ нашихъ споровъ свои собственные заключенія, потому-что у него своя собственная, а не наша логика... Наша логика учила насъ свободолюбію, а его логика учить его народолюбію... Мы дошли до самобичеванія, а до чего дойдутъ они—не знаю... Да, больной твой,—малый, интересный для меня, по крайней мѣрѣ, занимаетъ стараго болтуна и наблюдателя. Но... довольно. Прощай“.

ГЛАВА XX.

И такъ, напали мы, наконецъ, на слѣдъ нашего юноши... Онъ не на дачѣ у одного изъ своихъ товарищей, не въ лагерѣ повстанцевъ—на границахъ Сербіи... Онъ заболѣлъ и уже выздоравливаетъ въ усадьбѣ какаго-то помѣщика, по фамиліи Аркадьева.

Какъ онъ попалъ туда—дѣло понятное. Онъ думалъ на нѣсколько дней спрятаться подъ крыло своей старой Мавры, въ пустой квартирѣ Орѣшина, и послать объявленіе объ урокахъ въ отъѣздъ; но генерала засталъ онъ наканунѣ выѣзда и на другой день вечеромъ уѣхалъ съ нимъ.

Глядя со стороны, съ точки зрѣнія разсудительнаго читателя, Петя былъ счастливецъ: и мачиха къ нему благоволила, и Ксенія и Дуня были влюблены въ него, и старая Мавра по немъ вздыхала, и Надя, и даже дѣвочка Саша были къ нему привязаны... Казалось, какъ - бы не жить, какъ - бы не благословлять судьбу

своей? Увы! Петя ничего этого не сознавалъ, ему было все равно... Убѣдившись, что Надя нисколько, ни на волосъ не влюблена въ него, онъ уже вообразилъ себѣ, что въ сущности онъ ни кому не нуженъ, что всѣ остальные привязанности, также какъ и тѣ улыбки, тѣ глазки, какіе строили ему дѣвочки въ аллеяхъ Демидова сада, ничего, гроша мѣднаго не стоятъ.

По юношески претендующій на реализмъ и рано осмѣивающій романтиковъ, точно также по юношески жаждалъ онъ этого романтизма—любви великой, глубоко искренней и самоотверженной, и въ то-же время не считалъ себя достойнымъ даже дружбы... „Что я за человѣкъ!“ думалъ онъ.— „Экзаменовъ, и тѣхъ не выдержалъ, цѣли, къ которой восемь лѣтъ стремился, и той достичь не могъ!.. Какъ дуракъ попалъ въ число недоучекъ, ни кому не нужныхъ, ни на что не годныхъ!“..

Одинока, мрачна и безотраднa была душа его... Москва (гдѣ, впрочемъ, и однихъ сутокъ не пробылъ онъ) нисколько его не разсѣяла...

Очутившись въ усадьбѣ Аркадьева, онъ появлялся только къ обѣду и къ вечернему чаю. Остальное время пропадалъ, ходилъ по деревнѣ. Можетъ быть, неясная мечта сдѣлаться современемъ писателемъ, заставила его наблюдать это новое, ничтогой и грязью поразившее его, крестьянское житье-бытье... Аркадѣевъ сначала не обращалъ на него никакого вниманія. Потомъ Петя, какъ бука, какъ нелюдимъ и молчальникъ, заинтересовалъ его. Аркадѣевъ, Матвѣй Ѳедоровичъ, *болтунъ и наблюдатель*, былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Въ юности подавалъ онъ большія надежды, ѣздилъ въ Берлинъ изучать политическую экономію и увлекся философійю... слылъ филологомъ и либераломъ, лично знакомъ былъ и съ Гегелемъ, и съ Гейне. Затѣмъ полжизни прожилъ и три четверти своего состоянія истратилъ на женщинъ, путешествовалъ и не замѣтилъ какъ подкралась старость и какъ очутился онъ на самомъ днѣ, т. е. въ родномъ своемъ помѣстьѣ Поарковѣ, среди запустѣлаго сада и запущеннаго, давно не ремонтированнаго господскаго дома.

Отъ скуки онъ принялся наблюдать и хозяйничать, наблюдать и отчаяваться, хозяйничать—и тоже отчаяваться.

„Жить не стоитъ“, говорилъ онъ и—трусилъ смерти... безпрестанно наблюдалъ за своимъ здоровьемъ, за всѣми отправлениями

своего рыхлаго организма. Довѣрчивый добрякъ, мало-по-малу, подпалъ подъ власть своего стараго слуги Ивана, паче всего боялся чѣмъ-нибудь не угодить ему; а этотъ черномазый, лоснящійся, точно масломъ вымазанный старикъ Иванъ, какъ на дурачка, смотрѣлъ на своего ученика, просвѣщеннаго и либеральнаго барина.

Орѣшникъ и Саша собрались уѣзжать... Петя слегъ въ постель съ отяжелѣвшей головой и обезпамятѣлъ... Послали за уѣзднымъ докторомъ. Докторъ его освидѣтельствовалъ и объявилъ, что и думать нельзя о томъ, чтобъ куда-нибудь везти его, что у Пети горячка тифознаго свойства. Аркадьевъ пришелъ въ ужасъ... Но и тутъ добрый, мягко-гуманный человѣкъ сказался въ немъ: онъ упросилъ Орѣшника оставить больного на его попеченіи, благо была лишняя комната, та самая, гдѣ и спаль Петя, — съ лежанкой, съ окномъ на дворъ, столъ и двумя стульями.

Петю обертывали въ холодныя простыни и сажали въ ванну, и только въ эти минуты онъ смутно сознавалъ, что боленъ и что его лечатъ.

Но не будемъ вдаваться въ подробности.

Петя очнулся и сталъ выздоравливать, и каждая мелочь, какъ ребенка, стала занимать его... Въ особенности старый, кое-гдѣ облупленный портретъ дамы прошлаго столѣтія, въ напудренныхъ волосахъ, робронахъ и фижахъ, съ черными приподнятыми бровками, обратилъ на себя его вниманіе. Портретъ безъ рамы, пыльный и засиженный мухами, висѣлъ на стѣнѣ и, казалось, говорилъ ему: „какъ! неужели и ты забылъ меня? Ахъ, какъ это странно! Какъ это странно!“

На изразцовой лежанкѣ стояли чайникъ, грѣлка съ спиртовой лампочкой, какой-то кожаный футлярчикъ, столовые часики и бронзовой шандаль въ видѣ коринфской колонны.

Окно было раскрыто настежь, половину двора освѣщало солнце, пестрѣло развѣшанное бѣлье и колыхалось на теплому вѣтрѣ.

Петя заглянулъ въ окно — изъ кухни вышелъ поваренокъ съ кострюлькой, пополоскалъ ее и вылилъ. Дворовый пестъ у колодца стоялъ на заднихъ лапахъ и, перегнувшись въ колодезь, доставалъ воду языкомъ и ласкалъ. Поваренокъ бросилъ въ него щепкой и, неужелюже повернувшись, опять ушелъ въ кухню. Со-

бака, напившись, подбѣжала къ кухонной двери, понюхала щель и, повертѣвшись на одною мѣстѣ, улеглась на крылечкѣ.

Но что всего комичнѣе казалось Петѣ, это—лицо загорѣлое, четверугольное, съ отвислыми щеками и краснымъ носомъ, напоминавшимъ индѣйскаго пѣтуха,—лицо, испуганно заглядывавшее къ нему въ комнату, несомнѣнно принадлежавшее самому старику-хозяину. Петя видѣлъ его соболѣзную выраженіе, раскрытый ротъ и приподнятыя сѣдыя брови.

„Не надо-ли вамъ чего-нибудь? спрашивалъ его изъ двери Матвѣй Федоровичъ.— Не хотите-ли бульону?“ И черезъ часъ поваренокъ приносилъ выздоравливающему чашку бульону или стаканъ парного молока.

Только на тринадцатый день Петя почувствовавъ себя въ силахъ подняться, надѣтъ на себя, вмѣсто халата, старую гимназическую шинель и пробраться на балконъ, пользуясь тишиной и безлюдіемъ дома. Это было утрою около восьми часовъ, послѣ проливного дождя, осушаемаго блескомъ уже высоко стоявшаго солнца. Балконъ выходилъ на поляну, замыкаемую оврагомъ и перекрещенную двумя дорогами, изъ которыхъ одна шла въ лѣсъ, другая къ дому. Деревенскія избы толпились за оврагомъ, на днѣ котораго протекала обмелѣвшая рѣчка, полоскались утки и нѣжились свиньи.

Съ жадностью Петя вдыхалъ въ себя влажный утренній воздухъ... Все петербургское:— экзамены, мачиха, обманывающая мужа, отецъ, богатѣющій взятками, и даже образъ Нади,— какъ-бы выдохлось и уже не развѣдало души его... Ему хотѣлось перейти поляну и тамъ, на краю обрыва, лечь на травѣ, глядѣть и ни о чемъ не думать.

„Какая, однако, жалкая деревушка!“ думалъ Петя, „хоть-бы скамеечки возлѣ избъ, хоть-бы палисадники, ничего!.. Даже подсолнечниковъ не видать!.. Вонъ опять потянулись куда-то бабы... поутѣ... Подумаешь, веселятся... А во снѣ или на яву видѣлъ я эту большую дѣвочку, съ свинцовымъ лицомъ, съ запекшимися губами!.. Я стоялъ, смотрѣлъ... я даже забылъ зачѣмъ, я забрелъ въ эту клѣтъ. Отъ духоты и сирада у меня голова кружилась... „Чего пришелъ!“ слышу я старушечій голосъ, „и безъ тебя помереть!“... Глаза больной мутно и тревожно поглядѣли въ сторону, изъ груди вырвался подавленный стонъ... а куры ходили

подъ лавкой и кудахтали... а широкія щели зіяли, и потолокъ былъ черный, и земляной полъ былъ изрытъ, и тараканы бѣгали по голымъ, обочевѣлымъ ногамъ умирающей, и старуха жевала какую-то корку, и ни какой жалости не было на этомъ деревянномъ, коричневомъ лицѣ, съ отвислымъ подбородкомъ, въ видѣ мѣшечка, и провалами на щекахъ, сухихъ и скуластыхъ“...

„Скверный сонъ, подумалъ Петя... А что, если я пойду туда, и узнаю... Меня лечили, неужели-же ихъ никто не лечитъ и никто не помогаетъ этой крестьянской дѣвочкѣ?“...

Но обаятельная сила солнечнаго свѣта, тепла, зелени и простора опять затушевала въ памяти его этотъ скверный сонъ или эту, впервые познаваемую имъ дѣйствительность... Петя вспомнилъ добраго Орѣшина, маленькую Сашу, съ блѣдно-матовымъ личикомъ и черными, какъ бархатъ, вопрошающими глазами, и его потянуло къ нимъ...

Но вдругъ, сзади его послышался скрипучій и въ то-же время симпатическій голосъ стараго Аркадьева... Петя съ балюстрады поднялъ свою, подпертую локтями, косматую голову и оглянулся. Аркадѣвъ стоялъ въ дверяхъ, въ теплой шерстяной фуфайкѣ сверхъ клетчатаго лѣтнаго бѣлья, въ шотландской шапочкѣ, въ замшевыхъ сапогахъ и въ шароварахъ верблюжьяго цвѣта; въ рукахъ его была стьяночка со спиртомъ, которую онъ тотчасъ-же и поднесъ къ своему жирному носу, какъ только Петя обернулся на его привѣтливый голосъ: „Какъ вы себя чувствуете?“.

— Сидите, сидите, не вставайте, что за церемони. А давно прошли у васъ эти пятна или сыпь?

Онъ подаль Петѣ и тотчасъ какъ-то испуганно-нервно отнял у него свою мягкую, теплую руку, такъ-что Петѣ не удалось и пожать ее.

— Я непростительно трусливъ и малодушенъ. Вы за это въ правѣ презирать меня... Но что дѣлать—жить тяжело, а умирать и северно, и подло... И знаете, Петръ Егоровичъ, почему особенно я радъ, что вы не умерли? Васъ-бы не стали хоронить: нивакого у васъ вида нѣтъ... и если есть, то, можетъ-быть, его увезъ Орѣшинъ, и вышла-бы исторія. „Кто такой?“ спросилъ-бы становой и тамъ... вся эта наша уѣздная полиція... И чтобы я тогда отвѣтилъ? Мы живемъ въ такое время, что скажи родной сынъ, что это родной отецъ его—безъ документовъ никто

не повѣрить. На эту мысль навелъ меня этотъ докторъ... Онъ очень боялся, что вы не выживете... Слава Богу, что такъ случилось, что вашъ организмъ устоялъ...

Петя извинился, что надѣлалъ такихъ тревогъ и признался, что аттестата своего онъ не захватилъ съ собой, но что онъ напишетъ директору и попроситъ ему выслать его на имя Орѣшина.

— Такъ и сдѣлайте, сказалъ Аркадьевъ. — И если вы еще не пили чаю, пойдите чай пить.

Мало-по-малу старикъ и юноша настолько сошлись, что могли откровенно другъ съ другомъ разговаривать. Знаменательное это было время для Пети. Онъ знакомился съ человѣкомъ, который въ Европѣ слылъ за образецъ воистину образованнаго русскаго, а на русской почвѣ былъ подчасъ хуже малаго ребенка, зналъ не только политическую экономію во всѣхъ ея фазисахъ, не только изучалъ всѣхъ современныхъ социалистовъ, но и писалъ на нихъ критическія статьи, по-французски и по-англійски, а хозяйство свое велъ до того плохо, что для всей окрестности сталъ какъ-бы нарицательнымъ именемъ плохого хозяина. Понималъ Фауста, понималъ направленіе современныхъ идей въ литературѣ и въ искусствахъ, а русскаго мужика никакъ понять не могъ. Россія для него была загадкой... Жизнь крестьянской семьи, безъ кухни и спальни, казалась ему абсурдомъ, какой-то дикой невозможностью, облеченной въ очевидность, самую несомнѣнную. Никакъ не могъ онъ понять, отчего чѣмъ плодороднѣе земля и чѣмъ больше даетъ она хлѣба, тѣмъ бѣднѣе русскіе мужики, и наоборотъ—чѣмъ хуже земля, тѣмъ они богаче. Явленіе совершенно чуждое, непонятное для европейскаго ума его. Несмотря на всю его щедрость и благорасположеніе къ крестьянамъ, онъ не пользовался ни ихъ любовью, ни ихъ довѣріемъ. И опять онъ никакъ понять не могъ, отчего мужикъ пойдетъ скорѣй къ булаку за помощью, чѣмъ къ нему, русскому, великодушному барину...

Онъ жилъ какъ-бы въ царствѣ какихъ-то недоразумѣній, явныхъ противрѣчій и положительно не зналъ, какъ ему вести себя.

Онъ былъ не лѣнивъ, напротивъ, дѣлательнъ и даже неутомимъ, но никто его не слушался, и все, что ни затѣвалъ онъ, оказывалось ему въ убытокъ, тогда-какъ по расчету выходилъ барышъ. Онъ доходилъ до того, что хотѣлъ все бросить и бѣ-

жать куда глаза глядятъ, хваталъ себя за голову, бѣгалъ по комнатамъ и визжалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, такъ жить нельзя! Нельзя такъ жить!..“

И все жилъ, все думалъ на столько поправиться въ денежномъ отношеніи, чтобъ уѣхать за границу и тамъ вздохнуть свободнѣе...

Изъ школы, которую завелъ онъ, въ продолженіи послѣднихъ 6-ти лѣтъ вышло до тридцати грамотныхъ мальчиковъ; онъ объ нихъ заботился, даже снабжалъ ихъ книгами; но оттого-ли, что они начитались книгъ, которыя онъ давалъ имъ, или просто потому, что куда-то въ даль потянуло ихъ,—ни одинъ изъ грамотныхъ не остался при семьѣ, ни одинъ не взялся за полевую работу, и всѣ ушли промышлять. Кто записался въ мѣщане, кто сталъ торговать пряниками, кто поступилъ въ трактиръ половымъ, и только одинъ изъ нихъ, самый негодный изъ всѣхъ и въ добавокъ пьяница, остался въ селѣ писаремъ при волостномъ правленіи.

Выписанныя имъ машины,—жатвенная, молотилка и сѣялка,—работали съ небольшимъ годъ, затѣмъ сломались, и не кому было чинить ихъ. Тотъ, кто взялся чинить, лучше-бы и не брался. Пришлось выписывать мастеровъ изъ Тулы, и во-что все это обходилось Аркадьеву—Аллахъ вѣдаетъ...

То записывалъ онъ каждую копѣйку, то принимался за чтеніе или увлекался перепиской съ пріятелями и совершенно забывалъ всякіе счеты, такъ-что въ концѣ мѣсяца самъ иногда не зналъ куда ушли его деньги...

— Чортъ знаетъ, что это такое! говорилъ онъ однажды, разставивъ руки:—было пятьсотъ, остается 211; куда-же ушли 289 рублей? Пфу!“

И почесавши затылокъ, призвалъ онъ своего тирана Ивана и спросилъ его, куда въ продолженіи одного мѣсяца ушли у него 289 рублей?..

— А почему я знаю! зарычалъ на него Иванъ.—Я не вралъ у васъ!..

— Знаю, что ты не вралъ, но куда-же ушли они? Пфу...

— А сколько вы въ Петровъ день бабамъ дали на водку?

— Бабамъ на водку... ну восемь, ну десять, наконецъ...

— Ну вотъ десять... А сколько вы дали повару на провизию? А какъ пріѣзжалъ Офонкинъ съ женой, на сколько вина

приказывали купить?... Мало-ли у васъ всякихъ прихотей-то, да-съ. Вы тутъ швыряете... бабамъ на водку даете, а тутъ сами удивляетесь...

При этомъ Аркадьевъ вспомнилъ, что онъ выписалъ изъ Тулы самоваръ, на стеклянномъ заводѣ заказывалъ колпагъ для часовъ, купилъ коричневый пледъ съ красными разводами... и все-таки ворчалъ „Пфу, ты пропасть!“...

— Пфу! сердито отозвался Иванъ.—Сами вы не знаете, что говорите... и ушелъ, шмыгая ногами въ смазныхъ сапогахъ и заложа руку за пазуху.

Вотъ какого рода былъ человекъ или помѣщикъ, къ которому судьба забросила Петю.

Орѣшинъ былъ нѣсколько въ томъ-же родѣ; но тотъ совершенно иначе надувалъ себя. По своей натурѣ, ограниченно дѣловой и аккуратный, онъ былъ созданъ для службъ и кабинетныхъ занятій. Только потеря семьи сдѣлала его страннымъ, разсѣяннымъ, какимъ-то галлюциномъ и, такъ сказать, на свой образецъ религиознымъ. Онъ вѣрилъ въ загробную любовь жены, и что-же мудренаго, что позорище торжественно-пышныхъ и бѣдныхъ похоронныхъ процессій, понафиды и могилы нисколько не смущали Орѣшина. Онъ и самъ уже одной ногой стоялъ въ могилѣ. И если нигилисты, о которыхъ только изъ книгъ онъ имѣлъ понятіе, тревожили умъ его, то надо-же было чѣмъ-нибудь тревожиться... Живой человекъ и мертвый покой — двѣ вещи не совмѣстимы.

Петя и Аркадьевъ потому, быть можетъ, и сошлись, что одинъ не понималъ народа, потому-что сквозь готовые, западно-либеральные очки наблюдалъ его; а другой не понималъ его просто потому, что впервые отъ роду лицомъ къ лицу столкнулся съ нимъ. Но Аркадьевъ, какъ человекъ уже значительно пожилой, отчаялся и за себя, и за народъ, и за его будущность; а юный Клинь напротивъ, вѣрилъ, что все измѣнится къ лучшему, если только люди умные и честные во что-бы то ни стало пожелаютъ этого лучшаго. Онъ даже вдругъ, послѣ одного спора съ Аркадьевымъ, сказалъ ему: „Вы думаете только о томъ, чтобъ и имъ было хорошо и вамъ хорошо. Нѣтъ, вы думайте такъ: пусть имъ будетъ скверно, а имъ хорошо... Тогда весь этотъ хаосъ, быть можетъ, и придетъ въ равновѣсіе“...

Ареадьевъ поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Дай вамъ Богъ! Только не попадите въ угарную комнату... Тамъ непременно угорите: вамъ будетъ скверно, но зато и народу не будетъ легче...

Петя не вдругъ понялъ, что значить попасть въ угарную комнату. Наконецъ, понялъ и задумался.

Я. Поконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НУМА РУМЕСТАНЪ.

РОМАНЪ

Альфонса Додэ.

ГЛАВА XII.

На водахъ.

Въ то утро, когда „Газета для купающихся“ объявила, что его превосходительство господинъ министръ народного просвѣщенія, Бомпаръ-атташе, и ихъ свита остановились въ Alpes Dauphinoises, въ окрестныхъ гостинницахъ царствовало большое смущеніе. La Laita какъ-разъ вотъ уже два дня берегла про запасъ католическаго епископа изъ Женевы, чтобы щегольнуть имъ въ надлежащій моментъ; въ томъ-же смыслѣ она рассчитывала на генеральнаго совѣтника изъ департамента Изеры, на помощника судьи изъ Танти, нѣ архитектора изъ Бостона, словомъ—на цѣлый рядъ персонажей. La Chevrette также поджидала какого-то „депутата изъ департамента Роны, съ семействомъ“. Но и депутатъ и помощникъ судьи—все исчезло и блекло въ яркомъ сияніи славы, которое всюду сопровождало Нуму Руместана. Только о немъ и говорили, только имъ и занимались. Пользовались всевозможными предлогами, чтобы проникнуть въ Alpes Dauphinoises, пройти мимо выходявшаго въ садъ маленькаго салона въ первомъ этажѣ, гдѣ министръ обѣдалъ въ обществѣ своихъ дамъ и своего атташе, посмотреть, какъ онъ забавляется любезною для каждаго южанина игрою въ шары съ миссіонеромъ, отцомъ Оливьери,

святымъ человѣкомъ, который отличается чрезвычайно обильною растительностью и, вслѣдствіе долгой жизни съ дикарями, перепялъ многія ихъ манеры; — прицѣливаясь, издавалъ какіе-то ужасные крики, а собираясь бросить шаръ, размахивалъ имъ надъ головою, какъ томагаукомъ. Красивое лицо министра, его плавныя манеры, а въ особенности его симпатія къ простымъ людямъ очаровали всѣхъ.

На другой день послѣ его пріѣзда оба гарсона, прислуживавшіе въ первомъ этажѣ, объявили въ кухнѣ, что министръ беретъ ихъ съ собою въ Парижъ къ себѣ въ услуженіе. Такъ-какъ это были хорошіе слуги, то мадамъ Ложронъ скорчила гримасу, но ничѣмъ не показала своего неудовольствія его превосходительству, который своимъ присутствіемъ оказывалъ такую честь ея гостинницѣ. Префектъ и ректоръ пріѣзжали изъ Гренобля, чтобы засвидѣтельствовать Руместану свое почтеніе. Аббатъ Великой-Шартрезы, отъ имени которой Нума велъ когда-то процессъ противъ монаховъ Премонтрезіанскаго ордена и ихъ элексира, — торжественно преподнесъ ему ящикъ съ тончайшимъ ликеромъ. Наконецъ, префектъ изъ Шамбери пріѣзжалъ за приказаніями насчетъ церемоніи закладки перваго камня при основаніи новаго лицея, которая должна была послужить поводомъ къ тенденціозной рѣчи и къ революціи нравовъ, господствовавшихъ до сихъ поръ въ университетахъ. Но министръ потребовалъ небольшой отсрочки торжества; работы послѣдней сессіи утомили его, онъ желалъ вздохнуть, успокоиться въ кругу родныхъ и на досугѣ приготовить эту рѣчь, которая должна была имѣть такое важное значеніе. Префектъ заявилъ, что прекрасно понимаетъ это, и только попросилъ увѣдомить его за два дня до срока, чтобы онъ могъ организовать церемонію съ необходимымъ блескомъ. Камень дождался уже два мѣсяца, а стало-быть, могъ подождать и еще, пока не заблагоразсудится знаменитому оратору.

На самомъ-же дѣлѣ Руместана удерживали въ Арвиллярѣ не потребность отдыха и необходимость досуга, такъ-какъ время и размышленіе производили на этого удивительнаго импровизатора такое-же дѣйствіе, какъ сырость на фосфоръ; — его удерживала Алиса Башелери. Послѣ пяти-мѣсячнаго страстнаго кокетничанья и заигрыванья, Нума все еще былъ въ тѣхъ-же отношеніяхъ съ своей „крошкой“, какъ въ день ихъ первой встрѣчи. Онъ бывалъ

у нихъ въ домѣ, ѣлъ приготовленную по всеѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства bouillabaisse госпожи Башелери, слушалъ шансонетки бывшаго директора Folies Bordelaises, отплачивалъ за эти скромныя одолженія множествомъ подарковъ, букетами, билетами въ министерскую ложу, на засѣданіе института, въ палату, и даже выхлопоталъ для сочинителя шансонетокъ академическій знакъ, но, несмотря на это, нисколько не подвигалъ впередъ своего дѣла. А между тѣмъ онъ далеко не принадлежалъ къ числу тѣхъ новичковъ, которые ходятъ на рыбную ловлю во всякое время дня, не изслѣдовавъ предварительно мѣста и не набросавъ въ воду прикорму. Но онъ имѣлъ дѣло съ самой лукавой, съ самой хитрой золотой рыбкой, которая издѣвалась надъ всеѣми его ухищреніями, клевала кормъ на крючекъ, иногда заставляла его думать, что попалась, и внезапно ускользала, оставляя его съ пересохшимъ отъ сладострастныхъ желаній ртомъ, съ сердцемъ, взволнованнымъ созерцаніемъ ея гибкой, волнистой, заманчивой спинки. Игра эта способна была раздражить до послѣдней степени. Но Нума каждую минуту могъ прекратить ее, согласившись доставить Алисѣ то, чего она требовала, а именно назначенія ея первую пѣвицею оперы, съ контрактомъ на пять лѣтъ, съ большимъ жалованьемъ, съ отдѣльною платою за каждый выходъ и съ обязательствомъ печатать ея имя на афишахъ крупными буквами, и все это скрѣпленное на гербовой бумагѣ, а не простымъ рукопожатіемъ Кардальяка съ его обычнымъ — „ну, по рукамъ!“ Она не вѣрила въ эту гарантію точно такъ-же, какъ и въ увѣренія Руместана, который уже пять мѣсяцевъ тщетно старался прельстить ее пустыми фразами, въ родѣ: „Я отвѣчаю вамъ... это такъ-же вѣрно, какъ если-бы вы уже имѣли его въ рукахъ“...

А требованіе Алисы влекло за собою еще другое. „Хорошо, говорилъ Кардальякъ, — если вы возобновите мой контрактъ“. А вѣдь онъ давно прогорѣлъ и вполнѣ доказалъ свою негодность; его присутствіе во главѣ перваго музыкальнаго театра было скандаломъ, пятномъ, позорнымъ наслѣдіемъ императорской администраціи. Пресса, разумѣется, будетъ протестовать противъ этого биржевого игрока, обанкротившагося три раза и не имѣвшаго права носить свой офицерскій крестъ, противъ циническаго „выстищика“, безъ всякаго стыда швырявшаго общественными деньгами.

Наконецъ, утомленная тщетными усилиями заставить изловить себя, Алиса оборвала лесу и ушла, таща за собою крючекъ.

Въ одинъ прекрасный день министръ, прїѣхавъ къ Башелери, нашелъ домъ опустѣвшимъ и встрѣтилъ только отца пѣвицы, который, въ утѣшеніе пропѣлъ ему свою послѣднюю шансонетку:

Donne moi d'quoi q'tas, t'augas d'quoi qu'jai...

Употребивъ всѣ усилія, чтобы не приходиться въ теченіи мѣсяца, онъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и снова посѣтилъ плодовитаго сочинителя шансонетокъ, воспѣшившаго пропѣть ему самую послѣднюю, —

Quand le saucisson va, tout va...

и объявить, что его дамы, чувствующія себя превосходно на водахъ, намѣрены остаться тамъ вдвое дольше. Тогда, наконецъ, Руместанъ вспомнилъ, что его ждуть въ Шамбери для закладки новаго лица. Это было одно изъ его обычныхъ, брошенныхъ на воздухъ обѣщаній, которое, вѣроятно, осталось-бы безъ послѣдствій, если-бы Шамбери не находилось по сосѣдству съ Арвильяржъ, куда, благодаря счастливой случайности, Жаррасъ, врачъ и другъ министра, послалъ мадмуазель Ле-Беснуа.

Тотчасъ послѣ прїѣзда они встрѣтились въ саду гостинницы. Она казалась очень удивленною при видѣ его, какъ-будто сегодня-же утромъ не читала торжественнаго извѣстія въ „Газетѣ для купающихся“, какъ-будто въ продолженіи цѣлой недѣли уже вся долина тысячекратнымъ голосомъ своихъ лѣсовъ, источниковъ и безчисленныхъ отголосковъ не возвѣщала о прїѣздѣ его превосходительства.

— Вы, здѣсь?

А онъ, принимая самый важный, внушительный министерскій видъ, отвѣтилъ:

— Я прїѣхалъ навѣстить свою свояченицу.

Онъ выразилъ свое удивленіе, что еще встрѣтилъ мадмуазель Башелери въ Арвильяржъ. Онъ думалъ, что она уже давно уѣхала.

— Боже мой! по неволѣ приходится лечиться, когда Кардальжъ находить, что у меня такой больной голосъ.

За этимъ слѣдовалъ легкій парижскій повлонтъ, заключающійся въ движеніи кончиковъ рѣсницъ, и она удалилась, оглашая воздухъ серебрястой руладой, щебетаніемъ малиновки, которое слышншь еще долго послѣ того, какъ уже исчезла птичка. Но, начиная съ

этого дня, она совершенно измѣнила свои приѣмы. Это былъ уже не тотъ скороспѣлый ребенокъ, который вѣчно скакалъ по гостинницѣ, игралъ въ крокетъ съ г. Полежъ, качался на качеляхъ, увлекался невинными играми, всегда отъискивалъ дѣтское общество, обезоруживая самыхъ строгихъ маменокъ, самыхъ угрюмыхъ священниковъ своимъ невиннымъ смѣхомъ и аккуратнымъ посѣщеніемъ церкви. На сцену явилась Алиса Башелери, прославленная пѣвица изъ Bouffes, хорошенкій „Вулочникъ“, веселый и жаждавшій наслажденій; она окружила себя молодыми людьми, устраивала праздники, прогулки, ужины, которые, несмотря на постоянное присутствіе матери, давали поводъ къ разнымъ неслестнымъ для нея толкамъ.

Каждое утро у подѣзда гостинницы за часъ до появленія этихъ дамъ, облеченныхъ въ свѣтлыя платья, останавливалась коляска съ бѣлымъ, обшитымъ бахромю навѣсомъ; вокругъ нихъ гарцовала веселая кавалькада, въ составъ которой входили всѣ свободные, холостые мужчины изъ Alpes Dauphinoises и сосѣднихъ гостинницъ, — помощникъ судьи, американскій архитекторъ и въ особенности молодой человекъ съ упругостью, котораго пѣвица, по видимому, не приводила въ отчаяніе своими ребяческими выходками. Экипажъ нагружался плащами для возвращенія; на козлы ставилась объемистая корзина съ провизіей, и вся экспедиція быстро неслась по равнинѣ, направляясь въ Chartreuse—de-St.-Hugon, находившуюся въ горахъ, на разстояніи трехъ часовъ пути, по крутой, извилистой дорогѣ, на уровнѣ верхушекъ черныхъ сосенъ, лѣжившихся по склонамъ пропастей, спускавшихся къ быстрымъ, покрытымъ бѣлою пѣною потокамъ, — или въ Bramefagine, гдѣ можно позавтракать горнымъ сыромъ, запивая его мѣстнымъ, очень забористымъ, краснымъ виномъ, отъ котораго заплашутъ въ глазахъ Альпы, Монъ-Бланъ и весь дивный горизонтъ ледниковъ и синихъ хребтовъ, открывающійся оттуда, усыянный маленькими озерами, свѣтлыми лоскутками у подножія скалъ, похожими на обломки небесной лазури. Здѣсь спускались въ салазкахъ изъ зеленыхъ вѣтвей, безъ спинки, которыя скользили по отвесамъ, подъ управленіемъ горца, все прямо впередъ по бархатному ковру луговъ и по каменистому руслу изсякшихъ потоковъ, несясь съ одинаковою быстротою по каменистой почвѣ и по широкимъ извилинамъ ручья, такъ-что, очутившись внизу, вы чувствовали себя

ослѣпленнымъ, разбитымъ, съ дрожью во всемъ тѣлѣ; голова вапша кружилась и вамъ казалось, какъ-будто вы остались въ живыхъ послѣ ужаснаго землетрясенія.

Но день заканчивался вполне достойно только тогда, когда вся кавалькада до костей промокала въ дорогѣ подъ горною грозою съ молніями и градомъ, которая пугала лошадей, придавала пейзажу драматическій характеръ и способствовала возвращенію въ эффектной, оригинальной обстановкѣ: маленькая Башелери сидѣла на козлахъ въ мужскомъ пальто, въ шляпѣ, украшенной перомъ рябчика; она держала возжи и усердно стегала лошадей, чтобы согрѣться, а вернувшись, рассказывала объ опасностяхъ экскурсіи съ увлеченіемъ, звонкимъ голосомъ, съ блестящими глазами, со всѣми признаками того возбужденія, которое испытывалъ ея молодой организмъ послѣ холодного ливня и легкаго страха.

И хотя-бы она почувствовала послѣ этого потребность хорошенько выспаться, тѣмъ благодатнымъ, мертвымъ сномъ, которымъ спишь послѣ горныхъ экскурсій! Нѣтъ, — вплоть до утра въ комнатѣ этихъ женщинъ раздавались пѣсни, хохотъ, звуки раскупориваемыхъ бутылокъ; слышно было, какъ въ это позднее время имъ въ комнату носили консомацию, какъ сдвигали столы для игры въ баккара, — и все это надъ головою министра, помѣщеніе котораго находилось какъ-разъ подъ ихъ комнатами.

Нѣсколько разъ онъ жаловался мадамъ Ложронъ; она не знала, какъ ей быть, желая услужить его превосходительству и боясь вмѣстѣ съ тѣмъ разсердить такихъ выгодныхъ жилищъ. Да и возможно-ли быть очень взыскательнымъ въ такихъ гостиницахъ, то и дѣло оглашаемыхъ суматохою отъѣздовъ или пріѣздовъ среди ночи, грохотомъ чемодановъ, стукомъ, который поднимаютъ какіе-нибудь туристы, чуть свѣтъ собравшіеся въ горы, своими тяжелыми башмаками и окованными желѣзомъ пальцами, и наконецъ, кашлемъ больныхъ, этими ужасными, потрясающими, безконечными приступами кашля, которые представляютъ нѣчто среднее между хрипомъ, рыданіемъ и крикомъ охрипшаго пѣтуха?

Руместанъ, конечно, могъ-бы воспользоваться для приготовленія своей рѣчи этими душными, безсонными іюльскими ночами, которыя онъ проводилъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, лежа въ постели и перебирая въ головѣ докучливыя думы, между тѣмъ какъ на верху раздавался звонкій смѣхъ его сосѣдки,

прерываемый остроумными замѣчаніями и намеками. Но онъ былъ слишкомъ возбужденъ, слишкомъ взбѣшенъ для того, чтобы думать о своей рѣчи; онъ положительно боролся противъ желанія отправиться на верхъ, вытолкать за дверь упругаго молодого человѣка, американскаго архитектора и этого мерзавца, помощника судьи, который былъ истиннымъ позоромъ французской магистратуры въ колоніяхъ, схватить эту маленькую жестокую злодѣйку за горло, за ея голубиное, вздутое руладами, горло и спросить ее разъ навсегда: „Скоро-ли вы перестанете меня такъ мучить?“ Наконецъ, чтобы успокоиться и отогнать отъ себя эти видѣнія и другія, еще болѣе живныя и болѣзненные, онъ зажигалъ свѣчу, звалъ спавшаго въ сосѣдней комнатѣ Бошпара, своего неизменнаго довѣреннаго, свое эхо,—и они принимались говорить о маленькой Башелери. Ради этого Нума и привезъ сюда Бошпара, не безъ труда оторвавъ его отъ его машины для высиживания яицъ. Бошпаръ старался утѣшиться тѣмъ, что рассказывалъ о своемъ дѣлѣ отцу Оливьери, имѣвшему основательныя свѣденія о воспитаніи траусовъ, такъ какъ долго жилъ въ Капштатѣ.

Разказы миссіонера, его путешествія, его мученичество, разнообразныя способы, которыми мучили въ различныхъ странахъ этого человѣка, его крѣпкое, какъ у степного охотника, тѣло, которое жгли, пилили, колесовали,—все это вмѣстѣ съ свѣжими дунуновеніемъ вѣтра изъ шелковистыхъ, нѣжныхъ перьевъ, носившагося въ мечтахъ Бошпара, несравненно болѣе занимало впечатлительнаго южанина нежели исторія маленькой Башелери. Но онъ былъ такъ хорошо дрессированъ въ своей роли прихвостня, что даже посреди ночи Нума находилъ его всегда готовымъ расчувствоваться или прійти въ негодованіе вмѣстѣ съ нимъ, выражая на своей благородной фізіономіи, надъ которой торчали кончики повязаннаго вокругъ головы фуляра, гнѣвъ, иронію или состраданіе, смотря потому, шла-ли рѣчь о фальшивыхъ рѣсницахъ маленькой продувной кокетки, о ея шестнадцати годахъ, которые въ сущности равнялись двадцати-четыремъ, или о безнравственности ея матери, принимавшей участіе въ этихъ скандальныхъ оргіяхъ. Когда-же Руметанъ, изливши свою душу въ декламаціяхъ и жестивуляціяхъ, обнаруживъ всѣ больныя мѣста своего влюбленнаго сердца, тушилъ, наконецъ, свѣчу со словами: „Ну, до-

вольно... попробуемъ заснуть"... Бомпаръ, пользуясь темнотою, говорилъ ему передъ уходомъ:

— А я знаю, что-бы я сдѣлалъ на твоимъ мѣстѣ...

— Что?

— Я возобновилъ-бы контрактъ Кардальяка.

— Ни за что!

И порывистымъ движеніемъ онъ съ головою закутывался въ одѣяло, чтобы не слышать раздовавшагося надъ нимъ гама.

Разъ какъ-то, послѣ обѣда, когда въ паркѣ играла музыка, въ тотъ-часъ, когда болѣе всего оживляется кокетливая, болтливая общественная жизнь на водахъ, и всѣ обитатели гостиницъ, собравшись передъ бурзаломъ, словно на палубѣ корабля, ходили взадъ и впередъ, прогуливались вокругъ или усаживались на стульяхъ, уставленныхъ тремя тѣсными рядами — министръ, желая избѣгнуть встрѣчи съ мадмуазель Башелери, которая приближалась въ ослѣпительномъ синемъ, съ красною отдѣлкою, нарядѣ, въ сопровожденіи своего штаба, — скрылся въ пустую аллею; утѣвшись одиноко на концѣ скамьи, погрузившись въ свои думы, проникнутый меланхоліей, навѣваемой обстановкой и отдаленною музыкой, онъ машинально перебиралъ концомъ своего зонтика огненные брызги, которыми садившееся солнце заливало аллею. Какая-то тѣнь, медленно скользившая по свѣтлому фону, заставила его поднять глаза. Это былъ Бушро, знаменитый врачъ, съ блѣднымъ, отекившимъ лицомъ, съ тяжелою, вялою походкою. Они были знакомы, какъ, на извѣстной высотѣ общественной жизни, знакомы между собою всѣ парижане. Случайно Бушро, который не выходилъ уже впродолженіи нѣсколькихъ дней, сегодня былъ сообщителнѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ сѣлъ, и они разговорились.

— Развѣ вы больны, докторъ?

— Очень боленъ, отвѣчалъ Бушро, напоминавшій своими манерами дикаго кабана. — У меня наследственная болѣзнь... гипертрофія сердца. Моя мать, мои сестры умерли отъ той-же болѣзни... Но я проживу меньше ихъ, благодаря моему ужасному ремеслу; мнѣ осталось жить какой-нибудь годъ, много-много два.

Что кромѣ бесполезныхъ банальностей можно было придумать въ отвѣтъ этому великому ученому, этому непогрѣшимуому діагносту, говорившему о своей смерти съ такою спокойною увѣренностью? Ру-

местанъ понялъ это и промолчалъ, думая о томъ, насколько это горе серьезнѣе его собственнаго. Бушро продолжалъ, не глядя на Нуму, съ тѣмъ устремленнымъ въ пространство взглядомъ, съ тою неутомимою послѣдовательностью мыслей, которыя приобретаются привычкою къ кафедрѣ, къ лекціямъ:

— Судя по нашей внѣшности, обыкновенно думаютъ, что мы, врачи, ничего не чувствуемъ, что мы видимъ въ больномъ только болѣзнь, а не страдающее человѣческое существо. Это громадное заблужденіе!.. Я самъ видѣлъ, какъ мой учитель Дюпритрень, считавшійся совершенно закаленнымъ, безчувственнымъ человѣкомъ, плакалъ горькими слезами у постели больного дифтеритомъ ребенка, который тихо повторялъ, что ему не хочется умирать... А потрясающая мольба и отчаянныя матерей, эти руки, отчаянно сжимающія ваши руки: „Дитя мое! Спасите дитя мое!“ А отцы, которые стараются казаться спокойными и говорятъ вамъ твердымъ, мужественнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ по щекамъ ихъ катятся крупныя слезы: „Вы выручите его, не правда-ли, докторъ?“.. Какъ ни закаляйте себя, а такое отчаянныя возьметъ васъ за сердце; и можете себя вообразить, какъ это полезно, когда уже имѣешь болѣзнь сердца!.. Я вынесъ сорокъ лѣтъ практики, съ каждымъ днемъ становясь впечатлительнѣе и чувствительнѣе... Меня убили мои пациенты. Я умираю отъ чужихъ страданій.

— Но я думалъ, что вы уже не практикуете, докторъ, замѣтилъ министръ, взволнованный этою исповѣдью.

— О, нѣтъ, никогда и ни для кого. Если на моихъ глазахъ, вотъ здѣсь, передо мною упадетъ человѣкъ, я даже не нагнусь къ нему... Вы понимаете, вѣдь это, наконецъ, возмутительно, — эта болѣзнь, которую я вскоримилъ всѣми чужими недугами. Я хочу жить... Вѣдь кромѣ жизни нѣтъ ничего.

Онъ воодушевился, но лицо его по-прежнему сохраняло мертвенную блѣдность; его ноздри, отмѣченныя какимъ-то особеннымъ зловѣщимъ болѣзненнымъ знакомъ, жадно вдыхали легкій воздухъ, насыщенный влажнымъ ароматомъ, вибраціей музыкальной гармоніи и щебетаньемъ птицъ. Онъ продолжалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Я уже не занимаюсь практикой, но все-таки продолжаю быть врачомъ и по-прежнему обладаю роковымъ даромъ діагностики, этимъ ужаснымъ ясновидѣніемъ, которое позволяетъ мнѣ

уловить скрытые еще симптомы, разгадать страданія, скрываемя самимъ больнымъ, — ясновидѣнїемъ, благодаря которому, мелькомъ взглянувъ на проходящаго мимо меня человѣка, на существо, двигающееся, говорящее и дѣйствующее въ цвѣтѣ силъ и здоровья, я вижу въ немъ умирающаго, безжизненный трупъ... и вижу такъ-же ясно, какъ приближеніе того послѣдняго обморока, въ которомъ погибну самъ, изъ котораго ничто уже не вызоветъ меня къ жизни.

— Это ужасно, прошепталъ Нума, чувствуя, что блѣднѣеть. Какъ всѣ южане, страстно привязанный къ жизни, онъ трусилъ болѣзни и смерти, отвернулся отъ этого страшнаго ученаго и нерѣшался смотрѣть ему въ глаза, боясь, чтобы онъ не прочелъ на его румяномъ лицѣ предвѣстья близкой кончины.

— О, эта ужасная діагностическая способность, которой всѣ такъ завидуютъ, — какъ много она приноситъ мнѣ горя, какъ она отравляетъ тѣ немногіе дни, которые мнѣ осталось прожить!.. Да вотъ вамъ примѣръ: я знаю здѣсь одну несчастную женщину, сынъ которой лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ умеръ отъ горловой чахотки. Я видѣлъ его два раза, и одинъ я изъ всѣхъ врачей указалъ на серьезный характеръ его болѣзни. Теперь я встрѣчаю эту мать съ своею молодою дочерью; и увѣряю васъ, что присутствіе этихъ несчастныхъ портитъ все мое пребываніе на водахъ и причиняетъ мнѣ болѣе вреда, чѣмъ сколько леченіе можетъ принести пользы. Онѣ преслѣдуютъ меня, хотятъ со мною совѣтоваться, а я рѣшительно отъ этого отказываюсь... Незачѣмъ и выслушивать этого ребенка, чтобы убѣдиться, что она обречена. Достаточно было видѣть, какъ жадно она набросилась на чашку съ малиной, взглянуть во время ингаляцій на ея руку, опущенную на колѣни, — на эту худую руку съ вздутыми, выдающимися, какъ-будто готовыми отвалиться, ногтями! Она, какъ и братъ, страдаетъ чахоткою; она не проживетъ и года... Но пускай ей скажетъ это кто-нибудь другой. Достаточно уже я наносилъ такихъ смертельныхъ ударовъ, которые обращались противъ меня-же самого. Довольно съ меня!

Руместанъ, испуганный, поднялся съ мѣста.

— Знаете вы фамилію этихъ дамъ, докторъ?

— Нѣтъ; онѣ прислали мнѣ свою карточку, но я не хотѣлъ даже взглянуть на нее. Я знаю только, что онѣ живутъ въ нашей гостинницѣ.

Вдругъ, взглянувши въ глубину аллеи, онъ воскликнулъ:

— Ахъ, Боже мой, вотъ и онъ!.. Я бѣгу.

Тамъ, на кругу, гдѣ въ это время замиралъ послѣдній аккордъ оркестра, при первыхъ звукахъ колокола, съывавшаго къ обѣду, началось движеніе зонтиковъ, и между зелеными вѣтвями замелькали яркіе наряды. Отъ одной оживленной, разговаривавшей группы отдѣлилась мадамъ Ле-Кеснуа съ дочерью. Освѣщенная заходящимъ солнцемъ, Гортензія приближалась, высокая, стройная, въ кисейномъ, отдѣланномъ кружевами, платьѣ, въ шляпѣ, украшенной розами; въ рукахъ она держала букетъ изъ тѣхъ-же розъ, купленныхъ въ паркѣ.

— Съ кѣмъ это вы разговаривали, Нума? Мнѣ показалось, что это былъ докторъ Бушро.

Она стояла передъ нимъ, сіяющая, окруженная такимъ свѣжимъ блескомъ счастливой юности, что сама мать начинала утрачивать опасенія, и на старомъ лицѣ ея отражалась доля увлекательнаго веселья, одушевлявшаго дочь.

— Да, это былъ Бушро; онъ рассказывалъ мнѣ про свои недуги... Плохъ онъ, бѣдняга!..

Глядя на Гортензію, Нума все болѣе успокоивался. „Да онъ просто съумасшедшій; онъ всюду видитъ и распознаетъ свою собственную смерть“.

Въ это мгновеніе вдали показался Бомпаръ; онъ шелъ очень скоро и размахивалъ газетою.

— Что такое? спросилъ его министръ.

— Важная новость! Тамбуринщикъ дебютировалъ!..

Гортензія прошептала: „Наконецъ-то!“ Нума весь просіялъ.

— Удача, неправда-ли? спросилъ онъ.

— Разумѣется!.. Я не читалъ еще газеты.. Но вѣдь три столбца передовой статьи въ Messenger!..

— Вотъ и этого я выдумалъ! сказалъ министръ, усѣвшись на скамью и заложивъ руки за жилетку;—ну, прочитай-ка намъ.

Мадамъ Ле-Кеснуа замѣтила, что колоколъ звонилъ уже къ обѣду, но Гортензія съ живостью возразила, что это былъ только первый звонокъ, и приготовилась слушать, подперши щеку рукою въ живописной позѣ улыбающагося вниманія.

„Интересно-бы знать, господину-ли министру изящныхъ искусствъ

или директору Оперы парижская публика обязана тою смѣшной мистификаціей, которую устроили ей вчера вечеромъ?“...

Всѣ вздрогнули, за исключеніемъ Бомпара; онъ читаль, какъ истый красной; увлекаясь, убаюкивая себя жѣрными звуками звонкихъ фразъ, не понимая даже прочитаннаго, и теперь по-сматриваль на каждаго изъ слушателей, не понимая причины ихъ удивленія.

— Ну, что-же, продолжай, продолжай, сказалъ Нума.

„Во всякомъ случаѣ, мы возлагаемъ отвѣтственность за это на господина Руместана. Онъ привезъ намъ изъ своей провинціи эту курьезную, первобытную дудку, эту пастушью свирѣль“...

— Какіе злые бываютъ люди... прервала Гортензія, блѣднѣя подъ своими розами.— Чтець продолжалъ, тараща глаза отъ тѣхъ ужасовъ, которые онъ видѣлъ впереди.

„.... свирѣли, благодаря которой наша музыкальная академія въ теченіи одного вечера представляла картину, напоминавшую какое-нибудь возвращеніе съ ярмарки изъ Сентъ-Клу. И дѣйствительно, нужно было вмѣсто головы имѣть дудку, чтобы вообразить, будто Парижъ“...

Министръ съ досадою вырваль у него изъ рукъ газету.

— Надѣюсь, что ты не станешь читать намъ эту нелѣпность до конца... Довольно того, что ты принесъ намъ ее.

Онъ пробѣжалъ статью быстрымъ, опытнымъ взглядомъ чело-вѣка, знакомаго съ общественными дѣлами и привыкшаго къ нападѣніямъ прессы.

„.... Провинціалъ-министръ... мастеръ выдѣлывать антрша... Руместанъ изъ Вальмажура... освистать министерство и разбить его тамбурина“... Этого съ него было достаточно; онъ спряталь злую газету въ глубинѣ своего кармана, приподнялся, отдуваясь отъ охватившаго его гнѣва, и сказалъ, предлагая руку мадамъ Ле-Беснуа.

— Пойдемте обѣдать, тамап... Это будетъ для меня впередъ урокомъ— не возиться со всякою дрянью.

Они шли всѣ четверо въ рядъ. Гортензія, не оправившаяся еще отъ изумленья, потупившись и не поднимая глазъ, проговорила, стараясь придать твердости своему, нѣсколько охрипшему голосу:— „Дѣло касается замѣчательно-талантливаго артиста; вѣдь онъ не виноватъ въ несправедливости публики и въ ироническихъ выходкахъ газетъ“.

Руместанъ остановился: „Талантъ... талантъ... ну, да, положимъ... я не спорю... только слишкомъ ужъ экзотическій... Нужно остерегаться юга, сестрица, прибавилъ онъ, поднимая зонтикъ, — нужно остерегаться юга... не слѣдуетъ злоупотреблять имъ... Это можетъ наскучить Парижу!“

И онъ продолжалъ свой путь мѣрными шагами, спокойный и холодный, какъ обитатель Копенгагена; тишина нарушалась только хрустѣніемъ гравія, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ-будто напоминаетъ уничтоженіе, разрушеніе гнѣва или мечты. Когда они подошли къ фасаду гостинницы, изъ которой сквозъ шесть оконъ огромной залы доносилось бряцанье ложекъ и тарелокъ, Гортензія остановилась и, поднимая голову, сказала:

— Стало-быть, вы совершенно отказываетесь отъ бѣднаго Вальмажура?

— Что-же дѣлать?.. Тутъ ничѣмъ не поможешь, если онъ не нравится Парижу.

Она взглянула на него съ негодованіемъ, почти съ презрѣніемъ.

— О, это ужасно... Такъ знайте-же, что я болѣе горда и болѣе вѣрна своему энтузіазму, чѣмъ вы.

Въ два прыжка она взбѣжала на крыльцо гостинницы.

— Гортензія, уже звонили во второй разъ.

— Да, да, я знаю... я сейчасъ приду.

Она поднялась въ свою комнату и заперлась изнутри, чтобы никто не могъ помѣшать. Раскрывъ свой пюпитръ, одну изъ тѣхъ изящныхъ бездѣлушекъ, при помощи которыхъ парижанка сообщаетъ отпечатокъ своей личности даже трактирной комнатѣ, она вынула одну изъ заказанныхъ ею фотографій съ арлезіанскимъ бантомъ и косынкой, написала подъ нею нѣсколько словъ и подписалась. Когда она надписывала адресъ, на арвиллярской колокольнѣ, въ глубинѣ лиловаго сумрака долины, пробили часы, какъ-бы для того, чтобы придать еще болѣе торжественности тому, что она дерзнула сдѣлать въ эту минуту.

— Шесть часовъ!

Съ потока бѣлыми летучими влочьями поднимался паръ. Амфитеатръ лѣсовъ и горъ, серебристая лента ледника, окруженная розовымъ сіяніемъ вечера, всѣ малѣйшіе детали этой тихой, сосредоточенной минуты запечатлѣвались въ ея памяти, подобно тому, какъ человекъ отмѣчаетъ въ календарѣ особенно-памятный

день или подчеркиваетъ въ книгѣ мѣсто, болѣе всего произведшее на него впечатлѣніе.

— Въ это мгновеніе я ставлю на карту свою жизнь, всю свою жизнь, мечтала она вслухъ.

И она призывала въ свидѣтели торжественное безмолвіе вечера, величіе природы, грандіозный покой, господствовавшій всюду вокругъ.

Она ставила на карту всю свою жизнь! Бѣдняжка, если-бы она знала, какъ невелика была эта ставка!

Нѣсколько дней спустя, мадамъ Ле-Кеснуа съ дочерью уѣзжали изъ гостинницы, такъ-какъ леченіе Гортензіи было окончено. Мать, хотя и успокоенная цвѣтущимъ видомъ дочери и тѣмъ, что наговорилъ ей докторъ о чудѣ, будто-бы совершенномъ нимфою арвиллярскаго источника, тѣмъ не менѣе спѣшила окончить этотъ образъ жизни, малѣйшіе подробности котораго напоминали ей о былыхъ мученіяхъ.

— А вы, Нума?

О, что касалось его, то онъ рассчитывалъ остаться еще недѣлю или двѣ, продолжать леченіе и воспользоваться тишиною, которая наступитъ для него съ ихъ отъѣздомъ, чтобы написать свою знаменитую рѣчь. Она надѣлаетъ не мало шуму, о которомъ онѣ узнаютъ въ Парижѣ. Чортъ возьми! Ле-Кеснуа не будетъ доволенъ.

Гортензія была совершенно готова къ отъѣзду и радовалась тому, что вернется домой, вновь увидитъ дорогихъ, близкихъ ей людей, которые отъ разлуки стали для нея еще дороже, такъ-какъ живое воображеніе ея распространялось и на сердце. Тѣмъ не менѣе, ей вдругъ стало жаль покидать эту прекрасную мѣстность, весь этотъ гостинничный міръ, трехнедѣльныхъ друзей, къ которымъ, сама того не подозревая, она успѣла привязаться. О, любящія натуры, какъ вы отдаетесь всему, какъ все овладѣваетъ вами и сколько боли приходится вамъ испытать, когда нужно обрывать эти невидимыя, чувствительныя нити! Всѣ были къ ней такъ добры, такъ внимательны, и въ послѣдній часъ возлѣ ихъ экипажа толпилось столько протянутыхъ рукъ, столько опечаленныхъ лицъ. Молодые дѣвушки обнимали ее: — „О, безъ васъ уже не будетъ прежняго веселья!“ Обѣщались писать другъ другу, обмѣнивались сувенирами, ящичками съ духами, перламутровыми

ножами для разрѣзыванія книгъ съ надписью: „Арвилляръ, 1876 года“ посреди голубого, какъ волны озера, отлива. Въ то время, какъ хозяинъ гостинницы соваля въ ея саквояжъ бутылочку съ самой лучшей Шартрезой, она видѣла тамъ, наверху, за окномъ своей комнаты, прислуживавшую ей горничную-крестьянку, утиравшую глаза большимъ платкомъ цвѣта виннаго отстоя, слышала хриплый голосъ, шептавшій надъ ея ухомъ:— „Побольше упругости, мадмуазель... побольше упругости“... Это былъ ея пріятель, чахоточный молодой человекъ, который, взобравшись на ось, устремлялъ на нее свой прощальный взглядъ, свои глаза, ввалившіеся, покраснѣвшіе, лихорадочные, но блиставшіе энергіей и волей и выражавшіе вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое волненіе. О, добрые, добрые люди!.. Гортензія ничего не говорила, боясь расплакаться.

— Прощайте, прощайте всѣ!

Министръ, провожавшій дамъ до слѣдующей станціи, усѣлся противъ нихъ. Щелкнулъ внугъ, загремѣли бубенцы... Вдругъ Гортензія вскрикнула:— „Мой зонтикъ!“ Онъ былъ у нея въ рукахъ минуту тому назадъ. Двадцать человекъ бѣгутся искать: „Зонтикъ, зонтикъ“... Въ комнатѣ—нѣтъ, въ салонѣ.. Хлопаютъ дверями, перевертываютъ всю гостинницу вверхъ дномъ.

— Не ищите... Я знаю, гдѣ онъ.

Съ обычною своею живостью Гортензія выскакиваетъ изъ экипажа и бѣжитъ въ садъ, къ бесѣдкѣ изъ орѣшника, гдѣ она сидѣла еще въ это утро, прибавляя нѣсколько главъ къ тому роману, который безъ перерыва тянулся въ ея фантастической головкѣ. Зонтикъ лежалъ тамъ на скамейкѣ, какъ-будто частица отъ нея самой, оставшаяся на этомъ дорогомъ для нея мѣстѣ, которое было ей такъ по душѣ. Сколько чудныхъ часовъ провела она въ этомъ уголкѣ, освѣненномъ свѣтлою зеленью; сколько завѣтныхъ думъ унесено отсюда пчелами и бабочками! Ужь, конечно, она никогда болѣе не вернется сюда, эта мысль сжимала ей сердце и удерживала ее. Даже протяжный скрипъ качелей теперь казался ей пріятнымъ.

— Цыцъ! Ты мнѣ надоѣла...

Это былъ голосъ мадмуазель Башелери. Взбѣшенная тѣмъ, что всѣ ее повинули по случаю этого отъѣзда, и думая, что никого нѣтъ по близости, она говорила съ матерью обычнымъ своимъ

тономъ. Гортензія вспомнила всё ея нѣжныя изліянія съ тою-же матерью, которая, бывало, такъ раздражала ее, и невольно смѣялась про себя, возвращаясь къ экипажу. На одномъ изъ поворотовъ аллеи она вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась съ Бушро. Она посторонилась, но онъ удержалъ ее за руку.

— Вы покидаете насъ, дитя мое?

— Да...

Она не знала, что отвѣчать ему, смущенная неожиданной встрѣчей и тѣмъ, что въ эту минуту онъ въ первый разъ заговорилъ съ нею. Онъ взялъ ее за обѣ руки, держалъ ее противъ себя и внимательно всматривался въ нее своими пронизательными глазами, осѣненными бѣлыми, нависшими бровями. Вдругъ его губы, руки задрожали, кровь прихлынула къ его блѣдному лицу.

— Ну, прощайте... счастливаго пути!

Не сказавъ болѣе ни слова, онъ привлекъ ее къ себѣ, прижалъ къ своей груди съ нѣжностью дѣда и удалился, схватившись обѣими руками за сердце, которое билось, словно хотѣло разорваться.

ГЛАВА XIII.

Нѣтъ, въ ласточку я превращу-у-усь
И въ синюю даль унесу-усь...

Маленькая Башелери, вставшая въ это утро въ веселомъ, радужномъ настроеніи духа пѣла своимъ пронзительнымъ голосомъ, стоя передъ зеркаломъ, зятая въ модный ватерпруфъ съ голубымъ шелковымъ капюшомъ и въ голубой-же маленькой шапочкѣ, обвитой большою газовой вуалью. Она застегивала послѣднія пуговицы на своихъ перчаткахъ. Отъ всего ея веселаго маленькаго существа, принаряженнаго для экскурсіи, вѣяло какимъ-то благоуханіемъ свѣжаго бѣлья и новаго прекрасно сидѣвшаго платья, составлявшаго рѣзкій контрастъ съ беспорядкомъ, царствовавшимъ въ комнатѣ. На столѣ, среди картъ, игральныхъ марокъ и свѣчей, стояли еще остатки ужина; тутъ-же рядомъ — неприбранная постель и большая ванна, наполненная знаменитою арвиллярскою сывороткою, славившеюся какъ превосходное средство, успокаивающее нервы и сообщающее атласную нѣжность кожѣ купальщицъ. Внизу, передъ гостинницей дожидалась запряженная

коляска; мулы побрякивали бубенцами, а передъ крыльцомъ гарцовалъ цѣлый конвой молодыхъ людей.

Въ ту минуту, когда она уже совершенно оканчивала свой туалетъ, кто-то постучался въ дверь.

— Войдите!..

Руместанъ, чрезвычайно взволнованный, подошелъ и протянулъ ей широкій конвертъ.

— Вотъ, мадмуазель... О, прочтите, прочтите...

Это былъ ея контрактъ съ дирекціей оперы на пять лѣтъ съ потребованнымъ жалованьемъ, съ специальнымъ условіемъ относительно афишъ и всѣми остальными подробностями. Когда она прочитала его весь, параграфъ за параграфомъ, не спѣша и хладнокровно, вплоть до жирной подписи Кардальяка, тогда, — но только тогда, — она подошла къ министру и, поднимая уже спущенную и завязанную ради дорожной пыли вуаль, вся прижавшись къ нему, подняла кверху свою розовую мордочку.

— Какъ вы добры... я васъ люблю...

Этого было достаточно, чтобы заставить общественнаго дѣятеля забыть обо всѣхъ непріятностяхъ, которыя грозили ему изъ-за этого контракта. Однако, онъ сдержалъ себя и стоялъ по прежнему холодный, неподвижный, величественный, какъ скала.

— Теперь я сдержалъ свое слово; позвольте-же мнѣ удалиться; я не желаю разстраивать вашу прогулку...

— Мою прогулку?.. Ахъ, да, правда... Мы ѣдемъ въ замокъ Баярдъ.

Она обвила его шею обѣими руками и ласкаясь сказала:

— Вы поѣдете съ нами... не правда-ли, да... скажите—да?..

Она щекотала ему лицо своими длинными пушистыми рѣсницами и даже покусывала слегка, кончиками своихъ зубовъ, его величественный подбородокъ.

— Съ этими молодыми людьми?.. Это невозможно... Вы не думайте объ этомъ...

— Эти молодые люди?... Очень мнѣ нужны эти молодые люди!.. Я ихъ брошу... Мама, пойдн, скажи имъ... О, они привыкли къ этому... слышишь мама?

— Иду, отозвалась мадамъ Башелери, которая видѣлась въ сосѣдней комнатѣ; поставивъ одну ногу на стулъ, она старалась натянуть свою узкую тибовую ботинку на красный чулокъ. При-

сѣвъ передъ министромъ такъ-же граціозно, какъ, бывало, присѣдала въ Folies Bordelaises, она побѣжала внизъ, чтобы отправить ждавшихъ тамъ кавалеровъ.

— Закажи лошадь для Бомпара... онъ поѣдетъ съ нами, крикнула ей вслѣдъ дочка; а Нума, тронутый этимъ вниманіемъ, уже предвкушалъ то наслажденіе, съ которымъ онъ, держа въ своихъ объятіяхъ эту хорошенькую дѣвушку, будетъ смотрѣть на медленно удаляющуюся съ разочарованнымъ видомъ толпу молодежи, такъ часто весело гарцовавшей передъ его окнами и надрывавшей ему сердце... Послѣдовалъ долгій поцѣлуй, подкрѣпленный улыбкою, которая обѣщала все; затѣмъ Алиса высвободилась изъ его объятій.

— Идите скорѣе одѣваться, сказала она; — мнѣ хочется поскорѣе уѣхать.

Какой шопотъ возбужденнаго любопытства, какое движеніе за гардинами оконъ поднялись въ гостинницѣ, когда стало извѣстно, что министръ тоже ѣдетъ въ замокъ Баярдъ, когда въ коляскѣ, напротивъ пѣвицы появился его широкій бѣлый жилетъ и панама, освѣнявшая его римскій профиль. — „Впрочемъ, что-же тутъ дурного, говорилъ отецъ Оливьери, который на многое насмотрѣлся во время своихъ путешествій; — развѣ мать не сопровождаетъ ихъ, и развѣ замокъ Баярдъ, какъ историческій памятникъ, не входитъ въ кругъ предметовъ, находящихся подъ вѣдомствомъ министра. Не будемъ-же, ради Бога, такъ нетерпимы, и въ особенности относительно людей, которые посвящаютъ всю свою жизнь защитѣ благихъ принциповъ и нашей святой религіи“.

— А Бомпара все нѣтъ; что онъ тамъ дѣлаетъ? нетерпѣливо ворчалъ Руместанъ; ему было неловко дожидаться здѣсь, передъ гостинницей, подъ перекрестнымъ огнемъ любопытныхъ взглядовъ, которые, казалось, насквозь пронизывали его, несмотря на прикрывавшій коляску навѣсъ. Наконецъ, въ одномъ изъ оконъ второго этажа появилась какая-то необыкновенная фигура, что-то бѣлое, круглое, странное, и вмѣстѣ съ тѣмъ послышался знакомый акцентъ бывшаго начальника черкесовъ:

— Поѣзжайте впередъ; я догоню... Je rejoueindrai.

Пара маленькихъ, но крѣпкихъ муловъ, какъ-будто ожидавшая этого сигнала, загремѣвъ дорожными бубенцами, тронулась

съ мѣста, въ три прыжка очутилась за оградю парка и понеслась по площади, на которую выходилъ курзалъ.

— Берегись! Берегись!

Испуганные больные бросаются въ сторону, носилки послѣшно сторонятся, при входѣ въ галлерей появляются прислужницы съ пришитыми къ фартукамъ большими карманами, наполненными мелкими деньгами и цвѣтными контрмарками. На лѣстницахъ, ведущихъ въ паровыя бани, по поясъ выставляются совершенно голыя фигуры растиральщиковъ, въ навинутыхъ на плечи шерстяныхъ одѣялахъ. Въ окнахъ ингаляціонныхъ залъ приподнимаются синія занавѣски; всякому хочется взглянуть на министра, проѣзжающаго съ пѣвицею; но ихъ и слѣдъ простылъ, они уже несутся во весь духъ по спускающемуся подъ-гору лабиринту узенькихъ мрачныхъ улицъ Арвильяра, по угловатымъ, мелкимъ камнямъ мостовой, словно пропитаннымъ огнемъ и сѣрою; изъ-подъ колесъ экипажа брызжутъ искры; старыя обвѣтрившіяся стѣны низенькихъ домиковъ дрожатъ и въ украшенныхъ вывѣсками окнахъ, на порогахъ лавочекъ съ горными палками, зонтиками, дорожными шляпами, известковыми камнями, минералами, кристаллами и другими приманками для иностранцевъ, — появляются жители, обнажающіе и склоняющіе головы при видѣ министра. Даже зобатые узнаютъ его и своимъ бессмысленнымъ хриплымъ смѣхомъ привѣтствуютъ великаго мастера университета Франціи, между тѣмъ какъ его дамы, исполненныя гордости и понимающія, какой великой чести онѣ удостоились, сидятъ противъ него въ неподвижныхъ, важныхъ позахъ. Онѣ начинаютъ чувствовать себя совершенно нестѣсненными только тогда, когда экипажъ выѣзжаетъ изъ предѣловъ городка на покойную дорогу, ведущую въ Поншарра, гдѣ мулы на нѣсколько времени останавливаются у основанія башни Дю-Трель, возлѣ которой къ обществу долженъ присоединиться Бомпаръ.

Но время проходитъ, а Бомпара все нѣтъ. Онъ извѣстенъ, какъ хорошій наѣздникъ, такъ-какъ самъ очень часто этимъ хвастался. Всѣ удивлены и начинаютъ сердиться, въ особенности Нума, сгарающій нетерпѣніемъ унести далеко по этой однообразной, бѣлой, безконечной дорогѣ и начать наслаждаться этимъ днемъ, который открывается передъ нимъ, какъ цѣлая жизнь, полная надеждъ и приключеній. Наконецъ, среди облака пыли,

откуда слышится испуганный, задыхайшийся голосъ, выкрикивающийъ „ну-же, ну!“ — появляется голова Бомпара, украшенная одною изъ тѣхъ пробковыхъ, обтянутыхъ бѣлыми полотномъ касокъ, которыя нѣсколько напоминаютъ колпаки водолазовъ и употребляются въ индо-англійской арміи; южанинъ купилъ ее для того, чтобы придать больше значенія и драматизма своему путешествію, оставивъ торговца въ полной увѣренности, что отправляется въ Бомбей или Калькутту.

— Скорѣе, капунъ!

Бомпаръ съ трагическимъ видомъ покачалъ головою. Очевидно, при его отъѣздѣ произошло что-то неладное и онъ, повидимому, далъ обитателямъ гостинницы плохое понятіе о своей способности соблюдать равновѣсіе, такъ-какъ спина его и рукава были изукрашены широкими пятнами пыли. — „Прескверная лошадь, сказалъ онъ, раскланиваясь съ дамами, въ то время какъ коляска трогалась съ мѣста;—прескверная лошадь, но я, наконецъ, заставилъ-таки ее идти шагомъ“.

Это дѣйствительно удалось ему до такой степени, что теперь странное животное не хотѣло уже идти дальше, переминаясь и вертясь на одномъ мѣстѣ, какъ больная кошка, несмотря на всѣ усилія всадника. Экипажъ былъ уже далеко. — „Что-же, Бомпаръ, ѣдешь ты съ нами?“ ... — „Поѣзжайте впередъ... Я догоню“ ... закричалъ онъ еще разъ самымъ чистымъ марсельскимъ акцентомъ; затѣмъ послѣдовалъ отчаянный жестъ и онъ во весь духъ понесся по направленію къ Арвилъяру, среди облака пыли, свозъ которое сверкали только копыта бѣшено скакавшей лошади. Всѣ подумали, что онъ забылъ что-нибудь, и уже не заботились о немъ больше.

Дорога извивалась, огибая высоты. Это была широкая французская дорога, окаймленная рядами орѣховыхъ деревьевъ; налѣво террасами поднимались каштановые и сосновые лѣса, направо тянулись громадные склоны, спускавшіеся далеко-далеко, вплоть до дна долины, гдѣ виднѣлись селенія, какъ-будто стиснутыя въ котловинѣ, поля, покрытыя виноградниками, пшеницею, мансомъ, тутовыми и миндальными деревьями, ослѣпительные ковры дрока, сѣмена котораго, лопаясь отъ солнечнаго зноя, производили безпрерывный трескъ, какъ-будто сама почва воспламенилась, коробилась и трещала. Иллюзія эта не представлялась невѣроятною

среди царившаго невыносимаго зноя, среди раскаленнаго состоянія атмосферы, которое, казалось, обуславливалось не солнцемъ, почти невидимымъ, окутаннымъ пеленою, а горячими земными испареніями. На этомъ огненномъ ландшафтѣ, особенно свѣжо и пріятно выдѣлялась гора Глэзенъ и ея снѣжная вершина, которую, казалось, можно было достать кончикомъ зонтика.

Руместанъ не помнилъ ни одного пейзажа, который могъ-бы сравниться съ этимъ, даже въ его миломъ Провансѣ; онъ не могъ себѣ представить счастья, болѣе полнаго, чѣмъ то, которымъ наслаждался въ настоящую минуту. Въ немъ не было ни заботъ, ни угрызений совѣсти. Его вѣрная, довѣрчивая жена, надежда имѣть ребенка, предсказаніе Буширо относительно бѣдной Гортензіи, неблагоприятное впечатлѣніе, которое должно было произвести появленіе въ „Journal officiel“ декрета о назначеніи Кардальяка—ничто для него не существовало болѣе. Вся судьба его сосредоточивалась въ этой прекрасной дѣвушкѣ, которая въ глазахъ своихъ отражала его глаза, своими колѣнями касалась его колѣной и подъ своею голубою вуалью, принимавшей розовый оттѣнокъ отъ ея свѣжаго, бѣлаго лица, напѣвала, пожимая ему руки:

Maintenant je me sens aimée,
Fuyons tous deux sous la ramée...

Пока они быстро неслись впередъ, оставляя за собою изгибы дороги, пейзажъ все болѣе и болѣе расширялся; теперь передъ ними въ видѣ полукруга разстилась громадная равнина, озера, селенія, а дальше тянулись цѣпи горъ, смотря по разстоянію окрашенныя въ различные оттѣнки; начиналась Савоія. — „Какъ это прекрасно! какъ грандіозно!“ говорила пѣвица; а онъ тихо отвѣчалъ ей: — „Какъ я васъ люблю!“

На послѣдней остановкѣ Бомпаръ еще разъ догналъ ихъ, но уже пѣшкомъ, въ самомъ жалкомъ видѣ, ведя лошадь въ поводу. — „Это удивительное животное“... сказалъ онъ и не прибавилъ болѣе ни слова; а когда дамы спросили: „не упалъ-ли онъ?“ нисколько не смущаясь, отвѣтилъ: — „Нѣтъ, это у меня открылась старая рана“... — „Вы были ранены? Когда? Гдѣ?“ Онъ никогда прежде объ этомъ не упоминалъ; но съ Бомпаромъ нужно было всегда быть готовымъ на сюрпризы. Его пригласили сѣсть въ экипажъ, смирную лошадь его преспокойно привязали сзади, и вся компанія направилась къ замку Баярдъ, котораго двѣ

круглыя остроконечныя башни, очень плохо реставрированныя, виднѣлись на плоскогорьѣ.

На встрѣчу къ нимъ вышла служанка, хитрая горная крестьянка, прислуживавшая старику священнику, прежде отправлявшему богослуженіе въ окрестныхъ приходахъ, а теперь живущему въ замкѣ съ обязательствомъ не препятствовать посѣщенію его туристами. Когда является посѣтитель, священникъ, очень почтенный человѣкъ, поднимается въ свою комнату, если только посѣтитель не какая-нибудь важная персона. Но министр, пріѣхавшій сюда въ интимной компаніи, разумѣется, и не подумалъ объявить о своемъ титулѣ, и въ то время какъ кучеръ въ бесѣдкѣ маленькаго сада приготавлиалъ завтракъ, служанка начала показывать имъ, какъ обыкновеннымъ посѣтителемъ, остатки древняго замка, принадлежавшаго рыцарю безъ страха и упрека, съ комментаріями въ видѣ заученныхъ фразъ, произносимыхъ особымъ, свойственнымъ этимъ людямъ, пѣвучимъ тономъ. — „Вотъ древняя часовня, въ которой доблестный рыцарь утромъ и вечеромъ... Извольте обратить вниманіе на толщину стѣнъ“. Но посѣтителю ни на что не могли обращать вниманія, такъ-какъ было темно и на каждомъ шагѣ приходилось наткнуться на кучи мусора, слабо озаренныя свѣтомъ, пробивавшимся сквозъ бойницу и проникавшимъ въ сѣноваль, устроенный между стропилами потолка. Нума, шедшій подъ руку со своей крошкой, ни мало не интересовался ни рыцаремъ Баярдомъ, ни „достопочтенною матерью его, Еленю Нѣмецкою“. Вся эта старая рухлядь надоѣла имъ, и когда мадамъ Башелери, желая испытать эхо подъ сводами кухни, запѣла послѣднюю шансонетку своего супруга, да притомъ одну изъ самыхъ забористыхъ, — *J'tiens ça d'papa... j'tiens ça d'maman*... то никто и не подумалъ скандализироваться этимъ, напротивъ...

Но когда они очутились въ саду, гдѣ завтракъ былъ приготовленъ на массивномъ каменномъ столѣ, когда первый голодъ былъ утоленъ, спокойное величіе разстилававшегося вокругъ нихъ горизонта, долина Грэзиводана, хребетъ Божскихъ горъ, суровыя укрѣпленія Большой Шартрезы и рѣзкій контрастъ между грандіозными контурами окружающей природы и маленькимъ терасообразнымъ садикомъ, въ которомъ жилъ старый отшельникъ, всецѣло посвятившій себя Богу, тюльпанамъ и пчеламъ, —

все это вмѣстѣ взятое навело на нихъ какое-то особенное сосредоточенное настроеніе, серьезное и въ то же время пріятное. За десертомъ министръ, перелистывая путеводитель, чтобы легче припомнить забытое, сталъ говорить о Баярдѣ, „о его бѣдной сударынѣ-матери, горько плававшей, въ тотъ день, когда сынъ ея, отправляясь въ Шамбери, чтобы служить пажомъ у герцога Савойскаго, гарцовалъ на своей маленькой лошадекѣ передъ сѣверными воротами“ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ теперь, какъ заснувшій призракъ стараго замка, разстилась тѣнь широкой башни, величественная и непрочная. Постепенно воодушевляясь, Нума читалъ своимъ дамамъ прекрасныя слова Елены, съ которыми она обратилась къ сыну въ минуту его отъѣзда: „Пьеръ, другъ мой, помните, что прежде всего нужно любить и бояться Бога и служить ему, ничѣмъ никогда не оскорбляя Его, если это для васъ возможно“. Стоя на террасѣ, Нума говорилъ съ широкимъ жестомъ, доходившимъ до самаго Шамбери: „Вотъ что слѣдуетъ говорить дѣтямъ, вотъ что всѣ родители, всѣ наставники“... Онъ остановился и хлопнулъ себя по лбу.

— Моя рѣчь!.. Это моя рѣчь... Я нашелъ тѣму... Превосходно! Замокъ Баярдъ, мѣстная легенда... Вотъ уже двѣ недѣли я ищу сюжетъ и, наконецъ, нашелъ его.

— Это переть Провидѣнія, восторженно воскликнула мадамъ Башелери, тѣмъ не менѣе находившая, что завтракъ заканчивается уже слишкомъ торжественно... Что за человѣкъ! Что за человѣкъ!

Крошка, казалось, также была очень возбуждена, но впечатлительный Руместанъ уже не обращалъ на это вниманія. Въ головѣ, въ груди его кипѣли ораторскіе порывы.

— Было-бы особенно эффектно, сказалъ онъ, весь поглощенный своею мыслью и оглядываясь вокругъ,—если-бы можно было написать, что рѣчь составлена въ замкѣ Баярдъ...

— Если господину адвокату угодна комнатка, чтобы писать...

— О, мнѣ нужно только набросать нѣсколько замѣтокъ... Вы позволяете, mesdames... пока вамъ подадутъ кофе... Я сейчасъ же вернусь... Это только для того, чтобы я могъ выставить надъ рѣчью число и мѣсто, не грѣша противъ истины.

Служанка отвела его въ маленькую, очень древнюю комнату

перваго этажа, въ которой на закругленныхъ, какъ въ соборѣ, сводахъ сохранились слѣды позолоты. Говорятъ, что эта комната была часовнею самого Баярда, а примыкающая къ ней обширная зала, въ которой стоитъ большая крестьянская кровать съ балдахиномъ и ситцевыми занавѣсками, выдается за его спальню. Какъ хорошо было писать здѣсь, между этими толстыми стѣнами, не пропускавшими дневного зноя, возлѣ этой полурастворенной стеклянной двери, сквозъ которую на бумагу падала полоса свѣта и проникало въ комнату благоуханіе сада. Въ началѣ перо оратора не поспѣвало за вдохновеннымъ полетомъ мысли; онъ составлялъ фразы на скорую руку, какъ попало, настоящія фразы южнаго адвоката, банальныя, но краснорѣчивыя, какъ-будто опьяненные какими-то скрытымъ жаромъ, пересыпанныя искрами, вспыхивавшими то здѣсь, то тамъ, словно въ струѣ расплавленнаго металла. Вдругъ онъ остановился, не находя болѣе словъ въ своей головѣ, отяжелѣвшей отъ дороги и отъ выпитаго за завтракомъ вина. Тогда онъ началъ прохаживаться, переходя изъ часовни въ спальню, декламируя вслухъ, стараясь возбудить себя, прислушиваясь къ отголоску своихъ шаговъ, которые казались ему шагами призрака славнаго повелителя замка. Затѣмъ онъ снова сѣлъ, не будучи въ состояніи написать ни одной строки. Все около него кружилось, — воблѣненные известью стѣны и этотъ лучъ гипнотизирующаго свѣта. Гдѣ-то въ саду, далеко, далеко ему слышались смѣхъ и бряцанье тарелокъ; наконецъ, онъ заснулъ глубочайшимъ сномъ, уткнувшись носомъ въ листъ съ черновыми набросками.

....Сильный ударъ грома заставилъ его вскочить съ мѣста. Сколько времени онъ уже находился здѣсь? Нѣсколько смущенный, онъ вышелъ въ пустой, безмолвный садъ. Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ тюльпановыхъ деревьевъ. Подъ опустѣвшею бесѣдкою осы грузно летали надъ липкими стаканами изъ подъ шампанскаго и кружились надъ сахаромъ, оставшимся въ чашкахъ, которыя теперь безъ шума убирала служанка. Съ приближеніемъ бури ея овладѣлъ нервный, безотчетный страхъ, и при каждой молніи она крестилась. Она объявила Нумѣ, что у барышни послѣ завтрака очень разболѣлась голова и что она отвела ее въ комнату Баярда, потихоньку притворивъ дверь, чтобы не потревожить работавшаго барина; барышня легла соснуть немного, а остальные двое, толстая барыня и бѣлая шляпа, спустились въ долину; и они на-

вѣрное попадутъ подъ дождь, а дождь будетъ сильный... Посмотрите!..

Въ томъ направленіи, куда она указывала, надъ изрѣзаннымъ хребтомъ Божскихъ горъ, гдѣ видѣлись известковыя вершины Большой Шартрезъ, окутанныя молніями, какъ таинственный Синай, небо омрачилось громаднымъ, чернымъ разроставшимся пятномъ. Вся долина, шелестѣвшая зелень деревьевъ, золотыя поля пшеницы, дороги, обозначавшіяся легкими полосками взметаемой бѣлой пыли, серебряная лента Изеры — получали необыкновенно яркую окраску, какъ-будто отъ свѣта, отраженнаго наклоннымъ бѣлымъ рефлекторомъ, по мѣрѣ того какъ надвигалась мрачная, грозная, грохотавшая туча. Вдали Руместанъ замѣтилъ полотняную каску Бомпара, сверкавшую, какъ двояковыпуклое стекло маяка.

Онъ вернулся въ комнату, но не въ состояніи былъ приняться за работу. На этотъ разъ уже не сонъ парализовалъ его перо. Напротивъ, онъ чувствовалъ какое-то странное возбужденіе при мысли о присутствіи Алисы Башелери въ сосѣдней комнатѣ. Но тамъ-ли она еще? Онъ пріотворилъ дверь и не посмѣлъ ее затворить опять, боясь потревожить очаровательный сонъ пѣвицы; полурасдѣтая лежала она, разметавшись на кровати; распущенные волосы раскинулись по подушкѣ; изъ-подъ разстегнутаго платья видѣлись заманчивыя контуры бѣлоснѣжнаго тѣла.

„Ну полно-же, полно, Нума... Вѣдь это комната Баярда, *qu'é diable!*“

Онъ положительно схватилъ себя за шиворотъ какъ злодѣя, принудилъ себя вернуться на мѣсто и насильно усадилъ себя за столъ, схватившись обѣими руками за голову и закрывъ ими глаза и уши, чтобы лучше сосредоточиться на послѣдней фразѣ, которую повторялъ шопотомъ:

— *И мы желали-бы, милостивые государи, чтобы эти послѣднія наставленія матери Баярда, переданныя намъ въ трогательной формѣ средневѣковаго стиля, университетъ Франціи...*

Ошеломляющая духота надвигавшейся грозы разслабляла его, какъ запахъ извѣстныхъ тропическихъ деревьевъ. Голова его опьяненная тонкимъ благоуханіемъ, исходившимъ отъ цвѣтотъ тюльпановыхъ деревьевъ или отъ этого потока бѣлокурыхъ волосъ, раскинутыхъ на постели, въ сосѣдней комнатѣ, не способна была

ни на чемъ сосредоточиться. Несчастный министр! Тщетно онъ цѣплялся за свою рѣчь, призывалъ на помощь рыцаря безъ страха и упрека, общественное образованіе, религію, шамберійскаго ректора, — ничто не помогало. Онъ принужденъ былъ вернуться въ комнату Баярда и на этотъ разъ такъ близко подошелъ къ спящей дѣвушкѣ, что слышалъ ея легкое дыханіе и касался рукою узорчатой ткани занавѣсокъ, которыя обрамляли картину этого соблазнительнаго сна, это перламутровое тѣло съ нѣжными розовыми оттѣнками, какъ у какой-нибудь свѣжей, какъ кровь съ молокомъ, плутовки на картинѣ Фрагонара.

Даже здѣсь, на самомъ краю искушенія, министръ все еще боролся, и губы его машинально бормотали послѣднія наставленія, которыя университетъ Франціи... какъ вдругъ раздался рѣзкій ударъ грома, и пѣвица проснулась.

— Какъ я испугалась!.. Ахъ, это вы?

Она узнала его и улыбалась, глядя на него своими глазами, ясными, какъ у просыпающагося ребенка, нисколько не конфузаясь своего разстроеннаго туалета; на минуту они оба замерли подъ наплывомъ охватившей ихъ страсти. Но комната внезапно погрузилась въ глубочайшій мракъ, такъ-какъ порывъ вѣтра захлопнулъ оба ставня, одинъ за другимъ. Слышно было, какъ застучали двери, какъ гдѣ-то упалъ ключъ, какъ по песку пронесся цѣлый вихрь листьевъ и цвѣтовъ вплоть до порога двери, за которую жалобно завывала буря.

— Какая гроза! прошептала она, схватывая его горячую руку и привлекая его къ себѣ, почти подъ самый пологъ...

„И мы желали-бы, милостивые государи, чтобы эти послѣднія наставленія матери Баярда, переданныя намъ въ трогательной формѣ средневьковаго стиля....“

Такъ говорилъ министръ народнаго просвѣщенія въ Шамбери, въ виду стараго замка савойскихъ герцоговъ и чуднаго амфитеатра зеленыхъ холмовъ и снѣговыхъ горъ, о которыхъ Шатобрианъ вспоминалъ, глядя на Тайгетъ. На этотъ разъ министръ былъ окруженъ штыми мундирами, значками въ видѣ пальмовыхъ вѣтокъ, горнастаевыми мантиями, густыми эполетами: онъ обращался къ огромной толпѣ, взволнованной его могучимъ краснорѣчіемъ,

жестомъ его сильной руки, еще державшей небольшую лопаточку съ ручкою изъ слоновой кости, при помощи которой былъ замурованъ первый камень лица... „Мы желали-бы, чтобы университетъ Франціи повторялъ изъ каждому изъ своихъ дѣтей: „Шерьъ другъ мой, помните, что прежде всего...“ и въ то время какъ онъ говорилъ, его рука, голосъ и широкія щеки дрожали отъ волненія, при воспоминаніи о большой благоухающей комнатѣ, въ которой подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго памятною для него грозю, была составлена эта рѣчь.

ГЛАВА XIV.

ЖЕРТВЫ РУМЕТАНА.

Утро. Десять часовъ. Приемная въ министерствѣ народнаго просвѣщенія длинная, узкая, скудно освѣщенная комната съ темными гардинами и дубовыми панелями, наполнена толпою просителей, сидящихъ или переминающихся съ ноги на ногу. Число ихъ съ каждою минутою возрастаетъ; каждый новопривышій отдаетъ свою карточку важному приставу съ цѣпью, который беретъ, разсматриваетъ ее и съ невозмутимымъ спокойствіемъ, не говоря ни слова, кладетъ возлѣ себя на бюваръ маленькаго стола; за этимъ столомъ онъ пишетъ при тускломъ свѣтѣ окошка, по стекламъ котораго струится вода отъ мелкаго октябрьскаго дождя. Одинъ изъ послѣднихъ посѣтителей добивается, однако, чести расшевелить эту величавую безстрастность. Это какой-то толстый человѣкъ, загорѣвшій, выжженный, засмоленный, съ двумя маленькими серебряными якорями, въ видѣ сережекъ, въ ушахъ и съ голосомъ, напоминающимъ охрипшаго тюленя; такіе голоса сплошь да рядомъ приходится слышать среди рѣдкаго утренняго тумана въ провансальскихъ портахъ.

— Скажите ему, что это Кабанту, лопманъ... Онъ уже самъ знаетъ зачѣмъ... онъ меня ждетъ.

— Не васъ одного, отвѣчаетъ приставъ, скромно улыбаясь отъ своей собственной шутки.

Кабанту не понимаетъ заключающагося въ ней тонкаго намека; но онъ все-таки смѣется, раздвинувъ ротъ до самыхъ якорей, а затѣмъ, словно разсѣвая волны плечами, пробирается сквозь тол-

пу, разступаящуюся передъ его смокшимъ зонтикомъ, и усаживается на скамью возлѣ другого просителя, почти такого-же смуглаго, какъ и онъ самъ.

— Тѣ! вѣ... Да никакъ это Кабанту?.. Нѣ, adieu!.. здорово! Лоцманъ извиняется; онъ не можетъ вспомнить, кто это.

— Вальмажуръ, знаете небось?.. Мы съ вами видѣлись тамъ, въ амфитеатрѣ.

— *Trop de Dieu!* вѣдь это правда... Ну, дружище, ты можешь сказать, что Парижъ измѣнилъ тебя...

Тамбуринщикъ теперь превратился въ *monsieur* съ очень длинными черными волосами, зачесанными назадъ, à l'artiste, и это вмѣстѣ съ бурнымъ цвѣтомъ лица и синеватыми усами, которые онъ безпрестанно покручиваетъ, дѣлаетъ его похожимъ на цыгана съ причинной ярмарки. Прибавьте къ этому всегда вздутый гребень деревенскаго пѣтуха, тщеславіе красиваго парня и музыканта, въ которомъ вполнѣ обнаруживается его южный темпераментъ, скрытый подъ спокойною молчаливою вѣжностью. Неудача въ оперѣ не охладила его. Какъ всѣ актеры въ подобныхъ случаяхъ, онъ объясняетъ ее коварствомъ враговъ; для него, какъ и для его сестры, это слово пріобрѣтаетъ какіе-то варварскіе, необыкновенные размѣры, санскритскую орфографію: — *la kka-bale*... Это какое-то таинственное животное, нѣчто среднее между гремучею змѣею и апокалиптическимъ конемъ. Онъ рассказываетъ Кабанту, что черезъ нѣсколько дней будетъ дебютировать въ большомъ *café-concert* на бульварѣ — „это *экзотингъ*, знаешь“... гдѣ онъ долженъ фигурировать въ живыхъ картинахъ за двѣсти франковъ въ вечеръ.

— Двѣсти франковъ въ вечеръ! — Лоцманъ таращитъ глаза отъ изумленья...

— И сверхъ того по улицамъ будутъ читать мою біографію, та *biographille*, и по всѣмъ стѣнамъ Парижа будетъ расклеенъ мой портретъ въ натуральную величину, въ костюмѣ трубадура старинныхъ временъ, въ которомъ я выступлю вечеромъ со своею музыкою.

Больше всего его тѣшить этотъ костюмъ. Какъ жаль, что онъ не могъ надѣть свою шляпу съ вырѣзанными полями и свои башмаки съ острыми носками, чтобы прійти въ этомъ костюмѣ и показать министру превосходный контрактъ, написанный на этотъ

разъ, какъ слѣдуетъ, на хорошей бумагѣ и подписанный безъ него. Кабанту смотреть на исписанную съ обѣихъ сторонъ гербовую бумагу и вздыхаетъ:

— Счастливъ ты... А я вотъ больше года все дожидаясь моей медали... Нума сказала, чтобы я выслалъ свои бумаги, — я ихъ и выслалъ; но послѣ этого я уже ничего не слышалъ ни о медали, ни о бумагахъ, рѣшительно ни о чемъ... Написалъ я въ морское министерство, въ морскомъ министерствѣ меня не знаютъ; написалъ министру, министр не отвѣтилъ... но главная-то досада въ томъ, что когда у меня теперъ выходитъ споръ съ морскими капитанами относительно лодманскаго дѣла, то эксперты не хотятъ слушать моихъ доводовъ... Увидѣвъ это, я оставилъ мою лодку въ бухтѣ и подумалъ про себя: поѣду-ка я къ Нумѣ...

Несчастный лодманъ просто готовъ расплакаться. Вальмажуръ утѣшаетъ его, обнадеживаетъ, общаетъ поговорить объ его дѣлѣ съ министромъ, — и все это самоувѣреннымъ тономъ, покручивая усы, какъ человѣкъ, которому ни въ чемъ не отказываютъ. Впрочемъ, это выраженіе самоувѣренности не составляетъ его исключительной принадлежности. Всѣ эти люди, ожидающіе аудіенціи, старые священники съ приѣмами ханжей въ парадныхъ пелеринкахъ, учителя, помѣшанные на методѣ и авторитетѣ, франты-живописцы, причесанные à la gusse, коренастые скульпторы съ пальцами въ видѣ лопаточекъ, — всѣ отличаются тѣмъ-же торжествующимъ видомъ. Личные друзья министра, увѣренные въ своемъ дѣлѣ, всѣ они, входя, говорили приставу:

— Онъ ждетъ меня.

Всѣ они увѣрены, что если-бы Руместанъ только зналъ, что они тутъ!.. Это именно и придаетъ приѣмной министерства народнаго просвѣщенія совершенно особенную фізіономію, въ которой нѣтъ и слѣда той лихорадочной блѣдности, той дрожи тревожнаго ожиданія, которыя обыкновенно встрѣчаешь въ министерскихъ приемныхъ.

— Съ кѣмъ онъ теперь? громко спрашиваетъ Вальмажуръ, подходя къ маленькому столику.

— Съ директоромъ Оперы.

— Кардальякъ... ладно, знаю... Это по моему дѣлу...

Послѣ неудачи, которую потерпѣлъ тамбуринщикъ въ его театрѣ, Кардальякъ отказался еще разъ допустить его на сцену;

Вальмажуръ хотѣлъ-было начать процессъ, но министръ, боясь адвокатовъ и маленькихъ журналовъ, велѣлъ уговорить музыканта взять назадъ свою жалобу, общая ему крупную неустойку. Объ этой-то неустойкѣ, вѣроятно, они и спорятъ въ эту минуту, и не безъ нѣкотораго возбужденія, такъ-какъ голосъ Нумы, звучный, какъ труба, безпрестанно проникаетъ сквозь двойную дверь кабинета, которая, наконецъ, стремительно отворяется.

— Она не моя протеза, а ваша!

Съ этими словами толстый Кардальякъ выходитъ и, взбѣшенный, быстро проходитъ черезъ приемную, въ то время какъ приставъ направляется къ кабинету, съ двухъ сторонъ осаждаемый внушеніями:

— Скажите только мое имя!

— Пусть онъ только услышитъ, что я здѣсь!

— Скажите ему, что это Кабанту!

Но приставъ никого не слушаетъ и важно продолжаетъ путь, держа въ рукахъ нѣсколько карточекъ; черезъ дверь, которую онъ оставилъ за собою полурастворенною, виднѣн кабинетъ министра, ярко освѣщенный тремя выходящими въ садъ окнами; одинъ изъ простѣнковъ его весь занятъ подбитою гарнотаемъ мантией на портретъ де-Фонтана *), написанномъ во весь ростъ.

Выражая на своемъ мертвенно-блѣдномъ лицѣ нѣкоторое изумленіе, приставъ возвращается и провозглашаетъ:

— Господинъ Вальмажуръ.

Что касается музыканта, то самъ онъ нисколько не удивленъ, что его вызываютъ прежде всѣхъ другихъ.

Съ самаго утра портретъ его расклеенъ по стѣнамъ Парижа. Теперь онъ важная персона, и министръ уже не будетъ заставлять его дожидаться подъ сквознымъ вѣтромъ желѣзнодорожной станціи! Съ фатовскою, самодовольною улыбкою онъ останавливается на серединѣ роскошнаго кабинета, въ которомъ секретари вынимаютъ картонъ, выдвигаютъ ящики и съ лихорадочною поспѣшностью что-то ищутъ. Руместанъ, засунувъ въ карманы руки, взбѣшенный, гремитъ, распекаетъ:

— Да гдѣ-же, наконецъ, эти бумаги, чортъ возьми!.. Такъ стало-

*) Министръ народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ I и Людовикѣ XVIII

Прим. перев.

быть, бумаги этого лощмана потеряны... Однако, господа, у васъ здѣсь безпорядокъ...

Вдругъ онъ замѣчаетъ Вальмажура. — „А! это вы“... И онъ накидывается на него, между тѣмъ какъ въ боковыхъ дверяхъ мелькаютъ спины убѣгающихъ секретарей, уносящихъ съ собою груды картоновъ.

— Скажите пожалуйста, скоро-ли вы перестанете преслѣдовать меня своею собачьей музыкой?.. Мало развѣ одного провала? Сколько-же вамъ ихъ нужно?.. А теперь я слышу, что на стѣнахъ уже наклеено ваше изображеніе въ двухцвѣтномъ костюмѣ... А это вранье, которое мнѣ принесли; — это что такое?.. Это, ваша біографія?.. Сплетеніе лжи и нелѣпостей... Вы очень хорошо знаете, что вы такой-же принцъ, какъ и я, что эти документы, о которыхъ здѣсь говорятъ, существовали только въ вашемъ воображеніи...

Въ пылу негодованія онъ грубо, полною горстью схватилъ несчастнаго за середину скюртука и потрясалъ его, не переставая говорить. Во-первыхъ, у этого скэтинга нѣтъ ни гроша—это аферисты. Ему не заплатятъ, и изъ всего этого останется только лубочная иллюстрація, позорящая его имя и имя его покровителя. Журналы опять примутся за свои остроты—Руместанъ и Вальмажуръ, дудка министерства... При воспоминаніи объ этихъ оскорбленіяхъ онъ все болѣе входилъ въ азартъ, широкія щеки его побагровѣли отъ прилива гнѣва, составлявшаго родъ семейной черты; имъ овладѣвалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ, которымъ была подвержена тетушка Порталь, и гнѣвъ его казался еще страшнѣе въ этой торжественной, административной обстановкѣ, гдѣ личности должны ступать передъ болѣе высокими соображеніями. — „Да убирайтесь-же, несчастный, убирайтесь!“.. кричалъ онъ во все горло. — „Въ васъ больше не нуждаются; ваша дудка никому не нужна“.

Вальмажуръ, оторопѣвъ, не протестовалъ, боржоталъ свое „ладно... ладно“... съ мольбою поглядывая на выразившее сожалѣніе лицо Межана, который одинъ не обратился въ бѣгство передъ гнѣвомъ начальника, и на большой портретъ Фонтана, который, казалось, былъ скандализованъ этой бурной сценой и все болѣе и болѣе принималъ „министерскій“ видъ, по мѣрѣ того, какъ Руместанъ его утрачивалъ. Наконецъ, схватившій музыканта

крѣпкій кулакъ разжался, и несчастный ногъ добрался до двери и выбѣжать, обезумѣвъ отъ испуга, позабывъ о своихъ билетахъ на представленіе въ скэтингъ.

„Кабанту, лоцманъ!“... сказалъ Нума, читая имя, которое представлялъ ему безстрастный приставъ. — „Еще другой Вальмажуръ!.. Ну нѣтъ!.. Довольно я разыгрывалъ съ ними роль дурака... На сегодня будетъ... Меня нѣтъ дома“...

Онъ продолжалъ рассказывать по кабинету, разряжаясь остатками того сильнаго гнѣва, главная доля котораго совершенно несправедливо обрушилась на Вальмажура. Этотъ Кардальякъ... какая наглость! Придти упрекать его за его крошку, здѣсь въ министерствѣ, въ присутствіи Межана, въ присутствіи Рошмора. — „Нѣтъ, я положительно слишкомъ слабъ... Назначеніе этого человѣка директоромъ Оперы — крупная ошибка“. Начальникъ кабинета совершенно раздѣлялъ это мнѣніе, но, разумѣется, не рѣшился-бы высказать его. Нума уже далеко не былъ прежнимъ добрякомъ, который первый смѣялся надъ своими промахами и умѣлъ выносить шутки и возраженія. Сдѣлавшись предсѣдателемъ кабинета министровъ, благодаря рѣчи въ Шамбери и нѣсколькимъ другимъ ораторскимъ подвигамъ, опьяненный своимъ высокимъ положеніемъ, этою царскою атмосферою, въ которой самыя крѣпкія головы терпятъ крушеніе, онъ пережѣнился, сталъ нервнымъ, капризнымъ, раздражительнымъ.

Растворилась скрытая подъ гардиною дверь, и въ комнату вошла мадамъ Руместанъ, собравшаяся ѣхать куда-то, въ изящной шляпкѣ, въ широкомъ плащѣ, скрывавшемъ ея талью. Обращаясь къ мужу съ тѣмъ яснымъ, счастливымъ выраженіемъ, которое вотъ уже пять мѣсяцевъ не сходило съ ея лица, она спросила: — „У тебя есть сегодня совѣтъ?.. Здравствуйте господинъ Межанъ“.

— Разумѣется... совѣтъ... засѣданія... Все!

— А я хотѣла просить тебя поѣхать со мною къ мамѣ... Я тамъ завтракаю... Гортензія была-бы такъ рада.

— Ты видишь, что это невозможно.

Онъ взглянулъ на часы.

— Къ двѣнадцати часамъ я долженъ быть въ Версалѣ.

— Въ такомъ случаѣ я подожду тебя и доведу до станціи.

Онъ колебался съ секунду, не болѣе какъ съ секунду.

— Хорошо... Я подпишу вотъ это, и мы поѣдемъ.

Пока онъ писалъ, Розалія въ полголоса передавала Межану извѣстія о своей сестрѣ. Зима дурно подѣйствовала на ея здоровье; ей запретили выѣзжать. Отчего онъ не придетъ навѣстить ея? Она нуждается во всѣхъ своихъ друзьяхъ! Межанъ отвѣчалъ съ грустнымъ, безнадежнымъ жестомъ: — „Помилюте, что-же я...“

— Да, да, увѣряю васъ... И въ вашемъ дѣлѣ послѣднее слово еще не сказано. Это не болѣе, какъ капризь; я увѣрена, что онъ пройдетъ.

Ей все представлялось въ розовомъ свѣтѣ, и она желала, чтобы всѣ вокругъ нея были счастливы, какъ она сама. О, она была такъ счастлива, и счастье ея было такъ полно, что по тайному суевѣрью, она никогда не признавалась въ этомъ. А Руместанъ всюду рассказывалъ о своей радости, людямъ постороннимъ и близкимъ, съ комическою гордостью: — „Мы назовемъ его дитя министерства“, говорилъ онъ и до слезъ смѣялся надъ своей шуткой. Право, кто зналъ о его жизни внѣ дома, о его беззащитивомъ хозяйствѣ на сторонѣ, съ приемами и открытымъ столомъ, — для того этотъ заботливый, нѣжный мужъ, говорившій со слезами на глазахъ о томъ, что онъ скоро будетъ отцомъ, казался загадочнымъ существомъ; онъ былъ наивенъ въ своей лжи, искрененъ въ своихъ порывахъ и вводилъ въ заблужденіе всякаго, кто не былъ знакомъ съ опасными осложнениями южныхъ натуръ.

— Я рѣшился проводить тебя... сказалъ онъ женѣ, садясь въ экипажъ.

— Но если тебя ждуть...

— А, не бѣда... подождуть... Мы дольше пробудемъ вмѣстѣ. Онъ взялъ Розалію подъ-руку и прижался къ ней, какъ ребенокъ.

— Знаешь-ли, вотъ только такъ мнѣ хорошо... Твоя кротость успокаиваетъ, твое хладнокровіе подкрѣпляетъ меня... Этотъ Кардальякъ просто вывелъ меня изъ себя... Этотъ человекъ безъ совѣсти, безъ правственности...

— Да развѣ ты не зналъ его?

— Просто позоръ, какъ онъ ведетъ свой театръ!..

— Правда, что приглашеніе этой госпожи Башелери... Но отчего-же ты не воспротивился этому?.. Дѣвушка, у которой все фальшиво, — молодость, голосъ и даже рѣсницы.

Нума чувствовалъ, что краснѣетъ. Вѣдь теперь онъ самъ своими толстыми пальцами привлеивалъ эти рѣсницы; ея мамаша научила его этому.

— И кому она принадлежитъ, эта драгоценность?.. „Messenger“ недавно говорилъ о какомъ-то высокомъ вліяніи, о таинственномъ покровительствѣ...

— Не знаю... Вѣроятно Кардальяку.

Онъ отвернулся, чтобы скрыть свое смущеніе и вдругъ съ ужасомъ откинулся назадъ.

— Что такое? спросила Розалія, тоже выглядывая изъ каретнаго окна.

Афиша скэтинга, громадная, раскрашенная въ яркіе цвѣта, бросавшіяся въ глаза подъ сѣрыми дождливими небомъ, красовалась на каждомъ углу улицы, на каждомъ свободномъ мѣстѣ обнаженной стѣны или досчатаго забора; она изображала исполинскаго трубадура, окруженнаго въ видѣ бордюра живыми картинами. Длинный заборъ, окружающій постройки Ратуши, возлѣ которой въ это мгновеніе проѣзжала карета, былъ облѣпленъ этой грубой, яркой рекламой, которая изумляла даже парижскихъ зѣвакъ.

— Мой палачъ! воскликнулъ Руместанъ съ комическимъ отчаяніемъ.

А Розалія возразила тономъ вроткаго упрека:— „Нѣтъ, твоя жертва... Да хорошо-бы, если-бы онъ одинъ! Но энтузіазмъ твой воспламенилъ еще другую“...

— Бого это?

— Гортензію.

Она рассказала ему о томъ, въ чемъ, наконецъ, сама окончательно увѣрилась, несмотря на скрытность молодой дѣвушки, — о любви ея къ крестьянину, которая сначала показалась ей простою фантазіей, а теперь беспокоила ее, какъ доказательство нравственнаго заблужденія сестры.

Министръ пришелъ въ негодованіе. — „Возможно-ли это?.. Этотъ неотесанный мужикъ, этотъ болванъ!“...

— Она смотритъ на него сквозь собственное воображеніе, а главное, сквозь твои легенды, твои измышленія, которыя она не сумѣла привести къ надлежащему масштабу. Вотъ почему эта реклама, эти смѣшныя раскрашенные картины, которыя тебя раздражаютъ, меня, напротивъ, радуютъ. Я надѣюсь, что герой ея

покажется ей такииъ смѣшнымъ, что у нея уже не хватитъ духу любить его. Если-бы не это, я просто не знаю, чтобы съ нами стало. Вообрази себѣ отчаяніе отца... вообрази себѣ самого зятемъ Вальмажура... Ахъ, Нума... неужели тебѣ, бѣдному, суждено вѣчно невольно морочить людей?..

Онъ не защищался, а напротивъ, обвинялъ самого себя и свой „проклятый югъ“, котораго не умѣлъ укротить.

— Знаешь, ты всегда должна-бы была быть возлѣ меня, вотъ такъ, какъ теперь, близко, близко, — моя дорогая совѣтница. моя святая покровительница. Ты одна добра и снисходительна ко мнѣ; ты одна понимаешь и любишь меня.

Онъ прижималъ къ губамъ ея маленькую, обтянутую перчаткой руку и говорилъ это такимъ убѣжденнымъ тономъ, что на глазахъ его показались слезы, настоящія слезы. Это изліяніе согрѣло, облегчило его, и онъ почувствовалъ себя лучше; а когда, прѣхавъ на Place Royale, Нума съ тысячью нѣжныхъ предосторожностей помогъ женѣ выйти изъ экипажа, онъ уже веселымъ голосомъ, безъ малѣйшаго слѣда угрызеній совѣсти, крикнулъ кучеру: — „на Лондонскую улицу... скорѣ!“

Розалія, шедшая очень медленно, смутно услышала адресъ, и это сдѣлало на нее неприятное впечатлѣніе. Не то, чтобы она подозрѣвала что-нибудь; но вѣдь онъ только-что говорилъ, будто отправляется на станцію Saint-Lazare. Отчего поступки его никогда не согласуются съ словами?.. Въ комнатѣ сестры ее ожидала другая тревога. Войдя, она почувствовала, что прервала споръ между Гортензійей и Одибертой, на лицѣ которой еще отражалась буря; лента еще вся дрожала на ея взбитыхъ, какъ у фурія, волосахъ; по выраженію губъ, по злобно сдвинутымъ бровямъ было видно, что присутствіе Розаліи удерживало ее. Но когда молодая женщина стала спрашивать ее про ея дѣла, она принуждена была отвѣчать и съ лихорадочнымъ одушевленіемъ заговорила объ „эскетингѣ“, о превосходныхъ условіяхъ, которыя съ ними заключили; наконецъ, удивленная спокойнымъ отношеніемъ Розаліи, она почти дерзко спросила ее: — „Развѣ вы не поѣдете послушать моего брата, сударыня?.. Это очень-бы стоило труда, хотя-бы для того, чтобы увидѣть брата въ его новомъ костюмѣ!“

Принявшись описывать въ своихъ мужицкихъ выраженіяхъ этотъ шутовской костюмъ, начиная отъ прорѣзовъ шляпы и кончая загну-

тѣми остроконечными носками башмаковъ, она подвергла настоящей пыткѣ бѣдную Гортензію, которая не смѣла взглянуть въ глаза сестрѣ. Розалія извинилась; состояніе здоровья не позволяло ей ѣздить въ театръ; къ тому-же въ Парижѣ есть увеселительныя мѣста, куда не всѣ женщины могутъ ходить. Крестьянка прервала ее на первыхъ-же словахъ.— „Извините... Я туда хожу, и мнѣ кажется, что я не хуже всякой другой... я никогда не дѣлала ничего дурного; я всегда исполняла свои религіозныя обязанности“. Она возвышала голосъ, не обнаруживая и слѣда своей прежней робости, какъ-будто уже приобрѣла права въ этомъ домѣ. Но Розалія была слишкомъ добра и слишкомъ хорошо сознавала свое нравственное превосходство надъ этой бѣдной, невѣжественной дѣвушкой, чтобы рѣзко оборвать ее, тѣмъ болѣе, что она помнила объ отвѣтственности, которая лежала въ этомъ дѣлѣ на Нумѣ. Со всѣмъ свойственнымъ ей тактомъ, со всею своею деликатностью, тѣми правдивыми словами, которыя исцѣляютъ, хотя и жгутся немного, она попыталась убѣдить Одиберту, что братъ ея не имѣлъ и никогда не будемъ имѣть успѣха въ этомъ безжалостномъ Парижѣ и что, вмѣсто того, чтобы упорно продолжать унижительную борьбу, спустившуюся уже въ область подонковъ артистическаго міра, они-бы лучше сдѣлали, если-бы вернулись на родину, опять купили-бы свой домъ,—а на все это имъ доставятъ средства,—и, принявшись за прежнюю трудолюбивую жизнь, на лонѣ природы, забыли о всѣхъ непріятностяхъ этой несчастной экскурсіи въ Парижъ.

Крестьянка дала ей договорить до конца, ни разу не прерывая ее и только иронически поглядывая на Гортензію своими злыми глазами, какъ-бы для того, чтобы вызвать ее на возраженіе. Наконецъ, вида, что молодая дѣвушка все еще ничего не хочетъ отвѣтить, она холодно объявила, что они не уѣдутъ, что у ея брата есть въ Парижѣ всякаго рода обязательства... „всякаго рода“... измѣнить которымъ для него совершенно невозможно. Послѣ этого она перекинула на руку тяжелый мокрый плащъ, висѣвшій на спинкѣ стула, съ лицемѣрною любезностью присѣла передъ Розаліей, сказала: „Прощайте, сударыня... благодарю покорно“ — и удалась въ сопровожденіи Гортензіи.

Въ передней, понизивъ голосъ, чтобы не слышали слуги, она обратилась къ Гортензіи: — „Въ воскресенье вечеромъ, неправда-ли, qu'è?.. Въ половинѣ одиннадцатаго, не забудьте“, и затѣмъ про-

должала настойчивымъ, почти повелительнымъ тономъ: „Поймите, что вы обязаны это сдѣлать для вашего бѣднаго друга... чтобы придать ему бодрости... къ тому-же, чѣмъ вы рискуете? Вѣдь я за вами зайду, я-же васъ провожу и домой“. Видя, что Гортензія все еще колеблется, она прибавила почти громко съ отѣвкомъ угрозы въ голосъ:

— Да что-же это, наконецъ, — певѣста вы его или нѣтъ?

— Я приѣду, приѣду... сказала молодая дѣвушка, испуганная этою выходкою.

Когда она вернулась въ комнату, Розалія, видя, что сестра озабочена и печальна, спросила:

— О чемъ ты мечтаешь, дорогая моя?.. Романъ твой все еще продолжается?.. Теперь онъ, я думаю, уже очень подвинулся! весело прибавила она, обвивая рукою ея талью.

— О, да, очень...

Послѣ нѣкотораго молчанія Гортензія прибавила съ меланхолической интонаціей въ голосъ:

— Не вижу я только конца!

Она уже не любила его болѣе; да, быть можетъ, и никогда не любила. Преобразившись въ ея глазахъ, благодаря долгому отсутствію, благодаря тому поэтическому ореолу, которымъ несчастье окружало ея Абенсерага *), онъ издали казался ей человѣкомъ, посланнымъ ей судьбою. Ей показалось такимъ благороднымъ подвигомъ связать свое существованіе съ тѣмъ, котораго всѣ покидали, — счастье и покровители. Но по возвращеніи все представилось ей въ безжалостно ясномъ свѣтѣ, и она съ ужасомъ увидѣла, до какой степени ошиблась.

Въ первое-же посѣщеніе Одиберта неприятно поразила ее своими новыми, слишкомъ свободными и фамиллярными манерами, многозначительными взглядами, съ которыми она шопотомъ предупреждала ее: — „Онъ придетъ за мною... тсъ!.. ни слова!“ Все это показалося ей слишкомъ уже поспѣшнымъ, слишкомъ смѣлымъ; въ особенноти мысль ввести этого молодаго человѣка въ домъ ея роди-

*) Абенсерагами назывались члены одного могучаго племени въ Гренадскомъ королевствѣ.

Пр. переводчика.

телей. Но крестьянскѣ хотѣлось поскорѣе обдѣлать это дѣльце. Гортензія тотчасъ поняла свое заблужденіе, какъ только увидѣла балаганнаго артиста, вдохновеннымъ движеніемъ откидывавшаго назадъ свои волосы и безпрестанно поправлявшаго испанскую шляпу на своей характерной головѣ. Онъ все еще былъ красивъ, но, очевидно слишкомъ ужъ заботился о своей наружности.

Вмѣсто того, чтобы явиться смиреннымъ, заслужить прощенье за великодушный порывъ, котораго онъ былъ причиною, онъ принялъ побѣдоносный, фатовской видъ и, не говоря ни слова, — такъ-какъ не зналъ, о чемъ и говорить, — обошелся съ изящной парижанкой такъ, какъ обошелся-бы въ подобномъ случаѣ со своей красавицей изъ Коломбетъ, — съ жестомъ война-трубадура взялъ ее за талью и хотѣлъ привлечь къ себѣ. Она вырвалась со всею силою внезапно овладѣвшаго ею отвращенія, такъ-что онъ остановился, оторопѣвъ и не зная, куда дѣваться; Одиберта поспѣшила вмѣшаться въ дѣло и принялась бранить брата. „Что это за манеры такія? Видно онъ научился имъ въ Парижѣ, въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьи, со своими герцогинями?“

— Подожди, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда она сдѣлается твоею женою!

Обращаясь къ Гортензіи, она прибавила:

— Онъ васъ такъ любитъ... кровь такъ и кипитъ въ немъ, *récaigé!*

Съ тѣхъ поръ, когда Вальмажуръ приходилъ за сестрою, онъ считалъ своею обязанностью напускать на себя мрачный, подавленный видъ, какъ на виньеткахъ музыкальныхъ сценъ; — „*la mer m'attend, le chevalier Hadjoute*“. Это могло-бы тронуть молодую дѣвушку, но бѣдняга положительно представлялъ собою слишкомъ очевидное ничтожество. Онъ только и умѣлъ поглаживать свою войлочную шляпу, рассказывая о своихъ успѣхахъ въ дворянскомъ предмѣстьи да объ интригахъ въ средѣ актеровъ. Однажды онъ въ продолженіи цѣлаго часа говорилъ съ ней о невѣжливости красавца Майоля, который послѣ какого-то концерта не захотѣлъ поздравить его; и все время онъ повторялъ:

— Вотъ онъ какой, вашъ Майоль!.. Вѣ, нечего сказать, вѣжливъ вашъ Майоль!

А тутъ еще вертѣлась Одиберта въ роли наблюдательницы, какъ суровый жандармъ охранявшая нравственность этихъ холод-

ныхъ любовниковъ. О, если-бы она съумѣла прочитатъ въ душѣ Гортензіи ужасъ и отвращеніе, овладѣвшіе ею послѣ того, какъ она убѣдилась въ своей роковой ошибкѣ!

— У! трусиха, трусиха... говорила она ей иногда, пытаясь смѣяться, между тѣмъ какъ глаза ея свѣтились гнѣвомъ. Она находила, что дѣло ужь слишкомъ медленно тянется и думала, что молодая дѣвушка боялась упрековъ и сопротивленія родителей. Какъ-будто подобныя соображенія могли удержатъ эту свободную, гордую натуру, если-бы въ сердцѣ ея заговорила истинная любовь; но легко-ли сказать: „я его люблю!“ готовиться къ борьбѣ, воодушевляться, бороться, когда совѣмъ не любишь?

Тѣмъ не менѣе она обѣщала, и съ каждымъ днемъ къ ней приставали съ новыми требованіями; на этотъ разъ дѣло касалось перваго представленія въ скэтингѣ, куда Одиберта во что-бы то ни стало хотѣла ее свести, рассчитывая на уснѣхъ брата, на впечатлѣніе бурныхъ рукоплесканій, чтобы сразу подвинуть дѣло къ развязкѣ. Послѣ долгаго сопротивленія обѣдняжка, наконецъ, согласилась на эту вечернюю экспедицію, которая должна была совершиться по секрету отъ матери, требовала лжи и унижительнаго общенія съ Одибертою. Она уступила, наконецъ, по слабости, а быть можетъ, и въ надеждѣ снова найти тамъ образъ своихъ первыхъ мечтаній, исчезнувшій миражъ, опять зажечь безнадежно угасшее пламя.

ГЛАВА XV.

Скэтингъ.

Гдѣ это?.. Куда она ѣдетъ?.. Экипажъ ехалъ долго, долго; Одиберта, сидя возлѣ нея, держала ея руки въ своихъ рукахъ, убѣждала, говорила съ лихорадочнымъ жаромъ... Гортензія ни на что не смотрѣла, ничего не слышала, и скрипѣніе этого пронзительнаго голоса, раздававшагося среди грохота колесъ, не имѣло для нея никакого смысла, точно такъ-же какъ всѣ эти улицы, бульвары, фасады, которые представлялись не въ обычномъ своемъ видѣ, а словно обезцвѣченные овладѣвшимъ ею сильнымъ волненіемъ, какъ-будто она смотрѣла на нихъ изъ похоронной или свадебной кареты... Наконецъ, экипажъ всколыхнулся въ послѣдній

разъ и остановился передъ широкимъ троттуаромъ, залитымъ яркимъ свѣтомъ, подъ которымъ рѣзко выдѣлялась, въ видѣ черныхъ кипащихъ тѣней, собравшаяся здѣсь толпа. Окошечко для продажи билетовъ при входѣ въ широкій корридоръ, обитая краснымъ бархатомъ, автоматически затворяющаяся дверь, а вслѣдъ за тѣмъ зала, огромная зала, которая своею среднею частью, своими боковыми галереями и штукатурною работою на высокихъ стѣнахъ напомнила ей англиканскую церковь, въ которой она была одинъ разъ на свадьбѣ. Но здѣсь стѣны были покрыты пестрыми афишами, объявленіями, возгласавшими о пробковыхъ шляпахъ, о рубашкахъ, изготовляемыхъ на заказъ, по мѣркѣ, за четыре съ половиною франка за штуку, рекламами магазиновъ готоваго платья, красовавшимися на ряду съ портретами тамбуринщика, котораго біографію выкрикивали особеннымъ, гнусавымъ голосомъ, свойственнымъ продавцамъ театральныхъ афишъ. Въ залѣ стоялъ оглушительный гамъ, въ которомъ ропотъ волнующейся толпы жужжаніе волчковъ на сукнѣ англійскихъ бильярдовъ, крики посѣтителей, заказывавшихъ консоммацію, урывки музыкальной гармоніи, заглушаемой раздававшимися въ концѣ залы патріотическими залпами — смѣшивались съ непрерывнымъ шумомъ отъ колесныхъ коньковъ, перекатывавшихся по всѣмъ направленіямъ на обширномъ пространствѣ, покрытомъ асфальтомъ и обнесенномъ оградой, гдѣ мелькали костюмы и шляпы изъ временъ директоріи.

Оробѣвшая, растерянная, то краснѣвшая, то блѣднѣвшая подъ своею вуалью, Гортензія шла вслѣдъ за провансалкою, съ трудомъ пробираясь сквозь лабиринтъ маленькихъ круглыхъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ столиковъ, за которыми по парно сидѣли какія-то женщины; опершись локтями на столъ, съ папироскою въ зубахъ, высоко подобравъ колѣни, онѣ пили съ выраженіемъ скуки на лицахъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, около стѣнъ, находились уставленные бутылками стойки, и за каждою стояла дѣвица съ подмалеванными рѣсницами, съ пунцовыми, словно кровавыми, губами, съ стальными блестками въ черной или рыжей куафюрѣ, прядями спускавшейся на лобъ. И эти бѣлые, черные штрихи и пятна раскрашеннаго тѣла, эта подрумяненная улыбка встрѣчались на лицахъ всѣхъ женщинъ, какъ общая ливрея этихъ блѣдныхъ ночныхъ призраковъ. А сколько невеселыхъ думъ вызывали всѣ эти мужчины, медленно расхаживавшіе по залѣ, нахальные и

грубые, толпившіеся между столами, выпускавшіе направо и налѣво дымъ своихъ толстыхъ сигаръ, съ оскорбительною наглостью прицѣпившіеся къ выставленному товару, стараясь разглядѣть его поближе. Но въ особенности придавала всей картинѣ характеръ рынка — эта космополитическая публика, изъяснявшаяся на коверканномъ французскомъ языкѣ, понабравшаяся сюда изъ гостиницъ, чуть не наканунѣ прибывшая въ Парижъ и явившаяся сюда въ дорожномъ неглиже; здѣсь были: шотландскія шапки, полосатые сюртуки, костюмы еще пропитанныя туманомъ Ламанша, московскія шубы, спѣшившія отогрѣться, длинныя черныя бороды и высокомѣрныя мины съ береговъ Шпре, изъ-подъ которыхъ сквозили фізіономіи фавновъ и татарская прожорливость, оттоманскія фески въ сюртукахъ безъ воротничковъ, щегольскія одѣтые негры, лоснившіеся, какъ шелковый ворсъ на ихъ шляпахъ, маленькіе японцы въ европейскихъ костюмахъ, сморщенные и безупречные, какъ побывавшія въ огнѣ модныя картинки.

— *Vous Diou!* какъ онъ безобразенъ... воссѣличала вдругъ Одиберта, останавливаясь передъ какимъ-то китайцемъ, важно расхаживавшимъ со своею длинною косою, висѣвшею вдоль спины его синяго балахона; или она останавливалась и, толкая локтемъ свою спутницу, шептала: — „*V é, v é!* смотрите, новобрачная“ ... указывая на женщину, развалившуюся на двухъ стульяхъ, изъ которыхъ одинъ поддерживалъ ея бѣлыя шелковыя ботинки съ серебряными каблучками; она была въ бѣломъ платьѣ съ открытою грудью, съ распущеннымъ шлейфомъ, съ померанцовыми цвѣтами, прикалывавшими къ волосамъ ея кружевную оборку короткаго вуаля. Вслѣдъ затѣмъ, скандализованная какою-нибудь фразою, объяснявшею значеніе этого случайнаго подвѣчнаго костюма, провансалка таинственно прибавляла: — „Распутная женщина, должно быть.“ Чтобы поскорѣе удалить Гортензію отъ этого дурного примѣра, она увлекла ее въ огороженное пространство на серединѣ залы, въ глубинѣ котораго, тамъ, гдѣ въ церкви помѣщается клиросъ, возвышался театръ, залитый перемежающимися электрическимъ свѣтомъ, исходявшимъ изъ двухъ полушарій, помѣщавшихся тамъ наверху, между фризами, подобно лучезарнымъ глазамъ Предвѣчнаго Отца на образахъ. Здѣсь публика отдыхала отъ шумнаго скандала, царившаго въ боковыхъ галлереяхъ. Въ рядахъ креселъ размѣщались семейства мелкихъ буржуа, поставщи-

ковъ этого квартала. Женщинъ было мало. Можно было-бы подумать, что находишься въ какой-нибудь театральной залѣ, если-бы не страшный гамъ со всѣхъ сторонъ, въ которомъ больше всего выдавался правильный, неотвязный гулъ коньковъ на асфальтѣ, заглушавшій трубы и даже барабаны оркестра и допускавшій только мимику живыхъ картинъ.

Въ эту минуту занавѣсъ спускался надъ патриотическою картиною: Бельфорскій левъ, громадный, изъ картонной массы, окруженный солдатами въ торжествующихъ позахъ, на разрушенныхъ уврѣпленіяхъ; кепи надѣты на концы ружей, которыми солдаты размахиваютъ подъ тавтъ неслышной марсельезы. Этотъ гамъ, это обснованіе возбуждали провансалку, у которой положительно разбѣгались глаза. Усаживая Гортензію, она спрашивала: — „Намъ хорошо теперь, qu'ê?... Да поднимите-же вашу вуаль... да не дрожите такъ... отчего вы дрожите?... Со мною вы ничѣмъ не рискуете“. Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала; она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ этой медленной прогулки подъ огнемъ оскорбительныхъ взглядовъ, въ продолженіи которой она совершенно смѣшалась съ толпою этихъ испитыхъ фізіономій. А теперь опять, опять онѣ, эти ужасныя маски съ кровавыми губами, вотъ тамъ, напротивъ нея, въ гримасахъ двухъ одѣтыхъ въ трико ломающихся клоуновъ; въ каждой рукѣ у нихъ по бѣлоколу, и въ промежутки между прыжками они вызваниваютъ арію изъ „Марты“; истинная музыка гномовъ, безобразная, нескладная, совершенно умѣстная среди гармонической вавилонщины, господствующей въ скетингѣ. Послѣ этого занавѣсъ опять опустился; крестьянка, вскакивавшая и снова садившаяся разъ по десяти, волнуясь и безпрестанно поправляя свой чепецъ, вдругъ восеклинула, взглянувъ на программу: „Кордовская гора... кузнечики... Фарандола... Начинается, смотрите, vé, vé!“

Занавѣсъ снова поднялся, и взорамъ зрителей представился въ глубинѣ сцены, на полотнѣ, лиловый холмъ, на которомъ возвышалось бѣлое каменное зданіе, странной архитектуры, на половину замокъ, на половину мечеть; оно поднималось въ видѣ минаретовъ и террасъ, вырѣзывалось на горизонтѣ своими стрѣльчатыми сводами и зубчатыми амбраурами, окруженное алоевыми деревьями и пальмами изъ цинка, неподвижно стоявшими у подножья башенъ подъ непомятно яркимъ темно-голубымъ небомъ.

Несмотря на все это, несмотря на рѣзкія краски на склонахъ горы, поросшихъ цвѣтущимъ тимьяномъ, на экзотическія растенія, каковымъ то образомъ попавшія на Кордовскую гору, Гортензія чувствовала, какъ ея овладѣвало тревожное волненіе при видѣ этого пейзажа, съ которымъ были связаны самыя свѣтлыя ея воспоминанія,—и этотъ султанскій дворецъ на горѣ изъ розоваго порфира, этотъ заново отстроенный замокъ казался ей осуществленіемъ ея мечты, но шутовскимъ и карикатурнымъ, какъ бываетъ въ ту минуту, когда сновидѣніе уже готово исчезнуть подъ давленіемъ кошмара. По сигналу оркестра, толпа длинныхъ стрекозъ, представленныхъ въ видѣ раздѣтыхъ женщинъ, обтянутыхъ въ изумрудно-зеленое шелковое трико, высыпала на сцену, подъ лучами электрическаго свѣта, размахивая своими длинными перепончатыми крыльями и скрипящими трещотками.

— Это кузнечики?.. ну, вотъ еще!.. *pas plus!*.. воскликнула съ негодованіемъ провансалеа.

Но стрекозы уже выстроились полукругомъ, въ видѣ аквамаринаго полумѣсяца, продолжая потрясать своими трещотками, которыя теперь были ясно слышны, такъ-какъ царившій въ сѣтнѣ шумъ унялся, окружавшій зрительную залу гулъ на минуту стихъ и со всѣхъ сторонъ видѣлись только тѣсные ряды наклоненныхъ головъ подъ всевозможными куафюраами. Тоска, охватившая Гортензію, еще болѣе усилилась, когда, сначала издадека, а потомъ все яснѣе и яснѣе стали доноситься глухіе звуки тамбурина. Она желала-бы убѣжать и не видѣть того, что должно было теперь произойти. Вслѣдъ за тамбуриномъ послышались жидкія, дробныя ноты дудки, и фарандола, выбивая своимъ жѣрнымъ топотомъ пылъ изъ ковра, выкрашеннаго подъ цвѣтъ земли, высыпала на сцену въ фантастическихъ костюмахъ, въ яркихъ короткихъ юбкахъ, въ красныхъ, расшитыхъ золотомъ чулкахъ, въ украшенныхъ блестящими курткахъ, въ шелковыхъ головныхъ уборахъ съ золотыми пехинами, сдѣланныхъ по итальянскимъ, бретонскимъ или коскимъ *) образцамъ, съ истинно-парижскимъ презрѣніемъ къ исторической точности въ изображеніи мѣстныхъ условій. Позади всѣхъ, жѣрнымъ шагомъ, откидывая колѣномъ облѣпленный золотой бумагой тамбуринъ, шолъ великій трубадуръ,

*) Женское населеніе Ко (Саух), въ Нормандіи славится красотой и богатыми головными уборами.

Прим. пер.

„Дѣло“, № 10, 1881 г. I.

о которомъ возвѣщали афиши, въ обтягивавшемъ тѣло двухцвѣт-
номъ костюмѣ: одна нога—желтая въ голубомъ башмакѣ, дру-
гая—голубая въ желтомъ башмакѣ; шелковой ка мзолъ съ бан-
тами; бархатная шляпа съ зубчатыми краями, осѣнявшая лицо,
которое, несмотря на бѣлила, осталось смуглымъ, и въ которомъ
хорошо можно было разглядѣть только усы, навощенны венгер-
скою помадою.

— О! воскликнула Одиберта въ восхищеніи.

Фарандола выстроилась съ обѣихъ сторонъ сцены, передъ длин-
нокрылыми кузнечиками, а трубадуръ, оставшись одинъ по сере-
динѣ, подъ взоромъ Превѣчнаго Отца, осыпавшаго его одежду
инеемъ серебристаго свѣта, поклонился публикѣ съ увѣреннымъ,
побѣдоноснымъ видомъ. Обада началась. Дикіе, топчіе звуки, едва
залетавшіе за предѣлы рампы, въ продолженіи одного мгновенія
дрожали надъ нею, трепетали между флагами подъ потолкомъ и
около колоннъ громадной залы и, наконецъ, замирали въ тоскли-
вомъ безмолвіи. Публика смотрѣла, не понимая, въ чемъ дѣло.
Вальмажуръ началъ другую пьесу, которая съ первыхъ-же нотъ
была встрѣчена смѣхомъ, ропотомъ и остротами. Одиберта схва-
тила руку Гортензи:

— Это возни враговъ... Слушайте!

На этотъ разъ возни ограничились нѣсколькими возгласами:
„Довольно!.. Громче!“... или шутками въ родѣ той, которую
крикнула хриплымъ голосомъ какая-то женщина, передразнивая
жестивуляцію игравшаго музыканта.

— Скоро-ли ты кончишь, ученый кроликъ?

Затѣмъ скэтингъ принялся за свои обычныя занятія, — загу-
дѣли коньки, затрещали англійскіе билліарды и началось преж-
нее шумное движеніе, заглушившее и дудку, и тамбуринъ муз-
канта, который продолжалъ, однако, обработывать ихъ вплоть до кон-
ца обады. Послѣ этого онъ поклонился публикѣ, подошелъ къ рам-
пѣ, сопровождаемый во всѣхъ своихъ движеніяхъ пучкомъ свѣта,
исходившаго изъ скрытаго отъ глазъ публики источника и не по-
кидавшаго его ни на одно мгновеніе. Видно было, что губы его
шевелились и произносили какія-то отрывочныя слова: „Эта мысль
пришла мнѣ въ голову... одно отверстіе... три отверстія... Божья
птичка“...

Его отчаянный жестъ, понятый оркестромъ, послужилъ сигнала-

ломъ для начала балета; стрекозы переплелись съ косыми гу-
рjami и начались пластическія позы, плавныя и сладострастныя
пляски при бенгальскомъ освѣщеніи, заливавшемъ радужными цвѣ-
тами все, вплоть до остроконечныхъ башмаковъ трубадура, кото-
рый продолжалъ выдѣлывать свою миимику, играя на беззвуч-
номъ тамбуринѣ передъ замкомъ своихъ предковъ, подъ ореоломъ
апофеозы.

И это былъ ея романъ!.. Вотъ что сдѣлалъ изъ него Па-
рижъ!..

...Стѣнные часы, висѣвшіе въ комнатѣ Гортензiи, прибли-
ли часъ. Она поднялась съ кушетки, на которую въ изнеможеніи
опустилась по возвращеніи, и окинула взглядомъ свое уютное дѣ-
вичье гнѣздышко, слабо озаренное нѣжнымъ, успокоительнымъ свѣ-
томъ едва мерцавшаго ночника. — „Что я здѣсь дѣлаю? Отчего я
еще не въ постели?“

Она ничего не помнила; но все тѣло было точно разбито, въ
головѣ шумѣло, въ вискахъ стучало. Она сдѣлала два шага, за-
мѣтила, что до сихъ поръ оставалась въ шляпѣ и въ плащѣ —
и вдругъ вспомнила все. Она вспомнила, какъ опустился зана-
вѣсъ, какъ онѣ поднялись и отправились въ обратный нуть по
отвратительному рынку, еще болѣе оживленному подъ конецъ ве-
чера; вспоминала о какихъ-то пьяныхъ крикунахъ, дравшихся пе-
редъ стойкою, о циническихъ голосахъ, шептавшихъ ей какую-то
цифру, когда она шла мимо, о сценѣ, которую ей сдѣлала при
выходѣ Одиберта, желавшая, чтобы она пошла поздравить ея бра-
та, о ея гнѣвныхъ изліяніяхъ въ извощичьемъ экипажѣ, объ
оскорбленіяхъ, которыми осыпала ее это низкое созданіе, съ тѣмъ,
чтобы вслѣдъ за этимъ броситься цѣловать ея руки, унижаться
передъ нею, вымаливать прощеніе. Все это сливалось и перепуты-
валось въ ея памяти съ прыжками клоуновъ, съ нестройными зву-
ками колоколовъ, цимбаловъ, трещетокъ, съ разноцвѣтными огнями,
плававшими вокругъ смѣшнаго трубадура, которому она отдала свое
сердце. При этой мысли ея овладѣли ужасъ и отвращеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда... лучше умереть!

И вдругъ она увидала въ висѣвшемъ противъ нея зеркалѣ
привидѣніе съ впалыми щеками, съ узкими плечами, съезжившееся
какъ-будто отъ холода; оно нѣсколько походило на нее, но не-

сравненно болѣе на принцессу Ангальтскую, печальную фигуру которой она съ соболѣзвующимъ любопытствомъ изучала въ Арвильяръ и которая умерла въ началѣ зимы.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло!..

Она наклонилась, придвинулась еще ближе, вспомнила о необычайной добротѣ, которую всѣ тамъ обнаруживали относительно нея, о постоянномъ страхѣ матери, о странномъ порывѣ нѣжности со стороны старика Бушро при ея отъѣздѣ—и поняла... Наконецъ-то, она нашла развязку... Развязка пришла сама собою... Она уже долго искала ее.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Вполнѣ справедливо, что соціологія, какъ наука объ *обществѣ*, тогда только и станетъ на ноги, когда раскроются законы, регулирующие дѣятельность *личности*, такъ-какъ «соціологическіе законы основаны на тѣхъ законахъ, которыми управляется личность». Не менѣе справедливо, что до сихъ эти законы еще совершенно невыяснены. Однако, и теперь мы можемъ уже кое что сдѣлать въ смыслъ приблизительнаго выясненія этихъ законовъ. Несомнѣнно, что извѣстныя отношенія послѣдовательности и сосуществованія (*coexistentia* въ логикѣ) явленій даютъ намъ точку опоры для построенія законовъ. Вѣдь сами законы суть ничто иное, какъ идеальное, стало-быть, по необходимости обобщенное выраженіе реальныхъ, конкретныхъ отношеній сосуществованія и послѣдовательности.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, понятіе о соціологическихъ законахъ можно извлечь только изъ наблюденія общественной жизни въ ея совокупности. Такъ-какъ общество состоитъ изъ личностей, то глазу наблюдателя должны прежде всего представиться отношенія людей къ людямъ внутри общества, отношенія фактическія. Анализируя фактическія отношенія между людьми, мы естественно придемъ къ факторамъ, вызвавшимъ эти отношенія, и найдемъ такіе факторы въ потребностяхъ и чувствахъ отдѣльной личности. Слѣдовательно, нужно начать съ анализа этихъ потребностей и чувствъ.

II.

Приступая къ попыткѣ разложить соціологическіе элементы личности на болѣе простыя составныя ихъ части, мы чувствуемъ значительную робость. Психологія еще такая, если можно такъ выразиться, ненаучная наука; ея область такъ еще смутна и неопредѣлена, такъ еще много въ ней гипотетическаго. Вожаки европейской науки еще препираются насчетъ опредѣленія области психологіи, способа изученія психологическихъ явленій, значенія въ психологіи самонаблюденія и т. п. (см. Милля, Спенсера, Льюиса, Маудсли и т. д.) Съ другой стороны детальное изученіе какихъ-нибудь отдѣльныхъ психологическихъ сложныхъ явленій, наприм., эстетическаго чувства или любви къ политической свободѣ, религіознаго-ли чувства или еще чего-либо подобнаго, то-же въ значительной степени трудно.

Съ одной стороны изслѣдованіе такихъ частныхъ явленій слишкомъ поверхностно и напоминаетъ дидактическія разсужденія средневѣковыхъ схоластиковъ. Съ другой стороны обстоятельный частный анализъ чрезвычайно усложняетъ дѣло, притягиваетъ къ изслѣдованію массу побочныхъ обстоятельствъ, соприкасающихся съ площадью изслѣдованія, и заставляетъ, говоря объ одномъ чувствѣ, перебирать ряды и другихъ чувствъ. Это мѣшаетъ ясности анализа, не говоря уже объ объемѣ такихъ разсужденій, который препятствуетъ сжать результаты ихъ въ границахъ журнальной статьи.

Гегелю пришлось, напр., прослѣживая путешествіе абсолютнаго духа подъ матеріальной «опредѣленностью» на всѣхъ ея ступеняхъ (согласно его основной мысли, выраженной въ «Naturphilosophie, s. 32: «die Natur ist als ein System von Stufen zu betrachten, deren eine aus andern hervorgeht», причемъ совѣтуется смотрѣть на это рожденіе идей идеями не какъ на естественное, а какъ на происходящее «in der innern, den Grund der Natur ausmachenden Idee»), и дойдя до пребыванія абсолюта въ эстетической шкурѣ, написать цѣлую «эстетику». Шиллеръ писалъ предлинныя статьи по поводу частности эстетическаго чувства, трактую, напр., объ «основаніи удовольствія, ощущаемаго отъ трагическихъ предметовъ». Современные психо-физики, — Гельгольцъ, Вундтъ, Фехнеръ, — не мало страницъ посвятили уясненію эстетическаго наслажденія звуками, число колебаній которыхъ находится въ сравнительно-простомъ отношеніи, или эстетичности «дѣленія линіи въ крайнемъ и среднемъ отношеніи».

Дарвину очечь много пришлось трудиться надъ анализомъ полового чувства.

Такъ-какъ мы признаемся въ недостатокѣ спеціальныхъ знаній по психологіи, то и для насъ, и для читателя будетъ выгодно, если мы возьмемъ за путевожителя для нашего странствія по области психологіи какой-нибудь психологическій трактатъ. Мы предпочитаемъ остановиться на «основаніяхъ психологіи» Спенсера.

Хотя о Спенсерѣ писалось для русской публики много и хорошо, хотя въ этомъ многомъ и хорошемъ заключалась талантливая критика крупныхъ недостатковъ Спенсера, напр., мнимаго его объективизма или, вѣрнѣе, объективничанья, буржуазности его мировоззрѣнія, тѣмъ не менѣе мы считаемъ небезполезнымъ для русскаго читателя познакомиться именно съ Спенсеромъ, какъ психологомъ на томъ основаніи, что его трактатъ цѣликомъ основанъ на дарвиновскомъ ученіи о развитіи, принятомъ теперь почти всѣми сколько-нибудь замѣчательными учеными стараго и новаго свѣта.

III.

Въ главѣ «Общественность и симпатія» («Основанія психологіи», т. IV, часть восьмая, глава 5-я) Спенсеръ задается цѣлью указать возникновеніе потребности органическихъ существъ жить совмѣстно жизнью и до извѣстной степени питать благожелательныя чувства другъ къ другу, т. е. иными словами, Спенсеръ подходитъ къ рѣшенію вопроса, какимъ образомъ вообще возникаетъ общее чувство, съ котораго «начинается общественная жизнь», и въ какихъ формахъ и при какихъ условіяхъ это чувство проявляется.

«Въ органическомъ мірѣ, говоритъ Спенсеръ, существуютъ двѣ наиболѣе главныя и наиболѣе общія функціи: самосохраненіе и сохраненіе породы; что-же касается до другихъ болѣе спеціальныхъ функцій, то всѣ онѣ имѣютъ, по сравненію съ этими, лишь подчиненное значеніе». (I. с., стр. 258 русскаго изданія).

И та, и другая функціи являются факторами, произведеніе которыхъ опредѣляетъ степень развитія въ живыхъ существахъ привычекъ какъ къ уединенности, такъ и къ стадности. «Сообразно съ тѣми условіями, въ которыя поставленъ данный видъ *относительно пищи и относительно возвращенія дѣтенышей*, онъ можетъ находить выгоду иногда въ уединенныхъ при-

вычкахъ, иногда въ стадныхъ привычкахъ, а иногда въ извѣстномъ чередованіи однихъ привычекъ съ другими» (ibid.).

Ясно, что если мы хотимъ прослѣдить генезисъ чувствъ въ живомъ существѣ, начиная отъ низшаго типа и кончая линнеевскимъ «*homo sapiens*», тѣхъ чувствъ, на которыхъ зиждутся фактическія отношенія между особями и которыя даютъ начало общественной жизни,—мы должны предположить, что наши двѣ функціи или факторы, перемножаясь, такъ-сказать, другъ на друга, въ извѣстномъ измѣруемомъ нами случаѣ производятъ необходимо извѣстный минимумъ стадныхъ привычекъ, не позволяющихъ особямъ разсѣяться и разбрестись окончательно другъ отъ друга. Такое предположеніе само-собою понятно: если нѣтъ минимума «общественной жизни», нѣтъ и «фактическихъ отношеній»; нѣтъ фактическихъ отношеній, — нѣтъ и возможности проявиться «соціологическимъ элементамъ» личности.

Итакъ, мы должны предположить, что функція самосохраненія и функція воспроизведенія сблизили между собою особей настолько, что возникли между ними фактическія отношенія, возникли и стадныя привычки.

Понятно, что характеръ этихъ отношеній и привычекъ долженъ прежде всего обуславливаться характеромъ нашихъ двухъ функцій. Постольку особи сближаются между собою, постольку привыкаютъ другъ къ другу, насколько этого требуетъ успѣшный ходъ функцій. Присмотримся поближе къ характеру послѣднихъ, рассмотримъ ихъ значеніе. Функція воспроизведенія, кажется, понятна безъ особыхъ объясненій. Она требуетъ, чтобы стали въ половыя отношенія двѣ особи разнаго пола, чтобы самка, оплодотворенная самцомъ, родила дѣтеныша и чтобы онъ былъ сохраняемъ родителями, пока самъ не будетъ обходиться безъ посторонней помощи. Разумѣется, необходимымъ условіемъ для успѣшности этой функціи должно быть нормальное теченіе другой функціи, функціи самосохраненія, проявляющейся въ обоихъ взрослыхъ особяхъ. Недостатокъ самосохраненія, подтачивающій жизненныя силы особей, способенъ привести ихъ организмъ въ состояніе истощенія, при которомъ половое соединеніе будетъ бесплодно. Съ другой стороны, въ этомъ случаѣ даже произведеніе дѣтеныша не есть еще собственно воспроизведеніе рода. Отъ истощенныхъ родителей и дѣтенышъ, въ силу наследственности, долженъ родиться крайне слабымъ и имѣющимъ мало шансовъ на дальнѣйшую жизнь и дальнѣйшее воспроизведеніе породы. Наконецъ, самый процессъ возвращенія дѣтеныша требуетъ отъ родителей наряду съ симпатическими чувствами къ дѣтенышу опять-таки извѣстной доли самосохраненія:

питаніе, напр., дѣтеныша должно въ значительной степени обусловливаться надлежащимъ питаніемъ родителей. Въ силу закона наслѣдственности и выживанія приспособленнѣйшихъ къ борьбѣ за существованіе, болѣе сильныхъ и здоровыхъ особей,— по истеченіи длиннаго ряда лѣтъ должна пережить другихъ такая группа или порода животныхъ, у которой функція воспроизведенія будетъ болѣе обусловливаться функціей самосохраненія.

Отъ установленія этой связи между функціями перейдемъ къ разсмотрѣнію функціи самосохраненія. Что означаетъ эта функція? Самосохраненіе есть стремленіе организма поддержать въ цѣлости тѣ процессы, совокупность которыхъ называется «жизнью». Что-же за штука эта жизнь?

Послушаемъ, что говоритъ біологія, и возьмемъ для ориентировки другое сочиненіе Спенсера «Основаніе біологіи». Здѣсь авторъ путемъ первичныхъ обобщеній доходитъ до опредѣленія, что жизнь есть «опредѣленная комбинація разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ» («Осн. біологіи», ч. I глава IV). При этомъ опредѣленіи, конечно, тотчасъ-же возникаетъ вопросъ, отчего-же зависятъ эти измѣненія? Надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ вводитъ въ кругъ элементовъ опредѣленія еще одинъ элементъ: кромѣ измѣненій организма, онъ указываетъ на измѣненія внѣшней, посторонней организму среды. Въ результатъ получается болѣе точное опредѣленіе: жизнь есть «опредѣленная комбинація разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, соответствующихъ внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ» (I. с., глава V). Кратче понятіе о жизни можно выразить слѣдующимъ образомъ: «жизнь есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ отношеніямъ внѣшнимъ» (I. с.) Мы воспользуемся для нашихъ цѣлей послѣднимъ опредѣленіемъ, какъ его повторяетъ и развиваетъ Спенсеръ въ другомъ мѣстѣ, въ «Основаніяхъ психологіи»: «жизнь каждаго организма есть непрерывное приспособленіе его внутреннихъ дѣйствій къ внѣшнимъ дѣйствіямъ; такъ-что полное истолкованіе внутреннихъ дѣйствій непремѣнно предполагаетъ признаніе существованія внѣшнихъ дѣйствій». («Осн. псих.», т. I, часть I, глава VII, стр. 140 рус. изданія).

Итакъ функція самосохраненія, какъ функція охраненія организмомъ своей жизни,—въ послѣдней и заключается все «я» организма, — есть ничто иное, какъ функція сохраненія тѣхъ процессовъ, въ которыхъ выражается безпрестанное приспособленіе организма къ окружающей средѣ. Это приспособленіе съ точки зрѣнія организма, *главнымъ образомъ*, должно обуслови-

ваться его дѣятельностью, направленною на порабощеніе внѣшней среды. Порабощеніе-же это должно выражаться въ регулированіи безпрестаннаго обмѣна матеріи между организмомъ и природой, окружающей средой. Здѣсь мы уже видимъ зародышъ экономической дѣятельности, какъ главнаго стимула, руководящаго животнымъ міромъ.

Нетрудно, однако, замѣтить, что въ функцію самосохраненія кромѣ чисто-экономической дѣятельности, выражающей эту функцію «главнымъ образомъ», входитъ еще дѣятельность нѣскольکو иного рода. Мы говоримъ про дѣятельность, выражающуюся во враждебныхъ столкновеніяхъ съ внѣшнимъ активнымъ міромъ, выражающуюся въ защитѣ и нападеніи. Происхожденіе ея понятъ нетрудно. Она въ первичной своей формѣ тѣсно соприкасается съ дѣятельностью экономической, распространяя ту же понятіе и на собственно-животныя породы. Дѣйствительно, порабощеніе организмомъ внѣшней среды состоитъ въ преодоленіи препятствій этой среды. Но препятствія эти могутъ быть двоякаго рода: во-первыхъ, они могутъ проистекать отъ свойствъ неодушевленной матеріи; во-вторыхъ, могутъ исходить отъ сопротивленія одушевленныхъ агентовъ, составляющихъ для даннаго организма часть внѣшней среды. Какая-нибудь животная порода можетъ, напр., ассимилировать въ процессѣ питанія составныя элементы воздуха, воды, растений и съ другой стороны поглощать тѣлесныя организмы другой животной породы. Такъ-какъ безъ сопротивленія одно живое существо не можетъ завладѣть и употребить въ пищу другое, то первому придется пустить въ ходъ дѣятельность нападенія, а второму—дѣятельность защиты. Замѣтимъ, что только для обороняющагося существа эта дѣятельность имѣетъ специфическій характеръ. Для того-же животнаго, которое по строенію своему является нападающимъ на другое животное, эта дѣятельность есть только разновидность экономической дѣятельности вообще. Порабощеніе организмомъ внѣшней среды, регулированіе процесса питанія,—вотъ что составляетъ сущность ея. Но что порабощается въ данномъ случаѣ,—свойство-ли пассивной матеріи или сопротивленіе живого одушевленнаго агента внѣшней среды—для сущности процесса питанія безразлично.

Съ другой стороны и обороняющееся животное въ одномъ случаѣ превращается въ нападающее въ другомъ, когда сталкивается со слабѣйшей породой, могущей быть употребленной имъ въ пищу. Покидая зоологическую область и вступая въ антропологическую, мы ближе всего можемъ прослѣдить это первичное отношеніе среди людоедскихъ и охотничьихъ племенъ. Не-

даромъ Кузь, отличавшійся вообще скептицизмомъ по отноше-
нію къ розсказнямъ о дикаряхъ, говоритъ тѣмъ не менѣе о кан-
нибальскомъ характерѣ непрерывныхъ войнъ между жителями
Новой Зеландіи и проницательно прибавляетъ: «желаніе хорошень-
ко покушать оказываетъ немалое вліяніе на побужденіе ихъ къ
нападенію» («Послѣднее Путешествіе», т. I, стр. 137).

IV.

Интересно прослѣдить результаты, которые производятъ со-
четаніе функцій самосохраненія и воспроизведенія на животныя
породы. Спенсеръ изъ этого сочетанія выводитъ возникновеніе
«общественности и симпатіи». Посмотримъ поближе на этотъ
процессъ. Надлежащее выполненіе функцій самосохраненія и вос-
произведенія требуетъ большей или меньшей степени стадно-
сти,—начиная съ чрезвычайно-незначительнаго уровня стадно-
сти у нѣкоторыхъ хищныхъ животныхъ и кончая высокимъ уров-
немъ ея у другихъ животныхъ, въ особенности у жвачныхъ, а
съ антропологической точки зрѣнія у человѣка, котораго Ари-
стотель даже называлъ «по природѣ животнымъ политическимъ».

Это понятно. Кооперація животныхъ при отысканіи пищи,
при нападеніи на бѣгающую, живую пищу, при защитѣ отъ бо-
лѣе сильныхъ породъ, стремящихся также наполнить свой же-
лудокъ и т. д.,—такая кооперація представляетъ несомнѣнныя
выгоды. Давая перевѣсъ животнымъ, живущимъ кооперативною
жизнью, надъ другими, она даетъ имъ больше шансовъ побѣдить
въ борьбѣ за существованіе и оставить болѣе живучее наслѣд-
ство. Наслѣдственность должна закрѣпить въ особяхъ этого жи-
вотнаго типа стремленіе къ коопераціи или, по крайней-мѣрѣ,
къ близкой, совмѣстной жизни другъ съ другомъ. Такимъ обра-
зомъ, часто приходится наблюдать, что даже животныя, подпав-
шія подъ власть человѣка, охраняемыя имъ и потому не нуж-
дающіяся больше для защиты въ совмѣстной жизни, все-таки
сохраняютъ черты стадности, тяготѣнія къ общественной жи-
зни, словомъ—выказываютъ присутствіе чувства «общественно-
сти». Поставленные-же въ такія условія, при которыхъ чело-
вѣкъ находится вдали отъ нихъ, они быстро организуются въ
стадо, особи котораго взаимно помогаютъ другъ другу.

У животныхъ, живущихъ совмѣстною жизнью, обществен-
ность должна такъ или иначе проявиться. Анализируя ея сте-
пени, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что прежде всего у
животнаго должно сформироваться чувство общаго удовольствія,

возбуждаемаго вообще близкимъ сосѣдствомъ съ другимъ животнымъ. У нихъ «вырабатывается мало-по-малу особенное удовольствіе отъ нахождения виѣсть, — удовольствіе сознанія присутствія по близости другихъ родственныхъ существъ» (I. с., стр. 262).

Кромѣ удовольствія, вообще возбуждаемаго присутствіемъ другихъ животныхъ, у животнаго должно сформироваться еще чувство симпатіи къ другимъ особямъ, возбуждаемой собственно уже ихъ дѣйствіями. Такъ-какъ строеніе животныхъ одной породы одинаково, такъ-какъ и среды, годной для подчиненія ихъ организаціи, они ищутъ одинаковой; напр., утки—близости воды, жвачныя—хорошей травы, то и виѣшнія дѣйствія этихъ животныхъ, т. е. отношенія ихъ организма къ средѣ, должны быть одинаковы. Каждая утка, которая видитъ воду, радостно кинется въ нее. Каждая корова съ веселымъ мычаньемъ идетъ изъ душнаго хлѣва на хорошее пастбище. То, что чувствуетъ одна утка при видѣ воды, чувствуетъ и другая. Извѣстныя движенія, которыми одна утка выражаетъ свою радость, понятны другой, потому-что она дѣлаетъ тѣ-же движенія, когда и ее охватываетъ радость при видѣ родной стихіи. Здѣсь мы видимъ начало симпатіи, возбуждаемой дѣйствіями. Такъ-какъ утки, какъ стадныя птицы, становятся обыкновенно одновременно въ одно и то-же отношеніе къ средѣ, напр., бросаются къ водѣ, и такъ-какъ каждая утка слышитъ радостный крикъ своей подруги, при видѣ воды въ то время, какъ сама испускаетъ по той-же причинѣ этотъ крикъ, то впоследствии у ней, въ силу естественной ассоціаціи представленій, радостный крикъ другой утки естественно сплетается и способенъ возбудить радостное чувство, хотя-бы сама она еще и не знала его причины и лично не испытывала пока пріятнаго состоянія.

Если съ только-что указаннымъ чувствомъ симпатіи мы соединимъ чувство или, вѣрнѣе, стремленіе животныхъ къ совмѣстной жизни, даже къ помощи другъ другу, къ коопераціи, то мы получимъ общее представленіе объ основаніи, изъ котораго, главнымъ образомъ, развиваются благожелательныя чувства между особями болѣе высшихъ породъ. Нетрудно видѣть, что они вырастаютъ здѣсь, непосредственно на почвѣ поработенія организмами окружающей, виѣшней среды, переплетающагося съ отношеніями этихъ живыхъ организмовъ между собою. У людскихъ и охотничьихъ племенъ симпатическія отношенія между индивидуумами вообще и отношенія между начальниками и подчиненными именно основаны на чрезвычайно-прозрачномъ фактѣ признанія полезности за каждымъ членомъ или-же начальникомъ, поскольку онъ способствуетъ улучшенію благосостоянія

племени, поскольку онъ содѣйствуетъ его могуществу, которое выразится въ томъ, что это племя вдоволь попируетъ за жаркимъ изъ тѣла противниковъ или отниметъ у послѣднихъ дѣса, наполненные въ изобиліи дичью. Уже у Мальтуса есть слѣдующія строки относительно дикаря: «Любовь къ жизни присоединяется въ сердца дикаря къ любви къ общинѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Безопасность и могущество его племени представляются ему *единственнымъ обезпеченіемъ его собственнаго существованія*, и *обратно, свою безопасность онъ считаетъ какъ-бы связанною съ безопасностью всѣхъ*» («Опытъ о народонаселеніи», кн. I, глава IV, стр. 130).

Но достаточно перелистовать нѣсколько путешествій, напр., Кука, Ванкувера и т. п., чтобы убѣдиться, какъ у первобытныхъ племенъ «безопасность и могущество» суть только средства и отчасти синонимы матеріальнаго благосостоянія.

Нашъ анализъ симпатическихъ состояній былъ-бы неполонъ, если-бы мы не обратили вниманія на роль другой функции, воспроизведенія.

Несомнѣнно, что сверхъ симпатическихъ чувствъ, возникающихъ въ особяхъ, живущихъ стадною жизнью,—сверхъ чувствъ, которыми обуславливаются отношенія между индивидами *вообще*,—существуютъ еще симпатическія отношенія, вытекающія изъ функции воспроизведенія. Эти чувства должны связывать уже *спеціально* родителей разнаго пола между собою (половое чувство) и родителей съ дѣтьми и наоборотъ (родительское чувство и дѣтская привязанность). «Половое отношеніе, говоритъ Спенсеръ,—должно благопріятствовать развитію сочувствія въ сколько-нибудь значительной степени только тамъ, гдѣ оно имѣетъ сколько-нибудь значительную продолжительность» (I. с., стр. 267).

Развивая эту мысль, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что надлежащаго развитія сочувствія между особями разнаго пола можно ожидать только «тамъ, гдѣ возвращеніе дѣтенышей таково, что удерживаетъ родителей вмѣстѣ въ продолженіи всего времени, требующагося для вскормленія помета, а еще болѣе тамъ, гдѣ оно удерживаетъ ихъ вмѣстѣ въ продолженіе вскормленія всѣхъ слѣдующихъ другъ за другомъ пометовъ»... (ibid). Спенсеръ приводитъ въ примѣръ голубей: «Одна и та-же пара голубей вскармливаетъ рядъ послѣдовательныхъ выводковъ, причемъ *самецъ кормитъ самку во время насиживания яицъ и принимаетъ необыкновенно дѣятельное участіе въ кормленіи молодыхъ, снабжая ихъ полу-переваренною пищею изъ своего зоба*. Вслѣдствіе этого взаимная симпатія между членами отдѣльныхъ паръ, въ

особенности у нѣкоторыхъ голубей, такъ велика, что употребляется какъ метафора въ обыкновенномъ разговорѣ» (стр. 268).

На приведенномъ сейчасъ примѣрѣ мы видимъ, сверхъ того, какъ образуются первичные элементы родительскаго чувства и дѣтской привязанности. Помимо основнаго инстинкта, вытекающаго изъ функціи воспроизведенія, мы замѣчаемъ, что родитель рядомъ актовъ питанія, холѣнія, обереганія дѣтеныша вырабатываетъ симпатическія чувства къ послѣднему, причемъ, напр., «внѣшнія выраженія довольства, обусловленнаго обиліемъ пищи, будутъ выказываться и родителемъ, и дѣтенышемъ одновременно; равно какъ и внѣшніе знаки довольства, обусловленнаго пріятною теплотою» (стр. 268). Въ сферѣ экономической, въ сферѣ доставленія организму дѣтеныша возможности поработать средѳу, родитель постепенно развиваетъ изъ основнаго инстинкта благожелательныя и нѣжныя чувства къ дѣтенышу. Отношенія дѣтеныша къ родителю гораздо проще; они прозрачнѣе позволяютъ рассмотреть лежащее внутри ихъ чувство или, вѣрнѣе, стремленіе къ довольству, къ матеріальнымъ удобствамъ. Низшія и среднія ступени животнаго міра представляютъ намъ примѣръ того, какъ дѣтская привязанность даже держится исключительно на матеріальной выгодѣ. Когда животное подрастаетъ и становится способнымъ само добывать пищу, когда оно начинаетъ не нуждаться въ родительскомъ холѣніи и попеченіяхъ, — чувство привязанности къ родителямъ быстро ослабѣваетъ. Молодое животное начинаетъ скоро совершенно отвыкать отъ родителей и становится въ отношенія съ ними, какъ съ посторонними, — сталкиваясь съ ними враждебно или симпатически, въ сферѣ, напр., полового чувства. Только тамъ, гдѣ мы оставляемъ чисто-зоологическую область и вступаемъ въ антропологическую, мы замѣчаемъ, — и то не во всѣхъ человѣческихъ племенахъ, — существованіе дѣтской привязанности отчасти въ формѣ самостоятельнаго чувства. Извѣстно въ общественной жизни людей указаніе на сравнительное безкорыстіе родительской любви и меньшую долю безкорыстія въ дѣтской привязанности.

Коснувшись происхожденія симпатическихъ чувствъ на почвѣ функціи воспроизведенія, мы должны, однако, замѣтить, что, собственно говоря, значительная часть *симпатическихъ чувствъ между особями вообще*, какъ по объему, такъ и по напряженности, проистекаетъ, главнымъ образомъ, изъ важнѣйшей стороны функціи самосохраненія, изъ совмѣстной жизни и кооперативной дѣятельности, т. е. вообще изъ экономической сферы жизни особей. Симпатическія-же чувства, опирающіяся на воспроизведеніе, ограничиваются исключительно отношеніями, ко-

торыя у человѣка называются семейными и, не переступая границъ семьи, часто бездѣйствуютъ и даже враждебны по отношенію къ общественному началу симпатіи между людьми вообще.

Это—фактъ, общій всему животному міру. Семейные инстинкты часто противорѣчатъ началу общественности. У нѣкоторыхъ хищныхъ животныхъ, напр., тигровъ, инстинкты, основанные на воспроизведеніи, очень сильны, родительское чувство въ высшей степени развито, но общественности нѣтъ никакой. Тѣсно-сгученный кружокъ симпатизирующихъ животныхъ,—и равнодушіе, или враждебность между такими кружками—вотъ что замѣчаемъ мы.

IV.

Мы видѣли, что половые и семейные элементы симпатіи враждуютъ въ сравнительно-узкомъ кругѣ отношеній двухъ существъ разнаго пола между собою, ихъ отношеній къ дѣтенышамъ и наоборотъ; видѣли, что эти элементы симпатіи не могутъ быть названы элементами симпатіи, какъ чувства общественнаго, какъ одного изъ факторовъ фактическихъ отношеній между индивидуумами *вообще*: семейственность противна общественности. Если, стало быть, брать сферу проявленія симпатіи, какъ чувства, кроющагося въ семьѣ,—то намъ и придется ограничиться пространствомъ семейнаго кружка. За предѣлами этого кружка нѣтъ мѣста чувству *такой* симпатіи, т. е. *той части* этого чувства, которая вытекаетъ изъ половыхъ и семейныхъ инстинктовъ. Если нѣтъ ей мѣста, нѣтъ и ея дѣйствій. Эта часть симпатіи не существуетъ внутри общества, внутри людей *вообще*, не вызываетъ и фактическихъ отношеній между людьми вообще. Остается та, болѣе значительная часть симпатіи, которая связываетъ между собою совмѣстно-живущихъ и кооперативно-дѣйствующихъ особей породы, независимо или, вѣрнѣе, даже въ противность семейному узкому объединенію. Но эта значительнѣйшая въ совокупности своихъ проявленій часть симпатіи между *особями вообще* въ первичномъ видѣ основывается на экономическихъ побужденіяхъ.

Съ другой стороны, когда данная кооперація особей выгодна однимъ и вредна другимъ, тогда и симпатическія чувства между особями развиты слабо или же *односторонне*, т. е. въ послѣднемъ случаѣ они будутъ существовать лишь между тѣми особями, которыя стоятъ въ одинаково-выгодномъ или одинаково-невыгодномъ отношеніи къ данной формѣ коопераціи. Если эта

кооперація даетъ выгоду А, В и С, но мало-полезна или вредна для D, E и F, то А, В и С естественно должны симпатизировать другъ другу и поддерживать взаимно и другъ друга и выгодную для нихъ форму кооперацій; что касается до D, E и F, то они должны, въ свою очередь, симпатизировать другъ другу и поддерживать другъ друга въ стремленіи измѣнить данную, невыгодную для нихъ форму коопераціи. Отношенія-же между А, В и С съ одной стороны, и D, E и F—съ другой, конечно, далеко не такъ приличны и хороши, какъ отношенія А къ В, а D къ E.

Но вотъ вопросъ: если кооперація *вообще*, на почвѣ которой развиваются первоначально симпатическія чувства, вытекаетъ естественно изъ функціи самосохраненія, стремленія каждой особи къ лучшему,—то какъ согласить съ этимъ, что какая-нибудь *опредѣленная* форма коопераціи не будетъ удовлетворять этому стремленію во всѣхъ особяхъ, а будетъ доставлять выгоды исключительно однимъ особямъ, а невыгоды—другимъ. Вопросъ этотъ крайне интересенъ и касается того, какимъ образомъ *форма* учрежденія можетъ противорѣчить его *сущности*. Нетрудно понять, что отвѣтъ на такой вопросъ долженъ будетъ заключать въ себѣ и отвѣтъ на то, какимъ образомъ каждая данная кооперація даетъ начало не только симпатическимъ чувствамъ, но и чувствамъ діаметрально-противоположнымъ, чувствамъ злобы, ненависти, зависти и т. п. Понятно, что отвѣтъ на этотъ вопросъ помогъ-бы намъ проанализировать и другіе «соціологическіе элементы», напр., злобу, ненависть и т. п.

Пытаясь объяснить низкій уровень симпатіи, замѣчаемый у людей то здѣсь, то тамъ, Спенсеръ (см. стр. 271) выводитъ его изъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ одно другое логически исключających и въ то-же время фактически сосуществующихъ условий, неизбежно поставляемыхъ внѣшнимъ міромъ человѣческому обществу. Съ одной стороны, именно «при помощи разрушительныхъ дѣятельностей, наступательныхъ и оборонительныхъ, каждое общество должно было поддерживать себя передъ лицомъ враждебныхъ ему дѣятелей, отчасти изъ міра животныхъ, но, главнымъ образомъ, изъ міра людей-же». Въ силу этого каждая особь должна была питать чувства, противоположныя симпатическимъ, по отношенію къ «враждебнымъ ему дѣтелямъ». Съ другой стороны, общество *внутри себя* должно было,—между прочимъ, и для успѣшности самихъ «разрушительныхъ дѣятельностей» по отношенію къ разнообразнымъ врагамъ,—развить «извѣстное количество сочувствія», симпатическихъ чувствъ между особями, какъ мы уже раньше и видѣли. Безъ этого сочув-

ствія не могла-бы держаться и сама кооперація, да и, кромѣ того, сама она,—эта кооперація,—вызывала благожелательныя чувства. Ясно, что симпатическія и антипатическія чувства сталкивались между собою въ душѣ человѣка и не могли не повліять другъ на друга. Хотя они проявлялись по отношенію къ разнымъ сферамъ, тѣмъ не менѣе они выросли на одной и той-же душевной почвѣ личности и, переплетаясь своими корнями, должны были взаимно привить другъ къ другу свои характеристичныя черты. Спенсеръ вѣрно оцѣниваетъ этотъ антагонизмъ и взаимодействіе, когда говоритъ: «Въ то время, какъ внѣшнія дѣятельности каждаго общества стремились къ поддержанію въ немъ несочувствующей природы, его внутреннія дѣятельности требовали сочувствія и стремились къ выработкѣ болѣе сочувствующей природы» (стр. 271).

Но здѣсь естественно спросить: развѣ чувства злобы и вообще вражды имѣютъ мѣсто только въ отношеніяхъ особей одного общества къ особямъ другого или одной породы къ другой и развѣ они не проявляются внутри породы или внутри самого общества между членами его? И далѣе, если такія чувства проявляются и здѣсь, то каково ихъ происхожденіе?

Понять это происхожденіе мы можемъ лишь тогда, когда прослѣдимъ вліяніе обычныхъ или часто повторяющихся дѣйствій на живой организмъ. Несомнѣнно, что въ ряду приспособленій организма къ окружающимъ условіямъ одни процессы приспособленія будутъ повторяться чаще, чѣмъ другіе. Съ теченіемъ времени ихъ повтореніе превратится въ обычное дѣйствіе организма, причемъ самый организмъ постепенно измѣнитъ свое строеніе и въ самой организаціи будетъ носить стремленіе къ совершенію такихъ дѣйствій. Переходя къ болѣе частному вопросу, поставленному нами, мы должны придти къ заключенію, что чѣмъ чаще при столкновеніяхъ какой-либо породы, группы или общества особей съ внѣшнимъ міромъ, съ часто «враждебными внѣшними дѣятелями», напр., другой породой или другимъ обществомъ особей, упражняются враждебныя чувства, которыя возникаютъ на почвѣ поработенія среды, тѣмъ сильнѣе развиваются эти чувства. Съ большимъ ихъ развитіемъ они увеличиваются и количественно и качественно. Несмотря на то, что первоначально они практиковались только въ извѣстной сферѣ, въ сферѣ отношенія коопераціи особей къ «враждебнымъ внѣшнимъ дѣятелямъ», впоследствии чувства эти начинаютъ занимать извѣстное мѣсто вообще въ душѣ особи, независимо отъ того, къ кому они проявляются. Волны враждебныхъ чувствъ, часто повторявшихся, пробили себѣ обычное русло и превратились въ

привычныя, причемъ и самый организмъ особи потерпѣлъ измѣненіе, приспособившись къ враждебнымъ дѣйствіямъ, какъ выраженіямъ враждебныхъ чувствъ. Наслѣдственность передала и закрѣпила въ потомствѣ и обычныя враждебныя чувства и обычныя враждебныя дѣйствія. Въ самой организаціи особи уже лежитъ вообще возможность проявлять и тѣ и другія. Эта возможность переходитъ въ дѣйствительность, когда коопераціи претерпѣвшихъ упомянутое наслѣдственное измѣненіе особей приходится сталкиваться на дѣлѣ съ «внѣшними враждебными дѣятелями». Кромѣ коллективнаго опыта предковъ, оттиснутаго на организаціи каждой особи, эта особь пріобрѣтаетъ личный опытъ враждебныхъ чувствъ и дѣйствій. Наступаетъ такой моментъ въ исторической жизни коопераціи, когда каждая особь становится способной питать враждебныя чувства и проявлять враждебныя дѣйствія не только по отношенію къ особямъ другой коопераціи или породы, но и по отношенію къ своимъ сочленамъ по коопераціи. Если борьба съ живыми «враждебными внѣшними дѣятелями», которую вела извѣстная кооперація, была, съ одной стороны, полезна ей, такъ-какъ только путемъ этой борьбы кооперація отстояла себя и свою самостоятельность, то, съ другой стороны, эта борьба была вредна для нея, такъ-какъ развивала жестокіе инстинкты въ душѣ каждой особи. Такіе инстинкты давали поводъ къ враждебнымъ отношеніямъ особей между собою внутри коопераціи, что измѣняло первоначальный абсолютно-полезный характеръ коопераціи и придавало послѣдней *форму*, противорѣчащую ея *сущности*.

У.

Перейдемъ въ міръ антропологическій. «Антагонизмъ по отношенію къ своему согражданину такъ близко сходенъ съ антагонизмомъ по отношенію къ чужеземному врагу, что психическій аппаратъ, приспособленный къ этому послѣднему случаю, неизбѣжно приходитъ въ дѣйствіе и въ первомъ случаѣ». (Основ. психологіи, т. IV, стр. 273). Но платонической злобы на низшихъ ступеняхъ человѣческаго рода еще не могло быть; нѣтъ и теперь у низшихъ племенъ; съѣсть врага или отнять принадлежащія ему мѣста для охоты, для добыванія пищи—таковы главные стимулы, руководящія войнами дикарей, какъ показываютъ намъ наблюденія путешественниковъ. «Психическій аппаратъ» отдѣльнаго члена человѣческой коопераціи, пріохотившейся къ добыванію пищи путемъ оружія, долженъ былъ и при

враждебныхъ столкновеніяхъ этого члена съ другимъ членомъ коопераціи преимущественно заводится ключемъ матеріальныхъ побужденій. Чего одинъ членъ могъ добиваться отъ *другого*, главнымъ образомъ опредѣлялось характеромъ того, чего онъ дѣйствительно добивался при своемъ участіи въ побѣдѣ надъ *другой коопераціей*. Экономическія побужденія толкали его получить и отъ сочлена то, что онъ получалъ отъ врага, получить, разумѣется, въ *смягченной формѣ*, потому-что онъ не могъ выкинуть изъ своихъ отношеній къ товарищу по коопераціи извѣстной доли сочувствія. Если одна кооперація побѣждала другую и вводила экономическія отношенія зависимости побѣжденных отъ побѣдителей, захватывая территорію послѣднихъ и обращая ихъ самихъ въ рабство, то такія отношенія зависимости воспроизводились и внутри самой побѣдившей коопераціи. Отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ, какъ эксплуататоровъ къ эксплуатируемымъ, отражались и на внутреннемъ складѣ самой побѣдившей коопераціи. Приливъ и постоянная практика враждебныхъ чувствъ между господами и рабами подтачивали симпатическія чувства и между самими господами. Мало-по-малу слабѣйшіе изъ разряда повелителей переходили въ разрядъ хотя и не рабовъ, но лицъ, находившихся въ экономической зависимости отъ сильнѣйшихъ изъ класса господъ. Кооперація принимала такую форму, которая была выгодна лишь немногимъ и невыгодна большинству. Только небольшая группа привилегированныхъ находила свою выгоду въ существованіи такой формы и тѣсно спланивалась внутри себя. Примѣръ тому римская исторія. Грубая община пастуховъ-разбойниковъ, бывшихъ равноправными между собой, стремясь рѣшить удовлетворительно «вопросы желудка», бросилась на захватъ территоріи и поработеніе сосѣднихъ племенъ. Вводя здѣсь и тамъ экономическія отношенія зависимости побѣжденных отъ побѣдителей, получая поборы съ оставленныхъ ею на прежней землѣ жителей, обращенныхъ въ разрядъ аналогичный съ разрядомъ государственныхъ крѣпостныхъ, эта община развила формы экономической зависимости и неравноправности и внутри самой себя. Образовался классъ плебеевъ, находившійся въ невыплатномъ долгу у патриціевъ, экономически зависѣвшій отъ послѣднихъ и являвшійся креатурою ихъ. Хотя рядъ сопротивленій, оказанныхъ плебеями, въ концѣ-концовъ помогъ имъ добиться равноправности (лициніевскіе законы), политической независимости отъ патриціевъ, однако экономическія отношенія остались неизмѣненными. И вотъ мы видимъ опять существованіе двухъ враждебныхъ классовъ внутри римской республиканской

кооперациі: съ одной стороны, богатыхъ оптиматовъ, владѣвшихъ массами земель и толпами рабовъ, съ другой, неимущихъ пролетаріевъ. Этотъ экономическій строй и подрылъ крѣпость Рима, давъ поводъ Плинію сказать: *latifundia Italiam perdiderunt*, крупное землевладѣніе погубило Италію.

Параллельно съ тѣмъ, какъ прежде мы, прослѣдивши развитіе симпатическихъ чувствъ на почвѣ экономической, прослѣдили это развитіе на почвѣ половыхъ и семейныхъ связей и указали отношеніе между такими двумя группами симпатическихъ чувствъ,—мы теперь постараемся сверхъ выясненія роста враждебныхъ чувствъ на экономической почвѣ, коснуться развитія этихъ чувствъ на почвѣ половыхъ и семейныхъ отношеній, т. е. участія въ созданіи этихъ чувствъ функціи воспроизведенія. По сколько враждебныя чувства вращаются только внутри семьи и выражаютъ собою тѣ отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ, которыя представляютъ отраженіе общественнаго строя съ его отношеніями зависимости экономически-слабыхъ отъ экономически-сильныхъ, намъ нечего дѣлать съ такими внутри-семейными враждебными чувствами. Намъ интересуется генезисъ враждебныхъ чувствъ въ обществѣ, между особями вообще, вступающими въ фактическія отношенія. Но враждебныя чувства, распространенныя въ обществѣ, являются не столько слѣдствіемъ, сколько причиной враждебныхъ чувствъ въ семьѣ. Стало-быть, процессъ развитія внутриобщественныхъ враждебныхъ чувствъ врядъ-ли можетъ быть представленъ какъ результатъ развитія внутрисемейныхъ враждебныхъ чувствъ, а гораздо вѣрнѣе, наоборотъ.

Намъ могутъ поэтому занимать только такія враждебныя чувства, основанныя на функціи воспроизведенія, которыя даютъ враждебную окраску отношеніямъ между особями вообще. Конечно, прежде всего мы натываемся на злобныя чувства, сопровождающія и вызывающія борьбу особей мужскаго пола за обладаніе женскою особою. Въ сложной формѣ чувство это проявляется въ формѣ ревности, но въ зоологической области и на низшихъ ступеняхъ антропологической сохраняетъ свой первоначальный характеръ борьбы за возможность удовлетворенія половой потребности. Но мы видимъ, что здѣсь къ этому чистому типу враждебныхъ чувствъ, вытекающихъ изъ функціи воспроизведенія, примѣшиваются уже нѣкоторыя другія чувства. Борьба за самку ведется самцами не съ той только цѣлью, чтобъ удовлетворить половую потребность вообще. Здѣсь еще играетъ роль половое чувство по отношенію къ извѣстной самкѣ,—значить, предполагается выборъ. Такой-же выборъ пред-

полагается и со стороны самки, которая поступает охотнѣе обыкновенно въ распоряженіе «достоинѣйшаго». Несомнѣнно, что здѣсь есть участіе эстетическаго чувства. Затѣмъ, со стороны мужскихъ особей играетъ роль элементъ «властолюбія», съ одной стороны прямо, съ другой—косвенно. Самецъ хочетъ обладать самкой, имѣть надъ ней власть. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, и въ зоологической области и въ области чисто-человѣческой, даже сравнительно на высшихъ формахъ ея, обладаніе большимъ числомъ самокъ является вообще выраженіемъ власти. Стоитъ сравнить, напр., съ одной стороны стадо травоядныхъ, а съ другой племя хоть дагомейцевъ или даже турокъ. Въ табунахъ дикихъ лошадей вожаки, бывающіе всегда самыми сильными и красивыми самцами, ревниво обыкновенно оберегаютъ самокъ отъ поползновеній со стороны обыкновенныхъ самцовъ, такъ-сказать, рядовыхъ. Съ другой стороны король Дагомей пользуется привиллегіей имѣть по нѣскольку сотенъ женъ, въ то время, какъ простой дагомейскій обыватель долженъ только довольствоваться одной. Ясно, что обладаніе самкой есть какъ-бы фактическое выраженіе власти самца. Ясно, что и борьба самцовъ изъ-за самки является вмѣстѣ съ тѣмъ, ареной для удовлетворенія «властолюбія» косвеннымъ образомъ.

Затѣмъ, можно еще указать, какъ на общій фактъ, на племена, въ которыхъ половое чувство соединяется у мужчинъ съ экономическими побужденіями имѣть въ женѣ нѣчто въ родѣ домашняго раба, на котораго взваливаются всѣ тяжелыя и грязныя работы.

Несмотря на все разнообразіе половыхъ отношеній въ животномъ царствѣ, мы однако видимъ, что враждебныя чувства, покоящіяся на нихъ, далеко не такъ просты, какъ могло-бы казаться, а слагаются изъ нѣсколькихъ элементовъ; мы перечислили, напр., эстетическое чувство, властолюбіе, чисто-экономическія побужденія. Естественно, что представляется необходимымъ, въ свою очередь, проанализировать эти элементы.

Вообще можно сказать, что, съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, во враждебныхъ чувствахъ, вытекающихъ изъ функціи воспроизведенія, начинаютъ принимать, «перепутываясь», участіе другіе «соціологическіе элементы», окрашивающіе эти чувства. Какъ въ половомъ, такъ и въ родительскомъ чувствѣ на болѣе высокихъ ступеняхъ антропологической области играютъ роль другіе факторы, вытекающіе уже въ значительной мѣрѣ не изъ индивидуальныхъ, а классовыхъ отношеній. Укажемъ для примѣра на тотъ фактъ, что враждебныя чувства, которыя

можетъ питать хоть Маниловъ, что-ли, по отношенію къ людямъ, иѣщающимъ его Темистоклюсу стать во взросломъ возрастѣ дипломатомъ, будутъ проистекать не просто изъ голаго родительскаго чувства къ своему дѣтищу, а и изъ классоваго самолюбія дворянина добраго стараго времени, изъ сознанія, что *poblesse oblige*, чтобы его сынъ былъ въ сонмѣ столповъ отечества. Стремленіе бороться съ другими членами общества за возможность поставить своихъ дѣтей въ положеніе, не худшее ихъ собственнаго, вытекаетъ у родителей не только изъ голаго чувства родительской любви, но и изъ субъективнаго признанія ими права за дѣтьми занимать такое положеніе въ обществѣ, какое приличествуетъ имъ, какъ сыновьямъ такого или иного общественнаго класса. А значеніе этихъ классовъ въ сознаніи цѣлаго общества всегда опредѣлялось въ первичной формѣ отношеніями экономической зависимости между классами.

VI.

Перейдемъ тѣперь къ анализу властолюбія и эстетическаго чувства.

Очевидно, что властолюбіе прежде всего предполагаетъ практику власти со стороны одной особи надъ другими. А такъ-какъ такая практика не можетъ приводиться въ исполненіе, разъ всѣ другія особи рѣшительно противятся проявленію власти со стороны отдѣльныхъ особей,—не можетъ приводиться въ исполненіе уже потому, что въ такомъ случаѣ у кучки особей не хватило-бы силы властвовать надъ цѣлыми массами, — то устанавливающаяся практика власти предполагаетъ и подразумѣваетъ извѣстную покорность, уваженіе и почтеніе со стороны этихъ массъ къ отдѣльнымъ носителямъ власти. Но откуда-же выработаться этимъ качествамъ? Какъ стремленіе къ власти не можетъ быть какой-нибудь первичной функціей организма, такъ точно не можетъ быть подобной функціей и покорность власти. Нуженъ рядъ отношеній особей къ природѣ и другъ къ другу, чтобы выработались эти качества.

Въ коопераціи особей должны были скоро выдѣлиться особи, которыя преимущественно охраняли эту кооперацію, благодаря своимъ индивидуальнымъ качествамъ. Сплоченіе особей въ силу экономическихъ побужденій, вытекавшихъ непосредственно изъ функціи самосохраненія, имѣло своимъ центромъ тяжести именно наилучшее удовлетвореніе этихъ побужденій. Особи, которыя преимущественно доставляли выгоды коопераціи, которыя наи-

лучшимъ образомъ способствовали коопераціи въ удовлетвореніи упомянутыхъ побужденій, должны были рано или поздно возбудить къ себѣ довѣріе со стороны цѣлой коопераціи. Практика этого довѣрія, которое выражало только тяготѣніе прочихъ особей къ выдающимся особямъ въ силу инстинкта самосохраненія, вырабатывала въ коопераціи чувства, аналогичныя съ тѣми, которыя на высшихъ ступеняхъ мы называемъ уваженіемъ, почтеніемъ, покорностью. Съ другой стороны, проявленіе такихъ чувствъ со стороны коопераціи вырабатывало въ выдающихся особяхъ чувство инициативы, почина, чувство покровителя къ покровительствуемымъ. Однако, такое чувство далеко еще не похоже на «властолюбіе». Отношеніе покровителя къ опекаемымъ существовало, напр., и внутри кружка, основаннаго на функціи воспроизведенія, внутри семьи; проявлялось такое отношеніе между самцомъ и самкой, между родителями и дѣтенышами. Однако, въ немъ не было той жестокости, которой характеризуется властолюбіе въ развитыхъ своихъ формахъ.

Чувство покровителя къ покровительствуемымъ только тогда доразвилось въ чувство «властолюбія» со стороны отдѣльныхъ особей къ коопераціи, когда и здѣсь повторился уже знакомый намъ фактъ борьбы коопераціи съ «враждебными внѣшними дѣятелями». Власть свою выдающіяся особи должны были проявить прежде всего въ сферѣ разрушительной дѣятельности, которая тѣмъ не менѣе пропитывала кооперацію и, стало-быть, практиковалась изъ экономическихъ побужденій. И замѣтимъ притомъ, что эта власть не носила на себѣ характера самостоятельнаго чувства, стремленія обладать чѣмъ-либо изъ любви обладанія, повелѣвать изъ любви къ повелѣванію. Спенсеръ, анализируя, напр., развитіе чувства «любви къ приобрѣтенію и обладанію» находитъ, что на первыхъ своихъ ступеняхъ это чувство является «въ той наипростѣйшей формѣ обладанія, которая находится въ прямомъ отношеніи къ удовлетворенію голода» (Осн. психологіи, т. IV, глава объ «Эгоистическомъ чувствѣ», стр. 282).

Переходя въ міръ антропологическій, мы должны прежде всего замѣтить, что на первыхъ ступеняхъ въ разрушительной дѣятельности одной коопераціи, практикуемой надъ другой коопераціей, которая является однимъ изъ «враждебныхъ, внѣшнихъ дѣятелей», первое мѣсто занимаютъ экономическія побужденія, а не платоническая злоба. Такимъ образомъ, фактъ обладанія, власти надъ кѣмъ или чѣмъ-либо долженъ носить экономическій характеръ. Довѣріе, которымъ вообще облакаетъ выдающуюся особь данная кооперація, проявляется къ такой особи въ еще

болѣе рѣзкой формѣ при процессѣ разрушительной дѣятельности. Поэтому, фактъ власти, по отношенію къ внѣшнимъ дѣятелямъ долженъ практиковаться въ большемъ объемѣ и степени выдающейся особью, чѣмъ рядовыми членами коопераціи.

Экономическія побужденія, въ силу которыхъ ведется преимущественно разрушительная дѣятельность, толкаютъ къ власти надъ «внѣшними дѣятелями» какъ выдающихся особей, такъ и всю кооперацію. Но размѣры, въ которыхъ удовлетворяются эти побужденія, различны сообразно съ различнымъ значеніемъ особей въ коопераціи. Предводитель, составившій планъ нападенія, благодаря которому коопераціи его родного племени отнята территорія для охоты и поѣла членовъ другой коопераціи или въ случаѣ выгоды обратила ихъ въ рабство, получаетъ большую часть добычи. Возникаетъ экономическое неравенство, обуславливающее зависимость рядовыхъ членовъ коопераціи отъ предводителей ея. Рядовому людоѣду не придется, напр., путемъ и отвѣдать мяса своихъ противниковъ, потому что вотъ хоть-бы «начальникъ округа Макина до того пристрастенъ къ такого рода пиршествамъ», что дѣлаетъ изъ своихъ противниковъ складъ провизіи, «ежемесячно убиваетъ по одному рабу» (см. Мальтусъ, Опытъ etc., т. I, стр. 130).

При болѣе развитыхъ способахъ производства, когда, напр., этому начальнику выгодно будетъ употреблять своихъ рабовъ въ пищу не непосредственно, а превращая ихъ въ средство земледѣльческаго производства или т. п.,—это экономическое неравенство еще болѣе возрастетъ. Сообразно съ нимъ увеличится и чувство почтенія къ предводителю. Въ послѣднемъ должно также проявиться параллельное измѣненіе въ чувствѣ властолюбія. Привыкши къ эксплуатаціи, къ жестокой власти надъ «враждебными внѣшними дѣятелями», надъ членами побѣжденной коопераціи, нашъ предводитель, кромѣ того, почувствуетъ приливъ стремленія расширить свою власть и внутри своей собственной общины. Благодаря возникшему экономическому неравенству, ему сравнительно-легко установить формы зависимости членовъ коопераціи отъ него самого и принудить эти формы втиснуться не только въ практику жизни, но и въ правовое сознаніе членовъ коопераціи.

Но, разумѣется, кромѣ значенія предводителя, пріобрѣтаемаго имъ на почвѣ разрушительной дѣятельности, ведущейся изъ-за экономическихъ побужденій, мы должны коснуться еще и того значенія, которое пріобрѣталъ предводитель въ качествѣ защитника своего племени отъ нападенія. Тутъ придется припомнить читателю ту роль, которую, какъ мы уже раньше показали,

играетъ, повидному, независимая дѣятельность защиты и нападенія. Независимой отъ дѣятельности, втекающей изъ экономическихъ побужденій, мы можемъ считать, собственно говоря, лишь дѣятельность защиты безусловно-слабѣйшей породы отъ безусловно-сильнѣйшей. Что касается до борьбы между равными приблизительно по силамъ и кровожадности породами, то здѣсь роли охотника и добычи часто мѣняются, причемъ съ той и другой стороны царитъ принципъ экономическихъ побужденій удовлетворить «вопросы желудка». Только въ упомянутой выше специфичной формѣ такой дѣятельности мы сталкиваемся съ другой стороной функціи самосохраненія, помимо экономического характера послѣдней. Эта сторона заключается въ стремленіи избѣжать опасности или вообще въ стремленіи особи къ личной свободѣ, къ положенію, въ которомъ ничто не препятствуетъ ей приспособлять свой организмъ къ окружающимъ условіямъ такъ, какъ она это находитъ удобнымъ.

Въ общихъ своихъ формахъ эта часть функціи самосохраненія далеко уступаетъ, однако, по своей интенсивности экономическимъ побужденіямъ и только въ частномъ своемъ проявленіи, — избѣжаніи опасности, — играетъ почти равносильную роль съ ними. Такъ, напр., стремленіе къ свободѣ дѣйствій можетъ быть совершенно парализовано, если этому противятся элементарнѣйшія экономическія побужденія, голодъ и жажда, — и только опасность, *неизбѣжно* угрожающая особи *немедленнымъ* лишеніемъ жизни, заставитъ послѣдняго инстинктивно предпочесть мученія голодной смерти непосредственному прекращенію существованія. Однако, въ сильнѣйшемъ своемъ проявленіи потребность въ пищѣ и питьѣ можетъ довести особъ даже и до равнодушія къ жизни.

Надлежащую оцѣнку отношеніе упомянутыхъ двухъ частей функціи самосохраненія находитъ, впрочемъ, только тогда, когда мы переходимъ по ступенькамъ развитія человѣческаго общества и соотвѣтственнаго генезиса чувствъ. На болѣе высокихъ ступеняхъ развитія человѣкъ начинаетъ все менѣе и менѣе подвергаться какимъ-либо неизбѣжнымъ и немедленно-угрожающимъ жизни опасностямъ, — напр., нападенію дикихъ звѣрей, разрушительной бурѣ, — и потому все менѣе и менѣе исполняетъ функціи самосохраненія со стороны избѣжанія опасности. Въ то-же время во всѣхъ извѣстныхъ намъ историческихъ обществахъ, которыя основаны на антагонистической формѣ коопераціи, *сравнительная* неустойчивость матеріальнаго положенія массъ все возрастаетъ и возрастаетъ, возможность для трудящейся личности попасть въ безвыходное экономическое состояніе нужды и

горя все увеличивается и увеличивается. Стоитъ съ этой цѣлью сравнить, напр., положеніе раба, котораго кормить господинъ съ положеніемъ крѣпостного, который трудится на свой страхъ, но, конечно, подобно рабу, для выгоды господину, или, еще лучше, положеніе крѣпостного, въ экономическомъ благосостояніи котораго заинтересованъ господинъ, съ положеніемъ современнаго пролетарія, въ благосостояніи котораго хозяинъ, при современныхъ условіяхъ трудового рынка, не заинтересованъ вовсе.

Изъ сравненія будетъ ясно, что несмотря на увеличивающійся общій прогрессъ промышленности, относительная неудовлетворенность экономическихъ побужденій въ трудящихся массахъ, сравнительно съ расширеніемъ и усиленіемъ этихъ побужденій въ теченіи исторической культурной жизни, все возрастаетъ да возрастаетъ. Эта часть функціи самосохраненія, требующая удовлетворенія экономическихъ побужденій, сравнительно съ другой ея частью, — избѣганіемъ опасности, — все увеличивается и увеличивается.

Мы видимъ, что властолюбіе, почву для развитія котораго составляли въ значительной части побужденія особей коопераціи тяготѣть къ полезнѣйшему члену коопераціи, сверхъ того, вырабатывалось, благодаря тяготѣнію особей къ такому члену коопераціи еще изъ-за стремленія избѣгать опасности. Но если въ первобытныя времена властолюбію предводителей помогали вырабатываться чувства покорности въ особяхъ, вызванныя, помимо экономического разсчета, упомянутыми стремленіями избѣгнуть опасности, найти защиту у предводителя, — то въ теченіи культурной эпохи властолюбіе преимущественно опиралось на стремленіе рядовыхъ особей антагонистической формы коопераціи найти у привилегированныхъ классовъ положеніе или занятіе, могущее доставить средства къ жизни. Извѣстенъ, напр., фактъ изъ русской исторіи, что къ концу XVI столѣтія уже много крестьянъ своеземцевъ, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, предпочло болѣе обеспеченную жизнь независимости и, покинувъ свои земли, поселилось, между прочимъ, на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ (*Бѣляевъ*, крестьяне на Руси, см. стр. 80 и слѣд. изданія 1879 г.), что не могло не повліять на развитие фактической власти землевладѣльцевъ надъ крестьянами и на чувство властолюбія первыхъ, вытекавшее изъ практики власти. Еще извѣстнѣе фактъ современнаго положенія западно-европейскаго пролетарія, который, обладая юридическою свободою, предпочитаетъ, однако, этой свободѣ, форму экономической зависимости отъ капиталиста, дающей ему возможность «жить, трудясь».

Неоспоримо, что этимъ фактомъ экономической зависимости объясняется такое непоимѣрное развитіе и буржуазіи властолюбія, которая желала-бы не только фактически, но и юридически превратить государство въ общество на акціяхъ, составленное изъ Ротшильдовъ и Перейръ.

Нечего говорить, что и наоборотъ властолюбіе буржуазіи вытекаетъ изъ экономическихъ побужденій, выгодно ей въ экономическомъ отношеніи, разъ буржуа любитъ власть не столько платонически, сколько какъ средство къ охраненію экономического statu quo.

Мы заключаемъ нашъ анализъ властолюбія еще указаніемъ на то, что интенсивность этого чувства и формы проявленія его находятся въ тѣсной связи съ экономическими отношеніями. Наибольшей своей широты, напряженности и разнообразія формъ властолюбіе достигаетъ въ мѣщанскомъ царствѣ, гдѣ все,—и любовь, и честь, и убѣжденія,—во власти золота. Если рабовладѣльческой строй и юридически, и фактически царствовалъ надъ тѣлами людей, то современный западно-европейскій строй передалъ фактически въ руки мѣщанства и тѣло, и душу чловѣка. Недаромъ городскіе представители Парижа 24 іюля 1789 г., на зарѣ мѣщанскаго дня исторіи, сочинили рѣшеніе привлечь къ отвѣтственности всѣхъ издателей, которые напечатаютъ сочиненія лицъ, не «имѣющихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни», sans existence connue! (*Histoire parlementaire par Bichex et Roux*, t. II, page 192). Фактическая власть надъ правомъ людей высказывать свои убѣжденія связывалась, такимъ образомъ, съ «опредѣленными средствами существованія», въ чемъ капиталистъ имѣетъ преимущества надъ любымъ литераторомъ.

VII.

Перейдемъ къ эстетическому чувству.

Это чувство врядъ-ли можетъ быть выведено прямо изъ экономическихъ побужденій. Напротивъ, оно не руководствуется никакими низменными, утилитарными цѣлями. Оно слишкомъ высоко стоитъ надъ міромъ кипащихъ «вопросовъ желудка». Словомъ, эстетическое чувство—вещь извѣстная:

Фантастична и безцѣльна
Пѣснь моя,—сонъ лѣтней ночи,—
Какъ любовь, какъ жизнь безцѣльна,
Какъ созданье и создатель!

Эстетическое наслажденіе даже и въ разговорномъ языкѣ представляется свободнымъ отъ корыстныхъ побужденій. И въ

этомъ пунктѣ сама наука подаетъ руку практикѣ языка. Уже самыя низшія ступени эстетическаго чувства, гдѣ послѣднее незамѣтно переходитъ въ собственно такъ-называемыя игры, не имѣютъ своимъ стимуломъ экономическихъ побужденій. И относительно этихъ уже ступеней Спенсеръ (см. т. IV, главу IX его псих. трактата подъ заглавіемъ «Эстетическія чувства») замѣчаетъ: «Дѣятельности, называемыя играми, соединяются съ эстетическими дѣятельностями одной общей имъ чертою, а именно тѣмъ, что ни тѣ, ни другіе не помогаютъ сколько-нибудь простымъ образомъ процессамъ, служащимъ для жизни» (стр. 331). И далѣе: «тѣ дѣятельности, которыя доставляютъ намъ эстетическія удовольствія, не имѣютъ отношенія къ конечнымъ выгодамъ, — т. е. ближайшія цѣли суть ихъ единственныя цѣли», иначе говоря, эстетическое чувство не имѣетъ никакой другой непосредственной цѣли, кромѣ самого себя, кромѣ своего упражненія.

Однако, несмотря на свой неземной характеръ, эстетическое чувство тоже должно быть анализировано. Прежде всего является вопросъ, если эстетическая дѣятельность есть дѣятельность, «въ самой себѣ находящая цѣль и оправданіе», — какъ любили и любятъ выражаться жрецы чистаго искусства, — то каковы должны быть условія ея проявленія и «какимъ образомъ является подъ конецъ эта дополнительная дѣятельность высшихъ способностей, которая обнаруживается въ изящныхъ искусствахъ»? Дѣло опять заключается въ генезисъ эстетическаго чувства. Что нужно для того, чтобъ возникло это чувство? Нужно, чтобы организмъ особи былъ обезпеченъ со стороны матеріальнаго существованія и чтобы, сверхъ траты силы на удовлетвореніе насущныхъ потребностей, «вопросовъ желудка», у особи оставался извѣстный избытокъ силъ, который - бы она могла употребить по своему желанію. Трата силъ, идущихъ на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, есть дѣятельность, имѣющая свою цѣль именно въ поддержаніи организма. Употребленіе избытка силъ на дѣятельность, имѣющую цѣлью только самое себя, есть дѣятельность эстетическаго характера, граничащая на низшихъ своихъ ступеняхъ съ потребностью игры вообще. Съ общимъ развитіемъ особи, съ усложненіемъ ея отношеній къ природѣ и себѣ подобнымъ, очевидно, развиваются и ея способности какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ направленіи. Кромѣ способности добывать пищу самымъ простѣйшимъ образомъ, — актомъ схватыванія, напр., — у особи могутъ и должны развиваться способности логическаго порядка, которыя приводятъ въ дѣйствіе иныя, болѣе выгодныя для нея комбинаціи ея отношеній

къ природѣ и другимъ особямъ, а изъ такихъ болѣе выгодныхъ для нея отношеній возникнутъ улучшенные способы добывать пищу, рѣшать «вопросы желудка. Такимъ образомъ, становясь въ различныя отношенія къ окружающей средѣ съ цѣлю удовлетворить преимущественно экономическимъ побужденіямъ, особь вырабатываетъ разнообразныя способности. Эти способности, начиная съ простѣйшихъ и кончая болѣе сложными, съ инстинкта до разума, являются слѣдствіемъ упомянутой постановки организма въ пзвѣстныя отношенія къ средѣ, но затѣмъ уже превращаются въ *самостоятельныя средства*, которыя служатъ для достиженія *цели* наилучшаго приспособленія организма къ средѣ. Такъ-какъ этихъ способностей съ теченіемъ времени у известной породы особей накапливается достаточно много, такъ-какъ эти способности разнообразятся и видоизмѣняются, и такъ-какъ съ другой стороны, разъ цѣль поддержанія особью организма достигнута, онѣ остаются въ бездѣйствіи,—то у особи является потребность упражнять эти способности для нихъ самихъ безъ всякаго отношенія къ какому-либо полезному результату, словомъ, смотрѣть на эти средства, какъ на цѣль.

По мѣрѣ того, какъ увеличивается число и разнообразіе этихъ способностей, равно какъ и сложность ихъ, увеличивается и сфера упражненія дѣятельностей ради ихъ самихъ. Чѣмъ больше у особи способностей, тѣмъ больше у нея дѣятельностей, которыя она можетъ развивать ради ихъ самихъ. Чѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе эти способности, тѣмъ сложнѣе должны быть и дѣятельности, въ которыхъ особь упражняется ради ихъ самихъ. Напр., «низшіе роды животныхъ имѣютъ ту общую имъ всѣмъ черту, что всѣ ихъ силы расходуются на выполненіе отпращеній, имѣющихъ существенное значеніе для жизни. Они непрерывно заняты отыскиваніемъ пищи, убѣганіемъ отъ враговъ, постройкою убѣжищъ и заготовкою крова и пищи для своего потомства» (1. с. стр. 332). Сообразно немногосложности операцій, выполненія которыхъ требуютъ отъ такого животнаго преимущественно экономическія побужденія въ простѣйшей формѣ, и способности такого животнаго несложны. Онѣ представляютъ, главнымъ образомъ, трату исключительно физической силы, которая расходуется въ направленіи, указываемомъ инстинктомъ, и заключаетъ въ себѣ относительно мало умственныхъ элементовъ. Поэтому, если бы такое животное удовлетворило всѣ свои потребности, но не израсходовало на то всѣхъ своихъ силъ, то употребляя остатокъ ихъ въ формѣ дѣятельности, не имѣющей прямо-полезнаго для жизни характера, животное должно непременно проявить ихъ въ формѣ чисто-физической дѣятельности, потому-что послѣдняя

соотвѣтствуетъ его грубо-развитымъ способностямъ. Животное, насытившись, будетъ, напр., бѣгать, рѣзвиться, бороться въ шутку съ своими товарищами, словомъ — упражнять ради ихъ самихъ тѣ способности, которыя помогаютъ ей при процессѣ поддержанія жизни, ловлѣ добычи, рванья ея зубами и т. п. На высшихъ ступеняхъ животнаго царства и въ области антропологической у особей остается уже гораздо болѣе свободныхъ силъ, такъ-какъ логическій элементъ, соединяясь съ чисто-физической дѣятельностію, позволяетъ поддерживать организмъ особи съ наименьшей затратой силы. Конечно, это значитъ, что и способности особи болѣе развиты и сложны. Поэтому если животное низшаго типа тратило остатокъ свободныхъ силъ на грубо-физическую дѣятельность, исключительно физическую игру, то животное высшаго типа должно употребить этотъ остатокъ на дѣятельность, соотвѣтствующую его болѣе развитымъ способностямъ и присутвію въ нихъ логическаго элемента. У человѣка, напр., и самыя игры носятъ уже не только физическій, но и умственный характеръ, хотя и удерживаютъ нѣкоторую зоологическую черту, а именно, элементъ состязанія и побѣды. Что же касается до свободнаго, не имѣющаго въ виду непосредственно-полезной цѣли, упражненія высшихъ способностей человѣка, то оно исключительно—умственнаго характера, независимо отъ того, дѣйствуетъ-ли оно собственно на разумъ или на чувство человѣка. Дѣятельность, преимущественно направленная на сторону аффектовъ, и притомъ не имѣющая непосредственно полезной цѣли, а по возможности удаленная отъ непосредственныхъ утилитарныхъ результатовъ, и есть дѣятельность эстетическаго характера. Играя на струнахъ высшихъ человѣческихъ способностей, эта дѣятельность удовлетворяетъ стремленію къ тому, что называется «прекраснымъ, возвышеннымъ, изящнымъ». Но тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что интенсивность эстетическія побужденія могутъ только пріобрѣсть тогда, когда удовлетворены элементарныя потребности организма. Или, говоря словами Спенсера, «дѣятельности эстетическаго порядка начинаютъ обнаруживаться только тогда, когда достигнута уже настолько высокая организація, что животныя энергіи не расходуются сполна на удовлетвореніе ежеминутныхъ матеріальныхъ потребностей животнаго» (стр. 352).

Если мы перейдемъ въ міръ антропологическій, то едва-ли намъ нужно будетъ доказывать, что до сихъ поръ положеніе большинства людей до такой степени шатко и неудовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи, что обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ добросовѣстныхъ изслѣдователей. Приковывая

трудящіяся массы къ продолжительному труду, антагонистическая форма коопераціи, представляемая современнымъ обществомъ въ наиболѣе мирномъ видѣ, но зато въ наиболѣе чистой типичности, оставляетъ этимъ массамъ слишкомъ мало времени и свободныхъ силъ» сверхъ удовлетворенія ежеминутныхъ матеріальныхъ потребностей ихъ. Если присоединить къ этому еще то, что эстетическія наслажденія зависятъ по отношенію къ своей силѣ и воздѣйствію на человѣка отъ степени развитія умственнаго элемента и что продолжительный трудъ большинства препятствуетъ такому развитію, то мы поймемъ, какою незначительную роль должны играть эстетическія чувства въ качествѣ одного изъ «соціологическихъ элементовъ» въ жизни вообще человѣчества, а не привилегированныхъ группъ.

Съ краской на лицѣ должны мы признаться, что та высота и напряженность эстетическихъ чувствъ, которую мы обозначили не задолго передъ тѣмъ, какъ преимущество «человѣка» надъ «животными», есть собственно говоря высота и напряженность эстетическихъ чувствъ въ «порядочномъ человѣкѣ», а не въ двуногомъ «животномъ», котораго также зовутъ человѣкомъ.

Теперь намъ осталось обратить вниманіе только на два элемента: любознательность и религиозное чувство. Говоримъ «только» потому, что число развѣтвляющихся и видоизмѣняющихся чувствъ въ человѣкѣ такъ велико, что анализировать всѣ ихъ нѣтъ никакой возможности въ журнальной статьѣ.

Что любознательность въ своемъ генезисѣ тоже выводится преимущественно изъ экономическихъ побужденій, понять не трудно. Любознательность состоитъ въ стремленіи узнавать новыя отношенія между вещами, а съ философской точки зрѣнія вообще въ стремленіи устанавливать новыя связи между субъектомъ и объектомъ. Этотъ процессъ установленія такихъ связей первоначально носилъ чисто-утилитарный характеръ и ограничивался стремленіемъ особи замѣтить отношенія къ окружающей средѣ, насколько они требовались существованіемъ двухъ основныхъ функцій органическаго міра, — самосохраненія и воспроизведенія. Что касается до воспроизведенія, то вредъ-ли эта функція могла существеннымъ образомъ руководить развитіемъ любознательности. По крайней мѣрѣ въ одной своей части, половомъ чувствѣ, функція воспроизведенія врядъ-ли вызывала въ особи стремленіе замѣчать отношенія самца, напр., къ самкѣ, и наоборотъ: въ этихъ отношеніяхъ по ихъ сравнительной простотѣ, лежащей уже въ самой организаціи, самецъ и самка мало находили почвы для удовлетворенія и развитія чувства любознательности. Что касается до тѣхъ отношеній, въ

которыя особа становилась къ природѣ, побуждаемая родительскимъ инстинктомъ и дѣтской привязанностью, то эти отношенія, собственно говоря, вытекали уже изъ функціи самосохраненія. Родитель, напр., добывая пищу дѣтенышу, узнавалъ такія свойства во вѣшной средѣ и развивалъ стремленіе къ такому познанію ея, какія онъ узнавалъ и какое онъ пріобрѣталъ уже изъ практики самосохраненія, добыванія пищи для себя. Но разъ дѣло сводится къ любознательности, какъ къ стремленію, вырабатывавшемуся на почвѣ самосохраненія, — мы уже изъ прежняго можемъ замѣтить, какую громадную роль играло развитіе любознательности на почвѣ отношеній особи къ окружающей средѣ, вызываемыхъ стремленіемъ удовлетворить матеріальнымъ побужденіямъ. Особь стремилась узнавать то, что ей было полезно, и вырабатывала это стремленіе къ познанию постольку, поскольку узнавала это «полезное».

Конечно, съ общимъ развитіемъ особи, на высшихъ ступеняхъ животной жизни и особенно въ чисто-человѣческой жизни любознательность принимаетъ безкорыстный характеръ, но здѣсь она все-же тѣсно связана съ экономическими побужденіями, хотя эта связь нѣсколько иная. Безкорыстное занятіе какой-нибудь наукой со стороны ученаго предполагаетъ именно, чтобы вѣ его кабинета существовалъ работникъ, производящій предметы потребленія ученаго. Что касается до современнаго общества, то здѣсь, говоря вообще, любознательность, выражающаяся въ развитой формѣ въ формѣ жажды познанія, настолько утилитарнаго характера, насколько сама наука буржуазіи приближается къ типу «вѣрнаго способа нажить миллионъ».

VIII.

Очередь за религіознымъ чувствомъ *). Если вѣрно, что религіозныя представленія являются отраженіемъ совокупности земныхъ условій человѣческаго существованія, — характера окружающей среды, типа человѣческаго общества и качествъ отдѣльной личности, — то еще вѣрнѣе, что религіозное чувство, постольку оно есть «соціологическій элементъ», постольку оно вызываетъ и опредѣляетъ фактическія отношенія между людьми, является только итогомъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, перенесен-

*) Мы, конечно, здѣсь вовсе не касаемся догматической стороны религій, а имѣемъ въ виду лишь антропологическій фактъ существованія ихъ. Равнымъ образомъ мы не касаемся вовсе христіанской религій, такъ-какъ она не есть созданіе человѣческаго мозга, а дѣло Божественнаго Начала.

нымъ въ заоблачный міръ, получающимъ санкцію и характеръ обязательности отъ религіозныхъ представленій объ этомъ мірѣ. Но эти религіозныя представленія есть ничто иное, какъ отраженіе земныхъ условій существованія человѣка. Такимъ образомъ, религіозное чувство, будучи итогомъ человѣческихъ чувствъ, и обязательность свою получаетъ отъ идеализированныхъ человѣческихъ условій существованія.

Чтобъ хорошенько уразумѣть отношеніе между земнымъ міромъ и заоблачной страной, мы вератцѣ изложимъ здѣсь генезисъ религіозныхъ представленій дикаря, опираясь на остроумную теорію анимизма, представленную другимъ англійскимъ мыслителемъ, Тейлоромъ.

Подъ именемъ «анимизма» Тейлоръ разумѣетъ «глубоко пресущее человѣку ученіе о духовныхъ существахъ, которое служитъ воплощеніемъ сущности спиритуалистической философіи въ противоположность матеріалистической». (Т. I, часть 2, стр. 9 рус. изданія «Первобытной культуры»). Теорію развитія этого ученія и представляетъ Тейлоръ. Очевидно, оно въ своей сущности предполагаетъ двойственность и обособленіе двухъ міровъ.

Но такъ-какъ всѣ предположенія, — и это въ томъ числѣ, — возникаютъ въ душѣ субъекта, размышляющаго человѣка, то нужно, чтобы идея о двойственности «сущаго» порождалась идеей о двойственности самого субъекта. Нужно, стало-быть, чтобы самосознаніе субъекта развивало идею о двойственности жизни субъекта. Но уже на нижнихъ ступеняхъ человѣкъ замѣчалъ нѣкоторыя явленія, способствовавшія развитію такой идеи. Таковы, напр., явленія сна, обморока, галлюцинацій. Дикарь, напр., спитъ и видитъ во снѣ себя перенесеннымъ въ какую-то страну. Онъ путешествуетъ по ней, онъ испытываетъ всевозможныя приключенія. Онъ сталкивается тамъ съ своими знакомыми. Затѣмъ наступаетъ пробужденіе. Нечего говорить о незнаніи дикаремъ причинъ и сущности сновидѣнія. Только недавно и современная-то наука уяснила въ общихъ чертахъ этотъ процессъ. Мракъ, окружающій для дикаря область сновидѣній, усиливаетъ ея таинственность. Дикарь по пробужденіи вѣрится въ реальность испытаннаго имъ во снѣ: онъ дѣйствительно путешествовалъ, дѣйствительно переживалъ рядъ приключеній. Но съ другой стороны и самъ онъ знаетъ, и свидѣтельства его домашнихъ убѣждаютъ его въ томъ, что онъ никуда не выходилъ во время сна изъ своей убогой палатки, какъ-же согласить это противорѣчіе? И вотъ обобщающая мысль дикаря, работая надъ рядомъ подобныхъ явленій, выработываетъ въ немъ понятіе о томъ,

что его природа двойственна. Онъ можетъ лежать спокойно на мѣстѣ и въ то-же время другой «онъ» будетъ путешествовать. Въ этомъ убѣжденіи его поддѣрживаютъ и рассказы его товарищей, просыпающихся отъ сна. Онъ видѣлъ, что они оставались въ одномъ положеніи, а между тѣмъ они передаютъ ему, что случилось съ ними во время такого состоянія, гдѣ они были, что видѣли. Стало быть,—заключаетъ дикарь,—и у другихъ есть тоже другой «онъ». Вотъ вамъ начало возникновенія у дикаря понятія о душѣ. А тутъ приходятъ на помощь такому обобщенію еще другія явленія. Товарищъ дикаря разбился на охотѣ и упалъ въ обморокъ. Жизненные отправленія на время покинули его тѣло, но вотъ мало-по-малу жизнь снова проявляется въ обмершемъ. Онъ очнулся. Снова работаетъ мысль дикаря. Гдѣ же былъ его товарищъ въ это время? Вѣрно и тутъ уходила куда-нибудь другая его часть, другой «онъ», путешествующій и во снѣ.

Вотъ умираетъ товарищъ дикаря. Онъ умеръ физически, но живетъ еще въ сознаніи дикаря. Дикарь [видитъ умершаго во снѣ, разговариваетъ съ нимъ. Просыпаясь, онъ вѣритъ, что дѣйствительно говорилъ съ покойникомъ. Значитъ,—разсуждаетъ дикарь,—мой другъ живъ, онъ лишь живетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, куда я могу попасть только во снѣ или по смерти. Мое другое «я», моя душа, можетъ посѣщать эту страну.—И вотъ уже передъ нами вырисовывается заоблачная страна.

Стоитъ теперь дикарю, мозгъ котораго находится еще подъ вліяніемъ смерти друга, испытать галлюцинацію, увидеть друга и въ состояніи бодрствованія,—и въ головѣ дикаря уже созрѣла мысль о «томъ свѣтѣ», о жизни «тамъ», куда переходитъ по смерти другое «я» дикаря.

Но обобщающая мысль, развивавшая понятіе о двойственности природы человѣка, продолжаетъ развивать это понятіе по аналогіи и по отношенію ко внѣшнему міру.

Въ каждомъ предметѣ есть тоже свое «я» своя душа. Въ этомъ человѣка удоставляетъ еще и то, что во снѣ онъ видитъ «души» вещей, своего лука, шалаша, убитой дичи. Одушевленные предметы тѣ ужъ и подавно, разумѣется, имѣютъ душу: недаромъ они и движутся, и кричатъ, какъ человѣкъ. Такимъ образомъ, заоблачная страна населяется «душами» людей, животныхъ, вещей и т. д., словомъ, того, что есть и на землѣ. Эту страну дикарь посѣщаетъ во снѣ, надѣется посѣтить ее и послѣ смерти. И провозая своего друга похороннымъ плачемъ въ эту страну, которая похожа на нашу землю, дикарь поетъ:

Миръ душѣ его свободной
 Тамъ, гдѣ нѣтъ свѣговъ,
 Тамъ, гдѣ маишь самородный
 Зрѣеть средь луговъ.
 Гдѣ въ кустахъ щебечуть птицы,
 Полонъ дичи боръ,
 Гдѣ гуляютъ вереницы
 Рыбъ по дну озеръ.
 Уходя на пиръ съ духами,
 Насъ оставилъ онъ,
 Чтобы здѣсь, воспѣтый нами,
 Былъ похороненъ.

(Надоевскій похоронный
 плачь Шиллера).

Естественно теперь, какимъ образомъ мы должны разрѣшить вопросъ о правомѣрности существованія религіознаго чувства, какъ одного изъ «соціологическихъ элементовъ». Разъ такое чувство есть только идеализація суммы человѣческихъ чувствъ въ данной странѣ и въ данную эпоху, то оно ничего новаго не можетъ приносить въ сознаніе человѣка, что могло-бы опредѣлять его фактическія отношенія къ людямъ, независимо отъ его обычныхъ другихъ чувствъ. Если въ обществѣ развиты кровожадныя чувства, то и религіозное чувство будетъ освящать такую кровожадность. Если въ обществѣ царитъ миролюбіе, то и религіозное чувство будетъ, главнымъ образомъ, отражать этотъ характеръ человѣческихъ отношеній. Потому-то, если въ данномъ обществѣ царитъ общественный строй, вызывающій антагонизмъ между людьми, то въ такомъ обществѣ заимствованныя формы религіознаго сознанія самаго альтруистическаго типа непременно будутъ сами по себѣ, а эгоистическія побужденія сами по себѣ. Иначе говоря, образуются двѣ религіи: одна номинальная, а другая фактическая, причемъ послѣдняя своимъ низменнымъ содержаніемъ заполнить болѣе высочія формы первой.

Этимъ мы заканчиваемъ первую статью. Въ слѣдующей статьѣ мы займемся анализомъ альтруистическихъ побужденій уже оторвавшихся отъ чисто-экономической пуповины.

Н. С. Русановъ.

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Давно, давно мнѣ пересталъ
Звучать твой голосъ милый!
Бывало въ сердцѣ пробуждалъ
Онъ дремлющія силы.

Дышалось легче мнѣ тогда,
И краше жизнь казалась;—
Мнѣ счастья новаго звѣзда
Какъ-будто загаралась...

Когда твоихъ прекрасныхъ глазъ
Лучи меня ласкали,
Какъ ночи мгла, въ разсвѣта часъ,
Летѣли прочь печали.

Подъ кроткимъ свѣтомъ тѣхъ лучей,
Ихъ вызванная властью,
Слагалась пѣснь въ душѣ моей
Веснѣ, любви и счастью!

Но навсегда померкъ тотъ свѣтъ
И смолкъ тотъ голосъ милый...
Ни радостей, ни пѣсень нѣтъ
Съ тѣхъ поръ въ душѣ унылой...

А. Плещеевъ.

ЮЛІАНКА.

ОЧЕРЕЖЬ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ГОРОДСКОГО ВЪТА

Г-жи Ожешко.

Переводъ съ польскаго.

V.

Съ того вечера ее можно было видѣть каждое утро, когда она выходила на дворъ изъ развалинъ стараго дома, пускаясь на поиски за дневнымъ пропитаніемъ... Для ночлеговъ-же она избрала себѣ большія сѣни, въ одномъ изъ закоулковъ которыхъ нашла безногое, ободранное кресло, съ высокой спинкой и остатками мягкой обивки—гнѣздилищемъ мышей. Дѣвочка свертывалась клубочкомъ въ этой импровизированной колыбели, согрѣвала себѣ руки дыханіемъ и засыпала сладкимъ сномъ. Храбрыя мыши шмыгали по ея тѣлу, пищали и грызли всякую всячину; но она нисколько не боялась своихъ сожительницъ. Ей даже нравился ихъ шумъ, нарушавшій мертвенную тишину заброшеннаго строенія. Какъ прежде снопы искръ, такъ теперь игры мышей тѣшили и забавляли одинокаго ребенка. Она свѣшивалась головою внизъ со спинки кресла, приспособляла зрѣніе къ темнотѣ и наблюдала маленькихъ, юркихъ звѣрьковъ, теребившихъ куски обоевъ или обгрызавшихъ голую кость.

Въ свѣтлыя ночи она предпочитала ложиться на полу, среди обломковъ тѣхъ дорогихъ украшеній, о которыхъ было сказано выше. Она брала тогда въ руки какую-нибудь голову съ отбитымъ носомъ, освѣщенную мягкимъ сіяніемъ полной луны, гладила ее и нашептывала ей что-то, должно-быть, очень нѣжное. И про-

должались эти ласки до тѣхъ поръ, пока отяжелѣвшія вѣки не смыкались, а подпертая локтемъ мудрая головка не склонялась на грудь или плечо бывшей мраморной статуи...

Случалось ей, съ радостнымъ смѣхомъ и вытянутыми напередъ ручками, видаться на встрѣчу игравшихъ дѣтей, и въ такія минуты она напоминала собою птичку, летѣвшую къ стаѣ своихъ пернатыхъ сестеръ. Но это ея ребяческое стремленіе къ общенію быстро охлаждалось всеобщимъ нерасположеніемъ къ „подкидышу“, и руки малютки опадали какъ крылья раненой птички.

Въ числѣ ребятишекъ, съ восхода до захода солнца, во всякую погоду, гарцовавшихъ по широкому двору стараго дома, у Юланки были непримиримые враги, во главѣ которыхъ стояли: Антекъ и балованная дочка мѣстнаго портного, неуклюжая, длинноногая дѣвочка, обладавшая драгоценнѣйшимъ предметомъ — куклой. Портной самъ смастерилъ эту куклу изъ разныхъ тряпокъ и нарядилъ ее „по-модному“, въ обрѣзки пестрыхъ ситцевъ и шелковыхъ матерій, чтобы угодить этимъ своей „одиночкѣ“; а она покорила себѣ ею всѣ дѣтскія сердца. Завидѣвъ, напримѣръ, что Юланка таскаетъ въ подолѣ песокъ и камешки съ улицы къ срубъ сухого колодца на постройку дома для ея-же куклы, — дѣвченка сейчасъ-же кричала, что она не хочетъ играть вмѣстѣ съ „подкидышемъ“ и перейдетъ въ другую компанію, на чужой дворъ.

Несмотря на заступничество Анки, желавшей пользоваться услугами малютки для великихъ строительныхъ сооружений, а также и для гоньбы „въ лошадки“, — дѣвочку безпощадно били, царапали и ругали ея-же сверстники и сверстницы. Громче всѣхъ оралъ Антекъ, протестуя и голосомъ, и руками, и ногами противъ совмѣстныхъ игръ съ „проклятой найденкой“.

Эта уловка дочери портного всегда оказывала свое дѣйствіе. Никто не рѣшался пойти ей на переборъ изъ боязни потерять изъ виду тряпичную куклу. Дѣвочки охотно выпрагались въ веревочную упряжь, изображая собою борзыхъ коней, погоняемыхъ въ три кнута тремя мальчишками, лишь-бы имъ побывать „въ гостяхъ“ у обожаемаго предмета — все той-же куклы. Послѣ своей матери и меньшаго братишки, Анка любила ее всѣми силами своей души, — слѣдовательно, больше Юланки.

Избитая, поцарапанная и съ синяками отъ щипковъ, дѣвочка

на первыхъ порахъ только плакала и упрашивала. Но потомъ она совсѣмъ перестала „хныкать“. Когда ее обзывали „найденкой“ и „подкидышемъ“, она сама отходила подальше и губы ея быстро шептали... вѣрно, проклятія или заклятія... Мало-по-малу она покорила въ себѣ стремленіе къ другимъ дѣтямъ. Если ей надо было зачѣмъ-нибудь пройти мимо того мѣста, гдѣ онѣ играли, то она дѣлала даже огромный крюкъ, прокрадывалась вдоль стѣны всѣхъ надворныхъ строеній, искоса лишь поглядывая на своихъ „обидчиковъ“ обоюго пола.

Антекъ видѣлъ, что дѣвочка избѣгаетъ глумленія надъ собою, и придумалъ новый способъ преслѣдованія. Подговоривъ нѣсколькихъ товарищей, онъ съ крикомъ, свистомъ и гикомъ бросался съ ними на нее изъ какой-нибудь засады, потѣшался тѣмъ, какъ она улепетывается отъ погони. Зимой ее осаждали комьями жесткаго снѣга. И безпріютное дитя чувствовало себя уже „лишнимъ“ на свѣтѣ, едва еще только вступая на тернистый путь жизни.

Запросы желудка толкали малютку къ чужимъ окнамъ и порогамъ. Но она не довѣряла сочувствію тѣхъ, которые бросали ей подачки. Иногда она всходила по пологимъ, но разрушающимся лѣстницамъ дома, въ ту комнату, гдѣ грохоталъ батокъ, зная, что застанетъ тамъ двухъ женщинъ, то оттягивающихъ къ себѣ, то отталкивающихъ отъ себя длинный ящикъ съ камнями и подготавливающихъ, такимъ образомъ, тѣ груди лоснящагося бѣлья, которыя всегда складываются другими женщинами на чистыхъ, сосновыхъ столахъ, и наполняютъ потомъ корзины.

Сюда часто навѣдывалась величавая и горделивая владѣтельница катка. Она повѣряла число корзины съ готовымъ бѣльемъ, взидала за нихъ договорныя деньги, распекала или поучала умразуму трудящихся женщинъ, шуршала по полу своимъ крахмальнымъ платьемъ и замѣчала подчасъ Юліанку.

Смотря по количеству вырученныхъ денегъ, — такъ-какъ это служило барометромъ ея расположенія духа, — она подходила иногда къ ребенку, прикасалась къ его кудрямъ своей пухлой, жирной ладонью и посылала одну изъ работавшихъ женщинъ къ себѣ, принести кусокъ хлѣба и сыру „для подкидыша“. Случалось даже, что изъ ея глубокихъ кармановъ въ рукахъ дѣвочки появлялся праникъ! Но такія благія мгновенія весьма рѣдко осѣняли раскрахмаленную, сытую паню. Когда ей приходилось получать за

чужіе труды меньше денегъ, тогда она дулась, сопѣла, ругалась и присутствіе Юліанки у порога выводило ее изъ терпѣнія.

— Это еще что такое? накидывалась она на малютку. — Съ какой это стати я буду кормить и приодѣвать чужое дитя? Небось, когда старая дура-побирашка подняла тебя съ земли и чортъ знаетъ зачѣмъ сдала тебя на заботу всѣхъ жильцовъ нашего двора, тогда всѣ обѣщали дѣлать въ твою пользу складчину, а теперь? Ко мнѣ только одной ходишь и ходишь!.. Нашла богачиху! Конечно, я состоятельнаѣе и во всѣхъ отношеніяхъ выше той голытьбы, которая хочетъ взвалить тебя на мою шею! Но все-же я—не богачиха! У меня есть племянницы, паненки, которымъ я должна дать приличное образованіе! Вотъ на прошлой недѣлѣ у меня еще и корова издохла!.. Пошла вонъ! Говорятъ тебѣ, ничего не получишь!

Обезкураженная Юліанка спускалась съ лѣстницы и шла въ ту сторону двора, откуда слышались звуки разбитаго фортепіано, вылетавшіе изъ окна, занавѣшеннаго вѣтвями душистой липы. Ребенокъ поднимался на кончики пальцевъ и заглядывалъ въ комнату, гдѣ, за музыкальнымъ инструментомъ съ узенькой клавиатурой, сидѣлъ какой-то высокій, худой и блѣдный мужчина. Онъ всегда игралъ и кашлялъ, кашлялъ и игралъ.

Когда-то онъ считался кандидатомъ на выдающагося, талантливаго артиста. Путешествовалъ по Европѣ, давалъ концерты. Потомъ былъ учителемъ музыки... А теперь, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, нужда заставляла бѣдняка пробавляться пятнадцатикопѣечными уроками... Его мечтательные глаза горѣли огнемъ добивавшей его лихорадки; но это не мѣшало ему забываться—просиживать долгіе часы за любимымъ занятіемъ. Изъ-подъ его костлявыхъ пальцевъ раздавались сначала громкіе, потрясающіе аккорды, и онъ порывался иногда аккомпанировать имъ, какъ въ былые времена, своимъ глухимъ голосомъ... Но кашель останавливалъ его на первой-же нотѣ, пальцы тоже ослабѣвали и игра превращалась въ бречаніе струнъ...

— Это ты? Опять пришла? улыбался онъ Юліанкѣ.

— Опять пришла! улыбался и ребенокъ.

— Ну, что-жъ ты мнѣ скажешь?

Дѣвочка хваталась за вѣтку липы, раскачивалась на ней и взбиралась на подоконникъ.

— Настоящая пташечка! восхищался артистъ, и игралъ „для пташечки“ подмиывающія польки, тоскливо-веселые вальсы и щеголеватныя кадрили, гремѣвшія на весь дворъ. Малютка слушала и подпѣвала.

— Пои, пташечка! хохоталъ артистъ.— Пои миѣ, пои!

И она вытягивала шейку, смотрѣла въ окно сквозъ зеленую листву на голубое небо, и пѣла все громче и громче. Но потомъ сразу переставала, заявляя, что ей „очень хочется ѣсть“.

Тогда артистъ подходилъ къ ней и давалъ ей горсточку... лепешекъ отъ кашля... Впрочемъ, порывшись иногда въ ворохахъ запыленныхъ нотъ, ему удавалось находить, подъ спудомъ, огрызокъ сухой булки или засохшаго говяжьяго жаркого. И Юліанка, съ одинаковымъ аппетитомъ, сокрушала и лепешки отъ кашля, и огрызки булки, и засохшее жаркое; а угощавшій ее всѣми этими лакомствами чахоточный человекъ смотрѣлъ черезъ нее куда-то вдаль... О чемъ ему думалось, когда его бѣлые, костлявые пальцы машинально перебирали кудри ребенка? Объ угасшихъ, честолюбивыхъ надеждахъ пылкой юности? О веселыхъ друзьяхъ, съ которыми онъ мечталъ о славѣ и богатствѣ? О прекрасной, юной дѣвушкѣ, которую онъ такъ страстно любилъ? О томъ-ли, что ему не пришлось извѣдать счастья семейной жизни? Или о своемъ одиночествѣ, лишенияхъ и близкой могилѣ, на которой никогда не выростутъ „лавры“, и поплачетъ развѣ только перелетное дождевое облако? Кто его знаетъ, о чемъ ему думалось. Вѣрно лишь то, что эти думы усиливали его грудные припадки, и онъ просилъ Юліанку удалиться, говоря-ей, что запретъ окно, потому-что свѣжій воздухъ раздражаетъ его больныя легкія...

Дѣвочка спрыгивала на землю и отходила въ противоположную часть двора, къ двумъ чистымъ, прозрачнымъ окнамъ, въ которыхъ виднѣлись горшки съ простенькими растеніями и отражался блескъ огня, пылавшаго въ широкомъ каминѣ. Въ этой свѣтлой, обширной комнатѣ всегда гудѣлъ станокъ токаря, а возлѣ окна сидѣла, съ шитьемъ въ рукахъ, молоденькая дѣвушка. Щечки у нея были розовныя, а пышная русая коса лежала на круглыхъ плечикахъ, прикрытыхъ на-крестъ повязаннымъ, узорчатымъ платкомъ.

Колесо станка гудѣло, вертѣлось, выработывая разныя фигурныя рамки, трости, ручки для зонтиковъ, ножки для мебели и

т. п. Множество такихъ вещей висѣло по стѣнамъ и лежало по угламъ. У сѣдѣвшаго, еще очень бодрого токаря, не было ни одного помощника; но зато его мозолистыя руки не знали, что значить „отдыхъ“ въ будніе дни.

Рядомъ съ его незатѣйливой мастерской находилась еще кухня, служившая, вмѣстѣ съ тѣмъ, спальною и столовою. Въ открытую дверь первой комнаты видна была кровать съ подушками, перинсю и прочнымъ одѣяломъ, а по стѣнкамъ — образа, оклеенные полосками золоченой бумаги.

Мать семейства хозяйничала; отецъ — точилъ, а самая старшая дочь — дѣвушка съ розовыми щеками и пышной русой косою — шла „на людей“.

Тѣнь, падавшая на ея работу, заставляла ее поднимать голову.

— Тятя! А тятя! обращалась она къ отцу. — Посмотри, къ намъ опять пришла сиротка! Взлѣзла-себѣ на скамеечку и заглядываетъ!

Но станокъ такъ гудѣлъ, что заглушалъ отвѣты отца дочкѣ, и она вызывала изъ кухни мать, дородную, румяную женщину, съ груднымъ малышомъ на рукахъ, и съ другимъ — у подола.

— Помилуй пась, Христе, Боже нашъ! говорила она, увидѣвъ Юліанку. — Эта несчастная постоянно шляется, — не приравнивая ее, конечно, къ безсловесной твари, — точно прибудный пѣсь! А ну-ка, сбѣгай, Кахна, принеси чашку молока! ॥

Юліанкѣ приносили чашку простокваши; а зимою подавали, въ форточку, ломоть хлѣба и сыра. Она поѣдала то и другое; но не сейчасъ удалялась отъ этого пріятливаго жилища, гдѣ никто не оскорблялъ ее названіемъ „подкидыша“. Ей нравилось подолгу смотрѣть внутрь мастерской, хотя тутъ не чѣмъ было восторгаться. Все тотъ-же гудѣвшій станокъ, тотъ-же огонь въ каминѣ, образа по стѣнкамъ и кровать съ подушками, — къ которымъ она уже давнымъ-давно приглядѣлась, облокачиваясь о наружный карнизъ подоконника. Но ее влекла сюда опрятная, домовитая обстановка, какой она не находила у другихъ жильцовъ, вращаясь среди нихъ съ первыхъ дней своей жизни. Ей было отрадно продлить созерцаніе чужого, теплаго гнѣздышка, и у нея возникали подчасъ прератанныя мысли.

— А мнѣ хотѣлось - бы, проговорила она однажды, ковыряя пальчикомъ карнизъ окна, — чтобы та большая птица бросила меня

къ пану токаря и къ вамъ, вмѣсто того, чтобы бросать меня на землю, подъ ворота.

Стоявшая въ то время у окна жена токаря приснула грубымъ смѣхомъ.

— Да побойся ты Бога, дѣвочка! воскликнула она, не соображая о томъ, что говорить;— и то ужь твоя „большая птица“ набросала намъ столько дѣтей, что мы даже и не знаемъ, что съ ними дѣлать!.. Развѣ, вотъ такъ?

И, раскачавъ бывшего у нея на рукахъ сосуна, она сдѣлала движеніе, какъ-будто собирается выкинуть его въ окно. Но потомъ прижала его къ себѣ и стала цѣловать.

— Да это вовсе не птица бросила меня подъ ворота! покачала головой Юліанка.— Это я такъ себѣ сказала. Знаю, что не птица!..

— А кто-жъ такой? Кто-жъ другой это сдѣлалъ? спросила, нѣсколько смѣшавшись, жена токаря.

— Мать! коротко и равнодушно отвѣтило дитя.

О томъ, что у нея, какъ и у другихъ дѣтей, была мать, ей вообще разбитная работница, служившая у владѣтельница катка. А когда ребенокъ поинтересовался узнать, былъ-ли у него и отецъ,— дерзкая хохотунья воскликнула: „А то какъ-же иначе?“

— А гдѣ-жъ мой отецъ? не смутилась дѣвочка хихиканіемъ своей собесѣдницы.

— Ищи вѣтра въ полѣ! хлопнула она себя по крутымъ бедрамъ и убѣжала. Но ребенокъ не забылъ этого мимолетнаго разговора, и воспользовался добытыми свѣденіями, продолжая свою бесѣду съ женою токаря.

— Да! вздохнула дѣвочка;— у меня былъ и отецъ!

— А гдѣ-жъ твой отецъ? зашебетали изъ мастерской бывшіе тамъ ребяташки.

Малютка не имѣла никакого представленія о томъ, что такое „поле“ и воображала себѣ его человѣкомъ, летающимъ въ воздухъ по большому двору стараго дома. Во время бурь и урагановъ она пристально вглядывалась въ порывы вѣтра, шатавшаго вѣковыми липами, и ей подчасъ мерещилось, что она *видитъ* этого летающаго человѣка и что вотъ-вотъ онъ подлетитъ къ ней, схватитъ ее въ свои объятія и прижметъ ее къ себѣ, лаская, какъ ласкалъ своихъ дѣтей — не только токарь, но даже и

мужъ прачки, когда водка испарилась немного изъ его глупой башки.

Починивая какой-то инструментикъ, токарь услышалъ, что говорила Юліанка о своихъ родителяхъ.

— Христе, Боже нашъ! вскрикнулъ онъ съ невыразимой горестью.— О, женщины! Да позаботьтесь-же вы объ этомъ злополучномъ ребенкѣ! Вѣдь онъ въ лохмотьяхъ!.. Накормите его и пригрѣйте его, хотя-бы-то на одинъ часъ! Негодай тотъ, кто не побоялся суда Божьяго, и пустилъ по-міру это дитя!

И колесо станка завертѣлось, зафырвало, застучало съ чрезвычайной быстротой, какъ-бы ворча, бранясь, изливая свой гнѣвъ на кого-то...

— Поди къ намъ! приглашали Юліанку.

О, какъ она блаженствовала... почти полъ-дня!.. Свѣтло, тепло, никто не ругаетъ, никто не дерется; дали вволю поѣсть, одѣли въ старую, но еще цѣлую, длинную юбочку!.. Всю ночь она проспала вмѣстѣ съ хорошенькой Кахной!.. Спали онѣ, правда, на полу, но на сѣнникѣ и на подушкѣ!.. Но когда настало утро, сироткѣ не сказали „останься“, потому-что „большая птица“ набросала въ эту честную семью пятерыхъ дѣтей, а шестого... ожидали... Надо было всѣхъ накормить, обути, одѣти, всѣхъ поставить на ноги; а рукъ у товарира было только двѣ. Его старшіе мальчуганы „обучались“ въ городѣ. Одно ужъ то, что онъ поселился въ предмѣстьи и въ полуразвалившемся зданіи, говорило объ его ограниченныхъ средствахъ къ жизни.

VI.

Переходя отъ одного жилого помѣщенія къ другому, Юліанка кое-какъ прозябала, и ее страшили только холодныя, зимнія ночи. Тогда она коченѣла до болѣе въ желудкѣ и настоятельно добивалась пріюта. Иногда, впрочемъ, въ трескучіе морозы, Кахна сама зазывала ее къ себѣ, говоря, что ея отцу и матери „жалко“ скитающагося по двору ребенка. Чахоточный артистъ тоже никогда не отказывалъ ей въ ночлегѣ и лепешкахъ отъ кашля... Въ той комнатѣ дома, гдѣ стоялъ ватокъ, воздухъ тоже немного согрѣвался животной теплотою работавшихъ тамъ здоровыхъ жен-

...и жить... Все это Юліанка провѣряла собственнымъ опытомъ и жила-себѣ, не умирала!..

Но разъ какъ-то въ сильную вьюгу она чуть-было на смерть не замерзла.

Та скамейка, на которую она взлѣзала лѣтомъ, чтобы постучаться или заглянуть въ окно къ токарю, была убрана, а крылечко занеслось такими сугробами снѣга, что одолѣть эту преграду маленькимъ ножкамъ не представлялось никакой возможности.

Комнату, гдѣ стоялъ катокъ, заперли на замокъ раньше обыкновеннаго, такъ-что малютка не успѣла въ нее пробраться.

Предусмотрительная Злотка оградила свои сѣнцы отъ холода и снѣга, падавшаго именно въ эту сторону, запоромъ изнутри.

Чахоточный артистъ или не разслышалъ стука въ свое окно, или болѣзнь приковала его къ кровати...

Юліанка забыла о своей ненависти къ Антеку и его драчливому отцу, и постучалась къ прачкѣ... Инстинктивное сознание опасности вытѣснило изъ ея души страхъ передъ грубымъ насилиемъ, и она крѣпко постучала и задергала дверную ручку.

— А кто тамъ? послышался голосъ прачки.

— Юліанка! крикнуло дитя.

— Господи, Боже нашъ! Въ такой трескучій морозъ, и эта крошка на дворѣ! Да къ утру она, какъ дважды-два, совсѣмъ замерзнетъ! Анка! Отопри поскорѣ дверь!..

Какъ только Анка впустила въ теплую избу стучавшаго зубами ребенка, изъ угла, возлѣ камина, раздался ворчливый упрекъ Антека.

— Да! говорилъ онъ, потягиваясь. — Впускайте, мама, подмышка, а какъ *тотъ* придетъ, что тогда будетъ, — а?

Мать промолчала; но сестренка возмутилась жесткостью его словъ.

— А ты знай, спи себѣ и молчи! прикрикнула она на брата. — Зажмурь себѣ глаза и спи, вотъ и все! Если отецъ придетъ, я ее спрячу!

— Любопытно, куда-жъ ты ее спрячешь? отозвался онъ съ сарказмомъ. — Вѣдь теперь она уже большая выросла, не влѣзетъ за метлу?

Не возражая ему и не зажигая огня, Анка взяла малютку за руку и подвела ее къ своему сѣннику.

— Ну, ложись и я съ тобою лягу! сказала она Юліанкѣ. — Ты его не слушай!.. Пусть себѣ ворчитъ!..

Въ избѣ все затихло. Но потомъ снова слышался шопотъ заботливой Анки.

— Мама!

— Ну? Чего тамъ еще?

— Я соберу въ кучу все грязное бѣлье, на случай, если придетъ отецъ. Сложу его вотъ сюда, возлѣ нашего сѣнника, а потомъ наброшу на Юліанку! Хорошо?

Но мать пробормотала только что-то сквозь сонъ, а ея дочка долго еще шарила въ темнотѣ, пока ей удалось осуществить задуманный планъ обороны противъ отцовскаго нашествія.

Яковъ не пришолъ, однако, въ эту ночь, а обѣ дѣвочки, проснувшись утромъ, сѣли себѣ рядкомъ. Анка была выше Юліанки головой и ея длинные, бѣлесоватые волосы впутались концами въ черныя вудри сиротки. На обѣихъ были грубыя рубашки и лица у обѣихъ были очень блѣдныя. Онѣ посмотрѣли другъ другу въ глаза и расцѣловались.

Послѣ спартанскаго завтрака, Юліанка вышла изъ дверей флигелька, неся въ рукахъ двѣ печеныя картофелины. Но пробѣгавшій мимо нея Антекъ вырвалъ ихъ отъ нея и закинулъ далеко въ сѣнѣ. Она погрозила шалуну кулачкомъ и послала ему, въ догонку, какую-то смѣшную брань, а затѣмъ пошла разыскивать свои картофелины.

Бывали такіе деньки, когда обитатели двора становились особенно какъ-то эгоистичны. Однихъ волновали „свои дѣла“ и имъ, понятно, не было дѣла до нуждъ другихъ бѣдняковъ. Другіе не выспались, не опохмѣлились, или просто не чувствовали никакого расположенія помогать кому-бы то ни было. На Юліанку никто тогда не обращалъ вниманія, а она уже наострилась отгадывать по выраженію ихъ лицъ: *можно*-ли подходить къ нимъ, въ данную минуту, съ просьбою о хлѣбѣ, — и голодала, находя, что *нельзя* подходить. Она даже боялась навертываться имъ на глаза и удалялась отъ нихъ въ лавочку Злотки, гдѣ и садилась всегда на порогѣ входныхъ дверей. Еврейка не оказывала ей никакихъ нѣжностей, но сочувствовала ей по своему.

Она давала ей кусокъ булки или пару баранковъ и учила ее, соответственнымъ примѣромъ, какъ надо отогрѣвать ноги надъ горшкомъ съ горячими угольями, для чего вытягивала надъ нимъ свои худыя ступни въ синихъ чулкахъ.

Занимаясь однажды этой операціей, дѣвочка вздрогнула при входѣ въ лавочку Антева и двухъ его сверстниковъ, мальчишекъ двѣнадцати-тринадцати лѣтъ. Въ этотъ вечеръ они отличались необыкновеннымъ веселіемъ и заносчивостью. Одинъ изъ нихъ, видимо, разыгрывалъ роль триумфатора. Босоногій оборванецъ оралъ пѣсни, командовалъ и толкалъ двухъ другихъ локтями и кулаками то въ грудь, то въ спину.

— Эй! Ципа! крикнулъ онъ младшей изъ всѣхъ внучекъ еврейки, глуповатой дѣвочкѣ, сидѣвшей за прилавкомъ съ мизерной закускѣй.— По полерючка водки на каждаго!

Злотки не было дома. Ципа лѣниво поднялась со стула и налила три рюмки.

Мальчики проглотили напитокъ; но кровь сразу хлынула имъ въ голову, окрасивъ ихъ лица багровымъ румянцемъ, а Антекъ поперхнулся и началъ сплевывать.

— Еще по полерючка на брата! скомандовалъ предводитель пирушки, бросивъ на прилавокъ тридцать копѣекъ.

— Я не хочу! отказался Антекъ.— Мать опечалится!

— Да пей! понукали его оба товарища.

И всѣ опять выпили, заливаясь безумнымъ смѣхомъ. Этотъ новый родъ шалости до-нельзя забавлялъ ихъ. Они фыркали, морщились, плевали, а все-таки, съ задорной удалью, подражали приемамъ заправскихъ питуховъ и гордились своей смѣлостью на этомъ поприщѣ.

— А ну-ка, Ципа, еще по половинкѣ!

Выходя изъ лавочки, они заплетали языками и ногами, и встрѣтились со старой Злоткой.

— Къ чему ты отпускала дѣтямъ водку? напустилась она на свою внучку.— Развѣ не знаешь, что я ихъ всегда ругаю и гоню вонъ, когда они просятъ? Эхъ, глупая ты, глупая! На тебя ни въ чемъ нельзя положиться, хоть тебѣ и пятнадцатый годъ!

— Ай-ай! надула губы Ципа. — А какая-же намъ будетъ польза, если мы не станемъ давать водки мальчишкамъ? Они все

равно пойдуть въ угловой шинюкъ и тамъ себѣ напьются!.. Лучше-жъ намъ заработать, чѣмъ другимъ!

Спустя нѣкоторое время, Юліанка вышла на дворъ и увидѣла, что кто-то лежитъ въ грязи, неподалеку отъ воротъ. Она приблизилась и узнала Антека. Первымъ ея впечатлѣніемъ былъ страхъ, какой она всегда испытывала въ присутствіи этого мальчика. Она отступила отъ него, но продолжала смотрѣть на его запачканныя руки и ноги, на голую грудь изъ-подъ ворота разорванной рубахи, на загрязненную курточку и штанишки, мокшія въ лужѣ... Опьянѣвшій ребенокъ спалъ каменнымъ сномъ.

Дѣвочка поняла, что ей нечего опасаться врага въ такомъ состояніи и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась у его изголовья.

— Вотъ и напился! проговорила она вслухъ.—Вотъ теперь-бы мнѣ его отколотить... отколотить!..

Она даже покраснѣла и захохотала при мысли объ отмстѣ; сердечко у нея скоро-скоро билось и трепетало въ дѣтской грудѣ.

— Посмотримъ, хорошо-ли тебѣ будетъ, когда я буду тебя тузить, какъ ты меня всегда тузишь! присѣла она на корточки.— Ты всегда меня прогоняешь, какъ поганую собаку, и ругаешь меня „подкидышемъ!“.. Изъ-за тебя я много вытерпѣла!.. Ты мнѣ надѣлалъ много синяковъ! Такъ дай-же, надѣлаю я ихъ и тебѣ! Буду тебя и щипать... и царапать... и бить... бить!

Она все больше и больше краснѣла, и глазки у нея сильно горѣли... Сжатый кулачекъ замахнулся и готовъ уже былъ опуститься на тѣло Антека, какъ вдругъ дѣвочка остановилась... Видно было, что ей что-то вспомнилось, и что она борется сама съ собою.

— Развѣ простить? призадумалось дитя надъ своей случайной властью.—Вѣдь моя добрая пани просила, чтобъ простить?

Но желаніе отмстить беззащитному теперь врагу было такъ заманчиво, такъ соблазнительно, что кулачки сами собою еще крѣпче сжимались и въ глазахъ сверкалъ жгучій, кошачій огонекъ съ радужнымъ отливомъ.

— Такъ и быть, прощу! рѣшилась она, наконецъ, не безъ сожалѣнія, что упускаетъ такую благоприятную минуту для своего торжества.—А такъ-бы славно было отдуть его... избить...

оттузить... пощипать... поцарапать!.. Что-жъ дѣлать, если общала простить!

Она вздохнула и кулачки разжались.

— Прощу! Ужъ если общала, такъ надо простить! убѣждалъ себя ребенокъ.—Можетъ, Богъ дастъ, еще когда-нибудь увижу свою добрую паню и расскажу ей, что простила!.. Обрадуется!

Она склонилась къ лицу Антека, приложила себѣ пальчикъ къ губкамъ и опять призадумалась надъ какой-то трудной задачей.

— А вотъ-же, возьму да еще и помолюсь за него, чтобы онъ исправился, не печалилъ своей матери! дрогнулъ ея ребячeskій голосъ.

И дитя стало на колѣни у изголовья другого пьянаго дитяти, валявшагося въ грязи... Сложивъ вмѣстѣ обѣ ладони и поднявъ къ темному небу свои чудные глазки, Юланка твердо и отчетливо произносила: „Отче нашъ“.

Ей уже исполнилось семь лѣтъ, но по наружности казалось гораздо меньше. Она сама очень медленно росла, но ея черныя волосы росли чрезвычайно быстро и завивались въ тысячи природныхъ колець, образуя на головѣ высокую и широкую шапку. Одѣтая въ какую-нибудь длинную юбочку и безобразную, старушечьяго покроя, ободранную кофту, лишенную всякихъ застежекъ,—дѣвочка невольно останавливала на себѣ глаза многихъ прохожихъ.

— Чье это дитя? часто справлялись у Злотки, видя Юланку на порогѣ ея лавочки.

— Всѣхъ! флегматически объявляла еврейка.

— Какъ это „всѣхъ“?

— Ну, пожалуй, „ничье!“

— Какъ-же это совмѣстить: и „всѣхъ“, и „ничье?“ Что-жъ это означаетъ?

Злотка какъ-то странно, не то грустно, не то замысловато улыбалась.

— А если оно „ничье“, то это означаетъ, что оно „всѣхъ“ — общее; а если оно „общее“ — всѣхъ, то изъ этого слѣдуетъ, что оно все равно, что „ничье!“

Загадочныхъ разъясненій старой еврейки не понимало большинство,
Дѣло“, № 10, 1881 г. I.

шинство ея любопытныхъ покупателей, и глуповатая Ципа презрительнымъ жестомъ руки выводила ихъ изъ недоумѣнія.

— Да это—подкидышь!.. Найденка!..

Малютка не пропускала ни одного слова изъ разспросовъ о себѣ, и видѣла, что люди, узнававшіе объ ней, качали головами и уходили изъ лавочки съ видомъ полного удовлетворенія. Но разъ...

VII.

Это случилось въ солнечный, но холодный, осенній день. Въ лавочку вошла среднихъ лѣтъ и роста женщина въ шляпкѣ съ полинявшими цвѣтами и въ подержанномъ темномъ суконномъ платьи, ловко обхватывавшемъ ея стройную, гибкую талью. Лицо у нея было нѣсколько измятое. Но надъ ея морщинистымъ лбомъ молодо вились очень свѣтлые, почти льняного цвѣта волосы, а изъ подъ нихъ свѣтились большіе, ясные, голубые глаза.

— А-а! Новая жиличка! протянула къ ней руку Злотка, — Дай Богъ въ добрый часъ!.. Счастливо прожить на новой квартирѣ!

— Благодарю васъ, панни купцова! поклонилась ей покупательница, и попросила отвѣсить ей два фунта сахара, немножечко чаю и немножко керосину для столовой лампы.

Отвѣшивая и отиѣривая, съ индифферентизмомъ долголѣтняго навыка, Злотка не преминула вступить въ бесѣду съ пришедшей.

— А панна къ намъ надолго? придержала она край чашки вѣсовъ.

— Какъ Богъ дастъ!.. Хотѣлось-бы подольше...

— А панна нашла себѣ уроки?

— Нашла, пока, еще только два... Не могли-ли-бы вы, моя купцова, порекомендовать меня кому-нибудь, если будутъ спрашивать?

— Ну - ну, объ этомъ нечего по два раза говорить!.. Я и такъ не забуду!.. А та мебель, которую я вамъ посовѣтовала взять на прокатъ, пришлась-ли по вашему вкусу?

— Даже очень! Лучшей мнѣ и не требуется!

— Но, знаете-ли, что я вамъ скажу? Плохой расчетъ пла-

тить за прокатъ старой мебели! Куда сходи́те сразу заплатитъ — купитъ!

— Это-то, панни купцова, я и сама отлично понимаю... Но откуда-же взять? Послѣ... когда-нибудь... можетъ, разживусь деньгами съ уроковъ.

— Дай вамъ Богъ! Я вамъ желаю всего хорошаго; но не думаю, чтобы можно было достать такъ много уроковъ въ нашемъ городѣ!.. Ихъ надо ждать!..

Обводя потолокъ, стѣны, ящики и банки на полкахъ своими ясными голубыми глазами, покупательница нечаянно повернулась къ порогу и увидѣла Юліанку.

— Чье это дитя? спросила она съ замѣшательствомъ и такъ тихо, что Злотка, только вслѣдствіе привычки къ подобнымъ вопросамъ, отвѣтила своими вѣчными: „ничье“ и „всѣхъ“.

— Да подкидышъ! Найденка! процѣдила Ципа, наливавшая керосинъ въ жестяную фляжку.

При этомъ извѣстіи все лицо и даже шея покупательницы покрылись ярко-пунцовымъ румянцемъ.

— Подкидышъ? вскрикнула она. Но потомъ, какъ-бы опомнившись, добавила уже потише:—А какъ давно нашли этого ребенка? Не помните-ли, моя купцова?

— Отчего-жъ-бы мнѣ и не помнить? Я все помню! похвасталась своею памятью Злотка;—его нашли въ тотъ самый годъ и мѣсяцъ, когда я выдавала замужъ свою предпоследнюю внучку, а она уже замужемъ аккуратно семь лѣтъ! Значитъ, и ребенку семь лѣтъ! Очень просто! Это было въ осеннюю пору, раннимъ утромъ!..

— Кто-жъ его нашель? допрашивала покупательница, принимая отъ Ципы свертки съ покупками, и Ципа видѣла, какъ дрожать ея руки.

— А такъ себѣ, одна нищая, побирашка! Она уже умерла!.. На нашемъ дворѣ жила и умерла!

— А какъ зовутъ эту дѣвочку?

— Юліанкою.

— Отчего-жъ ей дали именно это, а не другое какое имя?

— А оттого, что ту побирашку, которая подняла ее съ земли, звали Юліанкою! Ну, она снесла свою находку въ костѣль и попросила есендза, чтобы онъ окрестилъ ея именовъ.

— А кто-жь объ ней заботится? продолжался обстоятельный допросъ.

Покупки были взяты и деньги за нихъ уплочены, но сама покупательница все еще почему-то не уходила.

— А кому-жь-бы объ ней заботиться? Здѣшніе жильцы — небогатый народъ! У нихъ—свои дѣти, свои и нужды! Живеть себѣ кое-какъ!

Во все время своего разговора съ еврейкою, покупательница упорно смотрѣла на разноцвѣтныя пачки съ папиросами и сигарами на полкахъ противоположной стѣны. Потомъ поклонилась Злоткѣ и вышла. Она даже и не взглянула на Юліанку, переступая черезъ порогъ, на которомъ та сидѣла; да и дѣвочка не удостоила ее своимъ вниманіемъ, потому-что была занята папаливаніемъ подола рубахи на свои изящныя ножки. Объ ней вѣдь всегда спрашивали еврейку, и Ципа всегда заявляла о томъ, что она — „подвидышь, найденка!“

Не далѣе, какъ чрезъ часъ послѣ ухода „новой жилицы“, на большомъ дворѣ стараго дома происходило что-то необыкновенное. Всѣ дѣти притихли, выстроились въ шеренгу и стояли съ приподнятыми вверхъ глазами. Юліанка тоже смотрѣла, но только подальше отъ всѣхъ ребятшекъ.

Дѣло въ томъ, что въ самомъ верхнемъ этажѣ дома одно изъ оконныхъ отверстій обновилось переплетомъ сосновой рамы. Рама эта была теперь открыта и стекла ея блестяли на солнечномъ припекаѣ, а въ окнѣ колебалась бѣлая стора, обшитая зубцами, и висѣла проволочная елѣтка съ желтой канарейкой, расплѣвавшей на своемъ новосельи.

Юліанка-дольше всѣхъ любовалась и оконной рамой, и сторой съ зубцами, и желтой канарейкой, а когда всѣ дѣти умчались „обѣдать“, дѣвочку поманила къ себѣ бѣлая женская рука. Но ребенокъ не понялъ, чего отъ него хотятъ... Тогда призывной жестъ повторился нетерпѣливѣе, и маленькія ножки окрылились надеждой на кусочекъ булки или хлѣба и ночлеги... Ее такъ рѣдко „приглашали“ съ цѣлью накормить, что она считала такія „приглашенія“ величайшимъ для себя счастьемъ!

Зная всѣ ходы и выходы стараго дома, дѣвочка промшгнула въ тотъ этажъ, гдѣ стоялъ катокъ, и, поднявшись еще выше, прошла нѣсколько пустыхъ залъ и остановилась у полу-открытыхъ

дверей... Здѣсь ее поджидала „новая жилица“ съ измятымъ лицомъ, одѣтая теперь „по-домашнему“, въ узенькое, вытертое, черное шерстяное платье. Она выглядѣла какимъ-то пожилымъ ребенкомъ. Но на ея блѣдныхъ щекахъ пылалъ жаркій, жаркій румянецъ.

Не успѣла Юліанка и опомниться, какъ ее схватили въ объятія и понесли въ глубь комнаты тонкія, нѣжныя руки, глядя на которыя никто-бы не повѣрилъ, что онѣ смогутъ удержать семилѣтняго ребенка. Женщина-же не шла, а бѣжала съ нимъ къ низенькому, оборванному диванчику и, усѣвшись тутъ съ нимъ, стала осыпать его поцѣлуями... Ошеломленная малютка почувствовала только прикосновеніе горячихъ губъ и слезъ къ своимъ щекамъ и недоумѣвала, что-бы это могло значить?.. Лыняная коса отпилилась и разсыпалась по ея лицу, а подъ этимъ шатромъ на нее любовно смотрѣли большіе, голубые, плачущіе глаза...

Юліанка ровно ничего не понимала. Ее сжимали въ страстныхъ объятіяхъ и цѣловали горячими губами; но это ее нисколько не трогало. Она *только* удивлялась и недоумѣвала, первый разъ въ своей жизни подвергаясь такимъ ласкамъ...

— Поцѣлуй-же и ты меня! прошептали ей въ ушко дрожащія губы.

Ребенокъ поцѣловалъ женщину въ руку.

— Ахъ, какая-ты худенькая! дотронулась эта рука до его грязныхъ рукъ, ногъ и груди. — И какая ты маленькая для своихъ лѣтъ!.. Не страдаешь-ли ты чѣмъ-нибудь?.. Не болитъ-ли у тебя что-нибудь?..

— Болитъ!..

— Что-жъ у тебя болитъ?

Юліанка показала сначала свои примороженные ножки, а потомъ засучила рукавъ бывшей на ней кофты, и яснымъ, голубымъ глазамъ представились синяки отъ щипковъ, рубцы, подтеки и шрамы отъ разныхъ обжоговъ и ударовъ по всему дѣтскому тѣльцу.

— Когда я была еще маленькою, наивно повѣствовало дитя, — то на меня упала уютная плитка... вотъ сюда!.. Видите?.. Потомъ здѣсь и здѣсь, все Антекъ щипаль!.. Онъ ужасно больно щиплетъ!.. Такъ и закрутить щипокъ!.. А тамъ, какъ я спала разъ, ночью, въ сѣняхъ, внизу, — кирпичина свалилась и... вотъ

сюда меня ударила!.. Видите, какое красненькое?.. А вчера... Нѣтъ, не вчера, а завтра...

Она до сихъ поръ не могла отличать „вчера“ отъ „завтра“ и то и дѣло путалась въ этихъ двухъ словахъ.

Слушая ея рассказъ о приобретенныхъ болячкахъ, женщина прикладывала себѣ руку то ко лбу, то къ лѣвой сторонѣ груди, попеременно.

— Ыла-ли ты сегодня? освѣдомилась она.

— Ыла!

— Что-жъ ты Ыла?

— Злотка дала мнѣ одинъ баранокъ.

— А хочешь еще чего-нибудь поѣсть?

— Хочу, хочу! ожила Юліанка.

Условія ея жизни такъ сложились, что потребности желудка преобладали надъ всѣмъ ея существомъ.

Женщина встала съ дивана, вынула изъ низенькаго кухоннаго шкапчика что-то съѣдобное и подала его дѣвочкѣ, а сама начала къ ней присматриваться.

Ребенокъ убиралъ пищу за обѣ щеки, любовался болѣе чѣмъ простой, но опрятной обстановкой, прислушивался къ трескучему пѣнью канарейки и въ концѣ-концовъ самъ разболтался, какъ еще никогда.

Женщина спрашивала объ его прошломъ, и онъ рассказъ ей о своемъ пребываніи у прачки, до той темной, дождливой ночи, когда пьяный поваръ выбросилъ его на дворъ.

— Когда я была еще маленькою, говорила она, считая себя уже взрослымъ человѣкомъ,—то меня приняла къ себѣ одна добрая старенькая пани и мы жили себѣ съ нею очень хорошо! Но потомъ, какъ глаза отъ нея удрали, она взяла себѣ палку въ руки и куда-то ушла... А я себѣ одна осталась!..

Она подробно рассказала и о чахоточномъ артистѣ, угощавшемъ ее лепешками отъ кашля, огрызками засохшей булки и кусками давнишняго жареного, и о „доброшъ“ токарѣ, его „вотъ такой толстой“ женѣ, Кашкѣ, Анкѣ и Антекѣ. Больше всего объ Антекѣ „этомъ северномъ мальчишкѣ“, при имени котораго у нея опять искрились мезью глаза и крѣпко стискивались кулачечки.

— Но помоги мнѣ такъ Богъ, какъ я ему простила! вос-

кликнула она съ экстазомъ. — Я не прибила его, когда онъ валялся тамъ, пьяный, на дворѣ! Добрая пани просила, чтобы простить, ну, я взяла, да и простила!.. Все, все простила!

Женщина опять стремительно схватила ее въ свои объятія, припала лицомъ къ ея чернымъ кудрямъ и прошептала: „О, если-бы ты могла когда-нибудь точно также „простить“ и другимъ! Если-бы могла!“

Видно было, однако, что эта женщина научилась уже обуздывать проявленія своихъ чувствъ; судя по тому, что чрезъ двѣ-три минуты лицо ея было снова спокойно. Она поставила ребенка передъ собою и велѣла ему быть внимательнымъ.

— Послушай, моя Юліанка! начала она серьезно. — Я буду заботиться о твоихъ нуждахъ, пока буду жить въ этомъ дворѣ. Ну, что-жь? Радуюсь-ли ты этому?

Дѣвочка, не отвѣчая, опять поцѣловала у нея руку, но сдѣлала это безъ всякаго увлеченія, совсѣмъ равнодушно. Пожалуй, поцѣлуй ея служилъ внѣшнимъ признакомъ благодарности, но въ немъ не было ни нѣжности, ни порывистаго дѣтскаго восторга. Она недовѣряла людямъ и потому *только* удивлялась.

— Надо... непременно даже надо, продолжала женщина, — чтобы ты никогда и никому не рассказывала о томъ, какъ я съ тобою обращаюсь и о чемъ мы будемъ разговаривать... Ты вѣдь понимаешь меня, Юліанка? Да?

Дѣвочка утвердительно мотнула головой.

— Не рассказывай также никому что я тебя цѣловала теперь, ласкала... Помни-же, никому, не говори объ этомъ... Ни-ни! И если-бы я проговорила въ чемъ-нибудь... какъ-нибудь... когда-нибудь... Ну, вообще, въ разговорѣ съ тобою, или сама съ собою, или даже во снѣ... такъ ты, дитя мое, и объ этомъ никому ничего не рассказывай!.. Никому и—ни полъ-слова! Вѣдь ты меня понимаешь? Да, да; вижу, что понимаешь! Не говори также никому, что я называю тебя иногда своимъ ребенкомъ... Не надо говорить!

Женщина умоляла. Можно было-бы подумать, что у нея не достало воздуха въ легкихъ, хотя и говорила она очень медленно, спокойно и даже отчасти сурово. Выпивъ воды, она опять начала тѣмъ-же тономъ:

— Помни еще, дитя мое, что ты должна быть послушною

моей волѣ! А если ты не станешь слушаться моихъ приказаній, то погубишь меня... то есть, я хотѣла сказать, сдѣлаешь мнѣ много зла... и себѣ тоже!.. Ну, что-жъ? Будешь меня слушаться?

— Буду, пани!

— Да! Слушайся, слушайся! Я тебѣ зато сошью новое теплое платье... куплю чулки и башмачки... будешь каждый день обѣдять... выучу тебя разнымъ красивымъ рукодѣліямъ!.. А умѣешь ты Богу молиться?

— Умѣю. Добрая пани выучила.

— О, дай ей, Господи, по году счастливой жизни за каждое ея доброе слово этому ребенку! восторженно шептала про себя новая покровительница Юліанки.

— А умѣешь ты что-нибудь дѣлать? Знаешь какую-нибудь работу? обратилась она къ дѣвочкѣ.

— Я умѣла когда-то вязать чулки... Старенькая пани научила. Да не знаю, сьумѣю-ли ужь теперь. Позабыла!

— Я научу тебя другимъ рукодѣліямъ, а теперь скажу тебѣ, какъ ты должна меня называть. Мое имя — „Янина“. Ну, назови меня: „панна Янина?“

— Пан-на, Я-ни-на! проговорилъ ребенокъ.

— Хорошо! Не забудь-же всего того, что я тебѣ говорила! А мнѣ уже время идти въ городъ... Я дамъ уроки... учу дѣтей. Въ будніе дни всегда буду уходить! А ты сиди себѣ здѣсь, въ комнатѣ, не бѣгай больше на этотъ скверный дворъ, гдѣ шалать всякіе ребятишки!.. Не побирайся подъ окнами и дверьми!.. Въ этомъ ты теперь не нуждаешься!.. Всегда будешь сыта и одѣта, пока я съ тобою... Сиди-же себѣ, говорю, здѣсь, ничего и никого не бойся! Никто посторонній сюда не придетъ, а ворами и подавно нечего сюда приходиться! Смотри себѣ на птичку... она называется „ка-на-рей-кой“... Мнѣ ее подарила моя послѣдняя ученица, потому-что я къ ней ужасно привязалась! Что-жъ дѣлать? Привязываешься хоть къ птичкѣ?.. А не то, прилягъ себѣ засни, а я къ вечеру возвращусь!

Панна Янина одѣла свой „выходной“ нарядъ — суконное платье и шляпку съ поблекшими, какъ и она сама, цвѣтами. Въ ней сказывалось сильное нравственное утомленіе; но надо было идти, и она пошла „давать уроки“, хотя нуждалась въ отдыхѣ и покоѣ.

Оставшись одна „на хозяйствѣ“, Юліанка занялась разглядываніемъ канарейки. Потомъ незамѣтно для самой себя она стала подражать ей своимъ пѣніемъ и выдѣлывала всѣ ея трели до полного изнеможенія своихъ голосовыхъ силъ. Усталая и по натурѣ робкая, она перешла затѣмъ къ ревизіи всего, что находилось въ комнатѣ. Ободранный диванчикъ заставилъ ее, напримѣръ, особенно призадуматься, потому-что никогда прежде она не видѣла этого рода мебели. Она обошла его со всѣхъ трехъ сторонъ, пожалѣла, что четвертая приперта къ стѣнѣ, пощупала его руками и заглянула: каковъ-то онъ снизу? Дотронулась и до нѣсколькихъ книгъ на столѣ; а побробовавъ потянуть къ себѣ ящикъ отъ стола, долго его потомъ двигала, и это ее очень смѣшило.

Наконецъ, малютка сѣла на полъ, противъ маленькаго самовара и, засмотрѣвшись на его блестящую поверхность, зѣвала, зѣвала, прилегла и заснула.

Она проспала до возвращенія панны Янины, которая кинулась къ ней съ радостными восклицаніями. Юліанка проснулась, но не вставала съ пола.

— Ну, что-жъ это такое? Развѣ ты не хочешь меня поцѣловать? Развѣ ты, дитя мое, не рада моему возвращенію?

Ребенокъ подошелъ къ ней „бочеомъ“ и поцѣловалъ ей руку. Радостное настроеніе панны Янины мигомъ исчезло.

„Какая холодность!“ подумалось ей;—пойдемъ-ка, сказала она, зажигая лампу,—я научу тебя, какъ надо ставить самоваръ... (Сама то я, кажется, не слишкомъ свѣдуща въ этихъ вещахъ!).

— А ночевать у меня ты не можешь! говорила панна Янина, уже поздно вечеромъ, спуская со своихъ колѣнъ Юліанку.—Люди, знаешь, стали-бы подозрѣвать, что я совсѣмъ взяла тебя на свое попеченіе, и это дало-бы имъ поводъ предполагать... то-есть я хотѣла сказать, что они могли-бы сдѣлать мнѣ много зла!.. Всѣ дни ты будешь проводить у меня, но ночевать—надо гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ! Ты даже скажешь людямъ, что я просто не пускаю тебя къ себѣ на ночь, потому... потому-что у меня тѣсно, и что я приказываю тебѣ идти къ кому-нибудь другому! Вѣдь ты меня понимаешь, дитя мое? Помни-же, скажи имъ это!.. Но гдѣ-жъ ты будешь спать?

Было надъ чѣмъ призадуматься паннѣ Янинѣ!..

Она отправилась, съ лампою въ рукахъ, по пустымъ заламъ

мрачнаго дома и, послѣ долгихъ поисковъ, ей съ большимъ трудомъ удалось отыскать такой укромный уголокъ, куда-бы совсѣмъ не задувалъ вѣтеръ...

— Вотъ здѣсь я приготовлю тебѣ постельку! показала она дѣвочкѣ на всѣ „удобства“ предстоявшихъ ей ночлеговъ. — Ни отсюда, ни оттуда не дуетъ!..

Затѣмъ она принесла изъ своей комнаты и положила на полъ тощенькій тюфячекъ, о которомъ позаботилась на возвратномъ пути изъ города, одну изъ двухъ своихъ подушекъ подъ голову, не привыкшую къ такой роскоши, и для укрыванія—свою единственную, не совсѣмъ уже новую, но теплую, большую шаль.

— Когда наступятъ морозы, я буду брать тебя къ себѣ! поцѣловала она малютку. Но пока ночи не слишкомъ еще холодныя,—спи себѣ здѣсь! Только, пожалуйста, никому не рассказывай, что я сама приготовляю тебѣ постель! Помни-же, никому не говори!..

VIII.

Мѣсяца чрезъ полтора, когда панна Янина отворила дверь своей комнаты, Юланка, съ крикомъ восторга, обняла ее за колѣни и, припавъ головою къ ея ногамъ, страстно ихъ цѣловала. Не извѣдывая ласкъ съ первыхъ дней своего многострадательнаго дѣтства, она не скоро поддавалась чувству довѣрчивой любви; но разъ это чувство просыпалось въ ея сердцѣ,—она вся горѣла имъ и таяла въ немъ слезами благодарности за искреннюю заботу, за искренній привѣтъ.

Пребываніе дѣвочки у панны Янины было для нея настоящимъ счастьемъ и проступало наружу въ окраскѣ ея губъ, въ румянцѣ округлившихся щекъ и въ болѣе смѣлыхъ и ловкихъ движеніяхъ всего тѣла. Она долго вовсе не показывалась на большомъ дворѣ, куда ее теперь ничто не тянуло. Но однажды, уже въ началѣ зимы, она сошла съ лѣстницы и стала, на порогѣ, въ сѣняхъ дома. На ней было дешевенькое, но теплое платье, чулки и толстые, грубые башмаки; а опротно вычесанную и причесанную головку укрывала цвѣтная лента.

Увидѣвъ ее въ такомъ нарядѣ, всѣ ребятишки обступили ее и стали на нее глазѣть, какъ на какую нибудь рѣдеую, заморскую диво-

винку. Анка пожирала глазами и трогала пальцами ее ленту. Босоногая дочка портного шурилась, чтобы не заплакать, глядя на ее башмаки. Только на Антека не произвело никакого дѣйствія ее франтовство.

— Смотрите-ка, смотрите, какая она сдѣлалась паненка! подтрунивалъ онъ надъ Юліанкой. — Откуда ты все это взяла? Кто тебѣ далъ? Ужъ не мама-ли твоя нашлась? Или отца загналъ сюда вѣтеръ съ поля?.. Ха-ха-ха! Найденка! Не помогутъ тебѣ никакія красивыя платья!.. И была ты подкидышемъ, и теперь ты подкидышь!..

Дѣвочка зардѣлась гнѣвомъ, закусила себѣ губки и, какъ-будто не слыша его дерзостей, продолжала осторожно развязывать свою головную ленту. Она сняла ее и молча отдала Анѣ, которая, прыгая на одной ногѣ, тутъ-же въ нее и нарядилась.

— Вотъ какая княжна! не унимался Антекъ, досадуя, что Юліанка ничего ему не возражаетъ. — Теперь ты раздаешь подарки, а помнишь, какъ ты у насъ сидѣла за метлой и ѣла подъ лавкою картофель? „На, Юліанка! Хватай!“

Базалось, что она вотъ-вотъ кинется на него съ приподнятыми уже кулачками. Но она поступила иначе: пригнулась только къ его лицу своимъ поблѣднѣвшимъ личикомъ, разинула ротъ до послѣднихъ предѣловъ его анатомической возможности и показала стоявшему на нижней ступенькѣ лѣстницы врагу свой красненькій языкъ... Въ этой отместкѣ она ужъ положительно не могла себѣ отказать! Но, выполнивъ ее, струсила, испугалась своей невыдержки и немедленно поскорѣе убралась въ комнату панны Янины.

Взбѣшенный Антекъ и другіе мальчуганы хотѣли было погнаться за малюткой, но на это у нихъ не хватило храбрости, потому-что всѣ обитатели двора очень уважали „панну-гувернантку“. Имъ импонировала и ее шляпка съ поблѣдшими цвѣтами, и бѣлая стора съ зубцами, и проволочная клѣтка съ желтенькой птичкой, и еще что-то... „Дѣтей учить“, разсуждали они, „слѣдовательно, умная, образованная и такая себѣ съ виду деликатная“...

О степени „образованія“ панны Янины лучше другихъ могла бы судить старая Злотка. Но она не говорила того, чего ей не

хотѣлось говорить, хотя-бы ее и не просили „держать въ тайнѣ, подѣ секретомъ“.

Понадобилось какъ-то паннѣ Янинѣ опять купить себѣ сахару и веросину, и она, стоя у прилавка, спросила у пани купцовой, — „нѣтъ-ли чего новенькаго на счетъ уроковъ?“

— Я спрашивала у разныхъ господъ, покачала головою еврейка, — но какъ ни старалась, — ничего нѣтъ, никто не нуждается! Страхъ сколько теперь гувернантокъ! Больше, чѣмъ дѣтей! А съ васъ развѣ мало тѣхъ двухъ уроковъ?

— Совсѣмъ мало, моя купцова! Надо съ чего-нибудь жить, а такъ дешево платятъ.

— А почему-жъ они вамъ такъ дешево платятъ? Я знаю, что гувернантки берутъ иногда большія деньги за ту науку, что у нихъ въ головахъ!

Панна Янина разсматривала пестрыя пачки съ папиросами и сигарами на полкахъ.

— Въ томъ-то и бѣда, произнесла она задумчиво, — въ томъ-то и горе, панни купцова, что въ моей головѣ очень мало этой науки!

Наступило продолжительное молчаніе.

— Я всегда брала на себя только первоначальное обученіе... только начатки, моя купцова!.. И платили мнѣ, поэтому, очень мало... Да-таки, по правдѣ сказать, и не за что платить больше!

— Ну, коли оно такъ, то ничего и не подѣлаешь! развела руками Злотка.

Панна Янина не поцѣловала въ тотъ день Юліанку. Она даже отпихнула ее отъ себя и, бросившись съ отчаяніемъ на диванъ, принялась судорожно обдергивать обшивку своей кофточки. Такое незаслуженное обращеніе крайне озадачило, а еще болѣе опечалило дѣвочку. Все еще надѣясь получить хоть ласковое прикосновеніе руки своей покровительницы, она застѣнчиво придвинулась къ ней. Но ее еще рѣзче отпихнули и прошептали трепещущими губами: „Охъ, родилась-же ты на мое несчастье... да и на свое тоже!“.. Не знавшій своей вины, ребенокъ залился горькими слезами обиженного чувства, а панна Янина истуканомъ просидѣла далеко за полночь.

— Вставай-ка, дитя мое! раскрыла она поутру согрѣвшуюся подѣ шалью малютку. — Пойдемъ выметать свою комнату!..

Она приучала ее убирать, прибирать, стлать постель на своей кровати и ставить самоваръ. Но замѣчая, съ какими усиліями дитя исполняетъ всѣ эти работы, она скорбѣла объ его дальнѣйшей участи: — „О! думалось ей, — если-бы ты могла быть хоть добропорядочной горничной!“

Кромѣ такихъ „черныхъ“ работъ, въ несложную программу воспитанія Юліанки входили: шитье, чтеніе и вызубриваніе на память катехизиса. Но панна-гувернантка обладала замѣчательной неровностью педагогическихъ приемовъ. Она бывала или черезчуръ мягка со своей ученицей, или-же сердилась и бранила ее безо всякой причины. Ее можно было-бы принять за помѣшанную, видя, какъ она то вскакиваетъ съ мѣста, то опять кидается назадъ, трогаетъ каждую вещь, находящуюся въ комнатѣ, цѣлуетъ, или бьетъ по рукамъ Юліанку. Какое-то отчаяніе овладѣвало несчастной женщиной! Но потомъ она исподоволь приходила въ себя и въ ея большихъ голубыхъ глазахъ свѣтилось уже не безпричинное бѣшенство, а твердая рѣшимость во что-бы то ни стало выдержать принятое на себя испытаніе.

Когда, весною, жильцы двора начали открывать у себя окна и двери для притока свѣжаго воздуха, насыщеннаго ароматомъ расцвѣтшихъ липъ, — въ мастерскую токаря вошла однажды панна Янина. Хозяинъ оставилъ свой неутомонный станокъ и радушно поздоровался съ нею. Но жена его совсѣмъ растерялась при видѣ „панна-гувернантки“ и смотрѣла на нее какимъ-то обезумѣвшимъ, бессмысленнымъ взглядомъ. Но потомъ опомнилась и крикнула на свою Бахну, чтобы та подала гостѣ стулъ.

— Мнѣ такъ хотѣлось познакомиться съ вашимъ почтеннымъ семействомъ, запнулась панна Янина, какъ-бы оправдывая этимъ вступленіемъ свой визитъ.

Хозяйка наострила было уши, но видя, что гувернантка не оканчиваетъ начатой фразы, сообщила ей, что всѣ они всегда смотрятъ на нее въ окно, когда она выходитъ изъ дому въ городъ, на уроки.

— Отчего-бы вамъ не брать съ собою и ребенка? замѣтила она простодушно. — Пусть-бы оно, несчастное, огланулось себѣ иной разъ на свѣтъ и людей!

— Какого ребенка? вспыхнула панна Янина.

— Какъ-будто вы не знаете! Да той сиротки, которой вы покровительствуете!

— Но я вовсе не покровительствую ей!.. Съ какой-же-бы это стати покровительствовать *мнѣ* ей! Я только такъ себѣ... изъ-за простой жалости... накормлю иногда голодную... Не болѣе, какъ изъ-за простой жалости!.. Что-жъ тутъ такого? А что она постоянно сидитъ у меня въ комнатѣ, такъ это только потому, что я не прогоняю ее вонъ... Она мнѣ нисколько не мѣшаетъ!.. Но я и не думаю покровительствовать ей!.. Сами посудите съ какой-же-бы это стати?.. Совсе нѣтъ!..

Товарь и его жена не могли уразумѣть: отчего панна Янина такъ отрекается отъ своего „добраго христіанскаго дѣла“.

— Очень жаль! вздохнулъ товарь.—А мы, признаться, надѣялись, что это злополучное дитя нашло себѣ, наконецъ, пріютъ на все свое дѣтство! Когда подростетъ, тогда оно и само себѣ поможетъ... Но до тѣхъ поръ что ему дѣлать, какъ не побираться, а потомъ, можетъ, не дай Богъ, и красть?

Бѣлыя руки панны-гувернантки тормозили носовой платочекъ на колѣняхъ, а глаза ея упорно разглядывали, за немнѣніемъ пестрыхъ пачекъ съ папиросами и сигарами, точенныя вещицы по бѣлымъ стѣнкамъ.

— Конечно, конечно, лепетала она,—я не брошу ребенка, пока у меня будутъ средства на его прокормленіе... Учить тоже не перестану... Надо-жъ вѣдь чему-нибудь выучить сиротку. Хотя, по настоящему, это меня вовсе не касается!.. Но я, знаете, просто изъ-за жалости... милосердія въ ближнему!.. Не знаю только, долго-ли здѣсь останусь?.. А если-бы мнѣ понадобилось уѣхать отсюда, то, можетъ, вы согласились-бы... такъ, знаете, при своихъ дѣтяхъ... пріютить это дитя?

Панна Янина торопилась, заикалась и страшно конфузилась, высказывая свой „вопросъ“, въ которомъ звучала „просьба“.

— Да мнѣ и самому не разъ объ этомъ думалось, и я даже толковалъ объ этомъ съ нею,—указалъ товарь бивкомъ головы на свою дородную жену;—но средства у меня небольшія, а дѣтей, слава тебѣ Господи, шесть человекъ! Если-бы я рѣшился взять къ себѣ еще и сиротку, то мнѣ пришлось-бы заботиться, чтобы и она не терпѣла нужды и подготовилась къ честной трудовой жизни... Харчи-же, помѣщеніе, обувь, одежда и плата за обу-

ченіе—все это дорого стоит! Слѣдовательно, я обидѣлъ-бы своихъ родныхъ дѣтей, а по-моему не хорошо тотъ дѣлаетъ, кто великодушничаетъ на счетъ другихъ... Къ тому-же, мы переѣдемъ осенью съ этой квартиры на тотъ конецъ города... и лишенія ребенка не будутъ рѣзать намъ глазъ!

Панна Янина выслушала приговоръ товарища Юліанкѣ, и, уткнувшись лицомъ въ свою подушку, проплакала почти во всю ночь.

Уже въ срединѣ лѣта она возвращалась изъ города съ букетомъ прелестныхъ цвѣтовъ, но занесла ихъ не къ себѣ въ комнату, а на подоконникъ, подъ липами, къ чахоточному артисту.

Онъ пролежалъ въ постели зиму и весну, а теперь вознаграждалъ себя за потерянное время — все кашлялъ и игралъ на своемъ разбитомъ фортепіано.

— Это ты, моя пташечка? спросилъ онъ, слышавъ шелестъ вѣтвей. Но, не получивъ никакого отвѣта, оглянулся и узналъ „ученую особу, поселившуюся въ самомъ верхнемъ этажѣ дома.“

— О, какъ вы добры! понюхалъ онъ букетъ.—Какіе роскошные цвѣты и какъ я ихъ люблю!

— Это отъ сиротки! потушилась передъ его мечтательными глазами панна Янина.—Она просила меня передать вамъ...

— А какъ-же ей теперь живется? Прекрасное, но бѣдное дитя!.. Повидаться-бы мнѣ съ нею...

— Отчего-же?.. Я ей скажу... пришлю ее къ вамъ... Прощайте!

— И на *этого* вѣтъ никакой надежды! думала панна Янина, поднимаясь по лѣстницѣ, въ свою комнату, гдѣ ее всегда съ томительнымъ нетерпѣніемъ поджидалъ ребенокъ.—Не сегодня, такъ завтра смерть подкоситъ артиста!

Время между тѣмъ подвигалось къ осени, и всѣ обитатели двора стали говорить, что панна-гувернантка вѣрно очень больна, потому-что страшно похудѣла и еле-еле ходитъ. Цвѣтъ ея лица превратился изъ блѣдно-бѣлаго въ земляной. Она постарѣла, осунулась и подурнѣла. Голубые глаза ввалились, потускнѣли, померкли. Только очертаніе ея губъ все еще удерживали за собою свой младенческій абрисъ. Но она болѣла не телѣсными недугами, а сердечной тоской и чувствовала большой упадокъ силъ.

— Панни купцова! пожаловалась она какъ-то Злотѣѣ, войдя къ ней

въ лавочку, уже не за покупками чаю, сахару и беросину, а только затѣмъ, чтобы обмѣняться съ кѣмъ-бы то ни было живымъ словомъ.—Такое мнѣ горе!.. Никакъ не могу заручиться уроками!.. Помогаю себѣ шитьемъ и разными вышивками, а все-таки такъ тяжело, такъ тяжело!..

— Ну-ну! Чего-жъ такъ очень сокрушаться? Не стоитъ! угѣшала ее еврейка.—Лишь-бы кое-какъ перебиться это трудное время, а тамъ, авось, Богъ дастъ, будетъ лучше.

— Да я, знаете, не привыкла къ такой нуждѣ... къ такимъ крайнимъ лишеніямъ!.. Отецъ мой служилъ чиновникомъ, и я при немъ не терпѣла никакихъ недостатковъ... Потому жила по хорошимъ домамъ... Мнѣ платили такое маленькое жалованье, что его хватало только на приличную одежду... Но у меня всегда были всѣ удобства жизни, потому-что тотъ, кто въ состояніи держать гувернантку, можетъ и долженъ дать ей и теплый уголь, и обѣдъ, и стирку бѣлья, и стаканъ чаю... И я ко всему этому привыкла... избаловалась... и теперь вотъ немогу выдержать дольше!

— А я вамъ совѣтую выдерживать! зашептала ей, оглянувшись прежде на свою внучку, еврейка.—Мнѣ кажется, что есть вещи побольше, чѣмъ голодъ и холодъ...

— О, да, моя купцова, есть онѣ, есть! опустила на прилавокъ свои сплетенныя пальцами руки панна Янина.—Мнѣ развѣ въ веснѣ придется поискать себѣ должности и уѣхать отсюда...

— А я вамъ не совѣтую и этого дѣлать!

— Почему-же панни купцова?

— А спросите объ этомъ у самой себя!

Лицо у панны Янины опять поворобилось отъ душевной тревоги или гнѣва.

— Интересно знать, съ какой-же-бы это стати я должна была добровольно отказываться отъ лучшаго будущаго? отпарировала она жѣткій ударъ пронизательной Злотки.—Зиму, конечно, мнѣ необходимо прожить здѣсь... Ну, да, необходимо, потому-что я... ужасно забкая... боюсь холодовъ!..

— А если вы такая „ужасно забкая“, печально улыбнулась старая еврейка,—то почему-бы вамъ не съѣхать отсюда куда-нибудь въ тепленькую, уютную комнатку - душничекъ? Вѣдь вашей комнаты въ домѣ ничѣмъ не согрѣешь въ морозы? Ну?

— Да пусть себѣ! отвернулась отъ нея, застигнутая въ рас-

плохъ панна Янина. — И здѣсь какъ-нибудь переживую, а тамъ... дѣла мои, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, примутъ лучший оборотъ!.. А если онѣ хоть немножко поправятся, то и я, знаете, тутъ останусь... Мнѣ хотѣлось-бы остаться!..

Вѣчно волнуясь и тревожась, она избѣгала необходимости смотрѣть людямъ прямо въ глаза и потому, разговаривая съ кѣмъ-нибудь, всегда смотрѣла на какой-нибудь неодушевленный предметъ, что придавало ей видъ сосредоточенной задумчивости.

Въ ней замѣчалось также полнѣйшее незнакомство съ домашнимъ хозяйствомъ и, за исключеніемъ однихъ лишь нарядовъ, склонность къ разнаго рода излишествамъ. Она несколько не заботилась о своемъ убранствѣ и постоянно ходила въ томъ-же самомъ платьѣ и шляпѣ съ вылинявшими цвѣтами. Но она часто приносила домой букеты, пирожное, конфекты, фрукты и т. п.

Кромѣ того, она устала подоконникъ горшками съ растеніями и купила еще одну канарейку, тогда-какъ бывали такіа недѣли, что ей и ребенку нѣ на что было взять обѣда изъ кухмистерской, и онѣ обращались къ кредиту Злотки.

По всемъ своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ панна Янина представляла собою типъ тѣхъ непрактичныхъ женщинъ, которыя всю свою жизнь сохраняютъ наклонности и привычки своего ранняго дѣтства. Онѣ и увлекаются, какъ дѣти, и гибнутъ, какъ гибнетъ масса неразумныхъ, беззащитныхъ дѣтей.

Но если-бы кому-нибудь пришло желаніе прослѣдить за нею, когда она неслышными шагами проходила рядъ огромныхъ залъ разрушеннаго дома, только затѣмъ, чтобы, поставивъ на полъ лампу, склониться надъ черноудрой головкой спящаго ребенка, — тотъ, навѣрное, могъ-бы убѣдиться, что она способна и глубоко любить, и тяжело страдать... Поднимаясь съ колыбели, она закидывала себѣ на голову кольцою руки, воздѣвала глаза къ ночному небу, виднѣвшемуся въ отверстіа гнилой крыши и простаивала такъ долгіе часы, точно трагическое изображеніе нѣшаго ужаса и печали.

— О, Боже! Зачѣмъ-же ты мнѣ далъ сердце? слышалось тогда нареканіе одинокой, покинутой женщины. — О, совѣсть моя... совѣсть... совѣсть!..

Сидя по вечерамъ въ своей комнатѣ, она развязывала и пересчитывала иногда пачки какихъ-то пожелтѣвшихъ отъ времени пи-

семь, просматривала какіе-то обрывочки лентъ и засушенные цвѣточки... Перечитывала, просматривала и тихо, безнадежно плакала объ утраченномъ, дорого теперь окупаемомъ счастьѣ...

— Отчего я не могу забыть... не могу лишиться памяти, какъ лишилась уже я вѣры въ добро и надежды на лучшее? роптала панна Янина. И чѣмъ больше предавалась она своимъ бесплоднымъ тоскованіямъ, тѣмъ все хуже и хуже становилось ея настоящее положеніе.

Встрѣтившись однажды на лѣстницѣ, въ трескучіе декабрьскіе морозы, съ владѣтельницею катка, она спросила у нея: — не купитъ ли она двухъ канареекъ?

— А это будетъ зависѣть отъ желанія моихъ паненекъ! возразила ей, кутаясь въ шубу, сытая аристократка двора. — Если мои племянницы пожелаютъ имѣть у себя, для развлеченія, этихъ желтыхъ птичекъ, то у нихъ будутъ желтыя птички, потому-что я ни въ чемъ не отказываю своимъ паненкамъ! А не пожелаютъ — не куплю!

Ея племянницы „пожелали“ канареекъ, и вскорѣ за ними явилась работница, принеся деньги. Когда клѣтки были сняты съ оконъ, Юліанка принялась прощаться съ пернатыми товарищами своихъ одинокихъ дней. Она цѣловала заржавѣвшую проволоку и навзрыдъ заплакала.

— Полно! Не плачь! сказала ей панна Янина. — Скоро тебѣ, можетъ, придется поплакать по комъ-нибудь другомъ!..

Черезъ нѣсколько дней послѣ продажи канареекъ, она объявила служанкѣ, приносившей имъ обѣдъ изъ ближайшей кухмистерской, что уже не надо приносить.

— Я сама буду стряпать въ комнатной печкѣ! пояснила она причину своего отказа. — Дешевле обойдется...

И бѣдняжка дѣйствительно хотѣла сама стряпать, но только жгла себѣ руки, злилась, плакала, и изъ нея стряпни ровно ничего не выходило... Тогда она прибѣгла къ другому рода „экономіи“: стала покупать въ городѣ уже приготовленныя кушанья, которыя обходились ей еще дороже кухмистерскихъ обѣдовъ... Онѣ не всегда отличались какъ свѣжестью свѣстныхъ припасовъ, такъ и вкусовыми достоинствами, не говоря уже о томъ, что ихъ надо было разогрѣвать дома. Вообще панна Янина не

умѣла разсчитывать, и всегда придумывала что-нибудь такое, чѣмъ-бы ей можно было „пріятно“ пощекотать себѣ небо и языкъ.

Когда, въ чудный майскій денекъ, она вошла въ лавочку Злоткѣ, то старуха даже отшатнулась отъ нея назадъ.

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! закачала она головою. — Какъ-же вы измѣнились!.. Какъ похудѣли!.. Страхъ!..

— Пани купцова! прокашлялась пани Янина. — Посоветуйте, Бога ради, что мнѣ дѣлать? Мнѣ предлагают недурное мѣсто... въ отъѣздъ... Состоятельные и честные люди... и... и...

Злотка поняла, отчего у паны-губернантки оборвалась рѣчь, но не хотѣла напрашиваться на ея откровенность. Она только пытливо смотрѣла на свою собесѣдницу, руки которой опять лежали на прилавкѣ, уставленномъ бутылками съ водкою... Наконецъ, видя, что у нея нѣтъ силъ произнести то слово, съ которыми она сюда пришла, — еврейка нагнулась къ ней и шепнула ей: — „А какъ-же быть съ ребенкомъ, что-ли? Да? Вы *это* хотѣли сказать?“

На этотъ разъ пани Янина не возмутилась и не перебила ее восклицаніемъ: — „А мнѣ какое дѣло до этого ребенка? Съ какой-же-бы это стати?“ О, нѣтъ! Она только повторила: — „А какъ-же быть съ ребенкомъ?“

— Отчего-жъ вы не постараетесь хоть пристроить его по крайней мѣрѣ?

— Буда и какъ? Гдѣ и у кого я могу похлопотать объ этомъ? прорвалась вдругъ плотина долго сдерживаемаго, страстнаго гора паны Янины. — Развѣ у меня есть какія-нибудь знакомства, какія-нибудь связи? Я просила уже у всѣхъ, у кого только могла просить, но, никто, никто не захотѣлъ мнѣ помочь!.. Да мнѣ-же и нельзя слишкомъ настаивать... Люди сейчасъ-бы заподозрили мое участіе... Въ городѣ всего только одинъ Дѣтскій Пріютъ, и весь уже переполненъ!.. А если-бы даже въ немъ и было еще вакантное мѣсто, то... развѣ-жъ я могу просить?.. У меня нѣтъ ни протекціи, ни средствъ къ жизни... я совсѣмъ, совсѣмъ одинока!.. О, Боже мой, Боже!..

— А почему-жъ-бы вамъ не написать къ.. *нему*?.. Можетъ, онъ и спасъ-бы васъ... помочь?

На панну Янину какъ-будто кто вылилъ ушатъ кипятку.

— Къ кому-жъ мнѣ писать? гнѣвно вскричала она, стуча ку-

лабомъ по прилавку.— Кто-жъ это можетъ мнѣ помочь?.. Кто-жъ можетъ меня спасти?

Ввалившійся ротъ патриархальной еврейки растянулся въ горделивую, снисходительную улыбку.

— Ну, если оно такъ, произнесла она съ достоинствомъ, — если вы и сами этого не знаете, то ужъ мнѣ не слѣдуетъ объ этомъ говорить!.. Но я должна сказать вамъ еще вотъ что! торжественно и строго подняла она надъ головой свой сухой, бѣлый палецъ.— Въ иныхъ случаяхъ *стыдъ* — очень хорошее чувство; но въ иныхъ — онъ нигуда не годится! Онъ тогда хорошъ, когда оберегаетъ человѣка отъ грѣха, но не тогда, когда мѣшаетъ ему искупить свой грѣхъ!.. И *страхъ* тоже хорошъ, когда его чувствуютъ передъ Богомъ, но никакъ не передъ людьми! Что хорошаго можетъ сдѣлать тотъ человѣкъ, который постоянно боится и постоянно стыдится?

Панна Янина вся дрожала; но когда она вскинула на Злотку глазами, то въ нихъ все еще видѣнъ былъ гнѣвъ.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите! сказала она, и вышла.

Въ тотъ - же вечеръ, въ комнату стараго дома проскользнулъ какой-то вертлявый, ободранный жидокъ. Сначала онъ очень низко кланялся и очень вѣжливо просилъ „вельможную панну-гувернанту“ объ уплатѣ какого-то долга. Но, по мѣрѣ того, какъ она, краснѣя и блѣднѣя, просила объ отсрочкѣ, — его голосъ поднимался все выше и выше, и упалъ только при обѣщаніи уплаты — чрезъ два дня.

На слѣдующее утро, въ ту-же комнату вошла какая-то рыночная торговка, повязанная большимъ платкомъ. Она развалилась на диванѣ и тоже наговорила „паннѣ - гувернантѣ“ очень много дерзостей...

Проводивъ ее, панна Янина, часа чрезъ три собралась съ духомъ и пошла опять-таки къ Злоткѣ. Она старалась казаться спокойной и равнодушной, но губы у нея дрожали и въ глазахъ стояли какъ-бы застывшія слезы.

— Моя купцова! остановилась она возлѣ стола, за которымъ что-то ѣла еврейка.— Сколько я вамъ должна?

Злотка быстро подвела итогъ, написала его цифрами на клочкѣ сѣрой бумаги и подала по принадлежности.

— Сегодня вечеромъ я вамъ сполна заплачу! объявила ей панна Янина.

— А вы развѣ уже приняли то мѣсто?

— Сейчасъ иду сказать тѣмъ господамъ, что соглашаюсь на ихъ условія, а завтра уѣду съ ними въ деревню.

— Далеко отсюда?

— Кажется, двадцать миль.

Злотка жевала губами, а панна Янина не спѣшила уходить въ городъ.

— Дѣла мои требуютъ, вздохнула она, — чтобы я взяла теперь жалованье за весь годъ впередъ... Половина этой суммы пойдетъ на уплату кой-какихъ долговъ... Надо тоже хоть немножко приодѣться, потому — состоятельный, чужой домъ... Однако, если вы позволите, моя купцова, то я...

— Ну, что-жъ дальше?

— То я оставлю вамъ немножко денегъ... на нужды... дѣвочки?

— А къ чему-ей эти деньги! махнула рукою недовольная еврейка. — Сколько-жъ тамъ вы можете оставить въ ея пользу? Я, пожалуй, стану кормить ее на нихъ, пока хватить... Ну, а потомъ что?..

— Но вѣдь я не въ состояніи теперь сдѣлать для нея ничего больше! шепнула панна Янина. — Возвращусь-же я сюда когда-нибудь!.. Какъ только соберу себѣ немного денегъ, — сейчасъ-же, сейчасъ назадъ!.. Но, пока это будетъ, моя купцова... вы... такая старая... честная женщина... у васъ есть свои дѣти... внуки... прав...

— А что я могу сдѣлать?.. Миѣ ее очень жаль, но я — еврейка, а она — христіанское дитя! Я не могу взять ее къ себѣ!.. Ну, что-жъ я могу для нея сдѣлать? Говорите!

— Взглянуть на нее... накормить... напомнить...

— Ну-ну, ладно! поцѣлала ей руку Злотка.

Панна Янина отправилась въ городъ и очень долго не возвращалась, а когда она вошла въ свою комнату, то Юлианка осыпала ее особенно нѣжными ласками, какъ-бы предчувствуя близость разлуки. Она прыгала, хохотала, вертѣлась по всей комнатѣ, хлопала въ ладоши и опять, опять обнимала, цѣловала свою покровительницу.

Неизвѣстно, слышала-ли панна Янина, о чемъ щебеталъ ей,

усадившій ее на диванъ, ребенокъ? Она безучастно принимала его милныя ласки, и на лицѣ у нея была написана смерть.

— Не зажечь - ли лампу? егосила дѣвчурка. — Я ужъ умѣю зажигать!

Вмѣсто отвѣта, панна Янина поймала ее за юбочку, притянула къ себѣ и усадила на своихъ колѣняхъ.

— Юліанка!

— А что, панна Янина?

— Послушай, дитя мое, что я тебѣ скажу!.. Мнѣ надо поразсказать тебѣ о важныхъ и печальныхъ вещахъ!

Дѣвочка сразу приняла серьезный, дѣловой видъ и уставилась въ мертвенное лицо своей покровительницы, усиливаясь разглядѣть его выраженіе при наступившихъ сумеркахъ.

— Я разскажу тебѣ о твоей... матери...

— О матери? удивилось дитя.

— Да; о твоей матери... Она, видишь-ли, совсѣмъ не злая, а только... ужасно несчастная женщина!.. У нея доброе сердце и совѣсть—не хуже, чѣмъ у другихъ женщинъ... Но разъ въ своей жизни... она совершила грѣхъ; а потомъ на нее обрушился такой тяжелый грузъ, что у нея не достало даже силъ... бороться... Помни - же, дитя мое, что твоя мать не была ни злою, ни безсовѣстною женщиною!.. Не забудь!.. Она была только очень несчастнымъ и очень слабымъ созданіемъ!.. Помни-же объ этомъ и никогда не питай ненависти къ своей матери или не обвиняй ее, дитя мое!.. О, не дѣлай, не дѣлай этого!.. Пожалѣй лучше объ ней!.. А если-бы кто -нибудь дурно говорилъ объ ней... при тебѣ, то ты скажи, что у нея были добрыя намѣренія, но только она не могла ихъ исполнить... у нея не было силъ!..

Юліанка слушала съ большимъ вниманіемъ, но и на половину не понимала того, что ей говорятъ... Только вздохи и глухой шепотъ панны Янины настраивали ея нервы на торжественный тонъ.

— А гдѣ-жъ моя мать? спросила она послѣ продолжительнаго молчанія.

Спазма сдавила горло паннѣ Янинѣ, но она скоро оправилась.

— Твоя мать, говорила она, — находится въ такой странѣ, гдѣ царитъ вѣчная тьма... Въ этой странѣ не свѣтитъ ни одна звѣздочка надежды; а пламень любви если въ ней еще и не погасъ, то развѣ только для того, чтобы жечь и терзать, но никакъ не

радовать сердца людей... Эта страна, дитя мое, такая темная, какъ самая темная, осенняя ночь!.. Люди отъ нея часто убѣгаютъ въ могилу... Но у твоей матери не было силъ убѣжать!.. Притомъ-же она думала, что если она убѣжитъ, то... тебя совсѣмъ бросить... Оттого только и осталась... и жила въ той странѣ... и живетъ... и живутъ съ нею ея вѣчныя сожалѣнія... стыдъ... страхъ... горе и всевозможныя лишения.

Ребенокъ собирался заплакать.

— Отчего-жъ моя мать пошла жить въ ту страшную, темную страну?

— Оттого, что крѣпко любила! съ дивнымъ восторгомъ воскликнула панна Янина.

— А гдѣ-же мой отецъ? отозвалось дитя послѣ продолжительнаго молчанія.

— Великій Боже! прошептали блѣдныя губы. — Но чрезъ минуту изъ нихъ уже лилась мягкая рѣчь всепрощенія.

— Да простишь ему Богъ, дитя мое!.. И ты ему прости! прижалась плающая щека къ дѣтской щечкѣ. — Ты и матери своей прости!.. Пожалуйста, прости!.. И не забудь всего того, чему я тебя учила!.. Будь вѣжлива и деликатна въ обращеніи съ людьми... Никогда не трогай ничего чужого... Помни, дитя мое, что если ты сдѣлаешь что-нибудь нехорошее, то сердцу твоей матери станетъ еще больнѣе, а въ той странѣ, гдѣ она живетъ, еще больше усилится непроглядная тьма!.. А теперь... пойдемъ... помолимся вмѣстѣ съ тобою!..

Дитя и женщина, взявшись за руки, подошли къ окну и опустились тутъ на колѣни. На дворѣ моросилъ дождь, было темно и липы шумѣли. Въ комнатѣ тоже стояла такая темень, какъ въ той „страшной странѣ“, по выраженію Юліанки.

— Сложи - же ручки и смотри, вотъ туда, въ небо! шептала панна Янина. — Его-то, положимъ, не видно, но все-же оно есть... Ты, вѣдь, знаешь, что оно есть... тамъ... вверху... за темнотою?.. Ну, а теперь говори: „Отче нашъ“ ...

— „Отче нашъ“, тихо повторило дитя.

— Громче, громче говори: „Отче нашъ, еже еси“.

— „Отче нашъ, еже еси“, громко и отчетливо молился ребенокъ до конца этой молитвы.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула панна Янина. — Припади, вотъ

такъ, въ самой землѣ... взывай... проси... повторяй за мною:
„Помилуй насъ!“

Юліанку такъ потрясъ ея голосъ, что она зарыдала, и, тогда, среди глубочайшей тьмы и тишины, раздались два вопля, два крика: „Помилуй насъ!“

И много еще разъ повторились они въ ту темную ночь, пока, съ тихимъ уже плачемъ, не утонули въ болѣе тихихъ мольбахъ...

IX.

Прошло два дня послѣ этихъ моленій, и Юліанка стояла на порогѣ большихъ сѣней стараго дома, обводя весь дворъ своими задумчивыми, лучистыми глазками. Она была одѣта въ то-же самое теплое платье, и на ногахъ у нея виднѣлись совсѣмъ новые башмачки; но волосы у нея были растрепаны, щечки поблѣднѣли. и во всей ея фигуркѣ выражалось нравственное угнетеніе. Видно было, что что-то ужасное смяло ея дѣтское сердце.

Дѣвочка еще только въ первый разъ вышла на дворъ послѣ того сѣраго утра, когда старьевщики вынесли изъ комнаты панны Янины всѣ ея вещи, а сама она незамѣтно скрылась изъ дому, чтобы е возвращаться въ него больше... Одна лишь Злотка видывала въ эти дни осиротѣвшаго ребенка. Утромъ и подъ вечеръ она всходила по безконечнымъ лѣстницамъ, неся въ рукахъ мисочку съ какимъ-нибудь кушаньемъ, и спускалась съ нимъ обратно, не переставая брѣзжать и мотать своею большою головою.

Бто-то изъ жильцовъ спросилъ у нея: — что подѣлываетъ Юліанка?

— Ахъ! махнула она рукою. — Я даже и не знаю, что это за ребенокъ! Я такого ребенка еще даже и не видѣла! Все лицо распухло отъ слезъ, и ничего не хочетъ ѣсть! Сидитъ себѣ въ той пустой комнатѣ, и все только цѣлуетъ тотъ полъ, по которому ходила та... панна-гувернантка!.. Я-ей двадцать разъ говорила, чтобы она сошла внизъ и поиграла себѣ съ моими внучками, а она посмотритъ на меня, какъ сумасшедшая, и отвернется лицомъ къ стѣнѣ! Чѣмъ-же я виновата, если она голодная?

На дворѣ зеленѣла трава, свѣтило солнце, шалили, кувыркались, знакомые Юліанкѣ ребятки; но ея вниманіе привлекъ на себя иной, посторонній двору, предметъ. Она увидѣла возлѣ воротъ

очень дряхлаю нищенку, которая подвигалась впередъ, ощупывая палкою землю. На плечахъ у нея висѣлъ ветхій ватный салопъ, безъ рукавовъ и со многими заплатами; на ногахъ — тряпки и дырявыя опорки; на сѣдой головѣ — чернйй ватный капоръ. Криво-красныя вѣки были закрыты на изборожденномъ глубокими морщинами, буро-коричневомъ лицѣ.

Дѣвочка узнала свою „добрую паню“... Она прыгнула съ высокаго крыльца, подбѣжала къ ней, и, съ восклицаніемъ: „это вы? поцѣловала почернѣвшую, заскорузлую руку, которая крѣпко держала палку — символъ слѣпоты „пани сендзини“.

— А?... Что это такое?... Кто-бы? прохрипѣлъ слабый, разбитый голосъ. — Развѣ ты... Юліанка?

— Юліанка, пани! опять прильнуло къ ней дитя.

— Ага!.. Скажите, пожалуйста!.. Такъ ты, малая, меня узнала!.. И ты обрадовалась моему приходу?... Гм... Это очень, очень похвально съ твоей стороны!.. Ты — доброе, честное дитя!.. Вотъ видишь, я и пришла! Я уже нѣсколько разъ сюда приходила, и все о тебѣ справлялась... Ну, что-жъ? Хорошо тебѣ? Теперь, говорятъ, тебѣ покровительствуетъ какая-то ученая панна? Если ты сведешь меня къ ней, то мы, видишь-ли, познакомимся себѣ съ нею, а потомъ — я стану приходить къ вамъ... Что-ты на это скажешь?... Можетъ, иной разъ вы и подали-бы мнѣ крошку хлѣба и какую капелку теплой пищи?... Кто жъ могъ-бы ожидать?... Ну, что-жъ? Сведешь ты меня къ своей паннѣ, — а?

— Ее уже нѣтъ! вздохнула Юліанка.

— Какъ нѣтъ? А куда-жъ она дѣвалась? Вѣдь она еще такъ недавно была здѣсь!.. Злотка мнѣ говорила на той недѣлѣ... Гдѣ-жъ она?

— Не знаю. Уѣхала куда-то.

— Скажите, пожалуйста!.. Уѣхала!.. А какъ-же ты!..

— Да такъ!.. Такая ужъ моя доля!.. И мать меня бросила, и вы меня бросили, и панна Янина меня бросила!.. Всѣ меня бросаютъ, да бросаютъ!..

— Ну-ну! Перестань! остановила малютку пани сендзина. — Не ропщи; съ волей Божіей нельзя спорить!.. А я? Видишь, до чего я дошла? Вѣдь я теперь — нищенка!.. Побираюсь!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать!.. Если-бы не крайность, я-бы тебя ни за что не оставила!.. Но что-жъ мнѣ было дѣлать съ тобою? Вотъ и

теперь, ты опять одна... мнѣ тебя очень жалко... но ничего не подѣлаешь!.. Оно-бы то ничего, если-бы не глаза... Но вѣдь они отъ меня совсѣмъ удрали!.. Дороги передъ собою не вижу... Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. Ну, прощай малая!.. Помогли тебѣ Богъ!..

— Не бросайте меня одну! ущѣпилась Юліанка за ватный са-лопъ.—Возьмите меня съ собою!..

Пани сендзина призадумалась.

— Взять тебя?.. А что-жъ ты будешь дѣлать со мною?.. По-бираться?.. Охъ, не годится, малая, не годится!.. Я этой дорож-кой уже выхожу изъ жизни, а тебѣ неподобаешь входить въ жизнь этимъ путемъ!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. Не хорошо тебѣ нищенствовать!.. Охъ, нехорошо!.. Я вѣдь должна Богу за тебя отвѣчать! Погублю свою душу...

И, какъ-бы уходя отъ искушенія, старушка зашарила по землѣ своей палкой. Но дѣвочка заступила ей дорогу, придержала ее за полы салопа и опять начала цѣловать ей руки.

— Я пойду съ вами! шептала она.—Я за вами и на край свѣта пойду!.. Я здѣсь ни за что въ свѣтѣ не останусь!.. Ан-текъ снова будетъ меня щипать и бить! Я снова буду умирать съ голоду! А вы ничего не видите... еще гдѣ-нибудь упадете и убьетесь на смерть!.. Я буду васъ водить!

Изъ слѣпыхъ глазъ пани сендзины покатались слезы.

— О, Боже мой! обняла она одной рукой Юліанку.—Скажи-те, пожалуйста!.. Малая боится, что я упаду или убьюсь?.. Да кромѣ тебя, дитя мое, никто этого не боится! Ты меня такъ долго не забыла и любишь меня... ты—добрый, благодарный ребен-окъ!.. Развѣ ужъ взять тебя съ собою?.. Кто-жъ могъ-бы ожи-дать?.. Пойдемъ! Ты будешь моею поводыркою... Можетъ, кто увидитъ тебя со старою нищенкою и скалится надъ твоимъ дѣт-ствомъ?.. Ого!.. Какъ-же мнѣ легко идти!.. Не знаю, оттого-ли, что мнѣ не надо уже шарить палкою по землѣ, или оттого, что живая душа со мною, но мнѣ такъ легко... такъ легко!..

Подойдя къ воротамъ, обѣ онѣ остановились, и Юліанка забѣ-жала проститься къ Злотѣ.

— Благодарю васъ за все! поцѣловала она у нея руку.

При видѣ нищей у дверей своей лавочки, еврейка догадалась въ чемъ дѣло и молча вышла къ пани сендзинѣ.

— Возьмите-ка это! сказала она, вкладывая ей въ руку пару

мелкихъ ассигнацій.— Эти деньги мнѣ оставила, на нужды дѣвочки, та... панна-гувернантка...

— Хорошо, хорошо! обрадовалась старушка.— Мы себѣ на нихъ проживемъ нѣкоторое время... не побирайся!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?..

Злотка смотрѣла за ними, когда онѣ удалялись по улицѣ.

— Но-но! крикнула она.— Послушай! Юліанка!.. Заходи ко мнѣ когда-нибудь! Навѣдывайся!.. Можетъ, для тебя что-нибудь пришлютъ!..

— Приду! Приду! весело откликнулась дѣвочка.

Экскурсія, въ которую она теперь пускалась, возбуждала въ ней большое любопытство и надежду на что-то очень хорошее... Она просто оцѣпляла отъ восторга, впервые окунувшись въ шумъ, говоръ и движеніе людныхъ городскихъ улицъ.

Х.

Съ тѣхъ поръ въ городѣ О. начали часто появляться: дряхлая побирашка и прелестное дитя, одѣтое, сначала довольно сносно, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже и оборваннѣе... Онѣ останавливались подъ крытыми каменными воротами и никогда не заходили внутрь дворовъ, гдѣ ихъ пугали грубость барской прислуги, а также зубы и лай еще вѣрнѣйшихъ, четвероногихъ домашнихъ сторожей.

— Не води меня тоже ни на костѣльную паперть, ни подъ костѣль! шамкала своей поводырѣ пани сендзина.— Мнѣ, видишь-ли, было-бы стыдно тѣхъ бабъ, что тамъ сидятъ и стоятъ... Онѣ такія грубіянки!.. Чего добраго, еще-бы насъ прибили за то, что и намъ подають грошъ!.. Нѣтъ лучше, малая, какъ останавливаться подъ крытыми воротами... Все-таки не такъ бросается въ глаза!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?.. Когда мы стоимъ себѣ здѣсь, то прохожіе, увидѣвъ насъ съ улицы, могутъ подумать, что мы такъ себѣ, поджидаемъ кого-нибудь; а между тѣмъ тутъ тоже многіе проходятъ!.. Какъ только замѣтишь, что идетъ какой-нибудь панъ или панни, такъ ты меня сейчасъ и предупреди; но сама не проси милостынки!.. Боже тебя сохрани! Не протягивай руки, слышишь? Я сама протяну и попрошу!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?

И Юліанка очень исправно подавала старушкѣ условныя предостереженія: дергала ее за полу салопа и порывисто шептала „Идетъ! Идетъ!“

Но пани сендзинѣ никакъ не удавалось „копировать“ тѣ возмутительныя для человѣческаго достоинства приемы, на которые она насмотрѣлась еще въ то время, когда сама щедро одѣляла разныхъ нищенокъ... Бывшая рука „кормилка“ никакъ не хотѣла протягиваться ладонью вверхъ... Она постоянно и самовольно „удирала“ подъ салопъ, и тогда проходившіе паны и пани улыбались, видя передъ собою дряхлую старушку въ капорѣ, выдѣлывающую передъ ними какіе-то уморительные старосвѣтскіе реверансы, залпомъ повторяя: „Кто-жъ могъ-бы ожидать? Кто жъ могъ-бы ожидать?“..

Дѣвочка водила иногда пани сендзину и на лучшія улицы, ставила ее здѣсь къ сторонкѣ, чтобы она не мѣшала движенію по панелямъ, а сама съ упоеніемъ разглядывала разложенныя и развѣшанныя въ витринахъ разныхъ магазиновъ вещи и вещицы... Бромъ упоенія, въ черныхъ глазахъ ребенка искрилась подчасъ какая-то зависть и жадность... въ женскимъ нарядамъ и бездѣлушкамъ... Впрочемъ, онѣ въ немъ пробуждались и при видѣ простыхъ уличныхъ лотковъ со всякою всячиною, за которыми всегда, за исключеніемъ субботнихъ дней, сидѣли, подъ огромными дождевыми зонтиками, безобразныя, оборванныя торговки изъ еврейскаго племени...

— Ахъ, какія булочки! восклицала тогда Юліанка.— А какіе баранки!.. Буда лучше, чѣмъ у Злотки!.. Ыла-бы ихъ, ѣла!..

Иногда она передавала старушкѣ тайну, состоявшую въ томъ, что груши или яблоки имѣютъ такой превосходный видъ, что у нея „даже текутъ слюнки“.

— А можетъ, ты тамъ что-нибудь трогаешь? спрашивала пани сендзина.— Можетъ, ты берешь что-нибудь сама, безъ позволенія? Сохрани тебя отъ этого Богъ!.. Если дорожишь своимъ земнымъ счастьемъ и спасеніемъ своей души, — не забывай заповѣдей Господнихъ!.. Помни: „не укради!“ А если ты когда-нибудь разстанешься съ этою заповѣдью, то тебя возьмутъ въ тюрьму, и въ адъ попадешь, на томъ свѣтѣ!.. Пожалуйста, ничего не трогай!

Дѣвочка помнила заповѣди и была послушнымъ ребенкомъ. Но случалось, что и ея смуглая рученка не покорялась ея доброй

волѣ и... протягивалась въ лоткамъ съ разными фруктами и дешевенькими печеніями... Если это замѣчали торговки, то иной разъ въ ручку попадала какое-нибудь гнило боковое яблоко, груша, нѣсколько испорченныхъ сливъ, копѣчной стоимости черствая булочка или баранокъ... Лакомясь тѣмъ или другимъ, дитя отламывало или откусывало кусочки отъ подачекъ, подымалось на цыпочки и собственноручно запикивало ихъ въ старческій ротъ...

И такъ, въ хорошую и дурную погоду бродили себѣ по городу эти два, скованныя нуждою и чувствомъ взаимной любви, существа... Уставая отъ ходьбы по неровнымъ, жесткимъ мостовымъ, онѣ садились отдыхать подъ какимъ-нибудь заборомъ, и изъ устъ пани сендзины плавно и неустанно тянулись воспоминанія о быломъ благополучіи, о быломъ счастьи, о быломъ душевномъ покоѣ и матеріальномъ обезпеченіи, — прерываемыя неразрѣшимыми вопросами: „Куда-жъ это люди дѣвались?.. А вѣдь были они, были!.. Кто-жъ могъ-бы ожидать?..“

— А теперь, дитя мое, говорила однажды, поднимаясь съ земли, слѣпая старушка, — я молю Бога уже только о томъ, чтобы мнѣ дожить до того времени, когда ты подростешь и поступишь на какую-нибудь должность!.. При мнѣ-то ты не совѣмъ еще испортишься!.. Если-бы тебѣ было хоть двѣнадцать лѣтъ, то тебя-бы, навѣрное, приняли въ услуженіе за насущный кусокъ хлѣба; а потомъ, съ сильными руками и хорошими глазами, всегда можно себѣ помочь!.. Охъ, малая, это очень важно, чтобы я дожила до тѣхъ поръ, когда ты выйдешь изъ своего малаго дѣтства!.. Но, видишь-ли, тотъ сырой уголь, гдѣ мы съ тобою ночуемъ, ужасно скверно отзывается на моемъ ревматизмѣ!.. Косточки мои какъ-то развинтились... не держатъ другъ друга... какъ-будто хотятъ совѣмъ разсыпаться врозь... Кто-жъ могъ-бы ожидать?..

И бѣдныя, старыя кости пани сендзины „разсыпались“ прежде, чѣмъ Юліанка вышла изъ своего „малаго дѣтства“, когда ей еще не достало полтора года до опредѣленной старушкою цифры 12, и ее могли-бы принять въ услуженіе „за насущный кусокъ хлѣба“.

Яркій платочекъ на чернобудрой головкѣ, искристая взгляда лучистыхъ глазъ малютки, тонкія черты ея смуглаго личика и лохмотья на породистомъ тѣльцѣ — опасная рекомендація на общественное сочувствіе!

На первых порахъ своего самостоятельнаго побираничества, дѣвочка просила подачекъ только глазами... Потомъ стала протягиваться и ручка. А еще потомъ прохожіе должны были отгонять отъ себя бѣгавшую за ними, назойливо пристававшую нищенку. Но все-же ее привлекали къ себѣ и тѣ окна, на которыхъ стояли комнатныя растенія и она на нихъ заглядывалась и любовалась ими, какъ прежде, въ мастерской, у токаря. На нее находили минуты и часы невыносимой тоски и унынія, смѣнявшіеся какимъ-то дикимъ, порывистымъ весельемъ, и она-то плакала, рыдала и не ѣла того, что ей давали, то хохотала и клячила, даже безо всякой нужды, не ощущая голода.

Но гдѣ-жъ она ночевала? Съ кѣмъ она водила знакомство въ этомъ отроческомъ періодѣ своей жизни? Этого никто не зналъ и никто объ этомъ не справлялся. Только тѣ, которые чаще другихъ подавали ей копѣйки, видѣли иногда, какъ она удаляется, въ сумерки, въ какой-то затхлый, вонючій проулочекъ и входитъ въ покосившуюся дверь отвратительнаго логовища всей окрестной нищеты. Кому-то даже пришла охота посмотреть въ окно подвала этого жилища, и ему представилась слѣдующая картинка: на грязной соломѣ сидѣлъ какой-то нищій, перевязывавшій себѣ рану на ногѣ и говорилъ что-то Юліанкѣ, которая сидѣла рядомъ съ нимъ, обнавъ руками свои согнутыя колѣнки. Глаза ея были устремлены на красное лицо собесѣдника, пожилаго, но еще здороваго пьянчужки.

Еще кто-то нашель разъ Юліанку на кладбищѣ „для бѣдныхъ“. Она спала здѣсь на глинистомъ, могильномъ бугоркѣ, и сторожъ сообщилъ прохожему, что подъ этимъ бугоркомъ погребено тѣло какой-то нищей, слѣпой старухи.

Иногда, поздно вечеромъ, Юліанка пробиралась въ ту комнату стараго дома, гдѣ онѣ жили съ панной Яниной и уходила оттуда также позднимъ вечеромъ, черезъ сутки голоданія...

У нея было теперь очень много знакомыхъ дѣтей, и она съ ними шумно рѣзвилась по городскимъ улицамъ и площадямъ, чувствуя, что ее тутъ некому заклеить позорнымъ штемпелемъ „подвидыша“. Но какъ-бы беззавѣтно не отдавалась она группамъ, уличнымъ играмъ, а въ ней всегда просвѣчивало что-то такое, чему трудно подобрать подходящее названіе, но что выдѣляло ее изъ группы другихъ уличныхъ ребятишекъ. Кто его

знаеть, отчего это происходило! Можетъ на ней отпечатлѣлось сообщество панны Янины, съ которой она часто бесѣдовала въ продолженіи почти двухъ лѣтъ? Или это были слѣды вліянія кроткой, незлобивой пани сендзины? А можетъ, впрочемъ, тутъ заявляла свои права и кровь въ жилахъ ребенка, т. е. наслѣдственность?

Въ городѣ О. находилось нѣсколько такихъ семействъ, которыя не только подавали милостыню „красивой сиротѣ“, но даже позволяли ей кое-когда обогрѣваться на кухнѣ и „приокачивали“ ее при этомъ въ домашнимъ работамъ. И, что-бы ни приказывали исполнять Юліанкѣ, она никогда не отнѣкивалась, а еще сама упрасивала, чтобы ей разрѣшили подмести кухню, помыть лѣстницы и полы, или почистить самовары и другую жѣдную посуду.

— О, я все это умѣю дѣлать! гордилось дитя своими познаніями въ области домашняго обихода.

Но большія метлы и дерюжныя половныя тряпки часто вываливались изъ маленькихъ ручекъ и тогда надъ Юліанкой подсмѣивались, дразнили ее или прогоняли вонъ, а не то—заставляли дѣлать что-нибудь другое: чистить посуду и т. п. Самовары всегда напоминали ей панну Янину и она, усердствуя надъ ними, не разъ пятнала ихъ поверхность своими чистыми слезами.

— А это, панни, доброе дѣла! говорила объ ней своимъ господамъ прислуга. — Никогда оно ничего не тронетъ! Хоть и золото передъ нимъ положи—не возьметъ! Что правда, то правда!

Нѣкоторыя изъ госпожъ заходили иногда въ кухню и гладили Юліанку по головкѣ. Она не сопротивлялась этимъ снисходительнымъ ласкамъ, но принимала ихъ не особенно довѣрчиво. Если же у нея спрашивали при этомъ: „чья ты дѣвочка?“ она хмурилась и сухо отрѣзывала: „всѣхъ“ или „ничья“; а отъ болѣе подробныхъ разспросовъ всегда отдѣлывалась молчаніемъ.

Черезъ годъ такого бродяжничества, она вдругъ, точно сквозь землю провалилась или канула въ воду. Сначала этого, конечно, никто и не замѣтилъ, но потомъ нашлись-таки люди, которыхъ немножко встревожило исчезновеніе нищаго ребенка. И прислуга тѣхъ барынь, что гладили Юліанку по головкѣ, и даже самыя барыни стали объ ней наводить справки посредствомъ разспросовъ, а Злотка общала даже угостить водкою každого, кто-бы ни

принесъ ей вѣсточку о сиротѣхъ. Но самыя рьяныя охотники до даровыхъ угощеній, не могли воспользоваться общаніемъ старой еврейки. Такъ и было рѣшено и подписано, что дѣвочка „провалилась сквозь землю“.

А можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, подѣ Юліанкою „разступилась“ земля, чтобы принять въ себя, скрыть отъ людей ея иззябшее, изголодавшееся, но, тѣмъ не менѣе, прекрасное, отроческое тѣло? Можетъ, она на-вѣки уснула гдѣ-нибудь подѣ заборомъ, и ее подобрали охранители общественнаго благоприличія и порядка, чтобы зарыть ее на какомъ-нибудь кладбищенскомъ закутѣ, разумѣется, безъ церковныхъ напѣвовъ, безъ вѣяній церковныхъ хоругвей?

Но, нѣтъ. Такія паріи общества, какъ наша Юліанка, чрезвычайно трудно расстаются съ жизнью. Какъ-бы наперекоръ всему и себѣ самимъ, онѣ живутъ себѣ и живутъ, если только можно назвать жизнью подобное существованіе. А потому очень можетъ быть, что отступленіе отъ заповѣди „не укради“, повлекло Юліанку въ „тюрьму“, и за ней захлопнулись тяжелыя, желѣзные двери. Вѣдь „тотъ свѣтъ“ съ его „адскими муками“ далеко, тогда-какъ „соблазны“ для голоднаго желудка и иззябшаго, истерзаннаго всякими лишеніями тѣла, такъ близко — всегда подѣ руками, на каждомъ шагѣ!

А можетъ, ее затинула въ себя та паутинная сѣть разврата, которая такъ зорко подкарауливаетъ разцвѣтъ зарождающейся женской красоты, женской граціи и, можетъ, мы еще когда-нибудь увидимъ нашу Юліанку уже взрослой женщиной, развитою въ школѣ порока.

Наконецъ, очень можетъ быть, что ее подняла къ себѣ на возъ какая-нибудь простая, честная крестьянка, возвращавшаяся съ рынка или изъ костела, довольная тѣмъ, что нашла себѣ „подросточка“ въ помощь по хозяйству. И если это такъ, то очень можетъ быть, что дѣвочка пасетъ теперь гдѣ-нибудь на зеленомъ лугу бѣлыхъ гусей или бурныхъ овецъ, счастливая тѣмъ, что одна на широкомъ сельскомъ просторѣ, вдали отъ нѣжныхъ матерей, ласкающихъ своихъ шустрыхъ ребятишекъ.

Какъ-бы-то ни было, но Юліанку никто больше не видалъ въ нашемъ городѣ. У насъ только долго рассказывалась повѣсть „о

подкинутой дѣвочкѣ“, а старая Злотка не уставала и не устаетъ передавать ее, со всѣми деталями, желающимъ слушать.

— Печальная это исторія! вздохнетъ слушатель.

— А развѣ я одну *эту* „печальную исторію“ знаю? трясется большая голова въ ветхозавѣтномъ тюрбанѣ.—Я знаю много такихъ „печальныхъ исторій“ о жильцахъ нашего большого двора... И о тѣхъ знаю, что теперь тутъ живутъ, и о тѣхъ, что тутъ жили десятки лѣтъ тому назадъ! Я много-много знаю, да не хочу всего рассказывать! Я молчу! А если-бы я захотѣла порассказать... ай-ай-ай!..

— И если-бы люди захотѣли слушать объ этихъ малыхъ червякахъ? добавляетъ Злотка со своею загадочною улыбкою:— да, если-бы люди захотѣли!..

Вскорѣ послѣ исчезновенія Юліанки, къ еврейкѣ вбѣжала панна Янина.

— Моя купцова! схватила она въ обѣ руки руку Злотки:— Гдѣ она? Жива-ли? Здорова? Что съ ней?

Еврейка нагнулась къ ея уху и долго что-то шептала. Сначала, на лицѣ панны Янины выразалось только безпокойство, а потомъ—ужасъ и тревога.

— Не можетъ быть! зарыдала она во всю грудь и кинулась вонъ изъ лавочки.

— А какъ-же мнѣ ее розыскать? остановилась она, однако, возлѣ дверей.—Какъ мнѣ объ ней спрашивать? Вѣдь люди сейчасъ-же заподозрятъ мое...

Но напрасно панна Янина боялась, что ее „заподозрятъ“ въ материнскихъ чувствахъ къ Юліанкѣ. Всѣмъ стало ясно, что дѣвочка—ея родная дочь, и только на отца малютки никогда не упала тѣнь подозрѣнія въ его виновности.

НАДЪ ПРУДОМЪ.

(Изъ Ади Крестень).

Унылый прудъ! Ты мнѣ знакомъ...
Я помню вечеръ тотъ несчастный,
Когда на берегу твоёмъ
Я видѣлъ женщины несчастной
Окоченѣвшій трупъ... Вокругъ
Народъ тѣснился и несмѣло
Къ ней подходилъ; но кто-то вдругъ
Крюкомъ самоубійцы тѣло
Къ себѣ подвинулъ. Страхъ тупой
Тогда на лицахъ отразился.
Крестясь, отъ „Богомъ проклятой“
Въ испугѣ каждый сторонился...

Не разъ тотъ образъ молодой,
Прекрасный, блѣдный, недвижимый,
Въ ночи вставалъ передо мной,
Когда тоской неодолимой
Объять, не могъ сомнѣть я глазъ.
Да, ты знакомъ мнѣ прудъ угрюмый.
Подъ гнетомъ мрачной, горькой думы
Я вспоминалъ тебя не разъ!

А Плещеевъ.

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

(1848—1871)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

25 декабря 1848 г.

Нашъ кружокъ улицы du Вас только-что увеличился новымъ членомъ, также учителемъ по профессіи.

Во время іюньскихъ волненій, Толесъ Бернаръ и я обратили вниманіе на появившійся въ газетахъ энергическій протестъ, перепечатанный изъ одной ньеврской газеты. Въ немъ подписавшій его съ горячимъ негодованіемъ высказывался по поводу полныхъ ненависти діатрибъ, ежедневно направляемыхъ провинціальной печатью противъ Парижа. Протестъ подписанъ былъ—«М***, сельскій учитель одной изъ общинъ близъ Солье, въ Морванѣ». Между имъ и нами возникла переписка, которая и продолжалась до того дня, когда я, находясь, по обыкновенію, на работѣ (я мѣсилъ известь для каменщиковъ при перестройкахъ въ церкви Notre Dame), увидѣлъ предъ собою какого-то незнакомца, желавшаго переговорить со мной. Я спросилъ, что ему угодно. При видѣ моей запыленной блузы, добрый буржуа, не безъ колебанія, сообщилъ, что онъ тотъ самый гражданинъ М***, съ которымъ мы состояли въ перепискѣ, и, что пріѣхавъ въ Парижъ, онъ явился позвать мнѣ руку. Моя мать, безъ дальнихъ объясненій, сказала ему, что я работаю при перестройкахъ церкви Notre Dame, и мой гость заключилъ изъ этого, что я занимаю болѣе высокое положеніе, чѣмъ то, въ какомъ онъ меня нашелъ. Этимъ объяснилось его удивленіе и колебаніе, съ которымъ онъ отвѣчалъ на мой вопросъ: онъ предположилъ какое-нибудь недоразумѣніе, какую-нибудь путаницу въ именахъ.

Отношенія между Парижемъ и провинціей остаются и до сихъ поръ довольно ограниченными, такъ-что провинціалы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о парижскихъ превращеніяхъ въ дѣлѣ соціального положенія.

Въ глазахъ мелкога провинціального буржуа такія превращенія не только несчастіе, но паденіе, которое пятномъ ложится на цѣлое семейство, какъ-бы ни были почтенны причины, его породившія, ибо: «каждый долженъ держаться своего званія». Самыя дикія аристократическія традиціи соблюдаются въ провинціи даже наиболѣе передовыми людьми.

Провинціалу не могло прійти въ голову, чтобы человѣкъ, окончившій «курсъ наукъ», или даже только снабженный необременительнымъ багажемъ, обязательнымъ для преподавателя въ элементарной школѣ, согласился добывать кусокъ хлѣба, сдѣлавшись извозчикомъ, чернорабочимъ на фабрикѣ или чернорабочимъ каменьщикомъ.

Чтобы разсвѣять сомнѣнія моего провинціального гостя, я долженъ былъ объяснить ему, возвращаясь вмѣстѣ съ нимъ домой, что мое участіе въ недавнихъ событіяхъ, какъ ни ничтожно оно было, лишило меня прежняго мѣста у одного предпринимателя и побудило взяться, чтобы не быть въ тягость родителямъ, жившимъ довольно скудно и также трудами рукъ своихъ, за единственное дѣло, съ которымъ я могъ справиться, по причинѣ моего полного незнанія какого-бы-то ни было ремесла. Но и здѣсь я былъ принятъ, единственно, вслѣдствіе серьезнаго ходатайства завѣдывавшихъ работами, такъ-какъ конкуренція была громадная. Мой спутникъ былъ удивленъ до крайности.

Вечеромъ того-же дня мы отправились въ *gare du Bas*, и я представилъ его потомъ друзьямъ, которыми онъ и былъ радушно принятъ.

Въ свою очередь и М*** сообщилъ намъ, что уѣхалъ изъ своей общины по причинѣ преслѣдованій властей, травившихъ его какъ дикаго звѣря, вслѣдствіе указаній мѣстныхъ тузовъ, которые доносили на него, какъ на одного изъ опаснѣйшихъ революціонеровъ. Онъ владѣлъ небольшимъ имѣніемъ, часть котораго принужденъ былъ продать, чтобы пріѣхать въ Парижъ и прожить тамъ во время будущихъ выборовъ, надѣясь, что департаментъ выберетъ его депутатомъ въ новую палату. Въ видахъ подготовленія этихъ выборовъ, онъ написалъ брошюру, предназначавшуюся для нѣверскихъ крестьянъ, и прочелъ намъ свою рукопись.

Произведеніе это было очень недурно какъ по содержанію, такъ и по формѣ, простой и удобопонятной для читателей, которые

имѣлись въ виду. Къ сожалѣнію, нашъ пріятель, исключительно проникнутый духомъ сочиненій Ламенна, который былъ его любимымъ авторомъ, до такой степени пропиталъ свою брошюру мистицизмомъ, что вызвалъ горячія возраженія даже со стороны самыхъ отчаянныхъ спиритуалистовъ нашего кружка.

Только послѣ долгихъ преній, продолжавшихся въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ, нашъ *передовой* провинціалъ, искренно-преданный, однако-же, революціи, согласился нѣсколько смягчить слишкомъ набожный и евангелическій тонъ своего сочиненія.

Есть разрядъ вѣрующихъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, которые пресерьезно повторяютъ за политикерами, что хотя революціи необходимо освободиться отъ «поповщины», но это не можетъ быть сдѣлано вдругъ, такъ-какъ приходится щадить вѣрованія и религіозную щекотливость сельчанъ, которые, въ противномъ случаѣ, произведутъ новую «Вандею».

Когда подобныя нелѣпости рассказываютъ люди, стремящіеся къ власти, то оно понятно, такъ-какъ клерикальная организація можетъ служить для нихъ слишкомъ удобнымъ полицейскимъ орудіемъ, отъ котораго имъ не легко отказаться. Но по истинѣ непонятно, какъ люди искренніе и умные, въ родѣ, напримѣръ, нашего пріятеля М***, могутъ относиться серьезно къ подобной плохой шуткѣ.

На самомъ дѣлѣ, французскій крестьянинъ вполне скептикъ. Мѣсто всякаго культа заступаетъ у него исключительная привязанность къ землѣ. Если онъ ходитъ къ обѣднѣ по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, то это дѣлается единственно въ видѣ развлечения. Для него и его близкихъ это просто поводъ вырядиться.

Въ большинствѣ случаевъ, онъ даже не входитъ въ самую церковь. Онъ остается на паперти, бесѣдуя съ пріятелями о вчерашнемъ торгѣ, о предстоящей ярмаркѣ, о цѣнахъ на крупный и мелкій скотъ, на хлѣбъ и картофель; затѣмъ онъ отправляется выпить «полубутылочку», зубоскаля надъ своимъ кюре, который потѣветъ и ломается въ своей «ступкѣ», какъ онъ называетъ церковную каеэдру. Если слишкомъ набожная жена вздумаетъ заказывать молебны по «пятнадцати су» за каждый,—онъ бѣсится отъ души. Однимъ словомъ,—священникъ есть въ глазахъ мужика представитель власти, товарищъ жандарма и полевого сторожа, предъ которымъ онъ снимаетъ шапку, но котораго ненавидитъ отъ всего сердца.

«Вѣрите вы въ Бога, господинъ учитель?» спросилъ меня

однажды крестьянинъ той общины, гдѣ я училъ. — «А вы?» спросилъ я, въ свою очередь. — «Какой вздоръ!» отвѣчалъ онъ.

Этотъ разговоръ просвѣтилъ меня относительно того, что принято называть «простодушными вѣрованіями» добрыхъ сельчанъ.

Когда кюре принужденъ будетъ жить однимъ доходомъ съ церковныхъ службъ, «по пятнадцати су» каждая, тогда увидимъ, насколько дорожить крестьянинъ этими мнимыми вѣрованіями своими.

Пресловутый черный призракъ, которымъ такъ давно пугаютъ наши «истребители іезуитовъ», быстро исчезнетъ. Но такъ-какъ это исчезновеніе лишило-бы этихъ истребителей единственной основы ихъ яко-бы либеральной оппозиціи, то они не станутъ спѣшить избавить насъ отъ этой задорной войны противъ іезуитовъ, которые именно тогда всего лучше себя чувствуютъ, когда ихъ противники дѣлаютъ видъ, что на нихъ нападаютъ.

* * *

Январь, 1849 г.

Народное движеніе, одною изъ великихъ ступеней котораго былъ іюнь 1848 года, приняло за послѣднее время новую форму которая, несмотря на вѣроятныя разочарованія, тѣмъ не менѣе, будетъ представлять глубокой интересъ.

«Если мы еще не въ силахъ отразить капиталистическую буржуазію», сказали себѣ рабочіе, «попытаемся освободиться отъ ея эксплуатаціи посредствомъ ассоціаціи нашихъ производительныхъ силъ, сплотивъ которыя, мы и противопоставимъ давящему насъ капиталу».

Въ провинціи и въ Парижѣ, повсюду образовались ремесленные ассоціаціи, основанныя сообразно съ различными экономическими данными учредителей. Однѣ, состоящія изъ коммунистовъ, основаны: или на системѣ безусловнаго равенства заработной платы всѣхъ своихъ членовъ, — таковы ассоціаціи башмачниковъ, портныхъ, шляпочниковъ, поваровъ; или-же на пропорціональности потребностей, опредѣляемой цифрой членовъ семьи каждаго изъ работающихъ въ ассоціаціи, за вычетомъ тѣхъ, которые уже въ состояніи, въ свою очередь, добывать себѣ пропитаніе, — такъ устроены, какъ кажется, рабочія общества кожевниковъ и дубильщиковъ, и это устройство, по моему мнѣнію, болѣе согласно съ коммунистическими принципами.

Наконецъ, другія ассоціаціи, и ихъ большинство, распредѣляютъ заработокъ согласно съ существующими предрассудками

и мнимо-экономическими ученіями; это распредѣленіе болѣе справедливо только повидимому, а не на самомъ дѣлѣ. Сторонниками его являются столяры, маляры, каменщики, слесари, жестянщики и рабочіе механическихъ заводовъ.

Однако, уставы всѣхъ этихъ рабочихъ обществъ ставятъ условіемъ, что доля каждаго будетъ временно-ограничена строго необходимымъ, для того, чтобы имѣть возможность употребить болѣешую часть общей выручки (обыкновенно двѣ трети) на пріобрѣтеніе матеріала и необходимыхъ инструментовъ, а также на образованіе оборотнаго капитала, который дозволилъ-бы ассоціаціи въ возможно-скоромъ времени закупать все на чистыя деньги.

Всѣ вообще согласны, чтобы въ случаѣ барышей, болѣшая часть ихъ предоставлялась въ распоряженіе новыхъ рабочихъ группъ, которыя, въ свою очередь, пожелаютъ работать сообща.

Эта послѣдняя статья ихъ уставовъ, какъ ни призрачна она, во всякомъ случаѣ, служитъ доказательствомъ чувства солидарности, возникающаго въ умахъ рабочаго люда.

Какой громадный шагъ впередъ сдѣланъ, въ этомъ отношеніи, за послѣдніе годы, и какая разница въ томъ духѣ, который еще недавно одушевлялъ единственныхъ, прежде извѣстныхъ группъ, ставившія себѣ цѣлью исключительное обезпеченіе интересовъ своей корпораціи.

До сихъ поръ, дѣйствительно, различные союзы, носившіе названіе *devoirs* овъ и совокупность которыхъ составляла прежній *компаньонажъ* (Compagnonage), были пропитаны самыми эгоистическими стремленіями и опирались на самыя грубыя и сильно-мистическія начала.

Ихъ общее происхожденіе основано было на преданіи о царѣ Соломонѣ и его извѣстномъ храмѣ. Каждый отдѣлъ считалъ себя единственно-достойнымъ наименованія «вѣрнаго слуги» знаменитаго монарха и обвинялъ соперниковъ въ узурпаціи и подлогѣ. По этой-то причинѣ союзы считали себя обязанными вступать, во имяэтой безсмысленной претензіи, въ самыя недѣльные и кровавые бои. Вооружась длинными, подбитыми желѣзомъ палками, эти «блуждающіе волки», просто «волки», «лютые» (*dévorants*), «гавоты» и т. д. бросались другъ на друга съ истинно-звѣрскою свирѣпостью, нерѣдко убивали, и покидали поле сраженія только послѣ появленія полиціи, которая, оставивъ ихъ «позабавиться» нѣкоторое время, начинала гоняться за ними и восстанавливала порядокъ, задерживая самыхъ отчаянныхъ, которые и отправлялись въ тюрьму или даже на каторгу.

Не разъ случалось, что соперничающіе отдѣлы, принадлежавшіе къ одному и тому-же ремеслу, намѣревались взаимно

устранить другъ друга изъ городовъ, гдѣ встрѣчались, чтобы присвоить себѣ монополію работъ, которыя будутъ тамъ производиться, забывая о «святомъ евангельскомъ братствѣ», которыми, какъ они заявляли, были проникнуты.

Грубая, тиранническая іерархія, преслѣдованіе узкихъ эгоистическихъ интересовъ, дикое, даже звѣрское соперничество между рабочими одной профессіи, но различныхъ союзовъ, таковы были главныя черты, отличавшія способы огражденія себя отъ слишкомъ тяжелаго гнѣта хозяевъ, употреблявшіеся французскими рабочими въ прежнее время.

Но если, несмотря на грубое несовершенство этихъ средствъ, пролетаріи могли возвыситься до понятія о болѣе справедливомъ и высокомъ социальномъ устройствѣ, то чего можно ждать отъ нихъ теперь, когда духъ солидарности, замѣняя скотскую ненависть, порожденную компаньонажемъ, двинетъ ихъ на истинный путь къ освобожденію и во сто разъ умножитъ энергію, съ которой они устремятся къ этой цѣли?

Будемъ-же, однако, справедливы къ компаньонажу и замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ союзахъ уже встрѣчались слѣды довольно широкаго пониманія социальнаго равенства.

Такъ, напримѣръ, въ обществѣ плотниковъ, носившихъ названіе «Дѣтей отца Субиза» (названіе, основанное на какой-то нелѣпой баснѣ) и іерархическое устройство котораго было крайне грубо (члены этого общества имѣли право бить кандидатовъ въ члены и даже дѣлать ихъ своими слугами), мы видимъ учрежденіе равенства заработной платы, на томъ основаніи, говоритъ уставъ, «что неискусный рабочій можетъ обладать не меньшимъ аппетитомъ чѣмъ искусный, а такъ-какъ его неискусность сдѣлаетъ его пригоднымъ лишь для болѣе грубой и тяжелой работы, а по тому самому онъ болѣе другихъ рискуетъ остаться безъ занятія, то онъ и болѣе заинтересованъ приложить все свое стараніе къ тому, чтобы сдѣлаться искуснѣе и лучше работать»*).

Я знаю не одного ученаго экономиста, неспособнаго разсуждать такъ правильно какъ эти рабочіе-плотники.

Слѣдуетъ замѣтить также, что тѣ немногіе изъ членовъ старыхъ союзовъ, которые вышли изъ нихъ (убѣдившись въ неспособности ихъ къ преобразованію) и вступили въ ассоціаціи, отличаются обыкновенно болѣею энергіей и преданностью дѣ-

*) Выдержка изъ сочиненія Агрияколы Пердигье о компаньонажѣ. „Le Compagnonage“ par Agricole Perdiguier.

лу, но проявляютъ склонность къ авторитарнымъ идеямъ; почти всѣ они принадлежатъ къ икарійской школѣ.

По всей вѣроятности это и будетъ подводнымъ камнемъ, о который сокрушатся нѣкоторыя изъ группъ.

На этотъ несчастный путь вступили въ особенности тѣ изъ ассоціацій, которыя нашли нужнымъ не отказываться отъ матеріальной поддержки, которую національное собраніе вотировало въ пользу ассоціацій, вѣроятно въ надеждѣ заставить забыть суровыя мѣры, принятыя по его распоряженію.

Подъ предлогомъ, что въ силу этой ссуды государство приобрѣтало право вмѣшательства въ ихъ управленіе, всѣ воспользовавшіяся ссудой ассоціаціи должны были подчиниться назначенію управляющаго, который является единственно-отвѣтственнымъ лицомъ предъ заимодавцемъ, и который, въ свою очередь въ силу этой отвѣтственности, склоненъ освободиться отъ контроля своихъ товарищей по ассоціаціи; отсюда до патроната одинъ шагъ и на это уже жалуется немалое число рабочихъ.

Вникнувъ нѣсколько въ это дѣло, не трудно, впрочемъ, понять, что даже при полномъ успѣхѣ и преодоленіи всѣхъ препятствій, противопоставляемыхъ имъ настоящимъ экономическимъ строемъ, самый этотъ успѣхъ будетъ очевиднымъ доказательствомъ того, что не этимъ путемъ прекратится эксплуатація челоуѣка челоуѣкомъ. Въ лучшемъ случаѣ это будетъ приобщеніемъ лишь нѣкоторыхъ къ преимуществамъ капитала, между тѣмъ какъ дѣло идетъ объ ихъ упраздненіи. Они не въ состояніи будутъ сами избѣгать дѣйствія экономическаго закона заработной платы, а не только уничтожить причину бѣдствія, — наемный трудъ.

Дѣйствительно, поставленные, подобно всякому буржуазному предпріятію, въ альтернативу, въ случаѣ успѣха, или отказаться отъ расширенія круга заказчиковъ, — что повредило-бы имъ въ будущемъ, — или безъ ограниченія увеличивать количество своихъ членовъ, — что привело-бы къ раззоренію, въ случаѣ неминуемой безработицы, — ассоціаціи принуждены будутъ, во избѣжаніе этого двойного неудобства, довольствоваться временнымъ приѣмомъ помощниковъ, которые, не участвуя въ рискѣ, очутились-бы, по отношенію къ дающимъ имъ работу ассоціаціямъ, совершенно въ томъ-же положеніи какъ рабочіе во всякомъ буржуазномъ предпріятіи, т. е. въ положеніи простыхъ наемниковъ. Наконецъ, подвергаясь роковому дѣйствію закона спроса и предложенія, онѣ пришли-бы ко взаимной конкуренціи и къ пониженію стоимости продуктовъ, тяжесть котораго пала-бы на заработную плату. Итакъ, частичная ассоціація будетъ ничѣмъ

инимъ какъ многоголовымъ патронатомъ. Нѣкоторое количество пролетаріевъ увеличить собою ряды буржуазіи,—вотъ и все.

Но все это едва начинаютъ еще сознать, а такъ какъ этотъ способъ группировки, несмотря на свои несовершенства, все-таки удобнѣе и совершеннѣе компаньонажа, то эта первая проба экономическаго освобожденія не останется безъ пользы. Самая неудача ея докажетъ рабочимъ неотложность сплоченіи ихъ интересовъ на болѣе широкой и общей почвѣ; она приучитъ также членовъ ассоціаций къ отчетливому сознанію административныхъ нуждъ всякаго предпріятія, а это сознаніе для нихъ совершенно необходимо. Поэтому-то ихъ усилія заслуживаютъ полнаго сочувствія; можно сказать даже, что они одни способны отнынѣ сосредоточить на себѣ вниманіе друзей истинной республики.

* * *

Февраль, 1849 г.

Я, въ свою очередь, сдѣлался членомъ ассоціаци. По моей ассоціаци не придется опасаться неограниченнаго увеличенія числа своихъ членовъ, если, какъ мы надѣемся, на нашъ призывъ откликнется всѣ тѣ, кто въ ней заинтересованъ.

Дней восемь тому назадъ, читая газету Прудона «*La Voix du peuple*», я нашелъ тамъ, подъ рубрикой ассоціаций, объявленіе, въ которомъ гражданинъ П***, свободный преподаватель въ кварталѣ Бредъ, приглашалъ своихъ товарищей на собраніе, имѣвшее цѣлью выработку основаній для общества народнаго образованія.

Прибывъ на собраніе, я нашелъ тамъ около тридцати членовъ, въ томъ числѣ двухъ дамъ, которыхъ мнѣ приходилось уже встрѣчать въ клубахъ, гдѣ занимались преимущественно социальными вопросами. Это были: г-жа Полина Роланъ, пріятельница Пьера Леру и г-жа Жанна Деруэнъ.

На собраніи замѣчалось два, рѣзко-отличавшихся одинъ отъ другаго, элемента.

Наиболѣе многочисленный изъ нихъ, отвѣчая на призывъ гражданина П***, имѣлъ въ виду устройство своихъ дѣлишекъ, а именно—достиженіе соглашенія между преподавателями, членами новаго общества, въ силу котораго они обязались-бы не конкурировать другъ съ другомъ и поднять, если возможно, плату за уроки.

Нѣкоторая организація сопротивленія іезуитскимъ учрежденіямъ казалась имъ вънцомъ предпріятія.

Другая часть собранія, состоявшая изъ десяти членовъ, не болѣе, и въ числѣ которой находились: гражданинъ П***, г-жи Полина Роланъ и Жанна Деруэнъ, одинъ католикъ-вольтеріанецъ (?), одинъ католикъ-прудонистъ и я,—признавая полную законность выраженаго нашими товарищами намѣренія улучшить экономическое положеніе свое путемъ ассоціаціи, сверхъ того настаивала на томъ, что предполагавшаяся группа должна была озаботиться преимущественно изысканіемъ основаній и средствъ для организаціи преподаванія, болѣе сообразнаго съ данными современной науки и социальными требованіями, связанными съ нашимъ понятіемъ о республикѣ. Изъ этого слѣдовало, что, принимая въ соображеніе необходимость для каждаго изъ насъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, подобно всѣмъ прочимъ рабочимъ, намъ преимущественно слѣдовало изучить практическія средства примѣненія этого преподаванія, послѣ чего мы-бы обсудили и приняли программу, а равно и согласились-бы относительно педагогическихъ методовъ. Наконецъ, чтобы точнѣе опредѣлить нашу цѣль, мы предложили назвать нашу группу «Ассоціаціей преподавателей социалистовъ».

При такомъ заявленіи, наши противники, которые, по живописному выраженію одного изъ нихъ, стремились сгруппироваться лишь для того, чтобы «пасть немного получше», отвѣчали намъ, что не имѣютъ ни малейшаго желанія слѣдовать за нами по столь опасному и въ особенности такъ мало выгодному пути.

Они посѣщали насъ покинуть. Будутъ-ли они «пасть» отъ этого лучше? Едва-ли. Но намъ безъ нихъ будетъ удобнѣе. Мы избавляемся отъ бесполезныхъ преній, которыя заставили-бы потерять много времени.

Немедленно послѣ ихъ удаленія, рѣшили сдѣлать новый, болѣе ясный призывъ къ представителямъ учебнаго міра, чтобы попытаться завербовать новыхъ членовъ, болѣе сознающихъ цѣль, къ которой слѣдовало стремиться. А до тѣхъ поръ, гражданину П***, г-жамъ Роланъ и Деруэнъ и мнѣ было поручено разработать проектъ устава, для того, чтобы наша ассоціація могла пріобрѣсть легальный характеръ и не подпала-бы подъ 290 и 291 статьи придуманнаго буржуазными республиканцами закона якобы противъ такъ-называемыхъ тайныхъ обществъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы положить предѣлъ какому-бы то ни было попыткамъ рабочихъ противъ эксплуатаціи капиталистовъ.

* * *

3-го апрѣля 1849 г.

Недовольные еще тѣмъ, что въ теченіи девяти мѣсяцевъ заставили приговорить къ каторжной работѣ или къ долговому заключенію самыхъ мужественныхъ изъ іюньскихъ инсургентовъ, что успѣли даже гильотинировать, вопреки декрету 25-го февраля 1848 г. (отмѣнявшему смертную казнь), двухъ изъ нихъ Дэ (Daix) и Лара (Lahr), приговоренныхъ за убійство генерала Бреа ¹⁾, старые прихлебатели Луи Филиппа только-что увѣнчали зданіе своей ненависти къ тѣмъ, на которыхъ смотрятъ какъ на главныхъ виновниковъ того, что г. Руэръ (плохой адвокатиска изъ Оверни) называетъ уже не иначе какъ «февральской катастрофой».

Въ Буржѣ только-что окончился процессъ 15-го мая. Послѣ 25-ти дней непрерывныхъ, а иногда даже двойныхъ засѣданій (7-го марта и 2-го апрѣля), Верховный жюри призналъ всѣхъ пользовавшихся извѣстностью обвиняемыхъ виновными въ попыткѣ ниспроверженія существующаго правительства и въ возбужденіи къ гражданской войнѣ.

Барбесъ и Альберъ (присутствовавшіе) и Луи-Бланъ и Косидьеръ (отсутствовавшіе) приговорены къ вѣчной ссылке! Бланки—къ десяти-лѣтнему заключенію. Распайль—къ шести и Собрію—къ семи годамъ заключенія. Флоттъ—поварь, пріятель Бланки—къ пяти.

Генералъ національной гвардіи Куртэ, обвиненный въ томъ, что помѣшалъ мобиліямъ стрѣлять по манифестантамъ, былъ оправданъ только вслѣдствіе того, что отрицалъ все и не особенно достойнымъ образомъ. Признали, что онъ растерялся и самъ не зналъ тогда, что дѣлалъ.

Шестьдесятъ присяжныхъ, тщательно подобранные изъ крупной буржуазіи каждаго департамента, а также и судьи, составившіе верховный судъ, очень хорошо знали, что за два часа до появленія Гюбера на депутатской трибунѣ, ни одинъ изъ обвиняемыхъ и не думалъ о низложеніи Собранія; хотѣли только заставить его принять болѣе ясно выраженный республиканскій характеръ. Но именно потому и поспѣшили обвинить ихъ.

Но какой урокъ этотъ процессъ!

¹⁾ Разстрѣляны вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Манженомъ группою инсургентовъ, которыхъ онъ старался занять лживыми обѣщаніями, съ цѣлью дать время войскамъ обойти баррикады и застать врасплохъ борцовъ, ждавшихъ съ полнымъ довѣріемъ результатовъ свиданія, имъ самимъ предложеннаго.

Какъ умѣли обвиняемые пролить истинный свѣтъ на мнимыя гарантіи, которыя законъ будто-бы равно даруетъ всѣмъ гражданамъ! Какъ рельефно выставили они всѣ противозаконности, всѣ несправедливости, якобы освящаемыя закономъ! И съ какою страшною правдою обнажилъ этотъ процессъ низость чувствъ и лицемѣріе буржуазно-республиканской партіи, которая видѣла въ торжествѣ республики исключительно лишь торжество своихъ интересовъ, стремленія къ власти и ненасытной жажды богатства и преимуществъ.

Уже съ перваго засѣданія, Бланки началъ протестовать противъ дѣйствій прокурорской власти, воспользовавшейся неподписанными и не предъявленными обвиняемымъ документами и построившей на нихъ именно ту часть обвиненія, которая всего болѣе способна была произвести неблагоприятное впечатлѣніе на присяжныхъ, — впечатлѣніе, противъ котораго обвиняемые были поставлены въ невозможность реагировать.

Затѣмъ Барбесъ заявилъ отъ своего имени, а также и отъ имени друга своего Альбера, что они оба отказываются отъ защиты, такъ-какъ верховный судъ, какъ и всякое политическое судилище, «представляетъ лишь право сильнаго». И онъ прибавилъ: «если-бы побѣда осталась за нами 15-го мая, то вы, судьи и присяжные, признали-бы наше правительство, точно также какъ признали то, которое установилось 24-го февраля».

На слѣдующемъ засѣданіи Альберъ и Барбесъ, вновь отказавшіеся явиться въ залу суда, были приведены туда насильно, жандармами, по приказанію предсѣдателя.

Впрочемъ, и всѣ остальные протестовали противъ исключительной юрисдикціи верховнаго суда, такъ-какъ спеціальныи законъ, его учреждающій, изданъ былъ позднѣе тѣхъ фактовъ, которые онъ призванъ былъ судить, и, слѣдовательно, нарушался принципъ необратности дѣйствія закона.

Но судъ, состоявшій, однако-же, изъ выдающихся юристовъ (всѣ они принадлежали къ кассационному суду), не обратилъ никакого вниманія на эти заявленія.

Всѣ члены февральскаго правительства, одинъ за другимъ, являлись и давали показанія *противъ* обвиняемыхъ. Ни въ одномъ изъ нихъ не заговорила совѣсть, ни одинъ не устыдился своей роли предъ этими прежними судьями Луи Филиппа и генеральнымъ прокуроромъ Барошемъ, этимъ перебѣзчикомъ изъ либеральнаго лагеря, сдѣлавшимся послушнымъ орудіемъ мести своихъ прежнихъ противниковъ; ни у одного изъ этихъ людей не хватило ума и сердца предъ лицомъ торжествующей

реакціи, державшей въ рукахъ своихъ судьбу преданнѣйшихъ сыновъ республики, не хватило мужества попросить прощенія у прежнихъ товарищей по борьбѣ, которыхъ они предали подобнымъ судьямъ!

Мало того: одинъ изъ нихъ, «добродѣтельный и суровый» Франсуа Араго не постыдился повторить предъ судомъ, что онъ дѣйствительно сказалъ полковнику Гойону, по поводу Собріа, только что переданнаго имъ въ руки этого офицера: «вы отвѣтите за него головою», что, какъ тотчасъ-же замѣтилъ Бланки, было ничѣмъ инымъ какъ приказаніемъ убить арестованнаго, въ случаѣ попытки его освобожденія.

Изъ всѣхъ обвиняемыхъ, Бланки держалъ себя съ наибольшимъ тактомъ въ этой юридической комедіи. И понятно, что его способъ защиты не долженъ былъ склонить верховный судъ къ оправданію... Бланки былъ осужденъ. Но зато отнынѣ осуждены и клеветники его. Только глупцы или измѣнники революціи могутъ продолжать послѣ всего этого преслѣдовать Бланки своими подлыми обвиненіями.

* * *

1-е мая 1849 г.

Законодательное собраніе, которое, согласно съ конституціей, должно было заступить мѣсто Учредительнаго, только-что установилось на трехлѣтній срокъ.

Несмотря на сокращеніе численности, пропорціональное отношеніе различныхъ партій не измѣнилось. Однако-же, появился новый, хотя и ничтожный элементъ, повергающій въ страшнѣйшій гнѣвъ гг. монархистовъ. Парижане выбрали въ собраніе двухъ сержантовъ: Буатоля и Ротье, предложенныхъ товарищами по гарнизону, въ Сенскомъ департаментѣ. Ронскій и Нижне-Рейнскій департаментъ прислалъ въ собраніе сержанта-комиссара венсенскихъ стрѣлковъ, и при такихъ-же условіяхъ; наконецъ, второй изъ названныхъ департаментовъ назначилъ также своимъ представителемъ поручика Валентена.

Какъ ни непріятно для правительства это послѣднее назначеніе, по причинѣ республиканскихъ убѣжденій, впрочемъ, весьма умѣренныхъ, этого молодого офицера *), но особенно бѣситъ

*) Г. Валентенъ, вернувшійся во Францію послѣ 4-го сентября 1870 г., умеръ сенаторомъ въ 1879 г. Онъ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ слугъ реакціи 1871 года и сторонниковъ Тьера, при которомъ былъ префектомъ въ Лионѣ.

нашихъ почтенныхъ реакціонеровъ избраніе *трехъ унтеръ-офицеровъ*.

Что станется съ дисциплиной! Можно-ли допускать, чтобы простой сержантъ противорѣчилъ съ трибуны своему военному начальству, какъ, напримѣръ, генераламъ Шангарнье, Ламорисьеру, Кавеньяку и другимъ? Погибла армія! кричатъ друзья порядка.

Напротивъ того, мы ликуемъ по поводу этихъ выборовъ, которые, какъ надѣются, расположатъ армію въ пользу республики, въ случаѣ новаго столкновенія. Но на это отвѣтитъ будущее.

Для меня самое интересное въ этихъ выборахъ назначеніе нѣсколькихъ рабочихъ, что, впервые, даетъ возможность рабочимъ обращаться къ странѣ съ высоты парламентской трибуны. Въ учредительномъ собраніи ихъ засѣдало только четверо, изъ которыхъ трое не могли даже считаться рабочими въ строгомъ смыслѣ. Одинъ Агриколь Пердигье—наемный рабочій; но скульпторъ Корбонъ имѣетъ помощниковъ, работающихъ подъ его управленіемъ и въ его пользу; ткачъ Грeppe изъ Ліона находится въ такихъ-же условіяхъ, давая занятія у себя нѣсколькимъ станкамъ; наконецъ, часовщикъ Пепенъ, сотрудникъ Корбона и Пердигье въ органѣ неокатоликовъ «l'Atelier», работалъ за свой счетъ и былъ настоящимъ хозяиномъ при Луи-Филиппѣ. Изъ этихъ четырехъ полу-рабочихъ только Пердигье въ Парижѣ и Грeppe въ Ліонѣ были выбраны вновь. Крѣзскій департаментъ выбралъ каменьщика Мартена Надо; Луаретскій—слесаря Гилльо; Нижне-Рейнскій—садовника Флигера; Ронскій—ножевщика Фора; Ньеврскій—моего пріятели М***, который, въ качествѣ школьнаго учителя, вполне принадлежитъ къ пролетаріату не только по скудости получаемаго заработка, но и вслѣдствіе тяготящей надъ нимъ учебной, административной и клерикальной іерархіи.

Къ этимъ рабочимъ слѣдуетъ прибавить Пьера Леру, вновь избраннаго Парижемъ, брата его Жюля Леру, избраннаго въ Крѣзскомъ департаментѣ, Феликса Піа—отъ Шерскаго департамента, друга его Гамбона—отъ Ньеврскаго (избраннаго вновь), и Клода Пеллетье—отъ Ронскаго департамента.

Таковъ составъ социалистической группы, на которую, по-видимому, можетъ рассчитывать пролетаріатъ въ законодательномъ собраніи.

Въ общемъ-же можно ожидать, что новое собраніе будетъ еще реакціоннѣе Учредительнаго.

Странное дѣло: Ламартинъ, который былъ избранъ тогда въ

десяти департаментахъ, на этотъ разъ не прошелъ нигдѣ. Зато Викторъ Гюго выбранъ въ Парижѣ, благодаря содѣйствію реакціонной группы «улицы Пуатье». Смѣшная вещь эта политика, право!

* * *

1 іюня 1849 г.

Наконецъ, послѣ четырехъ мѣсяцевъ обсужденія и преній, то у гражданина П***, то у г-жи Полины Роланъ, мы выработали уставъ и программу нашего общества. Но дѣло не обошлось безъ затрудненій, и я даже не знаю, буду-ли продолжать участвовать въ этомъ предпріятіи.

Особенно расхожусь я въ мнѣніяхъ съ г-жею Роланъ. Она пришла къ социализму путемъ сенъ-симонизма. Ей было въ то время двадцать-пять лѣтъ (теперь ей сорокъ), и до тѣхъ поръ она не переставала быть глубоко-преданной католицизму.

Человѣкъ пламеннаго ума и проникнутый жаждой справедливости, она долгое время раздѣляла заблужденіе, въ которомъ повиненъ, впрочемъ, и Ламеннэ, а именно, что идея католицизма довольно широка, чтобы доставить народу, подъ эгидой папства, вѣрное убѣжище и достаточно сильную охрану противъ социальныхъ несправедливостей, жертвой которыхъ ему слишкомъ часто приходится быть.

Но неспособная къ подчиненію религіозной обрядности, Полина Роланъ почувствовала, къ великому отчаянію своему, что вѣра ея колеблется, когда, не задолго до іюля 1830 г., нѣскольکو статей Пьера Леру, напечатанныхъ въ «Globe» (гдѣ онъ былъ корректоромъ), обратили ея вниманіе на ученіе Сенъ-Симона, распространеніе котораго имѣлось въ виду этими статьями.

Переходъ къ сенъ-симонизму былъ тѣмъ легче для г-жи Роланъ, что она нашла въ немъ значительную долю философіи католицизма. Правда, религіозная и социальная іерархія основывались уже на одной любви (воплощеніи христіанскаго милосердія), вмѣсто того, чтобы исходить отъ принужденія и страха, но именно это-то различіе и заставляло ее вѣрить въ возможность того, что называли тогда «временами первобытнаго христіанства». Однако, теоріи Анфантена и нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей, касавшіяся преобразования семьи, заставили ее опасаться, что подъ этими теоріями кроется новый видъ эксплуатаціи женщины, и, пройдя черезъ горькое испытаніе въ своихъ сердечныхъ привязанностяхъ, она послѣдовала за Пьеромъ Леру и его друзьями, когда они рѣшили отдѣлится отъ нихъ послѣ

смерти Базара, яростнаго, но не счастливаго противника Анфантена, въ дѣлѣ толкованія доктрины учителя.

Къ сожалѣнію, тотъ расколъ не былъ обусловленъ самою сущностью религіозныхъ идей Сенъ-Симона, раздѣляемыхъ многими вождями социалистовъ и продолжателями ученія Бабёфа, такъ-какъ всѣ они признавали христіанство за основу новаго социальнаго зданія. Богъ и народъ — таковъ лозунгъ, который предлагагася французскимъ социалистамъ-революціонерамъ, подобно тому какъ Мадзини предлагагаль то-же самое для Италіи. Такимъ образомъ, руководящимъ мотивомъ являлось по-прежнему чувство, т. е. тотъ роковой путь, который всегда приводитъ къ эксплуатаціи управляемыхъ тѣми, кто ими управляетъ. По поводу этихъ-то взглядовъ на социальную революцію, возникли горячіе споры между мною, г-жею Роланъ и ея друзьями. Эти споры не разъ заставляли меня уходить отъ нея, съ намѣреніемъ никогда не возвращаться и выйти изъ общества.

А между тѣмъ, я опять и опять возвращался, невольно прикованный обаяніемъ, которое имѣли для всѣхъ насъ глубокая преданность этой женщины нашему дѣлу, ея симпатичный умъ и непоколебимая доброта.

Дѣйствительно, я не могу понять, какъ социалисты настаиваютъ на основаніи новаго социальнаго строя на какой-бы то ни было религіозной идеѣ, которая логически должна привести къ отрицанію свободы и равенства. Но такого мнѣнія въ нашей группѣ держался я одинъ, и, желая все-таки принять участіе въ предпріятіи, могущемъ служить превосходнымъ средствомъ пропаганды, я рѣшился подписать, какъ членъ редакціонной коммисіи, не только проектъ устава нашего общества, сходный съ уставами всѣхъ прочихъ ассоціацій, но и программу преподаванія, несмотря на религіозныя тенденціи, которыми она была пропитана, и несмотря на *profession de foi*, которой она начинается и гдѣ мы объявляли, что «вѣра въ Бога есть источникъ всякой жизни».

Эта *profession de foi*, внушенная сочиненіемъ Леру «L'Humanité», заключаетъ въ себѣ въ сущности слѣдующее: вѣру въ Бога, единство человѣческаго рода, всеобщее братство и солидарность, равенство между всѣми человѣческими существами, безъ различія пола, безконечную способность человѣка и человечества къ усовершенствованію, свободную, братскую и равенственную ассоціацію, братство между отдѣльными націями, образующими какъ-бы единую семью, верховную власть народа, республиканскую форму, вѣчность семьи, приведенной въ гармонию свободой всѣхъ ея членовъ, равенство всѣхъ общественныхъ функцій, право

полнаго развитія всѣхъ своихъ способностей для каждаго изъ членовъ социальнаго тѣла, — трудъ — какъ право и обязанность для всѣхъ.

Что касается программы воспитанія и образованія, то, если не ошибаюсь, она первая имѣла въ виду гармоническое развитіе способностей индивидуума. Эта программа обнимаетъ періодъ отъ рожденія до восемнадцати-лѣтняго возраста, когда воспитанникъ, вполне освобожденный общимъ образованіемъ и способный уже принять участіе въ коллективномъ производствѣ, могъ продолжать безконечное развитіе свое при помощи свободно выбранной профессіи и спеціальнаго изученія ея требуемаго.

Этотъ восемнадцати-лѣтній періодъ подраздѣлялся на шесть другихъ, по три года каждый, которые и распредѣлялись такъ, чтобы образовать истинное единство въ общей сложности пріобрѣтенныхъ знаній.

Это мы называли «гуманитарными науками социализма», которыя должны были замѣнить мнимо-гуманитарныя науки нынѣшнихъ университетовъ.

Нѣсколько университетскихъ профессоровъ, граждане: Детанель, Амедей Жакъ, Каталанъ, потерявшіе мѣста вслѣдствіе слишкомъ крайнихъ республиканскихъ мнѣній своихъ, приходили къ намъ побесѣдовать о нашемъ проектѣ. Быть можетъ, они и примкнули-бы, если-бы не боялись окончательнаго разрыва съ университетомъ. Итакъ, будемъ довольствоваться ихъ платоническимъ сочувствіемъ и поддержкой.

Нашъ другъ П*** и я обращались къ одному юристу, чтобы узнать его мнѣніе о юридическомъ характерѣ нашего существованія, какъ гражданскаго и промышленнаго общества, не имѣя ни малѣйшаго желанія подвергаться дѣйствию 290 и 291 статей уголовного кодекса и не желая также просить объ утвержденіи насъ «нравственной личностью», въ чемъ, впрочемъ, намъ навѣрное и отказали-бы.

Гражданинъ Мадье де-Монжо, депутатъ отъ департамента Соны и Луары, уже успѣвшій пріобрѣсть извѣстность на адвокатскомъ поприщѣ блестящей защитой въ различныхъ политическихъ процессахъ, объявилъ намъ, что, несмотря на предосторожности, принятыя нами въ уставѣ и дѣйствительно придающія нашему обществу надлежащій юридическій характеръ, его все-таки будутъ преслѣдовать болѣе всѣхъ прочихъ ассоціацій, въ силу самой цѣли нами преслѣдуемой. Это, по крайней мѣрѣ, ясно, а такъ-какъ намъ предстоитъ серьезная борьба, то мнѣ уже не приходится выходить изъ общества, несмотря на глубо-

кое различіе, отдѣляющее меня отъ товарищей въ дѣлѣ религиозныхъ вѣрованій.

* * *

14 іюня 1849 г.

Луи-Бонапартъ одержалъ новую побѣду надъ республиканцами, не подвергая себя ни малѣйшему риску, такъ, что день 13 іюня подготовилъ ему путь и въ то-же время выставилъ въ смѣшномъ видѣ республиканскую партію, которая глупѣйшимъ образомъ связала себя по вопросу внѣшней политики, мало-понятному для массы.

Начиная съ ноября прошлаго года, когда кавеньякисты были еще у кормила, они, въ видахъ пріобрѣтенія расположенія духовенства во время президентскихъ выборовъ, стали предлагать Пію IX, бѣжавшему отъ своихъ подданныхъ — принять гостепріимство «старшей дочери церкви», т. е. поселиться во Франціи. Они даже отправили эскадру къ Чивитта-Веккю, для охраненія папы въ томъ случаѣ, если-бы римскіе республиканцы вздумали воспротивиться его отъѣзду. Кавеньякъ и его друзья остались при своихъ пошлыхъ любезностяхъ. Папа не сдѣлалъ имъ чести избрать Францію своимъ убѣжищемъ и предпочелъ ждать лучшихъ дней у своего друга, короля Бомбы въ Неаполѣ. Сдѣлавшись президентомъ, Бонапартъ поспѣшилъ принять на себя почетную роль покровителя папы и отправилъ нашу армію для задушенія юной римской республики. Оправдаться ему было не трудно, такъ-какъ онъ дѣйствовалъ въ интересахъ католической Франціи и къ тому-же могъ всегда указать на прецедентъ, созданный самими республиканцами.

При подобныхъ обстоятельствахъ весьма удобно было-бы въ парламентѣ указать на ту или иную статью конституціи и доказать, что ее нарушилъ президентъ республики. Но коль скоро большинство депутатовъ, которымъ было поручено разобрать вопросъ, отвѣчало, что нарушенія не существуетъ, то трудно было уже возбудить по этому поводу населеніе Парижа и цѣлой Франціи, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія начались, и шовинизмъ, которому мы такъ подвержены, превратилъ конституціонный вопросъ въ дѣло національной чести. — Сверхъ того, для большаго усложненія этого дѣла, признанный глава французской протестантской партіи въ законодательномъ собраніи, А. Коверель, поспѣшилъ подать голосъ въ пользу возстановленія свѣтской власти папы въ Римѣ. Это обстоятельство въ значительной степени смягчало іезуитскій характеръ римской

экспедиціи. Но намъ еще придется познать силу протестантскаго іезуита, кого-бы онъ ни считалъ своимъ родоначальникомъ, Лютера или Кальвина.

Наконецъ, третья и не послѣдняя причина неуспѣха присоединилась къ двумъ остальнымъ. Это санитарное положеніе Парижа.

Вотъ уже три недѣли какъ холера вторично появилась у насъ, и въ Парижѣ умираетъ отъ нея до 2,100 человекъ въ день. Третьяго дня, 12-го, я насчиталъ 27 гробовъ, вынесенныхъ изъ сосѣднихъ съ нашимъ домовъ, несмотря на то, что мы живемъ въ Люксамбургскомъ кварталѣ, т. е. въ одномъ изъ самыхъ здоровыхъ въ Парижѣ.

Въ такую-то минуту Ледрю Ролленъ и Араго (Этьенъ) пытались вызвать движеніе. Хорошаго можно ожидать немного, такъ-какъ безхарактерность Ледрю была доказана, а образъ дѣйствій Араго въ февралѣ и іюнѣ 1848 г. едва-ли можетъ внушать довѣріе. Назначена была манифестація на 13 іюня, причемъ приглашали желающихъ принять участіе «явиться безъ оружія». Несмотря на то, что ничего благопріятнаго не предвидѣлось, мои друзья и я рѣшили отправиться на манифестацію, имѣя въ виду примкнуть къ тѣмъ, кто попытался-бы дать ей надлежащее направленіе. Мы отчасти рассчитывали на нѣкоторые полки, которые, удовлетворенные избраніемъ въ депутаты унтеръ-офицеровъ Буатоля и Роттье, нѣкоторымъ образомъ, обѣщали присоединиться къ намъ, при первомъ случаѣ, который представится. Но не успѣла колонна манифестантовъ дойти до церкви Св. Магдалины (сборнымъ пунктомъ былъ Шато д'О), какъ ее остановили войска, подъ начальствомъ Шангарнье, который и велѣлъ ударить въ штыки, безъ всякихъ предварительныхъ заявленій. Сопrotивленіе было невозможно. Сдѣлавъ тщетную попытку построить баррикады изъ столовъ и стульевъ сосѣднихъ кафе, мы принуждены были разсыпаться по сосѣднимъ улицамъ, призывая «къ оружію», но напрасно. Въ три часа пополудни, въ музей искусствъ и промышленности, гдѣ засѣдали «en reglemente» Ледрю и нѣсколько представителей «Горы», (Крайняя лѣвая собранія), нахлынула полиція и муниципальная гвардія. Всѣ находившіеся тамъ были задержаны, за исключеніемъ Ледрю и немногихъ товарищей его, которымъ удалось скрыться. Въ тотъ-же день Ледрю Ролленъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ уже находились Луи Бланъ и Коссидьеръ, съ августа 1848 г.

Эта несчастная исторія поможетъ собранію и правительству избавиться, наконецъ, отъ тѣхъ, кто еще могъ, до нѣкоторой степени, внушать имъ опасенія.

Депутаты Анстетъ, Араго (Этьеннъ), Авриаль, Бейеръ, Боатоль, Кантагрель, Консидеранъ (Викторъ), Демонтри (Джемсъ), Ландольфъ, Ледрю Ролленъ, Мартенъ Бернаръ, Менанъ, Піа (Феликсъ), Флигеръ и Ротье—бѣжали. Аллиръ Бюронъ, Бохъ, Компесэръ, Девиаль, Фарженъ-Файолль, Гамбонъ (Фердинандъ), Гинаръ, Ламазьеръ, Мэнъ (Жюль), Сюше и Вотье—арестованы, причеъ товарищи ихъ по законодательному корпусу, немедленно подтвердили арестованіе, вопреки неприкосновенности, даруемой депутату конституціей.

Двадцатью-шестью республиканскими депутатами, и притомъ наиболѣе вліятельными, стало менѣе; сверхъ того, не малое количество друзей, въ томъ числѣ: Делеклюзъ и Рибейроль и два талантливыхъ и преданныхъ дѣлу журналиста принуждены были также бѣжать,—вотъ во что обошелся намъ этотъ негѣпый день 13-го іюня.—Нѣтъ, уже довольно. Въ другой разъ меня не заставятъ принять участіе въ манифестаціи «безъ оружія въ рукахъ».

* * *

Іюнь, 1849 г.

Теперь не въ одной улицѣ du Вас провожу я свои слишкомъ частые досуги, причиняемые застоємъ въ дѣлахъ нашей бѣдной республики, съ ея принцемъ-правителемъ.

Мой пріятель М***, сдѣлавшись депутатомъ, поселился въ меблированной квартирѣ въ кварталѣ Маделэнъ, вмѣстѣ съ товарищами своими, депутатами того-же департамента — Міо и Гамбономъ. Этотъ послѣдній, къ сожалѣнію, только-что арестованъ, по дѣлу 13-го іюня. Близость этой квартиры къ законодательному корпусу, безъ сомнѣнія, удобна, такъ-какъ позволяетъ терять менѣе времени въ ходбѣ на засѣданія, но мнѣ неволью думается, что лучше было-бы нашимъ депутатамъ поселиться въ рабочихъ кварталахъ, чѣмъ среди банкировъ и крупныхъ собственниковъ, исключительно преданныхъ порядку и, въ особенности, орлеанизму. Кто знаетъ, не пострадаетъ-ли безопасность республики отъ такого отдаленія республиканскихъ депутатовъ въ день какой-нибудь западни?

Но если кварталъ выбранъ неудачно, зато хозяйка дома, по видимому, вполне предана нашимъ друзьямъ.

Фердинандъ Гамбонъ еще молодъ. Ему не болѣе тридцати лѣтъ. По окончаніи имъ юридическаго образованія, нѣкоторые изъ вліятельныхъ родственниковъ его доставили ему мѣсто въ коссскомъ судѣ. Но едва успѣлъ онъ вступить въ должность въ

іюнь 1847 г., какъ, присутствуя на банкетѣ, организованномъ въ честь избирательной реформы, догадался предложить тостъ въ честь республики! Пришлось подать въ отставку, что онъ и сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ, избавляя себя отъ претившей ему профессіи. Въ слѣдующемъ году февральская революція послала его въ учредительное собраніе, гдѣ онъ постоянно подавалъ голосъ за права народа.

Это пресимпатичный человѣкъ. Въ его глазахъ свѣтитсѣ доброжелательство и отчасти лукавство. Онъ сохранилъ деревенскую простоту нравовъ, среди которыхъ онъ родился и выросъ. Нигдѣ не чувствуетъ онъ себя такъ хорошо какъ въ деревнѣ, среди крестьянъ. Однако, онъ не заразился отъ нихъ ни грубостью, ни жадностью къ деньгамъ. Его умъ развился отъ общенія съ людьми гораздо болѣе, чѣмъ отъ университетской науки, и естественнымъ образомъ направился къ соціально-революционнымъ идеямъ, явившимся продолженіемъ идей республиканскихъ, вслѣдствіе его природнаго добродушія и чувства справедливости. Встрѣчу съ этимъ человѣкомъ я считаю одною изъ самыхъ счастливыхъ встрѣчъ въ моей жизни. Гражданина Міо я зналъ уже ранѣе, по причинѣ довольно забавнаго происшествія, доставившаго тему для одного изъ остроумнѣйшихъ памфлетовъ Клода Тиллье, соперника Поля Луи Курье, но менѣе извѣстнаго. Его памфлеты, не менѣе остроумные, но болѣе популярныя, были задушены молчаніемъ газетъ, несравненно болѣе склонныхъ прославлять сочиненія человѣка, прежде всего преданнаго буржуазнымъ учрежденіямъ. Гражданинъ Міо былъ аптекаремъ въ Десизѣ и, благодаря дѣятельной республиканской пропагандѣ, сдѣлался *bête noire* трехъ Дюпеновъ (Dupin) бывшихъ либераловъ, а затѣмъ раболѣпнѣйшихъ слугъ іюльской монархіи ¹⁾. Однажды Міо приобрѣлъ у старьевщика двѣ маленькія камнеметныя мортіры съ лафетами и возымѣлъ странную фантазію придѣлать ихъ у входа въ загородный домикъ свой, находившійся какъ-разъ напротивъ замка трехъ братьевъ, возвышавшагося на холмѣ, по ту сторону дороги.—Дюпены заволновались. Имъ уже чудилось, что эти страшныя орудія изрыгаютъ картечь на ихъ владѣнія и даже на ихъ почтенныя особы!

¹⁾ Филиппъ Дюпенъ—членъ кассационнаго суда. Просто Дюпенъ—адвокатъ и депутатъ. Извѣстенъ своими юридическими свѣденіями и находчивостью въ отвѣтахъ, приправленной почти циническою грубостью, впрочемъ, всегда рассчитанной и которая доставила ему совершенно не заслуженную репутацію искренности. Въ настоящую минуту онъ президентъ законодательнаго собранія. Наконецъ, Шарль Дюпенъ, бывшій пэръ Франціи, профессоръ математики, отъявленный клерикалъ и отличавшійся глупостью, обратившеюся въ поговорку.

Немедленно было донесено о смертоносныхъ намѣреніяхъ Міо. Результатомъ послѣдовавшаго затѣмъ процесса былъ громкій смѣхъ. Міо оправдали, но Дюпены были увѣковѣчены жестоко осмѣявшимъ ихъ Клодомъ Тилле. Популярность Міо быстро возрасла, и забавное происшествіе несомнѣнно содѣйствовало его избранію въ учредительное собраніе. Полагаютъ даже, что Дюпены, все болѣе и болѣе шалѣвшіе отъ февральской революціи, помогли ему на выборахъ, предпочитая услатъ въ Парижъ своего ужаснаго врага.

Несмотря на суровую наружность и длинную бороду, гражданинъ Міо прекрасный человекъ. Онъ отличается прямою, искренностью убѣжденій и безкорыстіемъ. Сверхъ того, весьма услужливъ по отношенію къ друзьямъ и политическимъ единомышленникамъ.

Въ томъ-же домѣ живетъ молодой музыкантъ-республиканецъ, большая рѣдкость въ музыкальной профессіи. Эдуардъ Л*** весьма неглупый малый, нѣсколько «женственнаго темперамента», какъ выразился-бы Прудонъ. Онъ усердно старается освободиться отъ буржуазныхъ предрасудковъ, среди которыхъ принуждаетъ его жить профессія. Если это и не всегда удается ему, то не по недостатку старанія.

По четвергамъ у него собираются товарищи - музыканты: Эдмонъ М***, піанистъ и доровитый композиторъ; Арм***, скрипачъ, ученикъ Аллара и много общающій; Шульгофъ — піанистъ, игра котораго напоминаетъ игру его соотечественника Шопена, и нѣкоторые другіе.

Эти вечера отличаются оживленіемъ. И по временамъ артисты угощаютъ насъ прекраснымъ исполненіемъ какого-либо изъ произведеній великихъ мастеровъ. Я стараюсь пополнить здѣсь пробѣлы моего, увы, крайне—недостаточнаго артистическаго образованія.

* * *

Собранія у г-жи Роланъ, по поводу нашей педагогической ассоціаціи, которыя мы посѣщали довольно часто, доставили мнѣ случай видѣть вблизи многихъ замѣчательныхъ людей. Прежде всего назову Пьера Леру, бесѣда котораго, по своей живости и изумительному разнообразію, неотразимо-привлекательна. Его профессія корректора и затѣмъ переходъ къ сенъ-симонизму, ставили его въ соприкосновеніе съ людьми, принадлежавшими ко всѣмъ возможнымъ общественнымъ слоямъ. Многіе изъ его знакомыхъ сдѣлались важными особами въ правительственномъ мірѣ. Онъ изучилъ ихъ до конца и неистощимъ по части анек-

дотовъ, которые рассказываетъ съ изумительнымъ искусствомъ. Не позволяя себѣ никогда грѣшить противъ истины, онъ съ добродушнымъ лукавствомъ умѣетъ подмѣтить странность или смѣшную сторону, но съ такимъ полнымъ отсутствіемъ злости, что даже тѣ, кого это касается, не могли-бы оскорбиться и, вѣроятно, разсмѣялись-бы, если-бы слышали.

Послѣ Леру поставлю Жюля Віара, одного изъ сотрудниковъ Прудона въ «La Voix du peuple». Это даровитый писатель; онъ пишетъ только о томъ, что тщательно изучалъ, и съ глубокимъ отвращеніемъ относится къ возникающему легковѣсному журнализму, единственная заслуга котораго заключается въ перифразѣ «великихъ принциповъ». Ж. Віаръ остроуменъ и плодовитъ. Онъ постоянно отыскиваетъ капиталиста, могущаго доставить ему двѣсти тысячъ на газету, въ которой онъ могъ-бы писать вполне самостоятельно. Онъ желалъ-бы, оставивъ теоріи и утопіи, поставить социализмъ на практическую почву «путей и средствъ» и посмотреть «какъ это будетъ дѣйствовать». Между прочимъ, онъ намѣревался изложить нѣкоторые проекты сообщеній въ крупныхъ центрахъ, которые были-бы доступнѣе рабочимъ и не заставляли-бы ихъ терять время и силы, отправляясь на работу, которая всегда такъ далека отъ ихъ жилищъ *).

Далѣе идетъ д-ръ Фердинандъ Франсуа, болѣе поэтъ, чѣмъ медикъ. Это человекъ, скрывающій свои высокія качества подъ чрезмѣрной скромностью. Онъ основалъ «Revue Indépendante», единственный социалистическій органъ при Луи-Филиппѣ и затѣмъ былъ устраненъ вслѣдствіе интригъ Паскаля Дюпра, который овладѣлъ этимъ органомъ и потопилъ его. Д-ръ Франсуа положилъ въ этотъ органъ и свое состояніе.

Я встрѣчалъ также у г-жи Роланъ гражданина Пекера, образованнаго коммуниста, автора «Социалистическаго катихизиса», который онъ только-что издалъ въ то время, подъ именемъ Грешпо, ронскаго депутата, сдѣлавшагося знаменитостью со времени легендарнаго голосованія предложенія Прудона **).

*) Віару, быть можетъ, первому пришла въ то время мысль объ устройствѣ желѣзно-копныхъ дорогъ въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ Франціи. Этотъ проектъ былъ осуществленъ вскорѣ послѣ его смерти, въ 1862 году.

**) Вскорѣ послѣ іюньскихъ дней, Прудонъ внесъ въ Учредительное собраніе, членомъ котораго былъ самъ, предложеніе, имѣвшее въ виду не болѣе ни менѣе какъ ликвидацию существующаго общества, по его собственному выраженію, и принятіе котораго принудило-бы каждого собственника, рентьера и т. п. пожертвовать третью часть своего дохода на облегченіе устройства дароваго кредита и учрежденіе банка. Собраніе, не исключая и крайней лѣвой, отвергло это предложеніе единогласно, за исключеніемъ двухъ голосовъ: Прудона и Грешпо, которые выказали большое удивленіе по этому поводу.

Наконецъ, среди постоянныхъ посѣтителей я встрѣчаю, по временамъ, доктора Гепена, изъ Нанта, гдѣ онъ пользуется репутацией искуснаго врача.

Подобно Пьеру Леру, онъ обладаетъ энциклопедическимъ образованіемъ, но ему недостаетъ, быть-можетъ, системы, порядка въ его знаніяхъ. Кто-то изъ нашихъ знакомыхъ находитъ, что онъ производитъ впечатлѣніе опрокинутой бібліотеки. Онъ готовитъ сочиненіе, которое должно пролить новый свѣтъ на социальную революцію и будетъ озаглавлено: «Философія социализма».

Въ этой книгѣ, которая уже печатается, д-ръ Гепенъ старается доказать, что предстоящее социальное преобразование есть необходимое слѣдствіе интеллектуальнаго и физиологическаго развитія человѣческихъ способностей.

«Представляетъ-ли міръ нравственный сколокъ съ міра физическаго? Не имѣлъ-ли онъ своихъ переворотовъ и формаций въ видѣ смѣнявшихъ одна другую цивилизацій? Не управляютъ-ли также умами и сердцами законы притяженія и сродства?» Въ этомъ заключается вопросъ, требующій разрѣшенія, по мнѣнію Гепена. Онъ рѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ, изложивъ общую исторію человѣка и его, становящагося все болѣе и болѣе точнымъ, пониманія окружающихъ явленій, которыя всѣ содѣйствуютъ полному и гармоническому развитію человѣка. Это весьма счастливая мысль — вывести социализмъ изъ сферы чувства и религіи, гдѣ держали его всѣ основатели нашихъ социалистическихъ школъ, за исключеніемъ Фурье. По мнѣнію многихъ, это весьма хорошій признакъ.

Но кромѣ пользы, которую я извлекаю для своего развитія, среди этихъ столь различныхъ людей, я испытываю еще и неотразимую прелесть простоты и оживленія, царящихъ на нашихъ собраніяхъ.

Такъ-какъ мы всѣ вообще бѣдны, какъ церковныя крысы, то случается иногда, что засѣдаемъ въ то время, когда обыкновенно трапезуютъ. Хозяйка дома, въ большинствѣ случаевъ, ничего не можетъ предложить намъ, кромѣ доброй воли. Тогда мы выворачиваемъ карманы и при помощи свободной подписки устраиваемъ *пикникъ*, на которомъ фигурируютъ хлѣбъ, сыръ и колбаса.

Затѣмъ, чтобы полить это роскошное пиршество чѣмъ-нибудь повкуснѣе воды, нѣкоторые изъ насъ отправляются за заставу (которая; впрочемъ, не особенно далеко), гдѣ и достаютъ свободнаго отъ ввозной пошлины аржантельскаго вина, которое, такимъ образомъ, обходится намъ немного дешевле город-

ского. Эти «оргіи» приправлены всегда неистощимымъ запасомъ веселья, а когда порціи уже слишкомъ тонки, что случается нерѣдко, тогда мы дополняемъ пищу «любопытными повѣствованіями».

Странное дѣло, и это черта парижской жизни: какъ ни скудна была наша трапеза, никогда не обходилась она безъ кофе,—это была обычная контрибуція нашей любезной хозяйки.

* * *

Декабрь 1849 г.

То, что предвидѣлъ гражданинъ Мадье де Монжо, по поводу нашей ассоціаціи, начинаетъ сбываться. Поддержка, которую мы находимъ во всѣхъ рабочихъ обществахъ, доставившихъ намъ денегъ для напечатанія нашей программы, и сношенія, которыя удалось намъ завязать съ провинціальными преподавателями, все это обратило на себя одновременное вниманіе и университета, и полиціи. Вчера вечеромъ, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, полиція явилась въ помѣщеніе открытыхъ нами курсовъ для взрослыхъ и закрыла ихъ, подъ предлогомъ, что планъ помѣщенія не былъ представленъ на утвержденіе академическаго начальства.

Дѣло въ томъ, что ученики Ecoles chrétiennes, а также и школъ взаимнаго обученія, наскучивъ преподаваніемъ этихъ заведеній, стали предпочитать наши *недаровые* уроки ихъ даровому обученію. У насъ, по крайней мѣрѣ, они избѣгали холопства и лжи.

Сегодня утромъ я былъ у инспектора, съ цѣлью узнать, что именно лежитъ въ основѣ этого перваго преслѣдованія. Оказалось, что инспекторомъ состоитъ бывший директоръ первоначальной нормальной школы въ Версалѣ, того времени, когда я готовился къ званію учителя въ этомъ самомъ заведеніи. Г. Лебрень — сынъ министра иностранныхъ дѣлъ Лебрена, жирондиста и пріятели Дюмурье, раздѣлившаго участь друзей своихъ 31 мая 1793 г. Мой бывший директоръ сохранилъ въ лекціяхъ исторіи, которыя намъ читалъ, нѣкоторыя либеральныя традиціи своего отца. Ему я былъ обязанъ тѣмъ, что получилъ вкусъ къ историческому чтенію. Но уже и тогда онъ не одобрялъ моего слишкомъ республиканскаго направленія и употребилъ все свое вліяніе къ тому, чтобы не допустить меня сдѣлаться общиннымъ учителемъ и заставить отказаться отъ педагогическаго поприща. Несмотря на это, онъ встрѣтилъ меня вѣжливо и обошелся почти какъ со старымъ знакомымъ, котораго рады видѣть послѣ

долгой разлуки. Онъ сознался, что несоблюденіе нашимъ обществомъ формальности, къ которому придралось начальство, было только предлогомъ и что въ сущности твердо рѣшились не давать намъ дѣйствовать. Онъ «дружески» предупредилъ меня даже, что не будетъ принято болѣе серьезныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ противъ тѣхъ изъ насъ, кто имѣетъ дипломъ.

Теперь наша участь становится для насъ ясной. Борьба началась, и каковъ бы ни былъ ея результатъ, она можетъ быть только полезна для нашего революціоннаго воспитанія.

Не бесполезно будетъ узнать, въ какомъ смыслѣ понимаетъ власть уваженіе къ праву ассоціаціи и чего стоитъ такъ-называемый либерализмъ нашихъ университетскихъ представителей, пресловутыя столкновенія которыхъ съ іезуитами самый старый Луи-Филиппъ называлъ «ссорами училищныхъ сторожей съ церковными».

* * *

Тюрьма St. Pélagie, июнь 1850 г.

Три мѣсяца предварительнаго заключенія, три мѣсяца заключенія послѣ суда, два года полицейскаго надзора и запрещеніе навсегда заниматься преподаваніемъ, — таковы «дѣйствительныя», какъ воображаютъ власти, мѣры, о которыхъ предупреждалъ меня инспекторъ и которыя и были ко мнѣ примѣнены въ указанной послѣдовательности.

Вскорѣ послѣ аудіенціи моей у инспектора, въ наше общество втерлось нѣсколько тайныхъ полицейскихъ агентовъ. Этихъ людей бросила въ когти полиціи частію нужда, частію какія-нибудь содѣянные ими мерзости, разоблаченія которыхъ они опасались. Мы вѣжливымъ образомъ устраняли ихъ, но нашелся одинъ, болѣе ловкій, который сдумалъ обмануть насъ и сдѣлался даже нашимъ секретаремъ. Онъ не замедлил воспользоваться для своей тайной миссіи протоколами засѣданій, которыя поручено ему было вести и перепиской общества, которую онъ распечатывалъ, въ качествѣ секретаря.

Въ одинъ мартовскій день, зная, что у меня назначено свиданіе съ нѣсколькими преданными нашему дѣлу гражданами изъ Пантеонскаго квартала, по поводу устройства курсовъ для взрослыхъ и цѣлаго ряда лекцій по социальнымъ вопросамъ, онъ доставилъ полиціи необходимыя указанія, и въ ту минуту, какъ мы приступали къ совѣщанію, нагрянула полиція и арестовала насъ. Насъ отвели сперва въ депо префектуры, а затѣмъ, три

дня спустя, водворили въ тюрьмѣ Madelonnettes *), по обвиненію въ участіи въ «тайномъ обществѣ», — такъ названа была наша мирная ассоціація.

Не обошлось и безъ комическаго элемента. Въ минуту нашего ареста у гражданина Анри С***, землякъ мой студентъ-юристъ, гостившій у него, возвращался ночевать. Несмотря на его и наши увѣренія въ его полной неприкосновенности къ дѣлу нашихъ собраній, онъ былъ задержанъ вмѣстѣ съ нами.

Бѣдный малый возвращался въ самомъ пріятномъ настроеніи, по причинѣ назначеннаго на слѣдующій день обильнаго завтрака, на который получилъ приглашеніе отъ старыхъ школьныхъ товарищей. Онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи отъ необходимости отказаться отъ такого праздника и изливалъ свое горе жесточайшими іереміадами, относившимися къ этимъ «проклятымъ социалистамъ», лишившимъ его удовольствія. Но комиссаръ, присутствовавшій при арестѣ, счелъ это хитростью и велѣлъ обратить особое вниманіе на молодого человѣка, способнаго на такія тонкія штуки. Только два мѣсяца спустя освободили его и, къ довершенію ироніи, внушили на прощанье, что-бы онъ былъ «осторожнѣе въ своихъ поступкахъ!»

Возвратясь на родину, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ярыхъ пропагаторовъ тайныхъ обществъ. Впрочемъ, это явленіе весьма обыкновенное въ такихъ случаяхъ.

Почти одновременно съ освобожденіемъ этого студента, выпустили и всѣхъ моихъ товарищей по несчастію, въ томъ числѣ Анри С***, докторовъ Гюйара и Бертальона, такъ-какъ фактъ тайнаго общества не могъ быть доказаннымъ.

Одного меня оставили въ тюрьмѣ; причиной тому было найденное у меня оружіе: ударное ружье, кавалерійская сабля, а также пули, патроны и капсюли, которыя я хранилъ съ іюня 1848 г. въ видѣ воспоминанія объ іюньскихъ дняхъ. За держаніе у себя оружія и боевыхъ снарядовъ я былъ приговоренъ къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и, что гораздо важнѣе, къ двумъ годамъ *высшаго полицейскаго надзора*.

Благодаря этой послѣдней мѣрѣ, по окончаніи срока заключенія, меня отправятъ въ какой-нибудь департаментъ, по моему выбору, но не въ Сенскій и не въ Ронскій (могутъ сдѣлать и другія исключенія), и подъ условіемъ невыѣзда изъ того округа, гдѣ меня водворятъ. Это усиленіе наказанія было простою местию

---

*) Эта тюрьма находилась въ то время въ кварталѣ Музея искусствъ и ремеслъ и была уничтожена во время продолженія улицы Тюрбиго, на которой она стояла.

моего судебного слѣдователя, нѣкоего Филона, которому я отказался отвѣчать, желая протестовать противъ процедуры тайнаго слѣдствія, этого позора мнящихъ себя цивилизованными націй.

Сколько несчастныхъ, озадаченныхъ этимъ способомъ, въ силу котораго судебный слѣдователь попеременно переходитъ отъ разсчитанной грубости къ лицемѣрному добродушію, доставляли судѣ обрывки противорѣчивыхъ и нерѣдко несообразныхъ свѣденій, которыя затѣмъ группировались съ коварнымъ искусствомъ и превращались подъ перомъ писемоводителя въ положительное сознаніе, подписанное самими виновными и повлекшее за собою тяжчайшіе приговоры за несовершеннолетія преступленія.

Чудовищная несправедливость по отношенію къ обвиняемому, звѣрская мономанія судьи, прежде всего озабоченнаго нахожденіемъ преступника,—таковы пагубные результаты тайнаго слѣдствія.

Итакъ, я старался не попасть въ ловушку, но такъ-какъ *преступленіе* было очевидно и я не думалъ отрицать его, то мое сопротивленіе, въ которомъ, однако, не раскаяваюсь, послужило отягчающимъ обстоятельствомъ. Это, впрочемъ, въ порядкѣ вещей.

По поводу моего дѣла, я имѣлъ случай констатировать, что мы совершенно напрасно смѣемся надъ отправленіемъ правосудія въ странахъ, почитаемыхъ варварскими. Наши суды исправительной полиціи, приговаривающіе къ пяти-шести годамъ тюремнаго заключенія, по своему безобразію, не уступаютъ учрежденіямъ этого рода въ указанныхъ странахъ.

Одиннадцать несчастныхъ должны были судиться до меня, въ тотъ-же день. Это были, по большей части, калѣки, старики и дѣти, задержанные за нищенство и бродяжничество. Извѣстно, что законъ караетъ старика, потерявшаго силы, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, и ребенка-сироту, оставленнаго безъ средствъ и опоры, не имѣющаго иного жилища, кромѣ улицы, иного способа пропитанія, кромѣ милосердія ближнихъ.

Не болѣе часа потребовалось для разбора этихъ одиннадцати дѣлъ. Наказанія колебались между 2—5 годами тюремнаго заключенія для взрослыхъ, и содержаніемъ въ исправительномъ домѣ до двадцати-одного года—для дѣтей! Судъ не потрудился даже выслушать ихъ объясненія и постановилъ рѣшеніе на основаніи общаго доклада арестовавшаго ихъ агента. И это-то называютъ правосудіемъ!

На другой день послѣ утвержденія моего приговора апелля-

ціоннымъ судомъ, я получилъ повѣстку явиться въ сенскій гражданскій судъ, для выслушанія предъ дисциплинарнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ соединенныхъ палатъ—постановленія о запрещеніи навсегда преподавать, вслѣдствіе изобличенія въ неудовлетворительной нравственности, какъ то предусмотрѣно закономъ 1833 г. въ статьѣ 7-й.

Программа преподаванія, подписанная мною, вмѣстѣ съ гражданиномъ П** и г-жею Роланъ, была признана прокуроромъ нарушающей общественную нравственность и посягающей на семью, собственность и религію. Сотрудникъ нашъ, П**, какъ владѣвшій дипломомъ, приглашенъ былъ явиться въ одинъ судъ со мною. Что касается г-жи Роланъ, не имѣвшей диплома, то она тѣмъ самымъ избѣгала кары учебнаго вѣдомства. Въ день, назначенный для засѣданія, мы явились въ залу, приготовленную для этого судебного торжества. Гражданинъ П** явился одинъ, а я въ сопровожденіи двухъ муниципальныхъ гвардейцевъ, которые остались ждать меня въ сѣняхъ. Шестьдесятъ-пять судей, входящихъ въ составъ парижскихъ судовъ первой инстанціи, находились всѣ въ сборѣ, подъ предсѣдательствомъ судьи Дебеллейма, извѣстнаго своими обширными юридическими свѣденіями.

Обвинять долженъ былъ прокуроръ республики Фуше (зять Виктора Гюго).

Понеспособности ли къ уваженію старшихъ вообще или по преждевременной закоснѣлости въ преступленіи, я долженъ признаться, что не почувствовалъ ни малѣйшаго почтенія и трепета къ этому сонму старцевъ съ обнаженными черепами, украшенными рѣдкой щетиной, съ узкими, покатыми лбами, костлявыми лицами, желчнымъ цвѣтомъ лица и взглядомъ, отражавшимъ въ одно и то-же время и скептицизмъ и раболѣпство.

Я чувствую, что мы осуждены заранѣе, но, тѣмъ не менѣе, мы твердо рѣшились высказать имъ то, что мы думаемъ.

П** изложилъ намѣренія, которыми мы руководились, пытаясь сгруппировать преданныхъ республикѣ преподавателей и заботясь объ умственномъ освобожденіи рабочаго класса. Затѣмъ, слѣдуя за обвинительнымъ актомъ, я, въ свою очередь, защищалъ принципы, положенные въ основаніе нашей программы, и, признавъ, что мы дѣйствительно раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, кто находитъ, что основы нынѣшняго соціальнаго строя должны быть измѣнены самымъ кореннымъ образомъ, я выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы обвиненіе въ безнравственности, противъ насъ выставленное, могло-бы быть доказано.

Наконецъ, нашъ защитникъ, молодой депутатъ бромскаго де-

партаментъ, Бансель, краснорѣчивый и остроумный, указалъ на противозаконный характеръ преслѣдованія, противъ насъ направленнаго, такъ-какъ это преслѣдованіе должно-бы явиться лишь слѣдствіемъ предварительнаго вердикта присяжныхъ, противъ нашей программы. Правда, замѣчаетъ гражданинъ Бансель, что если-бы обратились къ присяжнымъ, то они, можетъ быть, оправдали-бы подписавшихъ программу, послѣ чего уже нельзя было-бы прибѣгать къ дисциплинарнымъ мѣрамъ, возможностью чего дорожили несравненно болѣе, чѣмъ точнымъ соблюденіемъ закона.

Несмотря или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этой тройной защиты, 35 судей противъ 29 признали насъ виновными. Меньшинство-же высказалось только противъ антиюридическаго характера процедуры, которая была употреблена противъ насъ по этому поводу.

* * *

St. Pélagie, сентябрь, 1850 г.

Срокъ моего заключенія истекаетъ, и приближается часъ отъѣзда изъ Парижа, по крайней-мѣрѣ, на два года. Гдѣ раскину я свой шатеръ, подъ покровительственнымъ окомъ полиціи?

Я еще ничего не рѣшилъ, и надо объ этомъ подумать.

Однако, я долженъ сказать, что не считаю потеряннымъ временемъ только-что истекшіе шесть мѣсяцевъ.

Серія мѣстъ заключенія, которыя администрація заставляетъ проходить заключеннаго со дня ареста и до окончанія срока, доставила мнѣ возможность изучить жизнь заключенныхъ въ нѣсколькихъ парижскихъ тюрьмахъ. Прежде всего я посѣтилъ депо полицейской префектуры, куда приводятъ сперва каждаго арестованнаго и гдѣ даже ранѣе удостовѣренія тождественности личности, обращаются такъ грубо и недостойно, какъ-будто преступленіе уже доказано.

Оттуда меня перевели въ тюрьму Madelonnettes, гдѣ я провелъ срокъ предварительнаго заключенія въ обществѣ нѣсколькихъ приговоренныхъ военными судами, по поводу іюньскихъ событій, и ожидавшихъ отправки въ Бель-Иль, гдѣ имъ предстоитъ окончить срокъ своего заключенія. Изъ Madelonnettes и отправился въ Conciergerie, гдѣ провелъ девять дней въ ожиданіи апелляціоннаго суда; это былъ совершенно бесполезный шагъ, сдѣланный мною, по совѣту одного адвоката; я совершенно напрасно просидѣлъ въ тюрьмѣ лишніе сорокъ дней, такъ-какъ приговоръ былъ подтвержденъ во всей полнотѣ. Здѣсь въ

первый разъ увидѣлъ я Прудона. Его привезли изъ Дуллена, куда онъ былъ отправленъ по приговору къ трехлѣтнему заключенію за статью, въ которой онъ, чисто во вкусъ Рабелю, но весьма неприятнымъ для реакціи образомъ, отпраздновалъ «свадьбу Бонапарта съ Республикой». Онъ, также ожидалъ въ Conciergerie исхода новаго процесса своего и также по поводу печати. Его оправдали, и онъ былъ въ восторгѣ. Дѣйствительно, случаи такого оправданія рѣдки, такъ-какъ присяжные вообще не отличаются большою нѣжностью къ журналистигѣ. Меня поразила наружность Прудона. Высокій и широкій лобъ указываетъ на могучій умъ. Глаза сѣрые, взглядъ глубокій, но жесткій. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе грубости и хитрости. Вообще первое впечатлѣніе не въ его пользу, и это еще усиливается рѣзкимъ и хриплымъ голосомъ. Я обмѣнялся съ нимъ лишь нѣсколькими словами, такъ-какъ онъ меня не зналъ вовсе, и въ тотъ самый вечеръ, когда его оправдали присяжные, вернулся въ тюрьму St. Pélagie, гдѣ и нахожусь въ настоящую минуту.

У меня было столкновеніе съ начальникомъ тюрьмы, по поводу толкованія имъ тюремныхъ правилъ, касающихся политическихъ заключенныхъ. Вмѣсто всякихъ доводовъ, онъ помѣстилъ меня въ гражданское отдѣленіе.

Дѣло въ томъ, что въ обыкновенное время содержаніе политическихъ заключенныхъ сравнительно довольно сносное. Исключеніе составляютъ нѣкоторые осужденные, противъ которыхъ особенно свирѣпствуютъ власти, снабжающія ихъ «особой рекомендаціей» тюремному начальству. Такъ, между прочимъ, Барбесъ, Бланки, Мартенъ Бернаръ и другіе подверглись самому ужасающему обращенію въ дулленской крѣпости при Луи-Филиппѣ.

Но для тѣхъ, кто остается въ Парижѣ, гдѣ жалобы скорѣе могутъ дойти до свѣденія публики, заключеніе имѣетъ совершенно иной характеръ. Пища здоровая, и въ количествѣ почти достаточномъ. Разрѣшается принимать родныхъ и знакомыхъ, почти безъ надзора. Журналисты-же могутъ принимать посѣтителей даже у себя въ камерѣ, и вполнѣ свободно. Нынѣшній полицейскій префектъ простеръ любезность свою до того, что предложилъ давать «политическимъ» отпуски на двадцать-четыре часа и на честное слово. Нѣкоторые приняли предложеніе, но большинство отказалось, чужая въ этой любезности ловушку, т. е. желаніе выслѣдить сношенія заключенныхъ и воспользоваться этимъ, если представится надобность. До меня это не касается, такъ-какъ я потерялъ всякое право послѣ переведенія моего въ *неполитическое отдѣленіе*.

Здѣсь содержаніе нигуда не годится. Казенная пища такъ скудна, что арестованные, не имѣющіе возможности прибавить своего, заболѣваютъ.

Пятьсотъ граммовъ сибернаго хлѣба, гораздо хуже солдатскаго, который уже далеко не удовлетворителенъ; утромъ даютъ плохой постный супъ, чашку риса и консервы изъ овощей, приправленные вонючимъ саломъ. Въ воскресенье и четвергъ полагается тонкій ломтикъ мяса, жесткаго, какъ подошва, и совершенно безвкуснаго. Но и эта пища можетъ почитаться роскошной въ сравненіи съ содержаніемъ въ провинціальныхъ тюрьмахъ, гдѣ даже находящіеся въ предварительномъ заключеніи принуждены питаться милостыней. О центральныхъ тюрьмахъ, гдѣ содержатся арестанты, приговоренные болѣе чѣмъ на одинъ годъ, нечего и говорить: онѣ ужасны.

Въ нравственномъ отношеніи положеніе арестантовъ гражданскаго отдѣленія еще хуже. Все содѣйствуетъ ко внушенію имъ глубочайшей ненависти къ общественнымъ учрежденіямъ, мнимое уваженіе къ которымъ имъ стараются внушить.

Свиданія съ родными затруднены до крайности и допускаются лишь по произведеніи самыхъ возмутительныхъ обысковъ, имѣющихъ предлогомъ устраненіе предметовъ, могущихъ служить къ побѣгу арестанта.

Эти циничные обыски, къ тому-же, и ничѣмъ не оправдываются, такъ-какъ посѣтители не имѣютъ никакой матеріальной возможности непосредственно сноситься съ заключенными.

Мѣсто свиданія, справедливо прованное «обезьяней клеткой», раздѣлено вдоль на три прохода, отдѣляемые одинъ отъ другого проводочными сѣтками, петли которыхъ такъ часты, что нѣтъ возможности свободно просунуть сквозь нихъ мизинецъ. Сверхъ того, по среднему проходу, отдѣляющему одинъ отъ другого два остальныхъ, въ которыхъ заключенные и посѣтители стоятъ другъ противъ друга,—постоянно прохаживается взадъ и впередъ часовой, во все время свиданія. Разговаривать можно только громко, такъ, что когда посѣтителей много, то становится невозможнымъ что-либо слышать. Мнѣ приходилось видѣть какъ, молча и съ глазами полными слезъ, глядѣли арестанты на единственные человѣческія существа, привязанность которыхъ напоминала имъ, что они тоже люди. Все, что способно поднять ихъ въ собственныхъ глазахъ—строго запрещается. Напротивъ полная свобода предоставляется низкимъ страстямъ, животнымъ инстинктамъ и порокамъ, порождаемымъ смѣшеніемъ людей. Сами сторожа, роковымъ образомъ развращенные постояннымъ общеніемъ съ арестантами, оказываютъ отеческое покровительство

всякимъ мерзостямъ и терпятъ самыя возмутительныя сцены, происходящія у нихъ на глазахъ.

Тагъ, напримѣръ, насколько недостаточнымъ заключеннымъ приходится терпѣть отъ строгостей тюремнаго управленія, настолько, напротивъ, холятъ разныхъ мошенниковъ и плутовъ высшихъ сословій, не могущихъ, безъ сомнѣнія, быть оправданными нищетою и недостаткомъ образованія. Средства, которыя они имѣютъ за предѣлами тюрьмы, служатъ обильнымъ источникомъ барышей для администраціи и ея агентовъ. Для нихъ— все позволено, кромѣ свободы: въ тюрьмѣ, какъ и на волѣ, благосостояніе — удѣлъ тѣхъ, которые, даже по кодексу самой обыкновенной буржуазной морали, должны-бы имѣть менѣе правъ на него.

Но всего болѣе страдаютъ дѣти. А между тѣмъ единственное преступленіе большей части этихъ дѣтей - арестантовъ заключается въ томъ, что они вдругъ сдѣлались сиротами или что родители ихъ не имѣютъ возможности кормить и воспитывать ихъ. Взятые за «бродяжничество», они брошены въ этотъ адъ и оставлены на произволъ тюремныхъ сторожей до своего совершеннолѣтія. Во время моего пребыванія въ Madelonnettes я не разъ былъ свидѣтелемъ самаго возмутительнаго обращенія съ этими несчастными дѣтьми. Замкнутая жизнь порождаетъ у сторожей отвратительныя болѣзненные явленія, жертвой которыхъ становятся дѣти. Мнѣ пришлось видѣть десятилѣтняго мальчика, который три раза покушался на самоубійство, чтобы избавиться отъ гнусныхъ посягательствъ, которыя ему пришлось испытать. Онъ спокойно увѣрялъ меня, что снова будетъ пытаться лишить себя жизни и надѣется «на этотъ разъ быть счастливымъ!»

Почему-бы не заставить гг. законодателей и судей испробовать на себѣ наказанія, къ которымъ съ такимъ легкимъ сердцемъ они приговариваютъ несчастныхъ, составляющихъ спеціальную добычу уголовныхъ законовъ!

Гальфранкъ.

(Продолженіе будетъ).

РѢДКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Изъ хроники южно-русскаго села).

I.

Крамаревка разсыпалась въ безлѣсномъ степномъ угольѣ X—ой губерніи, на берегу огромнаго ставка, получающаго свои воды изъ Днѣпра. Это — большое село, бывшее нѣкогда помѣщичьимъ, а нынѣ ставшее совершенно вольнымъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовали покосившіяся на боки и подпертыя дубинами полуобвалившіяся хаты, пустыя засѣвки и таковыя-же гѣмна, по которымъ нельзя было „шаромъ покатить“ только потому, что они густо поросли калачиками и колючками. Все это несомнѣнно свидѣтельствовало о волѣ, ибо, какъ извѣстно, настоящая свобода живетъ неразлучно съ бѣдностью.

Вотъ уже три дня, какъ крамаревцы вздохнули посвободнѣй. Стало очищаться небо отъ тяжелыхъ дождевыхъ тучъ; обрывки облаковъ, нѣсколько недѣль сряду мрачно висѣвшихъ надъ полями и непрерывно орошавшихъ и безъ того уже влажную землю, теперь изрѣдка появлялись на свѣтло-голубомъ небѣ и, какъ-бы испугавшись яркихъ лучей солнца, спѣшили спрятаться подальше, за горизонтъ. Въ воздухѣ стояла духота, майское солнце палило не по-майски; оно какъ-будто извинялось передъ крамаревскими обывателями за свое долгое отсутствіе и точно старалось наверстать пропущенное время, — поскорѣе высушить поля, чтобы дать, наконецъ, возможность крестьянину накопить сѣна. Зато какое-же сѣно повыросло за эти три недѣли, — высокое, да густое, точно

сѣянное! Крамаревцы давно не запомнятъ такого урожая; только бы дожди не помѣшали: не штука снять его, да какъ пойдетъ опять непрерывный ливень, подмочить сѣно и сгноить мужицкій трудъ, — такъ это хуже неурожая. А зеленая рожь высоко и гордо поднялась, точно осенній камышь; вотъ уже наливаются колосья, имъ нуженъ теперь солнечный лучъ, чтобъ они созрѣли. Пошли только Богъ погоды хороша, да не давай Богъ кузки — крестьянинъ повеселѣетъ. Шутка-ли! Шестъ лѣтъ къ ряду онъ едва собиралъ то, что сѣялъ! И, несмотря на это, у него хватало легковѣрія каждый годъ снова производить опыты надъ суровой землей. Съ жестокостью дикаря онъ вырывалъ изъ голодныхъ ртовъ собственныхъ дѣтей своихъ послѣдній кусокъ хлѣба и кидалъ его въ землю, чтобъ онъ пролежалъ тамъ весну и принесъ ему, какъ плодъ, новое разочарованіе. Но не у всѣхъ хватало терпѣнія. Многіе покидали мачиху-землю и съ завязанными глазами отправлялись, Богъ вѣдаетъ куда, искать невѣдомаго счастья. Одни съ ожесточеннымъ сердцемъ предавали проклятію суровую землю, присоединялись къ рыбалкамъ и навсегда отвыкали отъ земледѣлія; другіе, пошлявшись безцѣльно по чужимъ, пегостепривіимнымъ краямъ, не могли удержаться, чтобъ не вернуться на свои родныя тощія поля. Ободранные, полунагіе и хилые, они возвращались домой и беспомощно плакали надъ своими, поросшими бурьяномъ, надѣлами, потому-что у нихъ не было ни сохи, чтобы умиловить черствое сердце мачихи-земли, ни зерна, чтобы принести ей новую жертву. Когда-то земля была родной матерью, а теперь стала мачихой для крестьянина.

На дворѣ крамаревского батюшки стоялъ невыносимый шумъ. За полверсты кругомъ слышны были грозные звуки грубаго женскаго голоса, которому изрѣдка аккомпанировалъ еще болѣе грубый, только слегка сдержанный, голосъ мужчины. Здѣсь происходило состязаніе между матушкой Аграфеной Ивановной, — той самой матушкой, про которую деревенскія бабы говорили ребятамъ, когда послѣднія начинали капризничать: „а вотъ я тебя сейчасъ къ попадѣ снесу, она тебя живьемъ слопаетъ“, послѣ чего ребята обыкновенно умирились, — и матушкинымъ работникомъ Артемомъ, человѣкомъ гораздо менѣе популярнымъ въ селѣ, чѣмъ его противница, но тѣмъ не менѣе популярнымъ. У амбара, въ которомъ хранился овесъ, выпрямившись во весь свой громадный ростъ,

стояла матушка въ позѣ человѣка, собирающагося выпарапать глаза своему противнику. Налившіеся кровью глаза неистово прыгали въ своихъ орбитахъ, худое, костлявое лицо выражало неимоверный гнѣвъ; матушка, очевидно, была взбѣшена. Въ такія минуты она могла-бы представить прекрасный оригиналъ для изображенія олицетвореннаго гнѣва. Въ амбарѣ, у бочки, до половины наполненной овсомъ, стоялъ Артемъ въ классической позѣ человѣка, чувствующаго себя виновнымъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ корецъ съ овсомъ и тутъ-же кое-какъ пріютившуюся шапку, которую онъ снялъ въ честь матушки, а правую держалъ на затылкѣ, что уже прямо означало смущеніе. Голова его опустилась, а взглядъ, казалось, хотѣлъ во что-бы то ни стало проникнуть на самое дно бочки съ овсомъ.

— Да вѣдь кони-же не мои, а ваши; для васъ-же я берегу ихъ! говорилъ Артемъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе мирный тонъ.

— Для васъ-же я берегу!.. Для васъ я берегу!! завопила матушка, стараясь приблизиться къ мужскому голосу и въ полной увѣренности, что она передразниваетъ Артема, что, впрочемъ, ей отнюдь не удавалось.— Знаемъ мы, какъ бережете вы хозяйское добро! Переводите вы его, а не бережете! Христа на тебѣ нѣтъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Ты думаешь, я не знаю, куда этотъ овесъ дѣвается; ты думаешь, такъ вотъ я и повѣрила, что ты его лошадямъ даешь по три раза въ день? А кабакъ на что? А въ кабакъ что пропивать станешь, какъ не хозяйское добро? А чертенятъ твоихъ накормить тоже, я думаю, надо! О-охъ, ты, Господи! Мученица я, мученица да и только! И за что это Ты наказалъ меня?!

И мученица, не получивъ отвѣта на этотъ интересный вопросъ, хлопнула дверью амбара, прибавила съ неимоверной экспрессіей: „будьте вы всѣ прокляты!“ и ушла къ себѣ въ комнаты. Мучитель-же остался надъ бочкой съ овсомъ и на нѣкоторое время какъ-бы застылъ все въ той-же классической позѣ. Но затѣмъ онъ вдругъ швырнулъ корецъ въ сторону, выпрямился во весь ростъ и разсердился, да какъ разсердился! Неудержимая злоба закипѣла въ его груди и отразилась на его смугломъ, обросшемъ лицѣ, темные глаза заискрились гнѣвомъ, руки сжались въ угро-

жающіе кулаки... О, если-бы въ это мгновеніе здѣсь была матушка, онъ, кажется, раздавилъ-бы ее.

— Будь-же ты, ты проклята, баба-яга! почти простоналъ онъ, скрежеща зубами... Но потомъ, какъ-то вдругъ, руки его опустились, и онъ почувствовалъ себя безконечно слабымъ, безильнымъ, жалкимъ; что для нея его проклятья? Что онъ такое? Его приняли чуть не изъ милости: развѣ можно забыть, какъ онъ умолялъ, чуть не въ ногахъ лазилъ, чтобъ его приняли за ничтожную плату? Вѣдь онъ подневольный, какъ есть *рабъ* подневольный. Смирись, Артемъ, потому-что завтра могутъ прогнать тебя, и ты тогда ничего не принесешь своей женѣ и двумъ малымъ ребятамъ, „чертенятамъ“, какъ назвала ихъ матушка, которые стонуть отъ голода! И Артемъ смирился и тихо побрелъ въ конюшню. Онъ вѣжно погладилъ поочереди обоихъ коней, они оглянулись и, казалось, дружелюбно поглядѣли на него. „Не удалось, ребята, побаловать васъ! молвилъ Артемъ, обращаясь къ конямъ.—Эхъ, коники вы мои! Люблю я васъ, хоть вы и поповскіе!“ И онъ любовно гладилъ поповскихъ коней.

Матушка ушла въ комнату совершенно разбитая. Можно было подумать, что это дѣйствительно было несчастное существо, самимъ Богомъ осужденное на мученія; она имѣла видъ страдальницы, которую безвинно мучили, терзали, оскорбляли: лицо ея было блѣдно, на вискахъ выступили синія нити сильно напряженныхъ жилъ, губы нервно вздрагивали и, казалось, шептали какія-то ругательства, жидкіе волосы растрепались и беспорядочными влочьями выглядывали изъ-подъ кисейнаго платка. Она дѣйствительно страдала, но легко было понять, что эти страданія происходили отъ злости. Она одинока, совсѣмъ одинока, несмотря на то, что у нея есть супругъ, съ которымъ она прожила уже больше пятнадцати лѣтъ. О. Левъ—это малое дитя, за которымъ надо присматривать и на котораго ни въ чемъ нельзя положиться. Онъ любитъ хорошо поѣсть и сладко поспать—вотъ всѣ его достоинства. Вотъ и теперь онъ лежитъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, съ растрепавшейся львиной гривой, обрюзглымъ лицомъ—и наслаждается безмятежнымъ сномъ. У нея на рукахъ все хозяйство, а ему ни до чего нѣтъ дѣла. И послѣ этого она не мученица?

И бѣдная Аграфена Ивановна чуть не плакала отъ злости.

II.

Артемъ любилъ поповскихъ коней. Можетъ быть, это потому, что когда-то, и еще не такъ давно, у него была пара своихъ такихъ-же хорошихъ коней. Было у него много и кое-чего другого; всего было довольно: и пара хорошихъ, сытныхъ воловъ, и десятка два овецъ, и коровы, и свиньи, и птицы; ссыпаль онъ жито, ячмень и овесъ въ *свою* засыву, ѣлъ сытный борщъ съ саломъ и съ кашей у себя дома, за дубовымъ столомъ; его угощала Настя—молодая пригожая жена. Довольно всякаго добра надавалъ ему батько—старый Максимъ Бладько, когда Артемъ женился и захотѣлъ выдѣлиться на свое хозяйство. „Смотри - же, сыночекъ, сказалъ ему тогда батько,—будь хорошимъ хозяиномъ. Не переводи зря дѣдовскаго добра! Не осрами дѣдовъ своихъ и батька! Бладьки всегда были хорошими хозяевами!“ И Артемъ былъ хорошимъ хозяиномъ. Онъ шесть лѣтъ энергично хлопоталъ на своемъ надѣлѣ, засывалъ его жито и ячменемъ... и едва получалъ то, что съялъ. Не одинъ онъ—весь уѣздъ, всё уѣздное крестьянство получало такіе - же барыши. И каждый годъ уносилъ съ собою что-нибудь изъ Артемова хозяйства. Сначала пришлось продать овецъ, а тамъ воловъ, коней; только коровъ было ужъ больно жалъ—вѣдь у Артема завелись ребята, имъ нужно было молоко. Надо было оставить хоть одну коровку, и онъ оставилъ; но пришла зима, холодная и голодная зима, и коровки не стало,—зима деконала её. Оглянувся Артемъ вокругъ себя,—пусто, дѣдовскаго добра и слѣдъ простылъ, а жена убивается, а дѣти ѣсть просятъ. Батька давно не стало—помочь некому. Осталось одно—идти въ работники, что - нибудь заработать за зиму и накормить семью. Посмотрѣлъ на себя Артемъ и увидѣлъ, что онъ теперь не тотъ, что прежде. Онъ выросъ на хорошемъ батьковскомъ хлѣбѣ, его красивое здоровое лицо дышало увѣренностью въ себѣ и довольствомъ, здоровыя мускулистыя руки „чесались къ работѣ“, всякое дѣло спорилось въ этихъ рукахъ. Горькая нужда, безпрестанная забота и шесть лѣтъ разочарованій и лишениій сдѣлали его блѣднымъ, угрюмымъ; въ 27 лѣтъ онъ выглядѣлъ почти старикомъ. А теперь еще предстояло ходить по чужимъ людямъ... что изъ него останется?

Зимой—какая работа? Сотни голодныхъ бродятъ по городамъ

и селамъ и чуть не даромъ предлагаютъ свои руки. Собрались они изъ разныхъ уѣздовъ, изъ дальнихъ губерній, рассказываютъ другъ другу одну и ту-же исторію. Всѣ они когда-то были хозяевами, а теперь рады будутъ, если ихъ примутъ работать за хлѣбъ, но нѣтъ цѣны на работника, ни кому онъ и даромъ не нуженъ. Но у Артема есть преимущество. Всякій знаетъ, что онъ былъ хорошимъ хозяиномъ, на него всегда можно положиться, потому - что онъ имѣлъ свое добро и знаетъ ему цѣну. У крамарѣвскаго батюшки работалъ какой-то пришелецъ изъ дальней губерніи, поработалъ три дня, прихватилъ желѣзную лопату и старую конскую попону и съ этимъ богатствомъ неизвѣстно куда скрылся. А про Артема всякій знаетъ, что онъ этого не сдѣлаетъ, потому-что у него есть доброе имя. Артемъ отправился къ батюшкѣ. Тамъ его знали: когда-то, еще при покойномъ батькѣ, онъ даже чай пилъ у матушки, въ качествѣ гостя, и помнитъ онъ, какъ любезно тогда принимали его. Впрочемъ, за этотъ чай онъ не остался въ долгу. Поль-четверти пшеницы было скромнымъ вознагражденіемъ за эту отиѣнную честь. Теперь, разумѣется, не то. Чаемъ его поить не стануть и про пшеницу не вспомнятъ. Тогда онъ былъ Артемомъ Максимовичемъ, а теперь чего добраго въ Артема произведуть. Батюшка къ нему не вышелъ: онъ былъ слишкомъ толстъ для того, чтобы заниматься хозяйственными дѣлами, и ограничивался тѣмъ, что вкусно ѣлъ и сладко спалъ. Хозяйствомъ управляла матушка, она къ нему и вышла. Она не узнала Артема и спросила даже: „чей онъ?“ Сынъ Максима Кладька скромно напомнилъ ей о чаѣ, который нѣбогда они вмѣстѣ пили. Вспомнила и удивилась, какъ это онъ такъ опустился, — видно не сумѣлъ сберечь отцовскаго хозяйства. Артемъ не возражалъ и перешелъ къ дѣлу. Онъ просилъ ничтожную плату—60 руб. за годъ. Онъ раньше рассчиталъ, что за эти 60 руб. можно будетъ купить пару воловъ, чтобъ посредствомъ ихъ поправить хозяйство. Просилъ онъ только прибавить ему ржаныхъ сухарей для семьи. Матушка испугалась такой цѣны и высказала подозрѣніе, что онъ сумасшедшій. Теперь десятки людей согласны работать даромъ, а онъ заломилъ 60 рублей; неужели онъ думаетъ, что наскочилъ на дуру; или она уже на всемъ селѣ прослыла за сумасшедшую, или не думаетъ - ли онъ, что попу съ неба сыплются донги? Артемъ не думалъ ничего подобнаго, онъ только полагалъ и старался объяснить, что между нимъ,

бывшимъ извѣстнымъ хозяиномъ, и всякимъ другимъ пришлымъ работникомъ — есть разница. Но этотъ доводъ оказался неѣдъствительнымъ. Ему предлагали одни сухари да полушубокъ на зиму. И помнитъ Артемъ сцену.

— Матушка! говорить Артемъ умоляющимъ голосомъ. — Когда-бы я былъ одинъ, когда-бы у меня не было жинки и малыхъ ребятъ, когда-бы эти малыя ребята не кричали, не просили-бы хлѣба, — развѣ я разговаривалъ-бы такъ долго? Я работалъ-бы за хлѣбъ, за сухари, за мякину! Но когда-жъ я отецъ, когда-жъ они просить ѣсть... И говорилъ это Артемъ такимъ голосомъ, что если-бъ здѣсь, на мѣстѣ матушки, стоялъ человѣкъ съ сердцемъ, то у него надорвалось-бы и облилось-бы кровью это сердце.

— Что ты мнѣ тутъ лазаря изображаешь? молвила матушка такъ, какъ-будто у нея никогда и не было сердца. — Неужто я виновата, что у тебя жена и дѣти? Неужели я должна кормить твоихъ дѣтей? Да у меня свои есть для этого, самъ посуди... какой-же это резонъ, что они ѣсть просятъ? Да можетъ, еще кто ѣсть просить?! Да мало-ли кто ѣсть просить! Не могу-же я всѣхъ накормить?!

— Матушка! Я же прошу не милостыню, я-же буду вамъ работать, какъ себѣ самому, буду блюсти добро ваше, какъ свое...

— Э-ге-ге! Ты уже этого, пожалуйста, не дѣлай! Свое-то добро ты вонъ какъ соблюлъ, да и мое такъ соблюсти хочешь? Гдѣ твое добро соблюденное?.. И матушка зло засмѣялась надъ нимъ.

Такъ это-жъ Богъ, Богъ отнялъ! Шестъ лѣтъ неурожаи, засуха, жукъ!.. Господи ты Боже мой! Я-ли за двухъ воловъ не работалъ? У меня-ли не трещала спина отъ натуги? Артемъ уже плакалъ. Онъ не выдержалъ потому, что его попрекнули его добромъ. Ужъ онъ-ли не хранилъ его? Онъ-ли не былъ примѣрнымъ хозяиномъ? Бывало, ни одной минуты не оставался онъ свободнымъ. Онъ былъ тогда здоровъ и крѣпокъ, чувствовалъ избытокъ силъ и работалъ съ ранняго утра до поздней ночи. Его называли „шустрымъ хозяиномъ“, говорили, что онъ „стоитъ батька“, и въ будущемъ пророчили ему большое хозяйство. Но не сбылись эти пророчества доброжелателей, все пошло прахомъ, и вотъ теперь его-же обвиняютъ въ небрежности, въ неумѣннн сберечь дѣдовское добро. Злѣе этой нападки ничего нельзя было придумать... Но не долго плакалъ Артемъ. Какъ - то вдругъ понялъ онъ, что передъ нимъ стоитъ

звѣрь, котораго никакими слезами не разжалобишь. Въ одно мгновеніе онъ измѣнился и сдѣлался грубъ, какъ матушка.

— Ну, вотъ вамъ: 40 рублей и сухари!—Меньше ни одного гроша. Хотите—берите, хотите—нѣтъ! Прощайте!

Онъ грубо повернулся и вышелъ. Въ душѣ онъ рѣшилъ не оставаться у матушки, если-бъ она даже согласилась на его условія. Обиденъ будетъ ея хлѣбъ послѣ такого униженія. И онъ пошелъ ускоренной походкой по направленію къ своей хатѣ. Голова его была совсѣмъ пуста: никакихъ мыслей, никакихъ соображеній и плановъ, точно она вдругъ потеряла способность работать. Зато сердце щемило отчаянье. Если-бъ ему попался на дорогѣ высокій утесистый берегъ, а внизу заманчиво разстилалась быстрая, глубокая рѣчка съ манящими своею молодою зеленью камышами, онъ не остановился-бы ни на минуту и безъ размысленій бросился-бы съ высокаго берега внизъ. Это легче сдѣлать, чѣмъ прійти домой съ пустыми руками и угрюмо сказать голоднымъ, что не нашлось для нихъ ничего, чтобъ удовлетворить ихъ голодь. Они теперь по крайней мѣрѣ надѣются, а тогда будутъ разбиты всѣ надежды. Но вотъ его догнали, зовутъ къ матушкѣ. Матушка увидѣла твердую рѣшимость и согласна на его условія. Она понимаетъ, что Артемъ очень выгоденъ ей, что онъ не какой-нибудь прощальга, а всему селу извѣстный хозяинъ. Первое рѣшеніе Артема было не идти къ матушкѣ; но другого исхода не было, и онъ покорно пошелъ къ ней и остался. „Замучить она меня, знаю! Загоняетъ!“ подумалъ онъ, но все-таки остался. Тяжелая это была зима для Артема. Онъ самъ былъ хозяиномъ и зналъ, что значить работать по-хозяйски. Это значить—работать много, не сидѣть безъ дѣла, но сберегать силы и на завтра, и на весну, и на лѣто. Не то было здѣсь. Матушкѣ нужны были его силы только теперь, пока онъ былъ у нея работникомъ. На годъ, по ея расчетамъ, у Артема во всякомъ случаѣ хватитъ силъ, а онъ ей нуженъ былъ именно на годъ; послѣ этого—выйдетъ срокъ, можно нанять другого, свѣжаго. Матушка не любила, чтобъ у нея работники засиживались, она умѣла за годъ выжимать всѣ силы. И вотъ, ея зоркій глазъ ежеминутно слѣдитъ, чтобъ работникъ не оставался безъ дѣла. Она умѣла всегда придумать работу; ея изобрѣтательность на этотъ счетъ была безконечна. Въ трескучій морозъ съѣздить въ плавни—нажать камыша и свезти его на саяхъ; расчистить дворъ отъ нападавшаго за сутки

снѣга; наколоть и навозить съ рѣчки льду въ помѣстительный матушкинъ ледникъ, — всё это такія обязанности, которыя работники должны помнить и помнить безъ ея напоминанія. Но если между дѣломъ у него нашлось свободныхъ полчаса, матушка сейчасъ-же отъищетъ новое дѣло; если сію минуту нѣтъ настоящаго дѣла, она выдумаетъ совсѣмъ ненужное, но „байды бить“ не дастъ, у нея на это есть свой принципъ. Она въ такихъ случаяхъ заставляетъ перекапывать мерзлую и твердую, какъ камень, землю въ огородѣ; она превращаетъ работника въ кухарку, заставляя его носить въ кухню и подкладывать подъ плиту топливо, рубить мясо, а подчасъ и мѣсить тѣсто. Словомъ — „гулять“, т. е. отдыхать, у нея не позволяется.

Но всё это Артему было ни почемъ. Онъ хорошо зналъ матушку и, когда нанимался, понималъ, что идетъ въ кабалу, что на годъ продаетъ матушкѣ всё свои силы безъ остатка.

Не предвидѣлъ онъ только, что здѣсь на каждомъ шагу будутъ оскорблять его самолюбіе, самолюбіе хозяина, котораго знало и не такъ давно уважало все село. Матушка смотрѣла на работниковъ, какъ на своихъ кровныхъ враговъ; она всякую минуту видѣла себя окруженной злостными заговорщиками, которые только о томъ и думаютъ, чтобъ причинить ей изъязнѣ. Ей то и дѣло казалось, что Артемъ работаетъ только тогда, когда она слѣдитъ за нимъ, въ остальное-же время спитъ; — что половина зерна, которое онъ беретъ для лошадей, прячется имъ и относится въ кабакъ; — что, войдя въ соглашеніе съ кухаркой, Артемъ передаетъ домой женѣ своей цѣлне кувшины молока и даже иногда куски жарьего, предназначенные для ея собственнаго стола. Ея глазомѣръ, повидимому, былъ такъ странно устроенъ, что увеличивалъ въ объемѣ все, что она давала работникамъ, и уменьшалъ все, что уже побывало у нихъ въ рукахъ. Если Артемъ взялъ гарнецъ овса и подложилъ его лошади, матушка немедленно отправлялась въ конюшню и ощупывала мѣшечекъ. Она непремѣнно приходила въ ужасъ.

— Уже, уже! Успѣлъ уже! Развѣ это гарнецъ? Нѣтъ, ты скажи мнѣ, развѣ это гарнецъ? Безстыжіе твои глаза! Среди бѣла дня воруетъ! Да они просто грабятъ меня, просто грабятъ! Скоро все добро мое разнесутъ! И этакая ловкость воровская! Уже успѣлъ отсыпать и припрятать! Хочешь поправить свое хо-

зайство?! Да, такіежъ манеромъ скоро можно поправить! Этакъ ты скоро помѣщикомъ станешь! И гдѣ у тебя мѣстечко такое, куда ты все наворованное добро складываешь? Хотѣла-бы я знать, гдѣ это мѣстечко! Тамъ-то я думаю всего вдоволь! Магазины открыты можно! И ты думаешь, это тебѣ пойдетъ въ прокъ? Какъ-бы не такъ! Ворованное добро никогда въ прокъ не идетъ! и т. д.

Воображеніе матушки рисовало самыя невѣроятныя картины. Оказывалось, что ее уже окончательно ограбили и пустили по-міру. И вотъ она, бѣдная, ходитъ по хатамъ съ сумой и побирается Христовымъ именемъ. Съ другой-же стороны, Артемъ съ семействомъ не по днямъ, а по часамъ идетъ въ гору: его хозяйство разрослось, жена разжирѣла, какъ вотъ эта свинья, что сидитъ у матушки „въ сажѣ“, дѣти уподобляются поросатамъ и отъ ожиренія едва способны передвигаться съ мѣста на мѣсто, и т. д.; словомъ, Артемъ какъ нельзя лучше осуществляетъ жизненный идеалъ самой матушки.

Матушка не пропускала ни одного случая, чтобы не нарисовать подобную картину. Больше всего обвиненій выпадало на долю Артема, потому-что его семья была подъ бокомъ, значить, по соображеніямъ матушки, ему было удобно воровать.

Пуще всего матушка не любила возраженій. Она любила, чтобы брань ея, укоры выслушивались молча и даже съ нѣкоторой признательностью. Зимой она кормила рабочихъ такъ-называемымъ „чѣмъ Богъ послалъ“, т. е. тѣмъ, что дешевле всего стоитъ. Подчасъ приходилось довольствоваться ржаными сухарями съ квасомъ, кислой капустой, сельдами и вообще продуктами, которые составлялись изъ добродетельныхъ даяній и ничего не стоили матушкѣ. Былъ случай, что кухня возмутилась и предъявила претензію на горячую пищу, а Артемъ прибавилъ къ этому, что не дурно-бы получить и рюмку водки „по трудамъ“. Нужно было видѣть законное негодованіе матушки по поводу такихъ претензій.

— Плохо кормлю? Я плохо кормлю? А дома что ѣли? Мякину? Ячменную крупу съ пескомъ глотали? За гнилую селедку готовы были душу отдать? А здѣсь уже разжирѣли и большаго захотѣли? Вонъ всѣ, коли у меня не нравится! Кланяться не стану. Вотъ Михайло Забара давно уже набивается наняться, Ѳедька Одноглазый Христомъ-Богомъ молить за одинъ хлѣбъ,

Палашка Ѳедотихина — дѣвка хоть куда — сейчасъ пойдетъ ко мнѣ, только кликни! Да мало-ли ихъ набивается! Вотъ золото отъискалось! Думали—испугаюсь! Хоть сейчасъ всё, всё разомъ! Можете идти на всё четыре стороны Христовымъ именемъ побираться! Нищенскую колонію открывать! Что?! Присмирѣли? Э-эхъ! Чести вы не знаете! И цѣны себѣ не умѣете опредѣлить! А цѣна вамъ грошъ! Плевать я на васъ хотѣла!.. Вотъ что!..

Матушка высказала еще болѣе сильное желаніе, и кухня смирилась и замолкла. Каждый сообразилъ, что ей въ самоѣ дѣлѣ ничего не стоитъ—прогнать всѣхъ разомъ, не заплативши никому ни копѣйки. Только когда матушка ушла изъ кухни, всё, точно по сговору, въ одинъ голосъ промолвили:

— Чтобъ тебѣ ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ добра не было, жила растреклятая!

Такое настроеніе въ домѣ крамаревскаго батюшки застало начало весны.

III.

— Эй, ты, Гашутка! Завтра поднимайся пораньше, въ 2 часа! Полно бока-то отлеживать, до 4-хъ часовъ валяться. Завтра ты поѣдешь въ степь съ Артемомъ громадить! Съ такою рѣчью обратилась матушка къ Гашуткѣ, когда та собиралась улечься спать. Было одиннадцать часовъ вечера,—по деревенскому счету, очень поздно. Гашутка только-что покончила съ посудой, накормила пару комнатныхъ собакъ неизвѣстной породы, доставлявшихъ большое утѣшеніе матушкѣ, и, умаявшись, едва держалась на ногахъ. Собственно говоря, она уже спала, такъ-какъ чувства ея притупились отъ утомленія и давно уже слипались вѣки. Но распоряженіе матушки заставило ее очнуться. Она широко раскрыла свои большіе глаза и съ удивленіемъ уставила ихъ на матушку. Ей пришло въ голову, что занималась она къ матушкѣ, какъ горничная, для комнатной работы: съ какой-же стати ей теперь ѣхать въ степь? Она, впрочемъ, ничего не сказала, но проникательная матушка все до тонкости прочтала въ ея душѣ.

— Что баньки-то вылупила? Чего уставилась, какъ сова? Небось, не хочется,—а? Привыкли нѣжиться въ комнатѣ, на теплой

постели! Грабли-то тяжелы кажутся? Я, дескать, въ горничныя нанималась, такъ въ степь не пойду! Такъ, что-ли? А ну-ка, попробуй не пойти! Только ты и видѣла мой дворъ... и показываться не смѣй, чтобы я твоего мужицкаго носа не видала! Слышишь? Поѣзжайте! Да смотрите у меня, не спать тамъ, а то вѣдь я васъ знаю! Все больше наровите подъ повозку, да захрапѣть!

Гашутка ничего не отвѣчала; усталая, она свалилась на постель, состоящую изъ грязнаго войлока и какой-то составной подушки, изъ которой торчали до половины высунувшіяся гусинныя перья, и уснула.

На другой день, когда еще не начиналась заря, изъ воротъ батюшкинаго двора выѣхала, запряженная парой лошадей, повозка, нагруженная косой, граблями, Артемомъ и Гашуткой. Артемъ смотрѣлъ бодро и только побрякивалъ. Онъ привыкъ вставать по ночамъ, чтобы посмотреть, есть-ли кормъ у лошадей; Гашутка-же сидѣла пошатываясь: она только-что разоспалась, потому-что было два часа ночи. Туманъ разстилался по дорогѣ и закрывалъ собою крыши крамаревскихъ хатъ, узкую, извилистую рѣчку, церковную колокольню. Рѣдкія звѣзды едва мерцали надъ головой изъ-за тумана; почувъ близость разсвѣта, ночной мракъ напрягъ всѣ свои силы, сгустился и сталъ непроницаемъ; кони прищурили уши, робко ступая впередъ въ темнотѣ. Подувалъ свѣжій утренній вѣтеръ, пропитывая все сыростью; по дворамъ кричали пѣтухи, и едва только начинали подниматься хозяева.

— А чья то подвода такъ рано на степь поднялась? спрашивалъ мужикъ, протирая сонные глаза.

— Должно-быть, попова! отвѣтила баба.

— А шустрые, должно-быть, у попа работники, коли мужика перещеголяли! замѣтилъ мужикъ.

„Сталь-бы и ты шустрымъ, когда-бы нужда занесла тебя въ этой проклятой вѣдьмѣ!“ подумалъ Артемъ и поѣхалъ дальше. Гашутка ничего не слышала. Она свалилась въ повозку и спала.

Проѣхали село и выѣхали на поле. Вотъ поблѣднѣлъ мракъ, потускнѣли звѣзды, и показалась заря. Блѣдный свѣтъ легъ на безконечномъ зеленомъ полѣ; утренній вѣтерокъ вѣжно колыхалъ густую зеленую траву; Артемъ оглядѣлся кругомъ и какъ-то весело встрепенулся. Давно онъ не видѣлъ передъ собой такой счастливой картины. Густая зеленая трава готовила обильный сѣно-

кость, какого давно уже не видѣли крамаревскіе обыватели, молодая рожь густыми всходами поднялась на двѣ четверти отъ земли; повсходили проса, пшеница, ячмень, овесъ, и что это за полные густые всходы! „Не запали, Боже! Не дай, Боже, кузки, града или другого несчастья! Тогда быть празднику, большому празднику! Тогда возрадуется крестьянская душа!“ шепталъ Артемъ, обидывая взоромъ безконечную степь и набожно крестясь. Была большая радость въ сердцѣ Артема; вмигъ разступились морщины на его лбу, положенныя шестилѣтней нуждой, суровые глаза его засіяли радостью... но потомъ вдругъ сердце его защемило такой безотрадной тоской, въ голову стали лѣзть такія тяжелыя мысли, что онъ невольно опустилъ эту голову и пересталъ любоваться роскошной картиной. Вспомнилось ему, что въ этомъ великомъ праздникѣ онъ не можетъ принять участія, что ему придется со стороны глядѣть, какъ будутъ счастливы другіе. Онъ сбѣжалъ пять лѣтъ — и просѣялъ всѣ свои достатки; на шестой онъ сдѣлался нищимъ, оставилъ землю, не будучи въ силахъ посѣять ни зерна. И вотъ, какъ-разъ въ этотъ несчастный для него годъ, Богъ послалъ людямъ такую благодать. Злоба и досада, казалось, переворачивали въ немъ внутренности. Зависть! Зависть! Завидовать, говорить, грѣхъ. Да какъ-же не завидовать, коли Богъ такъ его обидѣлъ?

А хорошо поднялось поповское сѣно! Что за гущина! Что за зелень! Любо косой провести, глядѣть любо! Вотъ уже поднялось солнце, прилетѣли жаворонки, чайка взвилась надъ нивой и потомъ куда-то исчезла. Артемъ косилъ нехотя; лѣниво громадила за нимъ Гашутка. Съ поповскимъ полемъ граничила земля помѣщичья, которая шла далеко вдоль и въ ширь на десятки тысячъ десятинъ. По сосѣдству цѣлая партія рабочихъ косила помѣщичье сѣно. Это были все загорѣлыя лица, въ самодѣлковыхъ шляпахъ изъ житной соломы, въ вышитыхъ прегрязныхъ сорочкахъ и широчайшихъ пестревыхъ шароваровъ. Бабы и дѣвки ходили въ причудливыхъ пестрыхъ юбкахъ, съ наместомъ на шеѣ, съ повязкой или лентой на головѣ. Артемъ прислушался къ ихъ разговору. „Полтавцы!“ рѣшилъ онъ и, опершись на рукоятку косы, попытался завязать разговоръ съ ближайшимъ изъ нихъ.

— Издалека будете? спросилъ онъ, не переставая дѣйствовать косой.

— Полтавцы— всё какъ есть! съ разстановкой отвѣчалъ приземистый, довольно еще молодой парень.

— А почему?

— Ге! Почему! Да такъ, все одно, что ни почему! съ досадою отвѣчалъ парень.

— Какъ-такъ?

— Да вотъ какъ: пришло насъ изъ Полтавы сорокъ-два чело-вѣка. Шли мы сюда безъ малаго двѣ недѣли; пока дошли, измаялись, издержались, до того дошло, что хотъ караулъ кричи. Край-то вашъ недобрый, люди все какіе-то чуждые. Въ чужой сторонѣ ходишь все одно, что въ темношъ лѣсу. А тутъ случился человекъ. „Нанимайтесь, говоритъ, всё какъ есть ко мнѣ до Покровы. По сто рублей на мужика, а по 60 на бабу“. Ну, межъ нами есть, которые и въ прежніе года въ этой сторонѣ работали, такъ они и присовѣтовали намъ: „что-жъ, говорятъ, этакой цѣны хорошей въ прежніе годы не было. Брали 95, а то и 90, такъ вы, говорятъ, за этого человекъ держитесь, потому цѣна хорошая“. Ну, мы и пошли. А теперь оно и выходитъ, что даромъ продались. Теперь сѣно-то какое!.. А хлѣба-то будутъ вонъ-какіе! И теперь ужъ, слышали мы, косарь ходитъ полтора рубля, а что будетъ дальше, какъ рожь поспѣетъ? Да онъ дойдетъ до двухъ съ половиной и до трехъ; баба вонъ—и за ту дадутъ теперь карбованецъ, вотъ оно что! А мы что взяли?

— Присовѣтовали, чтобъ имъ добра не было, на нашу голову! замѣтилъ другой полтавецъ, чрезвычайно угрюмый и даже злой на видѣ.

— Типунъ-же тебѣ на языкъ, коли ты намъ недоброе желаешь! промовилъ пожилой полтавецъ съ длинными усами, удивительно похожій на портретъ Мазепы, какъ его рисуютъ на лубочныхъ картинахъ.—Мы развѣ знали, что оно такъ выйдетъ?!

— Знали, не знали, а теперь вотъ тани ляжку до Покровы за 100 руб., когда могъ-бы заработать вдвое...

— Эхъ вы! Хохландія безмозглая! Народъ неповоротливый! Слушай сюда! раздался вдругъ звонкій, открытый тенорокъ, и всё при этомъ подняли головы. Это говорилъ высокій, статный мужчина съ рабоватымъ лицомъ, рыженькой бородкой влиномъ, въ пояревой шляпѣ, съ полями, опустившимися внизъ отъ времени. Онъ глядѣлъ прямо, свѣтло, открыто. Въ рѣчи его слышалась

нотка добродушія и вмѣстѣ чуть замѣтной, тонкой насмѣшки. Говорилъ онъ гладко, плавно, безъ запинки, гнѣвучимъ великорусскимъ выговоромъ.

— Слушай, говорю, сюда! Чего тутъ другъ на друга сворачивать? Нешто они знали? Нешто кто самъ себя зла желаетъ? Гляди—вѣдь и они, совѣтчики-то, съ нами на сто рублей пошли. Такъ ты это и разсуждай и соображай! А вотъ вы *меня* послушайте!

— Ишь ты, козелъ ярославскій! Тебя кто въ генералы назначилъ? съ добродушной усмѣшкой заговорили полтавцы, однако, оставили косы и, повидимому, приготовились слушать „козла ярославскаго“.

— Ну, ну, посмотримъ, что ты намъ умное скажешь? снисходительно прѣговорили нѣкоторые.

— Ну, вотъ и послушайте! развязно продолжалъ ярославецъ.— Скажите мнѣ, хохлы вы неповоротливые, кто теперича кому нужнѣе: помѣщикъ намъ или мы помѣщику? Ну-ка?!

Полтавцы молча и серьезно соображали.

— Извѣстно—мы ему нужнѣе, продолжалъ ярославецъ, не дождавшись отвѣта,—потому теперь снѣга вонъ какія, время теперича горячее, помѣщику всякій день дорогъ. Всякій день ему тыщу рублей стоитъ. Значить, онъ нами дорожить долженъ!

— Правда! твердо произнесли полтавцы.

— Такъ-съ. То-то и есть, что правда. А значить, мы его въ своихъ рукахъ держать можемъ и что захотимъ, то и сдѣлаемъ съ нимъ!

— Да, оно такъ! опять согласились полтавцы.

— Да, оно такъ! передразнилъ ихъ бойкій ярославецъ.—Ну, а ежели оно такъ, то что-же дальше? Ярославецъ началъ ужъ, очевидно, кичиться своей находчивостью и умственнымъ превосходствомъ надъ полтавцами; это разсердило одного изъ нихъ, того самаго, который былъ похожъ на Мазепу.

— Пстой, козлиная твоя борода! сердито остановилъ онъ оратора.—Ты думаешь, мы не видимъ, куда ты дѣло клонишь? А совѣсть куда дѣвалъ? Или она у тебя, какъ и борода, тожъ козлиная, а?

— Ха-ха-ха! звонкимъ, откровеннымъ смѣхомъ залился ярославецъ.—Вотъ сказалъ! Вотъ такъ придумалъ! Ай да хохоль!

Такъ это по совѣсти-то мы свой заработокъ терять должны? А ежели онъ платитъ намъ рубль, когда въ другихъ мѣстахъ полтора даютъ, такъ это онъ по совѣсти? Какая-же это совѣсть? Гдѣ-жь тутъ совѣсть?.. Да что тутъ разговаривать! Клади, братцы, косы, да и все тутъ! Пушай даетъ намъ по цѣнѣ настоящей, какъ другіе даютъ... Зачѣмъ мы свое терять будемъ? Это нашъ праздникъ; этакого праздника не скоро дождемся! Сколько лѣтъ ждали, да не воспользуемся? Шалишь! И ярославецъ положилъ косу на траву и тутъ-же усѣлся, протянувъ свои ноги, обутыя въ лапти и окутанныя разнымъ тряпьемъ.

Полтавцы перестали косить и стояли молча, въ нерѣшительности.

— Не слушайте его, хлопцы, пустое это онъ дѣло затѣваетъ! убѣждалъ ихъ мужикъ „съ совѣстью“. — Хорошо-ли это будетъ, если мы свое слово нарушимъ?..

Но эта проповѣдь, повидимому, должна была остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Нѣкоторые изъ полтавцевъ, не говоря ни слова, уже сѣли рядкомъ; другіе нерѣшительно переговаривались.

Всѣ приходили къ тому убѣжденію, что терять *свое* нѣтъ никакого расчета. У каждаго въ головѣ быстро мелькнула приятная мысль о возможности заработать, вмѣсто ста, двѣсти рублей, и мало-по-малу вся партія косарей усѣлась вокругъ ярославца. Бабы усѣлись первыя, безъ дальнѣйшихъ размышленій: предложеніе ярославца имъ сразу понравилось. Не сѣлъ только одинъ „мужикъ съ совѣстью“; онъ пересталъ косить и, опершись на рукоятку своей косы, повидимому, философствовалъ.

— Да что тутъ раздумывать, мудреная твоя голова? Садись, и дѣлу конецъ! Не ты одинъ, всѣ отвѣтимъ! убѣждалъ его ярославецъ.

— Не по совѣсти, не по совѣсти! съ разстановкой говорилъ неговорчивый мужикъ и при этомъ нерѣшительно сѣлъ на траву, нѣсколько поодаль отъ остальной партіи, точно боялся осквернить себя прикосновеніемъ къ ней.

— Хе-хе! Не по совѣсти!? А самъ, небось, присѣлъ!! на-смѣшливо произнесла какая-то баба.

— Да что-же мнѣ, одному оставаться, что ли? сердито возразилъ мужикъ. — Не отставать-же мнѣ отъ *своихъ*! А только, что не по совѣсти, это я всегда скажу! Не-по-совѣсти!

— Такъ-то лучше! беззаботно острилъ ярославецъ, чрезвычайно довольный, что его планъ одобренъ всей партіей:—Сложи ручки, протани ножи, да и сиди себѣ да посвистывай!

Онъ при этомъ посвисталъ, а бабы разсмѣялись. Настроеніе было веселое. Въ это время, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, на пыльной дорогѣ показался всадникъ. Это былъ плечистый малый съ рыжей бородой и такими - же баками и маленькими бѣгающими сѣрыми глазками. Онъ постоянно держалъ голову на-бокъ, отчего получилъ прозвище „пристяжнаго“. На немъ были клѣтчатыя штаны, желтоватый коротенькій пиджакъ и клеенчатая фуражка. Все это, не исключая и физиономіи, было покрыто сѣрой пылью. Онъ ѣхалъ довольно быстро, ежеминутно постегивая кнутикомъ вспотѣвшую лошадь. Это былъ приказчикъ, на обязанности котораго лежали присмотръ за косарями и понуканіе ихъ. Онъ переѣзжалъ отъ партіи къ партіи, которыя, въ количествѣ сорока, пятидесяти человѣкъ, работали на разстояніи полуверсты одна отъ другой.

— Эй вы! Чего разсѣлись! Это что еще такое? Маршъ на работу! Живо! свомандовалъ онъ хриплымъ голосомъ и при этомъ махнулъ нагайкой по воздуху такъ сердито, что послышался жалобный свистъ. Никто, однако-жъ, не двинулся съ мѣста.

— Чего разсѣлись, спрашиваю я васъ! Уши вамъ, что - ли, позакладывало... При этомъ приказчикъ употребилъ нѣсколько любимыхъ своихъ сильныхъ выраженій.

— А ты чего раскричался? Обѣдать хотимъ, обѣдать пора! Вотъ чего разсѣлись! отвѣтилъ кто-то.

— Да вы съума спятили! бѣшено закричалъ приказчикъ, — только что поднялось солнце, а вы уже обѣдать? Давно-ли „снѣдали“.

— Давно-ли, недавно-ли, а только работать мы не станемъ, пока не пообѣдаемъ!

Приказчикъ сталъ въ тупикъ. Впрочемъ, онъ быстро, повидимому, сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ былъ изъ „тонкихъ бестій“ (такъ онъ самъ себя рекомендовалъ) и по одному тону понялъ, что тутъ дѣло не простое. На этотъ счетъ у него былъ отчужденный нюхъ, и въ головѣ его тотчасъ-же мелькнуло слово: „стачка!“ Опытный и потому тактичный въ такого рода дѣлахъ, онъ какъ-то вдругъ переѣхнулся и сталъ почти мягокъ, что, Впрочемъ, удивительно мало шло къ его хитро-злой физиономіи.

— Гм!.. Вотъ оно что?! промолвилъ онъ какъ-бы про себя.— Посмотримъ, какъ вамъ обѣдать хочется.

Онъ повернулъ коня и пустилъ его во весь опоръ. Черезъ нѣсколько минутъ явился кашеваръ съ казанкомъ, появился огонь, и скоро поспѣла каша. Полтавцы вынули ложки и присѣли къ мискамъ. Они глядѣли угрюмо и молчали. Только одинъ ярославецъ ухмылялся и изрѣдка острилъ, и то обращаясь больше къ бабамъ, которыя какъ-то больше понимали его. Заговорщики, очевидно, не знали, какъ вести себя дальше и что изъ этого выйдетъ, а ярославецъ понималъ, что будутъ дѣлать то, что онъ сдѣлаетъ. Начали ѣсть лѣниво, потому-что въ самомъ дѣлѣ недавно завтракали и ѣсть никому не хотѣлось.

— Тѣфу! плюнулъ вдругъ ярославецъ.— Развѣ это каша? Развѣ это крупа? Что онъ это, братцы? Онъ свиней своихъ этой крупой кормилъ, а теперь насъ кормить ея? Бросай, братцы, ложки! На такой крупѣ мы не работаемъ!..

Онъ бросилъ ложку и перевернулъ миску съ кашей. Жидкая каша разлилась по травѣ; поднялся страшный хохотъ; каша изъ другихъ мисокъ полетѣла туда-же... Полтавцы принялись плевать во всѣ стороны; легко было понять, что это ни больше ни меньше, какъ придирка. Приказчикъ нахмурился, руки у него задрожали отъ злости, однако, онъ счумѣлъ сдержатъ себя и не произнесъ ни слова; онъ зналъ, что всякое слово, которое онъ теперь могъ-бы произнести, было-бы ругательное. Съ напряженнымъ спокойствіемъ подошелъ онъ къ котлу, набралъ ложку каши и попробовалъ. Крупа была дѣйствительно безукоризненна; значить, дѣло было ясно, какъ Божій день.

— Что-же это? Вы просто работать не хотите? Такъ—что ли? Чего-жь вы молчите? Долженъ-же я что-нибудь сказать помѣщику!

— Такъ вотъ и скажи, какъ было! коротко отвѣтили ему.

Приказчикъ свирѣпо плюнулъ, сѣлъ на коня и усакалъ въ деревню, къ помѣщику. Между тѣмъ косари изъ другой, сосѣдней партіи издали видѣли, что у полтавцевъ происходитъ что-то особенное. Какъ только приказчикъ отѣхалъ, немедленно оттуда явился посоль, съ цѣлью разузнать, въ чемъ дѣло. Косари, объятые любопытствомъ, едва помахивали косами: тутъ ужъ было не до работы; къ тому-же приказчика не было, значить можно было и совсѣмъ не работать.

Заговорщики вынули трубки, набили ихъ „тютюномъ“ и закурили. Полтавцы сидѣли спокойно, не суетились и даже разговаривали о постороннихъ вещахъ. Видно было, что они уже освоились съ своимъ новымъ положеніемъ. Прошло уже больше получаса, когда, наконецъ, со стороны деревни по дорогѣ показалось громадное облако пыли. Стали обозначаться верховые, а далеко позади показалась изящная одноколка помѣщика.

— Вотъ оно, братцы, какую мы пыль подняли! весело острить ярославецъ.

Верховые подѣхали. Это были приказчики, объѣздки, машинистъ и проч., словомъ—вся помѣщичья администрація. Между ними былъ главноуправляющій—толстый нѣмецъ, умѣвшій по русски только ругаться.

— Это что? Что это вы выдумали? Ахъ вы, мужичье безмозглое! Да вы знаете, куда васъ упекутъ за это? Да вамъ Сибири не миновать! За это по закону на каторгу. Это бунтъ, вы бунтовщики!

Это кричали приказчики—всѣ разомъ; главноуправляющій-же только краснѣлъ и сердился, искренно жалѣя, что не можетъ сказать ни слова; но полтавцы не обращали на нихъ никакого вниманія и, точно ничего не слыша, продолжали свои разговоры. Подѣхалъ помѣщикъ. Это былъ довольно плотный, плечистый мужчина лѣтъ сорока, съ совершенно бритымъ лицомъ и короткоостриженными черными волосами. На немъ былъ свѣтлый костюмъ изъ шелковой матеріи и стружковая шляпа съ полями внизъ. Движенія его были плавны и полны достоинства. Онъ слылъ за образованнѣйшаго человѣка въ цѣломъ уѣздѣ и, въ качествѣ земскаго дѣятели, пользовался большою популярностью; у него была прекрасная бібліотека, онъ выписывалъ множество журналовъ и газетъ, каковые держалъ въ изящныхъ папкахъ и переплетахъ. Между крестьянами онъ слылъ за человѣка мягкаго и обходительнаго. Онъ никогда не позволялъ себѣ говорить грубо съ мужикомъ, всегда говорилъ ему: „вы“, и на поклонъ отвѣчалъ сниманіемъ шляпы и солиднымъ, почтительнымъ наклоненіемъ головы. Его благовоспитанная натура не могла выносить грубыхъ словъ и сильныхъ выраженій, поэтому онъ и приказчикамъ своимъ строго наказывалъ обходиться съ рабочими деликатно.

Помѣщикъ медленно вышелъ изъ экипажа и подошелъ къ ра-

бочимъ. При его появленіи, приказчики смолели, а полтавцы поднялись со своихъ мѣсть и сняли шапки.

— Вы, господа, недовольны вашей? спросилъ онъ спокойно, съ неподдѣльнымъ достоинствомъ. Отвѣта не послѣдовало.

— Я очень радъ, что это неправда; мнѣ было бы обидно, если-бъ это была правда. Всему уѣзду извѣстно, что у меня харчи прекрасны. Итакъ, господа, здѣсь врется другая причина, — вы хотите нарушить контрактъ...

— Мы не дѣлали контракта!.. робко возразилъ кто-то.

Спокойствіе и достоинство, съ которыми говорилъ помѣщикъ, какъ будто сконфузили заговорщиковъ. Они уже начинали чувствовать себя виноватыми. Смѣтливый ярославецъ понялъ это, и поэтому приготовился говорить за всѣхъ.

— Да... Формально мы не заключили контракта, но мы заключили условіе на совѣсть... Впрочемъ, указанія совѣсти не для всѣхъ обязательны!.. промолвилъ помѣщикъ съ презрительной усмѣшкой. — Чего-же вы, собственно, желаете?

Ярославецъ выступилъ впередъ.

— Да мы ничего отъ вашего благородія не желаемъ! Намъ только пожалуйте расчечецъ!.. бойко заявилъ онъ.

Полтавцы переглянулись между собой. Они, повидимому, не ожидали такого исхода.

— Какъ расчецъ? съ легкимъ испугомъ спросилъ помѣщикъ. Въ самомъ дѣлѣ—ему было чего испугаться. Изъ-за этого слова для него выглядывалъ убытокъ въ нѣсколько тысячъ. Если онъ расчитаетъ цѣлую партію, то огромная полоса травы останется нескошенной. Свободныхъ рабочихъ теперь въ три дня не отыщешь,—всѣ разобраны; а солнце между тѣмъ палитъ безжалостно. Одинъ день—и трава высохнетъ, пожелтѣетъ и никуда не будетъ годна.

— Да такъ, расчецъ-съ! продолжалъ ярославецъ почтительно.—Вамъ желательно, чтобы было по совѣсти, и намъ тоже. А нынче по совѣсти платятъ косарю полтора рубля, а бабѣ рубль; мы туда и пойдемъ, гдѣ намъ дадутъ эту цѣну. Гулять не будемъ, потому охотниковъ много есть!.. Такъ вы намъ и пожалуйте расчечецъ.

— Такъ вы желаете ввести меня въ громадныя убытки? Такъ, что-ли? Ну, это мы увидимъ. Вы забыли, что у меня ваши би-

леть, а безъ билетовъ васъ никто не приметъ. Я не дамъ вамъ ни расчета, ни билетовъ. Ошиблись, милые, въ расчетѣ.

— Нѣтъ, намъ зачѣмъ-же ошибаться? Ужь это пушай кто другой замѣсто насъ ошибется-сь! почтительно, но вмѣстѣ и съ усмѣшкой отвѣчалъ ярославецъ. — Пушай билеты у васъ, а мы все-таки пойдѣмъ. Кому нужны работники — и безъ билетовъ возьмѣтъ... Теперь время горячее...

— А если я судомъ потребую съ васъ убытки?..

— Такъ вѣдь съ насъ взять нечего!.. былъ отвѣтъ.

Помѣщикъ, несмотря на видимое спокойствіе, съ которымъ онъ держалъ себя, нашелъ нужнымъ вытереть вспотѣвшій лобъ. У него, очевидно, истошились всѣ доводы, которые онъ приготовилъ. Время шло. Каждый часъ стоилъ ему сотни рублей. Нужно было какъ-нибудь поскорѣе кончать. Легко было высчитать, что рассчитать цѣлую партію убыточнѣе, чѣмъ заплатить по ходячей цѣнѣ.

— По сколько-же вы хотите? спросилъ помѣщикъ.

— Да какъ другіе платятъ; полтора на мужика, а цѣлковый на бабу.

— Ладно; только я заключу съ вами контрактъ, и ужь тогда...

— Мы контрактъ заключать не станемъ, намъ не выгодно... Дальше цѣна выростетъ!..

— Да что-жь это?! У меня десять партій еще есть, которыя работаютъ по этой цѣнѣ, а вы одни будете исключеніемъ... Такъ вѣдь я найду другихъ работниковъ.

— А мы этого не знаемъ, какъ будутъ другія партіи... Да вотъ поглядите...

Помѣщикъ взглянулъ по направленію къ другой партіи. Издали можно было разглядѣть, что тамъ работа прекратилась, рабочіе сидѣли. Это окончательно разбѣсило его, и онъ едва удержался, чтобъ не выругаться.

— Я очень жалѣю, что до сихъ поръ тратилъ слова и разумные доводы тамъ, гдѣ прилично презрѣніе, съ нескрываемою гадливостью промолвилъ помѣщикъ, хотя на языкѣ у него было: „скоты, мерзавцы, мошенники!“ и т. д. Разбѣшенный, онъ сѣлъ въ свою одноколку и помчался къ другой партіи. За нимъ умчалась и стая приказчиковъ, на лицахъ которыхъ выражалась крайняя тревога.

— Да, теперь, господинъ баринъ, держись за карманъ, онъ-то у тебя отощаетъ. Шутка-ли, побольше сотни на брата перепадетъ! Все-бы это онъ въ карманъ положилъ! Вотъ оно откуда денежки берутся!..

Въ такомъ родѣ разговоры велись между косарями, когда по-мѣшцие уѣхалъ. Черезъ четверть часа прискакалъ привазицеъ.

— Эй, вы! За работу! Живо! По ходячей цѣнѣ! Да только, чтобъ работа кипѣла! Чтобъ сегодняшнее утро наверстали!

— Наверстать-то наверстаемъ! Ужъ это наше дѣло! Баринъ останется доволенъ! весело заговорили мужики, и дѣйствительно завенѣли косы и работа закипѣла съ удвоеннымъ рвеніемъ. Каждый чувствовалъ, что онъ ничего не теряетъ, что онъ получитъ за свой трудъ столько, сколько получаютъ другіе и сколько трудъ его дѣйствительно стоитъ.

IV.

Немного въ этотъ день навосили Артемъ съ Гашуткой. Дѣлливо двигались у нихъ руки, трава какъ-будто не поддавалась косѣ, словно коса притупилась. Часто складывали они орудія и садились отдыхать и засиживались подолгу, сосредоточенно глядя въ ту сторону, гдѣ происходила вся эта сцена. Жадно слушали они все, что тамъ говорилось, не пропуская ни одного слова, внимательно слѣдя за ходомъ дѣла и съ замираніемъ сердца ожидая, чѣмъ все это кончится. Артемъ глядѣлъ угрюмо и отвѣчалъ суровымъ молчаніемъ на нетерпѣливыя замѣчанія Гашутки, но подъ этой внѣшней суровостью скрывалось видимо зачинавшееся чувство торжествующей радости; съ каждымъ часомъ въ груди его сердце начинало стучать сильнѣе: онъ чувствовалъ, что полтавцы, безъ его участія, рѣшаютъ его судьбу. Когда-же тамъ все кончилось, онъ остановился и испустилъ глубокой вздохъ, какъ человѣкъ послѣ непрерывныхъ трудовъ, наконецъ, счастливо окончившій трудное дѣло.

— Пора домой! промолвилъ онъ, обращаясь къ Гашуткѣ. — За грошъ въ день и этого довольно!

— А таки и вправду довольно! безъ колебанія согласилась Гашутка. — Мы не хуже другихъ! При этомъ она съ неподдѣльной гордостью подняла голову, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ

была немаловажной особой. Это выраженіе гордости какъ нельзя болѣе шло къ ней, такъ-что иной заподозрилъ-бы, что подъ этой грубой, загорѣлой кожей скрывается аристократическая кровь. Но достовѣрно извѣстно, что она была дочерью, внучкой и правнучкой обыкновеннаго крестьянина.

Артемъ весело погналъ лошадей. Онъ даже затынулъ пѣсню и подмигнулъ своей спутницѣ, такъ-что Гашутка даже удивилась. Удивлялись и прохожіе, и хозяева, работавшіе на нивахъ, смежныхъ съ дорогой. Они знали Артема за угрюмаго человѣка. Правда, прежде онъ слылъ за весельчака и разбитнаго малаго, но когда бѣда доконала его и изъ порядочнаго хозяина сдѣлала батракомъ, онъ быстро упалъ духомъ, сталъ молчаливъ и какъ-будто навсегда пригнулся и опустилъ голову. Теперь онъ вдругъ выпрямился и глаза его заблестѣли какимъ-то дерзкимъ торжествомъ. Ему было несказанно весело. Удивлялись также и тому, что матушкины работники такъ рано возвращались съ поля. Всякій склоненъ былъ предполагать какъ разъ наоборотъ: матушка любила, чтобъ ея работники выѣзжали раньше всѣхъ, а пріѣзжали позже всѣхъ. А между тѣмъ никто еще и не думалъ возвращаться домой. Солнце еще только собиралось заходить.

— Смотри, Ганно, не будь дурой! любезно обратился Артемъ къ своей спутницѣ.

— Съ какого лиха мнѣ быть дурой? слегка обидѣлась Гашутка.

— То-то и есть! Такъ смотри-же! Потому намъ терять свое не приходится. Сразу оно не хорошо, а помаленьку!.. Да ты гляди, не струсь... А то вѣдь я васъ знаю, бабъ, — чуть что, ужъ вы и назадъ!.. Эта вѣдьма, правда, хоть кого испугаетъ... Чортъ вѣдь настоящій!

— Ну, вотъ еще! Нашла кого бояться! самонадѣянно отвѣчала Гашутка, словно она и въ самомъ дѣлѣ никогда не побаивалась Аграфены Ивановны.

Артемъ молодецки присвистнулъ и запѣлъ еще веселѣе, и сытые поповскіе кони бодро понесли ихъ черезъ село. Весело было на сердцѣ у Артема. „То-то ругня поднимется! То-то взбѣситя наша вѣдьма!“ злорадно думалъ Артемъ и мысленно представлялъ картину, въ которой Аграфена Ивановна съ растрепавшимися волосами мечется по двору, не зная куда дѣваться отъ зло-

сти, а онъ, Артемъ, не стоитъ передъ ней безъ шапки и не глядитъ угрюмо внизъ, а насмѣшливо улыбается. Однако, ничего сподобнаго не случилось, что не мало удивило Артема. Матушка встрѣтила ихъ за воротами. Она глядѣла угрюмо, говорила сдержанно.

— А что такъ рано? спросила она, не глядя на Артема.

— Утомились! Не поздно и выѣхали:— не то, что хорошіе хозяева, пѣтухи деревенскіе и тѣ еще спали! съ сдержанной развязностью отвѣчалъ Артемъ. Ему даже самому показалось страннымъ, что онъ такъ свободно распространяется передъ матушкой. Онъ началъ очень развязно, но сейчасъ-же ему стало какъ-то неловко; голосъ его дрогнулъ и упалъ довольно низко.

— Много-ли навосили? спросила Аграфена Ивановна.

— Много—немного, а съ полдесятины будетъ!

— Гм!.. съ полдесятины! Хороши косари, нечего сказать! промолвила матушка какъ-бы про себя и, не проронивъ больше ни слова, ушла въ комнату, а Артемъ съ Гашуткой только удивленно переглянулись.

Матушка имѣла странный, непривычный для нея видъ. Обыкновенно ее видѣли въ двоякомъ состояніи: она или находилась въ сильномъ нервномъ возбужденіи, причеиъ злилась, бѣсилась на всѣхъ и вся, бѣгала и кричала во всѣ стороны; или въ состояніи сильнаго утомленія, которое наступало за возбужденіемъ, какъ реакція. Въ такихъ случаяхъ она производила впечатлѣніе большого, обиженнаго, угнетеннаго существа; она жаловалась на всѣхъ и съ беззубою злостью обвиняла своихъ слугъ въ самыхъ возмутительныхъ порокахъ. На этотъ разъ она бодро и сдержанно ходила по комнатѣ, повидимому, сильно сосредоточившись на одной важной мысли. Можно было навѣрное сказать, что она строила какой-то немаловажный планъ, что на ея жизненномъ пути встрѣтилось какое-то затрудненіе, которое она должна устранить. Она подошла къ двери, ведущей въ комнату о. Льва и постучала.

— Левъ! Проснись! Ты мнѣ нуженъ!

— А что тамъ такое? послышался голосъ соннаго Льва.

— Ты мнѣ нуженъ! Важное дѣло! повторила Аграфена Ивановна.

Нужно замѣтить, что какъ-бы она ни злилась, съ мужемъ она всегда говорила сдержанно. Она уважала его покой. О. Левъ

поднялся съ непривычной быстротой, потому-что такихъ приглашеній на семейный совѣтъ онъ удостоивался очень рѣдко. Это означало, что дѣло очень важное и, кромѣ того, представляло для него особенную честь. Онъ вошелъ въ залу заспанный и попросту безъ кафтана. Начался семейный совѣтъ.

— Ты все спишь и ничего не знаешь! обратилась къ нему Аграфена Ивановна.

— А что такое? испуганно спросилъ о. Левъ. Съ просонокъ онъ испугался больше, чѣмъ слѣдуетъ.

А то случилось, что всѣ „строкачі“ у помѣщика отказались отъ работы и потребовали прибавки. Сначала отказалась одна партія, а потомъ за ней и другія. Пріѣзжалъ Матвѣй приказчикъ и рассказывалъ. У помѣщика, говорить, изъ кармана вылетить нѣсколько тысячъ лишнихъ... Вотъ что!

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? спросилъ о. Левъ, который никакъ не могъ понять, въ чемъ заключается опасность для него.

— Какъ—что изъ этого? А ты думаешь, *нами* не воспользуются этимъ? Они ужъ давно точатъ зубы, а теперь какъ-разъ такое время, что нигдѣ не найдешь прислуги,—всѣ въ полѣ, вездѣ даютъ хорошія деньги, вездѣ нуждаются въ рукахъ. Да ты знаешь, какъ они могутъ посадить насъ? Всѣ разомъ бросятъ, вотъ и оставайся съ хозяйствомъ!..

— Пустяки!.. успокоилъ ее о. Левъ. -- Все это напрасные страхи. Паспорты ихъ у меня; не буду-же я такъ глупъ, что выдамъ имъ паспорта...

— Ты ничего не понимаешь! съ едва сдерживаемымъ раздраженіемъ перебила его Аграфена Ивановна. — Теперь не до паспортовъ. Хозяева рыщутъ по уѣздамъ въ поискахъ за работниками. Что имъ въ паспортахъ? Лишь-бы были руки... А мы вотъ съ паспортами и останемся на бобахъ...

— Такъ что-же дѣлать? безнадежно спросилъ о. Левъ.

— А то дѣлать, что нужно не давать имъ повода къ придиркамъ. Вѣдь имъ нужно-же къ чему-нибудь придраться. Въ особенности этотъ Артемъ: вѣдь это шельма, да еще какая шельма! Я вѣдь знаю, что у него на умѣ. Я только взглянула на него сегодня, а ужъ все увидала... Такъ ты вотъ что: мнѣ-то самой неловко; какъ-то ужъ слишкомъ неожиданно: вѣдь я ихъ никогда не баловала и вдругъ... Ты позови Артема и дай ему

хорошую рюмку водки. Ну, тамъ скажи что-нибудь этакое... Что, дескать, весна началась, такъ по этому поводу, что-ли!... Что, жоль, рабочіе дни пойдутъ, такъ надо подкрѣплять силы... Ты самъ это лучше скажешь, ты вѣдь говорить умѣешь. Только ты хоть кафтанъ-то надѣнь, а то такъ какъ-то неловко. Хотя онъ и работникъ, а всё-таки неловко. Другимъ расскажеть... Да вотъ встать, чуть не забыла: они сегодня очень рано вѣхали въ степь и оттого дуются. Такъ ты скажи отъ себя этакъ, что, дескать, ты случайно узналъ это и разсердился и что впредь ты запрещаешь это дѣлать.

О. Левъ согласился, что кафтанъ, дѣйствительно, слѣдуетъ надѣть и затѣмъ отъ себя онъ прибавилъ и рясу, что выходило уже слишкомъ торжественно. Гашуткѣ было поручено позвать Артема. Гашутка была любопытна, какъ женщина, и потому не могла удержаться, чтобъ во время семейнаго совѣта не приложить ухо къ скважинѣ въ двери, ведущей изъ передней въ залу и подслушать весь разговоръ отъ слова до слова. Она застала Артема въ конюшнѣ за его любимымъ занятіемъ—чистой и пригладиваніемъ лошадиныхъ спиць.

— Дядя Артемъ! Идите водку пить! запыхавшись обратилась она къ нему и даже нѣсколько испугала его.

— Какую водку? удивленно спросилъ Артемъ.

— Хорошую водку! Ужъ матушка съ батюшкой, должно-быть, не стануть пить поганой водки!

— Да ты съума сошла! Объ какой такой матушкиной водкѣ ты говоришь? Что, можетъ, стибрила фляжку?

— Для чего-же я стибрила-бы? Вотъ еще! Вѣдь я водки не пью! Для васъ, что-ли, стану воровать? обидѣлась Гашутка, какъ-будто ей въ самомъ дѣлѣ никогда не случалось по секрету отъ матушки закусывать въ погребѣ своимъ любимымъ вареньемъ изъ абрикосовъ. У нея, впрочемъ, было отходчивое сердце, и она сейчасъ-же продолжала:

— Матушка испугалась, что строкачи забунтовались, боится, чтобъ и мы то-же... Ну и приказала батюшкѣ: „позови, говорить, дядю Артема и угости его водкой, потому надо его ублагоотворить“... Только скорѣй! Батюшка ждетъ, и рясу надѣлъ, точно къ обѣднѣ собрался!

И Гашутка зло улыбнулась по этому поводу.

— Чо-жь! Я отъ водки не откажусь! Оно не лишнее — по трудахъ пропустить добрую рюмку!.. Ты смотри подай стаканчикъ хорошій... (это было сказано вскользь, между прочимъ). Да только поздневъко они вздумали убогаторвать...

Артемъ положилъ щетку, куда слѣдуетъ, натянулъ свой изодранный и усѣянный заплатами армякъ (ибо если батюшка надѣлъ расу, то ему неприлично являться въ сорочкѣ) и вышелъ изъ конюшни. А Гашутка продолжала уже тайственнымъ шепотомъ, такъ-какъ во дворѣ ее могли услышать.

— Матушка говорить: „дядя Артемъ, говорить, шельма, а его насевозъ вижу“...

Больше Гашутка ничего не успѣла сообщить, такъ-какъ въ это время изъ-за оконъ стекляннаго корридора выглянула голова матушки. Гашутка немедленно оставила Артема и побѣжала подавать водку съ „хорошимъ стаканчикомъ“. Но она, повидимому, была очень худого мнѣнія насчетъ предусмотрительности матушки. Не успѣла она ухватить графинчикъ съ водкой, который обыкновенно подавался на столъ, и большую рюмку, изъ которой пилъ батюшка передъ обѣдомъ, какъ матушка деликатно остановила ее.

— Постой, постой „цндра“ („цндра, а иногда „дзыга“ были отнюдь не ругательныя слова, а скорѣе обозначали благосклонность), куда спѣшишь? Прежде надо спроситься. Вотъ — неси!

Это былъ графинчикъ попроще; въ немъ заключалась водка градусовъ на 5 ниже той, которую употребляла матушка, что достигалось при помощи простой разбавки водой; графинчикъ этотъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ „людскаго“, и водка въ немъ была „людская“, и рюмка къ нему полагалась „людская.“ Последняя на видъ была преогромныхъ размѣровъ, но, обладая чрезвычайно толстыми стѣнками и высокимъ дномъ, не отличалась помѣстительностью. Въ этомъ состояла домашняя политика Аграфены Ивановны.

Артемъ вошелъ въ залу и остановился у порога. Въ одной рукѣ онъ держалъ шапку, другой тщательно пригладилъ волосы и закрутилъ свои длинные усы. Давно не глядѣлъ онъ такъ прямо и свѣтло, какъ теперь. Изъ кабинета вышелъ о. Левъ, одѣтый въ расу и даже съ причесанными кудрями, что съ нимъ бывало очень рѣдко. Эту операцію онъ производилъ только тогда, когда

ему предстояло „служить“ или нужно было отправляться на какое-нибудь торжественное „маслособорованіе“. Артемъ поклонился и взялъ у о. Льва благословеніе.

— Здравствуй, Артемъ Максимовичъ! любовно произнесъ о. Левъ.— Какъ поживаешь?

„О-го-го! подумалъ Артемъ:—уже и Максимовичъ!“ Онъ, впрочемъ, зналъ, что о. Левъ чрезвычайно мягкосердый человѣкъ, и удивился больше потому, что больно ужь отвыкъ отъ этого прозванія.

— Да ничего, слава Богу... вашими молитвами! отвѣчалъ онъ вслухъ, хотя очень сомнѣвался, что о. Левъ за него молится.

— Ты сегодня ѣздилъ на косовицу?

— Точно такъ, — ѣздилъ!

— Скажи мнѣ пожалуйста, что тамъ такое случилось? Что за исторія тамъ вышла съ строкачами? Чѣмъ они недовольны?

— А Богъ ихъ знаетъ, что они тамъ такое натворили? Развѣ что было такое? Я ничего не слышалъ! отвѣчалъ Артемъ совершенно такимъ тономъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ ничего не видѣлъ и не слышалъ и впервые узнаетъ все это отъ батюшки.

— Ну, неужели-же не слышалъ?! Все село уже знаетъ! промолвилъ батюшка такимъ тономъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ Артему, что тотъ ничего не слышалъ.

— А ей-Богу-же, ничего не слышалъ! Да коли не вѣрите, такъ вотъ вамъ крестъ (Артемъ перекрестился), и чтобъ я съ этого мѣста не двинулся!

Артемъ былъ набоженъ, и если рѣшился произнести вышеупомянутыя заклинанія, то лишь потому, что не вѣрилъ въ батюшкину искренность. Зато и батюшка, несмотря на такія сильныя заклинанія, не повѣрилъ ни одному слову Артема.

— Да и какъ мнѣ знать? продолжалъ между тѣмъ Артемъ.— Я своимъ дѣломъ былъ занятъ, за косовицей не до разговоровъ, тамъ не время слушать... да вотъ лучше всего спросите у Ганны, она была со мною! При этомъ онъ указалъ глазами на Гашутку, принесшую хлѣбъ и пару соленыхъ огурцовъ на закуску. Гашутка вопросительно взглянула на батюшку.

— Ты, Ганна, развѣ слышала что-нибудь о строкачахъ? обратился къ ней Артемъ.

— Я? О строкачахъ? Чего это вы, дядя Артемъ, все на меня

нападаетесь! Да еще при батюшкѣ! Какіе такіе строкачи? Я ни съ какими строкачами не знаюсь! Гапунтка очень обидѣлась и, выходя изъ залы, даже нашла необходимымъ хлопнуть дверью. „Молодецъ! Ловкая дѣвка! Славно штуку выкинула!“ мысленно похвалилъ ее Артемъ.

— Ну, да Богъ съ ними! махнулъ рукой батюшка.—Я вотъ позвалъ тебя, чтобъ поздравить съ косовицей... у меня такой обычай, я всегда поздравляю!.. Время теперь трудное, рабочему челоѣвку надо подерѣпляться, рабочее время!

— Покорно благодаримъ, батюшка! почтительно поклонился Артемъ.—Только оно, знаете, по хозяйству завсегда время выходитъ рабочее, безъ дѣла никогда не сидимъ... подерѣпиться никогда не мѣшаетъ!..

— Ну, да, да, конечно; я вѣдь это всегда говорилъ, всегда такъ и распоряжаюсь! Да матушка забываетъ... хлопотъ у нея много, вотъ она и забываетъ!.. А оно, конечно, рабочему челоѣвку всегда слѣдуетъ!.. Ну, вотъ-же тебѣ!..

При этомъ батюшка поднесъ Артему рюмку съ водкой. Артемъ взялъ рюмку, перекрестился, промолвилъ: „будьте здоровы“ и, получивъ въ отвѣтъ милостивое: „пей себѣ на здоровье“, выпилъ и сталъ закусывать огурцомъ. При этомъ онъ поклонился и повернулся къ выходу, такъ-какъ считалъ уже всѣ свои обязанности выполненными.

— Да вотъ еще что я хотѣлъ сказать! Пстой! остановилъ его батюшка.—До меня дошло (при этомъ батюшка дружески положилъ руку на плечо Артему и заговорилъ такимъ низкимъ тономъ и такъ тихо, будто боялся, что его могутъ подслушать), до меня дошло, что васъ сегодня на степь послали слишкомъ рано... Это, видишь-ли, по ошибкѣ... Видишь-ли, часы поспѣшили... (при этомъ батюшка укоризненно указалъ на стѣнные часы) такъ вотъ поэтому! Но впередъ этого не будетъ, я распорядился. Помни-же, что это ошибка, часы поспѣшили, и я очень недоволенъ этимъ, но впередъ этого не будетъ. Ну, теперь ступай себѣ съ Богомъ ужинать. Господь съ тобой.

И батюшка поблагословилъ его большимъ крестомъ.

По уходѣ Артема, о. Левъ почувствовалъ себя свободнѣе. Онъ теперь выполнилъ всѣ свои обязанности и, кажется, имѣлъ право предаться покою. Но прежде чѣмъ рѣшиться на это, онъ зашелъ

въ спальню Аграфены Ивановны освѣдомиться, хорошо-ли онъ выполнилъ свою роль.

— Ну, что, я, кажется, ничего такого не сказала... лишняго? Кажется, какъ должно?! спросилъ онъ съ нѣкоторою даже робостью.

— Нѣтъ, ничего такого! снисходительно отвѣчала Аграфена Ивановна, и, ободренный этимъ отвѣтомъ, отецъ Левъ отправился досыпать, вполне увѣренный, что на этотъ день свершилъ свое высокое назначеніе.

Артемъ, между тѣмъ, отправился ужинать. Кухня помѣщалась нѣсколько поодаль отъ жилища хозяевъ. Это была обыкновенная мужицкая хата, построенная изъ глины, украшенная камышевою крышей и маленькими, почти квадратными окнами о четырехъ „шибкахъ“ зеленоватаго стекла, изъ коихъ двѣ штуки были выбиты и замѣнены синей сахарной бумагой, наклеенной при помощи разжеваннаго житнаго хлѣба. Такую замѣну матушка объясняла отсутствіемъ въ деревнѣ стекольщиковъ, хотя ничего не было легче, какъ заказать стекла почтарю, каждую недѣлю посылающему своихъ лошадей въ городъ. Благодаря этому обстоятельству, зимой, несмотря на частую и долгую топку, въ кухнѣ почти всегда стояла непогода, и всякія атмосферическія перемены отражались въ ней и на ея обитателяхъ такъ-же тонко, какъ и на барометрѣ. Вслѣдствіе этого, кухарка въ продолженіи всей зимы не снимала овечьяго тулупа и исполняла свои обязанности, поминутно приплясывая на мѣстѣ, отчего согрѣвались ея ноги. Здѣсь помѣщалась огромная печь съ плитой, которая во время топки выбрасывала изъ своихъ отверстій, на манеръ Везувія, цѣлыя облака дыма, вслѣдствіе чего кухарка, не получавшая отъ господъ ни одной рюмки водки, во всякое время чувствовала пріятное головокруженіе. У стѣнъ тянулись лавки, а передъ ними—довольно длинный столъ, на которомъ рубили мясо, шатковали капусту, лѣпили вареники съ сырѣмъ и обѣдали. Въ углу помѣщалась огромная икона, изображавшая довольно загадочную группу святыхъ, у которыхъ болѣе или менѣе рельефно обозначались только „архіерейскія митры“ и благословляющія руки, все-же остальное было смыто временемъ, для котораго нѣтъ ничего святого. Кухня переѣвкалась канатомъ, на которомъ живописно были развѣшаны сегодня вымытыя кухонныя тряпки и нѣкоторыя принадлежности

туалета кухарки Марѣи. Чтобы пройти черезъ хату, нужно было значительно нагнуться, въ противномъ случаѣ проходившій рисковалъ почувствовать мокрую тряпку на собственной физиономіи. Сама кухарка Марѣа была женщина не первой молодости, но еще очень бодрая и крѣпкая. Повидимому, основными принципами ея міросозерцанія были: работать до изнеможенія и на всякое, сказанное ей непріятное слово отвѣтить десять, гораздо болѣе непріятныхъ. Дѣйствительно, она работала, какъ волъ, и „огрызалась“, какъ дворовая собака, причеъ не дѣлала исключенія даже для матушки. Матушка, убѣдившись въ ея неустрашимости, обыкновенно не затрогивала ее, и, благодаря лишь этому, у нихъ дѣло шло болѣе или менѣе мирно.

Войдя въ кухню, Артемъ былъ очень пріятно удивленъ, такъ-какъ на столѣ, вмѣсто обычныхъ селедокъ или огурцовъ, дымились гречневые вареники, издавая ласкающій обоняніе запахъ, который для голоднаго малоросса представляется самымъ нѣжнымъ ароматомъ.

— Добрые вареники! похвалилъ Артемъ.—Кабы до нихъ да сметаны! Эхъ, хорошо-бы было!

— Да ты вотъ что! обратилась къ нему Марѣа, которой, кстати сказать, Гашутка успѣла уже все рассказать,—ты пошли Гашутку до матушки: Артемъ, молъ, сметаны просить...

— Не да-астъ!

— Дасть! Теперь она все дасть, такъ ты и пользуйся!

— А ей-Богу пойду! Хоть для одного смѣху пойду. То-то разбѣсится! Прогонитъ, я думаю! весело проговорила Гашутка и убѣжала къ матушкѣ просить сметану. Черезъ пять минутъ, полмиски сметаны уже стояло на столѣ, и матушкины работники просто не знали, какъ имъ быть. Было высказано предположеніе, что матушка съума сошла; тѣмъ не менѣе, вареники со сметаной были съѣдены съ несомнѣннымъ аппетитомъ.

— Ну, хоть въ послѣдній разъ добромъ помянемъ! промолвилъ Артемъ, вытирая замаслившіяся губы рукавомъ рубахи.

— Ты развѣ думаешь—завтра? спросила Марѣа въ полголоса.

— А чего я тутъ буду сидѣть? Варениковъ объѣдаться, что-ли? Вареники добрые, да не любы они мнѣ, ея вареники! Да и что время терять? Нынче день полтора рубля стоитъ, а здѣсь я получаю десять копѣекъ въ день, такъ это разница...

— Дядя Артемъ! А завтра, какъ пойдете на деревню, кланитесь батьку моему, чтобъ и меня отобралъ поскорѣе. Я ему грошей заработаю! промолвила Гапутка.

— А я ужъ и не знаю, что мнѣ дѣлать! вздохнула Марѳа.— По моимъ лѣтамъ (ей было подъ пятьдесятъ), пожалуй и не примуть въ громадилицы!.. Скажутъ: „куда тебѣ? Стара!“

— Чего „стара“?! Нынче не смотрятъ, старъ или младъ, всякаго берутъ, потому урожай полный, руки вонъ какъ нужны! Да что тутъ раздумывать? Давай-ка завтра все разомъ бросимъ эту вѣдьму, пускай-ка поплачется! Пусть хоть взбѣсится съ досады, ей-Богу грѣха не будетъ! Вѣдьма вѣдь, какъ есть вѣдьма!

V.

Слѣдующій день былъ праздничный. Артемъ поднялся рано и первымъ дѣломъ принялся чистить лошадей.

На этотъ разъ онъ производилъ это съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Онъ методично, любовно разглаживалъ спины своихъ любимцевъ и при этомъ съ разстановкой говорилъ имъ прощальную рѣчь. Смыслъ этой рѣчи сводился къ тому, что онъ ихъ чиститъ въ послѣдній разъ, такъ-какъ сегодня-же намѣренъ повинуть ихъ; что врядъ-ли другой работникъ будетъ любить и холить ихъ такъ, какъ онъ; что хотя эта вѣдьма стоитъ у него поперекъ горла со всемъ своимъ хозяйствомъ, но они, кони, здѣсь совершенно не при чемъ, и онъ останется имъ вѣренъ. Словомъ, онъ высказалъ имъ такія вещи, какія обыкновенно на прощаньи высказываются любимымъ существамъ, и кони, повидимому, вполне понимали его, потому-что стояли смиренно и, только изрѣдка махая хвостами, въ знакъ признательности закрывали все лицо Артема цѣлымъ снопомъ жесткихъ волосъ.

А солнце между тѣмъ выглянуло изъ воды и въ одно мгновеніе покрыло блескомъ широкое зеркало ставка. Разомъ отразилось оно въ безчисленномъ множествѣ росинокъ, усылавшихъ траву и деревья, и точно посеребрило сады и безконечную ниву. Его привѣтствовало все, что обладало способностью чувствовать, но громче всехъ встрѣтила его огромная стая воронъ, которая своимъ безконечнымъ „ура“ покрывала слабые хоры воробьевъ, пере-

целовъ, жаворонковъ. Заглянуло оно и къ Артему въ конюшню и заставило его положить орудія чистки и почесать затылокъ.

— Эге! Да уже не рано! Пора и въ походъ! промолвилъ онъ, выставивъ голову въ дверь и поглядѣвъ, высоко-ли поднялось солнце. Затѣмъ онъ натянулъ на себя свитку, опять почесалъ затылокъ и промолвилъ себѣ подъ носъ: „Ну и свитка-же! Ей-Богу, стыдно и въ люди показаться! Заслужилъ... чтобъ тебѣ на томъ свѣтѣ ходить въ такой свите!“

Въ это самое время матушекъ, которая безпокойно томила подъ одѣяломъ, вѣнулось, изъ чего можно заключить, что послѣднее пожеланіе Артема всецѣло относилось къ ней. Бѣдная Аграфена Ивановна очень много страдала въ эту ночь. Она почти не спала. Она, по своей опытности, почти предвидѣла тревоги наступающаго дня и каждую минуту видѣла все больше и больше увеличивающіеся расходы по хозяйству. Она потратила довольно злости, отчего не мало пострадало ея мягкое, нѣжное одѣяло, которое о. Левъ два года тому назадъ подарилъ ей въ день ангела (здѣсь кстати упомянуть, что, по мнѣнію о. Льва, лучшаго подарка въ день ангела нельзя было придумать).

Замѣчательнѣе всего было то, что Аграфена Ивановна въ эту ночь ни на кого такъ не злилась, какъ на самое себя. Она никакъ не могла простить себѣ одной величайшей хозяйственной ошибки, которая отнюдь не дѣлала чести ея дипломатическимъ способностямъ. Именно, нанимая работниковъ, она имѣла полную возможность закабалить ихъ контрактами: съ контрактами въ рукахъ она могла-бы считать ихъ своей неприкосновенной собственностью, и никто изъ нихъ даже и не подумалъ-бы покинуть ее въ такое горячее время. Но дѣло въ томъ, что тогда у нея была нѣсколько иная точка зрѣнія. Тогда она не предвидѣла урожая; она не хотѣла быть связанной и лишенной права во всякое время прогнать своихъ рабочихъ на всѣ четыре стороны. А теперь... Вотъ именно за это она зла на себя, и можно поручиться, что впредь она будетъ предвидѣть всѣ обстоятельства, даже урожай. Всю ночь она бичевала себя и только къ утру, совѣмъ истомленная, она заснула. Но лучше-бы она не засыпала!

Приснилось ей, что всѣ, рѣшительно всѣ покинули ее, и никто не хочетъ наниматься къ ней. Она умоляетъ, даетъ большія деньги, но все напрасно. А на ея нивѣ созрѣла густая, волосистая

рожь; солнце безжалостно палитъ колосья, и изъ нихъ уже сыплются зерна. Все это богатство пропадаетъ даромъ, и никто, рѣшительно никто не хочетъ помочь ей. „Это, должно быть, оттого, что я такая злая!“ думаетъ Аграфена Ивановна и начинаетъ звать на помощь о. Льва. Но о. Левъ спитъ непробуднымъ сномъ. Онъ, кажется, заснулъ навсегда. Страшно стало Аграфенѣ Ивановнѣ; она вскрикнула и проснулась. Слава Богу, въ дѣйствительности все обстояло еще не такъ плохо, какъ во снѣ. Однако, пора вставать; кажется, и солнце взошло. Этого еще никогда не было, чтобы она вставала позже солнца. Она одѣлась и вышла во дворъ поглядѣть, дала-ли кухарка Марѳа корму гусямъ и уткамъ. На дворѣ ее встрѣтилъ Артемъ. „Уже куда-то собрался!“ тревожно подумала матушка.

— Мнѣ надо на деревню! промолвивъ Артемъ, подойдя къ ней и снявъ шапку.

— Зачѣмъ? и матушка насквозь пронизала его своимъ острымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Да такъ, семью провѣдать! Сегодня-же праздникъ! отвѣчалъ Артемъ. „Сразу какъ-то неловко!“ подумалъ онъ между тѣмъ. Матушка отвернулась и ушла, не давъ никакого отвѣта.

Артемъ вышелъ со двора. Но вмѣсто того, чтобы провѣдывать семью, онъ повернулъ совсѣмъ въ другую сторону. Налѣво отъ бабушкинаго дома, въ третьемъ домѣ, помѣщалась помѣщичья экономія.

Она состояла изъ двухъ длиннѣйшихъ хатъ, одну изъ которыхъ занимали два приказчика со своими семействами, въ другой-же, имѣвшей видъ обыкновеннаго сарая, помѣщалась кухня для рабочихъ, а въ ненастную погоду здѣсь-же рабочіе скучивались для ночлега. Къ этимъ зданіямъ примыкалъ огромнѣйшій дворъ, заставленный всевозможными „восилеями и вѣялками“, обломавшимися повозками и отдѣльными частями воевъ. Поодаль помѣщалась „кузня“—небольшая землянка, крытая обыкновеннымъ черноземомъ, на которомъ прозябали всевозможные виды растительности. Артемъ отправился прямо къ одному изъ приказчиковъ. Здѣсь толпилось множество свитокъ и „запасокъ“, явившихся за полученіемъ заработанныхъ денегъ за недѣлю. За высокой конторкой возсѣдалъ тотъ самый приказчикъ съ рыжими баками, который извѣстенъ былъ подъ именемъ „тонкой бестіи“. Онъ ловко щелкалъ на сче-

тахъ и выдавалъ рабочимъ расчетные листы. Дождавшись очереди, Артѣмъ подошелъ къ конторкѣ.

— Тебѣ что? спросилъ приказчикъ, оглядѣвъ его съ ногъ до головы.

— Пришелъ наниматься! увѣренно отвѣчалъ Артѣмъ.

— Гм! Наниматься! Какъ-же это ты пришелъ наниматься, когда служишь у батюшки?

— Я съ батюшкой въ расчетѣ!

— Знаемъ мы вашъ расчетъ. Ты пронюхалъ, что нынче хорошо платятъ, и, не долго думая, бросилъ хозяина. У-у! Народецъ!. Кнута на васъ нѣтъ! Твой паспортъ!..

„Тонкая бестія“ все понялъ. Здѣсь встати замѣтить, что приказчикъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ о. Львомъ и Аграфеной Ивановой. Два года тому назадъ онъ женился на дѣвицѣ, которая какимъ-то страннымъ образомъ умудрилась прослужить у матушки около 4-хъ лѣтъ кряду, и съ этихъ поръ приказчикъ-Матвѣй не пропускалъ ни одного воскресенья, чтобъ не навѣститъ матушку, не попить у нея чайку и не назвать ее своей благодѣтельницей. Вчера, не успѣлъ онъ вернуться съ поля, какъ уже забѣжалъ къ матушкѣ и сообщилъ ей обо всемъ случившемся. Тутъ-же было рѣшено, что въ случаѣ, если Артѣмъ или Гашутка, или даже Марѳа вздумаютъ наниматься къ помѣщику, то ихъ отнюдь не принимать и безъ всякой пощады гнать прочь изъ экономіи.

На вопросъ о паспортѣ Артѣмъ нѣсколько замаялся и нерѣшительно отвѣчалъ, что паспортъ его еще у батюшки.

— Ну, а мы (приказчикъ-Матвѣй въ то время, какъ онъ сидѣлъ за канторкой, смотрѣлъ на себя, какъ на олицетвореніе цѣлой экономіи, а потому выражался о себѣ не иначе, какъ во мпожественномъ числѣ) разныхъ пройдохъ безпаспортныхъ не принимаемъ! Тебѣ что нужно? внезапно обратился онъ къ одной изъ свитокъ, чѣмъ явно показалъ, что съ Артѣмомъ больше разговаривать не станетъ. Артѣмъ вышелъ съ понуренной головой. Правда, онъ не упалъ духомъ, потому-что далеко не все еще погребло, свѣтъ не клиномъ сошелся на крамаревской экономіи. Что-бы, однако, ни случилось, а кланяться „этой вѣдьмѣ“ онъ во всякомъ случаѣ не станетъ, да и не то, что кланяться, а если-бы даже она ему кланялась, онъ не остался-бы у нея. — „А что, если“... и Артѣму пришла въ голову невеселая мысль. Что, если

вездѣ, куда онъ ни навернется, точно такъ-же будутъ отвѣчать ему? Да мало этого,—его, какъ безпаспортнаго, могутъ взять и засадить куда-нибудь въ холодную, и просидитъ онъ тамъ самое горячее время, ничего не заработаетъ и потеряетъ то, что заработалъ у матушки за зиму.

— Артемъ Максимовичъ! послышался ему знакомый голосъ, когда онъ проходилъ черезъ дворъ экономіи.

— А, это вы, дядя Терешко! промолвилъ Артемъ, обернувшись и увидя передъ собой высоваго, плечистаго мужика въ бѣлой праздничной сорочкѣ и черной барашковой шапкѣ. Дядѣ Терешкѣ было уже лѣтъ за сорокъ, въ его длинныхъ усахъ появилась уже сѣдина, когда-же онъ снималъ шапку, то на головѣ его обнаруживалась изрядная лысына. Это былъ отецъ Гашутки, мужикъ, всему селу извѣстный своей непомятой силой и такой-же бѣдностью. Последняя, впрочемъ, очень часто объяснялась извѣстной склонностью дяди Терешки къ вину. Благодаря этому-же обстоятельству, Артемъ не мало былъ удивленъ, увидя его трезвымъ въ праздничный день.

— Что бы то значило, дядя Терешко, что вы сегодня...

— Не пьянъ? перебилъ самъ Терешко.

— Ну да! Вамъ оно какъ-будто и не къ лицу!..

— Хе, хе! А то значить, что нынче некогда! Такъ-то, Артемъ Максимовичъ. Некогда нынче въ кабакъ ходить: время хорошее, зарабатывать надо! Своего-то у меня ничего нѣтъ, говорятъ пропилъ, а ей Богу, и пропивать-то было нечего! А теперь вотъ, видишь, и одежду новую справилъ; вотъ какъ у насъ нынче! И дядя Терешко самодовольно закрутилъ свой настоящій казацкій усъ.—А я вотъ что хотѣлъ сказать тебѣ:—ты наниматься, что-ли, пришелъ?

— А отчего-жь-бы и нѣтъ?

— Эхъ, голова! Ну и придумалъ-же ты -- наниматься у этого мошенника! Вѣдь это — рудая собака; у этихъ рудыхъ у всѣхъ продажныя души! Развѣ ты не знаешь, что онъ у матушки лижетъ руки и ноги!.. А ты лучше ступай въ кузьминскую экономію; тамъ примутъ безъ разговоровъ, да еще спасибо скажутъ, потому нынче рабочаго человѣка не хватаетъ, нынче они, какъ гончіе псы, гоняются за восаремъ, за нашимъ братомъ! И я тамъ работаю, — вотъ и пойдемъ вмѣстѣ. Много-ли тутъ? Пять верстъ,

да и то безъ малаго. Эхъ, Артемъ Максимовичъ, времячко нынче, я тебѣ истинную правду скажу, — вотъ ужъ я сорокъ-два года на свѣтѣ живу, а этакого не запомню. То-то пожива для нашего брата! Это ужъ истинно Богъ сжалился!..

Артемъ безъ долгихъ колебаній согласился на предложеніе дяди Терешки. Затѣмъ онъ передалъ ему порученіе Гашутки.

— Хе, хе! А Ганна у меня—дѣвка не глупая! Самодовольно замѣтилъ дядя Терешко,—да я и самъ хотѣлъ уже отобрать ее. Чего она тамъ будетъ киснуть? Вотъ, завтра и возьмемъ ее съ собою въ кузьминскую экономію. Она будетъ громадить. Вѣдь она, шельма этакая, громадить, какъ чортъ!

Вообще легко было замѣтить, что Ганна была слабостью дяди Терешки. Впрочемъ, это понятно, если взять во вниманіе, что она была его единственнымъ дѣтищемъ, такъ-какъ остальные, въ одну несчастливую зиму; разомъ вымерли отъ дифтерита.

Было уже около полудня, когда Артемъ, навѣстивъ жену свою и ребятъ, вернулся къ своему посту.

— Пора обѣдать! провозгласила Марса, встрѣтившаяся ему въ воротахъ.

— Не время! озабоченно отвѣчалъ Артемъ.—Гдѣ батюшка съ матушкой?

Батюшка съ матушкой были въ залѣ, и Артемъ безъ доклада отправился туда. Когда онъ вошелъ въ комнату, матушка немедленно исчезла, такъ-что передъ нимъ промелькнула только часть ея платья. О. Левъ былъ въ кафтанѣ; онъ собирался закусывать, поэтому не успѣлъ еще приспособиться въ постели. Передъ нимъ стоялъ графинчикъ съ водкой, сопровождаемый селедкой, приготовленной рукою самой Аграфены Ивановны.

— А, это ты, Артемъ Максимовичъ! чрезвычайно по-дружески встрѣтилъ его о. Левъ.—Вотъ это я люблю, чтобы ты самъ являлся передъ обѣдомъ; всегда, братъ, надо самому хлопотать! Если-бъ ты прежде это дѣлалъ, то всегда получалъ-бы рюмку водки!

При этомъ о. Левъ сталъ наливать водку въ рюмку, очевидно, предназначая ее Артему.

— За ласку благодаримъ покорно; только я не за этимъ пришелъ...

— А зачѣмъ-же?

— За расчетомъ! Прошу покорно рассчитать меня!

Батюшка совершенно не ожидалъ такого отвѣта, поэтому не подготовилъ никакого возраженія. Это заставило его подумать минутъ двѣ, что представляло для него подвигъ не послѣдней руки.

— Но... послушай! Чѣмъ-же ты не доволенъ?

— Этотъ вопросъ вызвалъ у Артема едва замѣтную улыбку. Странно было въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобъ батюшка самъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Да ничего... Всѣмъ, какъ есть, доволенъ... Только, извѣстно, у каждаго своя выгода...

— Ну да, конечно, я не спорю, согласился о. Левъ, — но, однако, мой милый, нужна-же какая-нибудь причина, поводъ какой-нибудь! Послушай, Артемъ Максимовичъ: будемъ говорить прямо, по душѣ, — я, какъ пастырь, какъ добрый пастырь, а ты, какъ духовный сынъ, какъ послушный духовный сынъ!.. При послѣднихъ словахъ о. Левъ привсталъ, подошелъ къ Артему и положилъ руку на его плечо — приѣмъ, употребляемый о. Львомъ всегда при дружескихъ объясненіяхъ.

— Будемъ говорить по душѣ! продолжалъ онъ трогательно, такъ-что въ голосъ его послышалось даже нѣкоторое дрожаніе. — Конечно, я не говорю, что тебѣ было у меня хорошо. Самъ теперь вижу, что былъ недосмотръ... Матушка... она, правда, жаловата, но... въ сущности, она добрая! Самъ видишь, какое у нея хозяйство; она всюду одна, нельзя-же одной усмотрѣть за всѣмъ. А ужъ теперь я самъ буду смотрѣть, чтобъ вамъ, прислугѣ, хорошо было. А притомъ вотъ еще что. Мы вѣдь не звѣри, мы тоже человѣки, видимъ... Вотъ я самъ вижу, что жалованье твое малое. Ну, конечно, по зимнему времени оно ничего. Зимой работа легкая, домашняя... а теперь другое время, и я вотъ самъ набавляю тебѣ... я даю тебѣ, вмѣсто сорока, девяносто рублей... Ну, вотъ видишь?.. Мы объ васъ заботимся...

— Покорно благодаримъ, батюшка, только меня все-таки рассчитайте. Ужъ будьте такіе добрые. Такое дѣло выходитъ, что никакъ не возможно... — И Артемъ отвѣсилъ батюшкѣ низкій поклонъ.

Въ это время растворилась дверь и въ комнату ввалился дядя Терешко. Первымъ дѣломъ онъ перекрестился на образа (дядя Терешко былъ набоженъ), а потомъ отвѣсилъ поклонъ о. Льву.

— Здравствуй, Терентій! Зачѣмъ пожаловалъ?

— Къ вашей милости, батюшка! смиреннымъ тономъ отвѣчалъ дядя Терешко.—Дочка понадобилась, такъ ужъ вы ее мнѣ рассчитайте!..

На этотъ разъ о. Левъ уже совершенно сталъ въ тушкѣ. Да и вообще вся эта канитель давно ему надоѣла, его тянуло на постель, онъ ужъ совсѣмъ ослабѣлъ и отяжелѣлъ. По части сообразительности онъ вообще былъ не ходокъ, что-же касается до находчивости въ трудныхъ обстоятельствахъ, то это ужъ совсѣмъ было не его дѣло. Но въ то время, какъ о. Левъ находился въ такомъ безвыходномъ положеніи, произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Дверь изъ гостиной съ шумомъ распахнулась, и изъ нея стремительно выпрыгнула Аграфена Ивановна. По ея багровому лицу и прыгающимъ зрачкамъ можно было узнать, что она взбѣшена до послѣдней степени и сейчасъ слѣдуетъ ждать бури. (Не трудно было также догадаться, что она стояла у двери и слышала весь разговоръ.

— Нѣ-этъ! прогремѣла она ужасающимъ голосомъ.—Больше я не могу-у! Я терпѣла, долго терпѣла, но больше не могу-у! Вы что-же это? Сговорились? Канальи, разбойники, прохвосты, мошенники! О-о! Я не могу! Я больше не могу! Не вытерпѣла!.. Рассчитать васъ? Денежки вамъ выдать? Паспорты понадобились? Какъ-бы не такъ! А вотъ этого не хотите? Нѣтъ? Не хотите? (При этомъ матушка, при помощи своихъ десяти пальцевъ, очень искусно изобразила четыре шиша одновременно). Вонъ сейчасъ! Чего-жъ вы стоите? Вонъ, говорю! Забирайте пожитки, тряпье ваше нищенское, и вонъ, чтобъ вашего духу здѣсь не было!

Дядя Терешко и Артѣмъ сочли за благоразумное убраться по добру-по-здорову, а матушка своею бранью торжественно провожала ихъ за ворота. Ея классическая брань слышна была за полверсты кругомъ. Нѣсколько любопытныхъ сбѣжались на этотъ крикъ и любовались интереснымъ зрѣлищемъ, причѣмъ бабы, у которыхъ языки никогда не перестаютъ чесаться, дѣлали ядовитыя замѣчанія: „вотъ такъ ругается! Не понашенски!“ или: „вотъ у кого поучись, бабы, какъ надобно по настоящему ругаться!“ А матушка на этотъ разъ превзошла самое себя. Она высказала совершенно не осуществимыя желанія, въ родѣ того, на примѣръ, чтобъ Артѣмъ со всѣмъ своимъ семействомъ, съ хатой и даже съ

собаками и телятами (которыхъ у него не было) ни съ того ни съ сего провалился сѣвозъ землю, причѣмъ не преминула вызвать съ того свѣта невинную тѣнь стараго Максима Кладька, пожелавъ ему семь разъ перевернуться въ гробу; что-же касается дяди Терешки, то ему, со всѣми его чадами и домочадцами, предписано было трижды сгнить, превратиться въ прахъ и послѣ всего этого еще повѣситься на осинѣ. Въ концѣ-же концовъ, самоотверженно жертвуя всѣмъ своимъ доходомъ, матушка высказала желаніе, чтобы и вся Крамаревка провалилась сѣвозъ землю...

Къ счастью, молитва ея не была услышана.

Утро слѣдующаго дня застало нашихъ героевъ въ полѣ. Въ Кузьминской экономіи у нихъ не спрашивали паспортовъ, потому что было не до того, да при томъ странно было-бы думать о паспортахъ, когда большинство тамошнихъ мужиковъ знало ихъ, какъ своихъ сосѣдей. Терешка и Артежь, величественно помахи-вая косами, шли въ переднемъ ряду; Гашутка „громадила, какъ чортъ“, чѣмъ доставляла невыразимое наслажденіе своему нѣжному родителю—дядѣ Терешкѣ. Тутъ-же изо-всѣхъ силъ старалась не отставать отъ нея и Марча, которая, оставшись одна въ матушкиной кухнѣ и почувствовавъ всѣ горькіе симптомы одиночества, тихонько собрала все свое имущество,—состоявшее изъ старыхъ, подаренныхъ ей матушкой „въ минуты нѣжности сердечной“, ботинокъ, довольно грязнаго фартуха и собственноручно вышитой сорочки,—и, никѣмъ не замѣченная, улепетнула изъ матушкинаго дома.

Съ дальняго востока весело глядѣло утреннее солнце; весело шумѣлъ свѣжій утренній вѣтерокъ, нѣжно, любовно шевеля шелковую зеленую траву, усѣявшую ровную, гладкую степь, которой, казалось, не было конца; весело щебетали жаворонки, чирикали воробьи.. И безконечно весело глядѣли наши герои на эту Божью благодать, точно послѣ долгихъ лѣтъ тяжелой, томительной неволи, въ весенній солнечный день ихъ, наконецъ, выпустили на свободу.

И. Потапенко.

ПИСАТЕЛЬ.

РОМАНЪ

Роберта Гальта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XIX.

Г. Кастанъ пріѣхалъ съ встревоженнымъ видомъ. Онъ поцѣловалъ дочь, долго не выпускавшую его изъ своихъ объятій, потомъ зятя, который тотчасъ-же повелъ его въ свой кабинетъ. Здѣсь, какъ только они усѣлись, Октавъ, объявивъ въ нѣсколькихъ вступительныхъ словахъ о своей вторичной неудачѣ, сказалъ:

— Я даю свое послѣднее сраженіе, отъ котораго все зависитъ. Мнѣ нужно сто тысячъ франковъ.

— Еще?

— Да, батюшка.

Г. Кастанъ поднялъ руки въ небу.

— Вы хотите, чтобъ я обобралъ свою дочь, лишилъ ее послѣдняго, не говоря уже о себѣ, даже о васъ... потому-что вы можете потерять и эти деньги, какъ тѣ... Я уже по письму Маргариты ожидалъ чего-нибудь... Но еще сто тысячъ франковъ!..

— Они спасутъ все: и затраченныя деньги, и приданое, и остальное. Съ тѣмъ, что я получилъ отъ васъ, любезный батюшка, въ послѣдній разъ, я надѣялся справиться. Но вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ, подписка въ провинціи замедлилась. Кромѣ того газета „Будущность Франціи“, одного цвѣта со „Звѣздой“,

безчестно вступила со мной въ конкуренцію... которая, однако-жъ, теперь почти не опасна. Газета не продержится и двухъ мѣсяцевъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ убить ее или быть убитымъ ею.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ г. Кастанъ, отстраняя рѣшительнымъ жестомъ всѣ аргументы.—Нѣтъ. Моя бѣдная Сесиль, въ небесахъ, не простила-бы мнѣ этой послѣдней уступки... если даже она простила первую...

Октавъ всталъ.

— Хорошо, батюшка, сказалъ онъ; и лицо его, при этомъ, такъ краснорѣчиво выражало, что онъ мужественно принимаетъ всѣ послѣдствія этого отказа,—что г. Кастанъ испугался. Онъ попросилъ своего зятя сѣсть и выслушать еще разъ всѣ его резоны. Онъ развивалъ ихъ очень пространно и кудреватю; и когда кончилъ, то Октавъ снова всталъ и съ тѣмъ-же выраженіемъ лица отвѣтилъ:—Хорошо, батюшка...

Тогда суконщикъ сталъ-было горячиться и упрекать, но гордый жестъ остановилъ его. Онъ едва успѣлъ удержать за руку уходящаго зятя и, представивъ ему еще нѣсколько краснорѣчивыхъ доводовъ, въ концѣ-концовъ смягчился. И въ самомъ дѣлѣ: могли онъ равнодушно видѣть его гибель, не протянувъ ему руки? Такой огромный талантъ и мужъ его дочери! Развѣ можно было колебаться между жизнью подобнаго человѣка и подвергавшимися опасности деньгами, хотя-бы даже и трудовыми?

Въ тотъ-же день г. де-Шанлозёръ возилъ своего тестя по Парижу, гдѣ тотъ не могъ оставаться дольше двухъ дней, такъ-какъ дѣла призывали его въ Тарасконъ. Они проѣхали мимо издателя Лемьера, у котораго въ витринѣ красовалось послѣднее произведеніе г. Кастана: „Ласки“; потомъ посѣтили редакцію „Звѣзды“, гдѣ Октавъ церемонно представилъ ему всѣхъ редакторовъ. Нѣкоторые изъ нихъ высказали г. Кастану очень много лестнаго относительно „свѣжести“ его провансальскихъ разсказовъ. Онъ, съ сіяющимъ взоромъ, горячо пожималъ руки этихъ господъ. Октавъ посадилъ его на директорское кресло. Вечеромъ онъ повѣзъ его въ оперу, гдѣ они сидѣли въ прекрасной ложѣ балкона. Давали „Донъ-Жуана“. При первыхъ нотахъ серенады, дѣтская радость озарила доброе лицо суконщика.

— Да, да... шепталъ онъ,—это моя гитара и мое „Te quiêro mas que à mi padre“, какъ вы говорили мнѣ, зять мой! Ис-

кусство!.. Артисты! Боже мой, какъ это хорошо! Я чувствую невыразимую отраду при мысли, что и меня отъ времени до времени посѣщаетъ муза!..

Ласки Маргариты заставили его прожить въ Парижѣ три дня лишнихъ... Ей было такъ хорошо и легко подлѣ этого добраго, наивнаго сердца, что Кастанъ, не подозрѣвая страданій своей дочери, уже не спрашивалъ ее—какъ въ Тарасконѣ—не плачешь ли она?

„Молодость и любовь, думалъ онъ,—всегда счастливы! У моей дочери такая веселая натура, а зятю моему нуженъ умственный отдыхъ, и потому онъ не станетъ огорчать ее. Подумай же хорошенько, Кастанъ, — развѣ ты могъ спокойно присутствовать при гибели этого счастья... Если отецъ заткнетъ себѣ уши, то чужіе и подавно не придутъ на помощь къ его дѣтямъ въ минуту опасности!..

Но онъ, однако же, рѣшился замѣтить зятю, что домашніе расходы можно-бы было нѣсколько сократить...

— Если я теперь, возразилъ Октавъ,—хоть сколько-нибудь сожмусь и измѣню свой образъ жизни, то вредить мой погибъ! Вспомните, милый батюшка, что у меня даже нѣтъ экипажа, и что держать троихъ слугъ—все равно, что двоихъ...

— Когда я отдамъ вамъ, любезный зять, требуемую сумму, у меня останется всего 50 тысячъ франковъ.

— Но я возвращу вамъ милліоны!

Сто тысячъ франковъ были выданы Ротшильдомъ, такъ-какъ г. Кастанъ уже снесся съ своимъ марсельскимъ банкиромъ.

Въ минуту отъѣзда, онъ вынулъ изъ кармана маленькую тетрадку, по обыкновенію, отлично переписанную.

— Грустные стихи, сказалъ онъ:—стихи вдовства и одиночества.

— Это составить еще хорошенькую „брошюрку“, сказалъ Октавъ, пробѣгая тетрадку съ одобрительнымъ покачиваніемъ головы...

— Я могу также прислать вамъ, по-прежнему, свои „мелочи“?

— Разумѣется!

Добрякъ уѣхалъ, сопровождаемый самыми сердечными пожеланіями, и Звѣзда заблестала снова среди массы рекламъ, общающихся премій, объявленій о сенсаціонныхъ романахъ, именъ по-

выхъ сотрудниковъ, и по прежнему подъ редакціей г. Октава де-Шанлозера. Еще годъ и три мѣсяца продолжала она держаться, благодаря золотымъ лучамъ, которыми снабдилъ ее г. Кастанъ. Доброе количество этихъ лучей, по обыкновенію, было поглощено широкой жизнью, которую велъ редакторъ. Огромный, напичканный всеими ужасами и потерпѣвшій фiasco романъ добродѣтельной четы Кансовъ, вмѣстѣ съ доктринерскимъ оттѣнкомъ, приданнымъ въ послѣднее время газетѣ ея главнымъ редакторомъ, который, чувствуя потребность излить свою злобу на все земное, а также желая пріобрѣсть подписчиковъ въ южныхъ и западныхъ провинціямъ, началъ гремѣть противъ безвѣрія и ложной науки, — довершили остальное. Въ третій разъ Октавъ долженъ былъ возвратиться къ ростовщикамъ.

Видя себя положительно раззореннымъ, онъ пришелъ въ отчаяніе. Никогда еще оскорбленное самолюбіе не дѣлало его до такой степени раздражительнымъ; теперь онъ уже не въ силахъ былъ совладать съ собой; каждая невнимательность, разсѣянный взглядъ людей самыхъ безобидныхъ возмущали его. Въ разговорахъ, у него безпрестанно вырывался желчный, язвительный, злобный смѣхъ, особливо въ присутствіи женщинъ, его пріятельницъ, которыхъ онъ ревновалъ — всѣхъ безъ исключенія — какъ свою жену. Между всѣми этими пріятельницами Матильда наиболѣе раздражала его. Онъ теперь почти никогда не заставлялъ ее одну. Особенно часто встрѣчалъ онъ у ней г. Камбридона, лицо котораго становилось все болѣе и болѣе желтымъ и который вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Виши, какъ это совѣтовали ему доктора, просиживалъ цѣлые дни у вдовы, съ своей неопредѣленной улыбкой, въ положеніи рыбака, закинувшего удочку. Если же Октавъ, оставшись съ ней наединѣ, позволялъ себѣ какую-нибудь слишкомъ свободную выходку, она тотчасъ принимала величественную позу или даже протягивала руку къ сонетѣ, приводя его этимъ въ ярость. Тогда, какъ-бы для того, чтобы его успокоить, она перемѣняла разговоръ и заводила рѣчь о талантѣ и возрастающей славѣ Поля Дюбура, что уже окончательно выводило писателя изъ себя. Однажды она прочла ему выдержку изъ газеты, гдѣ какой-то репортеръ рассказывалъ о своемъ свиданіи съ Полемъ Дюбуромъ и приводилъ нѣкоторыя сужденія его объ искусствѣ.

Октавъ язвительно засмѣялся, находя слова скульптора лишеными всякаго смысла. — Ему нужно извинить, сказала Матильда. — Онъ самъ не знаетъ, что говорить. Бѣдняжка влюбленъ!

— Въ кого?

— Все еще въ нее...

Возвращаясь послѣ такихъ разговоровъ домой, онъ начиналъ мучить ревностью бѣдную Маргариту и дошелъ, наконецъ, до того, что, указывая однажды женѣ своей на Поля, — котораго они случайно встрѣтили въ театрѣ, — онъ сказалъ:

— Кто сказалъ этому штукатуру, что мы здѣсь? Зачѣмъ онъ явился?

Вскорѣ онъ началъ опять говорить о смерти и ядѣ. Этотъ флаконъ, его единственное спасеніе, — онъ отдалъ его въ минуту вѣры въ жизнь и любовь! Слова эти вывели Маргариту изъ того оцѣпененія, въ которое повергли ее испытываемыя ею страданія. Она медленно вдыхала ихъ въ себя, какъ-бы желая наполнить ими душу свою, и мало-по-малу сама начала чувствовать желаніе смерти. „Все кончено, думала она; — нѣтъ болѣе никакой надежды наполнить пустоту, оставленную въ этомъ больномъ умѣ потерей славы, ни даже подступиться къ этому самолюбію, для того, чтобы перевязать нанесенныя ему раны“. Любовь, преданность, — ничто не помогало. Онъ заговаривалъ теперь о Полѣ Дюбурѣ; и вскорѣ станеть, вѣроятно, подозрѣвать, обвинять... И надо молчать, потому-что слова, клятвы, все это бесполезно. Онъ ничего не слушаетъ и не слышитъ. Что-же это была за странная голова, гдѣ все извращалось, искажалось, гдѣ могли родиться идеи такихъ романовъ какъ „Скользкій путь“, прочитавъ который она остолбенѣла, и потомъ дала себѣ слово никогда не думать, не говорить о немъ. Прекрасный сонъ ея жизни кончился!

И глаза ея, утратившіе свою прежнюю ясность, начали обращаться къ этому шкапу, гдѣ, въ углу, въ кружевахъ, запрятанъ былъ страшный пузырекъ съ ядомъ.

— Послушай, сказала она Октаву однажды вечеромъ, когда онъ болѣе обыкновеннаго былъ раздражителенъ и съ особенной горечью смѣялся надъ человѣческой глупостью, не переставая въ то-же время говорить о смерти. — Послушай: хочешь-ли, мы умремъ вмѣстѣ?

Онъ схватилъ ея руку и, сильно сжавъ ее, спросилъ:

— Ты сохранила флаконъ?

— Нѣтъ; но ты самъ говорилъ прежде, что есть столько другихъ средствъ умереть!..

Минуту спустя, онъ отвѣтилъ:

— Твоя смерть ничего-бы не измѣнила. Вотъ двѣ новости, изъ которыхъ одна, вѣроятно, разсѣветъ твое старое подозрѣніе. Г-жа Лакомбъ, вида, что она не можетъ разсчитывать на взаимность извѣстнаго тебѣ человѣка, котораго она любила и въ сердцѣ котораго все еще жива прежняя страсть, выходитъ замужъ за г. Камбридона, бывшаго виноторговца, имѣющаго 40 тысячъ франковъ годового дохода. Вторая новость та, что я продалъ сегодня свою газету съ аукціона. Ее купилъ Капаръ за 9,500 франковъ. Слышишь-ли: за 9,500 франковъ! Вотъ какой недосыгаемой высоты достигла „Звѣзда!“ И съ безумнымъ смѣхомъ онъ повторялъ десять разъ: 9,500 франковъ.

— Бѣдный батюшка! прошептала Маргарита.

— Вы меня погубили! продолжалъ онъ кричать, вытянувъ руку. — Да, вы... своимъ равнодушіемъ къ моему искусству, къ моему таланту! Вы не поняли, не поддержали своего мужа!

Такъ вотъ что его раззорило! Ея любовь, ея доброта, ея жертвы... На этотъ разъ она только улыбнулась пренебрежительно, ничего не отвѣтивъ.

ГЛАВА XX.

Въ день свадьбы Матильды, 1-го мая, церковь св. Троицы была на четверть наполнена крупными торговцами, между которыми затерялось нѣсколько артистовъ и литераторовъ. Г. Мосерфъ велъ подъ-руку свою дочь, г-жа Мосерфъ опиралась на руку г. Камбридона. Всѣ они торжественно вошли при звукахъ органа, съ достоинствомъ людей, имѣющихъ 50 тысячъ франковъ годового дохода. Поль Дюбуръ появился только на минуту. Появленіе его произвело нѣкоторую сенсацию. Газеты много говорили въ послѣднее время о статуѣ молодого скульптора, которую удалось видѣть нѣсколькимъ лицамъ наканунѣ выставки въ мастерской. Когда онъ проходилъ мимо Маргариты, погруженной въ свой молитвенникъ, Октавъ взглянулъ на нее. Она покраснѣла подъ этимъ взглядомъ.

Они стояли почти въ самой глубинѣ церкви, у столба. Позади нихъ Грендоръ, Ребюкъ и Бріа, восхваляли статую Поля Дюбура. Для того, чтобы не слышать ихъ, Октавъ громко заговорилъ съ своимъ сосѣдомъ г. Рати, и при первой возможности поспѣшилъ удалиться. Зрѣлище этой свадьбы было невыносимо для его самолюбія. Эта женщина насмѣялась надъ нимъ!

Онъ доезъ до дому Маргариту, которая дорогой говорила о необыкновенной желтизнѣ Камбридона и о мужествѣ выходившей за него Матильды. Когда они подъѣхали къ крыльцу, Октавъ, до сихъ поръ отвѣчавшій на все односложными словами, спросилъ дрожащимъ голосомъ:—зачѣмъ г. Поль Дюбуръ былъ въ церкви? или зачѣмъ онъ появился только на одну минуту? Что ему было нужно здѣсь?

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее лихорадочнымъ взглядомъ и потомъ вдругъ оставилъ ее, уѣхавъ куда-то опять. Спустя два часа, онъ возвратился съ такимъ взволнованнымъ и угрожающимъ видомъ, что Маргарита подавила крикъ и отступила.

Онъ затворилъ дверь комнаты, гдѣ они находились, и долго осматривалъ жену свою съ головы до ногъ, словно изучалъ новое лицо.

— Боже мой! Что съ тобой?.. спросила она.

Онъ схватилъ ее за руку.

— Ступайте сюда, сказалъ онъ глухо.—Посмотрите направо... Улыбайтесь... но улыбайтесь съ нѣкоторой грустью въ улыбкѣ. Ну!

Она дрожала.

— Чего ты хочешь отъ меня, другъ мой?

— Покажите ваши плечи!

И грубо разорвавъ тюлевый корсажъ, закрывавшій грудь ея, онъ обнажилъ ея плечи.

— Хорошенькія, нѣжныя плечи молодой дѣвушки!.. Наклоните голову вправо... вотъ такъ.—Онъ самъ пригнулъ ея голову къ плечу.—Хорошо... откройте шею...—Онъ открылъ ее;—такъ, такъ... это именно то... предестное тѣло... нѣжныя линіи... Знаете ли вы, сударыня, что теперь тысячи глазъ пожираютъ это тѣло!

Вся трепещущая она старалась высвободиться.

— Это тѣло?.. прошентала она.

— Да, это тѣло, это тѣло! Тѣло „Наивности“, обнаженное съ головы до ногъ, какъ подобаешь наивности... Скажите мнѣ,

сколько сеансовъ вы дали этому человѣку, вашему любовнику? Какія ласки вы расточали ему, для того, чтобъ онъ могъ воодушевить такимъ образомъ свой мраморъ. Всѣ вы, гнусныя женщины на одинъ покрой, всѣ, какъ собаки, подло бросаетесь рвать на куски побѣжденнаго! Прежній вздыхатель стоялъ за дверями и выжидалъ своего дня. Я падалъ, онъ возвышался. Онъ давно зналъ, что здѣсь болѣе понимаютъ глину чѣмъ книги... что здѣсь есть глаза, чтобъ видѣть, и тѣло, чтобъ выставить себя на показъ! Говорите, когда это началось... Отвѣчайте же... продолжалъ онъ, выпуская руку ея и отталкивая ее отъ себя. — Скажете-ли вы, наконецъ, что-нибудь?

Она сдѣлала знакъ рукой, что не будетъ говорить. Ей, наконецъ, удалось овладѣть собой и нѣсколько успокоиться. Глаза ея были неподвижно устремлены на-поль. Горькая улыбка, казалось, замерла на ея дѣтскихъ губахъ.

— Столбнякъ, что-ли, нашелъ на васъ? вскричалъ онъ въ ярости, наступая на нея и какъ-бы собиравъ ея ударить. — Намѣрены-ли вы говорить, оправдываться?

Она не пошевелилась. Онъ съ безумнымъ смѣхомъ и сжатыми кулаками зашагалъ по комнатѣ, потомъ схватилъ вазу изъ саксонскаго фарфора и, разбивъ ее о паркетъ, вышелъ изъ комнаты.

Минуту спустя, она вышла изъ своего оцѣпененія. Теперь черты ея воодушевляла энергическая, страстная рѣшимость. Она надѣла другое платье, и потомъ, прислушавшись у дверей, позвонила. Вошла горничная.

— Баринъ ушолъ? спросила она.

— Точно такъ, сударыня, отвѣчала горничная.

— Я хочу отдохнуть. Не пускайте ко мнѣ никого.

Быстрымъ движеніемъ она отворила шкапъ и достала изъ корбкы съ кружевами флаконъ съ золотой крышкой, хранившійся тамъ до сихъ поръ. Вотъ она — эта благодѣтельная жидкость. Одной капли ея довольно... Смерть будетъ мгновенная... безъ страданій...

Ей долго не удавалось вытащить пробку; она зажгла свѣчу и, подержавъ надъ ней флаконъ, наконецъ, откупорила его. Тогда она сѣла и, поднявъ глаза съ безмолвной мольбой, поднесла ядъ къ губамъ. Но зубы ея стиснулись, и она задрожала всѣмъ тѣломъ. Съ минуту она оставалась безсильной противъ инстинкта

самосохраненія и, взволнованная до такой степени, что потъ выступилъ у ней на лбу, — вообразила, что уже выпила ядъ.

Наконецъ, успокоившись нѣсколько, она вздохнула. Нѣтъ! Она еще не выпила. Боже мой! Неужели такъ трудно умереть! Одинъ мигъ — и всѣ мученія ея кончатся. Ее не будутъ болѣе оскорблять; она, по крайней мѣрѣ, ничего не услышитъ, лежа глубоко въ землѣ. Миръ, котораго такъ давно жаждетъ душа ея, наступитъ для нее.

Она снова поднесла флаконъ къ губамъ. Зубы ея стучали. Двѣ крупныя слезы покатались по ея блѣднымъ щекамъ. Она сдѣлала надъ собой послѣднее усиліе и, наконецъ, проглотила каплю, закинувъ назадъ голову... но не умерла.

Удивленная она ждала. Потомъ проглотила еще двѣ капли, и еще три — минуту спустя. Тогда она встала. Что это значило? Неужели сила этого яда уменьшилась отъ времени? Или она совсѣмъ исчезла отъ того, что флаконъ долго оставался откупореннымъ?

Четверть часа спустя, чувствуя себя совершенно здоровой, она, подъ влияніемъ мысли, внезапно блеснувшей въ умѣ ея, накинула на себя шаль, надѣла шляпу и отправилась въ сосѣдную аптеку.

— Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, обратилась она къ аптекарю, подавая ему флаконъ, — какая это жидкость?

Аптекарь посмотрѣлъ, понюхалъ, потомъ влилъ въ поданный ему пузырекъ азотно-кислаго серебра. Осадка не было.

— Это дистиллированная вода, сударыня. Какой прекрасный флакончикъ!

Октавъ возвратился домой въ шестомъ часу, чтобъ одѣться: онъ долженъ былъ обѣдать въ гостяхъ. Облечшись въ черный фракъ, онъ прошелъ черезъ будуаръ жены и, посмотрѣвъ на нее съ видомъ судьи, спросилъ:

— Угодно вамъ теперь отвѣчать, сознаться?

Она съ очень ясной улыбкой указала на флаконъ, стоявшій на столѣ. Онъ поблѣднѣлъ и послѣ минутнаго молчанія произнесъ:

— У меня есть другой! Чтобъ васъ успокоить, а вамъ отдалъ этотъ, очень похожій на тотъ.

Она хотѣла отвѣчать, но онъ остановилъ ее движеніемъ руки: Я оставилъ его у себя. Вы поймете, конечно, что я не могу употребить его въ дѣло прежде, чѣмъ не возвращу вамъ ваше приданое и все остальное. Только это удерживало меня въ тѣ ми-

нуты, когда меня преслѣдовала мысль о смерти. А! вы хотѣли выпить это... прибавилъ онъ, смягчивъ тонъ, — и, вѣроятно, это отвѣтъ на мои сегодняшніе вопросы?.. Вы продолжаете упорно хранить молчаніе. Надѣюсь, что вы заговорите завтра.

Онъ взялъ флаконъ и удалился.

Маргарита взглянула на часы. Было четверть седьмого. „Я еще успѣю!“ подумала она. И на клочекъ бумаги она написала эти слова: „Я возвращаюсь къ батюшкѣ“. Потомъ она начала укладывать въ чемоданъ бѣлье, разговаривая съ собою:

— Онъ оставилъ у себя ядъ! Онъ сказалъ это безъ смѣха! Мой страхъ, мои многолѣтнія страданія!.. Эта стена любви, довѣрія, жертвы, когда онъ растроганный сунулъ мнѣ въ руку этотъ флаконъ — онъ даже забылъ все это. О! какая ужасная комедія! И эта попытка отравиться въ Тарасконѣ — тоже комедія! Несчастнѣй! Любовь моя умерла!

Она заперла чемоданъ, положила свое письмо на видное мѣсто, взяла оставшіеся у ней 150 франковъ и, простившись взглядомъ съ окружающими ее предметами, — свидѣтелями всѣхъ радостей и горестей ея прошлаго, — тихонько вышла, незамѣченная прислугой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Было пасмурное, сѣрое утро, когда она на другой день проѣзжала улицей Рынка, ведущей къ отцовскому дому. Вотъ они — родныя мѣста, знакомыя лица, знакомый говоръ, знакомый воздухъ. Вотъ и отецъ!..

Она отворила дверь въ маленькую контору. Высунувъ, бывало, изъ-за этой двери свою веселую головку, она кричала: „Папаша! завтракать“. Г. Кастанъ что-то писалъ. Онъ обернулся и увидавъ искаженное горемъ лицо, пытавшееся улыбнуться, съ подавленнымъ крикомъ бросился къ ней на встрѣчу, въ ту минуту, когда она готова была упасть. Молча, онъ взялъ ее на руки и унесъ наверхъ.

— Дочь моя! Возлюбленное дитя мое! говорилъ онъ, рыдая, придя въ себя.—Боже мой!.. Что съ ней сдѣлали... что сдѣлали съ моею милою дочерью?

И когда Маргарита очнулась и раздирающимъ душу голосомъ произнесла: папаша! дорогой мой папаша,—онъ вскричалъ:

— Что сдѣлалъ съ тобой этотъ человѣкъ? О! я все понялъ.

— Онъ оскорбилъ меня... обвинилъ...

— Оскорбилъ...

Она въ нѣсколькихъ словахъ, задыхаясь, передала ему послѣднюю сцену ревности.

— И я пріѣхала, прибавила она.

— Это я во всемъ виноватъ... Я! Онъ не любитъ тебя болѣе.

— Онъ никогда меня не любилъ!

— А ты?

— Моя любовь умерла, вчера.

— Въ такомъ случаѣ все спасено! Мы теперь вмѣстѣ, дочь моя. Одиночество убило-бы меня. Я чувствовалъ, что я старѣюсь. Посмотри, какъ побѣлѣли мои волосы. Но вотъ, наконецъ, ты пріѣхала! У насъ остается 40 тысячъ франковъ. Три дня тому назадъ, я получилъ отъ этого несчастнаго отчаянное письмо, и еще уплатилъ по нѣкоторымъ векселямъ... 40 тысячъ и магазинъ... Мы проживемъ... Не безпокойся ни о чемъ мой дружокъ, голубка моя. И этотъ человѣкъ оскорблялъ тебя!

— Жестоко, безумно!

— Я поговорю съ нимъ, я! Я потребую у него удовлетворенія за мою оскорбленную дочь; потребую отчета въ моемъ погибшемъ состояніи, въ моихъ обманутыхъ восторгахъ, потому-что вѣдь онъ глупецъ, бездарный человѣкъ!.. кричалъ г. Кастанъ, грозя кулакомъ въ ту сторону, гдѣ находилась станція желѣзной дороги.

Онъ сѣлъ взволнованный. „Расскажи мнѣ теперь подробности“.

Она рассказала ему все, и только не упомянула объ ядѣ, для того, чтобъ избѣжать признанія въ своей попыткѣ къ самоубійству.

Воскликанія и жесты г. Кастана то нѣжныя, то негодующія сопровождали этотъ рассказъ.

— Ревнуетъ къ Полю Дюбурру, сказалъ онъ, когда она кончила, т. е. это значитъ завидуетъ его таланту. Поль Дюбурръ! Твоя бѣдная мать была проникательнѣе насъ... О! эти писатели.

Онъ всталъ. — Послушай, дитя мое, клянусь тебѣ памятью моею бѣдной жены, твоимъ несчастьемъ, что я не буду больше писать стиховъ!.. Литература — это ни что иное, какъ пьянство, которое губить человѣка. Да! И если я возвращусь когда-нибудь къ этому вину, то значить не будетъ ни Роны, ни Господа Бога.

Онъ, въ свой чередъ, открылъ ей свои тайны. Онъ сообщилъ Маргаритѣ о причинѣ смерти ея матери, объ этихъ векселяхъ, протестованныхъ въ Парижѣ и предъявленныхъ здѣсь ростовщикомъ Агеттомъ.

— Я не хотѣлъ наносить тебѣ этого удара, моя крошка.

— О, папаша, воскликнула она, снова бросаясь въ его объятія, — и послѣ этого вы ему отдали свои деньги?

— Но если-бъ ты видѣла слезы этого несчастнаго и всю эту комедію, которую онъ разыгралъ здѣсь, въ комнатѣ, гдѣ скончалась твоя мать... Я не могъ выдержать.

Впродолженіи двухъ недѣль Маргарита не выходила изъ дому, вся погруженная въ воспоминанія о своей дѣвической жизни, навѣянная ей маленькой комнатой ея, и улицей, которую она видѣла въ окно. Теперь ни мысли, ни сердце ея не были уже заняты Октавомъ, и при воспоминаніи о первыхъ прекрасныхъ дняхъ любви она испытывала только горькое сожалѣніе. Мысль о Полѣ трогало ее, но не волновала. „Твоя бѣдная мать была проникательнѣе насъ“, сказалъ отецъ ея. Да, сама она понимала теперь, насколько Поль былъ выше мужа ея; она чувствовала также, что она продолжаетъ жить въ его сердцѣ. Но между ними воздвиглась теперь стѣна и потому въ эту сторону не слѣдовало даже смотрѣть.

Да и могъ-ли скошенный цвѣтокъ любви разпуститься снова.

Однажды, когда она раздумывала обо всемъ этомъ, къ ней постучались въ дверь, и Маргарита увидѣла передъ собой Матильду, которая медленно и осторожно, съ удивленными глазами подошла къ ней...

— Я только-что вернулась изъ своего свадебнаго путешествія, начала она, — изъ Нормандіи, родины г. Камбридона. На возвратномъ пути мы пробыли двое сутокъ въ Парижѣ... вообрази себѣ мое удивленіе, когда я, захавъ въ улицѣ Монсе, узнала, — не отъ г. де-Шанлозѣра, котораго не было дома, а отъ прислуги — о твоёмъ внезапномъ отъѣздѣ въ Тарасконъ. Я вижу по твоему лицу,

что между вами что-то произошло? Я въ отчаяніи, душа моя. Такіе нѣжные супруги! Послѣ этого дѣлается страшно за другихъ. Но эта размолвка, надѣюсь, будетъ непродолжительна! Не такъ-ли?..

Матильда имѣла даръ этой спокойной и ласковой смѣлости, обуздывающей часто людей, очень неблагоклонно настроенныхъ. Она хотѣла дружески взять Маргариту за руку, но та отступила съ сверкающимъ взоромъ.

— Я оставила своего мужа! ты знаешь почему, и ты недостойная женщина! Ты знаешь также, что со времени моего замужества, ты никогда не являлась въ намъ безъ того, чтобы не напоминать безпрестанно о человѣкѣ, одно имя котораго приводило г. де-Шанлозѣра въ раздраженіе, дошедшее, наконецъ, до крайнихъ предѣловъ. Ты знаешь еще, что ты любила Поля Дюбура, ты мнѣ говорила это часто, и что ты два раза выходила за другого. Тебѣ здѣсь нечего дѣлать. Ступай вонъ.

Но бѣловурная Матильда смутилась только на половину. Она выдержала ожидаемый натискъ.

— Ты говоришь вздоръ, отвѣчала она.—Ревность представила тебѣ въ ложномъ видѣ очень ясное положеніе... Я тоже имѣла основательныя причины ревновать къ тебѣ...

— О! прервала ее Маргарита съ горькой ироніей.

— Да... я ревновала, но не теряя голову. Я любила Поля Дюбура, который любитъ тебя до сихъ поръ и вышла съ отчаянія, а частью и по разсудку, за г. Камбридона, точно также какъ прежде приняла предложеніе капитана Лакомба... Кто виновать въ этомъ? Развѣ молодая женщина можетъ жить одна въ Парижѣ или гдѣ-бы то ни было, окруженная всякаго рода опасностями. Я не героиня. Что касается до г. Шанлозѣра, котораго ты однажды застала у меня въ гостиной и въ обществѣ другихъ моихъ знакомыхъ, то онъ былъ для меня всегда другомъ капитана и твоимъ мужемъ. Я честная женщина, Маргарита, знай это. Иначе развѣ-бы я могла сдѣлать такую партію? 40 тысячъ фр. дохода... Не отвѣчай мнѣ... Вотъ г. Камбридонъ. Онъ захватилъ за мной, прибавила она, видя по лицу и движеніямъ Маргариты, что она энергически отвергаетъ подобное оправданіе.

Служанка ввела г. Камбридона, который еще болѣе пожелтѣлъ со дня своей свадьбы. Онъ приблизился грома своими бре-

ловами и почтительно поклонился г-жѣ де-Шанлозёръ, передъ которой, однако-же, не удалось слишкомъ долго разспрашивать въ любезностяхъ, потому что жена его успѣшила сказать:

— Намъ еще предстоитъ сдѣлать очень много визитовъ. Г-жа Шанлозёръ извинить насъ, если мы не будемъ беспокоить г. Бастана.

По поводу Поля Дюбура, бывшаго поклонника Маргариты, влюбленнаго въ нее, безъ сомнѣнія, и теперь, составлялись открыто пари: прійдетъ онъ или не прійдетъ вслѣдъ за г-жей Шанлозёръ.

— Развѣ Поль не прійдетъ сюда? спросила однажды Матильда г-на Мосерфа, возвратившагося изъ муниципальнаго совѣта, котораго онъ состоялъ членомъ.

— Мэръ сейчасъ только отправилъ къ нему письмо, отвѣчалъ г. Мосерфъ. — Городъ желалъ-бы, чтобъ группа св. Марты и чудовища, въ соборѣ, могли быть окончены въ нѣсколько мѣсяцевъ. Если онъ приметъ наши условія, то я могу похвалиться, что проведъ это дѣло быстро. 2-го апрѣля я сдѣлалъ предложеніе въ муниципальномъ совѣтѣ. Недостойно города и церкви, сказалъ я, — не имѣть мраморной группы, изваянной какииъ-нибудь знаменитымъ тарасконцемъ! Сегодня, 12-го апрѣля, предложеніе мое принято; скульпторъ избранъ и мэръ собственноручно написалъ Полю; эта идея, впрочемъ, принадлежитъ тебѣ, дочь моя.

— Да, ей, съ гордостью подтвердила г-жа Мосерфъ.

— Она-бы отлично могла вести торговлю, прибавилъ г. Камбридонъ. — Послѣ моей поѣздки въ Виши, не приняты-ли мнѣ опять за дѣла?

Онъ нѣжно посмотрѣлъ на жену, которая казалось погруженной въ раздумье.

Дѣйствительно, гениальность Матильды и ея старинная вражда къ Маргаритѣ изобрѣли это средство, для того, чтобы вызвать Поля. Одна уже мысль о появленіи влюбленнаго художника въ Тарасконѣ и о послѣдствіяхъ, къ которымъ это могло повести, приводили её въ восторгъ...

ГЛАВА II.

Поль пріѣхалъ. Событіе это надѣлало въ Тарасконѣ страшнаго шума. На гуляньяхъ, въ кафе, въ домахъ только и толковали, что о пріѣздѣ скульптора.

— Боже мой! думала Матильда. Если-бы эти двое парижскихъ сѣглицевъ могли разъ или два на одной недѣлѣ показаться здѣсь вмѣстѣ, какой-бы поднялся шумъ и гвалтъ! Я хочу его непременно слышать! И г. Камбридонъ не поѣдетъ въ Виши прежде чѣмъ я не дождусь этого. Покажѣсть онъ можетъ пить воду Роны, которая не вредитъ желтухѣ.

Однажды вечеромъ она сказала Полю:—Если вы въ четвергъ, въ пять часовъ, пойдете гулять на шоссе „de la Levade“, то встрѣтите меня съ бабушкой, которому хочется поговорить съ вами о вашей работѣ. Вы знаете, что онъ очень хлопоталъ объ этомъ заказѣ.

Въ четвергъ г-жа Шанлозёръ подъ-руку съ отцемъ своимъ появилась на Левадскомъ шоссе. Г. Кастанъ прежде имѣлъ обыкновеніе всегда гулять здѣсь, по четвергамъ, съ своей покойной женой. По смерти г-жи Кастанъ онъ аккуратно продолжалъ совершать эту прогулку. Матильда знала это.

Она также вскорѣ пришла въ сопровожденіи гг. Мосерфа и Камбридона и догнала Маргариту. Между тѣмъ какъ мужчины подошли къ сувонцику и заговорили съ нимъ, показался и Поль Дюбуръ. Благодаря теплой погодѣ, публики собралось довольно много.

— Ну что наша святая Марта? развязно спросилъ г. Мосерфъ скульптора, когда тотъ приблизился.—И онъ сталъ распространяться объ этой работѣ и о желаніи муниципальнаго совѣта знать приближительно, когда она будетъ окончена. Поль отвѣчалъ, что могъ, на эти вопросы и на другіе, идя рядомъ съ обществомъ, между двумя рядами устремленныхъ на него любопытныхъ глазъ.

Замѣтивъ натянутое молчаніе г. Кастана и его дочери, онъ остановился и, раскланявшись, удалился. Отъ него не ускользнуло мимолетное движеніе на лицѣ Маргариты, движеніе, въ которомъ

сказалась ей благодарность за эту деликатность молодого человѣка. Поль отвѣчалъ ей взглядомъ, который она одна только видѣла.

Два дня спустя, они совершенно случайно встрѣтились утромъ въ церкви св. Марты. Онъ вошелъ туда, чтобъ видѣть эффектъ дневнаго освѣщенія въ этотъ часъ, въ той капеллѣ, гдѣ должна была помѣститься его группа.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Маргарита стояла на колѣняхъ, закрывъ лицо руками, и слушала обѣдню, которую служили въ большомъ алтарѣ. Никого, кромѣ нихъ, не было въ этой части церкви. Онъ остановился, притаивъ дыханіе, но вскорѣ она подняла голову, и взглядъ ея встрѣтился съ его взглядомъ, исполненнымъ безконечной любви. Страхъ выразился на лицѣ ея... но Поль, поклонившись ей, поспѣшилъ ее успокоить, сдѣлавъ рукой знакъ, что онъ уходитъ. Шумъ шаговъ его потерялся въ глубинѣ храма.

Вечеромъ весь городъ рассказывалъ, что г-жа Шанлозёръ и скульпторъ назначаютъ другъ другу свиданіе въ церкви св. Марты; а на другой день—что они долго цѣловались за одной изъ колоннъ, а именно за третьей, вправо отъ алтаря; и что ихъ видѣли ѣдущими вмѣстѣ въ каретѣ по направленію къ Бокёру; она была въ фіолетовомъ платьѣ, а онъ въ бѣлой шляпѣ.

Матильда торжествовала. Теперь, когда шумъ, который она такъ желала услышать, долетѣлъ, благодаря одному услужливому сосѣду, до суконщика,—она могла спокойно отправиться съ мужемъ въ Виши.

Бѣдный Кастанъ, пораженный въ самое сердце, въ тотъ-же день, позно вечеромъ, прибѣжалъ къ Полю Дюбуру, котораго засталъ въ мастерской, вмѣстѣ съ его родителями. Все семейство казалось очень взволнованнымъ. Поль при видѣ г. Кастана подбѣжалъ къ нему, схватилъ его подъ-руку и черезъ корридоръ увелъ къ себѣ въ комнату.

— Матушка сейчасъ сообщила мнѣ о гнусныхъ сплетняхъ, которыя ходятъ по городу. Хотите-ли я уѣду? сказалъ онъ, какъ только они вошли... Одно ваше слово — и я завтра-же буду въ Парижѣ. Но ради Бога, мой добрый, дорогой г. Кастанъ—чтобъ она не возвращалась туда... Этотъ... недостойный человѣкъ убьетъ ее, какъ убилъ вашу жену и ваше состояніе!

— Ошибаться такъ, какъ я ошибся—ужасно! Это все равно,

что быть сообщникомъ преступленія! Я очень, очень несчастливъ, дитя мое! сказала суконщикъ, ударивъ себя въ грудь.

Поль влялъ его за обѣ руки и вполголоса спросилъ:

— Она еще любить его?

— Я не думаю... Но она только-что получила письмо.

— Отъ него?

— Нѣтъ; отъ г-жи Бансъ, которая просить ее пріѣхать сейчасъ-же. Г. де-Шанлозёръ въ страшномъ отчаяніи... онъ раскаявается; онъ на пути къ сьумасшествію; и она одна можетъ спасти его.

— Комедія! Гнусная комедія! вскричалъ Поль.

— Да... разумѣется.

— Что-же она сказала, прочитавъ это письмо?

— Ничего. Я оставилъ ее безмолвной, погруженной въ думу. Я хотѣлъ, не теряя ни минуты, видѣть тебя.

Молодой человѣкъ порывисто увлекъ г. Кастана къ дверямъ.

— Бѣгите! Заприте ее; помѣшайте ей ѣхать.

— А! будь спокоенъ.

— Я уѣду завтра-же, клянусь вамъ. Но не пускайте ее отъ себя. Если онъ даже дѣйствительно болѣнъ, будьте неумолимы; потому-что это одна изъ тѣхъ болѣзней, которая сначала сведутъ въ могилу жену, мать, дѣтей... всѣхъ, вокругъ себя. Нервы, возбужденное воображеніе, крошечное дарованіе — огромные аппетиты... Видя, что имъ не удастся положить въ карманъ небо и поставить передъ собой на колѣни человѣчество, — эти натуры дѣйствительно сходятъ съума отъ зависти, отъ злобы и накидываются на слабыхъ, безпомощныхъ, беззащитныхъ, чтобъ показать свою силу, и убиваютъ такъ, что ни законъ, ни медицина ничего тутъ не разберутъ. Спасите ваше дитя!..

— Иду, другъ мой, энергически произнесъ г. Кастанъ.

Онъ поцѣловалъ Поля и, удвоивъ шаги, направился въ улицѣ Рынка.

Маргарита въ своей комнатѣ стояла, наклонясь надъ чемоданомъ, до половины уже наполненнымъ.

Г. Кастанъ, войдя, положилъ руку на плечо своей дочери; и серьезный, съ вопросительнымъ взглядомъ указалъ на чемоданъ, какъ-бы не понимая.

— Милый папаша!

Она бросилась къ нему на шею.

— Я должна васъ покинуть. Я уѣзжаю черезъ два часа.

— Никогда! Я запрещаю тебѣ, отвѣчалъ онъ, высвободясь изъ ея объятій.

И онъ сталъ приводить ей доводы, только-что слышанные отъ Поля, вмѣстѣ съ тѣми, которыя присоединяло къ нимъ его собственное сердце...

Она грустно качала головой.

— Нѣтъ; не запрещайте мнѣ. Упреки совѣсти убили-бы меня, если-бы я не попыталась...

— Онъ играетъ съ тобой гнусную комедію!

— Г-жа Кансъ не ошиблась-бы...

— Онъ убьетъ тебя вѣрнѣе, нежели упреки совѣсти. Ты знаешь, что онъ свелъ въ могилу твою мать. Негодяй! Значитъ, ты еще любишь его!?

— Развѣ нужно любить человѣка для того, чтобъ придти къ нему на помощь. Безуміе! Домъ сумасшедшихъ! Подумайте только, папаша... вы, у котораго такое прекрасное сердце... Я сейчасъ видѣла передъ собой этого несчастнаго... на краю пропасти... его голосъ звалъ меня... съ раздирающимъ крикомъ. Будемъ сострадательны! И притомъ... дорогой мой папаша... вотъ что еще... И она, покраснѣвшись, понизила голосъ: мнѣ страшно... Здѣсь, въ этомъ домѣ, на этихъ улицахъ, въ этой церкви, всѣ воспоминанія моего дѣтства оживаютъ передо мной... выступаютъ въ такихъ яркихъ, прекрасныхъ образахъ... что онѣ пугаютъ меня...

— Поль? спросилъ г. Кастанъ.— Ну, что-же?..

— Это любовь, которую онъ сохранилъ ко мнѣ...

Она встрѣтила испуганный взоръ отца.

— О! Не бойтесь, я уѣзжаю. Я не хочу больше любить! вскричала она.—Я предпочла-бы вырвать изъ груди своей сердце... бросить его, раздавить. Любовь—это адъ!

И она снова кинулась къ нему въ объятія.

— Дочь моя! Я сейчасъ отъ Поля. Если ты останешься— онъ сейчасъ уѣзжаетъ въ Парижъ.

— У него здѣсь прекрасная работа... У меня тамъ—долгъ. Вы учили меня, папаша, исполнять долгъ...

— Такъ! сказалъ г. Кастанъ дрожащимъ голосомъ, опускаясь на стулъ.— Отецъ созданъ для того, чтобъ быть покинутымъ до-

черью, когда онъ одинокъ, когда силы его слабѣютъ... Да, онъ слабѣютъ, Маргарита; удары, которые шли оттуда... изъ Парижа... доканали меня. Миѣ долго не протянуть... И ты, ты моя бѣдная крошка... дитя мое дорогое... ты одна у меня осталась...

Слезы душили его. Она стала передъ нимъ на колѣни и, охвативъ руками его голову, плакала вмѣстѣ съ нимъ. Они оставались такъ нѣсколько минутъ; потомъ г. Кастанъ всталъ, прошелся по комнатѣ и, остановившись, сказалъ: Еще вчера...—онъ вынулъ изъ кармана бумагу—я началъ невольно одно стихотвореніе...

— О! Какъ вы хорошо сдѣлали, папаша!.. сказала она съ едва замѣтной улыбкой во взорѣ, освѣтившей слезы ея.

Онъ прочелъ:

Я болѣе теперь не буду одинокъ...

Дитя мое останется со мною...

Больше ничего не было. Голосъ бѣдняги порвался. Ряданія возвратились къ нему. Онъ сунулъ опять бумагу въ карманъ.

Тогда Маргарита твердымъ голосомъ повторила ему всѣ доводы въ пользу своего отъѣзда, увѣряя, что она возвратится какъ только здоровье мужа позволитъ ей.

— Но вѣдь ты будешь голодать! сказалъ онъ.—У этого несчастнаго нѣтъ ни гроша!

Она отвѣчала, что бывший редакторъ большой газеты, человѣкъ, пользующійся извѣстностью, всегда найдетъ возможность пристроиться; что она сама теперь возьмется за хозяйство, не допустить, чтобы у нихъ воровали.

— Если-бы еще я могъ послѣдовать за тобой! воскликнулъ г. Кастанъ, ударивъ себя по лбу.—Но я долженъ работать для того, чтобы снова скопить тебѣ маленькое наслѣдство... Дня на три, на четыре, я, впрочемъ, могу отлучиться... по крайней-мѣрѣ, я провожу тебя, и переговорю съ этимъ человѣкомъ.

Она не согласилась на это. Она хотѣла одна встрѣтить то, что ее ожидало въ Парижѣ.

Въ полночь, послѣ новой, неудачной попытки удержать ее, онъ, наконецъ, проводилъ ее до станціи желѣзной дороги и, посреди раздирающихъ прощаній, сунулъ ей въ руку три банковыхъ билета, въ тысячу франковъ каждый.

ГЛАВА III.

Она пріѣхала на другой день въ четыре часа вечера.

Лакей Франсуа даже привскочилъ отъ удивленія, увидѣвъ барыню; онъ сказалъ, что баринъ у себя въ кабинетѣ.

Она вошла.

Октавъ сидѣлъ на диванѣ и курилъ. Онъ бросилъ сигару всталъ и пошелъ на встрѣчу женѣ, такъ просто, съ такимъ кроткимъ и благодарнымъ лицомъ, какъ-будто она явилась по его зову.

— Дай прижать тебя къ сердцу, останься такъ! шепталъ онъ, обнимая ее.

Она была удивлена, но сдержанна, глаза ея были опущены.

Видя, что она остается неподвижной, онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ взглядомъ, какъ-бы ожидая порывовъ любви, потомъ пальцемъ сталъ бить по ея плечу.

— Зачѣмъ ты меня покинула? Зачѣмъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Онъ повторялъ это слово такъ лихорадочно, что она отступила какъ передъ голосомъ безумія, который она ожидала услышать при входѣ.

Онъ тоже отступилъ.

— Вы молчите! Зачѣмъ-же вы пріѣхали! началъ онъ снова. Зачѣмъ, если не изъ любви?.. Такъ, значить, изъ сожалѣнія? Да? Это вы изъ-за двѣсти лье пріѣхали, чтобы дать мнѣ такое блестящее доказательство величія вашей души! Несчастный я человекъ!

— Пожалуйста, отвѣчала она, — не мучьте себя подобными мыслями. Я здѣсь — примите меня такъ-же дружельбно, какъ я пріѣхала.

— Сожалѣніе! сожалѣніе! Да! это оно. Вотъ чѣмъ дарятъ меня!

Онъ теперь смѣялся со злобой въ глазахъ.

Онъ зашагалъ по кабинету, потомъ подошелъ къ рабочему столу и, остановившись передъ распятіемъ, стоящимъ около чернильницы, погрузился въ созерцаніе, изрѣдка прерываемое нервными вздрагиваніями, пока, наконецъ, волненіе не улеглось окончательно. Тогда, обращаясь къ своей женѣ, которая тоже глядѣла на распятіе съ возрастающимъ удивленіемъ:

— Сядьте, сказалъ онъ совершенно измѣнившимся тономъ, — забудьте мою вспышку. Съ нѣкоторыхъ поръ въ душѣ моей происходитъ ужасное колебаніе, подобное землетрясенію. Но скоро

конечно, колебаніе это кончится. Умъ, который начинаетъ стремиться къ Богу, не могутъ смущать ничтожные вопросы.

Онъ дотронулся до распятія и до книги съ золотымъ обрѣзомъ, *Подражаніе Христу*, лежавшей на столѣ.

— Вы, надѣюсь, ничего не имѣете противъ того, чтобы я сдѣлался христіаниномъ?

— Ровно ничего, отвѣчала она, удивленная этой новой неожиданностью.

Раздался звонокъ. Октавъ повернулся къ двери.

— Это, должно-быть, аббатъ Жювини, итальянецъ; онъ приходитъ обыкновенно въ это время... Потрудитесь подождать, я вамъ его представлю.

Вошелъ священникъ пятидесяти-шестидесяти лѣтъ, совершенно сѣдой, но съ оживленнымъ лицомъ, высокій и стройный. Октавъ протянулъ ему руку и представилъ его женѣ.

Аббатъ почтительно наклонилъ свою умную голову, окинувъ быстрымъ и симпатичнымъ взглядомъ молодую женщину.

— М-ше де-Шанлозёръ только-что пріѣхала съ юга, гдѣ она провела нѣсколько мѣсяцевъ у своего больного отца, сказала Октавъ, — и хочетъ идти поправить передъ обѣдомъ свой туалетъ. Г. аббатъ обѣдаетъ съ нами, другъ мой.

Маргарита поклонилась и вышла.

Аббатъ взялъ со стола сигару, закурилъ ее и сѣлъ.

— Итакъ... На чемъ-же мы съ вами остановились? любезно спросилъ онъ, смотря на Бахуса, ближайшаго изъ двухъ, все еще стоявшихъ тутъ, боговъ.

— На послѣдней строкѣ *Подражанія*, господинъ аббатъ, и на нѣкоторомъ успокоеніи отъ того сильнаго, умственнаго волненія, которое овладѣло мною въ послѣдніе два мѣсяца. Волна прѣсной воды, послѣ горькихъ водъ. Эта волна давно-бы ужъ унесла меня къ вамъ, если-бъ не послѣдняя нить разсуждающей мысли, которая все еще удерживаетъ меня на берегу.

— Обрѣжьте ее, сказала итальянецъ, пуская клубы дыма. — Кто, какъ вы, признаетъ существованіе божества и кто нашелъ то чудесное слово, которое вы сказали мнѣ при нашей первой встрѣчѣ: „я куколка архангела“...

— Я никогда не сомнѣвался въ безсмертіи души, г. аббатъ, прервалъ его литераторъ.

— Вот видите, продолжалъ аббатъ, съ симпатичнѣйшей интонаціей въ голосѣ, — кто дошелъ до этого, тотъ можетъ пропѣть весь символъ вѣры, цѣликомъ. Я надѣялся, что вы сегодня рѣшитесь. Я уѣзжаю въ Римъ черезъ три дня. Вы знаете, намъ нужны новыя люди для борьбы. Вы можете служить украшеніемъ церкви, благодаря вашему замѣчательному, весьма замѣчательному таланту. — Октавъ поклонился. — Намъ нужны брошюры, нужны „золотыя крылья и пламенные стрѣлы“, какъ говоритъ поэтъ. Расскажите, на примѣръ, ваше обращеніе, — это будетъ прекраснымъ началомъ; мы распространимъ миллионы экземпляровъ. Я не говорю вамъ ни о деньгахъ, ни о славѣ; христіанинъ выше всего этого; но нашъ кредитъ, наша армія, наши журналы, наши издатели — все къ вашимъ услугамъ. Желательно было-бы завтра-же получить отвѣтъ.

— Дайте мнѣ три дня, глубокомысленно отвѣчалъ Октавъ. — Я чувствую, что умъ мой нуждается въ этомъ срокѣ.

— Чтобы воскреснуть? — пожалуй, отвѣчалъ любезно аббатъ Жювини, зажигая свою потухшую сигару.

Онъ искоса поглядѣлъ на литератора съ едва замѣтной улыбкой въ глазахъ.

Это былъ любезный итальянецъ, еще бодрый, несмотря на свои пятьдесятъ восемь лѣтъ. За исключеніемъ политики, которой онъ давно уже занимался со страстью, и женщинъ, къ которымъ онъ все еще чувствовалъ слабость, онъ уже не интересовался больше ничѣмъ и менѣе всего Богомъ, въ котораго не вѣрилъ, что довольно рѣдко въ попѣ; однимъ словомъ — это былъ премилый плутъ, который, если-бы не его профессія, сдѣлался-бы, можетъ-быть, честнымъ человѣкомъ.

Еще до своего перваго свиданія съ Октавомъ, онъ зналъ его какъ свои пять пальцевъ, зналъ о его непомятомъ тщеславіи и о его раззореніи, слышавъ объ этомъ отъ Ребука и Бланшона, въ салонѣ одной прекрасной итальянки, жившей въ улицѣ Вивьенъ.

Онъ прочиталъ *Миранду* и нашелъ въ ней качества, которыми можно было воспользоваться: воображеніе, нервность, обиліе риторическихъ фигуръ; и, чрезъ одного журналиста, познакомился съ авторомъ, въ надеждѣ привести его къ Богу безъ особеннаго труда.

Маргарита появилась только къ обѣду.

Аббатъ, который, казалось, зналъ причину ея поѣздки на югъ, держалъ себя съ непринужденной и любезной почтительностью, а она, въ присутствіи свѣтскаго человѣка, выказывавшаго къ ней нѣкоторое расположеніе, проявилась, отвѣчала умно, съ музыкальными интонаціями въ голосѣ.

„Немножко-бы солнышка и птичка запѣла-бы“... съ грустью подумалъ аббатъ.

Часовъ въ одиннадцать, уходя, онъ сказалъ провожавшему его Октаву:

— Я уже старикъ; по своей профессіи я знаю женщинъ, какъ ювелиръ знаетъ брилліанты—ваша жена брилліантъ...

— Да... но ея уму не достааетъ ясности... отвѣчалъ Октавъ.

— Правда?

— У нея совсѣмъ нѣтъ литературнаго чутья.

— А! протянулъ аббатъ и, надѣвъ шляпу, прибавилъ:

— Черезъ три дня отвѣтъ, не такъ-ли?

На третій день Октавъ, побѣжденный, съ прозенной стрѣлами благодати душой, съ лицомъ, сіяющимъ мистической радостью, былъ у аббата, который далъ ему письмо къ издателю Дарноду. Онъ тотчасъ-же заключилъ съ нимъ контрактъ, обязуясь доставить ему черезъ мѣсяцъ брошюру подъ названіемъ *Мое чудо*, за которую получалъ десять сантимовъ съ каждаго проданнаго экземпляра. За первое изданіе ему тутъ-же выдали все сполна.

Въ слѣдующее воскресенье онъ причащался съ пламенной вѣрою въ сердцѣ. Возвращаясь отъ святой трапезы, съ торжественностью, обратившей на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ, онъ говорилъ самъ себѣ:

— Какъ Шанлозѣръ, я вѣрую, и какъ христіанинъ, я чувствую себя божествомъ.

Это были извѣстныя слова Пія IX, сказанныя ларошельскому епископу Ландрио за нѣсколько дней до провозглашенія догмата непогрѣшимости: „Какъ Мастан, я вѣрую, и какъ папа, я чувствую себя совершенно непогрѣшимымъ!“

Когда въ тотъ-же вечеръ Октавъ взялся за перо, чтобы начать свою брошюру *Мое чудо*, онъ готовъ былъ пролить свою кровь за религію, такъ-же ревностно, какъ онъ изводилъ чернила.

Съ горячей головой, съ лихорадочной быстротой и живостью

написалъ онъ исторію своего невѣрія, своего равнодушія и своего обращенія.

Брики пламенной любви къ небу и ярой ненависти къ землѣ и вѣку, прорываясь тамъ и сямъ, возбуждали и поддерживали вниманіе. Вышло горячо, шумно, красиво.

Аббатъ Жювини, возвратившись изъ Рима, прочелъ брошюру и одобрилъ, смягчивъ ее кое-гдѣ.

Появились афиши, напечатанныя огромными буквами:

М О Е Ч У Д О .

Соч. Октава де-Шанлозёръ.

Тысячи экземпляровъ брошюры разошлись въ двѣ недѣли. Октавъ еще не совсѣмъ былъ забытъ; онъ никогда не писалъ такъ хорошо. Журналы тотчасъ накинулись на автора, заговорили о мистицизмѣ, метафизикѣ: одни свистали, другіе кричали; клерикалы изо всѣхъ силъ раздували пламя. Октавъ захотѣлъ отвѣчать на нападки.

— Отвѣтить надо хорошенько, сказалъ ему аббатъ Жювини. — Васъ называютъ шутникомъ: человѣкомъ, который хочетъ обдѣлать свои дѣлишки... и т. д.

— Я не обдѣлываю своихъ дѣлъ, я честный человѣкъ, я вѣрую, кричалъ Октавъ, прижавъ руку къ сердцу; — вы это знаете!

— Тѣ, кто не признаетъ этого, отвѣчалъ скептикъ-аббатъ, глупцы, не имѣющіе понятія о законахъ мышленія, во имя котораго они говорятъ. Вѣра и обдѣлываніе своихъ дѣлъ — могутъ долго идти рядомъ, не смѣшиваясь и не вредя другъ другу. Одинадцать парижскихъ газетъ и сотня провинціальныхъ печатно оскорбили васъ, осыпали всякаго рода ругательствами, это для васъ счастливое обстоятельство. Политическій моментъ благоприятствуетъ. Привлеките этихъ нахаловъ къ суду; это надѣляетъ шуму, благодаря которому разойдется еще нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ вашего „Чуда“. Золото нечестивыхъ, которое не хуже всякаго другого, спадетъ къ вамъ небесной манной въ видѣ штрафовъ за оскорбленія, а мы будемъ продолжать вѣровать на зло позитивистамъ.

Октавъ почти наивно выслушалъ эти циничныя и насмѣшливыя, но превосходно произнесенныя слова; онъ сталъ дѣйствовать во имя своей оскорбленной совѣсти и выигралъ шестьдесятъ процес-

совъ, т. е. выгребъ двадцать-пять тысячъ франковъ изъ кармановъ той части прессы, которая грубую брань предпочла вѣжливой. Это произвело страшный шумъ.

Октавъ продолжалъ выпускать брошюру за брошюрой, противъ своего „прежняго“ атеизма, „прежняго“ позитивизма и т. д. На заглавіи всѣхъ его брошюръ неизбѣжно встрѣчался одинъ и тотъ-же эпитетъ: „*Моя ложная наука*“. „*Моя ложная добродѣтель*“ и въ каждой фразѣ не менѣе двухъ разъ повторялось я—я.

Иногда, если вдохновеніе не являлось, онъ бросался на колѣни и съ жаромъ умолялъ небо. Онъ возбуждалъ себя къ этому новому настроенію такъ-же, какъ при сочиненіи романа, и становился все болѣе и болѣе искреннимъ.

Маргарита застала его однажды молящимся такимъ образомъ надъ своимъ перомъ. Такъ-какъ онъ не двигался, оставаясь въ одной и той-же позѣ со сложенными руками и, казалось, не замѣтилъ ее, она хотѣла-было уйти.

— Развѣ молитва васъ оскорбляетъ? спросилъ онъ, поднимаясь. — Вы надѣюсь, не ревнуете меня къ Богу?

— Нѣтъ, отвѣчала она такъ спокойно, что онъ нахмурилъ брови.

— А вы могли-бы ревновать безъ особеннаго униженія для васъ, и не ошибаясь.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, между тѣмъ какъ она выходила. За часъ передъ тѣмъ онъ нашелъ на столѣ двѣ свои брошюры, которыя далъ ей прочесть недѣлю тому назадъ; онѣ были даже не разрѣзаны.

Съ этой минуты ревность, заглушенная его нравственнымъ перерожденіемъ и забытая среди новыхъ занятій, вспыхнула снова. Онъ увидѣлъ, что Маргарита совсѣмъ отдалилась отъ него.

— Теперь, говорилъ онъ себѣ, — можно сказать съ увѣренностью, что она его не любитъ.

Она дѣйствительно не любила его.

Съ тѣхъ поръ взглядъ его, грубо-пытливый и заставлявшій ее краснѣть, не покидалъ ее.

Однажды вечеромъ, сядя за столъ, она вздрогнула, увидѣвъ входящую Матильду, снова въ глубокомъ траурѣ и въ слезахъ. Она похоронила въ Виши г. Камбридона, который тамъ шесть

недѣль пролежалъ въ постели и теперь уже никогда не разстанет-ся съ желаннымъ источникомъ Grande Grille.

За два дня передъ тѣмъ извѣстіе это пришло въ улицу Монсе, и вотъ, тотчасъ-же послѣ похоронъ, не заѣзжая, на этотъ разъ, въ Тарасконъ, г-жа Камбридонъ явилась прямо сюда! При видѣ этой траурной одежды и этого коварнаго существа, Маргаритѣ показалось, что вошла ея собственная смерть.

Она не удивилась когда, послѣ обѣда, идя въ будуаръ, Октавъ обернулся къ ней и, пропустивъ Матильду впередъ, тихо сказалъ:

— Для того, чтобы вы не обвиняли опять вашу подругу, которая говорила со мной лишь въ вашемъ присутствіи, я долженъ сдѣлать вамъ одно сообщеніе, — нѣсколько позднее, потому-что я и въ этотъ разъ, какъ тогда тщетно и терпѣливо ожидалъ признанія съ вашей стороны: вы видѣлись съ Полемъ Дюбуръ во время вашего послѣдняго пребыванія въ Тарасконѣ.

— Да, я видѣлась съ Полемъ Дюбуромъ въ Тарасконѣ, это совершенно справедливо, отвѣчала она.

Она говорила громко и съ гордостью, которая его возмутила.

Онъ бросилъ на нея мрачный взглядъ, приглашая ее замолчать, и присоединился къ вдовѣ, которая на порогѣ будуара, ждала, наостривъ уши.

Маргарита колебалась идти за нимъ, боясь сцены, когда явился аббатъ Жювини. Вечеръ прошелъ прилично, оживленный умной бесѣдой итальянца, который часто приходилъ вечеромъ до или послѣ обѣда въ павильонъ Монсе и своимъ разговоромъ развлекалъ его обитателей. Онъ многое зналъ, много путешествовалъ; обожалъ женщинъ, которымъ нравился, благодаря симпатіи, которую онъ умѣлъ деликатно выказывать имъ. Маргарита чувствовала себя хорошо въ присутствіи этого умнаго и любезнаго иностранца, который отлично говорилъ съ ней на ея провансальскомъ нарѣчій.

Въ десять часовъ Матильда ушла. Октавъ пошелъ проводить ее и оставилъ аббата съ женой.

Тихонько, осторожно выбирая слова и тонъ, аббатъ заговорилъ сначала о горестяхъ человѣческихъ, потомъ о божественной любви. Онъ говорилъ какъ отецъ. Эта чистая душа, которую онъ зналъ такъ-же хорошо какъ-бы самъ сотворилъ ее, чрезвычайно трогала его, какъ рѣдкость. Онъ видѣлъ, что она страдаетъ, зналъ причину этихъ страданій, зная также и душу мужа ея, и съ нѣко-

торыхъ поръ тихо шелъ къ цѣли, какъ опытный руководитель женской совѣсти. Признанія женщины, ихъ слезы, благодарные взгляды, пожатія руки трогали его сердце; въ этомъ состояли весь его мистицизмъ, все его призваніе. Ему хотѣлось услышать исповѣдь этой „милой“ скорби.

Съ серьезнымъ видомъ и внимательно смотря на нее, онъ говорилъ ей, что церковь одна имѣетъ настоящее понятіе о жизни и понимаетъ любовь какъ слѣдуетъ, что любовь, когда она остается чиста, всегда отъ Бога...

Она слушала, нѣсколько изумленная. Въ эту минуту Октавъ возвратился.

ГЛАВА IV.

— Да, она пріѣхала опять сюда, потому-что преступленіе свободнѣе въ Парижѣ; вотъ истинная правда.

Съ головой, воспламененной этой мыслью и подъ вліяніемъ г-жи Камбридонъ, литераторъ сталъ слѣдить за женой: онъ обмануть, оскорбленъ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія.

Какъ это нерѣдко случается, ненависть къ женѣ соединилась въ немъ съ страстнымъ желаніемъ, которое онъ старался скрыть всѣми силами своей гордости. Изрѣдка онъ ходилъ развлечься къ Матильдѣ, которая, также какъ и онъ, не сомнѣвалась въ измѣнѣ.

Она вздыхала, выказывала большую симпатію къ несчастному, но держала себя еще дальше, какъ особа съ пятидесятью тысячами франковъ дохода и добивающая третьяго брака, который-бы стоилъ двухъ первыхъ...

Между тѣмъ Шанлозѣръ ей все болѣе и болѣе нравился своимъ лицомъ, манерами, своимъ аристократическимъ именованіемъ, качествами, которыя далеко оставляли за собой и бѣднаго капитана и несчастнаго виноторговца; ее плѣняли также его официальное положеніе защитника церкви, его услѣхъ, видимо выражающійся банковыми билетами. Она прикидывалась набожной, когда онъ пытался разбудить въ ней вѣру мистическими рѣчами или чтеніемъ своихъ божественныхъ брошюръ.

Съ умиленіемъ во взорѣ, откинувшись на спинку кресла, она слушала, по временамъ шумно выражая свое удивленіе, какъ нѣкогда по поводу „Миранды“, но еще болѣе слѣдя за собой, такъ-

что однажды, когда послѣ цѣлаго потока пламенныхъ священныхъ фразъ, онъ вдругъ обнялъ ее талію и принялъ угрожающій видъ, она благочестиво отстранила его руку и сказала:

— Прошу васъ, останетесь душами...

Они разговаривали, однако, и о земномъ, о выгодномъ помѣщеніи денегъ: она надѣялась нажить пять-шесть тысячъ покупкой акцій на Бельгійскіе рудники; она спрашивала, не думаетъ-ли онъ то-же купить, чтобы обезпечить себя вслучаѣ внезапнаго поворота фортуны? А сколько онъ въ этомъ году получитъ съ своихъ брошюръ? Ахъ, если-бы она могла распоряжаться его деньгами!

„Вотъ женщина, настоящая женщина! думалъ Октавъ съ яростью. — А я прикованъ къ этой дурѣ, которая меня разворила своей глупостью, своей небрежностью въ домашнемъ хозяйствѣ, къ этой дряни, которая меня обманываетъ и дѣлаетъ всеобщимъ посмѣшищемъ!

Онъ возвращался домой, сгорая отъ злости, ненависти, ревности, оскорбленной гордости и страсти, съ воображеніемъ, наполненнымъ образами Маргариты и Поля Дюбуръ.

Онъ едва могъ теперь сдерживаться даже передъ холоднымъ вниманіемъ итальянскаго аббата.

Наконецъ, буря разразилась.

Слѣдя за женой однажды на бульварѣ близъ памятника маршала Монсе, онъ вдругъ увидѣлъ около нея Поля; онъ уходилъ, держась еще за шляпу, очевидно, онъ проводилъ ее до этого мѣста. Она шла тихо, съ легкимъ румянцемъ на лицѣ, взволнованная, какъ-бы сдерживая безконечную радость, испытанную въ одинъ изъ тѣхъ часовъ, которыми уравниваются цѣлыя годы страданія.

Она пришла домой; Октавъ вслѣдъ за ней.

Онъ позвалъ кухарку, которая одна изъ всей прислуги оставалась въ эту минуту дома, и послалъ ее съ порученіемъ.

Маргарита въ своей комнатѣ была полураздѣта, когда онъ вошелъ. Она быстро спряталась за занавѣски кровати и вышла, закутанная въ пенюаръ. Онъ улыбнулся.

— Какая стыдливость! сказалъ онъ. Если она исчезла изъ остальнаго міра, то, по крайней-мѣрѣ, отгадно знать, гдѣ она

скрывается. — Я тронуть, сударыня, вашей утонченной деликатностью въ отношеніи къ вашему мужу.

Онъ облокотился на каминь, скрестилъ руки и потомъ глухимъ голосомъ произнесъ:

— Вы оскорбили во мнѣ три священныя вещи: имя Шанлозёра, человѣка и христіанина! Я уже обязанъ вашему внимательству въ мою жизнь, ослабленіемъ своей силы и если-бы не Богъ, который меня оживилъ, я-бы погибъ.

Хотя вся трепещущая, она, однако-же, пожала плечами.

— Что вамъ отъ меня нужно? спросила она.

Онъ въ бѣшенствѣ закричалъ:

— И она спрашиваетъ, — еще съ запахомъ этого человѣка, принесеннымъ ею сюда! Несчастливая! Онъ приблизился къ ней, между тѣмъ, какъ лицо ея выражало самый рѣшительный, самый трогательный протестъ. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ, я простилъ вамъ... простилъ наготу этихъ плечъ этого тѣла, выставленнаго на показъ всему Парижу, послѣ того, какъ оно показывалось въ мастерской, и въ эту-же мастерскую она возвращается! Оттуда она пришла сейчасъ! Еще статуя, неправда-ли? Новая „Наивность?“ Онъ злобно захохоталъ, вида, что она хочетъ прервать его.

— Ну да, запирайтесь; *нѣтъ* — это вѣчный отвѣтъ женщины.

— Я получила сегодня письмо отъ отца, отвѣтила она минутой спустя: — онъ очень болѣнъ и намекаетъ на свою близкую смерть. Теперь вы, надѣюсь, не будете противъ того, чтобы я уѣхала къ нему и, въ этотъ разъ, — на-всегда!

— И въ сопровожденіи... Часъ отъѣзда? Вамъ навѣрное уже назначили его...

— Надо-же, однако, продолжала она, — чтобы мы вышли изъ этого ужаснаго положенія. Я предлагаю вамъ средство.

— Мнѣ одному, сударыня, принадлежитъ право выбирать средство.

Она подумала съ минуту, потомъ разбитымъ, умоляющимъ голосомъ начала:

— Выслушайте меня! Я васъ любила. Вамъ отказали въ моей рукѣ; я пошла за вами, я привела васъ къ отцу... мы соединились. Я долго любила васъ всей душой, и когда начала страдать, то и это страданіе было лишь новой формой моей любви. Затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда я уѣхала и

могла жить мирно и тихо въ отцовскомъ домѣ, при первомъ вашемъ словѣ... нѣтъ, не вашему! при первомъ словѣ посторонняго человѣка, который писалъ мнѣ, что вы страдаете, что ваше здоровье въ опасности, я бросила все и прибѣжала къ вамъ на помощь... Такъ во имя всего этого, я васъ умоляю, отпустите меня, иначе я право, не вижу никакого выхода изъ нашего несчастія?

Онъ отвѣчалъ твердо, но съ каждымъ словомъ приходя все больше и больше въ возбужденное состояніе.

— Выслушайте меня сами! Я не изъ тѣхъ, которыхъ перестаютъ любить, если только эта любовь не была самой жалкой ложью или такимъ ничтожнымъ легкомысліемъ, о которомъ не стоитъ и говорить. Возвратимся къ дѣлу—вы меня не любите больше. Вы любите этого человѣка?.. Да ну-же, прибавилъ онъ, грубо толкнувъ ее въ плечо, говорите, вы любите его?

— Люблю, отвѣчала она, гордо выпрямившись.

Онъ сдѣлалъ дикій жестъ рукою, но тотчасъ-же опустилъ ее какъ-бы подъ тяжестью своего волненія и зашагалъ по комнатѣ.

— Становитесь на колѣни, сказалъ онъ, показывая на полъ и просите прощенія у Бога и у меня!

Она съ улыбкой подняла свои прелестные, невинные глаза къ небу.

Тогда, совершенно обезумѣвъ отъ бѣшенства, онъ схватилъ ее за руку, чтобы принудить стать на колѣни. Она не вытерпѣла:

— Вы можете меня убить! сказала она.—Вы уже уморили мою мать, такъ-же какъ нашего ребенка! Мой отецъ умираетъ; ваше тщеславіе все разрушило вокругъ меня и во мнѣ самой! Вамъ надо становиться на колѣни! Ваши оскорбленія, ваша ложь, начиная съ Матильды, жены вашего друга, до этого страшнаго яда, въ который я вѣрила нѣсколько лѣтъ и который былъ простая вода...

Она не докончила: онъ съ бѣшенствомъ схватилъ ее за шею и толкнулъ. Она ударилась объ стѣну. Бѣдняжка вздохнула два раза и, со взглядомъ умирающей птички, упала на полъ.

Струя крови текла изъ головы на шею. Видъ крови привелъ Октава въ себя, онъ испугался. Обмывъ рану, онъ отнесъ жену на кровать.

— Я прощаю, очнись. Прошу тебя... ты слышишь меня?

Нагнувшись къ сердцу, онъ прислушивался, трогалъ: нѣтъ при-

знаковъ жизни. Онъ стоялъ надъ ней ошеломленный, обезумѣвшій, ему представлялись уже картины уголовного суда, какъ вдругъ жизнь показалась въ этомъ неподвижномъ тѣлѣ: Маргарита пошевелила губами.

Онъ вздохнулъ свободнѣе; уложилъ ее въ постель и, боясь позвать доктора, лихорадочно схватилъ медицинскую книгу, которую онъ купилъ еще когда писалъ *Миранду*, для того, чтобы отыскать въ ней подробности отравленія фосфоромъ.

Прочитавъ часть книги, онъ вообразилъ, что знаетъ довольно для того, чтобы самому ухаживать за больной; онъ положилъ компрессы, для предупрежденія приливовъ крови къ головѣ и сидѣлъ около постели жены всю ночь.

Прислугѣ онъ объявилъ, что съ барыней случился сильный нервный припадокъ, который онъ сумѣетъ вылечить лучше всякаго доктора. То-же объясненіе онъ далъ на другой день и посѣтителямъ и сообщилъ Матильдѣ, что вслѣдствіе спены по поводу Поля Дюбура, Маргарита сама ранила себя въ нервномъ припадкѣ.

Аббатъ Жювини, къ счастью, не являлся; онъ путешествовалъ.

Въ продолженіи пяти дней больная находилась въ состояніи полусна; она то какъ-будто приходила въ себя, то снова впадала въ безпамятство.

На третій день утромъ Матильда прибѣжала съ депешей и вскорѣ затѣмъ съ письмомъ отъ своего отца, сообщавшаго ей о смерти г. Кастана, который такъ-же, какъ и г. Камбридонъ, умеръ отъ болѣзни печени, но гораздо быстрѣе. Его нашли мертвымъ въ креслѣ, передъ письменнымъ столомъ. Рука его лежала на большомъ листѣ бумаги, на которомъ начато было стихотвореніе.

Октавъ взялъ письмо и, растроганный, припалъ къ плечу Матильды.

— Бѣдный, бѣдный г. Кастанъ! Добрая была душа. Какъ долго намъ можно будетъ скрывать это несчастіе? прошепталъ онъ.

Бѣлокуроая вдова приходила утромъ и вечеромъ справляться о здоровьѣ, и поболтать съ Октавомъ въ его кабинетѣ, между тѣмъ, какъ больная дремала въ сосѣдней комнатѣ.

Наконецъ, Маргарита мало-по-малу стала приходить въ себя и, однажды, почувствовала себя настолько хорошо, что могла встать съ постели.

Едва возвратились къ ней память и силы, какъ она, не дѣлая ни малѣйшаго намека на свою болѣзнь, очень рѣшительно объявила Октаву о своемъ намѣреніи въ тотъ-же вечеръ уѣхать къ отцу,—въ полной увѣренности, что на этотъ разъ ее не будутъ удерживать.

Онъ закрылъ лицо рукой, прошелся по комнатѣ, потомъ со вздохами и горестными жестами, послѣ нѣсколькихъ краткихъ убѣжденій не настаивать,—объявилъ ей печальную новость.

Онъ стоялъ около Маргариты, готоваясь принять ее въ свои объятія. Но она только задрожала всѣмъ тѣломъ и два раза жалобно простонала: „Папаша! Милый, дорогой мой, папаша!“ Затѣмъ на лицѣ ея промелькнуло какое-то странное выраженіе, котораго онъ не замѣтилъ; и когда онъ нагнулся къ ней съ словами утѣшенія, она сказала:

— Потрудитесь оставить меня одну.

Онъ тихонько вышелъ, оглядываясь на нее.

Оставшись одна, она плакала нѣсколько минутъ, потомъ отѣрла глаза и подняла руки къ небу со вздохомъ освобожденія, съ рѣшимостью во взорѣ. Эта рѣшимость совершенно преобразила ея милое личико, оставшееся молодымъ и яснымъ посреди всѣхъ несчастій, словно цвѣтокъ подъ снѣгомъ. Она сѣла за письменный столъ и стала писать:

„Я умираю, Поль. Я васъ люблю—теперь это будетъ вѣчная любовь!

„Вы страдали; я пренебрегла вами. О, Боже! Какъ можетъ сердце такъ ошибаться! И кто-же допускаетъ такія ужасныя ошибки? Мой дорогой отецъ, моя мать,—умерли вслѣдствіе этихъ роковыхъ обстоятельствъ. А потому и я должна умереть. Прощайте, я иду къ нимъ.

„Получивъ это письмо, дорогой мой, вы будете плакать; но слезы ваши будутъ менѣе горьки, когда вы подумаете: она любила меня, моя маленькая Маргарита... *Маргариде!* Она умерла со словомъ любви, со взоромъ, обращеннымъ ко мнѣ!

„О, Поль! Я вижу нашу юность, я вижу тотъ день, когда вы пришли къ намъ съ растерзаннымъ сердцемъ! И я оттолкнула это сердце, я даже не взглянула въ него. Боже мой! Боже мой! Вы звали меня цвѣткомъ, птичкой, вы говорили мнѣ: „Я дита, Маргарита, которое обожаетъ тебя и будетъ обожать всю жизнь; я не

умѣлъ высказать этого; я шелъ такъ спокойно около тебя, думая: ея сердце принадлежитъ мнѣ, потому-что мое принадлежитъ ей! „Видите, какъ я все помню; вы рыдали. Ахъ! Эти рыданія! Я и теперь слышу ихъ! И мама тоже бранила мое безуміе; и отецъ послушался-бы мамы; а я помѣшала. Зато я и умираю.

„Одну минуту я думала бѣжать къ вамъ, сказать вамъ все это; мнѣ стало страшно; это было-бы нехорошо, неправда-ли? Между нами есть человѣкъ; не будь этого, какъ-бы я могла ухватить изъ Тараскона? И здѣсь, когда я васъ встрѣтила, какъ-бы я могла удержаться, чтобы не закричать вамъ: Поль! Поль! Помоги! Спаси твою подругу, которая хочетъ жить для тебя и съ тобой и которая чувствуетъ, что уходитъ въ могилу?

„Взаимнѣ души моей, которую я отдаю вамъ, я васъ прошу не мстить. Я не желаю этого. Возвышенность вашего сердца и вашего генія также не позволяютъ вамъ этого. Я увѣрена, что вы меня послушаетесь.

„У моего окна есть дерево, похожее на то, подъ которое мы, дѣтми, прятались отъ солнца, тамъ, у источника Воклюзъ. Какъ это было давно! И съ тѣхъ поръ вы могли сохранить любовь ко мнѣ, вы могли простить меня! Вы, моя гордость, Поль, мое горе и мое утѣшеніе! Я васъ люблю! Вотъ мой послѣдній поцѣлуй! Прости! Приди на мою могилу. Маргарита“.

Она тихонько вышла изъ дому, чтобы бросить письмо въ ящикъ, но еушила сначала стилеть.

Опуская письмо, она вдругъ увидѣла передъ собой аббата Жювини со шляпой въ рукахъ, и слегка вздрогнула.

Какъ-будто ничего не замѣтивъ, аббатъ, который ни на минуту не сомнѣвался въ существованіи любовника въ жизни этого прелестнаго созданія, пренебрегаемаго глупцомъ, съ почтительной любезностью сказалъ ей, что онъ радъ видѣть ее на ногахъ: она была больна! Онъ узналъ объ этомъ вчера вечеромъ, вернувшись изъ путешествія, и шелъ узнать о ея здоровьѣ.

Она поблагодарила, все еще немного смущенная, и пошла домой. Передъ дверью аббатъ раскланялся.

— Я думала, что вы зайдете къ намъ?

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ онъ вѣжливо.

Тогда она почувствовала предательское смущеніе на лицѣ своемъ, но въ то-же время прочла въ глазахъ аббата, что этотъ чело-

вѣкъ неспособенъ выдать тайну женщины: а что ей теперь до того, что онъ подумаетъ? Она протянула ему руку.

— Вы знаете, сказалъ онъ нѣжно, — что я вамъ другъ, и что одного знака этой маленькой руки достаточно для того, чтобы я пришелъ къ вамъ на помощь.

Онъ подождать съ минуту, надѣясь, что это молодое сердце, видимо растроганное, изольетъ передъ нимъ свою скорбь, хотя въ одномъ словѣ, въ одномъ вздохѣ.

— Прощайте, господинъ аббатъ, сказала она.

— До свиданія, сударыня; сегодня вечеромъ, если позволите.

— Сегодня вечеромъ? Да; приходите.

Она прошла тихонько въ свою комнату, и быстро, безъ смущенія, взяла медицинскую книгу, оставленную Октавомъ на ея столѣ.

Во время своей болѣзни она, перелистывая книгу, прочитала замѣтку объ одной молодой дѣвушкѣ, которая зарѣзалась перочиннымъ ножомъ.

Она внимательно прочитала подробности о мѣстѣ удара; потомъ вынула стилетъ изъ кармана.

— На этотъ разъ это не вода, сказала она, съ грустью смотря на него. Она обнажила грудь и царапиной намѣтила мѣсто. Затѣмъ она подняла глаза къ небу.

— Не правда-ли, папаша, я должна придти къ вамъ, и къ вамъ тоже, мама, и къ тебѣ, мой ребеночекъ, который не жилъ?

Она заплакала. Чувствуя, что слабѣетъ, она сдѣлала надъ собою усиліе, сѣла и, быстро поднявъ руку, ударила себя въ сердце.

Четверть часа спустя, на крики прислуги пришелъ Октавъ.

Онъ въ сосѣдней комнатѣ собиралъ матеріалы для своей новой небесной брошюры: *Моя ложная метафизика* и думалъ о томъ, какъ ему разрѣшить свое супружеское положеніе, когда прибѣжалъ Франсуа:

— Барыня умерла!

ГЛАВА V.

Газеты на другой день объявляли, что большое несчастье постигло г. Октава де-Шанлозёръ, „известнаго писателя“; его прелестная молодая жена скоропостижно скончалась отъ апоплексическаго удара.

Религіозныя газеты прибавляли:

„Въ то время, какъ мы печатаемъ этотъ номеръ, его преосвященство дѣлаетъ визитъ нашему несчастному собрату. Похороны будутъ происходить въ церкви св. Троицы, въ понедѣльникъ, ровно въ одиннадцать часовъ.“

Маргарита была вся въ цвѣтахъ; за гробомъ шли священники, журналисты, литераторы и нѣсколько сочувствующихъ людей, между ними Ребюкъ, который въ церкви сказалъ Бланшону:

— Какой странный случай, другъ мой! Прелестное дитя сохранило свою оригинальность до конца. Бѣдняжка! Но посмотрика какія рожи корчить тамъ убійца!

Онъ указавъ на Октава, который поворачивался направо, направо, то съ выраженіемъ твердости духа, то съ сдержаннымъ отчаяніемъ, то съ страдальческимъ лицомъ.

Позади нихъ, между г-жами Дольсинна и Миссольтъ, закрывая лицо своими руками, горевала г-жа Кансъ:

— Вѣдь это я ее, бѣдняжку, вызвала сюда отъ отца!

Но больше всѣхъ огорчена была бѣлокурая Матильда, которая рыдая рассказывала все, что знала объ этой такъ рано прерванной жизни, объ добротѣ и кротости Маргариты, объ ея любви къ мужу.

Выходя изъ церкви, Ребюкъ поклонился ей и такъ-какъ она въ эту минуту говорила объ ужасномъ горѣ г. де-Шанлозёръ, онъ самымъ вкрадчивымъ голосомъ сказалъ ей:

— Мы съ вами постараемся утѣшить его.

Въ Монмартрѣ, когда гробъ опустили въ землю и окропили святой водой, Октавъ сдѣлалъ красивый прощальный жестъ и удалился въ сопровожденіи Дольсинна и церковнаго старосты Notre-Dame, между тѣмъ какъ Жювину оставался на кладбищѣ, издали смотря на покидаемую могилу.

Наканунѣ этого дня, онъ, благодаря своимъ розыскамъ и

распросамъ, добрался, наконецъ, до правды и держалъ въ рукахъ нить драмы, окончившейся посылкой письма на его глазахъ и самоубійствомъ.

Четверть часа спустя, онъ увидѣлъ между деревьями молодого человѣка, остановившагося надъ могилой Маргариты.

„Такъ и есть!“ подумалъ со вздохомъ аббатъ.

ГЛАВА VI.

— Если вы дѣйствительно постигли духъ мой — возьмите меня. Если вы думаете, что я могу служить вамъ маякомъ — смотрите на меня; я не закрою передъ вами моего свѣта. Я вѣрю въ васъ, Матильда, какъ вы вѣрите въ меня; я вѣрю также, что мы созданы для того, чтобы дополнить одинъ другого и дать другъ другу ту полноту жизни, которую не дали вамъ ваши два первые мужа, также какъ не дала ея мнѣ M-le Кастанъ.

— Ваши слова трогаютъ меня, Октавъ, и борьба, которая происходитъ во мнѣ между земнымъ и небеснымъ, требуетъ разрѣшенія.

Они говорили это другъ другу безъ смѣха однажды въ июлѣ, въ саду на дачѣ у Матильды, въ Maisons-Lafitte.

„Женщину, имѣющую пятьдесятъ тысячъ франковъ дохода, не слишкомъ унижить бракъ съ такимъ человѣкомъ“, думала Матильда.

„Человѣкъ, подобный мнѣ, не можетъ жить иначе какъ съ пятидесятью тысячъ дохода и съ женщиной, которая его понимаетъ“, думалъ Октавъ.

И онъ продолжалъ вслухъ:

— Итакъ, если слова мои трогаютъ васъ, Матильда, если борьба, происходящая въ васъ, должна разрѣшиться — говорите!

Также торжественно, какъ и онъ, со стыдливо опущенными глазами она протянула ему руку.

— Будьте моимъ путеводителемъ, моимъ маякомъ! сказала она. — Они „дополнили другъ друга и приобрѣли полноту существованія“, шесть недѣль спустя, съ великимъ торжествомъ въ церкви св. Троицы подъ благословеніемъ того-же священника, который годъ тому назадъ отпѣвалъ Маргариту.

— Они женились; обожаютъ другъ друга и восторгаются одинъ другимъ; у него гений, у нея литературное чутье! вскричалъ аббатъ

Жювину, входя въ мастерскую Поля Дюбуръ, котораго онъ посѣщаль иногда и который опять принялся за свое искусство послѣ того какъ чуть не умеръ отъ горя.

— Да, отвѣчалъ художникъ, сжимая кулаки и съ выступившими слезами на глазахъ:—эти дрянныя, фальшивыя душонки убили своего врага, прекрасную наивность, и теперь они счастливы.

— Можетъ быть, отвѣчалъ аббатъ. — А знаете-ли, что его болѣзненное тщеславіе не уменьшилось подѣ вліяніемъ мистицизма, а, напротивъ, все усиливается. Въ глазахъ его замѣчается подозрительный блескъ; онъ, цѣпляясь за пуговицы моей рясы, страстно доказываетъ мнѣ необходимость религіознаго переворота въ наше время, и съ кислой гримасой говоритъ о второмъ лицѣ св. Троицы. Оно беспокоитъ его. Знаете, я боюсь новаго воплощенія божества и скорого переселенія этого господина въ дождь умалишенныхъ!

К О Н Е Ц Ъ .

ПОСЛѢ ГОЛОДА.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Ну-ка, скатерть самобранная,
Красно золото хлѣбовъ,
Развернись-ка, Богомъ данная,
Да попотчуй мужиковъ!

Наложу горою хлѣбушка,
Припаси намъ кашки-матушки,—
Истомились наши женушки,
Изморилися ребятушки...
Да ужь если та хозяйшка
Нескупится на подарочки,
Поднеси-ка, ради праздника,
Старикамъ вина по чарочкѣ!
Сами мы вокругъ да около
Будемъ сыты послѣ голода,
Ни балованы, ни нѣжены
Не бывали мы и смолода...

Ну-ка скатерть самобранная,
Красно золото хлѣбовъ,
Развернись-ка, Богомъ данная,
Да попотчуй мужиковъ!

Мартовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗПОМОЩНОСТЬ

И

НАРОДНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВІЕ.

I.

Уже на памяти исторіи населеніе вновь слагавшихся въ Европѣ государствъ безпрестанно подвергалось голоданію. Въ наличности не было такой массы пищевыхъ матеріаловъ, которою можно было-бы обойтись въ случаѣ неурожая или какихъ-либо иныхъ причинъ, временно воспрепятствовавшихъ производству новаго запаса питательныхъ продуктовъ. Люди жили изо-дня-въ-день, безпрестанно подвергаясь всѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ непредусмотрительности, вынужденной ихъ неумѣньемъ пользоваться для своихъ цѣлей производительными силами природы. Неурожай и неизбежно въ то время сопутствовавшій имъ продолжительный голодъ составляли нерѣдкое явленіе въ началѣ исторической жизни почти всѣхъ европейскихъ народовъ.

Во Франціи первый мѣстный голодъ, упоминаемый старинными хрониками, относится къ V вѣку. Онъ постигъ Бургундію въ 481 году. Нищета была такъ велика, что одинъ вельможный землевладѣлецъ, родственникъ епископа Сидонія Аполлинарія, нашелся вынужденнымъ кормить на свой счетъ 4,000 бѣдныхъ въ теченіи всего голоднаго времени. Первый общій голодъ, о которомъ сохранились точныя свѣденія, случившійся въ 514 году, вызвалъ чрезвычайную смертность. Въ 588 году недостатокъ въ хлѣбѣ былъ таковъ, что четверигъ овса, составлявшаго тогда главную пищу земледѣльческаго класса, продавался по 23 р. 75 к., считая на наши теперешнія деньги. Спустя 42 года, опять наступилъ ужаснѣйшій голодъ. Король Клодвигъ II-й долженъ былъ превратить въ монету серебряную раку

мощей святаго Дениса, чтобъ раздать деньги бѣднымъ, умиравшимъ отъ голода тысячами. Въ 778 и 779 гг. Карлъ Великій, для отвращенія наступившаго голода, счелъ полезнымъ предписать усиленное исполненіе религіозныхъ обрядовъ и повелѣть сеньерамъ, епископамъ и монахамъ раздавать милостыню. Такиже мѣры были приняты въ 793—799 гг. На этотъ разъ императоръ счелъ нужнымъ еще присовокупить къ нимъ эдиктъ, устанавливавшій дозволенный максимумъ цѣны овса, ячменя, ржи и пшеницы. Самъ онъ велѣлъ продавать зерновой хлѣбъ изъ своихъ помѣстій ниже установленнаго максимум'а и приказалъ знатымъ вассаламъ подражать его примѣру.

Послѣдовавшій въ 815 г. голодъ побудилъ государственную власть изыскивать новыя мѣры къ ослабленію вызвавшихъ его ближайшихъ причинъ—недостатка нужнаго для прокормленія народонаселенія запаса пищи. Въ этомъ году во Франціи впервые состоялось запрещеніе вывоза съѣстныхъ припасовъ; а на слѣдующій затѣмъ годъ было запрещено держать безъ употребленія значительные запасы ихъ въ амбарахъ или складахъ. Лѣтъ семь позднѣе, по случаю сильнаго голода, вынуждавшаго бѣдный людъ распродавать, чаще всего по ничтожной цѣнѣ, все чуть не до послѣдняго рублища, въ числѣ другихъ мѣропріятій, вышелъ запретъ купцамъ покупать за безцѣнокъ имущество бѣдныхъ.

Въ X столѣтіи особенно сильнымъ голодомъ ознаменовались 942 и 945 года. По сказанію одной старинной хроники, съ 970 по 1040 годъ, слѣдовательно, въ промежутокъ 70-ти лѣтъ, насчитывается 48 голодныхъ или эпидемическихъ годовъ. Одинъ старинный французскій писатель увѣряетъ, что во время голода, относимаго имъ къ 1032 г. въ Туренѣ выставили на продажу человѣческое мясо. Въ 1043 г. начался рядъ неурожаевъ, продолжавшихся, по крайней мѣрѣ, въ Нормандіи и въ Анжу, семь лѣтъ. Нужда, достигшая крайняго предѣла, порождала опустошительныя эпидеміи.

Было-бы утомительно для читателя, если-бъ мы, слѣдуя изложенію Легуа, у котораго преимущественно заимствованы приводимые здѣсь факты изъ исторіи голода во Франціи ¹⁾, стали бы упоминать о каждомъ годѣ, отличавшемся неурожаемъ и голодомъ. Достаточно будетъ отмѣтить только такіе изъ нихъ, когда чувствовавшійся недостатокъ въ продовольствіи выразился въ чемъ-нибудь особенномъ или повелъ къ принятію какихъ-нибудь новыхъ мѣръ для его устраненія и предотвращенія.

¹⁾ М. А. Legoyt: La France et l'étranger. Etudes de statistique comparée 1864.

О страшной напряженности голода въ средніе вѣка свидѣтельствуемъ приведенный у Сисмонди разсказъ о смертной казни въ началѣ тридцатыхъ годовъ одиннадцатаго столѣтія одного француза, избобиченнаго въ убійствѣ сорока восьми человѣкъ, совершенномъ имъ съ цѣлью утоленія голода человѣческимъ мясомъ ¹⁾. Пусть не подумаетъ читатель, что Франція была какъ-бы исключительно ареною народныхъ бѣдствій, навлеченныхъ недостаткомъ средствъ пропитанія. То-же самое было и въ другихъ странахъ. Такъ, въ Венгріи, въ XI ст. голодъ и дороговизна жизненныхъ припасовъ довели нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ до каннибализма ²⁾. Въ Шотландіи, уже въ XIV ст., именно въ 1339 г., «когда всюду свирѣпствовалъ голодъ, отчаяніе испортило сердца людей и влекло ихъ къ новаго рода преступленію. Въ странѣ нашлись каннибалы и мы знаемъ изъ одного источника, что одинъ человѣкъ и его жена, попавшіеся, наконецъ, въ руки правосудія, существовали въ продолженіи долгаго времени тѣмъ, что ловили въ западни живыхъ людей, пожирали ихъ мясо и пили ихъ кровь» ³⁾. Въ Испаніи, еще при Карлѣ II, повторялись случаи вынужденнаго голодомъ каннибализма ⁴⁾.

Минуя цѣлый рядъ годовъ, сопровождавшихся неурожаемъ, голодомъ и необычайною смертною, длившимися безъ прерыва по семи и даже десяти лѣтъ, мы перейдемъ прямо къ XV ст.

Въ XV столѣтіи первымъ неурожайнымъ годомъ былъ 1415 годъ. За нимъ послѣдовали одинъ за другимъ четыре года страшной дороговизны на всѣ съѣстные припасы, а десятью годами позднѣе наступилъ голодъ, продолжавшійся ровно девять лѣтъ. За это время вымерла цѣлая треть населенія Парижа. Какъ великъ былъ недостатокъ въ продовольствіи, можно судить по тѣмъ мѣрамъ, къ какимъ прибѣгала тогда общественная власть: предписывалось потребление провизіи лишь въ предѣлахъ крайней необходимости, осматривались дома съ цѣлью открыть спрятанный хлѣбъ, запрещалось приготовленіе всякаго иного хлѣба, кромѣ самаго простаго и необходимаго, а немного спустя—и печеніе пшеничнаго чистаго хлѣба; наконецъ, требуется обязательная отправка хлѣба на рынокъ и т. д. Вызванный неурожаями голодъ возобновился въ первой половинѣ XV столѣтія еще нѣсколько разъ.

1) Рошеръ, „Наука о народномъ хозяйствѣ“, стр. 523.

2) Рошеръ, стр. 523.

3) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ А. Н. Буйницкаго и Э. Н. Ненарокова. 3 изд. 1874, т. III, стр. 202 и 203.

4) Рошеръ, стр. 523.

Въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія изморенныя голодомъ провинціи стали задерживать зерновой хлѣбъ, направляющійся къ Парижу. Хотя парламентъ принималъ жестокія мѣры противъ виновныхъ, но это не помогло. Такъ-какъ въ провинціи хлѣбъ продавался дороже, чѣмъ въ Парижѣ, то торговцы вывозили его ночью изъ города. Прошло какихъ-нибудь восемь лѣтъ, и населеніе Франціи подверглось новымъ тяжкимъ испытаніямъ. Голодъ, начавшійся въ 1528 году, продолжался до 1534 года. Делямаръ рассказываетъ, что съ конца 1528 года до начала 1534 стояли чрезмѣрные и непрерывные жары. Въ теченіи этихъ пяти лѣтъ не было морозовъ въ продолженіи даже двухъ дней къ ряду. Растительность гибла. Благодаря отсутствію зимы, на хлѣбъ напали черви, истреблявшіе его въ зародышѣ, такъ-что «урожай едва доставлялъ сѣмена, необходимые для посѣва въ слѣдующемъ году». Послѣ десяти лѣтъ сноснаго урожая, въ 1544 году опять наступилъ голодъ. Правительство запретило продавать хлѣбъ на корню и гдѣ-либо, кромѣ рынка. Въ то-же время былъ установленъ особый порядокъ продажи его на рынкѣ: «простолудинъ, покупающій для дневнаго пропитанія, удовлетворяется первымъ, а затѣмъ уже—желающіе записаться на болѣе продолжительное время». Въ маѣ 1573 г., по случаю слѣдовавшихъ одинъ за другимъ неурожаяевъ, парламентъ обязалъ жителей заявить о количествѣ имѣющагося у нихъ хлѣба и назначилъ доносчику часть хлѣбнаго запаса, конфискуемаго въ случаѣ ложнаго заявленія. Въ іюлѣ мѣсяцѣ парламентъ предписалъ своимъ собственнымъ членамъ объявить о количествѣ находящагося у нихъ хлѣба. Всѣ подобныя мѣры, по обыкновенію, привлекали въ Парижъ толпы бѣдныхъ. Торговцы испытывали сильныя затрудненія въ доставкѣ хлѣба въ столицу, потому-что по пути его расхищали нищія и воры, наводнявшіе большія дороги. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ люди, умиравшіе отъ голода, питались травою. Зло все ухудшалось, и Парижу грозила чума, вслѣдствіе развитія эпидемическихъ болѣзней, порождаемыхъ недостаточнымъ питаніемъ. Парламентъ, между множествомъ другихъ рѣшительныхъ мѣръ, постановилъ, чтобы «отнынѣ всѣ контракты на аренду пахатныхъ земель, срокомъ на девять лѣтъ и болѣе, заключались съ условіемъ производить причитающуюся по онымъ плату зерновымъ хлѣбомъ, а не деньгами; денежные платежи по тѣмъ контрактамъ, которые были ранѣе заключены, должны быть также высчитываемы такимъ-же точно образомъ, въ теченіи всего времени, оставшагося до истеченія срока сихъ контрактовъ». Легуа, какъ правовѣрный экономистъ, ужасно негодуетъ по поводу приведеннаго постановленія париж-

скаго парламента за его вторженіе въ сѣеру «самыхъ священ-
ныхъ частныхъ интересовъ». Онъ говоритъ, что этимъ поста-
новленіемъ причинялась «глубочайшая и несправедливѣйшая пу-
таница во взаимныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и земле-
дѣльцевъ». Его негодование нисколько не умѣряется тѣмъ сообра-
женіемъ, что парламентъ прибѣгъ, въ числѣ другихъ мѣръ, и
къ этой крутой мѣрѣ изъ страха надвигавшейся чумы, и что
онъ посягнулъ, во имя общественной пользы, на «самые свя-
щенные частные интересы» подъ давленіемъ необходимости чѣмъ-
бы то ни было спасти умиравшихъ отъ голода людей. Сказавъ,
что «подобныя средства могли только ухудшить зло», Легуа,
какъ-бы съ нѣкоторымъ отъѣнкомъ злорадства по поводу неус-
пѣха антипатичныхъ ему мѣропріятій, продолжаетъ: «такъ тотъ-
же парламентъ былъ вынужденъ предписать купеческому головѣ
употребить на покупку хлѣба суммы, предназначенныя для по-
стройки возводившихся тогда вокругъ Парижа укрѣпленій, и сдѣ-
лать заемъ (вѣроятно, принудительный) у буржуазіи, чтобы
прийти на помощь бѣднымъ». Въ слѣдующемъ году, по случаю
продолжительнаго голода, пришлось возобновить запрещеніе вы-
воза всѣхъ вообще питательныхъ веществъ. Въ 578 году, по
повелѣнію короля, было созвано собраніе нотаблей, для обсуж-
денія мѣръ, могущихъ воспрепятствовать возростанію дорого-
визны ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, къ какимъ заключе-
ніямъ пришло собраніе. XVI столѣтіе закончилось во Франціи
нѣсколькими годами дороговизны и сильнаго недостатка въ хлѣбѣ.

Въ годъ, которымъ началось XVII столѣтіе, по настоянію
Сюлли, бывшаго сильнымъ сторонникомъ свободнаго обмѣнато-
варовъ между государствами, былъ разрѣшенъ отпускъ хлѣба,
запрещенный шесть лѣтъ передъ тѣмъ, изъ опасенія голода ²⁾.
Дѣйствіе этого разрѣшенія продолжалось вплоть до января 1622
года, когда правительству пришлось во что-бы то ни стало по-
придержать спекуляцію. Первою его заботою было всяческими
мѣрами понизить «голодные цѣны». Для достиженія этихъ цѣ-
лей, послѣдовалъ указъ, которымъ была запрещена продажа хлѣ-
ба иначе, какъ по установленной таксѣ; повелѣно распродавать
извѣстнаго размѣра запасъ его въ опредѣленный промежу-
токъ времени, подъ страхомъ принудительной продажи по
значительно-сбавленной цѣнѣ; воспрещено дѣлать закупки зер-

¹⁾ Louis Figuier. L'Année scientifique et industrielle. 11-me année. 1867
стр. 209.

²⁾ В. Гольдцевъ, Государствен. хозяйство во Франціи XVII в. Москва, 1878,
стр. 30.

нового хлѣба въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; не дозволено продавать его гдѣ-бы то ни было, кромѣ какъ на рынкѣ; запрещено будочникамъ появляться на базарѣ ранѣе извѣстнаго часа и покупать больше установленнаго количества и т. д. Черезъ два года послѣ изданія упомянутаго указа, вновь наступила дороговизна, грозившая голодомъ. Такое положеніе длѣль длѣлось пять лѣтъ подъ рядъ. Наконецъ, для обсужденія мѣръ противъ усиленнаго голода, было созвано въ Шатлѣ особое собраніе, въ составъ котораго вошло нѣсколько членовъ парламента и представителей высшей администраціи. Собраніе это признало необходимымъ: во 1-хъ, обязать торговцевъ, подъ опасеніемъ за ослушаніе самаго строгаго наказанія, представлять вѣрные отчеты объ имѣющихся у нихъ запасахъ зерноваго хлѣба; во 2-хъ, разыскивать бродягъ и ссылатъ ихъ на каторгу, безъ слѣдствія и суда. Вскорѣ, подъ предлогомъ ожидавшагося недорода хлѣбныхъ растений, послѣдовало новое запрещеніе отпуска хлѣба за границу; но зато дозволенъ вывозъ его изъ одной провинціи въ другую.

Промежутокъ времени съ 1661 по 1683 годъ наполняется, по замѣчанію г. Гольцева, дѣятельностью одной изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ личностей, Кольбера. Экономическое законодательство этой эпохи охватываетъ всѣ отрасли народнаго хозяйства: баснословное количество эдиктовъ, ордонансовъ и декларацій насквозь проникнуто немногими и ясными руководящими началами ¹⁾. Кольберъ, какъ и всякій другой, даже самый выдающійся государственный человѣкъ, легко могъ ошибаться; но не въ его привычкахъ было законодательствовать на-обумъ. Слѣдя съ неослабнымъ вниманіемъ за состояніемъ средствъ народнаго продовольствія, онъ постоянно наводилъ, насколько это тогда было возможно, самыя тщательныя справки объ урожаяхъ, чтобы позволять, уменьшать или запрещать вывозъ хлѣба ²⁾.

Въ 1661 г. было возобновлено разрѣшеніе вывозить хлѣбъ изъ одной провинціи въ другую. Въ томъ-же году усилившаяся въ Парижѣ дороговизна побудила правительство командировать въ провинцію особыхъ комиссаровъ съ порученіемъ добыть тамъ хлѣба для столицы, хотя-бы даже, въ крайнемъ случаѣ, съ помощью насильственныхъ мѣръ противъ владѣльцевъ хлѣбныхъ запасовъ. Посланные правительствомъ комиссары встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны провинціальныхъ властей,

¹⁾ Гольцевъ, стр. 29 и 30.

²⁾ Луи Бланъ. Исторія великой французской революціи. 1871, т. I, стр. 210.

обязанных заботиться о продовольствіи мѣстнаго населенія, терпѣвшаго суровую нужду. Въ одной мѣстности товарищъ прокурора (*le substitué du procureur*), тронутый ужасающею бѣдностью жителей того городка, въ которомъ онъ проживалъ, распорядился задержать готовое къ отправленію въ Парижъ судно, нагруженное хлѣбомъ, и раздать хлѣбъ городскимъ жителямъ¹⁾. По поводу этого эпизода былъ изданъ указъ, «чтобы зерновой хлѣбъ, купленный для снабженія продовольствіемъ города Парижа, доставлялся въ оный, не взирая на могущія послѣдовать со стороны провинціальныхъ судей и чиновниковъ запрещенія вывозить его».

Въ 1662 году во Франціи чувствовался такой недостатокъ въ хлѣбѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вымерли отъ голода цѣлыя деревни. Въ одномъ изъ провинціальныхъ собраній (*assemblée au Châtelet*) предложено было испробовать абсолютную свободу хлѣбной торговли. Предложеніе это, хотя и было принято, но не выполнѣ, а именно: ограничились одною отмѣною таксы на хлѣбъ и монополи хлѣбопеченія. Не успѣли такія мѣры возымѣть надлежащихъ послѣдствій, какъ власти, запуганныя угрожающими воплями нищущаго люда и стремленіемъ пекарей воспользоваться предоставленною имъ свободою для повышенія цѣны на хлѣбъ, поторопились возвратиться къ прежней, и даже еще болѣе строгой, регламентаціи хлѣбной торговли. Вслѣдствіе того, что въ 1663 году урожай оказался только посредственнымъ, хлѣбъ понижался въ цѣнѣ очень медленно. Въ маѣ 1679 г. послѣдовало запрещеніе вывоза хлѣба за границу. Сильные дожди, наводненія, затѣмъ наступившіе весною морозы сгубили посѣвы въ 1684 году. Хлѣбъ страшно вздорожалъ. По распоряженію короля, основалось специальное бюро (*l'administration des blés du Roi*), дѣлавшее закупки хлѣба за-границею, для продажи парижанамъ ниже его покупной цѣны. Такая мѣра, вызвавшая лишь относительное удешевленіе хлѣба, не могла все-таки настолько понизить его стоимость, чтобъ ей чрезмѣрная высота не вліяла чувствительно на усиленіе смертности. Много позднѣе организовалось особое общество доставленія столицѣ продовольствія. Однако-жь, всѣ предпріятія этого общества велись крайне неудачно, и ему не удалось ни разу устранить недостатка сѣстныхъ припасовъ въ Парижѣ. Тайнственность, которою зачѣмъ-то старались окружить его опе-

2) Точь въ точь, какъ саратовскій становой приставъ, который недавно, чтобы спасти заболѣвшихъ отъ голода 286 человѣкъ крестьянъ, самъ остановилъ земскій обозъ съ хлѣбомъ и, не дождавшись ничего разрѣшенія, выдалъ около ста пудовъ умиравшимъ отъ голода. „Русское Богатство“, Іюнь, 1881 г., стр. 63.

раціи, производила самое тревожное и удручающее впечатлѣніе, поддерживая въ народѣ увѣренность въ существованіи между королемъ и скупщиками хлѣба мнимаго *pacte de famine*, стачки для навлеченія голода ¹⁾).

Внѣ предѣловъ Парижа, о которомъ одномъ только и заботилось всегда правительство, нужда въ послѣдніе годы XVIII ст. достигла такихъ размѣровъ, что, наконецъ, оно спохватилось позаботиться и о провинціи. Особымъ королевскимъ указомъ повелѣно было, чтобы «во всѣхъ городѣхъ и иныхъ населенныхъ мѣстахъ, извѣстные своею честностью лица посѣщали фермы, аббатства, монастыри, а равно религіозныя общины и составляли-бы протоколы о находящихся тамъ хлѣбныхъ запасовъ, половина коихъ должна быть отправляема на сосѣдніе рынки, для продажи по текущей цѣнѣ». Постановленіемъ парламента ограничено въ нѣкоторыхъ провинціяхъ приготовленіе пива и воспрещено винокуреніе. Въ то-же время были возбранены, подъ страхомъ смертной казни, всякія шумныя сборища и насилія противъ хлѣбниковъ. Въ виду того, что многіе землевладѣльцы рѣшились употребить для прокормленія своихъ семействъ зерновой хлѣбъ, предназначенный для обмѣненія полей, повелѣно: «всѣмъ землевладѣльцамъ обмѣнять свои поля, а въ случаѣ неисполненія сего, позволять всѣмъ желающимъ лицамъ засѣвать ихъ въ свою пользу, безъ всякаго за то вознагражденія собственниковъ этихъ полей».

Испробованы были и другіе способы помочь нуждающемуся въ продовольствіи населенію. За годъ передъ тѣмъ, устроили въ Луврѣ печи, выпекавшія ежедневно по сту тысячъ фунтовъ хлѣба, который распродавался народу по удешевленной цѣнѣ. Когда-же обнаружилось, что бѣднѣйшая часть населенія не въ состояніи покупать себѣ хлѣбъ даже и по такой цѣнѣ, тогда общественное хлѣбопеченіе замѣнили ежемѣсячною раздачею бѣднякамъ 120,000 ливровъ.

На рубежѣ XVIII столѣтія мы прервемъ нашъ разговоръ объ исторіи недостатка продовольствія во Франціи и о принимавшихся въ различныя эпохи мѣрахъ къ его устраненію. До этого времени созиданіемъ такихъ мѣръ занимались правительство и администрація, почерпавшіе вдохновеніе исключительно въ своей находчивости и практической сообразительности. Никакой иной опоры у нихъ не было. Въ восемнадцатомъ-же столѣтіи вступила въ свои права экономическая наука и стала ихъ руководительницей во многихъ случаяхъ, требовавшихъ ея содѣй-

¹⁾ Феликсъ Фуксъ: Исторія труда. 1872 г., стр. 175 и 176.

ствія. Одно время законодательное и административное регулирование экономическаго быта Франціи находилось всецѣло въ рукахъ экономистовъ. Когда-же они и не заправляли, имъ, проповѣдуемыя ими ученія находили себѣ доступъ въ правительственныя сферы, гдѣ ихъ воспринимали и старались принаравливать къ нимъ. Да и какъ могло быть иначе въ такую эпоху, когда политическая экономія была въ модѣ, а ея адепты въ большомъ почетѣ; когда, при печатаніи въ 1758 году сочиненія Кенэ *Tableau économiqne*, король Людовикъ XV своими собственными руками оттискивалъ первые корректурные листы. При созданіи законодательства по экономическимъ вопросамъ, руководствовались уже не однимъ только такъ-называемымъ «здравымъ смысломъ», какъ это было прежде, но стали привлекать къ этому дѣлу и научное мышленіе. На долю послѣдняго должны быть отчислены многія изъ свойствъ законодательныхъ постановленій, вызванныхъ совершившимися потомъ въ Европѣ экономическими явленіями. Отвѣтственность за нихъ должна въ значительной мѣрѣ нести тогдашняя экономическая наука.

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, до какихъ предѣловъ, спустя почти два столѣтія, истекшихъ со времени той культурной эпохи, у рубежа которой мы остановили нашъ разсказъ, могъ простирается въ одномъ изъ европейскихъ государствъ недостатокъ въ продовольствіи и какія принимались мѣры къ его устраненію.

II.

Въ прошломъ году очень крупнымъ экономическимъ событіемъ была у насъ, какъ-то нѣсколько экспромптомъ наступившая, дороговизна хлѣба. Во многихъ мѣстностяхъ стояли, мало будетъ сказать — «голодные цѣны», если подъ ними понимать просто высокія цѣны, стоявшія когда-либо въ неурожайные годы, а не вообще такія цѣны, которыя своею безъотносительною высотой столь чрезмѣрно превышаютъ и быстро истощаютъ средства населенія, что оно оказывается безусловно не въ состояніи существовать на свои обычные ресурсы, сразу-же поглощаемые вздорожаніемъ предметовъ насущной необходимости. Такъ, напримѣръ, въ отдаленныхъ отъ Петрозаводска селеніяхъ олонецкой губерніи кулъ муки продавался по 17 руб., тогда-какъ даже во время страшнаго тамъ голода 1867 г., мука весною не поднималась выше 13 руб. за четверть ¹⁾. Въ Ека-

¹⁾ „Земство“, 1880, № 1.

теринбургѣ ржаная мука съ 50 коп. за пудъ поднялась до 1 руб. 15 коп. 1). Въ нижнемѣ Поволжьѣ цѣна ржи въ прежнее время никогда не превышала 40—50 коп. за пудъ, а въ прошедшемъ году изъ 1 руб. 30 коп. рожь не выходила 2). Цѣна хлѣба въ Кіевѣ возвысилась противъ стоявшей въ 1879 году на 200% 3). Въ другихъ мѣстностяхъ цѣна на хлѣбъ не поднималась такими скачками, но, идя болѣе или менѣе равномернымъ *crescendo*, достигали, въ концѣ-концовъ, такой высоты, на которой иногда становилась почти недостигаемой для покупательной силы населенія. Пудъ ржаной муки, продававшійся въ Перми, въ 1879 г. не дороже 75—85 коп., въ истекшемъ году стоилъ 1 руб. 35 коп. 4). Въ костромской и воронежской губерніяхъ, ржаная мука, продававшаяся съ начала года по 1 руб. 5 коп. за пудъ, въ половинѣ августа возвысилась въ цѣнѣ до 1 руб. 50 коп. То-же самое повторилось въ Курскѣ, тогда-какъ прежняя ея цѣна никогда тамъ не превышала 80 коп. 5). Въ Вологдѣ, гдѣ цѣна ржаной муки лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да и то не надолго, переходила за 1 руб. 15 коп. за пудъ, въ 1880 г., дошла до 1 руб. 60 коп. 6), а въ Харьковѣ до 1 руб. 65 коп. 7). По такой-же цѣнѣ она продавалась въ Ивановѣ-Вознесенскѣ 8) и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Смоленской губерніи 9). Въ Уфѣ и въ Рузѣ за пудъ ржаной муки брали 1 руб. 70 коп. 10). Въ волоколамскомъ и суздальскомъ уѣздахъ цѣна ея возросла до 1 руб. 75 коп. 11), а въ Кирилловѣ, новгородской губ., и въ Царицинѣ—до 1 руб. 80 коп. 12). Въ Нарвѣ и въ Нижнемѣ-Новгородѣ ржаная мука осенью продавалась уже по 2 руб. пудъ 13). Въ юго-западной полосѣ Россіи цѣна хлѣба доходила до 2 руб. 50 коп. за пудъ; въ юго-восточной еще дороже 14). Въ Иркутскѣ пудъ ржаной муки стоилъ 3 руб. 15).

1) „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 269.

2) „Новое Время“, № 1,642.

3) „Русь“, 1881, № 8.

4) „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 260.

5) „Русскій Курьеръ“, 1880, № 281; „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 264.

6) „Новое Время“, 1,662.

7) „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 260.

8) „Новое Время“, № 1,641.

9) „Недѣля“, 1880, № 43.

10) „Новое Время“, № 1,568; „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 262.

11) „Новое Время“, № 1,664; „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 264.

12) „Русскій Курьеръ“, 1880, № 283; „Новое Время“, № 1,651,

13) „Недѣля“, 1880, № 42; „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 263.

14) „Голосъ“, 1880, № 55.

15) „Русскій Курьеръ“, 1880, № 3; „Голосъ“, 1880, № 55.

Особенно-же высоко стояли цѣны на Кавказѣ и въ Закавказьѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ставропольской, елисаветпольской и елисаветградской губ. пудъ муки доходилъ до 3 руб. 30 коп. ¹⁾. Съ такими-то цѣнами приходилось населенію справляться въ прошломъ году. Какъ-же отразилась непоимѣрная дороговизна на экономическомъ положеніи народа? Вызванныя ею послѣдствія, кажется, должны образумить благодушный оптимизмъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ часто высказывалось въ литературѣ мнѣніе, что, при достигнутой Европою степени цивилизаціи, болѣе уже невозможны войны, сопровождающіяся такими гекатомбами человѣческихъ жизней, обоюдною, ни передъ чѣмъ не останавливающеюся ненавистью воюющихъ сторонъ, раззореніемъ, жестокостью и грубымъ попраніемъ всякаго чувства гуманности и справедливости, какіе были ихъ обычными спутниками въ былыя времена. Но вотъ наступила война Австріи съ Пруссіей, а за ней послѣдовали франко-прусская, сербско-турецкая, наконецъ, русско-турецкая войны, и въ обманчивости возлагавшихся на европейскую цивилизацію надеждъ нельзя было не убѣдиться. Такъ-же точно событіямъ послѣдняго времени суждено разсвѣять и нѣкоторыя заманчивыя экономическія иллюзіи.

«Благодаря сообщеніямъ, — такъ повѣствуетъ намъ ех-профессоръ Бабстъ, — не можетъ уже теперь одна страна голодать въ такой степени, какъ это бывало прежде, а другая роптать на урожай (!)... Теперь, съ развитіемъ путей сообщеній, все рѣже и рѣже поражаютъ нашъ взоръ страшныя, раздирающія сердце картины голода. Чуть только предвидится неурожай и начинается замѣтное повышеніе цѣнъ, какъ уже летятъ на всѣхъ парусахъ или на всѣхъ парахъ суда изъ Одессы, Риги, Нью-Йорка съ богатыми грузами хлѣба и предотвращаютъ угрожающее бѣдствіе» ²⁾. Ахъ, господа экономисты, когда-бы, да вашими устами довелось Россіи медъ пить! Десятки тысячъ верстъ рельсовыхъ путей сообщенія и гурьбы рѣзво бѣгущихъ по нашимъ морямъ и судоходнымъ рѣкамъ пароходовъ, также какъ быстрота и легкость сношеній съ за-границею, ни чуть не помѣшали въ прошломъ году возникнуть у насъ такимъ картинамъ голоданія, отъ которыхъ могло-бы дрогнуть и не нѣжное сердце. Мы не станемъ упоминать здѣсь о такихъ мѣстностяхъ, гдѣ порожденная дороговизною нужда не пошла далѣе необходимости для населенія питаться хлѣбомъ, испеченнымъ изъ раз-

¹⁾ „Голось“, 1880, № 55.

²⁾ И. Бабстъ. Изложеніе началъ народнаго хозяйства, т. I, в. 1. Москва-1872, стр. 149.

личныхъ суррогатовъ муки, вродѣ отрубей и лебеды,—хлѣба, въ которомъ мука играла только роль связующаго цемента. Скажемъ кратко лишь о такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нужда достигла большей напряженности.

Въ Саратовѣ рабочіе брались за какую угодно работу, безъ всякаго вознагражденія, лишь-бы только имѣть хлѣбъ ¹⁾. Въ Самарѣ, прибывшіе изъ деревень нищіе толпами ходили по городу, прося подаянія ²⁾. Въ Екаторинославской губ., съ наступленіемъ осени, на большихъ проѣзжихъ дорогахъ стали встрѣчаться цѣлыя семьи нуждающихся въ хлѣбѣ крестьянъ, оставившія проѣзжихъ и со слезами умоляющія о помощи ³⁾. Въ Тамбовской губ., чтобы удалить изъ этой «житницы Россіи» лишніе рты, выдавали даромъ паспорта крестьянамъ ⁴⁾. Жители одного изъ приволжскихъ селеній, еще такъ недавно пользовавшіеся нѣкоторымъ достаткомъ,—разсказываетъ г. Мельниковъ, не зная чѣмъ прокормиться, рѣшились на такую мѣру: уложивъ на воза всѣ свои пожитки и дѣтей, пустились въ путь, въ надеждѣ прискаты себѣ какую-либо работу; но пройдя довольно значительное пространство и встрѣтивъ повсюду такой-же недостатокъ, какъ и у себя дома, они должны были возвратиться назадъ христовымъ именемъ. И это не единственный случай блужданія, замѣчаетъ г. Мельниковъ ⁵⁾. Въ ставропольскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ заколачивали окна, и народъ разбѣгался въ разныя стороны отъ голода ⁶⁾. Въ кирсановскомъ уѣздѣ, тамбовской губ., осчастливленномъ находженіемъ въ немъ помѣстій г. Чичерина, который, въ компаніи съ проф. Герье, заявилъ, что крестьяне этого уѣзда, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, получили отъ помѣщиковъ, въ видѣ земельного надѣла, чуть не крзовское достояніе ⁷⁾,—такъ вотъ въ этомъ самомъ, во всѣхъ отношеніяхъ достопримѣчательномъ, уѣздѣ деревенскій людъ очутился, по случаю безхлѣбницы, въ безвыходномъ положеніи: во многихъ деревняхъ вовсе не было хлѣба. Населеніе королевецкаго уѣзда, черниговской губ., находилось тоже въ безнадежномъ положеніи: хлѣба нѣтъ, а къ голоду еще

1) „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 264.

2) „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 263.

3) „Голось“, 1880, № 280.

4) „Русь“, 1881, № 13.

5) „Новое Время“, № 1,642.

6) „Новое Время“, № 1,681.

7) См. В. Герье и Б. Чичеринъ: Русскій дилеттантзмъ и общинное землевладѣніе. Разборъ книги князя А. Васильчикова „Землевладѣніе и земледѣліе“. Москва, 1878, стр. 232.

присоединился дѣтерить ¹⁾. Въ карачевскомъ уѣздѣ, одномъ изъ самыхъ хлѣбородныхъ уѣздовъ орловской губ., народъ ѣлъ хлѣбъ черезъ день ²⁾. Въ Саратовѣ, городскому головѣ безпрестанно подавались прошенія о хлѣбѣ, въ виду неизбежной голодной смерти. Нѣчто подобное происходило въ Курскѣ и Уѣѣ, въ воронежской, и херсонской губерніяхъ ³⁾. Въ одной изъ мѣстностей самарской губ. киргизы мѣняли своихъ дѣтей на хлѣбъ: «за здороваго и большого киргизенка, рассказываетъ мѣстный корреспондентъ, даютъ пудъ или два ржаной муки, а дѣвочекъ и слабыхъ бросаютъ и удираютъ въ степь». Вымѣнивались киргизята подъ видомъ крещенія и усыновленія ихъ, а на самомъ дѣлѣ ради сдачи ихъ впоследствии за семью въ рекруты ⁴⁾. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани умерло девять киргизъ отъ голода. Между киргизами, пригочевавшими изъ степи къ одной изъ станицъ, распространилась сильная смертность. Командированный для подавія медицинскаго пособія фельдшеръ донесъ, что они мрутъ отъ голода. То-же подтвердилъ и врачъ, посланный для провѣрки сообщенія фельдшера ⁵⁾. Въ д. Новой, уѣимской губ., оказалось голодающихъ 124 семейства; двое уже умерли съ голоду: жена башкира и 4-хъ лѣтній сынъ, страданія котораго такъ были велики, что малютка «отгрызъ палець у ноги». 30 человекъ находились, по завѣренію члена управы, командированнаго «для ознакомленія съ нуждой», больными; изъ нихъ двое уже умерли. Многіе заявили, что они третій день не ѣдятъ ничего. Въ с. Чаплинѣ, екатеринославской губ., женщина со слезами обратилась къ священнику, отслужившему у ней на Рождествѣ молебень: «прости батюшка, не чѣмъ тебя поблагодарить, другой день хлѣба въ домѣ нѣтъ». Въ слободѣ Покровской, недалеко отъ Саратова, нашли одно семейство изъ 6 человекъ больныхъ отъ истощенія силъ и близкихъ къ голодной смерти. Въ селеніи Изморьѣ, новоузенскаго уѣзда, повѣсились двѣ женщины. Одну изъ нихъ вытащили изъ петли и возвратили къ жизни. Когда самоубійца пришла въ себя, она стала упрекать окружающихъ: «къ чему вы спасли меня! Развѣ мила жизнь, когда пятеро дѣтей плачутъ, ѣсть хотятъ, а ѣсть нечего!». Въ одномъ изъ селъ николаевскаго уѣзда, самарской-же губ., повѣсилась вдова, у которой тоже дѣти сидѣли безъ

1) „Земство“, 1880, № 1.

2) „Русь“, 1881, № 13.

3) „Земство“, 1880, № 1.

4) „Недѣля“, 1880, № 43.

5) „Страна“, 1881, № 9.

хлѣба ¹⁾. Въ селеніи Красный-Куть было удостовѣрено нѣсколько случаевъ голодной смерти ²⁾. Въ Нахичеванѣ о подобныхъ случаяхъ говорили уже какъ объ обыкновенныхъ явленіяхъ ³⁾. Но и тамъ, гдѣ дѣло, быть можетъ, и не доходило до наступленія быстрой смерти отъ голода, положеніе голодающаго населенія было, по-истинѣ ужасно. Я не могу отказать себѣ въ желаніи привести здѣсь описанную корреспондентомъ «Страны» картину мукъ голодавашаго населенія мензелинскаго уѣзда: «трудно передать, пишетъ корреспондентъ, то тяжелое чувство, какое выноситея при взглядѣ на житье-бытье этихъ полуживыхъ, полумертвыхъ существъ. Ни стоновъ, ни слезъ, ни даже сожалѣнія вы уже не замѣтите у нихъ. Все это можно встрѣтить только въ началѣ голодовки, а затѣмъ уже безнадежность и апатія. А какое раздирающее впечатлѣніе производятъ обреченныя на явную смерть, голодающія дѣти!.. Входите вы, напримѣръ, въ какую-нибудь полуразрушившуюся каморку или землянку, приглядываетесь къ ея обстановкѣ и, вдругъ, замѣчаете: въ темномъ углу лежитъ какая-то куча, прикрытая лохмотьями. Вы раскрываете лохмотья, и вашимъ глазамъ представляются трое, четверо, пятеро дѣтей, прижавшихся плотно другъ къ дружкѣ и дико озирающихся на васъ. Между этими несчастными есть уже до такой степени худые и изможденные, что вотъ, вотъ, кажется, на вашихъ-же глазахъ и помрутъ. Движимые чувствомъ филантропіи, вы немедленно подаете имъ кусокъ хлѣба. Сначала они какъ-будто недоумѣваютъ: имъ-ли еще это предназначается, и только жадно смотрятъ на кусокъ. Потомъ быстро хватаетъ кто-нибудь изъ нихъ и въ то-же время злобно смотритъ на другихъ, какъ-бы опасаясь, чтобы кто-нибудь не выхватилъ у него изъ рукъ это сокровище. Но вотъ тутъ одинъ хотя тоже жадно смотритъ на кусокъ, но почему-то не беретъ его, не хватается съ такимъ остервененіемъ, какъ другіе. Вы, однако, и ему кладете кусокъ въ руки. Судорожно сжимаетъ онъ кусокъ въ своихъ костлявыхъ рукахъ и вяло, какъ-бы нехотя, подноситъ къ губамъ, но, подержавши его нѣсколько времени около рта, съ легкимъ стономъ отнимаетъ руку обратно. Удивленные, вы спрашиваете о причинѣ такого явленія — и, къ ужасу своему, узнаете, что онъ ѣсть уже не можетъ: разучился, какъ говорить родители. Значитъ, скуловые мышцы его настолько ослабли, что не въ состояніи пережевывать твердую пищу. Чтобы воз-

¹⁾ „Русь“, 1881, № 11; „Земство“, 1881, № 28.

²⁾ „Новое Время“, № 1,717.

³⁾ „Русскій Курьеръ“, 1880, № 89.

становить эту способность, его нѣкоторое время надо кормить жидкой кашцей, а потомъ уже можно давать хлѣбъ. Слезы невольно душатъ гасъ при видѣ этой раздирающей душу картины. Однако, вы кое-какъ себя преодолагаете и, чтобы не выдать своей слабости, быстро уходите, направляясь къ другой хижинѣ, но и тамъ встрѣтите ту-же картину»¹⁾.

По мѣрѣ того, какъ стали доходить изъ провинціи извѣстія о возрастающей дороговизнѣ и о вызываемыхъ ею страданіяхъ и бѣдствіи населенія различныхъ мѣстностей Россіи, періодическая печать забила тревогу и принялась доискиваться причинъ этого горестнаго явленія. Одни видѣли ихъ въ убыли нужнаго для продовольствія населенія Россіи зернового хлѣба, вслѣдствіе чрезмѣрнаго вывоза его за-границу, чѣмъ нарушалось нормальное прежде отношеніе между спросомъ на земледѣльческіе продукты и предложеніемъ ихъ; другіе возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ считали естественнымъ послѣдствіемъ замѣчаемаго у насъ въ послѣдніе два десятилѣтія упадка земледѣльской промышленности. Указывалось и на паденіе цѣнности бумажнаго рубля, какъ на причину общаго вздорожанія товаровъ, въ томъ числѣ и хлѣба. Наконецъ, нѣкоторые готовы были усматривать причину дороговизны его въ бывшемъ въ прошломъ году неурожаѣ; многіе-же утверждали, что прошлогодній неурожай только далъ обликъ законности чрезмѣрному возвышенію цѣнъ, достигнутому крупными хлѣботорговцами посредствомъ стачки. Каждое изъ этихъ мнѣній воплотилось въ принятыхъ или только предложенныхъ мѣрахъ къ ослабленію дороговизны хлѣба и грозно наступавшаго голода.

Извѣстія, при посредствѣ газетъ доходившія изъ провинціи, чаще всего указывали, какъ на причину вздорожанія хлѣба, прямо-таки на стачку мѣстныхъ хлѣбопромышленниковъ. Иногда рассказывались и нѣкоторыя изъ ихъ подозрительныхъ мѣропріятій, предпринятыхъ заблаговременно, въ предвидѣніи возможности спекуляціи на ожидаемый, по случаю неурожая, недостатокъ продовольствія. Такъ, въ пермской губ. скупщики-евреи на перебой скупали хлѣбъ гдѣ только можно, по сравнительно еще дешевымъ цѣнамъ, и живо безхлѣбили губернію²⁾. Но и православные коммерсанты тоже не дремали. Одинъ изъ нижегородскихъ первостатейныхъ торговцевъ хлѣбомъ, Бугровъ, выслалъ цѣлую армію скупщиковъ, которые раздавали крестьянамъ задатки за купленную еще на корню рожь. Когда-же

¹⁾ „Страна“, 1881, № 58.

²⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1880, № 260.

сельчанамъ пришлось потомъ самимъ покупать хлѣбъ, а цѣны на него стояли хотя и слишкомъ высокія, но все-же еще не достигли желательной для спекулянтовъ высоты, оказалось, что онъ куда-то запропастился и на рынкахъ стало его совсѣмъ не видно. Осенью, во-время дороговизны и безхлѣбцы, нижегородскій городской голова, чрезъ посредство мѣстной газеты, успокаивалъ бѣдный классъ населенія относительно повышенія цѣнъ на ржаную муку, оповѣстивъ, что два извѣстные хлѣботорговца, Бугровъ и Блиновъ, объявили свой запасъ ржаной муки по 10 тысячъ пудовъ каждый, — ни больше, ни меньше. А между тѣмъ было извѣстно, что упомянутые коммерсанты ведутъ заграничную торговлю хлѣбомъ, и озимый хлѣбъ, въ зернѣ и въ мукѣ, ежедневно отправляется ими по желѣзной дорогѣ въ Москву и въ Петербургъ, и что не одна сотня тысячъ пудовъ остается у нихъ отъ запрошлаго года, когда пудъ муки обходился имъ не дороже 60 коп.,—слѣдовательно, цифра запасовъ ржаной муки обозначена ими невѣрно ¹⁾. Нѣчто подобное происходило и въ Петербургѣ. И здѣсь, какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, хлѣботорговцы высказали трогательное единодушіе и неохоту обнаружить дѣйствительное количество имѣющагося у нихъ въ наличности хлѣба.

По ходившимъ слухамъ, имѣвшимся въ рукахъ крупныхъ хлѣботорговцевъ запасовъ хлѣба хватило-бы для продовольствія города на 1½—2 года; а одинъ изъ гласныхъ заявилъ петербургской думѣ, что ихъ хватить даже на 2½ года. Хлѣботорговцы-же утверждали, что всѣ хлѣбные запасы въ столицѣ и ея окрестностяхъ не превышаютъ количества, потребнаго для трехмѣсячнаго продовольствія города ²⁾. Къ провѣркѣ такихъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній встрѣтились непреодолимая затрудненія.

Согласно § 4-му «обязательнаго постановленія о порядкѣ и благоустройствѣ на хлѣбной пристани», хлѣботорговцы обязаны ежемѣсячно доставлять въ «исполнительную комиссію по завѣдыванію хлѣбной пристанью» *подробныя, точныя* свѣденія о количествѣ оставшагося у нихъ хлѣба. По мѣсячнымъ вѣдомостямъ этой комиссіи видно было, что въ сентябрѣ 1880 г. извѣстный петербургскій хлѣботорговецъ, Пастуховъ, показалъ, что у него ржаного хлѣба въ наличности 1,349 кулей, тогда какъ, по справкамъ у маклеровъ и у самихъ служащихъ Пастухова и по многимъ другимъ указаніямъ, всего хлѣба въ налич-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1881, № 268.

²⁾ „Голось“, 1880, № 293; „Нов. Вр.“, № 1,670.

ности находилось у него во всех складах в Петербургѣ, по меньшей мѣрѣ, до 250,000 кулей. Всѣ прочіе хлѣботорговцы, тоже весьма богатые, показывали, что у нихъ въ наличности хлѣба еще менѣе. Нѣкоторые-же изъ нихъ доставили «исполнительной комиссіи» прямо-таки смѣхотворныя свѣденія, будто у нихъ хлѣба на лицо всего-на-всего 65 кулей, а между тѣмъ, сами-же члены комиссіи знали, что у подобныхъ хлѣботорговцевъ не 65, а 65,000 кулей ¹⁾. Торговая контора Пастухова заявила въ «Новомъ Времени», что къ 1-му октября у нея состояло на лицо ржаного хлѣба всего 41,581 куль или 374,229 пудовъ. Эти цифры она обязалась доказать «фактически», въ случаѣ, если-бы обратились прямо въ самую контору. Когда-же кто-то изъ сотрудниковъ «Новаго Времени» дѣйствительно обратился въ контору, съ цѣлью получить «нѣкоторыя свѣденія о тѣхъ операціяхъ хлѣбной торговли г. Пастухова, которыя имѣютъ общественный интересъ», то получилъ самый категорическій отказъ ²⁾. Гдѣ ужъ тутъ было надѣяться, что хлѣботорговцы добровольно подвергнутъ количество своихъ запасовъ хлѣба контролю частныхъ лицъ, когда они умудрялись хранить его въ заповѣдной тайнѣ отъ административныхъ властей, которымъ они, по требованію закона, обязаны были сообщать самыя точныя и подробныя свѣденія о своихъ хлѣбныхъ запасахъ. Въ 1,677 № «Новаго Времени», за 1880 г., появилось слѣдующее любопытное заявленіе предсѣдателя исполнительной комиссіи по завѣдыванію хлѣбною пристанью, г. Матвѣева: «Исполнительная комиссія, желая, при содѣйствіи гласности, повліять на гг. хлѣботорговцевъ, просить объявить всѣмъ имъ, чтобы они, на основаніи § 14 обязательнаго постановленія о порядкѣ и благоустройствѣ на хлѣбной пристани, доставили комиссіи самыя точныя и подробныя свѣденія не далѣе 3-го числа будущаго ноября мѣсяца, сколько у нихъ въ наличности разнаго сорта хлѣба, причѣмъ комиссія присовокупляетъ, что если эти данныя будутъ невѣрны, то она вынуждена будетъ, при надлежащемъ содѣйствіи властей, прибѣгнуть къ провѣркѣ имѣющагося у нихъ на лицо хлѣба. Такое небывалое до сихъ поръ заявленіе комиссіи, надѣющейся путемъ гласности служить обществу и имѣть возможность давать ему во всякое время точныя данныя о количествѣ хлѣба въ С.-Петербургѣ, вызвано обстоятельствами, неоднократно повторяющимися до сихъ поръ и состоявшими въ томъ, что комиссія нерѣдко не только не получала вѣрныхъ

1) „Новое Время“, № 1,657.

2) „Новое Время“, № 6,176.

данныхъ о количествѣ наличнаго хлѣба у гг. хлѣботорговцевъ, подлежащихъ ея вѣденію, но отъ 30-ти изъ нихъ и болѣе со-всѣмъ не доставлялось никакихъ свѣденій». Въ думѣ было сдѣлано предложеніе ходатайствовать предъ министромъ внутрен-нихъ дѣлъ произвести изслѣдованіе наличныхъ запасовъ хлѣба у торговцевъ ¹⁾). Предложеніе это, по обыкновенію, передали въ особую комиссію, и о послѣдующей его судьбѣ мы ничего не знаемъ; точно также, какъ намъ неизвѣстны и результаты угрожающаго заявленія г. Матвѣева. Однако-жъ, судя по даль-нѣйшему ходу дѣла, можно предположить, что грозившая хлѣ-боторговцамъ опасность обнаруженія дѣйствительнаго состоянія ихъ хлѣбныхъ запасовъ благополучно миновала ихъ.

Нельзя также сказать, чтобъ хлѣботорговцы не держали себя нѣсколько двусмысленно при опредѣленіи нормальныхъ, по ихъ соображенію, цѣнъ на хлѣбъ, когда представлялся къ тому удобный случай. Самарское чрезвычайное губернское земское собраніе, созванное съ цѣлью изысканія средствъ для прокор-мленія до новаго урожая голодающаго населенія губерніи, при-гласило въ свое засѣданіе «на совѣщаніе» мѣстнаго воротилу хлѣбной торговли, купца Субботина. Предсѣдатель отъ имени всего самарскаго земства просилъ его сообщить гласнымъ цѣны, существующія на хлѣбныхъ рынкахъ, а также можетъ-ли онъ, Субботинъ, доставить достаточное количество ржи и овса для продовольствія и обмененія полей и по какимъ цѣнамъ. Г. Субботинъ заявилъ земскимъ представителямъ о своей готовно-сти исполнить ихъ обращенную къ нему просьбу о содѣйствіи по закупкѣ хлѣба, и при сей вѣрной оказіи показалъ цѣны выше существовавшихъ на мѣстномъ рынкѣ: рожь—1 р. 45 к., вмѣ-сто 1 р. 42 к., овесъ—78 к., вмѣсто 75 к., пшеницу—1 р. 85 к., вмѣсто 1 р. 60 к. и проч. ²⁾). Приведу еще другой случай, хотя и въ иномъ родѣ, но имѣющій много общаго съ предшествую-щимъ. Въ исходѣ октября петербургскіе хлѣботорговцы Духи-новы напечатали въ газетахъ объявленіе о своей готовности продавать нуждающимся жителямъ столицы ржаную муку, мел-кими партіями, по пониженной цѣнѣ: 16 руб. за кулъ. При этомъ они заявляли, что если цѣна на муку понизится до объ-явленной ими цѣны, то они готовы будутъ сдѣлать дальнѣйшее пониженіе. Вслѣдъ затѣмъ и другіе торговцы хлѣбомъ заявили, что они, «желая содѣйствовать къ пониженію цѣнъ на хлѣбъ въ столицѣ», открываютъ продажу изъ своихъ складовъ ржаной

¹⁾ „Голось“, 1880. № 295.

²⁾ „Новое Время“, № 1,681.

муки тоже по 16 р. за куль ¹⁾; но Духиновы уже болѣе голоса не возвышали. Обойдя вопросъ о нуждающихся жителяхъ столицы, покупающихъ ржаную муку кулями, мы обращаемъ вниманіе только на слѣдующія назидательныя стороны разсказаннаго эпизода: во-первыхъ, согласіе Духиновыхъ продавать муку по 16 р. несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что существовавшая тогда на нее высшая цѣна не соответствовала ея дѣйствительной стоимости и была установлена спекулянтами произвольно; во-вторыхъ, отступленіе Духиновыхъ отъ обѣщанія понизить объявленную цѣну, если по такой-же цѣнѣ будутъ продавать муку другіе торговцы, послѣ того, какъ послѣдніе согласились продавать ее по объявленной Духиновыми цѣнѣ, намекаетъ на уговоръ не ронять цѣну ниже условленной между хлѣботорговцами. Все это какъ-будто отзывается стачкою.

Высшая администрація, какъ кажется, держалась мнѣнія, что цѣна на хлѣбъ была искусственно вздута. Графъ Лорисъ-Меликовъ, въ письмѣ на имя петербургской городской думы, извѣщая ее о согласіи главнаго интенданта уступить заимообразно городу 35,000 кулей муки, писалъ: «восьмимѣсячный срокъ для возврата муки предоставляетъ городскому общественному управленію достаточно времени и возможности приобрѣсти потребное количество хлѣба тамъ, гдѣ имѣются достаточныя его запасы и по *нормальнымъ* цѣнамъ» ²⁾. Сообразно усвоенному администраціе взгляду на причину дороговизны хлѣба и были приняты ею мѣры къ ея устраниенію.

Въ концѣ октября одна изъ газетъ оповѣстила, что въ нѣкоторыхъ городахъ губернаторамъ удалось понизить цѣны на хлѣбъ «простымъ отеческимъ увѣщаніемъ хлѣботорговцевъ», и выражала мнѣніе, что не худо-бы испробовать эту мѣру и въ отношеніи петербургскихъ торговцевъ, на которыхъ она дѣйствовала иногда очень убѣдительно при градоначальникѣ Треповѣ («Нов. Вр.», 21 окт. 1880 г., № 1,670). Вскорѣ затѣмъ оптовые хлѣбныя торговцы заявили петербургскому городскому головѣ о своей готовности продавать хлѣбъ по пониженной цѣнѣ и напечатали о томъ-же упомянутое уже нами объявленіе въ «Голосѣ» и въ «Новомъ Времени». Изъ газетныхъ извѣстій стало извѣстно, что къ пониженію цѣнъ привело «совѣщаніе министра внутреннихъ дѣлъ съ хлѣботорговцами» («Нов. Вр.», 25 окт. 1880 г., № 1,674). Сколько мы знаемъ, коллекція пущенныхъ въ ходъ административныхъ мѣръ къ парализованію

1) „Голосъ“, 1880, №№ 294 и 295.

2) „Голосъ“, 1880, № 295.

дороговизны хлѣба исчерпывается «отеческими увѣщаніями» хлѣботорговцевъ, запрещеніемъ уфимскаго губернатора продавать въ Уфѣ на базарѣ ржаную муку выше 1 р. 10 к. за пудъ ¹⁾, что повело лишь къ вывозу отсюда хлѣба въ мѣстности, гдѣ цѣны на него стояли выше, и распоряженіемъ другого губернатора, не упомяну какой губерніи, продавать на базарахъ хлѣбъ оптомъ не ранѣе извѣстнаго часа. О какихъ-либо другихъ усиліяхъ администраціи къ уменьшенію дороговизны намъ что-то не доводилось читать или слышать.

Въ самый разгаръ прогрессивно возростающей дороговизны стали поговаривать о недостаточности однѣхъ экономическихъ мѣръ противъ такого зла. Рѣчь объ этомъ заходила и въ городскихъ думахъ, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ ученыхъ обществахъ. Многіе находили, что въ подмогу экономическимъ мѣрамъ нужно пустить въ ходъ и юридическія мѣропріятія. Впрочемъ, подъ этимъ послѣднимъ, многобъщающимъ выраженіемъ обыкновенно подразумѣвали всего только возбужденіе уголовного преслѣдованія противъ хлѣботорговцевъ, по предположенію, вступившихъ въ стачку для искусственнаго возвышенія цѣны на хлѣбъ. Такъ именно былъ поставленъ вопросъ и въ московскомъ юридическомъ обществѣ. Въ засѣданіи названнаго общества, 17 ноября 1880 г., г. Баженовъ прочелъ рефератъ: «Уголовное преслѣдованіе стачекъ хлѣбныхъ торговцевъ», въ которомъ развивалъ слѣдующія положенія: «1) Стачки хлѣбныхъ торговцевъ представляютъ дѣяніе, легко усматриваемое изъ общаго положенія дѣлъ на хлѣбномъ рынкѣ, но крайне трудно констатируемое, какъ уголовное преступленіе. 2) Важность причиняемаго такими стачками вреда даетъ основаніе возбуждать уголовное преслѣдованіе, какъ только общее положеніе хлѣбнаго рынка показываетъ существованіе стачки, формальной или молчаливой. 3) Особыя свойства преступленія стачки торговцевъ обусловливаютъ основательность примѣненія, рядомъ съ общимъ уголовнымъ наказаніемъ, денежныхъ штрафовъ, какъ во французскомъ уложеніи» ²⁾. Большинство присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ юридическаго общества высказалось, однакожъ, противъ примѣненія карательныхъ мѣръ. Указывали на неумѣстность и бесполезность борьбы противъ дороговизны съ помощью тюрьмы, при этомъ ссылались на иностранныя законодательства, все болѣе и болѣе отрѣшающіяся отъ признанія условленнаго между торговцами возвышенія цѣнъ на жизненные

¹⁾ „Нов. Вр.“, № 1,692.

²⁾ „Юридическій Вѣстникъ“, 1881, № 2, прилож., стр. 89.

припасы уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ. Словомъ — уголовное преслѣдованіе хлѣботорговцевъ, даже и при возможности доказать существованіе между ними стачки, забраковали въ московскомъ юридическомъ обществѣ.

Если ужъ ссылаться на постановленія иностранныхъ законодательствъ, регулирующихъ обезпеченіе населенія продовольствіемъ, то, казалось-бы, нѣтъ причины ограничиваться указаніемъ встрѣчающейся въ иностранныхъ кодексахъ уголовной репрессіи стачекъ торговцевъ, и не слѣдъ забывать, что въ нихъ установлены на разные экстра-ординарные случаи и гражданскія мѣры обезпеченія народнаго продовольствія. Такою мѣрою прежде всего служить экспропріація, т. е. принудительное, въ видахъ общественной пользы, отчужденіе хлѣбныхъ запасовъ у лицъ, обладающихъ ими въ размѣрѣ, превышающемъ ихъ личную потребность въ продовольствіи. Прусское законодательство допускаетъ во время голода отобраніе избытка хлѣбныхъ запасовъ для продажи на рынкѣ по дешевой цѣнѣ (Allgemeine Landrecht, I, 11, § 7). Составители проекта новаго закона объ экспропріаціи предложили изъять изъ-подъ ея дѣйствія движимое имущество вообще и въ частности хлѣбные запасы, находя, что «принудительная продажа ихъ должна быть непрактична». Къ такому взгляду на дѣло, замѣчаетъ одинъ изъ нѣмецкихъ юристовъ, Адоларъ Тиль, нельзя присоединиться. Скорѣе нужно думать, говоритъ онъ, что разъ государство сохраняетъ за собою право экспропріаціи,—послѣднее должно распространяться какъ на недвижимую, такъ и на движимую собственность, и это необходимо прежде всего въ интересахъ равенства передъ закономъ, потому-что собственники движимости не должны имѣть никакого преимущества передъ собственниками недвижимости. Если же право экспропріаціи движимыхъ вещей, именно хлѣбныхъ запасовъ, покуда не имѣло примѣненія, то это еще не можетъ служить для правительства основаніемъ ни къ ограниченію себя въ правѣ экспропріаціи, ни въ его примѣненіи, тѣмъ болѣе, что въ одномъ недавнемъ случаѣ опытъ показалъ, что одной угрозы администраціи произвести освидѣтельствованіе хлѣбныхъ складовъ во время искусственно вызванной дороговизны было достаточно, чтобъ задержанный хлѣбъ вызвать на рынокъ и чрезъ это возстановить свободное обращеніе этого необходимѣйшаго пищевого матеріала.

Нужно къ тому-же прибавить, что предоставляемая прусскимъ законодательствомъ въ распоряженіе администраціи мѣра, можетъ быть признана чрезвычайно умѣренной. Нѣкогда во Франціи принужденіе къ обнаруженію и сбыту на рынкѣ сокры-

тых хлѣбныхъ запасовъ сопровождалось тягчайшими наказаніями. Гораздо разумнѣе и гуманнѣе поступаетъ прусское «Земское право», ограничиваясь повелѣніемъ во время голода доставлять хлѣбъ на рынокъ. Путемъ конкуренціи сама собою установится нормальная цѣна на хлѣбъ, какъ только излишніе для личнаго употребленія собственниковъ и ихъ семействъ запасы его появятся на рынкѣ *).

Для правительства имѣть въ своемъ распоряженіи острастку торговцевъ экспроприаціей хлѣбныхъ запасовъ совсѣмъ не лишнее. Когда у насъ преобладало мнѣніе, что прошлогодняя дороговизна хлѣба составляетъ простой результатъ стачки хлѣботорговцевъ, всѣ наперерывъ старались добиться тѣмъ или инымъ способомъ производства провѣрки имѣющагося въ наличности у торговцевъ хлѣба. Последніе-же съ небольшою энергіею уклонялись отъ контроля своихъ хлѣбныхъ запасовъ, очевидно, считая возможными его послѣдствія неблагоприятными для себя. Конечная причина всѣхъ этихъ стараній съ одной стороны и опасеній—съ другой оставалась все время какъ-то невыясненною. Надѣялись-ли провѣркою наличныхъ хлѣбныхъ запасовъ констатировать существованіе стачки между торговцами или хотѣли удостовѣриться въ достаточности существующихъ запасовъ для продовольствія населенія въ теченіи извѣстнаго времени, или-же, наконецъ, преслѣдовали одновременно обѣ эти цѣли? Въ первомъ случаѣ послѣдствія провѣрки, если-бъ даже она обнаружила злонамѣренную утайку имѣвшихся запасовъ хлѣба, были-бы не особенно благотворны, потому-что миллионеровъ не проймешь установленными за участіе въ стачкѣ штрафами, а заключеніе виновныхъ въ тюрьму даетъ развѣ только нравственное удовлетвореніе; во-второмъ они оказались-бы уже чисто-платоническими, такъ-какъ открытіемъ значительности имѣющихся въ наличности хлѣбныхъ запасовъ еще нисколько не устранилась-бы трудность сдѣлать ихъ доступными для нуждающагося населенія.

Присоединяясь къ высказанному въ извѣстной части нашей періодической печати мнѣнію, что нельзя повсемѣстно господствовавшую у насъ въ прошломъ году дороговизну хлѣба объяснять стачкою хлѣботорговцевъ, но слѣдуетъ искать ея болѣе глубокую и труднѣе устранимую причину въ общемъ складѣ нашего экономическаго быта, въ хозяйственныхъ условіяхъ главныхъ производителей хлѣба, мы вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляемъ и

1) Das Expropriations-Recht und das Expropriations-Verfahren nach dem neuesten Standpunkt der Wissenschaft und der Praxis dargestellt von Adolar Thiel. Berlin. 1866, стр. 12 и 13.

тотъ взглядъ, что въ связи съ другими причинами, влекущими за собою прогрессивное у насъ вздорожаніе хлѣба, и стачка хлѣботорговцевъ можетъ все-таки имѣть нѣкоторое вліяніе на его стоимость въ неурожайные и вообще тяжелые для народа годы. Одна стачка между хлѣботорговцами, положимъ, еще не могла-бы вызвать повсемѣстной дороговизны и безхлѣбицы; но при наличности извѣстныхъ условій, спекулянты, алчные до легкой наживы посредствомъ эксплуатаціи народнаго бѣдствія, все-таки могутъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Вотъ поэтому-то и не мѣшало-бы имѣть въ запасѣ, на экстренный случай, право экспроприаціи хлѣбныхъ запасовъ. Экспроприація представляетъ то преимущество передъ «отеческими увѣщаніями», что, ближе и ярче веда къ цѣли, отличается еще большею легальностью.

Въ прошломъ году нѣкоторые органы нашей періодической прессы, еще не такъ давно восторгавшіеся непомѣрнымъ возростаніемъ у насъ вывоза хлѣба, забывъ и эти восторги, и свои манчестерскія традиціи, стали указывать на полезность тѣми или другими способами попридержать, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время вывозъ за границу русскаго хлѣба. «Новое Время», напримѣръ, начало находить, что «воспрещеніе вывоза хлѣба—мѣра, противъ которой въ принципѣ нельзя ничего возразить; она нерѣдко и за границею практикуется» (№ 1651). «Московскія Вѣдомости» по тому-же поводу высказались еще опредѣленнѣе: «Интересы не производителей и торговцевъ, говорили они, а интересы потребителей хлѣба стоятъ теперь на первомъ планѣ. И приостановка вывоза, если не всѣхъ хлѣбовъ, то по крайней мѣрѣ ржи, представляется мѣрою, о которой нельзя не подумать». Въ петербургской думѣ было сдѣлано заявленіе о необходимости ходатайствовать передъ правительствомъ воспретить вывозъ хлѣба изъ Петербурга ¹⁾. Комитетъ Общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, въ числѣ мѣръ для пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, указывалъ и на воспрещеніе вывоза хлѣба изъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Освѣдомясь объ этомъ, купечество изъ Ростова-на-Дону прислало въ комитетъ телеграмму о томъ, что оно предполагаетъ также ходатайствовать въ этомъ смыслѣ и просило увѣдомить, въ какомъ положеніи находится дѣло о примѣненіи этой мѣры ²⁾.

Въ виду ходившихъ въ обществѣ слуховъ и высказываемыхъ въ печати и въ общественныхъ учрежденіяхъ надеждъ, предположеній и желаній, правительство сочло нужнымъ оповѣстить

¹⁾ „Голосъ“ 1880, № 295.

²⁾ „Нов. Вр.“, № 1653.

свои взгляды по вопросу объ отпускной хлѣбной торговлѣ. 2-го ноября въ «Правит. Вѣстн.» появилось слѣдующее правительственное сообщеніе: «Въ послѣднее время среди торговаго сословія распространился слухъ о предполагаемомъ, будто-бы, обложеніи пошлиною вывозимаго за границу зерноваго хлѣба и даже о совершенномъ воспрещеніи отпуска онаго. Слухъ этотъ можетъ быть разсчитанъ или на искусственное временное пониженіе цѣны хлѣба на русскихъ рынкахъ, въ видахъ болѣе дешевой закупки для заграничнаго отпуска, или на спекулятивное возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на рынкахъ заграничныхъ, получающихъ хлѣбъ изъ Россіи. Для предупрежденія, по возможности, вреднаго вліянія сего извѣстія на правильный ходъ торговли, симъ сообщается, что слухи объ обложеніи пошлиною вывознаго хлѣба, а также о запрещеніи отпуска онаго за границу— лишены всякаго основанія». Но даже и послѣ столь категорическаго правительственнаго сообщенія, надежда на возможность запрещенія отпуска хлѣба изъ Россіи не изсякла. Такъ «Новое Время» писало: «Хотя поднимавшійся было вопросъ о запрещеніи отпуска ржи за границу и устраненъ извѣстнымъ правительственнымъ сообщеніемъ, тѣмъ не менѣе, весьма возможно, что къ этой мѣрѣ все-таки придется обратиться, если только не будетъ поздно». Засѣдавшій въ Москвѣ съѣздъ представителей II группы желѣзныхъ дорогъ представилъ въ правительственныя сферы записку по продовольственному вопросу, въ которой указывалъ на сокращеніе отпуска ржи за границу, посредствомъ-ли повышенія желѣзнодорожнаго тарифа на рожь, идущую къ портамъ, или-же посредствомъ установленія на рожь пошлины, какъ на мѣру для обезпеченія внутренняго продовольствія («Новое Время», № 1685). До запрещенія или ограниченія вывоза хлѣба изъ Россіи и изъ одной ея мѣстности въ другую дѣло, однако-жь, не дошло.

За другія экономическія, въ настоящемъ случаѣ точнѣе будетъ сказать, за хозяйственныя мѣропріятія противъ дороговизны и безхлѣбцы взялись земства и органы городского самоуправленія. Такихъ мѣропріятій наберется тоже не особенно много— всѣ онѣ на-перечетъ. Общій характеръ ихъ заключался въ стараніи доставить населенію возможность покупать хлѣбъ по той цѣнѣ, какая обуславливалась «дѣйствительнымъ положеніемъ хлѣбнаго рынка». Съ этою цѣлью земства и города ассигновывали болѣе или менѣе крупныя суммы для закупки по возможно дешевой цѣнѣ хлѣба, въ видахъ перепродажи его безъ барыша мѣстнымъ жителямъ; но при этомъ всегда оказывалось, что ассигнованныя суммы совсѣмъ непропорціональны нуждамъ на

селенія въ продовольствіи, или-же запоздавшія своимъ содѣйствіемъ городскія думы и земскія управы не находили мѣстностей, гдѣ-бы можно было закупить хлѣбъ по сколько-нибудь чувствительно удешевленнымъ цѣнамъ. А то бывали и такіе казусы: въ Вольскѣ дума купила ржаной муки на 100,000 руб. и предложила бѣднымъ гражданамъ приобрѣтать ее по 1 р. 3 к. за пудъ, но, при отсутствіи заработковъ, голодающіе не могли попутать и этотъ дешевый хлѣбъ. («Нов. Вр.», № 1678).

Нѣкоторыя газеты взывали объ устройствѣ общественныхъ пекаренъ. И, дѣйствительно, въ Москвѣ было заведено нѣчто въ этомъ родѣ; но, конечно, въ выгоду отъ такой мѣры остались только лавочники, избавившіеся отъ печенія хлѣба, который они покупали въ устроенныхъ для бѣдныхъ пекарняхъ, заручась изъ полицейскаго участка обязательнымъ свидѣтельствомъ на право покупки дешеваго печенаго хлѣба. Въ Петербургѣ подобная затѣя не принимала сколько-нибудь широкихъ размѣровъ. Здѣсь только въ отдѣльныхъ случаяхъ устраивалось хлѣбопеченіе, ради предоставленія извѣстной группѣ лицъ возможности покупать печеный хлѣбъ по сравнительно дешевой цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, комитетъ Общества доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ Петербурга, чтобъ избавить своихъ жильцовъ отъ необходимости покупать хлѣбъ въ мелочныхъ лавкахъ, устроилъ печеніе хлѣба въ домѣ Общества и сталъ отпускать жильцамъ, вмѣсто рыночной цѣны 5 к., по 3 и не дороже 3¹/₂ к. за фунтъ («Голосъ», 1880 г., № 294).

Если упомянуть въ заключеніе о выданныхъ правительствомъ и земствомъ денежныхъ вспомоствованіяхъ на продовольствіе населенія нѣкоторыхъ наиболее нуждавшихся мѣстностей, то этимъ, кажется, будутъ исчерпаны всѣ чисто-экономическаго характера мѣры, принятыя въ 1880 г. противъ дороговизны хлѣба и вызваннаго частью ею, частью-же другими причинами недостатка продовольствія.

Въ нашемъ разсказѣ эпизодовъ изъ исторіи голода во Франціи, мы остановились наканунѣ XVIII столѣтія, слѣдовательно, пропустивъ почти два вѣка, и притомъ такихъ, когда человечество жило очень быстро. Стоитъ только вспомнить воспрянутіе философской и политической мысли, вообще все умственное движеніе, вызванное энциклопедистами, затѣмъ французскую революцію со всѣми ея послѣдствіями и отголосками въ Европѣ, непрерывно слѣдовавшіе успѣхи положительнаго знанія, возникновеніе и полустолѣтіемъ позднѣе—разцвѣтъ политической эконо-

ми, наконецъ, неизбежное увеличеніе опытности и знанія, унаслѣдованныхъ отъ предшествовавшихъ поколѣній — стоитъ все это вспомнить, чтобы явилась увѣренность въ обладаніи чело-вѣчествомъ лучшими, чѣмъ за два вѣка передъ тѣмъ, средствами для облегченія матеріальной нужды народныхъ массъ, если она иногда и можетъ еще простираться до недостатка даже простѣйшей пищи, необходимой для поддержанія физическаго существованія людей. Можно было-бы, однако-жъ, думать, что въ продолженіи двухъ послѣднихъ столѣтій общество, болѣе нежели прежде вооруженное знаніемъ и опытностью, достигло значительнаго умѣнья пользоваться силами природы для увеличенія ея естественной производительности и пришло къ сознанію необходимости, въ видахъ самосохраненія, способствовать наступленію условій, при которыхъ послѣдовавшее отъ какихъ-либо естественныхъ причинъ уменьшеніе одного изъ періодическихъ возобновленій запаса пищевыхъ матеріаловъ не доводило-бы народъ до голоданія. Не менѣе того основательнымъ представляется предположеніе, что на исключительные случаи непредотвратимаго оскудѣнія въ извѣстный промежутокъ времени запасовъ пищи, напримѣръ, вслѣдствіе неурожая, изысканы при помощи предшествовавшаго опыта и научнаго знанія надежные способы предотвращать голодъ или, по крайней мѣрѣ, крайнія его послѣдствія, какія часто повторялись встарину. Однако, всѣ такія упованія оказались-бы тщетными.

Въ дѣто отъ Р. Хр. 1880, въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, какъ-бы тамъ ни было, все-же болѣе или менѣе причастномъ цивилизаціи, возобновились точно такія-же бѣдствія, вызванныя недостаткомъ пищи, какія переживались народомъ и въ отдаленныя историческія эпохи. Воспроизведеніе толпы бѣдняковъ, превратившихся въ нищихъ и блуждавшихъ по большимъ дорогамъ Франціи XV и XVI столѣтій въ поискахъ подаянія, мы видимъ въ самарскихъ и екатеринославскихъ крестьянахъ, цѣлыми деревнями выходившихъ на проѣзжія тороги просить милостыни у проходящихъ. Какъ нѣкогда во Франціи бѣдный людъ, подъ напоромъ неотступной нужды въ приобрѣтеніи средствъ продовольствія, распродалъ за безцѣнокъ весь свой хозяйственный скарбъ, такъ и у насъ въ ливенскомъ уѣздѣ крестьяне не могли обрабатывать землю, за неимѣніемъ скота и земледѣльческихъ орудій, которые они принуждены были продать, чтобъ не сидѣть безъ хлѣба («Русь», 1881, № 13). Развѣ у насъ въ прошломъ году, какъ въ отдаленныя былия времена во Франціи, крестьяне нѣкоторыхъ селеній не оставались по цѣлымъ суткамъ вовсе безъ пищи? Въ карачевскомъ уѣздѣ народъ влѣ

хлѣбъ только черезъ день, а жители дер. Новой, уфимской губ., точно какіе-нибудь флоридскіе дивари, по три дня ничего не ѣли; въ мензелинскомъ-же уѣздѣ отъ продолжительной голодовки люди «отвыкли» ѣсть. Голодали у насъ не отдѣльные лица или семьи, а цѣлыя селенія, и не въ одной какой-либо полосѣ Россіи, а во многихъ. Въ случаяхъ смерти отъ голода, и притомъ случаяхъ не единичныхъ, недостатка, къ несчастію, тоже не было. Иногда напряженность голода сказывалась въ такихъ ужасающихъ фактахъ, какихъ не подыщешь и въ лѣтописяхъ раннихъ вѣковъ французской исторіи; по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ источникахъ по исторіи голода во Франціи, какими удалось мнѣ располагать, я не встрѣчалъ указанія случаевъ самоубійства отъ голода и отгрызанія, въ мукахъ голодной смерти, членовъ собственнаго тѣла.

Въ заключеніе поучительной параллели изъ исторіи двухъ культурныхъ народовъ въ разную эпоху ихъ исторической жизни, остается упомянуть, что, несмотря на крайнюю напряженность у насъ во многихъ мѣстностяхъ голода въ прошломъ году, дѣло все-таки не доходило до каннибализма.

Если мы переберемъ всѣ испробованные и предлагавшіеся въ прошломъ году способы устраненія недостатка въ продовольствіи, дороговизны и вызваннаго ими голода во многихъ мѣстностяхъ Россіи, то не найдемъ въ числѣ ихъ ни одного такого, который отличался-бы новизною и не практиковался уже во Франціи, по меньшей мѣрѣ, еще два вѣка тому назадъ. Если, наоборотъ, мы поразберемъ всю коллекцію употреблявшихся до XVIII вѣка во Франціи мѣръ противъ дороговизны жизненныхъ припасовъ, безхлѣбцы и голода, то убѣдимся, что почти всѣ онѣ были въ 1880 г. позаимствованы нами изъ архива исторіи и осуществлены или предложены къ осуществленію. Изъ числа всѣхъ этихъ мѣръ, измышленныхъ безъ пособія науки, въ относително раннюю, иногда въ безразсвѣтную эпоху соціальной жизни одного изъ европейскихъ народовъ, уцѣлѣли въ забвеніи только мѣры, отличавшіяся чрезмѣрною принудительностью противъ владѣльцевъ хлѣбныхъ запасовъ, затѣмъ ограничивающія въ способахъ распоряженія находящимися у отдѣльныхъ лицъ въ количествѣ нужномъ для личнаго употребленія жизненными припасами, потомъ принудительныя мѣры къ обезпеченію производства зернового хлѣба и, наконецъ, въ послѣднихъ—слишкомъ крутыя мѣропріятія противъ нищенствующихъ бѣдняковъ, вродѣ ссылки ихъ на каторгу. Вотъ почти и все, чѣмъ отличаются практиковавшіеся у насъ въ прошломъ году способы борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ отъ тѣхъ способовъ, какими боролись съ нимъ во Франціи въ долгій періодъ времени съ V по XVIII сто-

лѣтіе. Зная это, невольно думается, не служить-ли единственною причиною нашей неумѣлости и подражанія чуть не первобытнымъ способамъ борьбы съ народною нуждою наша отсталость отъ европейской цивилизаціи, подъ сѣнью которой другіе народы, быть можетъ, или вовсе не испытываютъ нашихъ экономическихъ невзгодъ, или въ исключительныхъ случаяхъ ихъ наступленія, знаютъ лучшіе способы къ ихъ искорененію? Напршивается еще и такой вопросъ: не правы-ли писатели, утверждающіе, что цивилизація можетъ далеко опережать развитіе благосостоянія народныхъ массъ и что «надежды», возлагаемыя на цивилизацію для улучшенія народнаго быта, преувеличены?»¹⁾ Ошибаются-ли эти писатели или, наоборотъ, впадаютъ въ ошибку социологи, признающіе, подобно Шэффле, что «прогрессирующая цивилизація даетъ высшую степень силы какъ для само-сохраненія, такъ и для побѣды въ борьбѣ съ природою и врагами изъ среды самого человѣческаго рода?» Однако, какъ-же такъ случилось, что цивилизація не сослужила службы народу? Вина-ли это цивилизаціи вообще или только извѣстнаго ея фазиса? Наконецъ, не заслоняетъ-ли доставленнаго ею улучшенія въ положеніи народныхъ массъ, сознание необходимости еще большаго измѣненія къ лучшему теперешнихъ условій ихъ существованія? Все это такіе вопросы, въ отвѣтъ на которые мы не можемъ пуститься въ небольшой журнальной статьѣ. Мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ и оцѣнкою услугъ, какія до сихъ поръ могла оказывать экономическая наука дѣлу обезпеченія народа продовольствіемъ.

---

¹⁾ Князь А. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. 1881, стр. 6.

В. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОМУТЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА VIII.

Неожиданное присутствіе мужа Ольги Михайловны, того самого Бердяева, съ которымъ Олюнинъ, бывши студентомъ, водилъ знакомство и одно время былъ на короткой ногѣ, — произвело на Владиміра Николаевича впечатлѣніе очень непріятнаго и досаднаго сюрприза.

Онъ даже смутился, останавливая недоумѣвающій, нѣсколько растерянный, взглядъ на худощавомъ, очень некрасивомъ господинѣ, и машинально улыбаясь той натянутой, фальшивой, глупой улыбкой, которая часто является на лицахъ при неожиданныхъ, не особенно пріятныхъ встрѣчахъ.

Олюнинъ тотчасъ-же узналъ эту характерную, длинную, худую фізіономію съ большимъ умнымъ лбомъ и крупнымъ мясистымъ носомъ, неуклюже висѣвшимъ надъ тонкими, поблекшими губами. Но какъ постарѣло это безбородое, угреватое, тщательно выбритое лицо, напоминавшее лица католическихъ патеровъ, желтое, изрѣзанное морщинами, и какое непріятное, отталкивающее выраженіе было въ этихъ глубоко сидящихъ, черныхъ, пронизывающихъ глазахъ, смотрящихъ какъ-то вкось, изъ-подлбья подозрительно, боязливо и въ то-же время нагло!

На мгновеніе Олюнинъ, успѣвшій оправиться отъ перваго впечатлѣнія неожиданности, остановился въ какой-то нерѣшительности передъ вставшимъ съ своего мѣста Бердяевымъ... Онъ сооб-

ражалъ, какъ ему обойтись съ этимъ непріятнымъ господиномъ, о которомъ ходили такіе нелестныя слухи... Видъ его, казалось, вполне подтверждалъ репутацію человѣка, „способнаго на всякую жерзость“, и присутствіе этой красивой женщины, его жены, было краснорѣчивымъ доказательствомъ.

При другихъ обстоятельствахъ, Олюнинъ, весьма разборчивый въ знакомствахъ, если только онъ были не исключительно дѣловыя, конечно, совсѣмъ не узналъ-бы Бердяева или обошелся-бы съ нимъ съ презрительной сухостью, но теперь на глазахъ у жены, за которой онъ, вдобавокъ, ухаживалъ, поступить такъ было невозможно.

И вотъ лицо его внезапно озарилось улыбкой пріятнаго изумленія.

— Совсѣмъ-было и не узналъ... Очень радъ встрѣтиться! воскликнулъ онъ. Пожимая руку Бердяева и чувствуя физически непріятное ощущеніе отъ прикосновенія этой холодной мягкой руки, онъ обнаружилъ даже намѣреніе по-товарищески облобызаться, однако, Бердяевъ попридержалъ руку Олюнина, осторожно, но рѣшительно уклоняясь отъ этого дружескаго изліянія. Онъ не обнаружилъ никакой радости при встрѣчѣ и оглядывалъ здороваго, сіяющаго и красиваго Олюнина быстрымъ, завистливымъ, наглымъ взглядомъ, причемъ лицо его по временамъ подергивалось судорожными гримасами.

Привѣтливая улыбка исчезла съ лица Олюнина; онъ постѣшилъ высвободить руку и отвелъ глаза отъ озлобленнаго, желчнаго лица и тяжелаго взгляда этихъ непріятныхъ глазъ...

— А я васъ сейчасъ-же узналъ! проговорилъ Бердяевъ тоненькимъ голосомъ, мягкимъ и вкрадчивымъ, опускаясь на стулъ;— вы мало перемѣнились.

— Ну, что вы?.. Года свое берутъ! усмѣхнулся Олюнинъ.

— То-то не на всѣхъ они дѣйствуютъ... Я вотъ совсѣмъ старикъ! угрюмо замѣтилъ Бердяевъ, — а вы, все такой-же цвѣтуцій, какъ во времена молодости, когда, помните?.. Онъ съ секунду помолчалъ, опустивъ глаза, и прибавилъ съ усмѣшкой:

— Когда мы отыскивали Бѣлую Арапію и проповѣдывали раздѣленіе богатствъ...

— А все-таки хорошія были времена! строго замѣтилъ Олюнинъ.

— Очень хорошія! Еще-бы... Помните, тогда еще вы устраивали фаланстеры и звали меня вкусить отъ новой жизни! Кажется, давно-ли это все было, а подите — пятнадцать лѣтъ!

Олюнинъ почувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи при этомъ воспоминаніи о фаланстерѣ, особенно въ присутствіи Ольги Михайловны. Онъ съ удовольствіемъ улизнулъ-бы отъ этого непріятнаго человѣка, предчувствуя, что онъ будетъ, пожалуй, продолжать въ томъ-же тонѣ, но какой найти предлогъ Дѣлать нечего — приходилось оставаться, пить кофе и слушать. „И какой чортъ принесъ этого урода сюда?“ думалъ Олюнинъ, рѣшившись величественно отмалчиваться на слова этого, очевидно, озлобленнаго неудачника.

— Вотъ какъ! удивилась Ольга Михайловна. Вы — фаланстеры устраивали, Владиміръ Николаевичъ?

— Дѣла давно минувшихъ дней, Ольга Михайловна! Счастливая молодость, увлеченія... Всѣ болѣе или менѣе заплатили ей дань!

— Не одни фаланстеры! подхватилъ снова Бердяевъ. — Владиміръ Николаевичъ былъ въ то-же время организаторомъ кружка распространенія здравыхъ понятій о бракѣ среди женщинъ и вообще былъ выдающимся лицомъ по своимъ радикальнымъ взглядамъ. Одна его статья о пролетаріатѣ произвела фуроръ... горячая была статья... я хорошо помню, какъ, однажды, Владиміръ Николаевичъ меня журилъ насчетъ моего пристрастія къ гражданскому праву и повторялъ мнѣ слова Прудона: „La propriete c'est le vol!“... Вы помните, Владиміръ Николаевичъ? И тогда вы чуть меня не совратили? продолжалъ Бердяевъ, испытывая, повидимому, удовольствіе при видѣ комичнаго, нѣсколько смущеннаго выраженія Олюнина.

Онъ было пробовалъ замаять этотъ непріятный для него разговоръ, но Бердяевъ съ какой-то назойливостью возвращался снова къ воспоминаніямъ молодости.

— Да-съ... Какъ-же, какъ-же, забавныя были времена! говорилъ Бердяевъ съ какимъ-то личнымъ, раздражительнымъ озлобленіемъ. — Я, признаться, думалъ, разставшись тогда съ вами, что вы, какъ собирались, займетесь литературой, но скоро, къ удовольствію, узналъ, что вы избрали другую карьеру и, какъ кажется, теперь преуспѣваете, отапливая Россію хорошимъ углемъ?

Это несравненно, по моему мнѣнію, остроумнѣе, чѣмъ пропагандировать прудоновскіе парадоксы и питаться медомъ и акридами!.. продолжалъ Бердяевъ, хихикая какииъ-то гнуснымъ, отвратительнымъ смѣхомъ. Не правда-ли?.. А вотъ-съ Никодимовъ, бывшій вашъ другъ... такъ подите-же до сорока лѣтъ дожилъ и все таки умеръ несправимымъ фанатикомъ... Прямолинеенъ очень, гибкости умственной нѣтъ-съ, той гибкости, которая можетъ примирить идеальныя требованія съ требованіями хорошей кухни-съ... хе-хе-хе!.. Вы, конечно, слышали о его смерти? Нѣтъ? Какже—умеръ недавно въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ... Умеръ и все-таки съ надеждой на родъ человѣческій... Мнѣ передавалъ одинъ знакомый...

О, съ какимъ удовольствіемъ заткнулъ-бы Олюнинъ глотку этому человѣку. Но къ чему могъ придратъся Олюнинъ? И—главное—что могъ онъ ему отвѣтить? Все, о чемъ напоминалъ теперь Бердяевъ и надъ чѣмъ Олюнинъ давно поставилъ крестъ,— все это было, и Бердяевъ могъ, подъ наплывомъ воспоминаній, естественныхъ при встрѣчѣ, вспоминать прошлое, но какъ онъ вспоминалъ? Въ его словахъ звучала иронія, которая приводила Олюнина въ раздраженіе. Онъ зналъ, что Бердяевъ и въ молодости былъ самолюбивъ и жолченъ, но теперь... какое озлобленіе, какая наглость!

„И, главное, какъ осмѣливается этотъ оплеванный господинъ, этотъ подставной мужъ, съ такимъ назойливымъ нахальствомъ говорить объ его дѣйствіяхъ, судить ихъ и иронизировать?“ думалъ Олюнинъ, скрывая свое смущеніе и неловкость подъ видомъ равнодушнаго невниманія къ рѣчамъ Бердяева и въ то-же время чувствуя приливъ злости и желанія оборвать этого наглаго циника.

Но какъ оборвать? Боязнь какой-нибудь новой, болѣе ядовитой, выходки въ присутствіи Ольги Михайловны,—какого-нибудь новаго воспоминанія молодости, останавливала Олюнина, и онъ, подавляя чувство злости и отвращенія, рѣшился остановить дальнѣйшія изліянія Бердяева и смягчить его озлобленіе какъ-нибудь мягко и осторожно.

И какъ только-что Бердяевъ собирался было предпринять новую экскурсію въ область воспоминаній, Олюнинъ проговорилъ своимъ тихимъ, успокаивающимъ голосомъ:

— Къ чему такое озлобленіе?.. Извините, у меня слаба память на имена... Лука... Лука...

— Осиповичъ! подсказаль Бердяевъ.

— Въ чему такое озлобленіе, дорогой Лука Осиповичъ, противъ увлеченій нашей молодости?.. Согласенъ съ вами, многое въ нихъ смѣшно, глупо, самонадѣянно, но все-таки эти искреннія увлеченія, эти честные порывы, желаніе отдать всего себя служенію идеѣ заслуживаютъ снисхожденія... А вы ужь слишкомъ нападаете на нихъ, слишкомъ стараетесь представить все въ мрачныхъ краскахъ и иронизируете надъ своимъ прошлымъ!.. продолжалъ съ горячностью Олюнинъ, взглядывая по временамъ на Ольгу Михайловну и какъ-бы обращаясь къ ней за сочувствіемъ.

— Стремленія... это вѣчная работа духа... Безъ нихъ, что остается отъ человѣка?.. Одинъ аппаратъ... Всею свое время, Лука Осиповичъ... И теперь подчасъ жалѣешь, что молодость убѣгаетъ, что жизнь своимъ суровымъ дыханіемъ безжалостно губитъ наши лучшіе порывы...

Онъ остановился на мгновеніе (Бердяевъ сидѣлъ, не поднимая глазъ) и продолжалъ:

— Разумѣется, Никодимовъ смѣшонъ съ своимъ романтизмомъ въ сорокъ лѣтъ, но все-таки его жалъ... Онъ могъ-бы приносить пользу, если-бъ не сбился съ толку... Мы съ нимъ, впрочемъ, давно разошлись... Онъ слишкомъ односторонне смотрѣлъ на вещи, не хотѣлъ примириться съ жизнью, такою, какъ она есть, не умѣлъ, такъ-сказать, найти той середины между желаемымъ и возможнымъ, при которой можно и не поступатся убѣжденіями и въ то же время...

Глаза Олюнина встрѣтились въ это мгновеніе съ глазами Бердяева; въ нихъ стояла такая циничная усмѣшка, которая, казалось, говорила: „меня не проведешь, братъ, своими порывами“, что Олюнинъ быстро отвелъ глаза, испытывая неловкое чувство оратора, остановленнаго на краснорѣчивомъ мѣстѣ, и злобное отвращеніе къ Бердяеву...

— То-то и я говорю, подхватилъ Бердяевъ, хихикая своимъ неприятнымъ смѣхомъ,—гибкости ума въ немъ было мало, гибкости... Онъ, помните, всякіе вопросы, бывало, ставилъ ребромъ и упирался въ нихъ лбомъ, точно въ стѣну... Мы-то раньше сообразили, что стѣны лбомъ не прошибешь—только себѣ шишки наставишь, а онъ все пробовалъ... и вотъ этой-то самой середины такъ-таки и не понялъ... Вдобавокъ и вкусовые аппараты у него

были неразвиты... Помните: не умѣлъ отличить хорошаго биф-стекса отъ подошвы, а насчетъ вина—такъ просто былъ вандаломъ и... погибъ! Впрочемъ, и погибъ-то, вѣроятно, воображая себя великимъ человѣкомъ! прибавилъ Бердяевъ съ внезапной зло-стью, охватившей его къ покойному... Какъ-же—честный, види-те-ли, пострадалъ!—Зато мы вотъ съ вами, Владиміръ Николаевичъ, преуспѣваемъ—я вѣдь слѣжу за вашими успѣхами!—а господинъ Никодимовъ погибъ и даже въ безвѣстности... А вѣдь если-бы и у него не были атрофированы вкусовые органы, пожалуй, и онъ могъ-бы, какъ вы говорите, найти середину между желаемымъ и возможнымъ...

— А вы преуспѣваете? иронически спросилъ Олюнинъ.

— Не особенно! усмѣхнулся Бердяевъ.— Служу-съ; составляю для начальства записки какъ осчастливить Россію... По крайней-мѣрѣ, жалованье платятъ аккуратно... Карьеры не сдѣлалъ, да и куда ужъ намъ, маленькимъ людямъ!..

— Вы, кажется, долго служили въ провинціи товарищемъ про-курора?.. Развѣ оставили юстицію?..

Этотъ совершенно невинный вопросъ произвелъ, однако, на Бер-дяева необыкновенное впечатлѣніе. Всего его вдругъ передернуло, точно отъ ощущенія внезапной жгучей боли; лицо его съежилось въ непріятную болѣзненную улыбку; къ плоскимъ, угреватымъ ще-камъ прилила кровь и губы трепетали въ желкой судорогѣ.

Онъ изъ-подлобья бросилъ на Олюнина быстрый, подозритель-ный, боязливый взглядъ.

— Служилъ, но больше не служу! угрюмо отвѣтилъ онъ и за-молчалъ.

„Выгнали вѣрно!“ подумалъ Олюнинъ и заговорилъ съ Ольгой Михайловной, которая съ безливымъ равнодушіемъ слушала весь этотъ разговоръ. Бердяева, по обыкновенію, была привѣтлива и любезна и, между прочимъ, приглашала Олюнева совершить завтра экскурсію въ горы.

Олюнинъ колебался.

— Мужъ завтра занятъ! сказала она, не глядя на мужа, — онъ долженъ быть у князя Литовскаго по дѣламъ, и мнѣ не съ кѣмъ идти...

Чуть-чуть замѣтное дрожаніе лицевыхъ мускуловъ обнаружило

волненіе Бердяева. Онъ поднялъ глаза на жену, на Олюнина, но не сказалъ ни слова.

Олюнинъ съ удовольствіемъ согласился сопутствовать Ольгѣ Михайловнѣ. Въ горахъ такъ хорошо, не жарко. Когда думаетъ Ольга Михайловна идти? Послѣ обѣда или утромъ?

— Послѣ обѣда лучше...

— А вы, Лука Осиповичъ, обратился онъ къ Бердяеву съ неожиданной снисходительной мягкостью въ голосѣ... Вы развѣ пожаловали сюда не исключительно лечиться?.. Неужели по дѣламъ?

— По дѣламъ...

— И долго пробудете?

— Не знаю еще! сухо отвѣтилъ Бердяевъ.

Наступило молчаніе. Олюнинъ воспользовался случаемъ и поднялся.

— Буда и въ которомъ часу прикажете явиться, Ольга Михайловна? — спросилъ Олюнинъ, крѣпко пожимая ей руку и взглядывая на нея долгимъ, сочувственнымъ взглядомъ, какъ-бы выражая имъ, что онъ понимаетъ ея положеніе быть связанной съ такимъ мужемъ.

— Заходите въ два часа, въ гостинницу! отвѣчала она, весело улыбаясь въ отвѣтъ на безмолвное сочувствіе Олюнина.

И сама она спокойная, цвѣтущая, сіяющая, нисколько не походила на несчастную жену... Напротивъ, скорѣй Бердяевъ, мрачно сидѣвшій, опустивъ голову, былъ похожъ на несчастнаго мужа...

— Имѣю честь кланяться, Лука Осиповичъ! обратился Олюнинъ къ Бердяеву, протягивая руку.

Снова прикосновеніе этой холодной длинной руки, этотъ странный подозрительный взглядъ изъ глубины темныхъ впадинъ произвели на Олюнина непріятное впечатлѣніе и онъ поспѣшилъ освободить руку и уйти.

„Отвратительное животное!“... И она... она можетъ выносить его присутствіе? недоумѣвалъ Олюнинъ, чувствуя себя какъ-то легко, освобождаясь отъ присутствія этого „животнаго“.

Супруги нѣсколько времени сидѣли молча. Каждый изъ нихъ заплатилъ за себя, когда подошелъ цалькернеръ. Наконецъ, Ольга Михайловна поднялась съ мѣста, вслѣдъ за ней поднялся и Бердяевъ. Они вышли и, молча, не слѣша, шли по верхней густой аллеѣ, направляясь къ гостинницѣ.

— Когда вы думаете уѣхать отсюда? спросила, наконецъ, Ольга Михайловна.

— Вы непремѣнно требуете, чтобы я уѣхалъ?

— Не требую, а прошу! возразила она почти повелительнымъ тономъ.

— Я послѣ завтра уѣду... Надѣюсь, князь меня отпустить... Онъ вѣдь вызвалъ меня по телеграфу—имъ понадобилось теперь моя записка... Самъ-бы я, конечно, сюда не пріѣхалъ противъ вашего желанія! прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, который звучалъ теперь какой-то поворной мягкостью, странной въ этомъ человѣкѣ.

— Благодарю васъ! промолвила жена, смягчая голосъ и по-прежнему не глядя на мужа.

И опять они шли, не говоря ни слова. Среди безмолвія притихшаго лѣса слышалось только хрустѣніе песка подъ ихъ мѣрными шагами, да откуда-то сверху доносился слабый ропотъ сбѣгающаго источника.

Украдкой онъ взглядывалъ на жену. И взглядъ его загорался останавливаясь на ея опущенномъ лицѣ, скользя по ея пышному стану.

— Вы думаете вернуться въ Петербургъ? сказалъ черезъ нѣсколько времени Бердаевъ.

— Разумѣется. Не вѣкъ-же мнѣ оставаться за-границей...

— И жить рассчитываете какъ... отдѣльно или по-прежнему?.. совсѣмъ упавшимъ голосомъ снова спросилъ Бердаевъ.

— Не знаю еще... Объ этомъ послѣ! нетерпѣливо отвѣтила Ольга Михайловна и какъ-то брезгливо и удивленно пожала плечами.

Онъ молча спустился внизъ, вошли въ гостинницу и разошлись по своимъ номерамъ.

ГЛАВА IX.

Въ большой, свѣтлой, роскошной комнатѣ, занимаемого княземъ Литовскимъ помѣщенія въ Клингеръ-отелѣ, за письменнымъ столомъ съ лежащими на немъ номерами газетъ и двумя-тремя книжками иностранныхъ обзорѣній, сидѣлъ старый князь, какъ всегда, свѣжій, изящный, благоухающій. Онъ перелистывалъ лежащую передъ

нимъ объемистую тетрадь изъ толстой министерской бумаги, испи-санную крупнымъ, красивымъ писарскимъ почеркомъ, слегка оттопыривъ губу и съ тѣмъ торжественно-серьезнымъ выраженіемъ, которое, въ числѣ другихъ достоинствъ князя, немало способствовало его репутаціи глубокомысленнаго бюрократа. По временамъ онъ останавливался на замѣткахъ и знакахъ, сдѣланныхъ на большихъ поляхъ, прочитывалъ ихъ или дѣлалъ новыя большими длиннымъ краснымъ карандашомъ и тогда его лицо дѣлалось еще торжественнѣе и серьезнѣе. Казалось, онъ не просто работалъ, а священнодѣйствовалъ.

Эту манеру князя, пріобрѣтенную съ тѣхъ давнихъ поръ, какъ онъ почувствовалъ въ себѣ способности государственнаго человѣка, старались усвоить, конечно, и многочисленные его подчиненные чиновники. Право, стоило зайти въ департаментъ князя, чтобы взглянуть на всѣ эти глубокомысленныя лица, склонившіяся надъ бумагами или безшумно слоняющіяся по корридорамъ, уловить то выраженіе благоговѣйнаго раздумья, съ какимъ на минуту останавливались докладчики у дверей кабинета, какъ-бы для того, чтобы отбросить тутъ, у порога, все недостойное и войти въ святилище просвѣтленными съ почтительно-серьезными лицами и безукоризненно-переписанными бумагами... Начиная съ дежурнаго чиновника, задающаго вопросы просителямъ съ такимъ видомъ, точно этими вопросами рѣшаются судьбы отечества и кончая самимъ княземъ, возсѣдающимъ въ своемъ огромномъ директорскомъ кабинетѣ въ спокойномъ величіи небожителя — на всѣхъ и на всемъ лежалъ особый отпечатокъ торжественности, воцарившійся здѣсь послѣ того, какъ ушелъ Конотопцевъ, который, напротивъ, сумѣлъ придать департаменту игривый, легкомысленный и суетливый характеръ, придававшій учрежденію несвойственный ему видъ шумнаго клуба, заставившій князя придти въ ужасъ.

Князь уже пересмотрѣлъ всѣ свои помѣтки и принялся было за газеты, какъ кельнеръ почтительно подалъ на подносѣ карточку.

— Просите! сказалъ князь.

Вслѣдъ затѣмъ на порогѣ появилась длинная, худая фигура Бердаева во фракѣ. Онъ пріостановился, почтительно наклонивъ голову, и приблизился къ его сіятельству.

Князь, не слѣша, отложилъ въ сторону газету и медленно по-

вернулъ голову, слегка наклоняя ея въ отвѣтъ на новый поклонъ вошедшаго. Все съ тѣмъ-же торжественнымъ видомъ и молча, онъ протянулъ Бердяеву руку и медленнымъ жестомъ указалъ на кресло около письменнаго стола. Едва замѣтная брезгливая улыбка скользнула по губамъ старика, когда онъ, отводя глаза въ сторону, придвинулъ къ себѣ поближе толстую тетрадь, на заголовкѣ которой было написано: „Историческій обзоръ развитія разрушительныхъ ученій“.

И сегодня, какъ и прежде, Бердяевъ произвелъ на князя то самое непріятное впечатлѣніе, какое онъ производилъ на всѣхъ; эта отталкивающая наружность отчасти была причиной, что князь, давно знавшій Бердяева по имени какъ способнаго и выдающагося чиновника, держалъ его въ черномъ тѣлѣ, почти никогда не приглашалъ къ себѣ въ кабинетъ и поручалъ ему работы черезъ другихъ.

— Радъ видѣть васъ, господинъ Бердяевъ! проговорилъ князь, послѣ нѣсколькихъ секундъ торжественнаго молчанія.

Онъ поднялъ свою сѣдую, худую голову и, тихо перебирая тонкими бѣлыми пальцами бакенбарду, уставилъ спокойный, неподвижный, нѣсколько тусклый взоръ на Бердяевъ и продолжалъ:

— Хотя мы имѣемъ честь служить вмѣстѣ около трехъ лѣтъ и хотя я имѣлъ неоднократные случаи убѣдиться въ вашихъ способностяхъ и усердіи, тѣмъ не менѣе мнѣ не доводилось, къ сожалѣнію, покороче съ вами познакомиться. Надѣюсь теперь исправить свою оплошность, любезно усмѣхнулся старикъ. — Предварительно считаю, однако, долгомъ сказать вамъ, г. Бердяевъ, прибавилъ князь, складывая губы въ подобіе улыбки, — нелицепріятный комплиментъ: трудъ вашъ составленъ вполне добросовѣстно и рачительно и освященъ правильнымъ и истинно безпристрастнымъ отношеніемъ къ вопросу.

Бердяевъ поклонился...

— Написанъ онъ прекрасно и если я имѣю возразить, то единственно противъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстъ и противъ послѣдняго заключительнаго параграфа. Онъ проникнутъ слишкомъ страстнымъ тономъ, возможнымъ развѣ въ журнальной статьѣ, но не въ подобномъ трудѣ. Я, разумѣется, понимаю, господинъ Бердяевъ, что тонъ этотъ естественно вызывается чувствомъ негодованія, понятнымъ въ каждомъ благомы-

слящемъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе изучившемъ вопросъ съ скорбною его полнотою; тѣмъ не менѣе едва-ли тонъ этотъ соотвѣтствуетъ въ данныхъ обстоятельствахъ и я позволю себѣ просить васъ сгладить нѣсколько неровности, согласно сдѣланныхъ мною указаній...

Бердяевъ опять наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Потревожилъ я васъ, вызвавъ изъ Петербурга по двоякой причинѣ: во-первыхъ, въ виду необходимости какъ можно поспѣшнѣе исправить записку и напечатать ее, и во-вторыхъ, чтобы сообщить вамъ мои соображенія относительно направленія дальнѣйшихъ нашихъ усилій въ борьбѣ съ пагубными заблужденіями, грозящими совершенно деморализовать наше неустойчивое общество.

И старикъ не преминулъ, конечно, выяснитъ свои взгляды на „современныя большыя стороны“ въ одной изъ тѣхъ своихъ длинныхъ, сухихъ, канцелярски-отточенныхъ импровизаций, полныхъ общихъ мѣстъ подъ лакомъ выложенной фразы, которыми онъ любилъ щегольнуть при каждомъ удобномъ случаѣ.

Голосъ его, самоувѣренный, ровный и плавный, съ однообразной интонаціей, утомительный для уха, тихо раздавался въ большой комнатѣ, производя на единственнаго слушателя впечатлѣніе какого-то говорящаго маятника.

Бердяевъ въ первый разъ слушалъ Литовскаго. Напрасно старался онъ въ началѣ уловить въ этихъ мнѣніяхъ, предположеніяхъ и соображеніяхъ, которыя князь разыскалъ съ расточительностью Креза, — признаки ясной мысли, горячаго убѣжденія или хоть страстности уязвленнаго честолюбія. Ничего этого не было, кромѣ расплывчатаго общаго мѣста въ извѣстномъ духѣ съ этими вѣчными фразами о „злоупотребленіяхъ слова“ и т. п. Изъ всего можно было только вывести смутное представленіе, что все идетъ не такъ, какъ-бы слѣдовало и что главная причина тому, что все идетъ не такъ, какъ-бы слѣдовало, та, что самъ князь не стоитъ на стражѣ государственныхъ интересовъ...

„Однако, ты еще плоше, чѣмъ я предполагалъ!“ думалъ про себя въ это время Бердяевъ, и уже не столько слѣдилъ за развитіемъ его мыслей, сколько за этимъ безконечнымъ потокомъ слѣдующихъ одинъ за другимъ округленныхъ періодовъ. Иногда ему казалось, когда князь на секунду останавливался, что вотъ, вотъ сію минуту должна оборваться эта искусно-сплетенная цѣпь

фразъ и что ораторъ, разъ запнувшись, запутается въ ней какъ въ сѣти, и остановится съ открытымъ ртомъ на величественно-торжественномъ лицѣ, не найдя больше въ запасѣ новыхъ сочетаній. Но каждый разъ это ожиданіе не оправдывалось; послѣ мгновенной запинки, снова изъ устъ князя исходили отточенные длинные періоды, снова лилась плавная, тихая рѣчь и — Бердяевъ теперь убѣдился — могла-бы литься безконечно съ однообразіемъ прибоя морской волны...

— Вотъ хоть-бы наша пресса, продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на одну изъ газетъ, статья которой была очерчена краснымъ карандашомъ... Постоянно прихорашивается нехорошее, извиняется неизвинимое, проповѣдуется ложное, поощряется несомнѣнно вредное... И нѣтъ противодѣйствующаго органа, исключая, впрочемъ, одного, двухъ... Въ самомъ дѣлѣ: надо имѣть много гражданской доблести, чтобы разъяснить публикѣ вещи, такъ-какъ онѣ есть, а не въ томъ ложномъ свѣтѣ, въ которомъ угодно представлять нашимъ, такъ-называемымъ, либераламъ...

Онъ, наконецъ, остановился и, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ:

— Я считалъ долгомъ познакомить васъ, господинъ Бердяевъ, нѣсколько подробнѣе съ моими воззрѣніями послѣ того, какъ прочиталъ вашъ трудъ и потому еще, что рассчитываю на ваше содѣйствіе впредь...

Бердяевъ наострилъ уши. Чего еще отъ него хотять? Развѣ недостаточно уже онъ показалъ усердія, составивши эту записку, въ которой оплевывалъ все то, чему когда-то поклонялся, и извращалъ сознательно факты, въ надеждѣ выдвинуться... и заслужить у тѣхъ, кого искренно презиралъ. Какого еще содѣйствія отъ него требуютъ?..

— Судя по вашей запискѣ, вы безпорно обладаете даромъ литературнаго изложенія и притомъ тѣмъ полемическимъ задоромъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ и употребленный въ защиту честнаго дѣла, производитъ впечатлѣніе... Кроме того...

Князь остановился на секунду и, опустивъ глаза, продолжалъ:

— Кроме того, сколько я знаю, вы сами въ прежнее время заблуждались и, слѣдовательно, вамъ лучше чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно пагубное вліяніе этихъ злоученій.

Вслѣдъ за этимъ краткимъ предисловіемъ князь безъ оконч-

ностей предложилъ Бердяеву написать нѣсколько брошюръ по тому же вопросу, по какому составлена записка, но только въ болѣе легкомъ изложеніи для распространенія здравыхъ идей въ публикѣ.

— Это будетъ доброе дѣло; вы можете рассвѣять многія заблужденія, не говоря уже объ услугѣ, которую окажете партіи честныхъ людей... Нечего и говорить, прибавилъ князь, — что я лично буду вашимъ издателемъ и, конечно, всѣ издержки будутъ возмѣщены. Засимъ я рассчитываю, что теперь, послѣ того, какъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами покороче, ваши способности найдутъ болѣе широкое примѣненіе...

Злоба душила Бердяева. Ужъ слишкомъ безцеремонно рассчитывали на его услуги. Однако, онъ ни единымъ знакомъ не обнаружилъ своихъ чувствъ и почтительно отвѣчалъ:

— Я охотно готовъ принять предложеніе. Надѣюсь, ваше сіятельство, не будете имѣть ничего, если брошюры будутъ анонимны?..

— О, разумѣется... Зачѣмъ имя?.. И вообще пусть это между нами... Мое участіе должно быть негласнымъ...

Онъ слегка привсталъ, давая знать, что аудіенція кончена. Бердяевъ поднялся...

— Какъ скоро полагаете вы исправить записку?

— Завтра она будетъ готова...

— Вы, быть-можетъ, захотите нѣсколько времени пробить здѣсь... Кажется ваша супруга пользуется водами?

— Нѣтъ-съ. Я рассчитываю, если вы позволите, возвратиться послѣ завтра въ Петербургъ... Вѣдь вашему сіятельству угодно поторопиться печатаніемъ записки?..

— Благодарю васъ... благодарю васъ, господинъ Бердяевъ... Да она нужна.

И затѣмъ совершенно неожиданно старикъ спросилъ:

— Вы читали Донъ-Карлоса?

— Читалъ, ваше сіятельство...

— И помните, что онъ отвѣтилъ при разставаніи съ посломъ?..

— Нѣтъ не помню...

— Я исполнилъ свой долгъ, теперь исполните и вы свой! сказалъ съ улыбкой князь и протянулъ руку, взглядывая на Бердяева, но тотчасъ опустилъ глаза, снова испытывая подъ этимъ

заяскивающимъ, наглымъ взоромъ то самое непріятно-брезгливое ощущеніе, какое испыталъ и раньше.

„Непріятная фізіономія!“ промолвилъ князь, принимаясь за чтеніе.

ГЛАВА X.

Бердяевъ шелъ по парку мрачный, озлобленный, недовольный. Давно ужъ онъ махнулъ на все рукой, давно потерялъ всякую разборчивость въ средствахъ, давно ужъ отъ него отворачивались прежніе знакомые; казалось, новая гадость не должна-бы нисколько его смущать, тѣмъ болѣе, что она могла быть полезна ему въ его честолюбивыхъ стремленіяхъ, однако, онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Онъ сознавалъ всю глубину своего нравственнаго паденія и точно гордился, что онъ сознаетъ это и не обманываетъ себя софизмами, какъ другіе. Если иногда невольно заградывались къ нему какія-нибудь утѣшенія, то онъ самъ-же смѣялся надъ ними. Такъ было и въ настоящую минуту. „Ну да, я подлець!“ говорилъ онъ самъ себѣ съ какимъ-то циничнымъ раздраженіемъ. „Сознательный подлець!“, повторялъ онъ, озлобляясь еще болѣе при воспоминаніи презрительнаго снисхожденія, съ которымъ ему бросили теперь подачку... „Подлець, подлець, подлець!“ казалось, говорило ему все вокругъ. И яркое солнце, и тихій шелестъ листьевъ, и эти нерасполагающіе взгляды, которые бросали на него проходящіе...

Онъ свернулъ изъ парка, гдѣ часто попадались гуляющіе, вышелъ на лѣсную дорогу и безцѣльно шелъ впередъ, отгоняя воспоминанія, которыя какъ нарочно лѣзли въ голову. Онъ, старался думать о другомъ, но воспоминанія все-таки врывались какими-то неясными отрывками изъ прежней жизни. Молодость... близкіе люди... Когда-то и онъ былъ не такимъ, когда-то и онъ пришелъ-бы въ ужасъ если-бъ ему сказали чѣмъ онъ сдѣлается.

„Но что такое честность?.. Какъ опредѣлить ее? Кто честенъ и кто подлець? И Олюнинъ считаетъ себя честнымъ, а меня, конечно, не честнымъ!.. Онъ пользуется почетомъ, а я!“ „Не подли съ собой! шепчетъ внутренній голосъ, ты понимаешь, что значить быть честнымъ человѣкомъ, знаешь, что есть честные люди, а ты подлець!“..

„Ну разумеется, подлець!“ сказалъ съ какими-то хохотомъ Бердяевъ и глѣсное эхо повторило эти слова.

Онъ остановился, замѣтивъ, что зашелъ далеко и теперь не зналъ, какъ вернуться. На встрѣчу, весело посвистывая, шелъ мальчикъ, румяный, круглолицый съ большими голубыми, смѣющимися глазами. Бердяевъ остановилъ его и попросилъ указать дорогу. Маленькій нѣмецъ съ удовольствіемъ согласился и повелъ его. Бердяевъ всю дорогу разговаривалъ съ нимъ, съ какими-то страннымъ чувствомъ озлобленія и нѣжности, поглядывая на это честное, открытое лицо. Оказалось, что онъ изъ деревни, идетъ въ Маріенбадъ къ матери, которая живетъ въ прачкахъ...

Когда они подошли къ Маріенбаду, Бердяевъ вынулъ бумажку въ пять гульденовъ и подалъ мальчику.

Маленькій нѣмецъ съ испуганнымъ изумленіемъ взглянулъ на деньги и покачалъ головой.

— Возьмите... Это за услугу...

— Что вы, господинъ!.. Такія деньги...

— Возьмите!.. настаивалъ Бердяевъ съ какими-то ожесточеніемъ, испугавшемъ мальчугана.

— Я честный мальчикъ! серьезно проговорилъ нѣмчикъ, любезно приложилъ руку къ маленькой фуражкѣ и пошелъ впередъ быстрыми шагами.

— Честный мальчикъ! проговорилъ злобно Бердяевъ по-русски.—Честный... Безчестный!?. Слова, слова, слова. Всѣ средства хороши для рѣшительнаго человѣка... Совѣсть? Однако, я не испытываю ея укоровъ... Не испытываю! Ну, хорошо, я безчестный... Но всѣ тѣ, кто теперь чуждается меня, всѣ они изменятся, если у меня будетъ власть, сила... И она, эта женщина, презирающая меня, какъ гада, и та могла-бы простить... Успѣхъ—важное дѣло. Всѣ, всѣ покланяются ему и торжествующій подлець превращается въ практическаго человѣка...

„Всѣ-ли?“ протестовалъ умъ.—„Опять ты лжешь какъ слабая тварь, успокоивающая себя въ подлости!“

И, пойманный на этой мысли, Бердяевъ съ ожесточеніемъ сталъ перебирать въ своей памяти этихъ „не всѣхъ“. Передъ нимъ проносилась длинная галлерей старыхъ товарищей, прежнихъ знакомыхъ, умныхъ и неумныхъ, несущихъ стойко бремя жизни и спотыкающихся, слабыхъ, но сознающихъ свою слабость и не бро-

сающихъ камня въ другихъ за то, что они сильнѣе и лучше, наконецъ, совсѣмъ незнакомыхъ людей, которыхъ онъ случайно узнавалъ, по своей профессіи.

И одинъ день, который, думалъ онъ, будетъ поворотнымъ днемъ въ его карьерѣ, вспомнился теперь съ поразительной ясностью... Вотъ эта полутемная зала и тамъ за рѣшеткой блѣдное истощенное лицо подсудимаго. Онъ взялся за это дѣло, какъ за случай...

Но онъ рѣшился, онъ говорилъ рѣчь, ужасную, жестокую рѣчь, которой и самъ не вѣрилъ... И чѣмъ больше онъ не вѣрилъ, тѣмъ болѣе озлоблялся и тѣмъ жесточе обвинялъ... Точно въ этихъ ядовитыхъ, озлобленныхъ, бѣшеныхъ нападкахъ онъ хотѣлъ заглушить послѣдніе проблески совѣсти, точно призывая на голову подсудимаго жестокаго кары, онъ въ то-же время чувствовалъ какъ щеки его покрываются неизгладимымъ позоромъ... И съ каждымъ словомъ рѣчь его становилась озлобленнѣе, беспощаднѣе... Даже судьи переглянулись между собою въ изумленіи. Они не ждали такого обвиненія, да и дѣло само, въ ихъ глазахъ, не заслуживало такой яростной рѣчи...

И когда онъ кончилъ, когда потомъ поднялъ глаза и случайно взглянулъ за рѣшетку, онъ увидѣлъ взглядъ... какой взглядъ! Онъ и теперь видитъ этотъ спокойный, мужественный, полный сожалѣнія и презрѣнія взглядъ... И этотъ взглядъ смутилъ его больше, чѣмъ всѣ ироническія выходки адвоката...

Что-то странное произошло послѣ. Предсѣдатель его поздравилъ и въ то-же время какъ-то избѣгалъ глядѣть на него... Это поздравленіе точно говорило: „однако, ты такой подлецъ, какого мы не ожидали“... Остальные какъ-то сторонились его... Товарищи, знакомые не подавали ему руки... Онъ сталъ одиночекъ, оплеванный и даже наверху не замѣтили его усердія... Подлость осталась не вознагражденной... А потомъ... Его перевели въ другой городъ, какъ цѣпную собаку, которую можно натравливать.

„О, лицемѣры!“ думалъ Бердяевъ.—Даже и подлость необходима хорошо обставленная, прикрытая фразами, могущая обмануть. Голая, неприкрашенная—она рѣжетъ глаза... И онъ, еще болѣе озлобленный, всѣми оставленный, все-таки надѣялся, что выбьется на дорогу... А эта женитьба... въ надеждѣ на связи... на карьеру?.. И снова только новая бесплодная подлость... Женитьба! Нѣтъ, это была пытка... И эта пытка и теперь еще продолжается!..

Улицы были полны народомъ. Всѣ шли на Променады, откуда уже доносились звуки музыки, а Бердяевъ нарочно пошелъ обходной дорогой къ ресторану Лейнерта, куда должна была придти жена съ прогулки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки противъ ресторана (въ палаткѣ всѣ обыкновенно сидѣли въ хорошую погоду) онъ встрѣтилъ группу русскихъ — нѣсколькихъ мужчинъ и дамъ, громко и весело восхищавшихся красотой маріенбадскихъ окрестностей. Бердяевъ поднялъ голову и въ одно изъ нихъ, молодой, франтоватомъ господинѣ, узналъ своего сослуживца, одного изъ свѣтскихъ шалопаевъ, прикомандированнаго къ департаменту для полученія чиновъ. Молодой господинъ, проходившій чуть не рука-объ-руку съ Бердяевымъ, быстро отвернулся. Вслѣдъ затѣмъ онъ отлично слышалъ, какъ голосъ этого господина понизился, произнося его фамилію; прибавилъ къ ней не особенно лестный эпитетъ и упомянулъ имя его жены.

„И этотъ!? усмѣхнулся Бердяевъ. — А давно-ли я выручилъ изъ петли этого господина!?“

Бердяевъ вошелъ въ палатку, гдѣ стояли накрытые столы. Публики еще не было; она гуляла на „Променады“, и только дежурный вельнеръ стоялъ, прислонившись къ столбу, съ газетой въ рукахъ.

— Дайте бутылку іоганигсберга, да получше! обратился Бердяевъ, присаживаясь къ крайнему столу.

Сіяющій и румяный лакей-чехъ съ открытой шеей и розой въ петлицѣ почтительно изумился и вопросительно взглянулъ на господина иностранца.

— Бутылку іоганигсберга! Понимаете?

— О, понимаю...

Кельнеръ, все еще съ изумленіемъ на лицѣ, побѣждалъ черезъ дорогу и скоро принесъ бутылку рейнвейна. Бердяевъ съ удовольствіемъ пилъ холодную влагу, посматривая на дорогу.

ГЛАВА XI.

Экскурсія въ горы не оправдала ожиданій Олюнина. Онъ вполне былъ увѣренъ, что во время прогулки у нихъ будетъ одинъ

изъ тѣхъ интимныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ женщины, особенно несчастныя въ семейной жизни, что она сбросить, наконецъ, съ себя эту маску равнодушія и повѣритъ ему свое горе, расскажетъ, какую пытку терпитъ она, имѣя такого ужаснаго мужа. Тамъ, при мужѣ, она нарочно старалась казаться спокойной и пригласила его гулять, конечно, для того, чтобы облегчить свою душу въ дружеской откровенной бесѣдѣ. Эта прогулка, разумѣется, сблизитъ ихъ болѣе, по крайней-мѣрѣ, настолько, что она не отниметъ такъ скоро своей руки, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Подъ впечатлѣніемъ горя женщины бывають гораздо мягче, забывая сердиться, когда имъ иногда выражаютъ сочувствіе слишкомъ наглядно.

Такъ думалъ Олюнинъ, поднимаясь со своей спутницей по отлогимъ дорожкамъ въ гору. Онъ какъ-то значительно молчалъ, ожидая, что Ольга Михайловна вотъ-вотъ сейчасъ заговоритъ сама въ интимномъ характерѣ, но она, напротивъ, совершенно спокойно рассказывала о разныхъ пустякахъ и, какъ и всегда, была совершенно спокойна.

„Притворяется! подумалъ Олюнинъ.—Но меня не обманешь!“

Она шла, по обыкновенію, ходкимъ, скорымъ шагомъ и онъ едва поспѣвалъ за нею, начиная уставать. Они поднимались незамѣтно выше и, наконецъ, вошли въ чащу лѣса.

— Посмотрите, что за прелесть! воскликнула она, останавливаясь на краю лѣснаго обрыва.

Олюнинъ не безъ осторожности подошелъ къ обрыву и, нѣсколько задыхаясь отъ усталости, проговорилъ:

— Да, превосходный видъ!

Въ самомъ дѣлѣ тутъ было хорошо. Съ обрыва, поросшаго высокими елками, открывался прелестный видъ на противоположныя горы, поросшія лѣсомъ, залитымъ красно-багровымъ цвѣтомъ опускавшагося солнца, въ то время, какъ вершины окутывались прозрачнымъ золотистымъ туманомъ. Внизу, изъ подъ темной зелени деревьевъ, бѣлѣлъ Мариенбадъ, казавшійся сверху какимъ-то игрушечнымъ городкомъ; за нимъ пестрыми пятнами, зелеными и желтыми, тянулись поля, и на далекомъ горизонтѣ снова чернѣлъ лѣсъ безъ конца...

Здѣсь вѣяло пріятной лѣсной свѣжестью и стоялъ ти-

хій гуль выбивающихся изъ подъ почвы источниковъ... Гдѣ-то вдали свистнулъ локомотивъ поѣзда и снова тишина.

Ольга Михайловна стояла у самаго края, прислонившись къ старой ели и любовалась видомъ... Олюнинъ поглядывалъ на нее и все ждалъ, что теперь она, наконецъ, начнетъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Ему надоѣло любоваться видомъ и густой косой Ольги Михайловны. Еще если-бы была тутъ скамейка, а то эти нѣмцы не догадались поставить.

— Простите за нескромный вопросъ, Ольга Михайловна. О чемъ это вы такъ задумались? проговорилъ, наконецъ, Олюнинъ, понижая голосъ.

Она повернула къ нему голову и сказала:

— А ни о чемъ. Любуюсь видомъ... Я люблю хорошіе виды!

Олюнинъ тихо покачалъ головой съ видомъ сомнѣнія и осторожно повелъ рѣчь о томъ, какъ тяжело бываетъ носить маску; въ такомъ случаѣ самое лучшее подѣлиться съ кѣмъ-нибудь, напримѣръ съ человѣкомъ, который можетъ понять чужое горе и сочувственно отнестись къ нему...

Она слушала его и вдругъ разсмѣялась.

— Это вы обо мнѣ, конечно?..

— А развѣ я не правъ?.. Или, быть можетъ, я не смѣю... я не заслужилъ еще вашего довѣрія!..

— У васъ сегодня особенный видъ и какой-то странный тонъ. Вы точно собираетесь оплакивать меня...

— Не смѣйтесь, Ольга Михайловна. Я искренно сочувствую вамъ...

— Благодарю такъ-же искренно, и если мнѣ будетъ нужно, я непременно обращусь къ вамъ... А пока... пока... оставьте этотъ разговоръ, Владиміръ Николаевичъ... Во-первыхъ, мы слишкомъ мало знакомы, и во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ?..

— Вы умный человѣкъ, а иногда непроницательны... то считали меня слишкомъ счастливой, а теперь слишкомъ несчастной. Вы заблуждаетесь... Вижу... вы не вѣрите? Такъ ужь если вамъ такъ хочется знать—скажу вамъ: я ни та, ни другая.

— То есть, какъ: ни та, ни другая?

— Не несчастная и не счастливая, а просто спокойная и благоразумная женщина... Пожалуй, немного кокетка, какъ всѣ безобразныя женщины и вотъ вамъ мой портретъ...

— Такъ, значить, вы готовы мириться со всѣмъ, только потому, что вы благоразумны и, какъ вы говорили, несвободны? Но вѣдь есть предѣлы спокойствія?.. Есть границы благоразумія, за которыми уступки, во имя спокойствія, дѣлаются преступленіемъ! проговорилъ Олюнинъ, чувствуя приливъ краснорѣчія. — Простите меня, Ольга Михайловна, я, быть можетъ, не смѣю такъ говорить, но... но бываютъ въ жизни человѣка минуты, когда онъ говоритъ, не думая о послѣдствіяхъ... Сердитесь, не сердитесь, но ваша проповѣдь спокойствія и благоразумія безнравственна... Да, безнравственна! воскликнулъ вдругъ горячо Олюнинъ и даже взмахнулъ рукою, какъ-бы въ доказательство, что это безнравственно. — Вы молоды, впереди у васъ жизнь съ ея высокими задачами, съ ея борьбой. Вы можете не только составить счастье человѣка, мало того, можете быть его другомъ, помощникомъ, вдохновителемъ... О, назначеніе женщины! Это высокая миссія, Ольга Михайловна!.. А вы говорите о спокойствіи и благоразуміи!? И почему вы должны мириться? Только потому, что какая-нибудь роковая ошибка сдѣлала васъ несвободной? Или не потому-ли что бракъ есть таинство!? усмѣхнулся не безъ ироніи Олюнинъ. — Но развѣ возможно ради глупыхъ предразсудковъ мириться даже... даже...

Онъ остановился на мгновеніе и не безъ сожалѣнія смотрѣлъ на молодую женщину, словно-бы изумляясь, какъ это она послѣ такой убѣдительной рѣчи не протягиваетъ руки и не обѣщаетъ быть его другомъ и вдохновителемъ...

Но вмѣсто того она прервала его:

— Видно, что вы, Владиміръ Николаевичъ, въ прежнее время просвѣщали молодыхъ барышень, но мнѣ... мнѣ двадцать-семь лѣтъ... Вы вѣрно забыли объ этомъ?.. Куда ужъ мнѣ вдохновлять людей! прибавила она съ тонкой усмѣшкой. — Да и вы вдохновлялись понапрасну... Я неисправима.

Олюнинъ принялъ оскорбленный видъ.

— А вы не сердитесь! прибавила она. — Наши несогласія не мѣшаютъ намъ быть хорошими знакомыми, если вы хотите... Пойдите-ка теперъ домой... Мужъ вѣрно ждетъ насъ...

Она рѣшительно смѣется надъ нимъ. А онъ еще сунулся съ своимъ монологомъ... Положеніе глупое. И Олюнинъ начиналъ

злиться. Въ прежнее время два-три такихъ монолога и дѣло въ шляпѣ, а эта женщина, чортъ знаетъ, что за созданіе...

— Не будемъ-же ссориться, Владиміръ Николаевичъ! весело промолвила Бердяева.—Вы слишкомъ скоро составили обо мнѣ мнѣніе, а вѣдь надо, говорятъ, прежде два пуда соли съѣсть!

— Я думаю и тогда станешь въ тушкѣ?... проговорилъ недобольно Олюнинъ.

— О, нѣтъ, я право не изъ загадочныхъ натуръ. Если будемъ дальше знакомы, сами увидите... Такъ не будемъ-же ссориться, тѣмъ болѣе, что это мнѣ и не выгодно! прибавила она шутливо;— я хочу обратиться къ вамъ съ просьбой.

— Вы?... удивился Олюнинъ.

— Не за себя, а за одного родственника, онъ у васъ служить; за Бѣжецкаго...

— Павла Иваныча?

— За него... Онъ женатъ на моей сестрѣ... Но только смотрите не проговоритесь ему, что за него барыни хлопочуть. Павелъ Ивановичъ этого не любитъ!

— Но что-же нужно? Я для него все готовъ сдѣлать!

— Жена жалуется, что онъ мало получаетъ жалованья...

— Господи! Да если-бы вы знали этого чудака!.. Я ему нѣсколько разъ предлагалъ и лучшія мѣста у меня, и большее жалованье, но онъ отказывался!.. Вѣдь Бѣжецкій мой старый товарищъ... Когда-то были очень дружны, но потомъ онъ сталъ какой-то нелюдимый и у насъ установились только дѣловыя отношенія... Онъ у меня въ конторѣ правитель дѣлъ... превосходный работникъ...

— Отказывался?... А жена-то хлопочеть!

— Совсѣмъ чудакъ!.. Я ему нѣсколько разъ предлагалъ... онъ знаетъ, какъ я его цѣню, но онъ каждый разъ отклонялъ мои предложенія... Мнѣ сперва даже обидно было и я какъ-то спросилъ его, но онъ отмалчивается... Очень хорошій человекъ, но чудакъ... Я и не зналъ, что онъ нуждается... Онъ вѣдь самъ себя назначилъ жалованье! усмѣхнулся Олюнинъ;— всего три тысячи! Почему три, а не пять — спросите его... Онъ такую теорію разведеть, что удивляешься, какъ умный человекъ можетъ говорить такія глупости!

— У нихъ семья большая. Пятеро дѣтей!

— Да онъ просто съумасшедшій послѣ этого!.. воскликнула Олю-

нинъ. — Онъ могъ-бы получать десять тысячъ, пятнадцать... Я ему не разъ предлагалъ мѣсто управляющаго моею конторой... Надо убѣдить его... Да нѣтъ... не убѣдишь!.. прибавилъ съ досадою Олюнинъ.

— Да... трудно... я его знаю...

— Совсѣмъ съумашедшій! Скажите пожалуйста — пятеро дѣтей! удивляясь Олюнинъ; — нѣтъ, съ его стороны послѣ этого просто преступно играть въ какой-то глупый аскетизмъ... Онъ потѣшается, и семья терпитъ лишения!.. Этого ужъ я никакъ отъ него не ожидалъ... Это ужъ слишкомъ прямолинейно... глупо даже! сердился Владиміръ Николаевичъ. — Хоть вы-бы его убѣдили, Ольга Михайловна... Меня онъ и слушать не станетъ... „Эксплуататоръ, молъ“... Вѣдь насъ, Ольга Михайловна, часто называютъ этой вличкой...

— Онъ и меня не послушаетъ...

— Стало, такъ и нельзя помочь...

— Какъ видите... Я не знала, что Павелъ Ивановичъ такой... смѣшной... Но только смотрите ни слова, что я говорила... Онъ обидится, а сестра такъ бережетъ его, такъ любитъ... кажется, не надышется на него... Вотъ только жалуется, что онъ хандрить послѣднее время... очень хандрить... Ему-бы проѣхаться надо...

— Такъ кто-жъ ему мѣшаетъ?.. Да я для него все готовъ сдѣлать... Сегодня-же напишу ему, чтобы бросилъ занятія и ѣхалъ провѣтриться.

— Смотрите, мы съ сестрой въ сторонѣ...

— Будьте покойны.

Они подходили къ палатѣ, гдѣ сидѣлъ Бердяевъ. Она — спокойная, улыбающаяся; онъ — нѣсколько задумчивый, скрывава раздраженіе отъ неудачной попытки „выразить сочувствіе“ и облегчить ея сердце во время экскурсіи. Она не на шутку начинала привлекать его, раздражая его нервы, эта благоразумная красавица. Но онъ, любясь ею, не терялъ надежды... Онъ хорошо знаетъ женщинъ. Онѣ любятъ сперва помучить человѣка...

ГЛАВА XII.

Еще не наступилъ обычный часъ, когда вся маріенбадская публика сидитъ за чаемъ и легкимъ ужиномъ и въ ресторанахъ

никого еще не было. Олжунин хотѣлъ-было идти, но Бердяевъ удержалъ его съ любезностью, поразившей Владимира Николаевича; онъ остался и скоро раскаялся въ этомъ.

Бердяевъ сперва разспрашивалъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, съ прорывающимися иногда визгливыми нотами, о прежнихъ товарищахъ, потомъ незамѣтно перешелъ къ тому, что дѣлается въ Петербургѣ и, придравшись къ какому-то замѣчанію Олжунина, заговорилъ одинъ.

Словно ядовитое животное, онъ изливалъ ядъ и клевету на все, чего только не касался; казалось, ему доставляло огромное наслажденіе осмѣять каждый свѣтлый порывъ, очернить всякое хорошее побужденіе. Всѣ дѣйствія человѣческія объяснял онъ корыстью, лицемеріемъ и глупостью. Съ одинаковымъ цинизмомъ озлобленія относился онъ ко всѣмъ партіямъ, не щадя ни однихъ, ни другихъ — всѣ подлцы! Въ его рѣчи, дышащей какимъ-то своеобразнымъ вдохновеніемъ, какъ въ ткани, переплетались правда и клевета, мѣткія остроумныя замѣчанія и рѣзкая брань, но во всемъ звучало, главнымъ образомъ, что-то личное, что-то такое, чего онъ не можетъ простить, какое-то угрюмое озлобленіе низкой души и глубоко-несчастливаго человѣка.

Но особенно оживлялся онъ, когда говорилъ о лицахъ, когда съ его тонкихъ, воспаленныхъ губъ срывалось какое-нибудь дѣйствительно честное имя въ наукѣ или въ литературѣ. Онъ приводилъ какіе-то факты, не стѣсняясь ихъ тутъ-же сочинять, и въ бессильномъ гнѣвѣ пытался сорвать съ имени обаяніе честности, словно ему ненавистна была самая мысль о томъ, что есть на свѣтѣ честные люди...

Бердяева и Олжунинъ невольно слушали этотъ возбужденный бредъ маниака, подавленные чувствомъ отвращенія какъ передъ гадinou, могущей ужалить. Бердяева изрѣдка взглядывала на мужа удивленная, казалось, этимъ внезапнымъ изліаніемъ, а Олжунинъ... Олжунинъ испытывалъ страхъ, малодушный страхъ. „И зачѣмъ онъ остался?“ думалъ онъ, пугаясь, что этотъ наглый человѣкъ перейдетъ отъ общихъ разсужденій къ оцѣнкѣ его собственной дѣятельности... Конечно, она безупречна, но чего не можетъ выдумать этотъ грязный языкъ...

Положеніе было скверное. Онъ посматривалъ на Бердяева и пожималъ плечами.

— Однако, вы очень мрачно смотрите на жизнь! осторожно прервалъ его, наконецъ, Олюнинъ, торопливо оканчивая чай и озираясь, нѣтъ-ли публики.

— Мрачно-съ? переспросилъ Бердяевъ и захихикалъ;—а вы, конечно, смотрите не мрачно?..

— Еще-бы... Вы, Лука Осиповичъ, сдѣлались неисправимымъ пессимистомъ, какъ посмотрю! осторожно промолвилъ Олюнинъ, видимо стараясь не раздражать Бердяева;—не все такъ скверно на этомъ свѣтѣ... Не всѣ такіе подлецы и эгоисты, какими вы зарисовали людей... И сами вы только прикидываетесь такимъ злымъ... Не правда-ли?.. прибавилъ онъ съ напряженной улыбкой, думая снова: „И чортъ дернулъ меня остаться Еще на скандалъ нарвешься съ этимъ мерзавцемъ!“

Тотъ взглянулъ на Олюнина въ упоръ наглымъ, насмѣшливымъ, искрающимся злобой взглядомъ. Олюнинъ чувствовалъ, какъ онъ краснѣетъ, какъ холодная дрожь пробѣгаетъ по его спинѣ и весь онъ закипаетъ злостью... Онъ съ трудомъ сдержалъ себя и какъ-то странно улыбался. Прошло неловкое мгновеніе.

— Ну, конечно, процѣдилъ Бердяевъ, — каждый старается утѣшить себя тѣмъ, что онъ честный человѣкъ и выходить, что честныхъ больше!

— Не довольно-ли этихъ разговоровъ? виѣшалась жена.—Въ большихъ дозахъ онѣ надобѣдаютъ!

— Я только возражалъ Владиміру Николаевичу! покорно отвѣчалъ Бердяевъ;—меня удивляетъ его оптимизмъ... Впрочемъ, мы больше не споримъ! И онъ замолчалъ.

Ольга Михайловна объявила, что пора по домамъ и Олюнинъ видимо обрадовался. Но на прощанье Бердяевъ еще разъ впустилъ свое жало. Какъ-будто внезапно вспомнивъ, онъ спросилъ Олюнина самымъ невиннымъ тономъ:

— Обо всѣхъ старыхъ общихъ мы вспоминали, Владиміръ Николаевичъ, а объ одной особѣ я и забылъ спросить васъ...

— О комъ это? сухо промолвилъ Олюнинъ.

— О госпожѣ Зайцевской?.. Гдѣ она обрѣтается? Имѣете вы о ней свѣденія? Премилая была дѣвушка!

Какое-то неприятное воспоминаніе, казалось, соединилось съ этимъ именемъ. Олюнинъ смутился. Онъ рѣзко отвѣтилъ, что, кажется, она

въ провинціи, вышелъ изъ палатки и еще разъ услыхаль это гнусное хихиканіе, раздавшееся вслѣдъ за нимъ.

— Вы просто неприличны съ своей злостью! сказала строго Бердяева, приостанавливаясь у подъѣзда гостиницы.—Что вамъ сдѣлалъ Олюнинъ? Зачѣмъ вы придирались къ нему?

— Вы лучше спросите, что онъ сдѣлалъ съ сестрой своей жены, что онъ дѣлаетъ у себя на заводахъ, какъ онъ приобрѣлъ состояніе! отвѣтилъ Бердяевъ, а тоже считаетъ себя честнѣйшимъ членомъ... И составилъ репутацію... Вѣроятно и васъ онъ успѣлъ убѣдить въ своихъ добродѣтеляхъ?

— Какое вамъ дѣло?

— Мнѣ?..

Онъ посмотрѣлъ на нее и она, съ изумленнымъ выраженіемъ, какъ-бы не вѣря глазамъ, отстранилась назадъ.

— Вы... вы... ревнуете? наконецъ, произнесла она съ разстановкой, и презрительно усмѣхнулась;—это слишкомъ!..

И напряженно смѣясь, она поднялась по лѣстницѣ.

— Послушайте... проговорилъ онъ;—прошу васъ выслушайте меня...

— Что еще? не оборачиваясь, черезъ плечо произнесла она... Вы знаете я не такъ доверчива, какъ сестра... Ее вы могли разжалобить, но не меня...

— Выслушайте меня прошу васъ!.. еще разъ сказалъ онъ униженнымъ, молящимъ голосомъ.

— Войдите! отвѣчала она.

Онъ вошелъ вслѣдъ за ней въ небольшую комнату перваго этажа. Она приблизилась къ столу и съ нетерпѣніемъ остановилась. Избѣгая глядѣть на мужа, она нервно сдернула перчатки и сняла шляпу. Отъ неловкаго движенія ея черная коса тяжело упала на спину.

— Что вамъ угодно?.. Я слушаю.

Онъ стоялъ передъ ней, въ нѣсколькихъ шагахъ, подавленный, угрюмый, съ выраженіемъ тяжелой борьбы на страшно-поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ смотрѣлъ на эту красивую, изящную фигуру жаднымъ взглядомъ, полнымъ страсти, тяжелой, гнетущей страсти.

— Вы не ошиблись!.. глухо проговорилъ онъ.—Я ревную васъ!

— Вы?.. вырвалось у нея и она громко разсмѣялась. Но смѣхъ былъ не натуральный; онъ тотчасъ-же оборвался. И вы осмѣли-

ваетесь ревновать? Вы? подчеркнула она съ отвращеніемъ.— Я, кажется, приобрѣла право быть избавленной отъ проявленій вашей ревности и вы до сихъ поръ исполняли нашъ брачный договоръ?..

Она говорила съ презрительной рѣзвостью и не глядя на мужа.

— Я знаю, что я имѣю только право называться вашимъ мужемъ, но... но... Такъ знайте-же: я люблю васъ, проговорилъ онъ медленно и глухо и закрылъ лицо руками.

— Послушайте... Избавьте меня хоть отъ комедій! испуганно сказала она, хотя мгновенно-же почувствовала съ боязливымъ отвращеніемъ, что это не комедія.

— Да, я люблю васъ давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался вашимъ фиветивнымъ мужемъ. Я скрывалъ свою любовь, я старался подавить ее... я зналъ, что вы меня презираете и вправѣ презирать... Но я свято исполнялъ свои условія, вы на меня не имѣли повода жаловаться, когда вы жили со мной. И Господи, какая это была пытка!.. прибавилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Пойдите, выслушайте до конца... Я молча выносилъ пытку... я счастливъ былъ даже по своему... я зналъ, что вы гнушаетесь мной, но зналъ, что вы никого не любите... И я былъ радъ, что вы никому не принадлежите. Да... я былъ спокоенъ, хоть я и не смѣлъ даже смотрѣть на васъ. Но признаюсь вамъ... слушайте... Знаете, часто я прокрадывался въ вашу спальню когда вы спали и тогда по долгу смотрѣлъ любясь вами, такой прекрасной въ своей холодной красотѣ... О сколько разъ я хотѣлъ разозлить себѣ голову... Я думалъ, что сойду съума... О, не вѣрьте Олюнину... Онъ обманываетъ васъ... Онъ многихъ обманывалъ... Онъ не любить васъ... Не вѣрьте ему... Поѣзжайте въ Петербургъ... Я не нарушу своихъ обѣщаній... Я только буду любоваться вами... и, быть можетъ, вы сжалитесь... Вы позволите любить себя издали, покорно... Вы не услышите больше такихъ словъ... Даю вамъ слово... Я жалокъ, гадовъ, но я люблю васъ безумно... Пожалѣйте меня! произнесъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ.— Пожалѣйте, хоть вы!

Она слушала этотъ страстный бредъ съ отвращеніемъ, но въ то-же время съ жалостью. Но когда она взглянула на это блѣдное лицо, когда заглянула въ эти расширенные зрачки, пожиравшіе ее съ какимъ-то животнымъ выраженіемъ, ей стало жутко. Инстинктивно отступила она назадъ съ чувствомъ гадливости.

— Довольно. Замолчите. Я не хочу этого слушать! проговорила она съ испугомъ и отвращеніемъ въ голосъ.

— Не хотите? Я даже не заслуживаю жалости!.. съ тоской прошептала онъ.

— Оставьте меня... я васъ прошу.

— Еще-бы!.. вдругъ засмѣялся онъ и его лицо искривилось въ отвратительную усмѣшку; — я подлець, оплеванный, всѣмъ презираемый, а Олюнинъ красивый, блестящій, честный, богатый... Его можно слушать... съ нимъ можно гулять, а я не смѣю даже сказать, что я... страдаю? Ну хорошо... Такъ ужъ пусть я буду подлецомъ до конца! вдругъ проговорилъ онъ и двинулся къ женѣ...

Блѣдная и прекрасная съ блестящими, сверкающими гнѣвомъ глазами, она не двигалась съ мѣста... и прямо глядѣла ему въ глаза...

Онъ приближался къ ней все ближе и ближе... Она не спускала съ него взгляда, какъ съ дикаго животнаго. Еще мгновение и она отскочила-бы къ окну, но вдругъ онъ остановился. Тяжелый стонъ вырвался изъ его груди.

— Не бойтесь, прошептала онъ... Я не совсѣмъ еще подлець хоть съ вами!

И съ этими словами онъ повернулся, молча вышелъ изъ комнаты и пошелъ въ свой номеръ. Тамъ онъ заперся на ключъ и бросился на кровать, уткнувшись въ подушку. Тяжелыя, злобныя рыданія душили его, пока онъ не забылся въ изнеможеніи.

Уже было темно, когда онъ очнулся, припоминая, какъ во снѣ, только-что бывшую сцену. Голова была тяжела и на душѣ было мрачно. Онъ открылъ окно и жадно вдыхалъ вечерній свѣжій воздухъ. Кругомъ было тихо; городокъ уже спалъ. Только издали съ горъ доносился какой-то слабый шумъ. Долго смотрѣлъ онъ впередъ съ какимъ-то тупымъ взглядомъ... Мысли его были заняты различеніемъ предметовъ въ темнотѣ. „Вонъ, это, должно быть, дерево, а тутъ вотъ скамейка!.. думалъ онъ, всматриваясь въ мракъ, окутавшій садъ подъ окномъ. — А небо какое звѣздное!“ Онъ смотрѣлъ теперь безцѣльно на высокій куполь.

И вдругъ онъ вспомнилъ теплыя, мягкія ночи въ Малороссіи на хуторѣ, гдѣ прошло его дѣтство и этого старика-дѣдушку, у котораго онъ росъ, добраго честнаго... Что-то хорошее, мягко прилило къ его озлобленной душѣ...

— „Подлець!“ проговорилъ, наконецъ, онъ, снова озлобляясь.

Онъ зажегъ свѣчи, присѣлъ къ столу и сталъ работать надъ запиской.

ГЛАВА XIII.

Благодаря „воспоминаніямъ молодости“, которыми угостилъ сегодня Олюнина старый товарищъ, и угостилъ такъ обильно, Владиміръ Николаевичъ провелъ этотъ вечеръ и даже часть ночи совсѣмъ не согласно съ режимомъ, необходимымъ для успѣшнаго леченія на водахъ. „Отсутствіе волненій, полное спокойствіе духа, хорошій сонъ“, рекомендовали ему оба доктора, и петербургскій и маріенбадскій, въ числѣ прочихъ хорошихъ совѣтовъ,—а именно, ни того, ни другого, ни третьяго не было сегодня у Олюнина.

Обычное спокойное, ровное расположеніе духа Владиміра Николаевича, съ оттѣнкомъ скромнаго довольства собой, бывающаго у людей, достигшихъ, наконецъ, всего, что они считаютъ за счастье и благо жизни—смѣнилось раздраженіемъ, недовольствомъ и той непріятной назойливостью памяти, которая въ извѣстныя минуты, противъ желанія, заставляетъ сводить старыя счеты и жутко призадуматься даже натурн, не имѣющія времени, за прозой жизни, всматриваться внутрь.

Обыкновенно первые порывы гнѣва обращаются не на причины, вызвавшія его, а на орудіе, и Олюнинъ въ первыя минуты послѣ того, какъ ушелъ изъ ресторана, весь былъ охваченъ злостью къ этому человѣку (и еще сильнѣйшей, чѣмъ въ его присутствіи). Хотя онъ и утѣшалъ себя, что изъ-за такой низкой душонки не стоитъ волноваться, что его собственное превосходство должно быть выше этихъ ядовитыхъ намековъ и насмѣшекъ; однако, эти утѣшенія оставались безплодными. И онъ шелъ въ отель не своей обыкновенной, спокойной, твердой походкой, съ маленькимъ развальцемъ, а нервной, неровной, то ускоряя, то замедля шагъ, и по временамъ вдругъ весь какъ-то вытягивался, вздрагивалъ, съ загорающимъ взглядомъ, сжимая неволью булаки какъ человѣкъ, встрѣчающій врага...

Онъ уже былъ въ двухъ шагахъ отъ отеля, но внезапно свернулъ и пошелъ въ паркъ; тамъ онъ нѣсколько времени ходилъ по аллеѣ и когда вернулся къ себѣ въ номеръ, забывъ даже отвѣтить „Guten Abend!“ на привѣтствіе отельнаго швейцара—то

злость его противъ Бердяева давно уже смѣнилась спокойнымъ презрѣніемъ и не о немъ онъ думалъ, разсѣянно шагая по комнатѣ съ опущенной головой, или присаживаясь къ столу, вмѣсто того, чтобы благоразумно ложиться спать.

Другой образъ, образъ той самой дѣвушки, о которой напомнилъ Бердяевъ, какъ о пріятной особѣ, носился передъ нимъ теперь, то скрываясь, то снова появляясь среди другихъ назойливо являющихся картинъ той молодости, о которой онъ говорилъ какъ о „хорошихъ временахъ“... Тѣнь, омрачавшая теперь его лицо, и складки задумчиво-приподнятыхъ бровей, и эти движенія головы, какъ-будто отгоняющей что-то прочь, и эта досадливая усмѣшка, пробѣгающая по его губамъ... все, казалось, говорило, что въ этихъ „хорошихъ временахъ“ не все было хорошее. Хуже, кажется, всего, это воспоминаніе о тонкой, блѣдной, удивительно похожей на его жену, дѣвушки, съ голубыми глазами, довѣрчивыми и самоотверженными, погубленной, брошенной съ дѣтьми и забытой...

„Увлеченія молодости!“.. И другія такія-же слова услужливо приходили на помощь, вызывая обыкновенно чувство успокоенія, но память сегодня была жестока. Она напоминаетъ о какихъ-то деньгахъ, просьбахъ, о молчаніи вмѣсто отвѣта на письма...

Тогда у него не было „свободныхъ“ денегъ, всѣ были въ дѣлахъ и онъ не могъ... А потомъ?.. Потомъ она исчезла куда-то и онъ все собирался ее розыскать... О, надо, въ самомъ дѣлѣ, розыскать ее теперь... Эти деньги давно его беспокоютъ... Онъ завтра-же напишетъ Павлу Ивановичу... непременно напишетъ... Лучше поздно, чѣмъ никогда!.. Что ему стоять теперь эти несчастныя 20 тысячъ!..

И рѣшеніе написать завтра-же Павлу Ивановичу разглаживаетъ его лицо. „У всѣхъ въ жизни бывають ошибки!“ успокоительно шепчетъ онъ, протяжно вздыхая, словно-бы соболевнуя этимъ вздохомъ о людскомъ несовершенствѣ. И опять проносится передъ нимъ та самая жизнь, надъ которой смѣялся Бердяевъ, проносится эта молодость, протекавшая въ общемъ оживленіи, охватившемъ шестидесятые года, и вдругъ какъ-то измѣнившаяся... Бѣднякомъ онъ вышелъ на жизненную борьбу и какой-же онъ тогда идеалистъ былъ! вспомнилъ Владиміръ Николаевичъ, съ какими-то снисходительнымъ удовольствіемъ останавливаясь на мысли, что и

онъ былъ идеалистъ, но что теперь онъ не такой дуракъ!.. И онъ съ пріятнымъ чувствомъ удовольворенія вспоминаетъ какъ счастливо сложилась потомъ его жизнь... И всему обязанъ себѣ? какъ-будто говорить его прояснившееся лицо. Но оно снова хмурится, когда память проноситъ передъ нимъ прежнихъ друзей, когда-то близкихъ, а теперь далекихъ... Одинъ этотъ Павелъ Ивановичъ развѣ, да и тотъ...

„Разные взгляды... Разныя натурн... Они разбѣжались куда-то по угламъ и сердятся, что жизнь бѣжить... Смѣшные!“

И мысль, что они, по его мнѣнію, смѣшные (особенно смѣшной этотъ Павелъ Ивановичъ) и неумные, и поэтому-то забились по угламъ и фыркаютъ, вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать (слова: „дѣло дѣлать“ онъ даже проговорилъ и проговорилъ съ удовольствіемъ) — приводитъ его въ лучшее расположеніе, хотя все еще равновѣсіе духа не найдено, все еще нѣтъ-нѣтъ да докучливо мелькнетъ какое-нибудь лицо, припомнится какой-нибудь фактъ, требующіе успокоительныхъ разсужденій, но уже не съ той раздражительной назойливостью, съ какой представлялась прежде эта блѣднолицая дѣвушка...

„Всѣ мы были молоды и думали луну за рога схватить! Нельзя ломать жизнь!“ говоритъ съ философскимъ вздохомъ Владиміръ Николаевичъ, отыскивая въ этихъ словахъ спасительное равновѣсіе и поглядывая на постель, которая своей бѣлизною и пышностью манитъ къ себѣ его уставшее тѣло. Онъ взглядываетъ на часы. „Ого... уже одиннадцатый часъ... пора давно спать!“ думаетъ онъ, нѣсколько удивленный, что такъ засидѣлся...

Онъ бросился въ постель и сладко потянулся... „Да... все-таки хорошая это вещь жизнь! и я не дурной человекъ“ думаетъ онъ, когда мысли его принимаютъ самое благопріятное направленіе.

Онъ потушилъ свѣчку, рассчитывая тотчасъ-же заснуть, какъ это бывало первое время въ Маріенбадѣ, но сна нѣтъ. И не спится ему не оттого, что въ молодости онъ хотѣлъ „схватить луну за рога“, а оттого, что красивая, блестящая, роскошная женщина смотритъ теперь на него смѣющимся взглядомъ своихъ большихъ глазъ, дразнить его и точно говорить:

„Вотъ ты и красивъ, и уменъ, и богатъ, и извѣстенъ, а возьми-ка меня!“...

И онъ поворачивается съ боку на бокъ, возбужденный, взвол-

нованный, съ воспаленными глазами и горячей головой, полныхъ самыхъ заманчивыхъ видѣній, пока, наконецъ, не засыпаетъ, что-то шепча своими толстыми, сочными губами и улыбаясь той свер-ной, сладкой улыбкой, которая бываетъ у спящихъ, когда они смѣются во снѣ.

— Отчего утромъ вы не пили водъ? Проспали? спрашивалъ на слѣдующій день Конотопцевъ, встрѣчаясь съ Олюнинымъ передъ обѣдомъ у лѣсного источника, гдѣ собралась публика выпить „приятной“ воды и снова слушать музыку.

И, не дожидаясь отвѣта, Конотопцевъ съ добродушной фамильярностью охватилъ Олюнина слегка за талью и затѣмъ отнял руки, увѣренный вполне, что доставляетъ большое удовольствіе тѣмъ, кого удостоивалъ знаками такого расположенія.

— Какъ наши дѣла съ красавицей? Въ какомъ періодѣ? А?

— По-прежнему неудовлетворительны, Викторъ Сергѣевичъ!

— Рассказывайте! подмигнувъ генералъ и разсмѣялся.

— Честное слово!.. отвѣчалъ Олюнинъ съ тѣмъ видомъ, который давалъ какъ-будто право не вѣрить его отрицанію.

— Ну-ну... Знаемъ мы васъ, господа миллионеры... Знаемъ! шутилъ Конотопцевъ, казавшійся сегодня особенно оживленнымъ и веселымъ.

— Мариенбадъ васъ очень поправилъ, Викторъ Сергѣевичъ! замѣтилъ Олюнинъ, уклоняясь отъ этого разговора (вдобавокъ генералъ говорилъ довольно громко); вы сегодня особенно хорошо смотрите.

— Да, я здѣсь поправился, совсѣмъ чувствую себя хорошо... Приѣхалъ сюда... и невареніе желудка, и завалы, и кашель, а теперь какъ рукой сняло...

— И скоро изволите кончать курсъ?

— На дняхъ думаю... Что здѣсь дѣлать!

— И когда васъ ждать въ Россію, Викторъ Сергѣевичъ! Скоро?

Генералъ пожалъ плечами.

— Подождите еще, подождите звать меня въ Россію, усмѣхнулся генералъ;—мы не въ модѣ!.. Вотъ и въ газетахъ еще меня поругиваютъ! весело смѣялся генералъ;—сегодня мнѣ указали на передовую статью; конечно, безъ имени, но довольно ясно... Госпо-

днѣ... (онъ назвалъ фамилію редактора одной газеты) не дурно меня отработалъ.: „Политика привлюченій, шовинизмъ... и въ такомъ родѣ...

— Я, конечно, искренней поклонникъ свободы печати и если-бы когда-нибудь былъ министромъ, то эти возжи-бы спустилъ... Несвоевременно слишкомъ подтягивать... Несвоевременно... Вотъ отъ этого и нашему брату достается... Политика привлюченій... Точно про Биконсфильда... Ха-ха-ха!.. смѣялся онъ, щура глаза, и какъ-будто очень радъ былъ, что его „отработали“, но Олюнинъ услышалъ въ этомъ смѣхѣ едва уловимую нотку раздраженія.

Конотопцевъ нѣсколько разъ начиналъ говорить объ этомъ, продолжая смѣяться, и отошелъ отъ Олюнина, кивнувъ добродушно головой. Черезъ нѣсколько минутъ Олюнинъ встрѣтилъ Конотопцева уже подъ-руку съ Литовскимъ и до его ушей долетѣли тѣ-же слова и снова смѣхъ, но уже съ другимъ оттѣнкомъ:

— Политика случайностей... Вы читали, князь?.. Но развѣ мы, чиновники, дѣлаемъ политику...

Олюнинъ бродилъ по аллеямъ, поглядывая, не покажется-ли Ольга Михайловна. Чего добраго еще съ мужемъ? Съ нимъ онъ встрѣчаться не намѣренъ... Довольно вчерашней встрѣчи... И для какихъ онъ дѣлъ сюда пріѣхалъ къ Литовскому?..

Онъ рѣшилъ сегодня обѣдать въ отелѣ и тихонько направился туда.

— Есть письма? спросилъ онъ у швейцара, вспомнивъ, что отъ жены нѣсколько дней нѣтъ писемъ.

— Писемъ нѣтъ, но господину есть телеграмма!

„Телеграмма? Ужъ не случилось-ли чего дома?“

Онъ торопливо поднялся къ себѣ и схватилъ телеграмму. Страшное волненіе охватило его, когда онъ прочиталъ слѣдующія строки за подписью тещи:

„Вѣра серьезно больна, докторъ находитъ ее опасной. Она не знаетъ, что я извѣщаю васъ. Просила не беспокоить. Дѣти здоровы. Пріѣзжайте“.

Особенно смутили его эти слова „просила не беспокоить“.

Ж. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ.

Переселенія крестьянъ вятской губерніи.—Изслѣдованіе вятскаго губернскаго земскаго статистика Н. Романова. Вятка, 1881.

Переселеніе крестьянъ обставлено у насъ чрезвычайно стѣснительными условіями. Переселенецъ долженъ имѣть согласіе общества, быть свободнымъ отъ недоимокъ и безспорныхъ частныхъ долговъ и уплатить впередъ за годъ лежащія на немъ долги. Эти условія дѣлаютъ переселеніе почти невозможнымъ, такъ-какъ въ немъ нуждаются преимущественно крестьяне бѣдные, недоимщики и неоплатные должники. Но переселенія все-таки идутъ, идутъ вопреки закону, и гдѣ-нибудь въ Черноморьѣ, въ Уфимскомъ краѣ, въ горныхъ долинахъ Алтая возникаютъ и растутъ деревни самовольныхъ колонистовъ. Уже одно это показываетъ, до какой степени сильна въ народѣ потребность переселеній. Но никто до сихъ поръ не потрудился изслѣдовать причины, размѣры и характеръ неудержимаго народнаго стремленія къ колонизаціи новыхъ земель. Серьезный и обширный трудъ г. Романова заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что этимъ трудомъ извѣстный уже давно своими работами вятскій статистикъ не только дѣлаетъ начинъ изслѣдованія важнаго вопроса, но разсматриваетъ послѣдній всесторонне, показываетъ всю сложность его и приходитъ къ нѣкоторымъ важнымъ выводамъ, которые при менѣе серьезномъ отношеніи къ дѣлу показались-бы неосновательными.

Наличнаго мужескаго населенія губерніи прибыло съ 1834 по 1858 г. на 32%, а съ 1858 по 1877 г. на 20%.

Эти цифры хотя и говорятъ, что въ вятской губерніи дале-

ко не благополучно, но мало выясняютъ степень экономическаго регресса края. Если-же взять по уѣздамъ цифры однихъ государственныхъ крестьянъ, составляющихъ 86% всего сельскаго населенія губерніи, и 13% остальныхъ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, горнозаводскихъ, башкиръ и тептерей, то получатся выводы другіе.

Въ глазовскомъ уѣздѣ въ продолженіи 20 лѣтъ, съ 1858 по 1878 г., убыло государственныхъ крестьянъ 562 д. или 0,55%. Въ слободскомъ уѣздѣ изъ 65,000 крестьянъ, бывшихъ въ 1858 г. въ теченіи 20 лѣтъ убыло 505 душъ (стр. 35). Въ вятскомъ уѣздѣ изъ 69,213 ревизскихъ душъ убыло 2,229 душъ (стр. 38). Въ орловскомъ уѣздѣ изъ 83,699 ревизскихъ душъ убыло 6,994 или 8% (стр. 41). Въ котельническомъ уѣздѣ изъ 87,754 душъ убыло 4,271 или 4% (стр. 50). Въ нолинскомъ уѣздѣ изъ 77,754 душъ убыло 6,305 или 8%. Въ уржумскомъ уѣздѣ въ 20 лѣтъ убыло 3% крестьянскаго населенія, въ яранскомъ—8%, въ мальмыжскомъ—4%, въ сарапульскомъ—4%, въ елабужскомъ—6% (стр. 65, 70, 77 и др.). Удѣльныхъ крестьянъ во всей губерніи въ 20 лѣтъ убыло 3% (стр. 103).

Что-же означаетъ эта убыль? Ужели населеніе вятской губерніи вымираетъ? Изъ земскихъ изданій дѣйствительно видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи, какъ, напр., въ ижевскомъ заводѣ, Кай-городѣ, мулинскомъ приходѣ совершается постепенное вымирание населенія.

Процентъ естественнаго прироста въ губерніи понижается; въ 1854—58 г. прибыли было 1,78%; въ 1858—62 г. 1,32%; въ 1862—70 г. 0,93%; въ 1870—74 г. 0,65%. Вѣроятная жизнь для новорожденныхъ равна въ Англіи 46 годамъ, во Франціи 42, въ Бельгіи 38, въ Россіи 24, въ вятской губ. 6½ годамъ, а въ орловскомъ уѣздѣ даже 5½ годамъ. Въ Англіи средняя продолжительность жизни поселянъ 55 лѣтъ; а въ вятской губерніи въ концѣ прошлаго вѣка—36, нынѣ-же 20 лѣтъ. Сельское населеніе во многихъ мѣстахъ положительно вырождается. «Продолжавшееся много лѣтъ недоѣданіе, говоритъ Завольскій,—сопровожаемое постоянными заботами о насущномъ кускѣ хлѣба, не могло не оказать своего могучаго вліянія на физическій и умственный складъ населенія сѣверныхъ волостей. Къ заботамъ о насущномъ хлѣбѣ присоединяется еще постоянное, но тщетное гореваніе о долгахъ и недоимкахъ, особенно если принять во вниманіе непозволительный иногда способъ взиманія податей. Если въ настоящее время нельзя упрекнуть въ томъ низкое, ни губернское начальство, то далеко не лишено упрека въ этомъ дѣлѣ водостное. Ъда мяины и другихъ

неудобоваримыхъ суррогатовъ повліяла на органическое развитіе населенія,—это вліяніе особенно замѣтно на жителяхъ слободскихъ волостей. Жителя сѣверной части слободскаго уѣзда легко отличить отъ жителя слободскаго-же уѣзда, но только южной его части. Хилое, недоразвитое сложеніе ясно показываетъ его сѣверное происхожденіе. Общій видъ его такой: лицо истомленное, глаза тусклые и впалые, волоса рѣдкіе, а также мускулы слабые и дряхлые. Въ прошлый рекрутскій наборъ было замѣчено, что жители сѣвера слободскаго уѣзда уступаютъ ростомъ жителямъ слободскаго-же уѣзда болѣе южныхъ волостей на 2 и 1½ вершка. Такимъ образомъ, они физически совершенно вырождаются. Это обстоятельство понятно, если взять во вниманіе жизнь въ проголодь, на хлѣбъ съ мякиною и то, что они по годамъ не видятъ мяса. Здѣсь въ самомъ зачатіи младенецъ зарождается не въ нормальномъ видѣ. Отъ отца и матери, круглый годъ питавшихся мякиннымъ хлѣбомъ, не можетъ зародиться здоровое дитя. Далѣе въ самомъ первомъ питаніи младенца у груди матери, когда дается основа быстро развивающемуся въ это время организму, уже кладется начало вырожденія, потому-что недоѣдающая мать не можетъ имѣть достаточно молока. Часто поэтому дѣтей и совсѣмъ не кормятъ молокомъ, замѣняя послѣднее жвачкой изъ кислягъ мякиннаго хлѣба».

Но какъ ни велика бѣдность вятскаго мужика, онъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, не дошелъ еще до вымиранія и всѣ приведенныя цифры убыли населенія объясняются тѣмъ, что крестьяне бросаютъ свои раззоренныя пепелища и уходятъ селиться на новыхъ мѣстахъ. «Въ волостяхъ котельническаго уѣзда, говоритъ Завольскій,—мнѣ удалось видѣть цѣлыя толпы женщинъ и дѣтей съ котомками, пробирающихся въ города или южные уѣзды. Бѣгутъ такъ какъ-будто нашли какія-нибудь дикія орды». Явилась даже новая секта *медальщиковъ*, которые бросаютъ землю, продаютъ дома и скитаются по заводамъ.

Вятская губернія еще и въ настоящее время во многихъ своихъ частяхъ представляетъ огромныя незаселенныя пространства. Такихъ пространствъ губернія имѣла, безъ сомнѣнія, гораздо больше нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Многія мѣстности разныхъ уѣздовъ губерніи были въ то время только отчасти заселенными, т. е. на нихъ, можетъ быть, и гораздо ранѣе 30 годовъ явились первыя поселки, но оставался еще широкій просторъ для новыхъ поселеній. Теперь еще въ вятской губерніи, гдѣ это дозволяется, заводятся новые поселки, и вообще ежегодно, въ довольно значительныхъ размѣрахъ, со-

вершается выселеніе жителей за предѣлы губерніи или изъ одного уѣзда въ другой, изъ одной мѣстности уѣзда въ другую. Населеніе уѣздовъ, какъ показываютъ статистическія цифры, съ 1834 по 1858 г., увеличивалось неодинаково и это даетъ намъ основаніе предполагать, что въ уѣздахъ и волостяхъ, въ которыхъ населеніе размножалось сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, это размноженіе совершалось не путемъ одного естественнаго прироста, но и посредствомъ прилива новыхъ поселенцевъ. Теперь уже не то и почти во всей губерніи крестьянамъ становится тѣсно. Въ 1834 г. средняя густота населенія губерніи составляла 11, а теперь 18 человѣкъ на квадратную версту; въ уѣздахъ нолинскомъ и вятскомъ тогда было 26 и 25, теперь же 37 и 36 чел. на кв. версту (стр. 8).

Восемнадцать человѣкъ на кв. версту составляютъ, повидимому, пустыя, но при нынѣшнихъ условіяхъ истощенная вятская почва не можетъ вынести и этого числа жителей, часть которыхъ должна поэтому выселяться. Но при этомъ было-бы ошибкою считать главною причиною этихъ выселеній недостаточный размѣръ надѣловъ. Въ глазовскомъ уѣздѣ, напр., въ послѣдніе 20 лѣтъ совершалось довольно значительное переселеніе изъ западныхъ волостей въ среднія и восточныя, между тѣмъ земли западныхъ волостей считаются лучшими въ уѣздѣ, да и различіе въ среднихъ размѣрахъ надѣловъ въ той и другой мѣстности было весьма незначительно. Оно еще болѣе сгладилось теперь, когда въ одной мѣстности ревизскихъ душъ убыло, а въ другой прибыло. Вообще, сельское населеніе западныхъ волостей глазовскаго уѣзда вовсе не страдаетъ отъ малоземелья, которое заставляло-бы крестьянъ выселяться въ другія мѣстности. Производство хлѣбовъ у крестьянъ западныхъ волостей по относительнымъ своимъ размѣрамъ не только не меньше, но даже и больше, чѣмъ во многихъ другихъ частяхъ глазовскаго уѣзда. Земли западныхъ волостей глазовскаго уѣзда по естественнымъ своимъ свойствамъ вообще лучшія въ этомъ уѣздѣ и по земскимъ раскладкамъ считаются большею частію въ высшемъ разрядѣ по сравнительному плодородію. Въ уѣздахъ елабужскомъ, сарапульскомъ, малмыжскомъ, яранскомъ, уржумскомъ, вятскомъ и слободскомъ крестьяне выселяются даже изъ мѣстностей, имѣющихъ лучшую почву сравнительно съ мѣстностями водворенія (стр. 180—185). Вообще ничто не говоритъ, что причина переселеній заключается въ размѣрѣ и качествахъ надѣловъ.

Въ разныхъ частяхъ вятской губерніи величина посѣва на душевой надѣлъ отнюдь не меньше въ мѣстностяхъ выселеній,

чѣмъ даже у старожиловъ тѣхъ мѣстностей, въ которыя водворяются переселенцы. Если-же брать въ расчетъ все старое населеніе, а также и новое населеніе послѣднихъ мѣстностей, то вездѣ окажется, что у него посѣвы относительно меньше, чѣмъ у населенія мѣстностей, откуда приходятъ выселенія. Въ особенности трудно показать относительно хотя какой-либо небольшой мѣстности вятской губерніи, изъ которой крестьяне выселяются, что въ ней у переселенцевъ посѣвы были малы по недостатку земли. Вообще въ мѣстностяхъ выселеній распаханной земли у крестьянъ много, и по мѣрѣ того, какъ число ревизскихъ душъ въ нихъ убываетъ, а размѣры надѣловъ вслѣдствіе этого увеличиваются, все большее и большее число крестьянъ такихъ мѣстностей уже не засѣваетъ и даже—при желаніи—не можетъ засѣвать всю оплачиваемую податями землю.

Главное различіе земельныхъ надѣловъ въ мѣстностяхъ выселеній и въ мѣстностяхъ колонизаціи состоитъ въ томъ, что въ первыхъ мѣстностяхъ много распаханной земли и мало или вовсе нѣтъ земли нераспаханной, а въ послѣднихъ мѣстностяхъ, при относительно меньшемъ количествѣ распаханной земли, сохранились еще болѣе или менѣе значительныя пространства земли не эксплуатируемой, не расчищенной изъ-подъ лѣса. Это уже отчасти позволяетъ старожиламъ извѣстной мѣстности принимать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, хотя-бы у нихъ было всей расчищенной и нерасчищенной земли не болѣе 8-ми десят. на душу. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, уже вскорѣ обнаруживается у крестьянъ малоземелье, средній душевой надѣлъ въ цѣлой волости или даже въ цѣломъ уѣздѣ оказывается менѣе законнаго размѣра, а въ отдѣльныхъ селеніяхъ, напр., сокращается на половину послѣдняго.

Но главное и законное условіе водворенія переселенцевъ въ разныхъ сельскихъ обществахъ и волостяхъ заключается въ томъ, что эти волости имѣютъ обыкновенно, кромѣ своего основнаго земельного надѣла еще надѣлъ дополнительный, сверхъ 8 десят. на душу, за который и платятъ въ казну оброка только по 9 коп. за десятину. Такой «девятикопѣчной оброчной подати» крестьяне вятской губерніи платятъ слишкомъ 60 тысячъ рублей и платятъ ее волости по преимуществу лѣсныхъ мѣстностей разныхъ уѣздовъ. Старожилы этихъ волостей пользуются дополнительнымъ надѣломъ для новыхъ расчистокъ подъ пашню, подъ подкосъ и въ то-же время получаютъ тутъ лѣсные матеріалы для своей надобности и для продажи. Располагая такою запасною лѣсною землею, крестьяне обыкновенно и не платятъ лѣснаго налога за пользованіе какою-либо казенно-посе-

лянскою землею, потому-что имѣютъ достаточно лѣса въ своемъ владѣніи (стр. 180—181).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, истощенность земли за-ставляетъ крестьянъ искать почвы болѣе благодарной, но, по крайней-мѣрѣ, переселенія внутри губерніи мотивируются, главнымъ образомъ, недостаткомъ не земли, а лѣса. Въ отдаленномъ сѣверномъ краѣ орловскаго уѣзда почти незамѣтно никакихъ крестьянскихъ выселеній. Край этотъ представляетъ еще совершенно лѣсную мѣстность, лѣса составляютъ болѣе 90%, всего ея пространства (стр. 46). Въ котельническомъ уѣздѣ сѣверныя и западныя волости отличаются сравнительнымъ обиліемъ лѣсовъ и въ нихъ устремляется колонизація изъ другихъ частей уѣзда, гдѣ земли сильно уже выпажаны и представляютъ много неудобныхъ, низменныхъ, сырыхъ мѣстъ, на которыхъ родится только овесъ. Объединившіе отъ плохихъ урожаевъ и крайне-стѣсненные недостаткомъ лѣсовъ крестьяне готовы отсюда выселяться, куда угодно, гдѣ были-бы только лѣса (стр. 57). То-же самое повторяется и въ другихъ уѣздахъ. Словомъ, говорить г. Романовъ, «въ неравномѣрномъ распредѣленіи лѣсовъ по губерніи, во всякомъ случаѣ, нужно признать одно изъ важныхъ условій, вызывающихъ передвиженіе крестьянскаго населенія изъ однихъ мѣстностей въ другія. Положеніе лѣсовъ опредѣляетъ направленіе переселеній внутри губерніи: выходятъ переселенцы отсюда, гдѣ лѣса совсѣмъ истреблены или истощены, а селятся тамъ, гдѣ лѣса тянутся почти непрерывными большими пространствами. Обратнаго движенія изъ мѣстностей лѣсныхъ въ безлѣсныя нигдѣ не замѣчается (стр. 170).

Недостатокъ лѣса отражается на всемъ бытѣ крестьянъ. Крестьянинъ перестаетъ топить свою избушку дровами, а топить соломой, что уже вовсе не по климату. Всѣ деревенскія постройки дѣлаются хуже и хуже, и мѣстами избы смѣняются мазанками. Мазанки въ Вятскомъ краѣ являются выраженіемъ рѣшительнаго регресса въ сравненіи съ прежними постройками изъ хорошаго лѣса. Вообще въ вятской губерніи крестьянскія «избы малы, ветхи»; во многихъ волостяхъ «встрѣчаются не дома, а какіе-то рѣзкимъ образомъ говорящіе за голую бѣдность своихъ обитателей шалаши, годные скорѣе для телятниковъ, чѣмъ для людскаго житья. Новыя избы встрѣчаются весьма рѣдко, въ большинствѣ-же всѣ строенія ветхія, съ покачнувшими углами. Новыя избы строятся весьма туго, только въ крайнихъ случаяхъ, когда постройки уже совершенно валятся. Причиною такого пренебреженія своими жилищами, конечно, бѣдность, но не послѣднею причиною служить стѣснительное

для крестьянъ пользованіе лѣсомъ». . . «Въ котельническомъ уѣздѣ, говорить г. Потанинъ—крестьяне *перерубаютъ* избы до трехъ разъ, размѣры избы, такимъ образомъ, съ каждымъ разомъ уменьшаются и въ концѣ-концовъ доходятъ чуть не до величины телячьей стойки. Въ сѣверной части яранскаго уѣзда строятъ избы всегда изъ старыхъ избъ, скупая ихъ у крестьянъ, вдушихъ на починки. Пошли въ ходъ и мазанки, чего прежде никогда не бывало».

Съ истребленіемъ лѣсовъ падаютъ въ губерніи и кустарные промыслы, состоявшіе прежде почти исключительно въ разныхъ древодѣльныхъ производствахъ. Пока есть возможность существовать земледѣіемъ и кустарничествомъ, мужикъ крѣпко держится на своей землѣ, даже при недостаткѣ лѣса и пашни и плохой почвѣ. Домашняя промышленность гораздо болѣе согласуется съ земледѣльческимъ бытомъ, чѣмъ отхожіе промыслы; она составляетъ прекрасное подспорье земледѣлію, не заключая въ себѣ условій, которыя-бы вредили ему; наконецъ, она связана, съ установившимся рынкомъ, заставляетъ дорожить его близостью. Все это, конечно, не такія условія, которыя могутъ вызывать крестьянскія переселенія. Другое дѣло, когда развившаяся гдѣ-либо кустарная промышленность приходитъ отъ разныхъ неблагопріятныхъ условій въ упадокъ, дѣлается невыгодною. Тогда наступаетъ въ жизни крестьянъ кризисъ, единственный исходъ, изъ котораго представляется имъ въ переселеніи. Является, напр., условіе къ выселенію кустарниковъ, когда спросъ на ихъ издѣлія не увеличивается соразмѣрно предложенію. Тогда многіе изъ нихъ стараются выселиться, чтобы избавиться отъ слишкомъ развившейся конкуренціи. Но болѣе общимъ и особенно важнымъ условіемъ, уничтожающимъ выгоды домашней промышленности крестьянъ, бываетъ увеличеніе трудности добыванія, или вздорожаніе обрабатываемыхъ ею сырыхъ матеріаловъ. Промышленность крестьянъ вятской губерніи давно уже страдаетъ отъ этого условія, потому-что она представляетъ, главнымъ образомъ, древодѣланіе. Лѣса въ болѣе населенныхъ частяхъ губерніи теперь окончательно уже истребляются; а прежде всего истреблены были въ нихъ липа и дубъ, наиболѣе цѣнные для разныхъ издѣлій породы. Отъ этого, напр., орловскіе рогожники и котельническіе лапотники совсѣмъ лишились своего домашняго производства, обратились къ отхожимъ промысламъ и стали въ огромномъ числѣ выселяться (стр. 201—202). Число крестьянъ, занимающихся отхожими промыслами, опредѣляется числомъ паспортовъ и билетовъ, ко-

торыхъ ежегодно берется по всей губерніи около 200,000. Этихъ видовъ приходится:

	П а с п о р т о в ы :			
	годовыхъ	полугод.	билетовъ	итого.
На мѣстности выселеній	11,417	19,098	118,947	149,462
На мѣстности водворенія переселенцевъ	1,201	2,830	35,171	39,202

На 1,000 жителей обоого пола приходится:

	П а с п о р т о в ы .			
	годовыхъ	полугод.	билетовъ	итого.
Въ мѣстностяхъ выселеній	7,87	13,17	82,07	103,11
Въ мѣстностяхъ водворенія переселенцевъ	1,28	3,03	37,76	42,07

Изъ этихъ данныхъ уже можно заключить, что въ вятской губерніи отхожіе промыслы крестьянъ распространены, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ крестьяне выселяются. Собственно паспортовъ на годъ и на полгода населеніемъ этихъ мѣстностей выбирается относительно въ пять разъ больше, чѣмъ населеніемъ другихъ мѣстностей, въ которыхъ водворяются переселенцы (стр. 189). Иногда въ отхожій промыселъ уходитъ почти все мужское населеніе. Такъ, въ 1877 году, послѣ закрытія Залознинскаго горнаго завода на 1,200 ревизскихъ душъ было взято 410 паспортовъ и 502 билета (стр. 204). Пока хозяйство не окончательно разстроено, отхожіе промыслы могутъ еще кое-какъ поддерживать мужика. Но отхожіе промыслы таковы, что обыкновенно наносятъ чувствительный ущербъ домашнему хозяйству крестьянъ. Домашнее хозяйство, въ особенности такое сложное, какъ земледѣльческое, требуетъ неуспянаго надзора и попеченія. Очевидно, всякій отхожій промыселъ не отвѣчаетъ такому требованію, хотя-бы къ такому промыслу обращались, повидимому, лишнія рабочія руки въ семьѣ и только на время, свободное отъ земледѣльческихъ работъ. Общая побудительная причина къ отхожему промыслу— несоотвѣтствіе доходовъ земледѣлія съ расходами хозяйства съ каждымъ годомъ дѣлается настоятельнѣе, потому-что начавшееся истощеніе почвы продолжается, постепенно усиливаясь. Такимъ образомъ крестьянинъ попадаетъ уже въ такое положеніе, которому нельзя помочь никакимъ отхожимъ промысломъ, и онъ стремится къ переселенію.

Главную и нерѣдко единственную причину переселеній крестьянъ

янь, занимающихся отхожими промыслами, составляютъ условія домашняго земледѣльческаго хозяйства этихъ крестьянь, а не тѣ условія, которымъ подчиняются собственно промысловые ихъ заработки (стр. 196). Гдѣ есть отхожіе промыслы, тамъ, несомнѣнно, земледѣліе находится въ такомъ упадкѣ, который побуждаетъ жителей къ переселенію. Такимъ образомъ, отхожіе промыслы можно разсматривать какъ переходный моментъ между нормальнымъ положеніемъ сельскаго хозяйства крестьянь, невызывающимъ никакихъ переселеній, и тѣмъ его положеніемъ при которомъ уже нельзя долѣе оставаться и нужно искать новой осѣдности. Но такого переходнаго момента или такой переходной ступени къ переселеніямъ часто и не бываетъ. Въ вятской губерніи нынѣ не мало такихъ мѣстностей, крестьянское населеніе которыхъ не занималось и не занимается никакими отхожими промыслами, а между-тѣмъ въ значительномъ числѣ выселяется. Слѣдовательно, необходимаго всегдашняго явленія, сопутствующаго переселеніямъ, отхожіе промыслы не составляютъ. Судя по примѣрамъ переселеній крестьянь разныхъ мѣстностей, между переселенцами, занимавшимися отхожими промыслами и незанимавшимися ими, есть та разница, что первые уходятъ отъ совершенно разстроеннаго земледѣльческаго хозяйства, а вторые до самаго переселенія вели его усердно и въ большомъ размѣрѣ, а потому и переселяются иногда съ большими матеріальными средствами. Нѣкоторыя данныя о переселеніяхъ говорятъ даже, что крестьяне, постоянно и большую часть года занимающіеся отхожимъ промысломъ, переселяются относительно въ небольшомъ числѣ. Повидимому, они такъ свыкаются со своею полуосѣдлою жизнью или такъ закабалены въ эту жизнь, что не ищутъ или не находятъ изъ нея выхода, несмотря на то, что домашнее хозяйство ихъ въ разстройство и семья едва пропитывается. Въ такихъ крестьянахъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія и потерявшихъ любовь къ домовитости, трудно и предполагать необходимую энергію къ заведенію новыхъ хозяйствъ (стр. 197).

Отхожіе промыслы не даютъ, какъ думаютъ нѣкоторые, направленія переселеніямъ и если участвующіе въ нихъ крестьяне потомъ переселяются, то не въ тѣ мѣста, куда они раньше ходили на промыслы. Нельзя, конечно, отрицать, что чрезъ крестьянь, занимающихся отхожими промыслами, и всѣ сосѣди ихъ получаютъ первыя свѣденія о мѣстностяхъ, куда можно переселиться. Но затѣмъ, когда почувствуется дѣйствительная нужда въ переселеніи, крестьяне, какъ извѣстно, снаряжаютъ уже нарочно такъ-называемыхъ «ходовковъ», которые и приносятъ имъ

необходимыя свѣденія объ условіяхъ переселенія. Если переселеніе замышляется только отдѣльными домохозяевами, то они и сами отправляются за поисками удобныхъ мѣстъ, руководствуясь иногда самыми неопредѣленными слухами о томъ, гдѣ земли вдоволь и гдѣ крестьяне живутъ богато. Только торговые отхожіе промыслы непосредственно ведутъ за собою переселенія. Переселенцы, дѣлающіеся на новомъ мѣстѣ жительства мѣщанами или даже купцами, представляютъ именно ту часть крестьянъ, которые чрезъ свои отхожіе заработки совершенно отстали отъ земледѣлія и не хотятъ къ нему возвращаться. Многіе крестьяне вятской губерніи проводятъ каждую зиму или цѣлые года въ городахъ и заводахъ пермской губерніи и Сибири, служа приказчиками, довѣренными, чернорабочими, кучерами, дворниками. Одни изъ нихъ женятся тамъ, другіе наживаютъ капиталы и дѣлаются самостоятельными торговцами, третьи приходятъ къ убѣжденію, что и трудъ по найму ихъ вполне обезпечиваетъ. Послѣ этого они и выходятъ уже изъ сельскихъ обществъ вятской губерніи; выдѣляются изъ своей семьи или ее достаютъ къ себѣ. На плотническомъ промыслѣ многіе крестьяне также совсѣмъ отстаютъ отъ земледѣлія и потому перечисляются въ мѣщане тѣхъ мѣстностей, гдѣ, обыкновенно, работали. Что касается довольно значительныхъ въ послѣднее время перечисленій вятскихъ крестьянъ въ мѣщане городовъ вятской-же губерніи, то и эти перечисленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, конечно, подготавливаются болѣе или менѣе продолжительнымъ или даже постояннымъ проживаніемъ въ городахъ въ особенности крестьянъ-ремесленниковъ, торговой прислуги, рабочихъ существующихъ въ городахъ заводовъ и разнаго рода мастерскихъ. Увеличеніе въ послѣднее время числа случаевъ перехода крестьянъ въ мѣщане объясняется съ одной стороны оживленіемъ торгово-промышленной дѣятельности городовъ вятской губерніи, а съ другой стороны ухудшеніемъ условій земледѣльческаго хозяйства, вслѣдствіе чего крестьяне начинаютъ менѣе дорожить своими земельными надѣлами, чѣмъ прежде. Слѣдуетъ еще замѣтить, что особенно значительный процентъ крестьянъ, причисляющихся къ мѣщанскимъ обществамъ городовъ, даютъ ближайшія къ этимъ городамъ деревни. Окрестности городовъ, обыкновенно, населены густо и деревни съ слишкомъ ограниченнымъ земледѣліемъ отдають приростъ своего населенія городамъ; съ увеличеніемъ послѣднихъ прилегающія къ нимъ деревни даже иногда сливаются съ ними своими усадьбами, превращаются въ такъ-называемыя городскія слободки (стр. 202).

Бѣдность, заставляющая крестьянъ выселяться и уходить въ

отхожіе промыслы, дѣйствуетъ въ этомъ направленіи только до извѣстной степени, перейдя за которую разорившійся крестьянинъ долженъ бросить всякую мысль не только о легальномъ переселеніи, но даже о полученіи паспорта на отхожіе промыслы: долги и недоимки приковываютъ его къ мѣсту и болѣе нуждающіеся въ переселеніи лишаются возможности выселиться. Такихъ крестьянъ въ вятской губерніи уже не мало (стр. 49, 213). Недоимокъ въ губерніи было въ 1858 г. 73,000 р., въ 1864 г. 387,000, въ 1874 г. 1.837,000 р. Разсматривая по волостямъ цифры недоимокъ и выселеній г. Романовъ приходитъ къ такому выводу: «Мы видѣли, что въ сѣверныхъ волостяхъ глазовскаго уѣзда, въ большей части слободскаго уѣзда и еще въ одной мѣстности малмыжскаго уѣзда очень значительныя недоимки по податямъ составляютъ постоянное явленіе, получившее свое начало болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Очевидно, въ указанныхъ мѣстностяхъ крестьяне, т. е. по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, находятся въ невозможности уплаты налоговъ, иначе недоимки были-бы взысканы. Въ данномъ случаѣ, мѣры взысканія не оказываютъ должнаго дѣйствія, такъ-какъ въ теченіи болѣе 10 лѣтъ недоимки лишь изрѣдка немного уменьшались, но вслѣдъ затѣмъ увеличивались до размѣровъ даже большихъ по сравненію съ прежними. Если представить себѣ положеніе крестьянина-недоимщика, то необходимо допустить, что ему весьма желателенъ выходъ изъ такого положенія и онъ, безъ сомнѣнія, никогда не откажется отъ переселенія, если представится къ тому возможность. Между тѣмъ изъ недоимочнаго края глазовскаго уѣзда и изъ слободскаго уѣзда крестьяне, въ разныхъ волостяхъ, частію вовсе не выселяются, частію слишкомъ мало выселяются. Тоже явленіе мы видимъ и въ недоимочныхъ волостяхъ малмыжскаго уѣзда. Относительно такихъ по преимуществу недоимочныхъ мѣстностей вятской губерніи намъ остается сдѣлать слѣдующій выводъ: крестьянскіе платежи въ этихъ мѣстностяхъ должны-бы составлять одну изъ важнѣйшихъ причинъ переселенія, но время къ этому упущено, крестьяне втянулись въ неоплатныя недоимки и теперь уже не могутъ переселиться. Тѣ изъ нихъ, которые получаютъ позволеніе на переселеніе, составляютъ незначительное меньшинство, которое еще имѣетъ средства платить подати. Подробнымъ обзоромъ разпредѣленія податныхъ недоимокъ за послѣднее пятилѣтіе мы убѣдились, что къ мѣстности съ постоянно значительною недоимкою слѣдуетъ нынѣ причислить въ вятской губерніи большую часть волостей въ смежныхъ между собою сѣверныхъ частяхъ или половинахъ вятскаго, орловскаго и котельничскаго уѣздовъ. Та-

кимъ образомъ и относительно этой обширной мѣстности губернии трудность платежа податей прямо свидѣлствуется недоборомъ послѣднихъ. Недоборъ этотъ сравнительно съ годовыми окладами бываетъ пока не великъ, изъ чего и слѣдуетъ заключить, что большинство крестьянъ въ данной мѣстности еще такъ или иначе преодолеваютъ трудности платежа податей, а меньшинство уже не въ состояніи платить ихъ и потому остается каждый годъ съ недоимкою. Этому меньшинству, слѣдовательно едва-ли уже и возможны переселенія, по крайней-мѣрѣ, законнымъ путемъ, а большинству переселенія, по крайней-мѣрѣ, столь-же трудны, какъ и бездоимочная уплата податей. Повидимому, и самыя данныя о переселеніяхъ крестьянъ разсматриваемой мѣстности свидѣлствуютъ о трудности или невозможности этихъ переселеній. Всѣ, сдѣлавшіеся нынѣ недоимочными, волости вятскаго, орловскаго и котельническаго уѣздовъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, изъ которыхъ происходятъ выселенія крестьянъ, но въ то-же время эти волости, по размѣрамъ выселеній, стоятъ не впереди, а позади многихъ другихъ волостей своихъ уѣздовъ, гдѣ еще нѣтъ податныхъ недоимокъ. Между тѣмъ вся недоимочная мѣстность названныхъ уѣздовъ нынѣ очень извѣстна плохими экономическими условіями не по однимъ только недоимкамъ. О томъ-же свидѣлствуютъ частые неурожаи хлѣбовъ въ этой мѣстности, долги населенія продовольственному земскому капитану, крайній упадокъ прежде очень распространеннаго во всей мѣстности извознаго промысла крестьянъ. По этимъ уже фактамъ, равно какъ и по податнымъ недоимкамъ, слѣдовало-бы заключить, что крестьяне упомянутой мѣстности попали въ послѣднее время въ очень стѣсненныя экономическія условія, выходъ изъ которыхъ несомнѣнно представляется имъ, какъ обыкновенно, въ переселеніяхъ. Совершающіяся дѣйствительно переселенія показываютъ, что стремленіе къ послѣднимъ у крестьянъ существуетъ, но далеко не всѣ они имѣютъ возможность переселиться. Въ числѣ недоимочныхъ волостей котельническаго уѣзда есть такія, гдѣ со времени X ревизіи выселилось много крестьянъ. Но въ объясненіе этого факта можно указать, во-первыхъ на то, что многіе крестьяне котельническаго уѣзда въ послѣднія 20 лѣтъ совершили самое легкое и дешевое переселеніе, а именно—переселились только изъ одной части своего уѣзда въ другую; во-вторыхъ, и на то, что значительныя податныя недоимки за котельническими крестьянами проявились только въ самое послѣднее время. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что переселенія котельническихъ крестьянъ имѣли частію характеръ бѣгства изъ своихъ волостей въ свободныя лѣса сосѣдней

мѣстности вологодской губерніи, т. е. были переселеніями незаконными, безъ установленнаго разрѣшенія» (стр. 223—225).

Въ южныхъ частяхъ губерніи крестьяне живутъ относительно сносно, недоимокъ не имѣютъ и не выселяются. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ губерніи, преимущественно въ среднихъ, въ которыхъ недоимокъ хотя и нѣтъ, но жители сильно выселяются—крестьянское хозяйство или пришло въ полный упадокъ, или неминуемо клонится къ упадку, потому-что крестьянскія пашни, очевидно, истощены, рѣдко уже даютъ хорошіе урожаи, и замѣнять на время старую, истощенную запашку новою крестьяне не могутъ, у нихъ и безъ того уже все обращено въ пашни—и лѣсъ, и сѣнокосы. Крестьяне платятъ еще исправно подати, но не могутъ покупать себѣ самыхъ необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ и бѣгутъ отъ своего безлѣся, если не представляется возможности вывозить лѣсъ бесплатно изъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ тѣхъ мѣстностяхъ выселеній, гдѣ сильно распространены между крестьянами отхожіе промыслы, ими только и слѣдуетъ объяснить исправное поступленіе податей. Обширѣйшій сплошной районъ, изъ котораго крестьяне выселяются, захватываетъ въ вятской губерніи южныя части вятскаго, орловскаго и котельническаго уѣздовъ, сѣверовосточную часть яранскаго, сѣверо-западную уржумскаго, весь нолинскій уѣздъ, западную часть глазовскаго. На всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ ни одной волости съ постоянными податными недоимками и нѣтъ также ни одной волости, изъ которой крестьяне не выселялись-бы хотя въ небольшомъ числѣ. Весь означенный районъ можно довольно правильно раздѣлить на двѣ части—восточную и западную. Въ первой крестьяне очень мало занимаются промыслами, во второй такъ распространены отхожіе промыслы, какъ нигдѣ въ другихъ частяхъ губерніи; въ первой крестьяне живутъ и подати оплачиваютъ своимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, а во-второй это хозяйство большею частію уже такъ скудно, что требуетъ поддержки отъ промысловыхъ заработковъ, подати-же оплачиваются исключительно этими заработками. Если изъ той и другой части разсматриваемаго района крестьяне очень выселяются, то это указываетъ, что они терпятъ матеріальныя нужды, но эти нужды только въ крайнемъ случаѣ могутъ выразиться въ неисправномъ поступленіи податей. Если несомнѣнно, что и въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ выселеній все хозяйство крестьянъ клонится къ упадку, а между тѣмъ въ податяхъ недоимокъ не остается, то съ полнымъ основаніемъ можно заключить, что подати уплачиваются частію въ ущербъ крестьянскому хозяйству, напр., въ ущербъ скотоводству, съ которымъ тѣсно связано

земледѣліе; въ промысловыхъ-же мѣстностяхъ и не можетъ быть податныхъ недоимокъ, пока существуютъ промыслы, хотя - бы при этомъ домашнее хозяйство крестьянъ было въ полномъ разстройствѣ. Исправный взносъ податнаго оклада составляетъ такое условіе, безъ котораго нельзя отбивать отхожіе промыслы, потому - что крестьянинъ, не заплатившей оклада, не получить необходимаго ему паспорта. Всѣ, отлучающіеся, на продолжительное время, плотники, пильщики, бурлаки, рогожники и лѣсорубы вятской губерніи отправляются на свои промыслы, вступивъ въ письменные договоры со своими нанимателями и получивъ отъ нихъ въ своемъ волостномъ правленіи задатки, изъ которыхъ сейчасъ-же и вычитается податной окладъ. Благодаря этому, подати поступаютъ особенно аккуратно съ тѣхъ волостей разныхъ уѣздовъ, въ которыхъ крестьяне уходятъ на промыслы по контрактамъ съ полученіемъ задатковъ. Но зато именно въ этихъ волостяхъ легче всего можно встрѣтить самыхъ жалкихъ бѣдняковъ, у которыхъ, однако, подати заплачены (стр. 226—227).

Обратимся теперь къ тому вліянію, какое оказываютъ выселенія крестьянъ на метрополию, и на положеніе самихъ колонистовъ.

Выселенія ни мало не уменьшаютъ числа жителей, такъ-какъ причиняемая ими убыль съ избыткомъ вознаграждается естественнымъ приростомъ народонаселенія (стр. 232). Не оказываютъ вліянія переселенія и на быстрое истребленіе лѣсовъ. «Прежде чѣмъ начинаются значительныя выселенія крестьянъ изъ какихъ-нибудь волостей и обществъ, лѣса уже бывають истощены и именно крайній недостатокъ въ нихъ усиливаетъ выселенія. Сельскія общества, уменьшившіяся тѣмъ или другимъ числомъ выселившихся семействъ, нисколько не перестаютъ страдать отъ своего безлѣсья, и недостатки ихъ въ лѣсныхъ матеріалахъ, несмотря на выселенія, не перестаютъ возрастать съ каждымъ годомъ. Иначе и не можетъ быть, коль скоро лѣсоистребленіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ прежде значительныхъ выселеній и коль скоро выселенія вообще такъ слабы, что не уменьшаютъ даже числа потребителей лѣсныхъ матеріаловъ. Нельзя сомнѣваться, что именно безлѣсье послужило сильнѣйшимъ толчкомъ къ усиленнымъ выселеніямъ крестьянъ изъ нѣкоторыхъ мѣстностей вятской губерніи, но эти - же мѣстности и сейчасъ нисколько не улучшились въ лѣсномъ отношеніи, онѣ именно представляютъ въ губерніи образцы ненормальнаго положенія крестьянскихъ хозяйствъ при безлѣсьи. Мы знаемъ опредѣленно размѣры крестьянскихъ выселеній изъ этихъ мѣстностей за послѣдніе 20 лѣтъ, имѣемъ основаніе утверждать, что оттуда крестьяне начали выселяться болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, выселенія за

ближайшій двадцатилѣтній періодъ были сравнительно велики,— при всемъ томъ остающееся населеніе означенныхъ мѣстностей не могло сберечь и малой части своихъ лѣсовъ. Безъ преувеличенія, можно признать что, напр., въ сѣверозападныхъ волостяхъ уржумскаго уѣзда и сосѣднихъ съ ними волостяхъ яранскаго уѣзда, выдѣлившихъ уже отъ себя массу переселенцевъ, по крайней мѣрѣ, каждые пять лѣтъ можно было наблюдать какія-нибудь перемѣны даже во внѣшнемъ строѣ жизни крестьянъ, вслѣдствіе постепенно усиливавшихся затрудненій въ полученіи лѣсныхъ матеріаловъ. Сколько намъ извѣстно по разнымъ отзывамъ и по личному знакомству съ упомянутыми волостями, гдѣ явленія крайняго недостатка лѣса, какія тамъ можно наблюдать въ настоящее время, обнаруживались въ нихъ постепенно и преимущественно въ послѣднее десятилѣтіе, т. е. послѣ уже того, какъ значительная часть прежняго населенія выселилась оттуда въ другія мѣстности. Недавно, напр., крестьяне тѣхъ волостей принуждены были снять полевою изгородь и ввели пастьбу скота съ пастухами, недавно начали строить бани и овины изъ кольевъ и соломы, обмазывая ихъ глиною; постепенно крестьяне переходили отъ отопленія избъ мѣстными дровами къ отопленію сначала дровами привозными изъ сосѣднихъ волостей, потомъ сучьями и, наконецъ, соломою, лачугъ» (стр. 240—241). Въ вятской губерніи населенія волостей, окружающихъ безлѣсныя мѣстности, промышляетъ лѣсомъ; это иногда единственный зимній промыселъ многихъ сельскихъ обществъ, владѣющихъ или пользующихся лѣсомъ за особый налогъ. Покупателей лѣса являются къ нимъ массы изъ сосѣднихъ безлѣсныхъ волостей и такимъ образомъ лѣсоистребленіе быстро распространяется отъ этихъ волостей по радіусамъ во всѣ стороны. Въ то-же время огромныя казенныя лѣсныя дачи въ другихъ частяхъ губерніи частію не эксплуатируются или слабо эксплуатируются на окраинахъ у сплавныхъ рѣкъ лѣсопромышленниками для дальняго сбыта въ низовья губерніи. Крестьяне слишкомъ несостоятельны для того, чтобы покупать лѣсъ и дрова, сплавляемые иногда мимо ихъ волостей изъ отдаленныхъ лѣсныхъ дачъ, а потому они, истребивъ бывшія въ ихъ пользованіи дачи, обыкновенно, по мѣрѣ возможности, похищаютъ лѣсъ изъ казенныхъ дачъ, если онѣ близко; когда-же эти похищенія становятся труднѣе и труднѣе, они не обращаются къ добыванію дорогихъ для нихъ казенныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, а пріобрѣтаютъ ихъ у крестьянъ-же сосѣднихъ волостей, что обходится гораздо дешевле. Крестьяне этихъ волостей, обыкновенно, сбытомъ лѣса, за неимѣніемъ другихъ промысловъ, поддерживаютъ свое хозяйство и оплачиваютъ по-

дати. Можно указать въ вятской губерніи не мало такихъ волостей, гдѣ изъ одной части сельскихъ обществъ много уходитъ крестьянъ на дальніе заработки, а въ другихъ обществахъ крестьяне живутъ дома и промышленяютъ исключительно лѣсо-истребленіемъ. Разница между тѣми и другими сельскими обществами, обыкновенно, заключается въ положеніи ихъ относительно истребляемыхъ лѣсовъ: первыя находятся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ послѣднихъ, а вторыя въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними. Для первыхъ — истребленіе лѣса не такъ сподручно, и потому они вывозятъ его только на свои собственные нужды, а вторыя продаютъ лѣсные матеріалы всѣмъ желающимъ купить. Если по близости поселянскихъ лѣсовъ находится городъ и потребляющій много дровъ заводъ, то городъ и заводъ имѣютъ каждую зиму въ изобиліи дешевыя дрова. Нѣкоторые крестьяне держатъ даже работника и лишнюю лошадь для усиленной вырубкы и вывозки дровъ. Гдѣ нѣтъ вблизи ни города, ни завода, тамъ есть возможность сбывать лѣсные матеріалы прямо изъ лѣсу пріѣзжающимъ крестьянамъ изъ сосѣднихъ волостей. Этотъ отпущекъ лѣса дѣлается уже по всевозможнымъ частнымъ сдѣлкамъ — за деньги, по родству, кумовству и знакомству, за водку и т. д. (стр. 242—243). Все это, конечно, зависитъ, главнымъ образомъ отъ крестьянской бѣдности и необходимости во что-бы то ни стало добывать деньги на подати.

Выселенія крестьянъ не имѣютъ никакого важнаго значенія и относительно крестьянскаго надѣла. Недостатка пахатной земли въ мѣстностяхъ выселеній въ вятской губерніи вообще нѣтъ, а скорѣе есть ея излишекъ, который крестьяне не въ состояніи засѣвать и обрабатывать. Этотъ излишекъ пахатныхъ угодій особенно великъ у тѣхъ сельскихъ обществъ, изъ которыхъ выселилось много крестьянъ. Тамъ всякій желающій изъ крестьянъ сосѣднихъ обществъ можетъ получить во временное пользованіе участки пахатной земли за ничтожную плату. Слѣдовательно, отъ переселеній увеличивается излишекъ такой земли, которая крестьянамъ не нужна, вслѣдствіе чего многія полосы полей, принадлежавшія переселенцамъ, остаются по выходѣ ихъ изъ общества непроизводительно лежащими пустырями. Такъ-какъ пустыри эти могутъ быть выгодно эксплуатируемы только при достаточномъ удобреніи, то и охотниковъ пользоваться ими находится мало. За отсутствіемъ всякаго избытка въ удобрительныхъ средствахъ очень немногіе крестьяне соблазняются возможностью захватить подъ свои посѣвы свободные участки не лучшіе или даже худшіе тѣхъ, которые у нихъ имѣются. Такимъ образомъ въ вятской губерніи освобождающіеся вслѣдствіе крестьянскихъ

выселеній земли не привлекають къ земледѣльческому труду не заняты имъ крестьянскія рабочія силы. При надѣлахъ свыше 6—8 и даже 10 десят. на душу, составляющихъ, главнымъ образомъ, пашню, едва-ли-бы, при нормальныхъ условіяхъ хозяйства, въ какой-нибудь крестьянской семьѣ въ періодъ полевыхъ работъ могъ быть излишекъ рабочихъ силъ (стр. 246 — 247). Главная бѣда вятскаго крестьянина въ томъ, что у него нѣтъ луговъ и лѣса, выселенія-же нисколько не поправляютъ этого недостатка. Выселенія только увеличиваютъ крестьянскіе надѣлы, но не измѣняютъ ихъ состава, и потому отъ нихъ нѣтъ никакихъ выгодныхъ послѣдствій. Вятскіе крестьяне, по крайней мѣрѣ всѣ бывшіе государственные, производятъ передѣлъ полей только при каждой новой ревизіи и дѣлятъ поля вездѣ на душевые участки, которые измѣняются по величинѣ соотвѣтственно увеличенію или уменьшенію числа ревизскихъ душъ сельскаго общества, а не наличныхъ. Такъ-какъ полный передѣлъ пашни принято производить только при ревизіи, то такого передѣла, обыкновенно, не дѣлается, если число ревизскихъ душъ уменьшается вслѣдствіе выселеній. Въ періодъ между ревизіями крестьяне, по возможности, избѣгаютъ и частныхъ передѣловъ земли. Въ силу этихъ обычаевъ, даже при малыхъ выселеніяхъ изъ извѣстнаго общества, далеко не уравновѣсившихъ естественнаго прироста его населенія, душевое землевладѣніе увеличивается, за каждый подушный окладъ получается въ пользованіе большее количество земли; но въ то-же время въ общей распланировкѣ земель сельскаго общества, сдѣланной еще при ревизіи, перемѣны не дѣлается, границы полей или составляющихъ ихъ отдѣльныхъ влиновъ сохраняются и, хотя-бы въ пашни оказывался излишекъ, отъ нея ничего не отрѣзывается къ постояннымъ выгонамъ, сѣнокосамъ или подъ лѣсъ. Если и до выселеній, какъ это въ вятской губерніи весьма не рѣдко бываетъ, душевые пахтные участки были велики, то, по мѣрѣ выселеній, они увеличиваются чрезмѣрно; оказывается, напр., возможность высѣвать до 50 пуд. ржи на душевой надѣлъ. Самые богатые домохозяева не справляются съ такими посѣвами, поэтому даже свои полосы засѣваютъ не всѣ и не имѣютъ надобности брать въ пользованіе чужія. Бѣднымъ домохозяевамъ, какихъ очень много въ мѣстностяхъ выселеній, ужь совсѣмъ не подъ силу обрабатывать большіе надѣлы и они стараются сдать часть своихъ полосъ кому-нибудь въ кортому. Съемщики изъ сосѣднихъ обществъ найдутся только въ такомъ случаѣ, если земля сдается за безцѣнокъ и если съ нея можно еще получить хотя самый посредственный урожай. Само собою разумѣется, что и арендное пользованіе такимъ

участкомъ продолжается только до совершеннаго его истощенія. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ оставшійся отъ какого-нибудь переселенца участокъ земли, еще годный къ эксплуатаціи, только приводится въ совершенную негодность. Между тѣмъ многіе невольные владѣльцы такого количества земли, которое не въ состояніи засѣвать, даже радуются, если имъ удастся что-нибудь выручить съ ненужной имъ пашни, потому-что они оплачиваютъ ее податью (стр. 248—249). Истощенныя сначала хозяевами, потомъ арендаторами земли, превращаются въ пустоши. Совершенно выпаханныя полосы полей, оставляемыя, наконецъ, пустошью, только чрезъ значительный періодъ отдыха начинаютъ давать хорошую траву; поэтому онѣ долго представляютъ плохіе выгоны и совершенно плохіе сѣнокосы. Чтобы получать съ нихъ достаточно корма скоту, крестьяне должны-бы были прибѣгать къ травосѣянію, а для этого требуется и обработка земли и удобреніе. Плохо справляясь съ своими хлѣбными посѣвами, крестьяне, разумѣется, о травосѣяніи и не помышляютъ. Они поступаютъ, напротивъ, такъ, что если извѣстный пахатный участокъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха, сталъ давать траву, то вновь обращаютъ его въ пашню, для посѣвовъ хлѣба, оставляя пустошью какой-нибудь другой, къ тому времени совершенно истощенный, участокъ (стр. 250).

По отношенію къ платежамъ и налогамъ выселенія значительно ухудшаютъ положеніе оставшихся жителей. Хотя соразмѣрно съ числомъ выселившихся за послѣдніе 20 лѣтъ сумма платежей и уменьшилась, но абсолютно она сильно увеличилась вслѣдствіе повышенія всѣхъ налоговъ.

Впродолженіи 20 лѣтъ выселилось изъ вятской губ. до 140,000 крестьянъ обоюга пола (стр. 272). Часть ихъ поселилась въ той-же губерніи, только на новыхъ мѣстахъ, гдѣ можно еще добыть трудомъ все необходимое. Такими мѣстностями остались въ вятской губерніи ея обширныя лѣсныя пространства. Тутъ переселенцы находятъ себѣ въ изобиліи лѣсные матеріалы на всѣ постройки и топливо, а это одно уже доставляетъ имъ неоцѣненную выгоду—по крайней мѣрѣ, въ одной насущной своей потребности они дѣлаются обезпеченными. Затѣмъ, однимъ только упорнымъ трудомъ, безъ капитала и знаній и съ первобытными орудіями, переселенцы создаютъ себѣ сѣнокосъ и пашни. Какъ тѣ, такъ и другія на первое время бываютъ очень производительны, а это и даетъ переселенцу первые необходимые достатки, при владѣніи, при томъ запаснымъ фондомъ, какой представляютъ еще не расчищенные изъ-подъ лѣса остатки. Положеніе всякаго крестьянина на новомъ мѣстѣ жительства, въ

особенности крестьянина совершенно бѣднаго, бываетъ въ первые годы крайне трудно, но не безнадежно; а въ этомъ уже заключается существенная разница съ тѣмъ положеніемъ, какое переселенецъ только-что оставилъ. Занимая нетронутыя земли, покрытыя лѣсомъ, переселенецъ сразу становится обладателемъ нѣкоторыхъ естественныхъ богатствъ — готоваго лѣса и естественнаго плодородія не выпаханной почвы. Для него, безъ сомнѣнія, легче пользоваться этими готовыми богатствами, нежели создавать ихъ вновь на мѣстѣ своего стараго поселенія, гдѣ почва истощена и лѣса истреблены (стр. 273). Понятно, что если современные условія народнаго хозяйства будутъ существовать продолжительное время, то и на новыхъ мѣстахъ жительства этихъ колонистовъ ждетъ раззореніе.

Изъ общаго числа переселенцевъ 8,936 рев. душъ выслано въ Сибирь, въ томъ числѣ 3,560 въ томскую губернію, преимущественно на Алтай. «Русскій переселенецъ, говоритъ путешественникъ, — съ замѣчательнымъ чутьемъ выбралъ алтайскій округъ, какъ самый лучший и благословенный край во всей Западной Сибири. Округъ этотъ занимаетъ барнаульскій, бійскій, кузнецкій и часть томскаго уѣздовъ и содержитъ 233,880 кв. верстъ или 3.500,000 десят. превосходной земли. Величайшая судоходная рѣка Обь орошаетъ округа бійскій и барнаульскій, около нея плодоноснѣйшія мѣста и житница Сибири, производящая миллионы пудовъ хлѣба, повсюду обиліе лѣсовъ и рядомъ съ ними чередующіеся степи и луга, не уступающіе новороссійскимъ, гористыя мѣста, изборожденные сотнями рѣкъ и горныхъ потоковъ, составляютъ богатую природную ирригацію, наконецъ, южный климатъ способствуетъ изобильной растительности... Не живописные виды и горныя богатства, однако, влекутъ сюда русскаго переселенца, но то, что Бремъ опредѣлилъ здѣсь дороже золота, это — черноземъ южной полосы. Пытовщикъ переселенецъ останавливается и долго смотритъ на эту почву, какъ-бы прикованный, впиваясь въ нее глазами и буквально влюбляется». По свидѣтельству г. Ядринцева, видѣвшаго алтайскія колоніи въ 1879 г., переселенцы живутъ въ довольствѣ и ничѣмъ не напоминаютъ истощенныхъ, оборванныхъ и голодныхъ мужиковъ вятской губерніи.

Болѣе всего вятскихъ крестьянъ переселяется въ сосѣднюю уфимскую губернію. Губернія эта представляетъ еще много простора для колонизаціи и, дѣйствительно, въ послѣднее время усиленно колонизируется въ особенности крестьянами вятской, тамбовской и курской губерній. Тысячи переселенцевъ ежегодно стекаются собственно въ четыре уѣзда уфимской губерніи: бирскій,

уфимскій, белебеевскій и стерлитамакскій. Особенно многоземельны первые два уѣзда и въ нихъ, главнымъ образомъ, селятся вятскіе крестьяне. Незанятые земли въ этихъ уѣздахъ представляютъ лѣса, а въ белебеевскомъ и стерлитамакскомъ—главнымъ образомъ степи. Вятскіе крестьяне не привыкли къ степному хозяйству и имъ трудно было-бы освоиться съ нимъ на новомъ мѣстѣ, поэтому они предпочитаютъ селиться въ лѣсахъ бирскаго и уфимскаго уѣздовъ, которые притомъ и ближе къ вятской губерніи, чѣмъ белебеевскій и стерлитамакскій уѣзды. Сосѣдство съ вятской губерніей привольнаго уфимско-оренбургскаго края давно уже привлекало въ этотъ край переселенцевъ изъ разныхъ, преимущественно изъ южныхъ, вятскихъ уѣздовъ. Среди населенія самаго города Уфы и вообще въ сѣверо-западной части уфимской губерніи нерѣдко можно встрѣтить выходцевъ съ вятской стороны, которые сами или отцы ихъ переселились за Каму около 20 или болѣе лѣтъ назадъ. Въ настоящее время въ уфимскомъ уѣздѣ постоянно и всюду можно встрѣчать недавнихъ вятскихъ переселенцевъ, которыхъ сейчасъ и можно отличить отъ старинныхъ мѣстныхъ жителей по произношенію. Уфимская губернія, какъ извѣстно, еще и теперь въ значительной своей части представляетъ край башкирскій. Башкиры-вотчинники въ послѣднее время весьма широко пользуются правомъ продажи своихъ общинныхъ земель въ частныя руки и постепенно доводятъ свое землевладѣніе до узаконеннаго minimum'a—15-ти десят. на рев. душу. Башкиры народъ совершенно бѣдный и крайне не развитый, они живутъ настоящимъ днемъ, не загадывая о будущемъ, и не имѣютъ понятія о цѣнности своихъ земельныхъ богатствъ, которыя въ ихъ рукахъ, дѣйствительно, и не представляютъ ничего цѣннаго, такъ-какъ владѣя ими, башкиры влечатъ жалкую жизнь бѣдняковъ. Разумѣется, въ Уфѣ нашлось не мало охотниковъ пользоваться простотою и бѣдностью башкиръ и скупать ихъ земли за безцѣнокъ. Теперь среди башкирскихъ общинныхъ владѣній въ уфимской губерніи образовались обширныя частныя имѣнія въ десятки тысячъ десятинъ. Въ этихъ имѣніяхъ и селятся въ большомъ числѣ переселенцы изъ вятской и другихъ губерній. Старинные землевладѣльцы уфимской губ. тоже охотно сдаютъ часть своихъ пустующихъ земель переселенцамъ. «Всѣ видѣнные нами починки вятскихъ переселенцевъ въ уфимской губ., говоритъ г. Романовъ,—основаны на земляхъ одного владѣльца, переселившагося также изъ вятской губ. (около 20 лѣтъ тому назадъ)—крестьянина уржумскаго уѣзда Морозова, нынѣ уфимскаго купца и собственника 50,000 десят. бывшихъ башкирскихъ земель. Морозовъ продаетъ

участки своихъ земель переселенцамъ съ разсрочкою уплаты условленной покупной суммы на 6 или на 8 лѣтъ. Въ настоящее время основалось уже въ дачахъ Морозова 20 починковъ и всѣ они населены почти исключительно вятскими крестьянами. Мы видѣли изъ этихъ починковъ 9. Всѣ они основаны не давно—въ послѣдніе 8—9 лѣтъ, нѣкоторые только еще устраиваются, а нѣкоторые представляютъ уже довольно большія селенія въ 40 и 50 дворовъ. Первымъ поселенцамъ въ своихъ дачахъ Морозовъ продавалъ землю по 8 и 12 руб. за десятину, а нынѣ спрашиваетъ уже по 22 руб. Земли эти куплены у башкиръ въ среднемъ выводѣ едва-ли дороже 2 руб. за десятину. Въ виду доброкачественности уфимскихъ земель, можно заключить, что переселенцы приобрѣтаютъ ихъ не дорого. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что они получаютъ за указанные цѣны земли вовсе не готовые къ земледѣльческой обработкѣ, покрытыя крупнымъ или мелкимъ растущимъ лѣсомъ и еще заваленныя по мѣстамъ сухимъ колодникомъ. Расчистка лѣса стоитъ переселенцамъ большихъ затратъ; вполне удовлетворительная оцѣнивается въ 25 р. за десятину. Такимъ образомъ каждая десятина пашни, считая покупку ея и расчистку, обходится переселенцу до 40 р. Это, при изобиліи въ уфимской губ. пустующихъ земель, вовсе не дешево. Конечно, расчищая лѣсъ, переселенцы получаютъ при этомъ много лѣсныхъ матеріаловъ. Но изъ этихъ матеріаловъ для нихъ имѣетъ цѣну собственно та часть, которая имъ нужна на усадебныя постройки, и даровое пользованіе строительнымъ матеріаломъ не составляетъ для переселенцевъ какой-либо вырочки, облегчающей покупку земли. Это только уменьшаетъ необходимую затрату на постройки. Весь остальной лѣсной матеріалъ, не идущій на собственные постройки переселенцевъ, по мѣстнымъ условіямъ, еще не имѣетъ цѣны и сбыта. Здѣсь можетъ имѣть хорошій сбытъ вырабатываемое изъ липовыхъ лѣсовъ мочало и переселенцы дѣйствительно имѣютъ значительныя заработки отъ выдѣлки и продажи мочала; мѣстныя озера завалены лубьями. Покупаютъ переселенцы земли у Морозова или единичными семьями, или товариществами изъ небольшого числа домохозяевъ. Товарищества образуются собственно для совместнаго жительства однимъ починкомъ и для совместнаго или общаго, но не общиннаго, владѣнія всѣми покупаемыми угодьями. Каждый отдѣльный покупатель земли и каждый членъ товарищества покупателей вступаетъ съ Морозовымъ въ сдѣлку на покупку опредѣленнаго числа десятинъ собственно на его хозяйство; но такія отдѣльныя сдѣлки записываются въ общій договоръ всего товарищества; въ общемъ пространствѣ покупаемые

участки земли бывают весьма различные — большія и богатые семьи покупаютъ земли больше, малыя и бѣдныя — меньше; каждый домохозяинъ договаривается о покупкѣ такого числа десятинъ, какое онъ считаетъ себя въ состояніи обработать и выкупить» (стр. 278—279). Практикуемый переселенцами способъ покупки земли товариществами указываетъ на то, что они вовсе не склонны къ уединенной жизни отдѣльными хуторами и къ подворному или участковому владѣнію землею. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе порядокъ владѣнія купленою землею, какой устанавливають у себя переселенцы. Каждый изъ нихъ покупаетъ извѣстное число десятинъ земли, большею частью неодинаковое съ тѣмъ, какое покупаютъ другіе переселенцы, его товарищи по основанію починка. Такимъ образомъ купленная всѣмъ починкомъ земля, составляющая одну площадь, ограничиваемая одною окружною межею, должна-бы быть немедленно раздѣлена переселенцами между собою на столько участковъ, сколько было въ товариществѣ покупателей-домохозяевъ. Переселенцы дѣйствительно и владѣютъ землею подворно, но не отдѣльными участками, а черезполосно: никто не требуетъ выдѣлить его пай изъ общаго владѣнія; подъ усадьбы избирается у нихъ одно общее для всѣхъ мѣсто и поля также заводятся общія. Каждый домохозяинъ починка, покупаетъ-ли онъ 100 десят. или 25, или еще менѣе, получаетъ въ свое владѣніе это число десятинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ: въ площади, отводимой подъ усадьбы, въ каждомъ изъ трехъ полей, въ лугахъ и въ запасной лѣсной площади. Но, разумѣется, во всѣхъ угодьяхъ каждый домохозяинъ получаетъ часть, соразмѣрную съ тѣмъ, насколько больше или насколько меньше другихъ выкупаетъ онъ земли у землевладѣльца.

Почва въ уфимскомъ краѣ превосходная. Здѣсь со свѣжей черноземной почвы вятскій переселенецъ въ первый разъ въ своей жизни снимаетъ такой урожай, о какомъ не могъ и мечтать въ своей старой деревнѣ: посѣвъ ржи даетъ ему до 100 и болѣе пудовъ съ десятины, посѣвъ гречихи до 200 пуд. съ десятины. Но при всемъ томъ большинство переселенцевъ далеко отъ той степени благосостоянія, какой достигли ихъ земляки на Алтаѣ. На Алтаѣ переселенцы получаютъ казенныя земли, въ уфимской губ. они покупаютъ изъ вторыхъ рукъ расхищенныя башкирскія земли. Допуская восьмилѣтнюю разсрочку въ платежъ выкупныхъ денегъ и довольствуясь на первый разъ небольшимъ денежнымъ задаткомъ отъ покупателей, землевладѣлецъ обязывается выдать имъ крѣпостной актъ на землю лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ совершенно исправны въ вы-

полненіи заключаемаго съ нимъ первоначальнаго договора. Дать новую отсрочку въ платежъ выкупныхъ денегъ вполнѣ зависить отъ воли землевладѣльца. А если на это не будетъ его согласія, то онъ можетъ выселить водворившихся на его земляхъ переселенцевъ и такимъ образомъ они лишатся выплаченныхъ ими задатковъ и всѣхъ плодовъ своего труда по разработкѣ занятыхъ ими угодій. Чтобы не подвергнуться такимъ послѣдствіямъ невыполненія договора, переселенцамъ нужно-бы, конечно, строго выполнять его. Но не всѣ они бываютъ въ состояніи выполнить принимаемыя на себя обязательства и притомъ не вполнѣ понимаютъ юридическую силу ихъ. Вятскіе переселенцы ищутъ большого простора для своего новаго хозяйства въ уфимской губ. и потому даже менѣе состоятельные изъ нихъ покупаютъ, по крайней мѣрѣ, по 15 десятинъ. Между тѣмъ, далеко не всякій можетъ выплатить въ восьмилѣтній срокъ всю покупную сумму, договоренную за эти 15 десятинъ. При цѣнѣ въ 17 руб. за десятину, подворный участокъ только въ 15 десят. стоитъ 255 руб. При восьмилѣтней разсрочкѣ платежа этой суммы въ каждый годъ приводится платить по 32 руб. Если въ старомъ мѣстѣ жительства переселенца всѣ подати и сборы составляли по 8 руб. съ души, то 32 р. въ годъ платилъ тотъ крестьянинъ, на семействѣ котораго лежало 4 подушныхъ оклада. А покупателями не болѣе 15 десят. являются обыкновенно въ уфимской губ. малосемейные крестьяне, за которыми на родинѣ числилось менѣе 4 платежныхъ душъ. Такимъ образомъ, переселенцамъ приводится начинать свое хозяйство съ сильно увеличенными денежными годовыми платежами. Между тѣмъ, какъ-бы не была ограничена платежная способность переселенцевъ, когда они жили своимъ старымъ хозяйствомъ на родинѣ, эта способность, послѣ труднаго переселенія въ довольно дальнюю мѣстность, временно у многихъ, можно сказать, совсѣмъ утрачивается, потому-что на новомъ мѣстѣ поселенія они сначала никакого хозяйства не имѣютъ. Очевидно, совершенно состоятельными къ покупкѣ земли въ уфимской губ. слѣдуетъ признать только тѣхъ переселенцевъ, которые имѣютъ деньги. Сами землевладѣльцы, продавцы земель переселенцамъ, приходятъ нынѣ къ убѣжденію, что большинство послѣднихъ можетъ выполнить предварительныя условія о покупкѣ земли лишь въ томъ случаѣ, если на новомъ мѣстѣ жительства съ самаго начала займется какимъ-нибудь промысломъ или производствомъ помимо устройства своего земледѣльческаго хозяйства. Главный промыселъ переселенцевъ на земляхъ Морозова составляетъ теперь выработка мочала и самъ землевладѣлецъ скупаетъ у нихъ этотъ

продуктъ для оптоваго сбыта. Мочальное производство даетъ переселенцамъ порядочныя средства для выкупа земли, но едва-ли эти средства могутъ у кого-нибудь оказаться совершенно достаточными для исправнаго выполненія принятыхъ срочныхъ денежныхъ обязательствъ предъ землевладѣльцами. Несостоятельныхъ должниковъ между переселенцами уже много и землевладѣльцы уже приводятъ въ исполненіе выговоренныя въ условіяхъ мѣры даже теперь, до истеченія восьмилѣтняго срока выкупа земли. Если, напр., переселенецъ, купившій 15 десят., успѣлъ выкупить только 3, то владѣлецъ отбираетъ у него остальные 12 и продаетъ ихъ кому угодно. «Читанныя нами, говорить г. Романовъ,—условія переселенцевъ о покупкѣ ими земли съ разсрочкою платежей предоставляютъ землевладѣльцу полную возможность возвратитъ въ свое владѣніе запроданную землю, если она въ условный срокъ не выкуплена, и при этомъ даже ничѣмъ не вознаградитъ переселенцевъ за труды и издержки по разработкѣ невыкупленной ими земли. Во всякомъ случаѣ, многимъ переселенцамъ въ уфимской губерніи предстоитъ сдѣлаться малоземельными крестьянами. Въмѣсто подворнаго участка въ 15—20 и болѣе десятинъ, какой они первоначально закупили, они успѣютъ выкупить въ 8 лѣтъ, напр., 3 десятины или еще менѣе. Въ одномъ видѣнномъ нами починкѣ по первоначальному условію съ землевладѣльцемъ, переселенцы купили въ общей сложности 1,000 десят., но не уплачиваютъ теперь и половины тѣхъ денегъ, какія съ нихъ слѣдуетъ за 1,000 десятинъ. Этотъ примѣръ показываетъ, что вовсе не меньшинство, не какая-нибудь малая часть переселенцевъ оказывается неисправною въ платежѣ выкупныхъ денегъ за землю. Намъ много и съ разныхъ сторонъ приводилось слышать въ уфимской губ., что въ послѣдніе два года тамъ очень значительная часть переселенцевъ почти не платятъ денегъ за купленную землю, будто-бы, въ той увѣренности, что земля будетъ имъ нарѣзана даромъ, отъ казны, такъ-какъ нынѣшніе землевладѣльцы неправильно захватили свои земельныя дачи отъ башкиръ» (стр. 289).

Въ этомъ дѣлѣ, при настоящей его обстановкѣ, переселенцамъ нечего рассчитывать на помощь земства. Земство мѣстности водворенія имѣетъ много собственныхъ нуждъ, чтобы помогать еще пришлымъ колонистамъ, земство-же мѣстностей выселенія не можетъ содѣйствовать выселеніямъ въ ихъ настоящей формѣ по одному уже тому, что, по крайней мѣрѣ, въ вятской губерніи, какъ мы видѣли, эти переселенія не только не улучшаютъ положенія оставшихся жителей, но даже до известной степени ухудшаютъ его. Между тѣмъ, съ другой стороны пере-

селенія, какъ внутри губерніи, такъ и за предѣлы ея, настоятельно необходимы, но многое нужно сдѣлать, чтобы они могли быть производительнѣе. Въ настоящее время всѣ крестьяне, имѣющіе за собою податныя недоимки и долги по продовольственнымъ ссудамъ, фактически не пользуются правомъ переселеній. Недоимки и долги крестьянъ составляютъ одно изъ главныхъ нынѣшнихъ стѣснительныхъ условій переселеній. Слѣдовательно, и одной изъ главныхъ законодательныхъ мѣръ, облегчающихъ возможность крестьянскихъ переселеній, должна быть отмѣна дѣйствующаго закона, по которому всякій крестьянинъ можетъ получить дозволеніе переселиться не прежде того, какъ уплатить всѣ состоящія за нимъ недоимки и долги. Прежній законъ о крестьянскихъ переселеніяхъ допускалъ сложеніе съ переселенцевъ всѣхъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ по государственнымъ податямъ. Теперь въ вятской губерніи по нѣкоторымъ уѣздамъ имѣются уже цѣлыя группы волостей, гдѣ большинство крестьянъ находится въ постоянныхъ недоимкахъ и, какъ показываютъ статистическія данныя, изъ этихъ волостей выселенія крестьянъ или очень слабы, или совсѣмъ незамѣтны. Мѣстныхъ пользы и нужды такихъ волостей требуютъ, чтобы все населеніе ихъ освободилось отъ недоимокъ, а не одни только тѣ крестьяне, которымъ будетъ предоставлена возможность переселиться въ другія мѣстности. Крестьяне, остающіеся на старомъ мѣстѣ жительства, невыгодныя условія котораго выразились уже накопленіемъ за нимъ долговъ и недоимокъ, нуждаются въ этомъ больше чѣмъ переселенцы, мѣняющіе нынѣшнія условія жизни на другія, лучшія (стр. 312—313). Сложеніе недоимокъ, уменьшеніе платежей, болѣе уравнительная раскладка налоговъ, все это, конечно, облегчить крестьянство, но не надолго, если земледѣліе останется въ прежнемъ положеніи. Смѣшно говорить о введеніи въ нашихъ убогихъ и невѣжественныхъ деревняхъ рациональнаго земледѣлія, но есть и другіе, болѣе простые способы для поправленія дѣла.

Г. Романовъ находитъ, что если-бы изъ деревень вятской губерніи выселилось такое число крестьянъ, что у оставшихся вслѣдствіе этого выселенія надѣлъ удвоился-бы и достигъ размѣра 12 десят., то положеніе края поправилось-бы. «Мы, говоритъ онъ,—вполнѣ признаемъ, что значительное увеличеніе душевыхъ надѣловъ у нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ вятской губерніи, бывшее результатомъ выселеній крестьянъ изъ этихъ обществъ, никакой замѣтной пользы не принесло, земледѣльческое хозяйство крестьянъ ни въ чемъ не измѣнилось и не сдѣлалось доходнѣе. Но доселѣ крестьянскія выселенія совершались не въ тѣхъ размѣрахъ и не при тѣхъ условіяхъ, какія мы пред-

полагаемъ въ будущемъ, при перемѣнѣ-же условій переселеній должны измѣниться и ихъ послѣдствія. Доселѣ выселенія крестьянъ совершались и совершаются безъ всякаго порядка, по личнымъ цѣлямъ и выгодамъ переселенцевъ, а не по какому-нибудь плану улучшения быта крестьянъ оставляемаго ими общества, и притомъ безъ всякихъ податныхъ льготъ этому обществу и пособій самимъ переселенцамъ. Мы подробно разсматривали послѣдствія выселеній крестьянъ за минувшія 20 лѣтъ, взявъ для примѣра одну изъ волостей уржумскаго уѣзда, въ которой убыло уже въ эти 20 лѣтъ 27% ревизскихъ душъ. Мы нашли, что въ означенной волости, вслѣдствіе выселеній, средній душевой земельный надѣлъ увеличился въ 20 лѣтъ на 37%, но за этотъ-же самый періодъ времени подушный окладъ съ крестьянъ постепенно увеличился почти на 52% того размѣра его, какой былъ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ. Общее заключеніе наше о нынѣшнемъ экономическомъ положеніи крестьянъ разсмотрѣнной волости состояло въ томъ, что крестьяне живутъ теперь еще хуже, чѣмъ 20 лѣтъ назадъ, когда средній земельный надѣлъ ихъ былъ приблизительно въ $\frac{3}{4}$ нынѣшняго. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ результаты выселеній были-бы другіе, если-бы, во-первыхъ, выселилось больше и средній душевой надѣлъ увеличился-бы не на 37%, а напр., вдвое или втрое, и во-вторыхъ, если-бы увеличеніе надѣловъ не сопровождалось увеличеніемъ подушнаго податнаго оклада, а послѣдній оставался-бы, по крайней мѣрѣ, въ прежнемъ размѣрѣ, какой былъ въ 1858 году» (стр. 314—315).

Такое увеличеніе надѣла и возобновленное переложное хозяйство сдѣлали-бы возможными дальнѣйшія улучшения въ крестьянскомъ бытѣ, и прежде всего—развитіе скотоводства и удобрения земли. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ экономическій бытъ крестьянъ пришелъ въ совершенный упадокъ, по мнѣнію г. Романова, «необходимо скорѣйшее выселеніе крестьянъ массами и на государственныя средства, потому-что иначе такихъ выселеній не можетъ состояться, а между тѣмъ они необходимы. Малыя выселенія, по личной инициативѣ крестьянъ и безъ пособій казны, въ такихъ мѣстностяхъ, какъ мы уже объясняли, существенной пользы не принесутъ. Большинство населенія этихъ мѣстностей будетъ оставаться при прежнихъ условіяхъ своего хозяйства и не выйдетъ изъ нынѣшней бѣдности, потому-что для этого требуется или совершенное измѣненіе системы хозяйства, или коренное измѣненіе тѣхъ условій, при какихъ практикуется нынѣшняя система» (стр. 332). Такія переселенія должны быть правильно организованы, должны быть пред-

варительно выяснены необходимые размѣры ихъ, какъ равно размѣры самыхъ пособій и число семействъ, которыя должны ими воспользоваться. Отъ правительства зависитъ давать согласіе или дозволеніе на выселеніе крестьянъ, отводить имъ земли подъ новыя поселенія и ассигновать суммы на вспомошествованіе несостоятельнымъ переселенцамъ. Но и мѣстное земство должно имѣть ближайшее участіе въ дѣлѣ переселенія крестьянъ своей губерніи. На земствѣ лежитъ долгъ ближайшаго знакомства съ нуждами крестьянскаго хозяйства въ своей мѣстности и земскія свѣденія по этому предмету должны послужить правительству основаніемъ распредѣленія казенныхъ пособій на переселенія крестьянъ сообразно потребностямъ каждой губерніи. Формированіе партій переселенцевъ, снаряженіе ихъ въ путь съ обезпеченными средствами и способами самаго путешествія и продовольствія во время его людей и скота,—вся эта хозяйственная сторона устройства переселеній можетъ быть предоставлена попеченію земства. Водвореніе переселенцевъ въ районъ дѣятельности какого-нибудь земства также должно быть предметомъ попеченія этого земства.

Всѣ эти практическія предположенія и указанія хотя относятся къ вятской губерніи, но многія изъ нихъ приложимы и ко всей Россіи, какъ, напр., вопросъ объ организаціи переселеній, объ участіи въ нихъ правительства и земства. Всѣ сознаютъ, что не сегодня—завтра переселенія неизбежно должны сдѣлаться свободными, но не многіе понимаютъ, что этой свободы еще далеко недостаточно для разумнаго и производительнаго расселенія народа. По настоящему въ каждой губерніи необходимо сдѣлать такое-же серьезное изслѣдованіе о крестьянскихъ переселеніяхъ, какое сдѣлалъ для вятской губ. г. Романовъ, а между тѣмъ земства даже и не заикаются о такихъ изслѣдованіяхъ. Далѣе необходимы тщательныя топографическія изслѣдованія тѣхъ мѣстностей, въ которыя будутъ направляться потоки колонизаціи, а то при нынѣшней обстановкѣ дѣла переселенцы сплошь и рядомъ попадаютъ изъ огня въ полымя. На Амурѣ имъ часто отводились такія земли, что въ теченіе 20—30 лѣтъ имъ приходилось по нѣскольку разъ бросать ихъ и перебираться на новыя мѣста, часто за сотни верстъ. Въ оренбургскомъ краѣ и въ Черноморьѣ нерѣдко селятся на пустыхъ земляхъ, воздѣлываютъ и обстраиваютъ ихъ, а потомъ оказывается, что эти земли чужія, собственники ихъ сгоняютъ колонистовъ или заставляютъ ихъ платить аренду и т. д. Вотъ, напр., что писали недавно изъ сосницкаго уѣзда, черниговской губ.: «по Перелюбской волости распространился слухъ, будто-бы

правительство приглашаетъ крестьянъ на переселеніе въ Амурскую и Карскую области. Пройдохи изъ отставныхъ волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ дѣлають списки желающимъ крестьянамъ переселиться на такъ-называемую «степь»; при внесеніи въ списки взимается съ крестьянъ плата отъ 1 до 5 руб. въ пользу писарей и руководителей (ходатаевъ), которые изъ за своей наживы и совѣтуютъ крестьянамъ записываться въ «степныя списки». Крестьяне, записавшіеся въ списки, въ виду надежды на переселеніе, продають свое имущество, какъ-то: озимые на поляхъ посѣвы, постройки, дома, скоть и одежду. Этому весьма рады кулаки и евреи которые покупають все, что можно, за $\frac{1}{20}$ часть противъ дѣйствительной стоимости. Случается, что крестьянинъ, записавшійся въ «степь», въ виду будущихъ благъ предается пьянству и ничего не дѣлаетъ, а весною, не получая никакихъ вѣстей про степь, раззорившись хозяйствомъ и отставъ отъ работъ по необходимости отправляется уже не на переселенія, а по семейному паспорту на заработки. По прибытіи крестьянина съ семействомъ въ «степь» (таврической и самарской губ.), жена и дѣти переселенца для пропитанія просятъ милостыню. Раззорившись до крайности, несчастное семейство возвращается въ свое село, гдѣ у него уже нѣтъ ни вода, ни двора. Съ 1870 года, въ Перелюбской волости, а въ особенности въ с. Перелюбъ, чрезъ каждые два года дѣлаются «степныя списки», отправляются уполномоченные (ходатаи), расходуютъ крестьянскія деньги, добытыя чрезъ залогъ жиду послѣдней одежды и пр., но ни одного еще раза уполномоченные эти ничего не приносили, а взятыя ими до 600 руб. деньги пропали» («Новое Время», № 1,847). Чтобы организовать переселеніе, какъ слѣдуетъ, необходимо изучить организацію его въ Австраліи и Америкѣ и это изученіе будетъ въ тысячу разъ полезнѣе произведеннаго недавно г. Орбинскимъ изслѣдованія американской хлѣбной торговли, имѣющаго значеніе лишь для комерсантовъ. Безъ этихъ-же предварительныхъ работъ народу придется, какъ въ старину, «брести врознь» на удачу и терять въ безтолковомъ шатаніи свои послѣдніе «животишки».

С. Шашковъ.

ЗАМѢТКИ ЗЕМЦА.

О ЗЕМСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ И ЗЕМСКИХЪ ПРИЕМАХЪ.

VI.

Подвигъ продовольствія и подвигъ страхованія.

Земства такъ безконечно небрежно относятся къ голоду, такъ мало знакомятся съ нуждой, такъ легкомысленно довольствуются выдуманными фактами, что публика не получаетъ никакихъ положительныхъ свѣденій о страданіяхъ нуждающихся. Пересмотрите земскія изданія сколько вамъ угодно, вы не получите свѣденій даже для того, чтобы сдѣлать первый шагъ, чтобы отдѣлить нуждающихся въ безвозмездной помощи отъ тѣхъ, которые могутъ довольствоваться ссудой. Между тѣмъ эти же земства не рѣдко обнаруживаютъ склонность отягощать участь голодающихъ и погибающихъ, вымогая у нихъ деспотическими мѣрами средства для помощи какимъ-то другимъ неизвѣстнымъ, воображаемымъ, можетъ быть, фантазіей изобрѣтеннымъ бѣднякамъ. Муромское земство, напр., въ 1877 г. испугалось недоимки въ 35,666 четвертей, хотя она сравнительно съ другими была вовсе не велика и, дѣйствительно, строгими мѣрами къ 15-му января 1878 г. уменьшило ее на 6,775 четв.; но зато же этимъ такъ разорила крестьянъ, что вслѣдъ затѣмъ вынуждено было выдать въ ссуду 13,599 четв., и этого оказалось слишкомъ мало, хлѣбъ разбирался самовольно и обнаружена такая разборка въ 979 четв. ²⁾ Смоленскія земства, наваливъ на крестьянъ про-

²⁾ Владимірскій земскій сборникъ 1879 г., № 3-й, мартъ, стр. 163, къ 15 августа 1877 г. было недоимки 35,666 четв., къ 15 января 1878 г. 28,871 четв., затѣмъ выдано въ ссуду 10,154 четв. озимаго и 3,445 четв. яроваго, къ 15 августу 1878 г. недоимка была уже 42,542 четверти, болѣе противъ прошлаго года на 6,876 четв., что и явилось окончательнымъ результатомъ строгихъ мѣръ.

довольственный долгъ въ 1.875,814 р., начали требовать чрезвычайныхъ, деспотическихъ мѣръ для взысканія какъ долга, такъ и процентовъ. Ростовское земство ходатайствовало о дозволеніи ему отдавать крестьянъ въ работу, дорогобужское даже для понужденія крестьянъ къ засыпкѣ запасного хлѣба находило свою власть недостаточной и требовало чрезвычайныхъ полномочій, и это въ то время, какъ по губерніи показывались урожаи въ самъ 2 и 2½ ¹⁾. Въ псковскомъ и другихъ уѣздахъ губерніи голодъ, закупается хлѣбъ, чтобы дать хлѣботорговцамъ возможность сбывать свой бракъ и въ то-же время напираютъ на взысканіе продовольственныхъ недоимокъ ²⁾, предписывается неупустительно пополнять хлѣбные магазины. Бывали случаи, что земство придумывало допечь судомъ раззоренныхъ крестьянъ, изъ которыхъ администрація никакъ не могла выжать продовольственного долга ³⁾. Въ калужской губерніи продовольственная недоимка составляетъ 423,558 четв. и взыскивается хлѣбъ, который данъ былъ для продовольствія чуть не предкамъ существующихъ хозяевъ въ 1867 г. и даже въ 1864 году ⁴⁾; ревность земства при взысканіи этихъ недоимокъ такъ велика, что оно ни подъ какимъ видомъ не соглашается слагать старья недоимки и недоплаченные проценты по прежнимъ долгамъ. Мало этого, оно сопротивляется даже разсрочкѣ платежей. Въ оправданіе своего образа дѣйствія оно утверждаетъ, что малѣйшее послабленіе вызоветъ массу ходатайствъ и произведетъ безпорядки, съ которыми земству не справиться. Можетъ быть, оно совершенно право въ своихъ предположеніяхъ, потому-что оно сдумало сдѣлать изъ народнаго продовольствія мѣру въ высокой степени непопулярную среди населенія. Губернаторамъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, когда навалены были на населеніе неоплатные продовольственные долги, приходилось бо-

¹⁾ Журналы XV очереднаго смоленск. губернс. земскаго собранія, засѣданіе съ 8 по 21 января 1880 г., стр. 152, 154, 320, 415.

²⁾ Доклады псковской губернской земской управы и постановленіе губернс. земск. собранія въ XV очередной сѣздъ 7—19 декабря 1879 г. Псковъ, 1880, стр. 27, 29, 30, 31, 33, 35, 37 и 38.

³⁾ Журналы ростовскаго уѣзднаго собранія очередная сессія 1879 г., Ярославль, 1880, стр. 3, постановленіе объ обращеніи къ судебной власти по продовольственной недоимкѣ съ селеній Угодичъ, Утенино, Тряслово и Ворбылово, всего 6,131 р.

⁴⁾ Въ видѣ другого примѣра укажу на дорогобужское земство смоленской губерніи, которое въ 1876 г. постановило о неотложномъ взысканіи продовольственныхъ недоимокъ 1868 и 1869 гг. Земскій Ежегодникъ за 1876 г., С.-Петербургъ, 1878, стр. 429.

роться и противъ тяжкихъ, выходящихъ за предѣлы закона поборовъ въ пользу продовольствія; доходило до того, что даже министру внутр. дѣлъ приходилось вмѣшиваться и побуждать земство возвращать обществамъ незаконно наложенное на нихъ ¹⁾. Подобная-же исторія незаконнаго обремененія крестьянъ поборами въ пользу продовольственнаго капитала съ одновременнымъ отказомъ въ пособіи бѣднякамъ, повторилась воронежскими земствами. Съ 1867 года воронежское земство обложило крестьянъ подушнымъ сборомъ для составленія продовольственнаго капитала въ 1.200,000 руб. Министръ внутр. дѣлъ возразилъ земству, что подобный налогъ будетъ законнымъ только тогда, когда онъ будетъ взятъ со всѣхъ предметовъ земскаго обложенія. Такимъ образомъ, онъ стремился создать правильное и нормальное обложеніе населенія въ пользу бѣдствующихъ; но воронежское земство было не таково, чтобы вкlynуть на эту удочку. 4 декабря 1868 г. оно постановило взимать налогъ съ душеваго надѣла, безъ отношенія къ размѣру надѣловъ, и этимъ достигло прежней своей цѣли—установило такую-же подушную подать, но только подъ другимъ названіемъ. Въ теченіи семи лѣтъ налогъ взимался годъ за годомъ и бѣдствующіе не получали изъ него необходимаго имъ вспоможенія, пока снова не вступился министръ внутр. дѣлъ ²⁾; онъ нашолъ, что капиталъ этотъ собранъ съ однихъ крестьянъ, а потому не можетъ считаться земскимъ капиталомъ и долженъ быть распределенъ между обществами, участвовавшими къ его составленію. Земство было, однако-же, слишкомъ упрямо, чтобы уступить министру, оно не роздало денегъ обществамъ въ отчетное распоряженіе, оставило его въ безотчетномъ своемъ произволѣ и вся его уступка министру заключалась лишь въ одномъ названіи; оно назвало его не просто земскимъ, а земскимъ продовольственнымъ капита-

¹⁾ Журналы чрезвычайнаго калужскаго земскаго собранія 11—13 іюня 1879 года. Калуга, 1880, стр. 58, 71. Журналы XV очереднаго калужскаго земскаго собранія 11—22 января 1880 года. Калуга, 1880, стр. 59. Журналы XIII очереднаго калужскаго губернскаго земскаго собранія съ 23 января по 6 февраля 1878 года. Калуга, 1878, стр. 35, 100.

²⁾ Другой такой-же примѣръ представляетъ калязинское земство тверской губерніи, которое сначала задумало завести запашку для составленія капитала въ пять милліоновъ и только по настоянію волостныхъ старшинъ замѣнило эту новую барщину въ пользу своего фантазерства сборомъ, котораго расходование могло начаться не ранѣе образованія капитала въ 5 милліоновъ, т. е. черезъ два поколѣнія. Затѣя земства разбилась о протестъ губернатора и сопротивленіе сельскихъ гласныхъ. Земскій ежегодникъ за 1876 годъ. С.-Петербургъ, 1878, стр. 433.

домъ 1). Только въ 1879 г., какъ-бы почувствовавъ угрызение совѣсти, оно рѣшилось дать управѣ полномочіе расходовать до 15% на продовольствіе изъ составленнаго капитала, а сборъ прекратить 2).

Въ земскихъ изданіяхъ слишкомъ часто наталкиваешься на стремленіе къ усиленію наказаній крестьянъ, завѣдывающихъ продовольственной частью, между тѣмъ какъ слабость нѣкоторыхъ наказаній едва-ли не лучшее, что мы видѣли во всей продовольственной организаціи, потому-что они ограждали самостоятельность обществъ; кромѣ того, можно сказать, что эти законы давали скорѣе слишкомъ много, а не слишкомъ мало вліянія земству. Такъ, напр., изъ отчета чернской земской управы тульской губерніи видно, что достаточно было нѣсколькихъ приговоровъ мировыхъ судей, чтобы прекратить самовольный раз-

1) Журналы воронежскаго губернскаго земскаго собранія съ 15 по 31 января 1877 г. Воронежъ, 1877, стр. 87.

2) Журналы воронежск. губернскаго земск. собранія съ 5 по 21 декабря 1879 года. Воронежъ, 1880, стр. 9, 10, 42, 46. Легкомысленная инстинктивность воронежскаго земства въ дѣйствіяхъ по продовольствію даетъ намъ возможность воспроизвести на его примѣрѣ всѣ поразительныя несообразности, какъ въ фокусѣ. Таблица урожая доводитъ до крайнихъ предѣловъ детальности, напр., весь урожай озимаго по губерніи 2.087,887 чет. 2 чет. 4 гарн., выходитъ недостатокъ хлѣба по губерніи: озимаго 1 892,508 чет., яроваго 1.293,558 чет., цифры далеко оставляющія за собою позади екатеринославскія 2.221,455 р. и саратовскіе 563,829 р. и рядомъ съ этими мѣры самыя заурядныя. Павловскій уѣздъ показываетъ и на озимое и на яровое урожай самъ 1, голодъ, отъ котораго волосы становятся дыбомъ, недостатокъ хлѣба въ 260,267 чет. и не требуетъ никакой помощи; бирюченскій показываетъ не менѣе ужасный голодъ въ формѣ урожая на озимое и яровое въ самъ 1½ и отказывается отъ ссуды. Изъ всѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ урожай показывался самъ 2½ и ниже, только половина потребовала ссуды. Если критически разсмотрѣть ихъ показанія, то выходятъ несообразности въ родѣ слѣдующихъ: валуйскій и богучарскій уѣзды при населеніи въ 420,665 чел. находятъ, что уѣзду нужно для полнаго обезпеченія производить всего 339,058 чет. ржи, а бобровскій, при населеніи въ 212,628 чел., требуетъ для того-же 818,050 чет. Этотъ-же уѣздъ, при такомъ требованіи и при пространствѣ въ 8,175 кв. верстъ высѣваетъ всего 81,814 чет., а воронежскій, при требованіи только въ 394,392 чет., при населеніи только въ 188,674 ж. и при пространствѣ въ 4641 верстувъ сѣваетъ 89,661 четверть. Коротоякскій уѣздъ, имѣя 140,554 ж. и 3,266 к. в. пространства, высѣваетъ 70,700 чет. и требуетъ 314,110 чет., а острогожскій при населеніи въ 217,995 ж. и при пространствѣ въ 7,097 к. в. высѣваетъ тоже только 70,049 чет. и требуетъ только 290,506 ч. Тоже и относительно яроваго: бобровскій уѣздъ, при населеніи 212,628 чел., пространства въ 8,175 к. в. и требованіи на яровое въ 948,438 чет. высѣваетъ 105,739 чет., а коротоякскій при населеніи въ 140,554 ж. и 3,266 к. в. и требованіи въ 238,355 чет. высѣваетъ 116,500 чет. Однимъ словомъ—все сплошь безобразный вздоръ. Журналы воронежск. губернскаго земск. собранія съ 15 по 31 января 1877 г. Воронежъ, 1877, стр. 223.

боръ хлѣба ¹⁾. Вовсе не желательно, чтобы земству было слишкомъ легко прекращать самовольную раздачу хлѣба. Земства, не имѣя, какъ мы видѣли, ни малѣйшаго понятія о размѣрахъ нужды въ народѣ и именно вслѣдствіе этого отказываясь облагать въ пользу бѣдствующихъ предметы земскаго сбора, стали, такимъ образомъ, въ положеніе лицъ, распоряжающихся чужимъ, не принадлежащимъ имъ имуществомъ, въ правильномъ и полезномъ употребленіи котораго они окончательно никакого интереса не имѣютъ. Поэтому всѣ ихъ распорядженія носятъ на себѣ характеръ капризовъ и причудъ и проявленіе добросовѣстности приводитъ къ стремленію охранять запасы, мѣшать по возможности ихъ расходованію, а это опять-таки худо. Запасы эти только тогда и полезны, когда они расходуются; земская-же скарденность приводитъ ихъ къ уничтоженію безъ пользы для кого-бы то ни было ²⁾.

Земствамъ иногда по капризу случается вдругъ найти ссуды лишними; такъ вздумалось поступить полтавскому земству. Въ 1867 году оно получило продовольственнаго капитала 374,000 р., увеличило его до 591,079 р., а въ ссудѣ у нуждающихся было всего 5,152 р. Въ 1879 г. изъ общественныхъ магазиновъ дозволено было выдать только 3,777 четвертей, а изъ капитала вовсе ссудъ не выдавали ³⁾, хотя цѣна муки въ 1879 г. противъ 1878 г. возрасла съ 4 р. 80 к. на 8 р. 51 к., а ржи съ 3 р. 46 к. на 6 р. 97 к. Запуганные общества не рѣшаются просить ссудъ, хлѣбъ лежитъ по десяти лѣтъ и болѣе и обращается въ нигуда негодную гниль. Самовольная раздача хлѣба для обществъ представляется иногда единственнымъ средствомъ, чтобы побудить земство обратить вниманіе на ихъ нужду. Даже и это средство не всегда дѣйствуетъ. Старобѣльское земство собиралось начать 14 уголовныхъ дѣлъ о самовольной разборкѣ хлѣба изъ магазиновъ, населеніе вло желуди за неимѣніемъ хлѣба и все-таки въ ссудѣ ему отказывали ⁴⁾.

Все это показываетъ, что продовольственная часть на-

¹⁾ Отчетъ чернской уѣздной земской управы съ конца сентября 1872 г. по июль 1873 года. Тула, 1873, стр. 22.

²⁾ Печалень, напр., опытъ старооскольскаго земства, курской губ., гдѣ въ магазинахъ большинство хлѣба сгнило и общества отказывались отъ ссудъ хлѣбомъ, заготовленнымъ земствомъ. Земскій ежегодникъ за 1876 годъ. С.-Петербургъ, 1878, стр. 404.

³⁾ Отчетъ полтавской губернской земской управы за 1879 годъ. Полтава, 1880, стр. 40, 45, 48.

⁴⁾ Земскій ежегодникъ за 1876 годъ, стр. 439.

ходитъ у насъ въ безвыходно жалкомъ положеніи ¹⁾; между тѣмъ это дѣло со дня на день пріобрѣтаетъ все большую первостепенную важность. Стоитъ вспомнить только, какой хаосъ въ нашей производительности создалъ упадокъ нашего рубля. Цѣны стали подниматься и колебаться съ такой беспредѣльной беспорядочностью, что въ этой мутной водѣ никто ничего не можетъ разобрать, ни какая предусмотрительность, никакое трудолюбіе, никакая основательность и расчетливость не въ силахъ спасать бѣдняковъ отъ раззоренія, разстройства своего хозяйства и голода. Правительство совершенно основательно увеличило ссуды нуждающимся до такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ все предшествовавшее; вы видите разницы громадныя, одна губернія получаетъ 50,000 р., другая, будто-бы, до четырехъ милліоновъ, а между тѣмъ все это рѣшается однимъ торгомъ, смѣлостью требованія, трескотней въ печати, безъ всякаго изслѣдованія, даже такого, которое-бы имѣло хотя низкую степень достовѣрности. Существуютъ причины думать, что самая тяжкая нужда встрѣчается именно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя получили всего менѣе и даже ничего не получили. Нѣтъ дѣла, организація котораго требовала-бы большаго вниманія со стороны общества, какъ помощь нуждающимся. Въ Ирландіи и Индіи громадныя деньги, которыя не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ нашей скудной лептой, исчезали неизвѣстно въ какихъ карманахъ, или, какъ выражается одинъ выдающійся англійскій писатель, не могли сойтись съ бѣднягами въ то время, когда цѣлыя семейства на повалъ умирали отъ голоду. Тамъ это была хотя безвозмездная помощь, а мы обременяемъ наше бѣднѣйшее населеніе долгами. Если ссуды не будутъ выдаваться деньгами, прямо на руки нуждающимся ²⁾, а будетъ заготовляться для нихъ хлѣбъ, хозяйственно или подрядомъ, то мы съ

¹⁾ Куда не хватись—вездѣ вы встрѣчаете одну небрежность и лживость. Нижегородскому земству вздумалось повѣрить цифры запасовъ, оказавшись, что нѣкоторые магазины были совершенно пусты, у нѣкоторыхъ обществъ не нашлось не только хлѣба, но даже самихъ магазиновъ, оказался хлѣбъ, лежавшій болѣе 25 лѣтъ и т. п. Земскій ежегодникъ за 1876 годъ. С.-Петербургъ, 1878, стр. 408.

²⁾ Земства дѣлаютъ геройскія усилія, чтобы удерживать продовольственныя денежки въ своихъ рукахъ. Интересенъ и забавенъ докладъ пермской земской управы, въ которомъ она уклонялась отъ распоряженія сената о передачѣ обществамъ продовольственныхъ капиталовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что деньги въ ихъ рукахъ не крѣпко держатся; а гдѣ и какое общество расточило сколько денегъ, сколько пермское земство по сибирскому тракту? Сборникъ пермск. земства, издаваемый пермскою губернскою земскою управою за 1880, кн. V—VI. Пермь, 1880, стр. 101.

одной стороны дадимъ необузданные размѣры страсти къ безсовѣстной спекуляціи, а съ другой ввергнемъ въ бездну неоплатныхъ долговъ бѣднѣйшихъ и раззоренныхъ людей.

Безотрадное положеніе продовольственной части далеко нельзя приписать однимъ земцамъ; не малая доля бѣды произошла отъ того, что самое земское учрежденіе было начертано неопытной рукой. Всякому знающему дѣло бросится въ глаза странность идеи создать мѣстное самоуправленіе не позаботившись о томъ, чтобы существовала свободная мѣстная пресса. Какъ-бы, кажется, не знать, что тамъ, гдѣ нѣтъ прессы, можно создать только самоуправство, а не самоуправленіе. И такъ на каждомъ шагѣ. Такъ-же странна мысль отдать въ руки земства хозяйственное распоряженіе народнымъ образованіемъ, здравіемъ и т. д. и удержать у себя административное (п. VII, ст. 2). Это дѣйствительно удавалось въ прежнемъ городскомъ и сельскомъ управленіи, но удавалось только потому, что это управленіе было въ полномъ подчиненіи у администраціи и вовсе не было самоуправленіемъ; чиновникъ значилъ все, а избиратели ничего, да они и не стремились что-нибудь значить. Предоставьте въ правительствѣ хозяйственную часть одному независимому органу, а управленіе другому—что выйдетъ? Хозяйственный органъ поглотитъ и подчинитъ себѣ управленіе. Въ мѣстномъ самоуправленіи этого выйти не можетъ; но за то-же неизбѣжно-безконечное треніе, съ которымъ успѣшный ходъ дѣла несомнѣтеленъ, что и оказалось на практикѣ. Не зная, какъ приняться за то, чтобы создать единство между государственной администраціей и самостоятельнымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, придумали съ одной стороны пульверизировать самоуправленіе, создать множество самоуправляющихся единицъ, въ формѣ волостей, городовъ и земства, безъ всякой интимной зависимости и органической связи, и рядомъ съ ними и надъ ними поставить плотно организованную бюрократію. Создавая подобный механизмъ инстинктивно чувствовали, что при такой организаціи губерніи хаосъ противорѣчій и несогласимаго тренія ¹⁾ будетъ

---

¹⁾ Между взглядами сельскихъ обществъ и земства существуетъ по причинѣ этой пульверизаціи радикальное противорѣчіе и борьба изъ-за власти. По отношенію къ продовольствію оно обнаруживается, напр., тѣмъ, что, по мнѣнію сельскихъ обществъ наиболѣе достигающій своей цѣли и самый популярный магазинъ тотъ, который служитъ хранилищемъ посѣва и изъ котораго при посѣвѣ весь хлѣбъ разбирается; тогда всѣ видятъ въ немъ пользу и всѣ ему сочувствуютъ. Земства-же ужасаются этого обычая, ржевское земство говоритъ, что такой обычай есть признакъ слабого надзора и требуетъ сосредоточеніе хлѣба въ волости, гдѣ-бы земство имѣло болѣе вліянія. Земскій Ежегодникъ за 1876 г.,

неизбѣженъ; легко можетъ случиться, что машина окажется даже вовсе неспособною къ отправленію своихъ функцій, и чтобы предупредить такой печальный исходъ, старались дать въ земствѣ преобладающее значеніе непопулярному меньшинству крупныхъ землевладѣльцевъ. Справедливо надѣялись, что порождая такую искусственную, неимѣющую корней въ народъ, силу, принудятъ ее, вслѣдствіе ея неестественнаго положенія искать опоры въ администраціи и сдѣлаютъ земство покладливымъ посредствомъ искусственнаго большинства. Удовлетвориться такимъ политическимъ разчетомъ могъ только самый поверхностный умъ, до того поверхностный, что онъ способенъ забыть, что, употребляя такую смазку для колесъ своей машины, онъ вызываетъ въ общественной жизни бездну противорѣчивыхъ стремленій, искусственно-раздутаго и неудовлетвореннаго властолюбія, возрождаетъ во всѣхъ неудовольствіе и состояніе безпокойства, которое не имѣетъ естественнаго исхода. Если-бы авторы отличались большею опытностью, то имъ не трудно было-бы замѣтить, что они создаютъ опасную ненормальность уже по тѣмъ искусственнымъ приемамъ, къ которымъ они должны были прибѣгать, чтобы оградить населеніе отъ притѣсненій и злоупотребленій земства, защитить народъ противъ того, что называлось его собственнымъ самоуправленіемъ, охранить его отъ самого себя.

Такое охраненіе неизбежно должно было потерпѣть полнѣйшую неудачу. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ законъ, воспреещающій земству распоряженія въ пользу одного сословія. При составѣ земскихъ собраній, гдѣ въ такой степени преобладали крупные землевладѣльцы, разумѣется, нужно было ожидать, что весь характеръ земской дѣятельности будетъ носить на себѣ типъ распоряженій въ пользу одного сословія. Но создавъ для него такой составъ, полагать, что возможно предупредить земское пристрастіе закономъ, воспреещающимъ распоряженія въ пользу одного сословія—признакъ слишкомъ большой неопытности и теоретичности. Сверхъ того, и само положеніе нарушило этотъ принципъ; оно организовало народное продовольствіе такимъ образомъ, что дало въ распоряженіе земства дѣло одного сословія и даже такого, которое въ земствѣ было въ меньшинствѣ. Запутываясь въ этихъ сѣтяхъ, сочинитель устава опять, таки старался выпутаться, создавая для земства капиталы, которые оно не могло отвлекать отъ своего назначенія. Между тѣмъ

стр. 434. Взглядъ земства, въ свою очередь, антипатиченъ сельскимъ обществамъ.

и это привело только къ беспорядку и хаосу въ земскомъ хозяйствѣ. Въ пермскомъ земствѣ оказывается тринадцать отдѣльныхъ капиталовъ ¹⁾, въ казанскомъ было одинадцать. Земства запутываются въ этомъ множествѣ отдѣльныхъ суммъ, которыя они сами себѣ и другимъ даютъ въ займы за проценты. Гласный сбивается съ толку, рѣшительно не зная, считать - ли ему свое земство богачемъ или банкротомъ. Пермскій, земецъ разумѣется, можетъ ликовать насчитавъ у своего земства капиталовъ 2.172,649 р., казанскій насчитавъ 1.340,371 р. и одного капитала общественнаго призрѣнія 507,156 р.; но и тотъ и другой опуститъ носъ, если первый узнаетъ, что крупнѣйшій изъ пермскихъ капиталовъ, запасный въ 754,380 р., весь размотанъ и осталось на лицо только 26,221 р.; а второй, что по общественному призрѣнію съ 1870 по 1874 г. доходъ уменьшился съ 102,678 р. на 50,979 р., а расходъ увеличился съ 67,497 р. до 83,214 р. ²⁾. Перечень этихъ капиталовъ показываетъ только читателю, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ земства обязаны въ противность закону и по требованію того - же закона брать на себя распоряженіе потребностями отдѣльныхъ сословій и общественныхъ группъ.

Создавая всѣ эти хитросплетенія, составители упустили изъ виду главное, что самоуправленіе, какое-бы то ни было, мѣстное-ли, центральное-ли создается прежде всего для того, чтобы усилить государство чрезъ порожденіе гармоніи между стремленіями отдѣльной личности, общества и потребностями государ-

---

1) Сборникъ пермскаго земства, издаваемый пермскою губернскою земскою управою 1880 г., книжка IV. Пермь, 1880, стр. 11. Вотъ они: 1) губернский земскій запасный капиталъ 754,380 р., 2) страховой капиталъ 205,209 р., 3) капиталъ распланированія селеній 183,395 р., 4) капиталъ на улучшеніе пожарной части 100,214 р., 5) капиталъ для пресѣненія пожаровъ 93,361 р., 6) капиталъ на воспитаніе сиротъ 40,274 р., 7) продовольственный капиталъ 596,991 р., 8) капиталъ продовольствія горнозаводскихъ мастеровыхъ 116,951 р., 9) банкирскій продовольственный капиталъ 14,198 р., 10) капиталъ на улучшеніе скотоводства 46,855 р., 11) капиталъ богоугодныхъ заведеній 17,463 р., 12) капиталъ на пособіе бѣднымъ дворянамъ 3,327 р., 13) капиталъ на устройство сельскихъ швель 31 р.

2) Постановленія II очереднаго казанскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшіяся въ засѣданіяхъ его съ 3 по 22 декабря 1875 года. Казань, 1876, стр. 340, 400. Въ суммахъ казанскаго земства показывались слѣдующіе капиталы: 1) губернский капиталъ 30,999 р., 2) пенсіонный капиталъ 1,829 р., 3) капиталъ сбора безсрочно - отпусковыхъ 61,789 р., 4) страховой обязательный 300,733 р., 5) страховой добровольный 9,193 р., 6) капиталъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 27,927 р., 7) продовольственный капиталъ 236,788 р., 8) капиталъ общественнаго призрѣнія 507,156 р., 9) частный благотворительный капиталъ 66,662 р., 10) капиталъ мѣстъ заключенія 37,743 р., 11) капиталъ государственныхъ крестьянъ-стипендіатовъ 31,461 р.

ственного управленія. Пульверизація ¹⁾, противопоставленіе другъ другу единиц самоуправленія, усиленіе вліянія меньшинства надъ большинствомъ, размноженіе различныхъ ограниченій, всё эти порожденія принципа: «раздѣляй и управляй», не только не ведутъ къ этой цѣли, но распложая и обостряя общественныя противоположности, дѣлаютъ развитіе въ этомъ направленіи невозможнымъ. Въ бюрократическомъ государствѣ можно направить общественную жизнь къ вышеупомянутой цѣли только однимъ путемъ, который, повидимому, нашимъ администраторамъ совершенно неизвѣстенъ. Достигшій высшаго положенія въ самоуправленіи долженъ затѣмъ получать дальнѣйшее повышеніе отъ правительства переходя въ составъ бюрократіи. Человѣкъ, который умѣлъ достигнуть популярности, доказанной его избраніемъ и въ то-же время такъ хорошо понимаетъ требованія государственнаго управленія, что можетъ путемъ повышенія войти въ ряды бюрократіи, доказываетъ этимъ, что онъ обладаетъ государственнымъ умомъ и вполне заслуживаетъ поощренія. Этимъ и только этимъ путемъ можно создать между администраціею, самоуправленіемъ и его руководителями ту наклонность къ взаимному сближенію, которая въ окончательномъ результатѣ приводитъ къ тому, что личность все болѣе проникается цѣлями государства, а государство все съ большимъ вниманіемъ относится къ потребностямъ личности. При современномъ типѣ мѣстныхъ учрежденій противъ свободы мѣстной прессы возникаютъ все новыя возраженія. Администрація, независимая отъ гражданъ, противопоставленная имъ и ничѣмъ не слитая съ ними, можетъ встрѣтить въ популярной прессѣ только одну оппозицію, а отнюдь не поддержку, того - же могутъ ждать и пульверизированныя и искусственно натянутыя власти по выбору меньшинства. Если-же выборъ будетъ предоставленъ всеобщей подачѣ голосовъ безъ всякихъ средневѣковыхъ ухищреній и лица, съумѣвшіе расположить къ себѣ и мѣстное населеніе и правительство будутъ переходить въ высшіе ряды администраціи,

---

¹⁾ Публика имѣетъ объ этой пульверизаціи самое недостаточное понятіе; не говоря уже объ отсутствіи органической связи между земствами, городскими, волостными и сельскими управленіями, самыя сельскія общины пульверизированы. Въ рязанской губерніи, напр., спасоленниковская волость заключаетъ въ себѣ 40 обществъ административныхъ, 35 страховыхъ, 52 продовольственныхъ, 41 земское, 49 сельскихъ; рыбновская 38 административныхъ, 41 поземельное, 34 страховыхъ, 37 продовольственныхъ. Доклады членовъ рязанской губернской земской управы о ревизіи уѣздовъ: рязанскаго, касимовскаго, михайловскаго и раненбургскаго 1876 г. Москва, 1878, стр. 38, 71.

тогда будетъ совсѣмъ другое,—популярная пресса будетъ поддерживать любимцевъ и избранниковъ народа.

Другое учрежденіе для вспомошествованія бѣдныхъ, для обезпеченія народа отъ раззоренія составляетъ страхование. Но и оно поставлено на ту-же ногу, какъ продовольствіе, и тутъ земство распоряжается чужимъ дѣломъ, въ хорошемъ исходѣ котораго оно никакого интереса не имѣетъ—дѣломъ одного сословія. Въ формѣ обязательнаго страхованія земство налагаетъ подать на сословіе крестьянъ, а распоряжаются дѣломъ губернскіе гласные, между которыми гласные отъ крестьянъ играютъ такую-же роль, какую въ былыя времена играли представители крестьянскаго сословія въ земскомъ судѣ. Слово: «обязательное страхование», въ сущности сбивчивое выраженіе, это вовсе не страхование, а вспомошествованіе погорѣвшихъ на счетъ крестьянъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться прежде всего потому, что между стоимостью зданій и даваемымъ вознагражденіемъ нѣтъ ничего общаго. Чтобы это понять стоитъ взять любую нормальную и любую страховую оцѣнку. Возьмемъ для примѣра псковскую губернію, въ ней обязательно застраховано 655,491 строеніе въ суммѣ 12.693,018 р. ¹⁾, выходитъ, что зданіе застраховано въ 19 р. и такъ вездѣ. То-же намъ покажетъ и нормальная оцѣнка ²⁾. По нормальной оцѣнкѣ въ херсонской губерніи, гдѣ постройки такъ дороги, изба оцѣняется въ 34 р., анбаръ въ 14 р., кухня 16 р., сарай въ 10 р. и т. д. ³⁾. Въ качествѣ вспомошествованія бѣднымъ и раззореннымъ эта подать должна была - бы, разумѣется, падать на его общество, но объ этомъ и говорить нечего, а отъ земства и ожидать невозможно достаточной проницательности, чтобы постигнуть подобную истину. Мы и не будемъ подниматься на такія высоты, мы спросимъ только, почему земство не поняло, до какой степени подобный характеръ подати облегчаетъ веденіе дѣла.

Въ страховомъ дѣлѣ васъ прежде всего поражаетъ безмѣрная

¹⁾ Смѣта денежныхъ земскихъ повинностей псковской губерніи на 1880 г. (страхованіе за 1878 г.) Въ черниговской губерніи 809,904 строенія приняты на страхъ въ 12.864,480 р. по 156 р. Отчетъ черниговской губ. земской управы за 1878—1879 г. Черниговъ 1879, стр. 98. Есть губерніи, гдѣ среднее составляетъ 14 р. и т. п.

²⁾ По ветлужскому и макарьевскому уѣздахъ костромской губерніи изба оцѣнена въ 10 р.; другія строенія 5 р., дворъ со всѣми строеніями 20 р. Обзоръ движенія капиталовъ губернскаго земства 1865—1880. Кострома, 1880, стр. 36.

³⁾ Сборникъ 1879. Херсонскаго земства, октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ. 1879, стр. 13. Во владимірской губерніи: дворъ 30 р., изба 15 р., анбаръ 5 р., тватская 5 р., сарай 5 р. Владимірскій земскій сборникъ 1879 г. № 5. Май. Владиміръ на Клязьмѣ, 1880, стр. 110.

дороговизна администраціи. Въ полтавской губерніи, напр., на содержаніе страховаго управленія было назначено на 1879 г. 32,202 р., на 1880 г. 33,502 р., на содержаніе одного члена управы съ его канцелярій 11,202 р. 12 к., между тѣмъ какъ вознагражденіе погорѣльцамъ не доходитъ до 200,000 р. въ годъ, въ 1878 г., (кажется послѣдній отчетъ) оно составляло 173,401 р. ¹⁾, администрація стоитъ 20%, пятую часть всего дѣла. Чтобы такой расходъ получилъ видъ разумнаго, а не безумнаго, дѣло ставится на ходули, изъ простаго превращается въ весьма сложное. Стоитъ просто къ сбору съ крестьянскихъ земель прибавить сборъ страховой и взыскивать по той-же раскладкѣ, тогда администрація нужна будетъ только для раздачи пособій погорѣльцамъ и такъ какъ это дѣло несравненно менѣе сложное и болѣе легкое, чѣмъ раздача продовольственныхъ ссудъ, то оно не будетъ стоить болѣе продовольственной администраціи.

Какъ велики въ настоящее время произволъ ²⁾ и инстинктивность въ издержкахъ страховаго управленія видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1864 г. калужское земство, при преміи въ 165,164 р. возмѣстило пожарныхъ убытковъ 131,595 р. и управленіе стоило ему 14,272 р.; казалось-бы, весь недостатокъ операціи заключался въ дороговизнѣ управленія, которое стоило болѣе 10%, но земство закричало караулъ, ему казалось, что оно раззоряется, возвращая крестьянамъ ихъ деньги въ такихъ большихъ размѣрахъ. Въ слѣдующемъ 1875 г. оно распорядилось иначе, оно взыскало премій уже 102,272 р. и заплатило пожарныхъ убытковъ всего 88,258 р., зато на управленіе издержало 33,811 р., т. е. болѣе 33% суммы вознагражденія, это показалось уже чрезмѣрнымъ. Въ 1877 г. премія была уменьшена до 181,303 р., вознагражденіе погорѣвшимъ увеличено до 99,071 р., а издержки управленія низведены до 19,384 р.; но въ слѣдующемъ-же 1878 г. премія опять увеличена до 183,189 руб., вознагражденіе уменьшено до 93,257 р., а на управленіе израсходовано уже 23,588 р. ³⁾. Спросите земца: къ чему вамъ это управленіе? онъ отвѣтитъ: надо содержать агентовъ. А къ

¹⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XV очереднаго созыва 1879 года. Полтава, 1879, стр. 8, 264, 265.

²⁾ Эта привычка къ произволу даетъ и другого рода плоды. Въ видахъ распланированія въ селѣ Петровѣ, погорѣльцевъ заставляли строиться на чужихъ земляхъ, владѣльцы земель ихъ до постройки не допускали и несчастнымъ пришлось нанимать квартиры. Владимірскій земскій сборникъ 1879 г. № 3, мартъ, стр. 11.

³⁾ Приложенія къ журналамъ XIV очереднаго калужскаго губернскаго земскаго собранія съ 16 января по 26 января 1879 г. Калуга 1879, стр. 107.

чему содержать агентовъ? вѣдь вы даете вспомошествованіе погорѣвшимъ, а не возмѣщеніе убытковъ, вѣдь всѣ ваши оцѣнки это сплошной вздоръ, давайте вспомошествованіе по числу погорѣвшихъ лицъ и агенты сдѣлаются лишними. Агенты нужны, отвѣчаетъ земецъ, чтобы оцѣнивать части дворовъ, уцѣлѣвшія отъ пожара. Это въ своемъ родѣ престестная исторія.

Случалось, что земцамъ приходили благія мысли: нельзя-же пользоваться чужимъ добромъ и, въ особенности, добромъ несчастныхъ и бѣдняковъ, и они задумывали возвращать бѣднякамъ все, что они платили, — выплачивая убытки въ тѣхъ-же размѣрахъ, въ которыхъ бралась премія; но изъ этого выходило, что иногда при большомъ числѣ пожаровъ приходилось переплачивать. Земцы хватились за голову и спасителями явились агенты, они безцеремонно оцѣнивали уцѣлѣвшее отъ пожаровъ такъ, что вознагражденіе опять стояло ниже премій. Въ запискѣ кн. Урусова по страховому дѣлу ярославской губерніи говорится, что результаты страхования блестящи, вмѣсто дефицита 1874 г. въ 327,000 р. имѣется остатокъ въ 100 тысячъ руб. Дѣло тутъ вотъ въ чемъ: въ 1866 г. премій было 70,481 р., а на погорѣльцевъ и расходы вышло 43,642 р., все, значить, обстояло благополучно; въ 1870 г. преміи были увеличены до 146,062 р.; уже въ 1871 г. все измѣнилось—преміи были 148,822 руб., а расходы 186,226 руб.; въ 1872 г. преміи 164,228 р., а расходы, о ужась! 218,322 р.; въ 1875 г. преміи 167,824 руб., а расходы 248,965 р. ¹⁾ Въ 1876 г. произошла реакція; преміи возвышены до 227,374 р., расходы понижены до 155,496 р.; въ 1877 г. расходъ еще уменьшенъ до 141,305 р. и, наконецъ, достигнуто восхваляемое кн. Урусовымъ блестящее положеніе. Преклоняясь передъ финансовымъ гениемъ ярославскихъ земцевъ, я долженъ, однако-же, сознаться, что знаю средство достигнуть еще болѣе блестящаго положенія, стоитъ только постановить, чтобы давать погорѣльцамъ не болѣе одной копейки съ рубля полученныхъ премій.

Этотъ простой приѣмъ, поправлять свои дѣла, приѣмъ, заключающійся въ томъ, чтобы выдавать погорѣльцамъ вознагражденія въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ земство обязано было выдать, во всеобщемъ употребленіи и примѣровъ можно привести сколько угодно. Въ орловскомъ земствѣ чувствовалась потребность поправить свои финансы, между тѣмъ сгорѣло 2,694 двора, обезпеченныхъ въ 170,529 рублѣхъ, ну, имъ и выдали по

¹⁾ Вѣстникъ Ярославскаго земства 1879, ноябрь, декабрь. Ярославль, стр 21, 29.

1-е сентября 1876 г. всего 120,177 р. и достигли такимъ образомъ прибыли въ 91,667 р. ¹⁾. Если дѣло можно дѣлать такъ просто, къ чему агенты?

Манера ковать денежки посредствомъ увеличенія страховыхъ премій и потомъ растрчивать ихъ на свои фантазіи въ большомъ ходу у земства. Такъ, наприм., въ пермскомъ земствѣ къ 1-му января 1880 г. сколочено страхового капитала 205,209 р., на лицо же было всего 75,342 р. И это еще прекрасно, а въ калужскомъ къ 1-му января 1878 г. наковано было страхового капитала 630,094 р., а на лицо оказалось всего 34,428 р., на земскія-же фантазіи растрчено 268,490 р. ²⁾.

Искусственныя ходули, на которыя поставлено земское страхованіе, заставляють бѣднѣйшую часть крестьянскаго населенія отвѣчать своими кровными грошами не только за земскій патронатъ и за земскую расточительность, но и за убытки болѣе достаточной половины крестьянства. Для этой цѣли изобрѣтены страхованія по особой и по добровольной оцѣнкѣ; болѣе достаточные крестьяне и другіе домовладѣльцы получаютъ этимъ возможность страховать въ земствѣ на коммерческомъ основаніи, какъ во всякомъ другомъ страховомъ обществѣ, съ тою разницею, что убытки ихъ возмѣщаются изъ суммъ, собранныхъ съ бѣднѣйшаго крестьянства. Для примѣра приведемъ результаты земскаго страхованія въ тамбовской губерніи. Съ 1867 по 1870 г., когда господствовала нормальная оцѣнка, страхованіе дало чистой прибыли 103,374 р., съ 1870 по 1877 г. страхованіе по нормальной оцѣнкѣ дало громадную прибыль въ 483,436 руб., но за то же страхованіе по особой оцѣнкѣ дало убытку 292,252 р.; къ 1878 г. прибыль нормальной оцѣнки составляла всего 814,941 р., а убытокъ особой 318,969 р. По нормальной оцѣнкѣ крестьяне переплатили 3.012,967 р. и получили 2.198,026 руб., по особой заключено 1.237,175 р. и получено 1.556,144 р.; по добровольному страхованію уплачено премій 300,093 р., по-

¹⁾ Отчетъ орловской губернской земской управы за 1876 г. Орель, 1876 стр. 25. Другой примѣръ вятское земство: въ 1879 г. сгорѣло 10,888 строеній на сумму 235,409 р., застрахованныхъ въ 148,657 р., вознагражденій назначено въ 126,986 р. и къ 1 января 1880 г. осталось страховыхъ 161,680 р., также результатъ блестящій. Отчетъ вятской губ. земской управы о взаимномъ земскомъ страхованіи отъ огня строеній, находящихся въ селеніяхъ вятской губерніи за 1879 г. Вятка, 1880.

²⁾ Сборникъ пермскаго земства, издаваемый пермскою губ. земскою управою 1880, кн. IV. Пермь, 1880, стр. 11. Приложенія къ журналамъ XIV очереднаго калужскаго земскаго собранія съ 16 января по 26 января 1879 г. Калуга 1879, стр. 368.

лучено вознагражденія 323,846 р. ²⁾). Въ 1878 г. по нормальной оцѣнкѣ было обложено 270,995 хозяйствъ, по особой всего 19,530 человекъ, т. е. $\frac{1}{14}$ часть ³⁾). И такъ масса крестьянства переплатила 814,941 р. и изъ этой суммы на долю благоденствующаго меньшинства, $\frac{1}{14}$ части крестьянъ и прочихъ жителей селеній, выпало 342,722 р. и на долю земства 471,219 р. Дѣло оказалось для земства не убыточнымъ и вполне понятно, почему ему необходимы агенты и вся эта постановка дѣла на ходуляхъ.

VII.

Страхование.—Хозяйственная часть.

Къ чему-бы, кажется, земству братья за страхование, почему-бы ему не ограничиться однимъ возстановленіемъ раззоренныхъ пожарами, бѣднѣйшихъ хозяйствъ. Страхование—дѣло коммерческое, почему-бы земству не оставить его въ коммерческихъ рукахъ, тогда, по крайней мѣрѣ, бѣднѣйшимъ не пришлось-бы возмѣщать убытковъ, понесенныхъ болѣе достаточными и, охраняя достаточныя хозяйства, самимъ идти по миру ни съ чѣмъ. Страховая премія можетъ быть успѣшно понижается только центральными компаніями, имѣющими громадное число страхователей, а какое можетъ быть страхование, если страхователей, какъ въ тамбовскомъ земствѣ, всего какихъ-нибудь 19,530 человекъ! Разумѣется, ихъ убытки придется оплачивать прочимъ крестьянамъ, иначе не можетъ и быть. Во всякомъ случаѣ помощь бѣднѣйшимъ погорѣльцамъ должна быть окончательно отдѣлена отъ страхования. Всѣ суммы такъ-называемаго обязательнаго страхования должны быть взимаемы со всего общества и должны составлять подать въ пользу несчастныхъ. Если-же и за тѣмъ земство пожелаетъ взять на себя страхование, то оно должно производиться на коммерческомъ основаніи. Вся современная

²⁾ Журналы очереднаго тамбовскаго губернскаго земскаго собранія декабрьской сессіи 1879 г. Тамбовъ, 1880, стр. 202, 228, 229, 236. Въ гор. Александровѣ за 5 строеній заплачено погорѣльцамъ 3,470 р., а въ селѣ Яковцевѣ за 65 всего 3,310 р. Владимірскій земскій сборникъ 1880, № 10, октябрь. Владиміръ на Клязьмѣ, 1881, стр. 207.

³⁾ По петербургской губерніи застраховано обязательно 528,131 строеніе по оцѣнкѣ въ 12.869,097 р. и добровольно 4,338 строен. по оцѣнкѣ въ 11.695,240 руб., изъ обязательныхъ особая оцѣнка 9.294,759 р., нормальная 3.574,338 р. Отчетъ с.-петербургской губернской земской управы с.-петерб. губ. земскому собранію за 1878 г. С.-Петербургъ, 1879, стр. 77.

хитро-построенная машина съ ея агентами и канцеляріями, съ ея дороговизной, порядка все-таки нисколько не обезпечиваетъ. Съ однихъ крестьянъ взимаются такіе большіе страховые платежи, что они почти равняются всѣмъ земскимъ сборамъ вмѣстѣ, а другіе платятъ ничтожныя суммы. Такъ въ раненбургскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи, 6 волостей платили земскаго сбора 7,867 р., а страхового—7,305 руб. ¹⁾, тамъ-же сельскія общества платили земскихъ 3,927 р., а страховыхъ—3,761 р. Въ томъ-же году, въ орловской губерніи, мы видимъ, напр., что съ маховицкой волости получено страховыхъ всего 2 р. 50 к., съ ильинской—19 р. 70 к., съ мылиринской — 24 р. 40 к., съ архаровской—10 р. 60 к., а премія на дома этихъ волостей должна была-бы для каждой превышать 1,000 руб. ²⁾. Если вы будете сравнивать между собою въ различныхъ губерніяхъ населеніе ихъ уѣздовъ съ числомъ значащихся въ страховыхъ спискахъ дворовъ и строеній и съ оцѣночной суммой, то для васъ не останется сомнѣнія, что дворы пропускаются массами и оцѣнки дѣлаются самыя несправедливыя. Вологодской губерніи, въ уѣздахъ вологодскомъ и грязовецкомъ, гдѣ лѣсу и построекъ у крестьянъ меньше, на сельское населеніе въ 198,079 человекъ значится по страховымъ спискамъ 77,035 строеній, а въ уѣздахъ устюжскомъ, усть-сысольскомъ и яренскомъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ, и гдѣ построекъ у крестьянъ значительно больше, на 193,400 человекъ населенія значится строеній 37,315, т. е. вдвое менѣе ³⁾. Въ херсонской губерніи, въ александровскомъ уѣздѣ жителей 259,088, не много болѣе, чѣмъ вдвое противъ одесскаго, гдѣ 118,747, однако-же тамъ застраховано обязательно 104,375 строеній, а въ одесскомъ всего 17,092, т. е. въ шесть разъ менѣе, чѣмъ въ александровскомъ; а по оцѣнкѣ въ 2.409,212 р. александровскія строенія болѣе, чѣмъ въ четверо превосходятъ одесскія, оцѣненные въ 562,135 р. ⁴⁾.

1) Докладъ членовъ рязанской губернской земской управы о ревизіи уѣздовъ: рязанскаго, касимовскаго, михайловскаго и раненбургскаго 1876 г., Москва, 1878, таблица обложенія крестьянскаго населенія различными сборами въ 1876 г.

2) Отчетъ орловской губернской земской управы за 1876 годъ. Орель, 1876 стр. 21. Въ полтавской губ. послѣ пожара въ с. Песчаномъ въ 1879 г., оказалось, что 30 зданій не было въ страховыхъ спискахъ, а черезъ годъ, что пропущено еще 305. Доклады ревизіонной комисіи и т. д. Полтава, 1880, стр. 17.

3) Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія первой очередной сессіи четвертаго трехлѣтія. Вологда, 1880.

4) По тверской губерніи въ 1878 г. осташковскій уѣздъ съ сельскимъ населеніемъ въ 92,706 чел. платилъ преміи 7,832 р., а тверской, съ населеніемъ въ 107,378 чел. — 32,110 р., старицкій при населеніи въ 116,787 чел. — 31,762 р. Протоколы засѣдакій тверск. губ. земск. собранія, очереднаго въ декабрь 1879 г.

Иногда удается узнать, какимъ образомъ пекутся въ тишинѣ эти поразительныя оцѣнки. Такъ въ 1879 году по константиноградскому уѣзду оказалось, что принято было на страхъ строевой фонъ-деръ-Лауница на 128,997 р. и по повѣркѣ вся дѣйстви-

и экстреннаго въ февралѣ 1880 г. и приложения къ нимъ. Тверь, 1880, стр. 120. Сборникъ 1880 г. херсонскаго земства июль, августъ, сентябрь, стр. 27 и октябрь, ноябрь, декабрь, стр. 48. Херсонъ, 1880. Вышеупомянутое не единственное сомнительное показаніе, вотъ другія:

У ѣ з д ы.	Сельск. жител.	Н а 1 8 8 0 г о д ѣ .		На 1881 годъ.	
		Строе- вѣй.	Стра- х. оцѣнка. Рубли.	Строе- вѣй.	Стра- х. оцѣнка. Рубли.
1. Одесскій.	118,747	17,092	562,135	18,146	738,292
2. Алексан.	259,088 (1/2 алек.)	104,375 (1/4 алек.)	2.409,212	115,324	2.910,442
3. Ананьев.	124,957	25,606	738,404	28,882	852,613
4. Херсон .	216,524	61,975	1.630,828	66,504	1.892,780
5. Елиса в .	294,775	103,289	2.431,080	113,504	2.704,296
6. Тирасп .	107,525	24,770	762,578	25,130	329,380

Еще примѣры: Сметы доходовъ и расходовъ орловскаго губернскаго земства на 1877 годъ и отчеты управы объ оборотѣ суммъ за 1876 г. Орель, 1876 г. отчетъ № 8.

У ѣ з д ы.	Жителей.	Дома.	Оцѣнка.
1. Кромскій	90,815	16,017	1.413,007 руб.
2. Ливенскій	238,306	31,915	1.297,459 >
3. Брянскій	86,523	14,380	498,421 >
4. Сѣвскій	111,705	15,727	873,351 >

Постановленія II очереднаго казанскаго губернскаго земск. собранія, состоявшагося въ засѣданіяхъ его съ 3 по 22 декабря 1875 г. Казань, 1876.

Въ екатеринославской губерніи.

У ѣ з д ы.	Н а 10 ч е л о в ѣ к ѣ .
Екатеринославскій	4 1/2 строеній въ 295 р.
Верхнеднѣпровскій	5 1/2 > > 252 >
Ростовскій	7 1/4 > > 495 >

Отчетъ екатеринославской губ. земской управы за 1879 г. Екатеринославъ, 1880., стр. 39.

По Чебоксарскому уѣзду жителей	91,051, а премій	10,182 р.
» Чистопольскому. »	208,444	42,397 >
» Козьмодемьянск. »	78,429	11,308 >
» Спасскому.	122,180	34,251 >

Въ петербургской губерніи.

У ѣ з д ы.	Жителей.	Строеній.	Цѣна.
Гдовскій	99,187	135,272	1.935,317 р.
Шлиссельбургскій	32,552	33,306	449,349 >
Новоладожскій	73,093	53,121	3.275,042 >

Отчетъ с.-петербургской губернской земской управы за 1879 г. Спб., 1879 г., стр. 77.

тельная стоимость этихъ зданій составляла никакъ не болѣе 77,735 р. ¹⁾ Какъ-бы пришлось бѣднѣйшему крестьянству заплатить ради ублаженія этого одного человѣка, если-бы во время не хватились.

Мы перебрали теперь тѣ предметы земской дѣятельности, которые имѣютъ наибольшую важность съ точки зрѣнія общественной, и социальной; но съ точки зрѣнія земской оцѣнка имѣ дѣлается другая. Первостепенную важность тутъ получаютъ выборы; въ наибольшомъ числѣ гласные съѣзжаются только для выборовъ, и чтобы заставить ихъ не разѣхаться, не покончивъ другія дѣла, нужно выборы отпихнуть какъ можно подалеже. Я какъ-то далъ себѣ трудъ сосчитать число должностей, на которыя избираютъ гласные, оно оказалось почти равнымъ числу гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Если отбросить тѣхъ, которые по разнымъ случаямъ не могутъ принять земской должности, то и выйдетъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Неправильно сказать, что гласные избираютъ, гораздо правильнѣе выразиться: гласные разбираютъ между собою выборныя должности, патриархально, по-старинному, какъ дѣлалось въ среднѣе вѣка. Дѣлятся они не на партіи, не по убѣжденіямъ, а на каши, преимущественно территоріально и по родству, кто съ кѣмъ кашу ѣстъ, тотъ и голосъ вмѣстѣ подаетъ, самая сальная каша забираетъ и первостепенныя должности; такъ-какъ мѣстъ много, то и противники остаются при мѣстахъ, но получаютъ по плоше. Ихъ обыкновенно и называютъ именемъ родного города и уѣзда, а не именемъ партіи. Какъ уѣздъ торжествующій, такъ и уѣздъ побитый предлагаютъ на собраніяхъ мѣры самыя разношерстныя; случалось, что земства такъ часто вотировали утромъ одно, а вечеромъ прямо противоположное, что вызвали циркуляръ противъ такихъ голосованій. Все это милая, воскресшая старина, гдѣ всякій выходилъ на вѣче съ родомъ своимъ; только грабить посадниковскіе дворы нынѣ не дозволяется. Нельзя сказать, что земцы не стремились-бы измѣнить этотъ порядокъ вещей и сгруппироваться по убѣжденіямъ, но для осуществленія такого стрем-

¹⁾ Отчеты полтавской губернской земской управы за 1879 г. Полтава, 1880, стр. 123. Докладъ ревизіонной комисіи XVI очередному полтавскому губернскому земскому собранію 1880 года. Полтава, 1880, стр. 9. Зданія оцѣнивались съ году на годъ все дороже, въ 1874 г. они были приняты всего въ 57,330 р., а въ 1877 г. уже оцѣнены въ 138,154 р., въ 1879 г. по переоцѣнѣ предполагены къ принятію въ 60,000 руб.

ленія существуетъ препятствіе, которое земство одолѣть не въ силахъ.

Запомнить только-что сказанное не мѣшаетъ для правильнаго пониманія того, что дѣлается по хозяйственной части. Въ началѣ земства были очень не ловки, — не знали, что имъ предпринять и куда деньги дѣвать ¹⁾, да и деньгамъ было въ земскихъ сундукахъ вовсе не безопасно; теперь-же все это устроено умнѣйшими людьми, и деньгамъ безопасно, и возможность отпустить себѣ брюшко на земскихъ хлѣбахъ открыта. Обыкновенно дѣльцы распределяются на честнѣйшихъ и смѣлѣйшихъ, и хотя честнѣйшіе дѣлаютъ геройскія усилія, чтобы помѣшать смѣлѣйшимъ побивать себя, но обыкновенно для смѣлѣйшихъ отъ этого никакого ущерба не происходитъ и въ довершеніе честнѣйшіе еще поддерживаютъ смѣлѣйшихъ на выборахъ. Причина этого заключается въ глубинѣ простоты земскихъ собраній. Все искусство дѣльцевъ заключается въ томъ, чтобы сострять смѣту, а затѣмъ противъ этой смѣты сдѣлать экономію ²⁾. Тогда однокашникъ встаетъ на земскомъ собраніи, возвѣщаетъ о сдѣланной экономіи и предлагаетъ благодарить управу; предложеніе принимается единогласно, записывается въ протоколъ и всѣ грѣхи покрыты. Если мы видимъ, что собранія

1) Въ образецъ приведемъ исторію развитія расходовъ въ костромскомъ земствѣ изъ изданія: Обзоръ движенія капиталовъ губернскаго земства 1865—1880 г. Кострома, 1880 г., сводъ губернскихъ смѣтныхъ расходовъ. Въ 1869 г. расходъ на крестьянскія учрежденія и управу 25,181 р. составлялъ двѣ трети всего расхода въ 37,523 р., въ 1872 г. расходъ на крестьянскія учрежденія уменьшился съ 13,981 р. на 6,350 р. и весь расходъ уменьшился до 31,118 р. Въ 1873 году расходы на управу и крестьянскія учрежденія тѣ-же, а между тѣмъ весь расходъ увеличился до 45,681 р., были изобрѣтены школы учительская и фельдшерская и на нихъ издержано 11,264 р., въ 1876 г. расходъ на крестьянскія учрежденія уменьшился до 4,900 р., а весь расходъ достигъ 72,715 руб., изобрѣтена была ветеринарная часть—4,500 р., а главное больница 21,825 р. Въ 1873 году доходъ общественнаго призрѣнія составлялъ 26,354 р., а расходъ всего 29,830 р., въ 1879 г. доходъ составлялъ 29,667 р., а расходъ 49,343 р. На 1879 г. губернской земской расходъ составлялъ уже 100,971 р.; успѣхъ блестящій, разумѣется, еще очень скромный сравнительно съ саратовскими, пермскими и полтавскими милліонами.

2) Въ полтавской губерніи, напр., въ уѣздахъ константиноградскомъ, миргородскомъ, кобелякскомъ, лубенскомъ назначено на сооруженіе и исправленіе 21 $\frac{1}{2}$ сажени мостовъ и 538 сажень гатей и плотинъ 9,634 р., а сдѣлано за 8,293 р., вмѣстѣ съ золотоношскимъ, переяславскимъ, лохвицкимъ и прилукскимъ уѣздами назначено всего на 37,488 р., сдѣлано за 30,150 р., экономія въ 7,338 р. Не трудно понять, что тутъ экономіи не было никакой, а было слишкомъ высокое смѣтное исчисленіе. Отчетъ полтавской губернской земской управы за 1879 годъ Полтава, 1880, стр. 165.

не создаютъ лишнихъ должностей, не назначаютъ чрезырныхъ содержаній, то мы должны думать, что собранія не допускали-бы безмысленныхъ и безобразныхъ расходовъ по хозяйственной части, если-бы они умѣли открыть себѣ къ этому возможность, но въ томъ и бѣда, что они этого не умѣютъ. Каждый гласный точно также, какъ и каждый избиратель имѣетъ свое особое дѣло, онъ не имѣетъ ни времени, ни возможности, ни свѣденій, нужныхъ для того, чтобы вникать во всѣ подробности всѣхъ этихъ сложныхъ смѣтъ и ихъ исполненія. Поэтому весь успѣхъ хозяйственнаго земскаго управленія зависитъ отъ искусства докладчиковъ представлять собраніямъ такія данныя, на основаніи которыхъ они могли бы составлять себѣ ясное и отчетливое понятіе о томъ хозяйственномъ вопросѣ, который они должны рѣшить. Съ своей стороны гласные должны развивать въ себѣ искусство рѣшать только такіе вопросы и только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они могутъ составить себѣ рациональное и отчетливое понятіе. Они никогда не должны дѣлаться слѣпыми орудіями, они никогда не должны прикрывать своимъ голосованіемъ безчестности; никогда не должны брать на себя или никогда не должны утверждать расхода, о безупречности котораго можетъ знать только тотъ, кто его сдѣлалъ. Между тѣмъ земцы такъ мало имѣютъ понятія о подобномъ серьезномъ отношеніи къ дѣлу, что повсемѣстно поручаютъ хозяйственное распоряженіе лицамъ, въ общественной нравственности которыхъ они не убѣждены. И нигдѣ зло, происходящее отъ отсутствія мѣстной прессы, не чувствуется такъ рѣзко, какъ именно здѣсь.

Только одна мѣстная пресса можетъ вырвать земскія собранія изъ того жалкаго квіетизма, при которомъ ихъ беспомощность кажется имъ чѣмъ-то роковымъ. Только дѣйствуя прессой на чувство стыда можно собранія и общество довести до того, что они не будутъ терпѣть среди себя людей, тщеславящихся своими подвигами и всенародно заявляющихъ о своемъ презрѣніи къ честности. Это первая и необходимѣйшая подкладка. Только тогда, когда явится такое настроеніе можно ожидать и стремленіе собраній къ рациональному образу дѣйствія. Внесеніе рациональности въ земскую дѣятельность—задача весьма трудная и она можетъ быть достигнута только постепенно. Въ настоящее время собранія вовсе не различаютъ того, что они могутъ сдѣлать, отъ того, что для нихъ невозможно; не выработавъ никакого пріема, при которомъ они могли-бы сдѣлать разумно хотя что-нибудь, они берутъ на себя все и готовы, повидимому, не задумываясь взять на себя управленіе и распоряженіе даже частными хозяйствами.

Гласнымъ представляютъ длиннѣйшія и подробнѣйшія смѣты, стольже подробныя ревизіи, и вы видите ясно, что во всемъ этомъ гласные ни объ одномъ словѣ, ни объ одной цифрѣ не могутъ составить себѣ разумнаго и яснаго понятія. Часто докладчики избавляютъ ихъ отъ скуки безсмысленнаго перечисленія отдѣльных предметовъ смѣтъ, а прямо говорятъ окончательную цифру; вѣдь оно все равно, подробное перечисленіе не имѣетъ никакого преимущества, въ умѣ гласныхъ также мало рождается отъ него мыслей, какъ и отъ краткаго. Только изрѣдка у какого-нибудь гласнаго возникнетъ въ головѣ вопросъ: какъ молъ такъ рѣшать, на что это похоже? тогда ему прибавятъ утѣшеніе въ родѣ слѣдующаго: «всѣ расходы внесены по требованію крайней необходимости и если требуется на 1880 г. болѣе, чѣмъ на 1879 г., то невозможно изъ году въ годъ держатся одной и той-же суммы» 1). Разъ какъ-то тульское земство нашло полное отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній о дѣйствительной потребности больницъ и богоугодныхъ заведеній, почерпнутыхъ изъ опыта и возложило на комиссію обязанность изыскать ихъ, но вышелъ мыльный пузырь 2). Какъ-то въ вологодскомъ земствѣ 3) раздался грозный крикъ: работы капиталныя и ремонтныя производятся управою безъ всякихъ торговъ, въ счетахъ подрядчиковъ смѣшиваются самыя разнородныя предметы и ихъ распутать невозможно, въ 1879 г. управа выстроила безъ разрѣшенія собранія зданіе на 17 кроватей, несмотря на доказанную его невыгодность; отчеты управы сбивчивы, выводятся расходы со счета недоимокъ, въ общей цифрѣ показаны иные расходы за три года. Но за этимъ громомъ не послѣдовало благотворнаго дождя. Умилительно видѣть эти земскія собранія, которыя лишились всякой надежды понять хотя что-нибудь въ многотысячныхъ цифрахъ смѣтъ и отчетовъ. Они представляются имъ съ голословной краткостью и собранія, покоряясь своей неизбежной судьбѣ, вотируютъ ихъ единогласно безъ сопротивленія. Возможно-ли найти болѣе назидательное зрѣлище, чѣмъ картина засѣданій московскаго губернскаго земскаго собранія января 1877 года 4). На содержаніе шоссе цифры по жогайскому тракту 13,945 р., на грунтовую часть 5,175 р.,

1) Журналы воронежскаго губернскаго земскаго собранія съ 5—25 декабря 1879 г. Воронежъ, 1880, стр. 40.

2) Журналы 5-го очереднаго тульскаго губернскаго земскаго собранія, бывшаго въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года. Тула, 1869, стр. 52.

3) Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія первой очередной сессіи четвертаго тримѣтія. Вологда, 1880, стр. 5, 16.

4) Журналы московскаго губернскаго земскаго собранія январь 1877 года. Москва, 1877, стр. 35, 47, 50, 224, 235, 290, 425, 430, 434.

по дмитровскому тракту 40,108 р., шоссе воскресенско-коломенское 38,449 р., котловское 1,895 р., участокъ за калужской заставой 2,050 р., звенигородское 3,450 р., рузское 6,328 р., верейское 8,876 р., стромынский трактъ 4,200 р., шоссе старокалужскаго тракта 36,000 р., богородское шоссе 86,000 р., варшавское шоссе 44,000 р., подольско-серпуховское 8,200 р., на содержаніе дорожнаго отдѣла 26,400 р., передержка 3,000 р. И все это принято единогласно, множество статей принято даже безъ преній. Вся смѣта на 1877 г. утверждена собраніемъ безъ измѣненій и безъ преній. Такимъ образомъ на 1877 г. предположено дорожнаго расхода 430,904 рубля и конечно карманы плательщиковъ затрещали.

Обыкновенно дѣло заканчивается патриархально—съ плательщиковъ снимутъ по шкуркѣ и всѣ расходы покроются; но иногда является постороннее вмѣшательство. По пермской губерніи шкуру пришлось снимать съ такихъ плательщиковъ, которые закричали караулъ. Все обстояло благополучно и совершилось благодушно, на ремонтъ сибирскаго тракта получена была правительственная субсидія и денежки ухлопывались беспрепятственно. Безпокойные люди утверждали, будто трактъ сдѣлался не проѣзднымъ, но по порученію министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾ произведена была ревизія тракта инженеромъ Штукенбергомъ и инженеръ нашелъ систему исправленія тракта вполне цѣлесообразною. Управа приняла во вниманіе этотъ отзывъ и на 1877 годъ назначила 400,000 р. на работы. Послѣ этого каждый годъ приносилъ за собою значительную экономію, въ 1877 году издержано было всего 375,266 р., на 1878 г. назначено 256,066 р., а издержано только 237,878 р., на 1879 г. 204,711 р., а издержано 185,080 р. Въ единогласіи также не было недостатка. Въ утвержденіи расхода въ 364,892 р. оказалось только два отступника, вся сумма въ 355,644 р., значащаяся въ отчетѣ за 1879 г. утверждена единогласно, сумма въ 364,843 р., принята безъ преній, вѣдомость о расходахъ въ 1875 г. по сибирскому тракту была утверждена единогласно ²⁾. Но увы, единогласіе не помогло; послѣ единогласнаго утвержденія оказались какіе-то Гопень и Таль, которые обнаружили растрату въ 72,303 р. Земство пыталось высоко поднять голову и признать себя непогрѣшимымъ, но ему это не удалось. Губернаторъ опротестовалъ, сенатъ отвергъ расходъ въ 14,454 р. Тогда земство,

¹⁾ Земскій ежегодникъ за 1876 годъ. Спб., 1878, стр. 281.

²⁾ Сборникъ пермскаго земства, издаваемый пермскою губернскою земскою управою. 1880 г., книжка III, годъ девятый. Пермь, 1880, стр. 236, 17, 144, 166, 306.

по бывшимъ примѣрамъ, пыталось перескочить къ прямо противоположному рѣшенію, принять видъ грознаго начальства и остаться безвреднымъ, но и это не удалось. Губернаторъ нашелъ, что земское собраніе, обнаруживъ непроизводительную затрату по сибирскому тракту въ 390,000 р., уклонилось, однако-же, отъ разсмотрѣнія отвѣтственности лицъ; затѣмъ послѣдовали изобличенія въ такомъ родѣ ¹⁾: дно канавъ должно было имѣть 12 вершковъ, а управа обязала Губонина контрактомъ за ту-же плату дѣлать дно въ 8 вершковъ и умолчало объ этомъ предъ земскимъ собраніемъ; расчетъ съ Губоннымъ произведенъ былъ не по дѣйствительному размѣру канавъ въ натурѣ, а согласно смѣтному назначенію и т. п. Когда и единогласныя рѣшенія и переходъ къ противоположному оказались безуспѣшными, земцы рѣшились на послѣднее средство—бѣжать съ поля борьбы. Однако-же опять вышло плохо; губернаторъ выразилъ сожалѣніе, что чрезвычайное собраніе, назначенное для разсмотрѣнія дѣла о ремонтѣ сибирской дороги, посѣщалось такъ небрежно гласными, что состоялась только половина засѣданій и собраніе не достигло цѣли ²⁾. Дѣйствительно роковое положеніе: понимать ничего не понимаешь, а хоть тресни, но рѣшай; а между тѣмъ всякій несетъ свое, инженеръ Вояковскій требуетъ черезъ окружный судъ съ управы наградныхъ 6,417 р., будто онъ обиженная сторона. Тогда земцы изловчились передать все дѣло уѣзднымъ собраніямъ, но и тутъ вышла неудача: губернаторъ опротестовалъ и заставилъ составить смѣту. Одинъ говоритъ, надо 80,000 р., щебню 1,655 в. с., песку 2,229 в. с., другой—надо 66,678 р., щебню 1,382 в. с., песку 1,504 в. с., не угодно-ли рѣшить кто правъ? и дороги человекъ не видалъ и дорожнаго дѣла не понимаетъ, а рѣшай ³⁾. Положеніе жалкое и комическое.

Всякое земское собраніе неизбежно будетъ въ такомъ положеніи, если оно возьметъ на себя разсмотрѣніе смѣтъ и ихъ исполненіе въ спеціальныхъ подробностяхъ; оно можетъ разумно рѣшать только извѣстныя основныя устои дѣла и притомъ только тогда, когда ему даны данныя именно въ той формѣ, при которой рациональность заключенія дѣлается возможнымъ для

¹⁾ 27-го января 1878 г. собраніе отвергло расходы, которые 9-го сентября 1878 г. оно опять приняло безъ всякихъ мотивовъ къ отиѣнѣ своего постановленія, губернаторъ опротестовалъ такой образъ дѣйствія, а сенатъ отиѣнилъ постановленіе собранія. Сборникъ пермскаго земства, издаваемый пермскою губернскою земскою управою 1879, кн. 5 и 6. Пермь, 1879, стр. 6.

²⁾ Сборникъ пермскаго земства, 1879 г., кн. IV. Пермь, 1879, стр. 46, 116.

³⁾ Сборникъ пермскаго земства, издаваемый пермскою губ. земскою управою, 1880, книж. V—VI, годъ девятый. Пермь, 1880, стр. 8, 70.

человѣка не спеціалиста, и могущаго посвятить своему заключенію только нѣсколько часовъ времени. Дѣло идетъ, напр., о дорогѣ, о мостѣ, о зданіи; должны быть выработанные типы дорогъ, мостовъ, зданій, какъ они строятся не только въ губерніи, но по всей странѣ. Напр., дорога шоссеиная или мостовая, типъ такой-то, верста стоитъ столько-то; мостъ деревянный, типъ такой-то, квадратная сажень стоитъ столько-то, зданіе каменное, кубическая сажень вмѣстимости стоитъ столько-то. Только для желѣзныхъ дорогъ у насъ сдѣлано нѣчто, впрочемъ, весьма недостаточное для выясненія стоимости версты извѣстнаго типа; а такъ-какъ земства строятъ желѣзныя дороги только въ исключительныхъ случаяхъ, то и польза отъ этого для нихъ ограниченная. Другое дѣло, напр., мосты и зданія, содержаніе людей больныхъ и здоровыхъ, это практикуется всѣми безъ исключенія, тутъ типы давно-бы могли быть выработаны до высокой степени опредѣленности; но необходимость установленія типовъ никому даже и въ голову не пришла. Сколько земства строили зданій, а въ земскихъ изданіяхъ я могу припомнить только одинъ примѣръ, гдѣ сдѣлана была попытка опредѣлить стоимость кубической сажени вмѣстимости зданія предполагавшагося реальнаго училища въ вологодской губерніи ¹⁾, сказано было, что кубическая сажень въ дѣлѣ стоитъ 60 руб., на 1,432 куб. саж. вмѣстимости должно быть 568 куб. стѣнъ и стоимость зданія опредѣлена въ 120 т. рублей; сарай 110 куб. саж. по 17 руб. за к. саж. въ дѣлѣ 1,870 руб., баня 15 к. с. по 25 руб. саж., въ дѣлѣ всего 375 р. Вся издержка опредѣлена была въ 130,000 руб. Однако-же, оказалось, что купецъ Сорочкинъ продаетъ такой-же домъ въ 70,000 руб. Единственная попытка да и та кончилась фiasco. Почему-же? Или въ Россіи не строятся домовъ и потому не было возможности выяснить настоящую цифру стоимости кубической сажени въ дѣлѣ?

Относительно мостовъ, и гатей, данныя несравненно избытнѣе и все-таки никто не подумалъ о томъ, чтобы сдѣлать ихъ годными для достиженія главной цѣли, для того, чтобы гласные съ возможной легкостью могли-бы составлять себѣ самостоятельное и вѣрное сужденіе. Въ черниговскомъ земствѣ гл. Перепелицынъ заявилъ, что вопросы по сооруженіямъ комиссіи принуждены рѣшать на-обумъ-даже безъ плановъ и рисунковъ ²⁾. Въ полтавской губерніи вычислялась стоимость

¹⁾ Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія первой очередной сессіи четвертаго трехлѣтія. Вологда, 1880, стр. 29.

²⁾ Журналы черниговскаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1878 года, состоявшейся въ январѣ 1879 года. Черниговъ, 1879, стр. 99.

версты мостовой, стоимость сажени моста и все-таки данные представлялись земскому собранію въ такомъ видѣ, что рѣшеніе производилось на-обумъ и не могло иначе производиться. Мостовыя стоили отъ 7,555 р. до 19,576 р. за версту, о постройкахъ наговорили съ три короба, а въ отвѣтъ на вопросъ, почему такая разница—не сказали ни слова. Почему изъ 9 верстъ 345 с. мостовыхъ 4 версты 120 $\frac{1}{2}$ с. въ городахъ предложены въ 13,000 р. верста, а 5 верстъ 224 $\frac{1}{2}$ с. сельскихъ въ 19,576 р. Изъ мостовъ сажень моста стоитъ отъ 37 руб. до 349 руб., гати отъ 5 р. до 54 р. сажень, между тѣмъ какъ, напр., въ вятской губерніи 1,190 сажень гати обошлись въ 1 р. 23 к. сажень, въ пошехонскомъ уѣздѣ, ярославской губ., въ 60 коп. сажень. Сооруженія, исчисленные въ 5,934 р., низводятся сначала на 5,392 р., потомъ на 3,207 р. и, наконецъ, строятся за 3,174 р. или предположеніе въ 9,159 р. нисходитъ въ постройки до 6,443 рублей ¹⁾.

Никогда вы не чувствуете всю бесплодность болтливости земскихъ изданій въ такой степени, какъ тогда, когда вы перечитываете безконечныя разглагольствованія о сооруженіяхъ, среди которыхъ вы не встрѣчаетесь ни съ однимъ словомъ, ни съ однимъ фактомъ, способнымъ освѣтить дѣло, — все одна безнадежная, безотрадная муть. Вы спрашиваете себя, почему во владимірской губерніи сажень мостовой могла обойтись въ 3 $\frac{1}{2}$ р., а въ Полтавѣ она стоила 9 р. 40 к. и притомъ еще хвалились дешевизной; почему въ сибирской губерніи сажень гати стоила 2 $\frac{3}{4}$ р. и восходила до 11 р. лишь для лучшей шоссированной гати, а въ полтавской цѣна была отъ 5 до 54 р.; почему въ вятской губерніи сажень моста стоила отъ 18 р. до 41 р., а въ полтавской отъ 37 р. до 349 р. Вамъ дѣлаютъ и сравненія, вамъ говорятъ, въ полтавской губерніи ремонтъ дорогъ стоитъ губернскому земству 62 р. 26 к. на версту, уѣздному 6 р. 85 к., херсонскому губернскому 34 р., курскому 15 р. 17 к., харьков-

¹⁾ Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XV-го очереднаго созыва 1879 года. Полтава, 1879, стр. 4. Отчетъ полтавской губернской земской управы за 1879 годъ. Полтава, 1880, стр. 134, 141, 153, 156. Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія XIII очередной сессии и доклады вятской губернской земской управы. Т. II, 22—27 января 1880 г. Вятка, 1880, стр. 71. Вѣстникъ ярославскаго земства, изданіе ярославской губернской земской управы. 1880, №№ 95, 96, май, июнь. Ярославль, стр. 75. Въ херсонской губерніи 1,092 кв. с. мостовой стоили 1,987 р., а 320 кв. саж. 1,974 р., эти послѣднія составляли 80 саж. въ длину, а 350 саж. длины, т. е. въ четверо болѣе стоили 3,642 р. Сборникъ 1880 г. херсонскаго земства, июнь, августъ, сентябрь. Херсонъ, 1880, проектъ смѣты на 1881 годъ.

скому 38 р. 27 к. ¹⁾). Но эти сравненія ничего не уясняютъ; вмѣсто того, чтобы сводить къ одному типу, сравнивать однородныя сооруженія, сравниваются земства, которыя принимаютъ на себя всѣ сооруженія съ такими, которыя значительную долю ихъ передаютъ другимъ. Эти сравненія, точно также, какъ и все прочее, направлены къ тому, чтобы производить муть въ головахъ гласныхъ, а не къ тому, чтобы поставить ихъ въ положеніе удобное для самостоятельнаго сужденія. Въ казанскомъ земствѣ высказана была мысль, что дорожныя сооруженія стоятъ все больше и дѣлаются все хуже. Мосты № 32, 9, 22, 18 29, выстроенныя въ шестидесятыхъ годахъ, потребовали за все время своего существованія ремонта 72 р. 79 к., а шесть новыхъ мостовъ потребовали 7,016 р. ²⁾).

Подобное-же наблюденіе рѣзко бросается въ глаза при пересмотрѣ данныхъ по хозяйственной части; кажется будто, земства совершенствуются не въ искусствѣ уяснить дѣло гласнымъ, а въ искусствѣ вовлекать ихъ въ расходы и дѣлать жертвою аферистовъ. Взгляните, напр., что дѣлается въ саратовской губерніи. Вотъ передъ вами четыре моста, каждый въ двѣ сажени длины и постройка каждаго изъ нихъ въ 1868 г. стоила 151 р. и почему-бы имъ не быть одинаковой стоимости? что мудренаго построить мостъ въ двѣ сажени? Пятый такой-же мостъ, устроенный въ 1867 г. въ первыя наивныя времена земства, стоилъ даже 50 рублей. Ремонтъ этихъ мостовъ по 1872 г. стоилъ 41 р. 15 к., а съ 1872 по 1876 г. уже 62 р. 10. Теперь они всѣ перестраиваются за-ново, одинъ за 203 р. ³⁾, три за 195 р. каждый и пятый за 120 р. Мосты эти стоили 654 р., а теперь будутъ стоить 908 р. ⁴⁾. Откуда такая благодать высокой цѣны

¹⁾ Владимирскій земскій сборникъ 1880 г., № 7, июль. Владимиръ-на-Клязьмѣ, 1880, стр. 28. Отчетъ полтавской губернской земской управы за 1879 годъ. Полтава, 1880, стр. 153. Постановленія симбирскаго губернскаго земскаго собранія сессіи 1875 года. Симбирскъ, 1876, стр. 156. Журналы глазовскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи (съ 30 сентября по 9 октября 1876 г.), и доклады уѣздной земской управы. Вятка, 1877 г. стр. 171. Полтавскому губернскому земскому собранію, губернской земской управы доклады, XVI-го очереднаго созыва 1880 года. Полтава, 1880, стр. 158.

²⁾ Постановленія 11-го очереднаго казанскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшіяся въ засѣданіяхъ его съ 3 по 4 декабря 1875 г. Казань, 1876, стр. 40.

³⁾ Т. е. 10½ р. сажень. Въ херсонской губерніи баючній мостъ на каменныя устоиля черезъ рѣчку Журавку въ 80 саж. длины строится за 4,346 руб., т. е. по 54 р. саж. Сборникъ 1880 г., херсонскаго земства, годъ тринадцатый октябрь, ноябрь, декабрь. Херсонъ, 1880, стр. 29—смета губернскихъ земскихъ расходовъ на 1881 годъ.

⁴⁾ Отчетъ саратовской губернской земской управы по выполненію сметы за 1877 годъ. Саратовъ, 1878, стр. 320.

и почему одновременно въ той-же губерніи въ хвалынскомъ уѣздѣ новый мостъ въ шесть саженъ могъ обойтись въ 318 р., по 106 р. за каждыя двѣ саженя, еще дешевле прежняго? Откуда разница въ цѣнахъ на однородныя, не мудренныя постройки, почему мостъ, который десять лѣтъ тому назадъ стоилъ 50 р., въ 1877 году стоитъ 120 р.? Всякій знаетъ, что цѣны на матеріалъ и работу не увеличились за это время въ два съ половиною раза. Дорожать въ такое короткое время такимъ работамъ, повидимому, не отъ чего. Въ московской губерніи въ концѣ шестидесятихъ годовъ шоссе стоили отъ четырехъ съ половиною до пяти съ половиною тысячъ за версту, мостовыя до шести тысячъ верста и къ семидесять седьмому году шоссе воздвигалось по 4,700 р. и 4,400 р. верста ¹⁾, почему-же въ саратовской губерніи такое возвышеніе цѣнъ, почему въ полтавской губерніи счумѣли вогнать версту мостовой въ четырнадцать и шестнадцать тысячъ въ среднемъ уровнѣ; глемязовская мостовая варіировала въ смѣтѣ отъ 7,328 руб. до 19,328 руб. ²⁾. Замѣчено, что на нашихъ почтовыхъ дорогахъ лучшія и самыя прочныя сооруженія тѣ, которыя сдѣланы были самими крестьянами въ былыя времена; земская-же подрядная или хозяйственная работа, что ни годъ, то хуже и дороже. Происходитъ это, конечно, оттого, что дѣльцы упражняются въ искусствѣ тянуть изъ земства деньги, а гласные вовсе не упражняются въ искусствѣ бороться съ притязаніями дѣльцовъ. Впрочемъ, и установленіе единообразныхъ типовъ не поможетъ, если не будетъ свободной мѣстной прессы, если картинѣ докладчиковъ не будетъ противопоставляться въ мѣстныхъ листкахъ картина оппозиціи. Только тогда у насъ будетъ возможенъ Фази, который, создавъ массу сооруженій, остался ничего неимѣющимъ чело-вѣкомъ и принужденъ былъ на старости лѣтъ кормиться чтеніемъ лекцій.

¹⁾ Приложенія къ журналамъ московскаго губернскаго земскаго собранія декабря 1870 года. Доклады губернской земской управы. Москва, 1871 стр. 73, 84, 94. Земской ежегодникъ за 1877 годъ, изданъ Имп. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ подъ редакцію Шмигельскаго. С.-Петербургъ, 1878, стр. 93.

²⁾ Докладъ ревизіонной комисіи XVI-му очередному полтавскому губернскому земскому собранію 1880 года. Полтава 1880, стр. 36. Въ псковской губерніи стоимость ремонта дорогъ вращалась около той-же суммы въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, въ 1866 г., на дорожную повинность назначено 16,657 р., въ 1878 г. 16,789 р. Смѣта денежныхъ земскихъ повинностей псковской губерніи на 1880 г. Приложенія къ докладамъ. Псковъ, 1879.

Земецъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

НОВЫЯ КНИГИ.

Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ VII, Спб., 1881 г.

Прошло уже ровно два года съ тѣхъ поръ, какъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подготовительной работы, появился первый выпускъ «Трудовъ», и вотъ передъ нами лежитъ теперь VII выпускъ. Въ семи томахъ, и втеченіи двухъ лѣтъ, комиссія познакомила насъ съ разными видами кустарной промышленности въ 20-ти или немного болѣе уѣздахъ, да и то большею частью далеко не охватывая всѣхъ развѣтвленій уѣзднаго кустарничества. Этотъ медленный ходъ изслѣдованія уже вызывалъ замѣчанія журнальной критики, и указанія на то, что медленность и несистематичность работъ могутъ отнять у трудовъ комиссіи большую часть ихъ цѣны. Я не хочу особенно строго обвинять комиссію. Нѣтъ сомнѣній, что ей приходится преодолѣвать много затрудненій. Изъ протоколовъ комиссіи видно, что ея изслѣдованія далеко не пользуются необходимой свободой даже со стороны полицейскаго надзора. Все это вѣрно, и обвинять комиссію въ чемъ-бы то ни было я не стану. Но самая задача ея изслѣдованій представляется на столько важною, и обстоятельства настоящаго времени складываются такимъ образомъ, что мнѣ вѣжется, было-бы вполне умѣстнымъ снова поставить вопросъ о нѣкоторомъ преобразованіи комиссіи, въ видахъ устраненія всего, что затрудняетъ для нея быструю и энергичную работу.

Экономическое положеніе народа, давно уже способное внушать серьезныя опасенія, въ настоящее время обратило на себя особое вниманіе правительства и общества. Въ литературѣ и земствѣ слышатся оживленные толки по вопросу о земельномъ

обеспеченіи крестьянства: нѣкоторые признають существующіе надѣлы совершенно недостаточными, другіе, какъ кн. Васильчиковъ, считаютъ ихъ въ общемъ вполнѣ нормальными, и бѣдственное положеніе крестьянъ объясняютъ ихъ неумѣнемъ вести хозяйство; иные еще, какъ Д. Самаринъ, возражая также противъ увеличенія надѣловъ, указываютъ именно на издѣльную промышленность, которая мѣстами устраняетъ для крестьянина необходимость въ землѣ, и т. д. Съ другой стороны и правительство признаетъ необходимымъ пониженіе выкупныхъ платежей, издаетъ новыя правила объ арендованіи казенныхъ оброчныхъ имуществъ и даже помышляетъ о правильной организаціи переселеній. Вообще вопросъ *земельный* или, лучше сказать, вопросъ *народнаго труда*, начинается нынѣ особенно сильно заявлять о своемъ существованіи, и необходимость серьезныхъ мѣропріятій для правильной постановки народнаго труда сознается уже, кажется, рѣшительно всѣми.

Вопросъ народнаго труда у насъ очень часто и, нужно сказать, не безъ очень солидныхъ основаній, отождествляется съ вопросомъ *земельнымъ*. Мнѣніе это, однако, многими оспаривается. Не трудно видѣть, что безспорныя данныя для избѣжанія односторонности, можетъ дать въ этомъ случаѣ для правительства только самое основательное ознакомленіе съ другими, неземледѣльческими формами труда. Что даетъ народу фабрика, кустарничество, отхожіе промыслы? Какой % народнаго труда поглощается ими? Вотъ вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ нельзя принять даже палліативныхъ мѣръ къ улучшенію участи крестьянства. Если-же ставить реформу на болѣе прочную ногу, то необходимо еще знать, *почему* возникаютъ существующіе промыслы, имѣютъ-ли они экономическій *raison d'être*, не составляютъ-ли они болѣзненное послѣдствіе безземелья и т. д. Очевидно, что вопросъ собственно аграрный въ своемъ рѣшеніи существенно зависитъ отъ состоянія промысловъ. Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что безконечно главный источникъ народнаго пропитанія есть трудъ земледѣльческій: тогда благо государства, тотъ *salus populi*, который есть всегда и вездѣ *suprema lex*, требуетъ, не взирая ни на какія частныя интересы, не взирая ни на какія хозяйственныя соображенія, напр., кн. Васильчикова, — довести земельные надѣлы крестьянства до такихъ размѣровъ, чтобы они способны были пропитывать населеніе. Если наоборотъ — трудъ не земледѣльческій оказывается способнымъ давать населенію достаточныя средства къ существованію, то, разумѣется, вопросъ *земельный* теряетъ свой острый характеръ, и тогда уже приобретаютъ особенную важность вопросы объ от-

ношеніяхъ между фабрикою и кустарничествомъ, о возможности упроченія кустарной промышленности и т. д. Само собою разумѣется, что могутъ оказаться необходимыми одновременно мѣропріятія и по вопросу земельному, и по вопросу фабрично-кустарному.

Но какъ-бы то ни было, во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ комбинаціяхъ, мы должны *знать*, основательно знать средства и характеръ народнаго труда. Обрывки свѣденій въ этомъ случаѣ для государственнаго дѣятеля гораздо опаснѣе, чѣмъ полное незнаніе, такъ-какъ они способны только сбивать человѣка съ толку и давать оружіе для всякой тенденціи. Не сходясь почти ни въ чемъ съ кн. Васильчиковымъ, я, однако, охотно уважу на его новую книгу, въ доказательство того, что хаотическое состояніе народнаго труда чувствуется каждымъ и что для его упорядоченія необходимо серьезное изслѣдованіе: необходимо оно прежде всего для самого-же правительства.

Возвратимся къ нашей комиссіи. Ея задача въ этомъ отношеніи представляется чрезвычайно важною, средства-же къ выполненію задачи—просто ничтожны. Работы комиссіи грозятъ затянуться на цѣлый десятокъ лѣтъ, если не больше. А между тѣмъ, напримѣръ, въ этой самой книжкѣ (VII Выпускъ) г. Титовъ считаетъ нужнымъ оговориться, что свѣденія, сообщаемыя имъ, не представляютъ простой перепечатки его изслѣдованій 1879 г., а собраны заново. Вотъ признаніе, показывающее, что даже въ теченіи одного года свѣденія могутъ болѣе или менѣе устарѣть. При настоящемъ-же ходѣ работъ очень часто будетъ случаться, что, напр., изъ двухъ смежныхъ волостей или о двухъ находящихся въ связи формахъ труда, свѣденія комиссіи будутъ раздѣлены цѣлымъ десятилѣтіемъ. Но вѣдь за 5—6 лѣтъ какіе-нибудь «наводильщики» Сергіевской волости могутъ всѣ попасть въ руки тульскихъ фабрикантовъ. Соотношеніе труда двухъ смежныхъ волостей за 5—10 лѣтъ можетъ совершенно измѣниться. Какіе-же возможны выводы на основаніи такихъ данныхъ, а тѣмъ болѣе какія практическія мѣры? Очевидно, никакихъ. Для того, чтобы имѣть практическое значеніе, собраніе свѣденій о кустарной промышленности должно держаться принциповъ однодневной переписи, т. е. должно по возможности одновременно охватывать всю подлежащую изслѣдованію единицу (въ данномъ случаѣ—Россію). Я, разумѣется, не говорю, чтобы это сдѣлать въ одинъ день: срокъ здѣсь опредѣляется тѣмъ временемъ, въ теченіи котораго изслѣдуемое явленіе можетъ претерпѣть замѣтныя измѣненія. Примѣрно говоря, на мой личный глазомѣръ,

изслѣдованіе въ настоящемъ случаѣ не должно растягиваться болѣе, какъ на 2—3 года.

Ставя вопросъ такимъ образомъ, мы, разумѣется, должны вмѣстѣ съ тѣмъ требовать значительнаго расширенія средствъ комиссіи. Но это едва-ли можетъ представлять особенныя затрудненія. Правительство считаетъ возможнымъ ассигновывать сотни тысячъ на разнаго рода промышленныя выставки, устройство музеевъ и т. п. Но затрата тѣхъ-же сотенъ тысячъ на дѣло изслѣдованія кустарной промышленности была-бы еще несравненно болѣе производительнымъ расходомъ. Сверхъ того, я замѣчу, что ужь лучше сразу затратить съ пользою милліонъ, другой, чѣмъ тѣ-же милліоны издержать въ теченіи 10—15 лѣтъ почти безъ всякой пользы. Вообще денежная сторона вопроса едва-ли представляетъ особенныя затрудненія, тѣмъ болѣе, что правительство и до сихъ не отказывала комиссіи въ ея просьбахъ. Гораздо важнѣе вопросъ о *людяхъ*, объ изслѣдователяхъ. Комиссія неоднократно жаловалась на ихъ недостатокъ, и на тѣ затрудненія, которыя приходилось имъ испытывать при собираніи свѣденій.

Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, дѣло находится совершенно въ рукахъ правительства. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ легко найти многія сотни людей вполне способныхъ къ дѣлу и готовыхъ взяться за него съ увлеченіемъ. Вся задача лишь въ томъ, чтобы была устранена чрезмѣрная подозрительность, готовая видѣть неблагонамѣренность въ каждомъ стремленіи ознакомиться съ народомъ, въ каждомъ порывѣ помочь ему. Эта подозрительность, проявляемая, какъ видно изъ протоколовъ комиссіи, особенно низшими полицейско-административными органами, можетъ быть успокоена только высшимъ правительствомъ. Что касается этого послѣдняго, то не трудно, разумѣется, понять соображенія, побуждающія власть не стѣснять рвеніе низшихъ полицейскихъ инстанцій, если изслѣдованіе народнаго быта предпринимается частнымъ лицомъ, либо частнымъ кружкомъ, внѣ контроля правительства. Но здѣсь дѣло было-бы поставлено иначе, и очевидно, что всякія опасенія должны исчезнуть, когда изслѣдованіе ведется подъ непосредственнымъ руководствомъ комиссіи, составленной изъ представителей самого-же правительства и разныхъ статистическихъ и ученыхъ обществъ.

Мнѣ кажется такимъ образомъ, что правильная постановка работъ комиссіи не представляетъ особенныхъ затрудненій, и было-бы въ высшей степени желательно, чтобы комиссія, какъ учрежденіе въ данномъ случаѣ наиболѣе заинтересованное и наиболѣе компетентное, сама возбудила передъ правительствомъ

вопросъ о способахъ расширенія своей дѣятельности и прида- нія ей болѣе энергичнаго характера.

Перейдемъ теперь собственно къ VII выпуску «Трудовъ». Я не стану останавливаться на нѣкоторыхъ мелочныхъ недостат- кахъ, которые здѣсь можно-бы отмѣтить. Въ общемъ, VII томъ составленъ даже лучше многихъ предшествовавшихъ. Между прочимъ, здѣсь можно найти кое-что, значительно уясняющее и вопросъ о значеніи земли для нашего крестьянина. Я отмѣчу нѣкоторые факты такого рода, для того, чтобы дать читателямъ понятіе о любопытныхъ матеріалахъ, заключающихся въ книгѣ.

Наши публицисты, наши общественные дѣятели, особенно изъ имѣющихъ претензію на практичность, очень часто опѣни- ваютъ значеніе различныхъ промысловъ исключительной съ точ- ки зрѣнія ихъ доходности. Промыселъ даетъ доходъ рабочему, доходъ хорошій—стало быть, и прекрасно: не о чемъ больше беспокоиться. На соображеніяхъ такого рода основана, между прочимъ, и теорія «достаточности» крестьянскихъ надѣловъ (фрак- ція Д. Самарина и «Руси»). Интересно, однако-же, что самъ крестьянинъ никакъ не хочетъ или не можетъ стать на такую точку зрѣнія, и, получая иногда отъ промысла вдвое болѣе, чѣмъ отъ земледѣлія, продолжаетъ, однако, твердо держаться своей земли и считать ее-матушку своей главной кормилицей. Это явленіе, конечно, хорошо извѣстно читателямъ, хотя я могъ-бы и изъ VII выпуска «Трудовъ» привести немало указаній на то, что «земледѣліе играетъ для кустаря болѣе существенную роль, чѣмъ промыселъ», что «кустарь работаетъ свои издѣлія только въ свободное время» и вообще «доходъ отъ земли считаетъ болѣе постояннымъ» и т. д. А между тѣмъ, посмотрите, напр., расчеты разныхъ изслѣдователей. Возьмемъ, напримѣръ, семью *Якова Ларіонова* *): отъ земледѣлія она получаетъ всего 96 р. чистаго дохода, отъ кустарнаго промысла—140 руб., съ отхо- жаго заработка—70 руб. Такимъ образомъ, доходъ отъ земли со- ставляетъ всего 31—32% общаго заработка семьи. Семья *Тимофея Михайлова* **): съ земли получаетъ менѣе 50 руб., отъ промысла свыше 100 руб. Казалося-бы, при такомъ соотноше- нии доходныхъ статей—чего особенно гнаться за землей! Одна- ко, тотъ-же Яковъ Ларіоновъ понабралъ себѣ земли цѣлыхъ шесть надѣловъ, больше всѣхъ односельчанъ; Тимофей Михай-

*) Сергіевской волости, село Нижнія Присады (тульской г.), изслѣд. г. Бо- рисова.

**) Одоевскій уѣздъ, л. Старое Русаново.

ловъ принаимаетъ еще лужокъ на сторонѣ... Что это такое? Косность, привычка, преданіе?

Многіе, конечно, не затруднятся такъ объяснить дѣло. Многіе и указываютъ на промыслы и заработки какъ на условія, устраняющія для крестьянина необходимость въ землѣ. Но войдите въ положеніе крестьянина, присмотритесь поближе къ этимъ знаменитымъ заработкамъ, и вы тысячу разъ оправдаете мужаика въ его стремленіи держаться своей кормилицы-земли.

Чрезвычайно важнымъ вопросомъ въ дѣлѣ народнаго труда представляется, во-первыхъ, почему, на какомъ основаніи и для какой надобности возникаетъ данная отрасль промышленности, и, во-вторыхъ, почему рабочій беретъ за данную форму труда. Здоровое состояніе промышленности мыслимо только въ такомъ случаѣ, если она возникаетъ для удовлетворенія серьезнаго и постояннаго спроса, и вслѣдствіе того, что данная мѣстность оказывается по своимъ условіямъ наиболѣе удобной для этого вида промышленности. Серьезное и, такъ-сказать, любовное отношеніе рабочаго къ своему труду точно также возможно лишь при тѣхъ-же условіяхъ, такъ-какъ только при нихъ трудъ является вполнѣ осмысленнымъ и затѣмъ прочнымъ, вѣчнымъ. Здѣсь именно у рабочаго и развиваются необходимыя для него качества: довѣріе къ своему труду, увѣренность въ своей обезпеченности, и сознаніе, что онъ самъ не послѣдняя спица въ колесницѣ экономической жизни. Въ высокой степени этими свойствами отличается земледѣльческій трудъ крестьянина-собственника. Униженный и оскорбленный даже крѣпостнымъ состояніемъ, крестьянинъ все-таки говорилъ, что «на святой Руси съ голоду не умирають», и что «хоть сволочь, да царю помочь», т. е. что какъ ни называй мужаика, а безъ него государство не стоитъ. Мудрено-ли, что мужаикъ послѣ этого любитъ свою землю и свой тяжелый крестьянскій трудъ. Въ промышленности дѣло обстоитъ совершенно иначе.

Всматриваясь въ тѣ-же кустарные промыслы, вы положительно теряете голову, думая о томъ, почему они существуютъ, т. е. почему именно на Бѣлоозерѣ работаютъ кружевницы, почему именно кимряки шьютъ сапоги, а наводильщики сергіевской волости работаютъ самовары. Ни въ естественныхъ мѣстныхъ условіяхъ, ни въ условіяхъ спроса вы не находите ни малѣйшей гарантіи для прочности промысла, а онъ все-таки существуетъ. Т. е. сегодня существуетъ, а завтра замѣняется другимъ, послѣ-завтра—третьимъ. Мужика нужна копѣйка, и онъ ухитрится на всѣ лады достать ее: вотъ весь *raison d'être* большинства нашихъ промысловъ. Сидитъ голодный мужаикъ или недоимщикъ и

думаетъ, какъ-бы ему извернуться. Провѣзжій ямщикъ бросаетъ около него сломившуюся дугу и ѣдетъ себѣ дальше. Отъ нечего дѣлать, мужикъ смотритъ на дугу, видитъ по излому, что она сдѣлана изъ дерева, которое растетъ и у нихъ въ лѣсу, онъ вспоминаетъ, что ямщикъ сейчасъ покупалъ дугу, и вотъ является мысль: не попробовать-ли самому гнуть дуги? Сказано—сдѣлано, удалось, и новый промыселъ на десятокъ, а то и другой, лѣтъ,—готовъ. Замѣтите, читатель, что я не фантазирую, а привожу дѣйствительную исторію дужнаго промысла въ медынскомъ уѣздѣ. Точно также возникаетъ выдѣлка гармоній, образцовъ, разныхъ замковъ, свѣчъ и т. д. На Белоозерѣ жила домовитая помѣщица, понаучила она своихъ дѣвокъ рукодѣлю, потомъ наступилъ 1861 годъ, освобожденіе, дѣвки выброшены на улицу, и поневолѣ начинаютъ практиковать единственное знакомое имъ занятіе: плетеніе кружевъ. Возникаетъ кружевной промыселъ чуть не въ тундрахъ, гдѣ, навѣрное, нѣтъ спроса и на десятокъ аршинъ кружевъ, гдѣ нѣтъ даже своихъ нитокъ, гдѣ населеніе даже со стороны художественныхъ инстинктовъ не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ любой мѣстностью Россіи. Скажите, неужели это здоровая промышленность, неужели такой трудъ можно любить, довѣрять его прочности?

Существованіе «безъ опредѣленныхъ занятій», это типическая черта европейской, а чрезъ нее и нашей русской цивилизаціи. Разумѣется, строго безъ опредѣленныхъ занятій существуютъ еще сравнительно немногіе, но болѣе или менѣе приближаются къ нему цѣлые милліоны; идеалъ-же капиталистическаго производства состоитъ въ томъ, что весь рабочій классъ и добрая половина самихъ капиталистовъ перейдутъ въ это милое состояніе. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, пролетарій Лондона, нынче имѣющій работу, а завтра сидящій безъ дѣла и безъ хлѣба—имѣетъ опредѣленные занятія? А, напр., множество разнообразностей комиссіонерствъ, банкирствъ и т. д., развѣ это не есть приведенное въ систему неизмѣнія опредѣленныхъ занятій? Въ это неопредѣленное, необезпеченное, безпокойное состояніе наша безшабашная цивилизація, съ полной анархіей народнаго труда, приводитъ все больше и больше народу. И мнѣ кажется, что это есть настоящій источникъ недовѣрія къ прочности существующаго соціального строя, недовѣрія, достигающаго уже въ Европѣ такихъ огромныхъ размѣровъ. Въ этомъ-же залогъ и его дѣйствительной непрочности.

Наша промышленность не играетъ до сихъ поръ для народа такой важной роли, какъ въ Европѣ, но беспорядочностью отличается, мнѣ кажется, еще большей. Можно-ли, напр., найти

болѣе неестественный центръ промышленности, какъ Петербургъ? Можетъ-ли быть болѣе беззащитная, болѣе обреченная на вѣрную гибель промышленность, какъ наша хлопчато-бумажная? А вѣдь съ обработкой хлопка у насъ уже и теперь связана участь 200,000 рабочихъ, т. е. примѣрно тысячъ 500 разнаго пола и возраста человѣческихъ существъ. Кустарная промышленность, та-же какъ и отхожій промыселъ, поставлены можетъ быть еще въ худшія условія. Случайность, неопредѣленность, необезпеченность—вотъ общія черты этихъ заработковъ, столь восхваляемыхъ, къ несчастью, многими. Мудрено-ли, повторяю, что мужикъ держится своей земли, не правъ-ли онъ въ своемъ недоверіи къ промыслу?

Возвратимся, для примѣра, къ двумъ семействамъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Посмотрите, что вѣрнаго, обезпеченнаго они имѣютъ въ своихъ заработкахъ.

Яковъ Ларіоновъ—мужикъ довольно зажиточный, но семья его требуетъ большаго пропитанія. У нихъ всего 13 человѣкъ семейства, въ томъ числѣ 3 рабочихъ мужчинъ, 3 рабочихъ женщинъ, 1 старикъ, 1 полуробочая дѣвушка и 5 человѣкъ дѣтей ниже 12 лѣтъ. Нельзя сказать, чтобы рабочая сила семьи была особенно недостаточна, скорѣе наоборотъ, и, конечно, при вѣрномъ обезпеченномъ трудѣ, вродѣ, напр., земледѣльческаго, семья могла-бы считать свое существованіе вполне прочнымъ. Но, благодаря «достаточности» надѣловъ, Яковъ Ларіоновъ, хотя имѣетъ право на шесть надѣловъ, и беретъ ихъ, все-таки на этихъ шести участкахъ имѣетъ только 10,8 дес. земли, въ томъ числѣ 7,8 дес. пахотн. Считая доходъ съ надѣла въ 15 руб. съ копѣйками, Яковъ Ларіоновъ получаетъ со своей земли всего 96 рублей. Очевидно, этого на 13 человѣкъ маловато, тѣмъ болѣе, что однихъ податей требуется 52 р. 14 к. Рабочая-же сила семьи, понятно, далеко не поглощается этими несчастными 10 десятинами, особенно при трехпольномъ хозяйствѣ. И вотъ хозяинъ начинаетъ извертываться, заводитъ самоварную мастерскую, производитъ въ годъ 480 самоваровъ, по доходу (140 р.) все-таки мало, и рабочая сила все-таки остается еще свободной; посылаютъ, поэтому, сына на заработки, и получаютъ отъ него еще 70 рублей.

Итакъ, земля даетъ менѣе 100 р., промыселъ свыше 200 р. Но примите въ соображеніе, что, напр., крышки самоваровъ, которыя еще недавно производились кустарями-же, теперь уже отняты у нихъ машиною; стоятъ тульскимъ фабрикантамъ ввести машинную выдѣлку самоварныхъ кувшиновъ (что, безъ сомнѣнія, не нынче-завтра и случится)—и вотъ промыселъ исчезаетъ.

Заработокъ отхожій тоже достаточно извѣстенъ: сегодня сынъ прислалъ 70 р., а завтра можетъ еще и свои-то деньги исхарчить. Поэтому нельзя не одобрить Якова Ларионова, и дѣти ему за это спасибо скажутъ, что онъ держится своихъ 6 надѣловъ, и возьметъ, конечно, если можно, еще новые, и прикупилъ-бы землицы, если-бы средства были.

Положеніе Тимофея Михайлова еще хуже. Для прокормленія 6 человѣкъ, изъ которыхъ 4 ниже 10 лѣтъ, онъ имѣетъ всего 3 десятины земли, изъ которой пахотной только около двухъ десятинъ. Это количество земли даетъ ему продуктовъ только на 49 р. 87 коп., а повинностей заплатить приходится 20 р. 76 к. Является, стало-быть, необходимость гдѣ-бы то ни было добыть рублей 100. Съ этой цѣлью онъ работаетъ *бороны*, получая съ этого промысла рублей 60, съ этой цѣлью онъ берется перевозить лѣсъ, зарабатывая еще 20 р., да еще 20 р. заработалъ—такъ «кой-чѣмъ». Деньги добыты, конечно, семья накормлена, подати уплачены, но развѣ ко всему этому «кой-чѣму» Тимофей можетъ относиться съ довѣріемъ? Конечно, нѣтъ и при всей своей бѣдности онъ держится земли, принанимаетъ лугъ, и ужъ конечно его завѣтную мечту составляетъ: «Ахъ, кабы, надѣлъ-то побольше».

Я, разумѣется, не хочу сказать, чтобы земледѣліе было единственнымъ нормальнымъ занятіемъ человѣка, единственной формой труда, способной его привлечь и обезпечить. Конечно, нѣтъ. Обрабатывающая промышленность настолько-же необходима для человѣчества, а потому *можетъ* быть организована такъ-же прочно и устойчиво. Иногда она и теперь даетъ такой-же вѣрный заработокъ, какъ земледѣліе, но только очень рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ фабричная и кустарная промышленность отличаются характеромъ случайнымъ, и при своей настоящей организаціи не могутъ *обезпечить* работника даже тогда, когда даютъ ему средства почти къ роскоши. Это понимаетъ даже англійскій пролетарій, утратившій уже всякое воспоминаніе объ обезпеченномъ положеніи, даже англійскій пролетарій тяготится своимъ случайнымъ существованіемъ. Каково-же должно быть чувство нашего мужика, до сихъ поръ еще семейнаго, домовитаго, привычнаго знать, что кусокъ хлѣба обезпеченъ и ему на старости лѣтъ и дѣтямъ его, даковы, я говорю должны быть чувства этого человѣка, когда онъ вдругъ принужденъ жить «кой-чѣмъ», прекрасно понимая, что сегодня «кое-что» есть, а завтра и его нѣтъ.

И мужикъ вполне правъ. До тѣхъ поръ, пока не приняли мѣры къ прекращенію промышленной анархіи, до тѣхъ поръ,

пока промышленность, кустарная-ли, фабричная-ли, приведены къ правильной организаціи, т. е. не поставлены въ строгое соотвѣствіе съ нуждами страны, съ мѣстными естественными условіями и съ потребностями самого рабочаго, до тѣхъ поръ—я думаю и убѣжденъ—великій грѣхъ передъ народомъ совершаютъ тѣ, кто отрываетъ мужика отъ земли, толкуетъ о «достаточности» надѣловъ и толкаетъ нашего рабочаго въ ту-же бездну «неопредѣленныхъ занятій», отъ которой лишается порядка и спокойствія вся Европа. Вотъ мой выводъ.

Я началъ указаніемъ на необходимость серьезныхъ изслѣдованій, безъ которыхъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, а кончилъ тѣмъ, что самъ дѣлаю выводы. Но вѣдь я говорилъ раньше о правительствѣ. Понятно, что даже сознавая недостаточность своихъ данныхъ, я не могу не имѣть все-таки личнаго мнѣнія. Но вѣдь я не предпринимаю и не имѣю власти предпринять какія-либо мѣры. Убѣжденный въ истинѣ своего мнѣнія, я одного не считаю его обязательнымъ для правительства, и вообще для того, кто можетъ фактически вліять на бытъ народа. Для нихъ нужны, разумѣется, уже не личные мнѣнія, а неподлежащіе никакому сомнѣнію факты. Потому-то и является необходимымъ серьезное изученіе народнаго труда, на которое я указывалъ раньше, указываю и теперь.

ОТКЛИКЪ, литературный сборникъ въ пользу студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Спб. 1881 г.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы этого «Сборника». Извѣстіе о предполагаемомъ его изданіи проникло въ печать еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Сообщалось, что въ немъ примутъ участіе многія видныя литературныя силы и назывались даже такія крупныя имена, какъ И. С. Тургеневъ, В. Крестовскій (псевдонимъ) и пр. Списокъ предполагаемыхъ участниковъ былъ такъ хорошо составленъ, что во всякомъ случаѣ давалъ полное право надѣяться на извѣстное единство *общаго* направленія, чего такъ недоставало благотворительнымъ сборникамъ «Складчинѣ» и «Братской помощи». Потомъ въ концѣ марта объ «Откликѣ» прошелъ печальный слухъ: «совсѣмъ была готова книга,—вдругъ пропала!»... И вотъ она, наконецъ, явилась, подвергнувшись предварительно нѣкоторому очищенію, что доказываетъ двойная нумерація нѣсколькихъ листовъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ мы взяли за нее. «Сборникъ» составляла и редактировала сама молодежь.

Что же ее интересует? Что она напечатала въ своемъ изданіи? Чему она сочувствуетъ? Чего не любитъ? и пр. и пр.

Начнемъ съ беллетристики. Въ «Откликѣ» есть рассказы А. Михайлова, Н. Златовратскаго и М. Бѣлинскаго, уже не новичковъ въ литературѣ; есть очерки и начинающихъ, впервые являющихся въ литературѣ, гг. Никифорова, Баранцевича и Метелицы. Рассказъ г. Баранцевича «Одни» производитъ впечатлѣніе. Въ немъ то и дѣло связать прекрасно подмѣченныя психическія черточки, хотя онъ невыдержанъ и до нѣкоторой степени растянута. Во всякомъ случаѣ автору рѣшительно можно совѣтовать продолжать. Не пожелали-бы мы этого гг. Никифорову и Метелицѣ. Если неудобно возвращать неудачныя, даровыя статьи такимъ заправскимъ литераторамъ, какъ г. Антоновичъ, то со своими-то людьми (мы предполагаемъ, что гг. Никифоровъ и Метелица студенты) можно-бы быть болѣе откровенными и возвратить рукописи за негодностью; «Сборникъ» отъ этого сталъ-бы листа на 3 меньше и въ нѣсколько разъ лучше. Повидимому, редакторы «Сборника» сами чувствовали, что рассказы «своихъ» плохи, и вотъ почему они не составили книги исключительно изъ студентческихъ опытовъ (какъ предполагалось сначала). Къ счастью, такихъ упражненій только два въ «Сборникѣ»,—все остальное принадлежитъ заправскимъ литераторамъ. Г. Михайловъ далъ очеркъ «Старая крыса», проникнутый теплымъ, гуманнымъ чувствомъ, но въ художественномъ отношеніи слабый. Фигура «старой красы» совсѣмъ блѣдна, нетипична. Г. же Михайлову принадлежатъ драматическія сцены «Люцій Юній Брутъ». Г. Максимъ Бѣлинскій далъ рассказъ «Далила». Рассказъ этотъ начинается такъ: «ночь легла. Въ синемъ небѣ вспыхнули звѣзды. Отъ дома выросла тѣнь. Брызнулъ лунный блескъ, разсыпавшись на листья серебряными пятнами. И садикъ дремалъ, и все погружалось въ сонъ... И городъ заснулъ... «Она» ждетъ «его» и волнуется. Ея размышленій не выписываемъ ради краткости, упомянемъ только, что дважды «слезинка капнула на подоконникъ». — «Но шелестъ раздался въ садикѣ. Дѣвушка встрепенулась. Кусты и деревья замерли, какъ очарованные. Недвижно бѣлѣли потоки луннаго свѣта. («Недвижно бѣлѣли потоки!».. Знаете, читатель, мы прогрессируемъ. При Бѣлинскомъ такъ писали только въ стихахъ). И гудѣлъ жукъ, какъ струна. (Образъ немного неопредѣленный: струна—какого инструмента?). Шелестъ повторился, что-то хрустнуло. Дѣвушка высунулась изъ окна до половины. Тогда онъ увидѣлъ ее. Онъ увидѣлъ ея свѣтлое платье и маленькій овалъ лица въ рамѣ черныхъ доконовъ. И тихо подо-

шелъ, улыбаясь. Она прошептала: «Гриша!» и руки, тонкія и круглыя, голыя до локтей, обвили его шею, и губы, душистыя, сладкія (!) прижались къ его губамъ» и пр. и пр. Это Далила. Гриша хочетъ, видите-ли, уйти «отъ лжующихъ, праздно болтающихъ, въ станъ погибающихъ за святое дѣло любви»... Далила искушала его остаться. Начинается словесная борьба, прерываемая поцѣлуями «сладкихъ» губокъ. Природа смотритъ на эту борьбу, ей становится, наконецъ, скучно и она начинаетъ проказничать. «Луна показалась изъ за угла дома. (Влюбленнымъ это, вѣроятно, не понравилось, въ тѣни лучше). Часть ея свѣтлаго диска точно запуталась въ сухой вершинѣ яблони, какъ въ сѣткѣ. Звѣзды мигали. Клубами палеваго (!) дыма висѣли тамъ и сямъ прозрачныя облака». Словесная борьба кончилась побѣдой Далилы. Молодой повѣса забирается черезъ окно въ комнату побѣдительницы. «А луна свѣтила ярко. Она висѣла въ темномъ небѣ какъ огромная жемчужина. Дышали цвѣты. Ночь съ любопытствомъ смотрѣла въ спальню дѣвушки (какая безстыжая!). Мохнатая бабочка ползла по стеклу верхней оконницы»... Молодой человѣкъ ушелъ утромъ, когда «розовымъ рукомъ разсыпала заря свой бодрящій свѣтъ»...

Говоря серьезно, единственно хорошая вещь въ «Сборникѣ» — это разсказъ г. Златовратскаго «Старый грѣшникъ». Это тепло, живо и художественно разсказанный эпизодъ изъ студентческихъ воспоминаній автора. Время его студенчества — конецъ шестидесятихъ годовъ, та печальная пора, когда «на горизонтѣ нашего юнаго прогресса начали собираться тучи», когда «такъ-называемыя «студентскія исторіи» достигали уже своего зенита». «Недоразумѣніе» каждый день вырывало новыя жертвы изъ рядовъ молодежи. «Чѣмъ больше сгущались и чѣмъ темнѣе надвигались тучи, тѣмъ нервы становились напряженнѣе. Въ одиночествѣ становилось жутко, и все неволью искало общенія». Вотъ жизнь одного изъ такихъ кружковъ, вызванныхъ потребностью общенія для взаимопомощи и поддержки, и разсказываетъ авторъ. Глубокое, возвышающее впечатлѣніе производитъ его согрѣтый любовью разсказъ. Написанъ онъ очевидно для «Сборника»; тема выбрана какъ нельзя болѣе отвѣчающая мѣсту и цѣли и старательно, съ любовью выполнена. Это одно изъ немногихъ искреннихъ, отъ сердца сдѣланныхъ, пожертвованій въ книжкѣ.

Теперь возьмемъ «серьезныя» статьи.

Обстоятельныя, серьезныя статьи принадлежатъ гг. А. Н. Григорьеву, Ѡ. Мищенко и И. Ш. Кромѣ похвалы объ этихъ прекрасныхъ статьяхъ, мы ничего сказать не можемъ. «Успѣхи

раціоналізма въ древней Греціи» — резюме обстоятельной и интересной докторской диссертации г. Мищенко («Раціоналізмъ Фукидида» etc Кіевъ, 1881). Объ этой книгѣ и статьѣ мы еще, можетъ быть, поговоримъ особо. Статья г. И. Ш. «Очеркъ поземельной собственности въ Англіи и проектовъ ея переустройства», очень небольшая, но обстоятельная и легко написанная, особенно интересна и своевременна теперь потому, что у насъ, точно также какъ въ Англіи, жизнь ставитъ вопросъ о реформѣ земельныхъ отношеній и наши дирижирующие классы тянутъ разрѣшеніе вопроса, какъ извѣстно, какъ-разъ на тотъ путь обезземеленія народа, поглощенія мелкой земельной собственности крупною, по которому давно уже идетъ Англія и все безобразіе и невыгоду котораго она начинаетъ все яснѣе и яснѣе сознавать. Статья г. Григорьева «Нѣсколько словъ по вопросу объ изученіи народнаго быта» является до нѣкоторой степени продолженіемъ статьи г. И. Ш. Авторъ статьи страстный поклонникъ общиннаго землевладѣнія. Наблюдая за ходомъ общественно-экономической жизни послѣ реформы, онъ отмѣчаетъ все усиливающееся стремленіе «денежнаго человѣка» къ обезземеленію народныхъ массъ, чтобы найти «свободныя» рабочія руки для воздѣлыванія своей земли. Нѣкоторые намеки на такую тенденцію онъ находитъ и въ «Положеніи». Онъ наблюдаетъ далѣе за движеніемъ другой стороны общественной мысли: представители этой стороны давно замѣтили стремленіе «денежнаго человѣка», сообразили, имѣя въ виду опытъ Запада, какой страшный вредъ можетъ оно принести народу, и принялись искать средствъ предотвратить бѣду. «У нихъ оказалось только одно орудіе—книга, но на капиталиста она дѣствовала, какъ горохъ на стѣну, а до мужика не доходила. Оставалось надѣяться на самого земледѣльца, который не могъ-же не бороться за свой клочекъ земли и очагъ, и взоры безпристрастнаго наблюдателя обратились къ деревнѣ, отъ которой онъ не отрываетъ ихъ и до настоящаго времени». Но среди наблюдателей деревни произошелъ расколъ. Одни убѣдились, что нравственные силы деревни велики, что внѣ общины стоятъ условія, ее разрушающія, что сама въ себѣ она вынесла и можетъ вынести борьбу съ денежнымъ человѣкомъ; другіе нашли, что община въ себѣ самой носитъ зародыши разложенія, что мужикомъ овладѣваетъ жажда личной свободы, что поэтому самъ онъ силится разорвать общинныя пути... Г. Григорьевъ находитъ, что такой расколъ произошелъ, благодаря узкой и неправильной постановкѣ наблюденій надъ деревней и рекомендуетъ расширить рамки наблюденій, подвергнуть анализу, кромѣ общины, всѣ другія явленія деревенской жизни и

прежде всего такіа, въ основѣ которыхъ лежатъ тѣ-же альтруистическія чувства, составляющія основу общины. Напр., «изученіе отношеній родителей къ дѣтямъ, интересное само по себѣ, могло-бы разъяснить очень многое и въ судьбѣ общины. На этомъ примѣрѣ можно-бы яснѣе узнать степень вліянія условій, разрушающихъ естественныя связи между людьми, и если-бы оказалось, что именно вслѣдствіе этихъ вліяній любовь къ дѣтямъ,—эта сильнѣйшая и естественнѣйшая привязанность въ человѣкѣ,—ослабляется, то надежды на свѣтлое будущее менѣе прочнаго союза—общины—должны были-бы значительно уменьшиться» и пр.

Такимъ образомъ вотъ все содержаніе «Отклика» (о десятихъ стихотвореній мы уже не говоримъ). Три разсказа неравнаго достоинства, но равно заслуживающіе прочтенія, три совершенно серьезныхъ и поучительныхъ статьи, для любителей нѣсколько стихотвореній Я. П. Полонскаго, А. Н. Плещеева, Михайлова, Минскаго, въ опрятно и красиво изданной книжкѣ. Въ концѣ-концовъ, все это рѣшительно стоитъ 2 р. Балластъ можно и не читать. Словомъ—купить книжку стоитъ, тѣмъ болѣе, что и цѣль ея благотворительная...

Но гг. издателямъ мы-бы отъ души порекомендовали бросить это дѣло.хлопотъ и издержекъ много, а толку мало. Съ такимъ изданіемъ не въ первый, такъ во-второй разъ на мѣль сѣсть немудрено. Уже если гг. издатели непременно хотятъ привлекать пожертвованія въ пользу бѣдной молодежи и такимъ путемъ, такъ пусть они лучше послѣдуютъ примѣру студентовъ ярославскаго демидовскаго лицея и подъ руководствомъ какого-нибудь почтеннаго профессора издадутъ сборникъ переводныхъ статей и изслѣдованій по общественной наукѣ. Такая книжка, можетъ быть и медленнѣе пойдетъ, но зато навѣрное на шеѣ издателей не останется.

ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ.

Историки любятъ указывать на неспособность современниковъ къ вѣрному пониманію переживаемой эпохи и эту неспособность любятъ вообще противопоставлять своему глубокому взгляду на историческое прошлое. Судъ исторіи всегда признается чѣмъ-то непогрѣшимымъ, а судъ современниковъ—невѣрнымъ и несправедливымъ.

Трудно, конечно, спорить съ тѣмъ, что мы плохо можемъ оцѣнить мѣру вліянія, которое, *status quo*, должно оказать на весь послѣдующихъ ходъ народнаго развитія. Въ сужденіяхъ современниковъ ошибки въ частностяхъ неизбѣжны, ибо будущее темно для самаго проникательнаго наблюдателя и случайность имѣетъ свою долю вліянія. Но изъ этого нельзя выводить того презрительнаго отношенія къ современнымъ обозрѣвателямъ, которое обыкновенно заявляется съ недосыгаемой высоты академическихъ кафедръ. Не претендуя на пророческій даръ на сотни лѣтъ, мы можемъ, не хуже будущихъ социологовъ, оцѣнить вліяніе современныхъ крупныхъ событій на жизнь нашу въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

Пережитые трудные годы кромѣ нравственнаго утомленія—недуга неизбѣжнаго—внесли въ среду русской интеллигенціи болѣзнь совсѣмъ особаго рода и болѣзнь эта можетъ подточить въ корнѣ самыя свѣжія силы нарождающихся поколѣній. Прежде чѣмъ назвать эту болѣзнь, мы предложимъ читателю нѣсколько предварительныхъ соображеній.

Сенъ-Симонъ раздѣляетъ историческую жизнь народа на эпохи—критическія и органическія. Съ его объясненіемъ послѣдательной смѣны такихъ эпохъ можно не согласиться; но трудно опровергать сущность высказаннаго имъ взгляда. Французскій мыслитель давно покоится въ могилѣ; давно уже отшумѣло

его учение, полное горячих увлечений? Но основное положение его политической философии слишком доказательно, чтобы быть забытым. Несомненно, что каждый вѣкъ приноситъ съ собою свои задачи; сегодня нельзя откладывать того, что вчера могло быть отложено безъ особеннаго вреда. И если допустить, что для всякой стадіи прогрессивнаго развитія челоуѣчества существуетъ извѣстный maximum задачъ, которыя должны быть выполнены, то тѣмъ болѣе необходимо согласиться, что есть minimum. Когда событія идутъ медленнымъ и ровнымъ ходомъ; когда въ недалекомъ прошедшемъ совершено такъ много, что необходимъ роздыхъ для того, чтобы дать лучше укрѣпиться молодымъ росткамъ; когда остается много лишнихъ кусковъ для дѣтей и внуковъ, — тогда коллективный разумъ общества можетъ оставаться недѣятельнымъ, не причиняя въ будущемъ непоправимаго вреда. Но горе тому народу, который въ годину умственныхъ и экономическихъ кризисовъ не выдѣлитъ изъ своей среды добросовѣстно мыслящей и добросовѣстно работающей интеллигенціи. Такъ - какъ во второмъ тысячелѣтіи отъ Р. Х. народныя массы еще не призваны во всѣхъ странахъ сознательно участвовать въ осуществленіи историческихъ задачъ, то тѣ, которые суть «соль земли», могутъ уходить въ себя только въ покойныя и ясныя времена. Иное дѣло, когда позади внезапно явилась новая эра, а впереди лежитъ новая эпоха. Чѣмъ труднѣе, труднѣе и труднѣе власти справляться съ нарождающимися требованіями времени, тѣмъ сильнѣе, сильнѣе и сильнѣе должна быть дѣятельность пионеровъ мысли и слова.

Въ теченіи XIX вѣка для Россіи три раза наступали такіе кризисы. Въ наши дни мы вступаемъ въ четвертый. Первый періодъ—преобразованія Александра I, сороковые года и весенній разцвѣтъ русской мысли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—вотъ три стадіи на пути развитія нашего самосознанія.

Міровоззрѣнія нашихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ рѣзко различались другъ отъ друга, но всѣ три поколѣнія были одинаково богаты нравственно-политическими идеалами, вполне самобытно сложившимися. Люди начала нынѣшняго вѣка окончательно вдвинули государство въ цивилизованный міръ. Они же положили начало современной литературѣ. Политика священнаго союза и суровая реакція, послѣдовавшая за 14 декабря, многое сокрушила. За плодотворной эпохой послѣдовалъ расплывающійся романтизмъ четвертаго десятилѣтія; на смѣну затѣмъ явился гуманизмъ сорокъсвухъ годовъ. Европейское образованіе успѣло проникнуть во всѣ слои привилегированнаго

класса. Въ обществѣ всѣ явственнѣе стали раздаваться протесты противъ крѣпостного строя.

Въ шестидесятыхъ годахъ молодое общество очнулось отъ оцѣпененія. Вліяніе позитивной философіи, починъ власти и сознаніе важности тогдашняго перелома—вотъ три силы, которыя привели къ образованію въ тогдашнемъ поколѣніи самобытныхъ широкихъ идеаловъ и вполне оригинальнаго міросозерцанія. Послѣдователи Бѣлинскаго провели въ сознаніе общества такія идеи, которыя показались-бы опасными передовымъ людямъ сороковыхъ годовъ. Многое осталось *ria desideria*, но самая сущность общежитія нашего народа успѣла измѣниться къ лучшему. Никогда въ нашей исторіи не повторится уже такого радостнаго напряженія нетронутыхъ общественныхъ силъ. Безъ сомнѣнія, наступятъ годы еще болѣе плодотворные и переломы еще болѣе крупныя. Но такого всеобщаго въ великомъ дѣлѣ единенія, такихъ свѣтлыхъ надеждъ, такого юнаго, неукротимаго стремленія выбиться на стезю вѣчнаго прогресса никогда не повторится въ послѣдующіе вѣка. Быть можетъ, мы или наши дѣти увидятъ много прекрасныхъ лѣтнихъ дней, но весенняя буря пронеслась всего одинъ разъ.

Шестидесятые годы такъ близки къ намъ, что вопросъ объ идеалахъ тогдашняго поколѣнія можно съ полной справедливостью считать злобой дня. Несмотря на то, что «увлеченія» наши прошли—до сихъ поръ достаточно упомянуть о стремленіяхъ тогдашняго общества, чтобъ сейчасъ-же увидѣть рѣзкое раздѣленіе читающаго люда на двѣ партіи, изъ коихъ, съ одной стороны, проявляется развитое до болѣзненности чувство любви къ родинѣ, а съ другой—тупая ненависть къ лучшимъ упованіямъ молодого поколѣнія. Всѣ здравомыслящіе люди, надо полагать, согласятся, что двадцать лѣтъ назадъ у правительства было достаточно поводовъ приступить къ широкимъ реформамъ. Согласившись съ этимъ, трудно отрицать, что въ то время представители власти не могли пожаловаться на *недостатокъ людей*.

Съ тѣхъ поръ мы пережили и выстрадали много; но двадцать лѣтъ—такой короткій срокъ, что поколѣніе шестидесятыхъ годовъ не успѣло еще сойти со сцены. Три доли постигли этихъ людей. Одни улеглись въ обширную усыпальницу, двери которой широко раскрыты для всѣхъ молодыхъ русскихъ силъ. Другіе погибли нравственно, отдавшись духу корысти и наживы. Третьи уцѣлѣли и честно трудятся въ наши дни. Ихъ дѣятельность часто бѣдна результатами и могла-бы быть направлена по лучшему пути, но въ ихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ

ясно видны вліянія «грезъ юности», что сообщаетъ ихъ жизни симпатичный колоритъ.

Обратимся теперь къ нынѣшнему поколѣнію. Какова сущность стремленій нашего времени и достаточно-ли сознаны большинствомъ мыслящихъ людей тѣ идеалы, которые создало время? Стоитъ-ли современное общество на высотѣ требованій труднаго періода, наступившаго для насъ?

На нашихъ глазахъ начинается новая эпоха жизни нашего народа. Переживаемые годы должны имѣть рѣшительное вліяніе на длинный рядъ послѣдующихъ десятилѣтій. Отъ того или другого рѣшенія накопившихся «проклятыхъ вопросовъ» зависитъ болѣе или менѣе трудный переходъ къ тому фазису прогресса, который уже мерцаетъ на преддверіи двадцатаго вѣка. Наше столѣтіе накопило громадныя богатства, передъ которыми всѣ сокровища Шехерезады кажутся нестоящими вниманія. Стремленіе къ увеличенію накопленнаго увлекло насъ до такой степени, что мы не имѣли времени распредѣлить барыши между работниками, сообразно труду каждаго, вслѣдствіе чего укоренилась несправедливая система, покровительствующая тѣмъ, у кого много и давящая тѣхъ, у кого мало. Конечно, къ счастью для Россіи, у насъ вопросъ о распредѣленіи жизненныхъ благъ не такъ обостренъ, какъ на Западѣ, но зато мы не разрѣшили еще многихъ проблемъ, которыя «гнилая» Европа уже относитъ къ давно прошедшимъ временамъ.

Мы указывали, что въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ наступали такіе моменты, когда со стороны лучшихъ людей требовалась огромная затрата силъ для формулированія и проведенія въ сознаніе общества нравственно-политическихъ идеаловъ. Мы нашли, что эти люди честно исполнили свою задачу.

Скажутъ-ли тоже объ насъ наши потомки?

Что переживаемые годы есть эпоха крутого перелома,—объ этомъ ведется рѣчь на всѣ лады всѣми собратами-публицистами. Какіе-же идеалы провозглашены нами? И насколько проникли въ сознаніе большинства эти идеалы?

Съ легкой руки публициста, провозгласившаго, что наше время—не время широкихъ задачъ, многіе стали заявлять, что второстепенные вопросы важны именно потому, что ничего важнаго не затрогиваютъ. Не высокія чувства мѣняются на мелкую монету, но самая мелочь, какъ таковая, объявляется единственнымъ предметомъ, о которомъ стоитъ разсуждать. Для поправленія всякихъ несчастій — чистыя палліативы, по безмолвному соглашенію, считаются достигающими цѣли.

Что такого рода взгляды господствовали въ нашей гласной, показной жизни,—это слишкомъ извѣстно и слишкомъ неудобно вспоминать. Но даже во внутренней жизни, неподдающейся официальному обнаруженію, пониженіе идеаловъ, общественныхъ и личныхъ, заразило большинство интеллигенціи. Это-то *пониженіе идеаловъ* и есть особаго рода нравственная болѣзнь, которая удручаетъ наше общество.

Мы не имѣемъ въ виду литературной оцѣнки современнаго творчества, мы хотимъ только указать на отраженіе русской жизни въ литературѣ, независимо отъ того, какое количество таланта заключается въ томъ или другомъ родѣ произведеній русскихъ писателей. Мы ставимъ себя на мѣсто какаго-нибудь будущаго изслѣдователя тревоженій русской жизни, когда онъ, внимательно и послѣдовательно изучая литературу двадцатыхъ, сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ начнетъ вчитываться въ современную беллетристику. Первое обобщеніе, которое является результатомъ разсмотрѣнія литературныхъ профилей нашего времени,—это крайне низкій уровень нравственности привилегированныхъ классовъ.

Конечно, это только общій фонъ картины. Крѣпостное право кануло въ вѣчность, но въ двадцать лѣтъ не успѣли еще исчезнуть многія «прошедшаго житія ужасныя черты». Отсутствие привычки къ труду, «нѣсколько беззаботное», по выраженію Гоголя, отношеніе къ міру мыслц, значительное количество цинизма, недостаточная добросовѣстность, недостатокъ критическаго отношенія къ дѣйствительности, самодовольный шовинизмъ и какая-то безшабашная страсть къ легкой наживѣ и неразумной роскоши—вотъ, что разъѣдаетъ большинство интеллигенціи. Но, повторяемъ,—это только общій фонъ неприглядной картины. Среди массы должно-же быть меньшинство, которому должна принадлежать инициатива.

И вотъ въ поискахъ за изображеніемъ міросозерцанія и идеаловъ лучшихъ людей передоваго меньшинства—«соли земли»—мы наталкиваемся на *отсутствіе положительныхъ типовъ въ современной беллетристикѣ*. Явленіе дѣйствительно замѣчательное. Почти всѣ лучшіе писатели стремятся создать рядомъ съ отрицательными и положительныя типы. Но никакая сила таланта не выручаетъ; въ результатѣ получается, въ лучшемъ случаѣ, что-то въ родѣ исключительныхъ «героевъ»—въ худшемъ, какіе-то фантастическіе облики несуществующихъ людей. Постараемся описать разновидности, на которыя можно подѣлить quasi положительные типы.

Классъ первый—«*дѣльцы*».

Сюда принадлежать либеральные земскіе дѣятели, благородные адвокаты, учредители разныхъ полезныхъ ассоціацій, устройства школъ, больницъ и тому подобные хорошіе люди.

Когда-то въ высокое призваніе «дѣльцевъ» вѣрили всѣ. Теперь въ это призваніе вѣрятъ только враги широкихъ задачъ. Прежде рассуждали такъ,—что, если строить больницы и школы полезно, а быть либеральнымъ земцемъ похвально, то значить положительные типы изъ среды строителей школъ и земскихъ ораторовъ—должны придавать глубокой смыслъ и интересъ бытовому роману. Въ наше время такой силлогизмъ не можетъ имѣть мѣста. По прежнему никто не отрицаетъ полезности больницъ и гуманныхъ земскихъ мѣропріятій. Но давно потерялъ надежду читающій людъ увидѣть воплощеніе такихъ благихъ стремленій, во образѣ какого-либо героя романа или повѣсти. У всѣхъ насъ на памяти длинный рядъ попытокъ создать такихъ героей—попытокъ, кончившихся жалкой неудачей. И нельзя упрекать людей-попытки въ отсутствіи таланта. Какъ только касалось дѣло до воспроизведенія душевныхъ мукъ героя, плѣненного какой-нибудь волшебницей съ задумчивыми глазами чернаго или голубого цвѣта—сейчасъ-же талантъ автора сказывался съ несомнѣнной силой. Тоже случалось, когда на тѣхъ-же страницахъ воспроизводилась пустота того темнаго царства пошлости, среди котораго рождаются и живутъ наши лучшіе люди. Но едва начиналось краснорѣчивое повѣствованіе о существенныхъ и видимыхъ благодѣяніяхъ, расточаемыхъ героемъ своимъ согражданамъ, немедленно личность, весьма живо представленная въ предъидущихъ главахъ, обнаруживала необычайную деревянность и неправдоподобный характеръ. Вы видѣли не живого человѣка, а прозрачное стремленіе навѣсить на героя дѣланныя добродѣтели, отъ которыхъ вѣяло искусственностью. Видно было, какъ авторъ вспоминалъ о необходимости придать дѣльцу-герою его высшія стремленія и торопливо вклеивалъ въ свое произведеніе нарочитое количество благихъ дѣяній положительнаго типа.

Классъ второй—*говорунны*. Отъ предъидущихъ отличается не убѣжденіями и profession de foi, а сферой дѣйствія. Дѣльцы устраиваютъ школы и больницы, говорунны доказываютъ пользу оныхъ милымъ своего сердца. Дѣльцы защищаютъ невинность въ судахъ; говорунны—въ салонахъ. * Дѣльцы говорятъ либеральные спичи въ засѣданіяхъ; говорунны ругаютъ начальство у себя дома.

Съ перваго взгляда и на первыхъ страницахъ романа «говорунны», часто плѣняютъ неопытнаго читателя. Позиція этого сорта людей тѣмъ удобна, что имъ не приходится съ нея сходить куда-

нибудь въ сторону, на трудную стезю живого дѣла. «La critique est aisée». Въ то время, когда кругомъ «говоруновъ» представители положительныхъ типовъ другихъ классовъ среди сумятицы русской жизни гоняются за призраками,—сами «говоруны» имѣютъ возможность ѣдко подсмѣиваться въ сторонѣ надъ такимъ неразуміемъ. При нѣкоторомъ талантѣ автора болтовня «говоруновъ» легко производитъ надлежащій эффектъ, оставляя впечатлѣніе чего-то трезваго и справедливаго. Но какъ только позиція покинута, весь эффектъ пропадаетъ. Вступая въ среду дѣльцевъ, «говоруны» не въ силахъ исполнить что-нибудь больше тѣхъ, надъ которыми потѣшались недавно, забавляя читателей.

Классъ третій—*«черноземная силушка»*.

Сущность политическихъ идеаловъ этихъ людей заключается въ сліяніи съ народной массой.

Мы не станемъ говорить объ истинности этого міросозерцанія; но интересно, что, по мнѣнію авторовъ, выводившихъ на сцену положительные типы этого сорта, такіе люди, слившіеся съ массой, рекомендовались, какъ спасители отечества. Къ чему они хотѣли привести народъ, съ которымъ сливались, неизвѣстно; но самое сліяніе признавалось радикальной панацеей отъ всѣхъ золъ.

Вопросъ, затрагиваемый творцами «черноземной силушки», принадлежитъ, конечно, къ наиболѣе жгучимъ. Не нужно вдаваться, намъ кажется, въ оцѣнку міросозерцанія представителей «черноземной силушки», чтобы убѣдиться въ ненадежности стремленій, основанныхъ на сліяніи съ деревней. Это сліяніе, какъ таковое, можетъ служить весьма растяжимымъ средствомъ, смотря по происхожденію индивидуумовъ, просачивающихся изъ интеллигенціи въ народъ. Образованіе само по себѣ, какъ справедливо указалъ Гербертъ Спенсеръ, не только не служитъ ручательствомъ альтруистическихъ стремленій, но даже не можетъ давать надежду на элементарную добросовѣстность. Если *культурный человекъ* водворится среди сельчанъ, то не совсѣмъ невѣроятны два исхода: или *образованный* по недомыслію потащитъ сосѣдей на ложную дорогу, или, еще хуже, выродится въ кулака.

Классъ четвертый—*«враги крамолы и спасители отечества»*. Процвѣтаютъ на страницахъ «Русскаго Вѣстника». Классъ этотъ распадается на нѣсколько подклассовъ.

Кампанія довольно пестрая; но есть у нея одна общая черта—дикая ненависть къ современному молодому поколѣнію.

Предлагаемая классификація обнимаетъ всѣ, или почти всѣ

попытки современных писателей къ созданію положительных типовъ. Не подходят ни подъ одинъ изъ четырехъ классовъ только фантастическіе характеры. Напримѣръ, Левинъ въ «Аннѣ Карениной», несмотря на всѣ усилія романиста изобразить въ его лицѣ какихъ-то хорошихъ людей,—хорошихъ, полезныхъ и умныхъ, есть плодъ фантазіи, не имѣющій подъ собой никакой почвы. Расплывающееся мудрствованіе и непонятные намеки на непонятные идеалы,—вотъ, что составляетъ результатъ авторскихъ стремленій воспроизвести нѣчто сугубо-оригинальное. Въ этихъ образахъ читающій людъ никого не узнаетъ, развѣ, можетъ-быть, ничтожное меньшинство замѣтитъ зеркало, въ которое любуется романистъ на свое собственное отраженіе. Конечно необходима случайность личнаго знакомства, чтобы подмѣтить въ авторѣ романа наклонности миѣческаго Нарцисса, любовно созерцающаго свои собственныя черты.

Много званныхъ, но мало избранныхъ. Одиного проводятъ жизнь тѣ сограждане наши, которые, оглянувшись въ послѣдствіи на свою жизнь, скажутъ, что не даромъ жили и съ пользой потрудились для своего народа. Мало избранныхъ! До такой степени мало, что характеръ этихъ людей попадаетъ въ хроники, мемуары и біографіи; но для романа недостаточно матеріала, заключающагося въ жизни десятка людей. Писатели либо предаются туманнымъ фантазіямъ, либо выпускаютъ нѣчто среднее между хроникой и памфлетомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что беллетристъ вознамѣрился вставить въ свое произведеніе положительный типъ, наприм., земскаго дѣятеля, неутомимо трудящагося на пользу «обывателей». Но не говоря уже о тяжести общихъ условій, крѣпостныя преданія такъ еще живы, что піонерскія стремленія въ сферѣ широкихъ задачъ въ средѣ земства будутъ подавлены *самой средой* даже помимо внѣшняго давленія. Какъ общее явленіе, дѣйствительно плодотворная дѣятельность въ земствѣ не можетъ существовать. Какъ отдѣльный случай—другое дѣло. Но отдѣльные случаи матеріала для беллетристики не дадутъ. Также неудача ждетъ всѣ попытки и на другихъ дорогахъ, нами указанныхъ.

Невозможность создать положительные типы намъ кажется лучше всего указываетъ, какого рода недугомъ страдаетъ въ наше время русское общество. Недугъ этотъ—пониженіе идеаловъ. Мы разумѣемъ здѣсь повальное отлыниваніе отъ «широкихъ задачъ»,—общее стремленіе къ пальятивамъ, общую любовь ко всякаго рода скороспѣлымъ утѣшеніямъ. Въмѣсто того,

чтобы «честно молчать» о запретном—предпочитають влиять и лицемерить.

На общія условия нельзя сваливать всю вину. Въ старинные годы много суровѣе было.

Ужасающая суровость общихъ условий теперь, надо сказать, миновала. Жизнь не звучитъ уже тѣми суровыми нотами, какъ въ эпоху молодости нашихъ отцевъ. Стѣна, которая въ былые годы стояла сплошной массой, теперь раздвинулась. Никто уже не въ правѣ жаловаться на чрезмѣрный гнетъ или повальное невѣжество. Все это, повторяемъ, миновало.

Но если есть что-нибудь досаднаго въ существующихъ общихъ условияхъ,—это непослѣдовательность, неопредѣленность, незаконченность. Нѣтъ ни суровости, ни мягкости, а есть нечто среднее, колеблющееся то въ одну, то въ другую сторону. Сфера дѣйствія современныхъ пионеровъ то суживается, то расширяется и весьма трудно уловить ея очертавія.

Допуская, что общіе результаты, достигнутые при подобномъ порядкѣ вещей, будутъ плодотворнѣе, чѣмъ при опредѣленно суровыхъ тонахъ жизни,—мы все-таки должны признать, что уровень личнаго развитія неизбѣжно долженъ понизиться. Допуская, что широкія задачи жизни могутъ быть выполнены исподволь, шагъ за шагомъ,—мы думаемъ, тѣмъ не менѣе, что отсутствіе прямой постановки широкихъ задачъ должно произвести общественный недугъ — пониженіе идеаловъ. Этотъ недугъ прискорбно видѣть ради настоящаго. Да, пожалуй, и въ будущемъ такая болѣзнь не принесетъ ничего хорошаго. Этотъ недугъ и есть та причина, вслѣдствіе которой никакой талантъ не въ силахъ создать положительные типы въ русской литературѣ нашего времени.

Пониженіе идеаловъ и связанное съ нимъ господство золотой посредственности имѣють для литературы гораздо большее значеніе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Не только литературныя произведенія теряють яркую окраску, которую имъ придава-бы общественная идея, выраженная въ живыхъ образахъ; даже чисто-художественная сторона много проигрываетъ. Тамъ, гдѣ идеалы низведены до minimum'a, тамъ, гдѣ личность принижена не только плохо прививаются альтруистическія стремленія; мало того, тамъ даже индивидуальныя судьбы скоро укладываются въ казенный шаблонъ. Посредственность не только не способна живо сочувствовать и выражать это сочувствіе въ жизни, но вообще она неспособна ни много любить, ни пылко наслаждаться, ни глубоко страдать, ни глубоко ненавидѣть. Мелкія

страстишки, умѣренные печали и тупая ненависть ко всему яркому и сильному—вотъ удѣлъ посредственности.

Какіе-же образы навѣютъ писателямъ такіе люди? Какіе романы, поэмы, баллады и идилліи способны воплотить эту пошлость? Отвѣтъ на лицо: только сатира, беспощадная сатира можетъ процвѣтать въ эти дни, чувственности безъ любви, дни крошечныхъ талантовъ и гигантскихъ пороковъ, рай холодныхъ сердець и узкихъ умовъ.

М. Ан.

МОСКОВСКИЙ ПРОЕКТЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ УѢЗДНАГО И КРЕСТЬЯНСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Въ № 26 газеты «Земство» напечатаны были главные основанія для преобразованія уѣзднаго и крестьянскаго управленія, выработанныя комиссіею московскаго губернскаго земства.

Изъ числа проектовъ переустройства нашего уѣзда, возникшихъ въ отвѣтъ на поставленный правительствомъ вопросъ о преобразованіи теперешнихъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, предложенія, выработанныя комиссіею московскаго земства, заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ потому, что голосъ первопрестольной, каковъ-бы онъ ни былъ, никогда не можетъ остаться неуслышаннымъ среди голосовъ земли русской, такъ и вслѣдствіе того серьезнаго, дѣльнаго отношенія къ дѣлу, какое русское общество уже привыкло встрѣчать въ трудахъ московскаго земства.

Нынѣшній проектъ, еще не бывшій, впрочемъ, на разсмотрѣніи земскаго собранія, отличается тѣми-же качествами. Комиссія не осталась въ предѣлахъ узкихъ рамокъ поставленныхъ министерствомъ вопросовъ, она взглянула на дѣло шире, подошла къ самой сути вопроса, взяла его, такъ-сказать, подъ корень. Въ результатъ явился проектъ полнаго переустройства нашихъ уѣздныхъ учреждений, какъ крестьянскихъ, такъ и некрестьянскихъ, проектъ практичный въ смыслѣ удобовыполнимости, связанный во всѣхъ своихъ частяхъ, дѣльный по выразившимся въ немъ возрѣніямъ. Это не то, что блаженной памяти мечтанія с.-петербургскаго дворянства о всесословной не то волости, не то вотчины, съ которыми, однако, какъ мнѣ кажется, нынѣшній проектъ комиссіи московскаго земства имѣетъ нѣкоторое сходство.

Орудіемъ уѣзднаго переустройства эта комиссія избрала, по-

добно нѣкоторымъ другимъ губерніямъ, напр., тверской и рязанской, земскую волость. Правда, московская комиссія не проектируетъ подъ видомъ волости образованія новой единицы земскаго самоуправленія, какъ это сдѣлали двѣ вышеупомянутыя губерніи; московская волость — только административная или, лучше, судебно-административная, безъ права самообложенія и безъ представительныхъ собраній; но соединенное съ ея устройствомъ преобразованіе отъ этого нисколько не менѣ радикально. Въ главѣ такой волости комиссія ставитъ всего одно лицо, волостнаго мирового судью, избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, но съ властью гораздо болѣе многообразною, чѣмъ власть теперешнихъ мировыхъ судей. На этого судью переносятся и обязанности теперешняго мирового судьи, и непрелѣннаго члена уѣзднаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, какъ равно и большая часть обязанностей самого этого присутствія (предполагаемаго затѣмъ къ упраздненію) и исправника — въ отношеніи къ попеченію по сбору податей — и, наконецъ, онъ-же будетъ пристяжнымъ членомъ земской управы, являясь, такимъ образомъ, самостоятельнымъ исполнителемъ предначертаній земскаго собранія. Поставленная подъ его началомъ административная волость по своимъ размѣрамъ всего ближе подходитъ къ участкамъ бывшихъ мировыхъ посредниковъ по крестьянскимъ дѣламъ (въ каждой волости предполагается приблизительно 9,000 душъ населенія). Она будетъ именоваться *земскою* и снабдится полнымъ аппаратомъ административнаго управленія, съ собственнымъ казначействомъ и даже съ особою нотаріальною конторою. Существующія нынѣ крестьянскія волости упразднятся; волостные старшины пропадутъ, на ихъ мѣсто явятся товарищи волостныхъ мировыхъ судей по административнымъ дѣламъ, по одному на каждую волость, избираемые уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, между прочимъ, и изъ грамотныхъ крестьянъ, и ходящіе, полагать надо, по путямъ хозяина волости — судьи. Крестьянскій судъ, по обычаю, разобьется на двѣ инстанціи: на сельскій судъ и волостной. Но сельскій судъ будетъ не судомъ стариковъ схода, вершающихъ и нынѣ дѣла такъ-называемымъ сельскимъ самосудомъ, согласно мнѣніямъ и взглядамъ общества, а организованнымъ учрежденіемъ, выкроеннымъ по образцу нынѣшнихъ волостныхъ судовъ. Волостной-же судъ, изъ мирового судьи съ двумя сельскими судьями на придачу, явится въ видѣ апелляціонной инстанціи на смѣну собственнo нынѣшнему разбирательству въ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. Въ лицѣ волостныхъ приставовъ новыя земскія волости получаютъ каждая своего станового, такъ-

же, какъ и нынѣшніе становые, назначаемаго отъ правительства и подчиненнаго исправнику. Всѣ эти лица: мировой судья, его товарищъ по административнымъ дѣламъ и волостной приставъ, въ соединеніи съ тремя очередными сельскими старостами и тѣми изъ почетныхъ мировыхъ судей, которые того пожелаютъ, составятъ изъ себя волостную управу для коллегіальнаго обсужденія нѣкоторыхъ административныхъ мѣропріятій (напр., борьбы съ насѣкомыми, съ повальными болѣзнями и т. п.).

Вотъ въ общихъ чертахъ главныя основанія проектированной московскою комиссіею земской судебно-административной волости. Порядокъ управленія, вводимый ею, очень простъ, очень удобопримѣнимъ, очень отвѣчаетъ извѣстнымъ требованіямъ и въ то-же время способенъ очень сильно повліять на весь нашъ областной бытъ. Нѣтъ почти ни одного учрежденія въ уѣздѣ, котораго-бы введеніе московской волости не затрогивало самымъ существеннымъ образомъ. А какого рода должна быть эта перемена, мнѣ кажется, не трудно усмотрѣть теперь-же, если поближе разобратъ свойства московскихъ предположеній.

Прежде всего считаю необходимымъ самымъ строгимъ образомъ отдѣлить эту административную земскую волость отъ земской-же волости, проектированной нѣкоторыми другими губерніями (тверской, рязанской и другими) въ смыслѣ самостоятельной единицы земскаго самоуправленія, волости, главнымъ образомъ, хозяйственной, съ правомъ самообложенія и представительными собраніями. Сдѣлать это различіе необходимо, между прочимъ, и потому, что поверхностному читателю газетъ не трудно смѣшать оба учрежденія по сходству названій, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя газеты даже сами сдѣлали эту ошибку въ своихъ отзывахъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности между ними нѣтъ ничего общаго. Это не двѣ разновидности одного и того-же типа учрежденій, а два совершенно различныхъ учрежденія, служащихъ разнымъ цѣлямъ, даже прямо противоположныхъ другъ другу, такъ-что, напр., сторонникъ тверской волости или рязанской несравненно охотиѣе останется при теперешнихъ крестьянскихъ волостяхъ, чѣмъ согласится на введеніе московской, и наоборотъ. Общее между преобразователями обоего рода лишь желаніе удалить одни и тѣ-же причины уѣзднаго неустройства.

Сопоставленіе обоихъ способовъ улаживанья всего лучше поможетъ оцѣнить московскій проектъ по достоинству. Вотъ чѣмъ мотивируетъ, напр., необходимость устроить въ видѣ земской волости и округа (какъ онъ его называетъ) мелкую единицу земскаго самоуправленія, составитель докладной записки рязанскому

губернскому земскому собранію кн. С. В. Волконскій, возбудившій этотъ вопросъ въ Рязани *).

Послѣ упраздненія крѣпостного права, говорить кн. Волконскій,—наше сельское населеніе оказалось раздѣленнымъ на двѣ, почти чуждыя другъ другу въ смыслѣ государственнаго союза, группы: на крестьянъ, слитыхъ въ сельскія общества, и на личныхъ землевладѣльцевъ, разобщенныхъ и между собою и въ особенности съ крестьянами. При этомъ всѣ физическія рабочія силы отошли въ одну сторону, вся интеллигенція—въ другую. Естественнымъ послѣдствіемъ такого разъединенія являются тѣ социальныя отношенія, которыя стремились, повидимому, отодвинуть ихъ другъ отъ друга еще далѣе, сельскую общину обратить въ рабочую казарму, а личное землевладѣніе—въ коммерческое предпріятіе, имѣющее одну цѣль—барышъ. Понятно, что при такомъ положеніи каждая сторона не церемонится при каждомъ удобномъ случаѣ пожить на счетъ другой, эксплуатировать въ свою пользу ея нужду. Я не стану приводить всѣхъ словъ князя Волконскаго и ограничусь лишь передачей общаго хода его мысли. Вышеописаннымъ отношеніямъ, по мнѣнію кн. Волконскаго, необходимо положить предѣлъ, установивъ на мѣсто порванной связи между обѣими частями нашего населенія новую, способную согласовать интересы ихъ обѣихъ. Достигнуть же этого можно лишь связавъ обѣ половинки кармановъ, посредствомъ общихъ расходовъ на общія нужды. Неся общія издержки на общія нужды, каждый самымъ осязательнымъ образомъ почувствуетъ, что ежели хорошо сосѣду, то и ему хорошо, а ежели худо сосѣду, то и ему худо. Изъ всѣхъ учрежденій, возникшихъ послѣ упраздненія крѣпостного права, на этомъ началѣ построены только учрежденія земскаго самоуправленія. На нихъ, слѣдовательно, и легла задача связать во-едино разрозненные части общества, или, вѣрнѣе сказать, создать это общество, такъ-какъ при отсутствіи этого условія можетъ быть населеніе, но не общество. Но нынѣшнія земскія учрежденія не въ состояніи выполнить такой задачи, какъ слѣдуетъ. Князь Волконскій подробно перечисляетъ въ своей запискѣ, что могло быть сдѣлано и частью дѣйствительно сдѣлано этими учрежденіями по всѣмъ отраслямъ возложенныхъ на нихъ обязанностей и чего они, при теперешнемъ своемъ составѣ, сдѣлать не въ состояніи. Изъ этого перечня видно, что ежели земствомъ не мало уже сдѣлано, то то, что оно должно-бы сдѣлать, а между тѣмъ сдѣлать не можетъ, еще несравненно боль-

* Записка эта была напечатана въ № 35 „Московского Телеграфа“.

ше. Такъ, напр., по дѣлу обезпеченія народнаго продовольствія нынѣшнія земскія учрежденія въ состояннн хранить и считать продовольственные капиталы, но оказывать ими дѣйствительной помощи нуждающимся точно такъ-же, какъ и бороться съ причинами голодовокъ, они не въ состояннн; въ борьбѣ съ бѣдствіями отъ огня, эти учрежденія въ состояннн вести болѣе или менѣе аккуратно дѣло страхованія имущества, но принять какія-либо успѣшныя мѣры противъ самыхъ пожаровъ имъ рѣшительно не подъ-силу. По охраненію народнаго здравія земство можетъ имѣть не дурно устроенныя больницы въ городахъ и уѣздахъ и порядочныхъ врачей при нихъ, но не можетъ ни успѣшнымъ образомъ бороться съ эпидеміями, ни улучшить санитарныхъ условій мѣстностей. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія оно могло вызвать къ жизни начальную школу, и сдѣлало это, но обезпечить ей прочное развитіе оно опять не въ состояннн, и т. д., и т. д., не говоря уже о массѣ потребностей, удовлетвореніе которыхъ въ настоящее время не выходитъ даже изъ области мечтаній, какъ то: страхованіе скота, устройство мѣстныхъ дорогъ, призоръ нищихъ и проч. На все это нужно ближайшее участіе непосредственно заинтересованнаго въ дѣлѣ населенія, а не однихъ только выбранныхъ въ губерніи или уѣздѣ распорядителей, хотя-бы и отвѣтственныхъ передъ выбравшими ихъ собраніями. При всемъ этомъ земскія учрежденія (рязанской губерніи) нынѣшней организаціи, по мнѣнію князя Волконскаго, уже сдѣлали почти все, что они могли сдѣлать, такъ-что въ будущемъ имъ предстоитъ одно изъ двухъ: или витать въ области отвѣченныхъ вопросовъ, или-же превратиться мало-по-малу въ канцеляріи выборныхъ чиновниковъ, такъ-же мало заинтересованныхъ всѣмъ, что находится внѣ предѣловъ ихъ формальныхъ обязанностей, какъ и чиновники всякихъ другихъ канцелярій.

Проектируемый княземъ Волконскимъ округъ въ качествѣ мелкой единицы земскаго самоуправленія, стоящей подъ уѣдомъ, долженъ отвѣчать требованіямъ, вытекающимъ изъ приведенныхъ соображеній. Онъ предположенъ мелкимъ, очень мелкимъ, такъ, чтобы всѣ лица, входящіи въ его составъ, были болѣе или менѣе извѣстны другъ другу. Онъ обнимаетъ все населеніе, живущее на извѣстномъ пространствѣ и обладающее какимъ-нибудь имуществомъ, подлежащимъ обложенію на общія нужды. Предметы вѣдѣнія его точно опредѣлены; это тѣ-же предметы, которые и въ настоящее время подлежатъ вѣдѣнію земства. На удовлетвореніе своихъ нуждъ населенію округа предоставляется право самообложенія сообразно имуществу, и, сообразно тому, имуществомъ-же опредѣляется и право на участіе

въ собраніяхъ округа. По мнѣнію князя Волконскаго, слѣдуетъ назначить извѣстный минимумъ облагаемаго имущества, владѣніе которымъ давало-бы владѣльцу право на голосъ въ собраніи по цензу; мелкіе-же личные собственники, какъ равно и крестьяне-общинники, могли-бы избирать своихъ представителей по одному отъ cadaго коллективнаго ценза такого-же размѣра. А такъ-какъ никому больше одного голоса не предоставляется, то князь Волконскій предлагаетъ установить извѣстный размѣръ нормальнаго обложенія, съ тѣмъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда по нуждамъ округа потребуется обложеніе, высшее противъ нормы, окружное собраніе представляло свои о томъ постановленія на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній, въ случаѣ несогласія съ заключеніемъ которыхъ, вопросъ переносится на разрѣшеніе губернскаго собранія.

Проектъ подобнаго рода учрежденія былъ на разсмотрѣніи рязанскаго губернскаго земскаго собранія и сходный съ нимъ проектъ принятъ тверскимъ. Очевидно, что и собранія другихъ губерній, проектировавшихъ или проектирующихъ учрежденія земской волости въ смыслѣ самостоятельной единицы земскаго самоуправления, должны руководствоваться болѣе или менѣе сходными соображеніями. Но ясно также, что это совсѣмъ не то, что предполагаетъ московская коммиссія. Такая волость, или такой округъ, собственно говоря, не вноситъ никакого новаго начала въ наше уѣздное устройство и не затрагиваетъ непосредственно ни одного изъ другихъ уѣздныхъ учреждений, а является естественнымъ развитіемъ учреждений земскихъ, которымъ дѣйствительно трудно обойтись безъ подобнаго дополненія. Она могла-бы очень удобно возникнуть даже бокъ-о-бокъ съ нынѣшними крестьянскими волостями, развившись, напр., изъ приходскихъ попечительствъ при правѣ самообложенія, хотя, конечно, ожидать слѣдуетъ, что разъ подобное учрежденіе прочно засѣло-бы въ нашихъ селахъ, на него само-собою перешло-бы большинство отправленій, какъ крестьянскихъ волостей, такъ и нѣкоторыхъ другихъ учреждений: вѣдь были-же возложены и на самыя крестьянскія волости множество обязанностей, вовсе не предполагавшихся возлагать на нихъ въ положенія о крестьянахъ. Можно сомнѣваться, и я, съ своей стороны, сильно сомнѣваюсь, чтобы устройство подобнаго округа оправдало всѣ тѣ надежды, какія, повидимому, возлагаетъ на него князь Волконскій до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока существуетъ нынѣшняя податная система. Какъ связать обѣ разъединенныя части нашего общества, когда одна изъ нихъ, притомъ бѣднѣйшая, несетъ на себѣ все бремя государствен-

ныхъ податей, а другая ничего? И все-таки нельзя не видѣть въ устройствѣ такого округа не маловажнаго шага впередъ по тому пути, который одинъ въ состояннн привести насъ къ лучшему устройству нашего общественнаго быта, чѣмъ теперь, хоть часть расходовъ на общественныя потребности будетъ и равномерно распредѣлена, и надлежащимъ образомъ выполнена. Даже самый податной вопросъ можетъ быть подвинуть впередъ къ своему разрѣшенію созданіемъ подобной единицы мѣстнаго самоуправления, сдѣлающей преобразование еще болѣе настоятельнымъ и неизбѣжнымъ.

Посмотримъ теперь, какъ относится ко всему этому московскій проектъ. Мнѣ не приходилось читать, чѣмъ мотивируютъ свои предположенія его составители. Въ печати мотивы не появлялись. О нихъ можно судить лишь по свойству самыхъ предложеній. И составители этого проекта, повидимому, почувствовали тотъ разладъ, какой происходитъ въ нашемъ обществѣ отъ дѣленія его на двѣ разобщенныя группы, не связанныя никакимъ общимъ интересомъ. И они задумали тоже связать обѣ части во-едино, но сдѣлать это посредствомъ общихъ расходовъ на общія нужды путемъ самообложенія не рѣшились. Составители проекта, сдается мнѣ, ничего такъ не боятся, какъ самообложенія. И вотъ они заботливо устраняютъ право самообложенія изъ своей земской волости. Однако, что-же затѣмъ остается дѣлать? Если нельзя связать обѣ части общностью интересовъ, то остается связать ихъ насильно, или прямо подчинивъ одну изъ нихъ другой, какъ это и было при крѣпостномъ правѣ, или же посредствомъ совмѣстнаго подчиненія ихъ какой-нибудь третьей власти. Надо только позаботиться, чтобы эта власть была настолько солидарна съ интересами, по крайней мѣрѣ, той стороны, чей карманъ желательно уберечь, чтобы этой сторонѣ нечего было бояться какой-либо обиды со стороны власти. Это и достигается назначеніемъ выборнаго волостнаго мирового судьи въ хозяева земской волости.

Надо отдать справедливость московской комиссіи, что разъ вопросъ поставленъ на эту точку, она разрѣшила его и практично и умѣло. Вспомнимъ, напр., какъ поступили при разрѣшеніи подобной-же задачи составители возникшихъ-было, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ средѣ с.-петербургскаго дворянства проектовъ всесловной волости, о которыхъ мнѣ уже разъ приходилось упоминать *). Тѣ, сколько помнится, такъ и пред-

*) Мнѣ случилось читать три такихъ проекта. Можетъ-быть, ихъ было больше. До тѣхъ, разумѣется, мое замѣчаніе относится не можетъ.

полагали предоставить всю власть въ волости помѣщикамъ и даже не имъ лично, а ихъ управляющимъ. Составители московскаго проекта слишкомъ русскіе люди, чтобы не понять невозможности такого положенія. Они выдвинули впередъ чиновника. Однако, кто такой этотъ судебно-административный волостной мировой судья московской волости? Вѣдь, въ сущности, это тотъ-же баринъ, только не баринъ по рожденію, а баринъ по избранію, образованный (порукой тому цензъ образовательный) и привязанный къ мѣстности (цензъ имущественный), баринъ, полагать надо, неспособный дойти въ проявленіяхъ власти до тѣхъ крайностей, до которыхъ доходили баре лишь по рожденію, излюбленный баринъ земли русской, а все-же баринъ, со всѣми принадлежностями барской власти. Принадлежа самъ къ мѣстной интеллигенціи и будучи выбираемъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, такой судья, надо полагать, не нарушитъ матеріальныхъ интересовъ своихъ сотоварищей по землевладѣнію. Что-же касается до другихъ интересовъ, то о нихъ говорить не придется.

Внося новое начало въ среду новыхъ учрежденій послѣдняго царствованія, московская волость естественно не вяжется ни съ однимъ изъ нихъ. Всѣ они должны поступиться въ пользу гг. волостныхъ мировыхъ судей частью своихъ отправленій и своей власти, всѣ претерпѣть болѣе или менѣе коренныя видоизмѣненія. Я не говорю уже о крестьянской волости; для нея совершенно нѣтъ мѣста возлѣ волостного судьи, вооруженнаго и административною властью уѣзднаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и властью члена земской управы, и даже властью исправника въ отношеніи къ сбору податей. Дѣло волостного старшины состоятъ у такого судьи на посылакахъ, въ видѣ его товарища по административнымъ дѣламъ. Даже волостной судья долженъ принаровиться къ новому положенію. Точно также не можетъ возникнуть и настоящей земской волости или округа, той мелкой единицы земскаго самоуправленія, о которой только что было говорено. Предметы ея вѣдѣнія будутъ лежать на попеченіи волостныхъ мировыхъ судей, какъ членовъ земской управы, съ присоединеніемъ, пожалуй, коллегіальныхъ засѣданій волостной управы. Будутъ-ли въ состояніи гг. судьи выполнить эти дѣла, какъ слѣдуетъ, въ своихъ волостяхъ съ девяти-тысячнымъ населеніемъ, болѣе чѣмъ сомнительно, хотя московская комиссія, повидимому, держится другого мнѣнія, разъ она заставила ихъ засѣдать въ земской управѣ. Самая эта управа, точно также, какъ и земское собраніе, даже съѣздъ мировыхъ судей, въ смыслѣ учрежденія чисто-судебнаго, не должны-ли будутъ и они измѣниться самымъ кореннымъ образомъ, если

не всё въ своемъ составѣ, то-есть въ отправленіяхъ, отъ присутствія въ нихъ такого числа лицъ, занимающихъ сразу столько должностей, несомвѣстимыхъ нынѣ даже по закону? Если подумать хорошенько, то я полагаю, можно даже предугадать, какого рода перемены ожидать должно. Пусть вспомнятъ, какое сватовство и кумовство развилось-было въ блаженной памяти учрежденіяхъ мировыхъ посредниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, пускай вспомнятъ, что отъ того-же порока не свободенъ и персоналъ нашихъ мировыхъ судебныхъ установленій, въ особенности въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ мировые судьи, какъ говорится, спѣлись между собой; а между тѣмъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, почвы для такого сближенія сослуживцевъ гораздо меньше, чѣмъ будетъ у проектированныхъ московскою комиссіею волостныхъ мировыхъ судей. Пусть также подумаютъ о томъ, какъ не легко бываетъ иному земскому собранію справляться съ своею управою даже при теперешнемъ ея составѣ. Можетъ-быть, тогда станетъ яснѣе, чего слѣдуетъ ожидать въ будущемъ и земскимъ и мировымъ судебнымъ учрежденіямъ въ случаѣ осуществленія московскаго проекта. Московская комиссія проектируетъ двойкія собранія для земской управы: однѣ обыденныя, въ которыхъ будутъ принимать участіе лишь обычные члены управы, другія полныя, съ участіемъ членовъ волостныхъ судей. Какъ-бы эти полныя собранія управы фактически не замѣнили самого земскаго собранія. О теперешнихъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и говорить нечего; ихъ отправленія вполнѣ переносятся на новую волость и ея судей. Но этихъ миѣ не жаль.

При существованіи такой власти, какою предполагается снабдить волостныхъ мировыхъ судей, понятно, что поставленная подъ ихъ началомъ земскія, или какъ правильнѣе ихъ будетъ называть, *вмѣсто-земскія* волости должны быть крупными, въ 9,000 душъ населенія и болѣе, чѣмъ крупнѣе тѣмъ лучше. Попробуйте-ка убавить ихъ размѣръ хоть до размѣровъ нынѣшнихъ волостей или до размѣра предположеннаго княземъ Волконскимъ округа. Тогда чуть не всё помѣщики сдѣлаются судьями, и новый видъ крѣпостного права будетъ установленъ вполнѣ.

Но если московская волость плохо вяжется съ другими уѣздными учрежденіями, то съ учрежденіями уѣздной полиціи она вяжется отлично. Конечно, и эти учрежденія должны будутъ претерпѣть сильное измѣненіе и уступить часть своей власти волостнымъ мировымъ судьямъ. Но зато, что они приобрѣтутъ! Вмѣсто двухъ-трехъ станovýchъ приставовъ на уѣздъ, исправникъ получитъ себѣ въ помощники по одному приставу на каж-

дую волость, обстоятельство, которое уже само по себѣ съ избыткомъ вознаградитъ его за утрату урядниковъ, а главное— съ него предполагается снять самую тяжкую, самую неприятную изъ всѣхъ его обязанностей: надзоръ за исправнымъ поступленіемъ податей и повинностей и понужденіе къ уплатѣ оныхъ. Сомнительно, чтобы государство, при существованіи нынѣшней системы податнаго обложенія, могло выпустить изъ своего непосредственнаго завѣдыванія такое дѣло, какъ надзоръ за поступленіемъ податей, но если-бы это случилось (а въ проектѣ это полагается возможнымъ), то, конечно, выигрышъ полиціи былъ-бы громаднѣй.—Полиція могла-бы тогда заняться своей настоящей обязанностью, охраненіемъ порядка и благочинія, и должность исправника перестала-бы быть тою нелюбимою, неприятною должностью, на которую люди охотно идутъ только тогда, когда они рѣшительно не въ состояніи добыть себѣ желаемое пропитаніе инымъ образомъ. Но каково будетъ положеніе волостныхъ мировыхъ судей, которые примутъ на себя поверхъ всѣхъ своихъ прочихъ многостороннихъ обязанностей, еще и попеченіе о сборѣ податей?

Есть вещи, сами по себѣ до того несправедливыя, до того осуждаемыя въ общественномъ сознаніи, что уже одна прикосновенность къ нимъ неминуемо роняетъ въ общественномъ мнѣніи всякое лицо и всякое учрежденіе, какое-бы оно ни было, которое станетъ ими заниматься, хотя-бы и въ силу служебныхъ обязанностей. И такую вещь является въ жизни нашихъ губерній, прежде всего и болѣе всего сборъ податей, разумѣется, вслѣдствіе существующей податной системы. Сколько учрежденій, отлично задуманныхъ и хорошо поставленныхъ, успѣла уже загубить эта обязанность. Приведу ихъ перечень хоть за одно послѣднее время. Для почина начну съ учрежденій крестьянскаго самоуправленія.

Въ послѣднее время вошло въ обычай хвалить дѣятельность гг. мировыхъ посредниковъ по крестьянскимъ дѣламъ перваго трехлѣтія послѣ упраздненія крѣпостного права, противопоставляя ихъ, какъ посредникамъ позднѣйшаго времени, такъ и нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ. Это были, говорятъ намъ, люди энергичные, честные, здраво и добросовѣстно относившіеся къ дѣлу, которому служили, словомъ—люди, при всѣхъ своихъ недостаткахъ (у кого-же ихъ нѣтъ?), сослужившіе добрую службу своей родинѣ. Охотно признаю все это, но въ интересахъ справедливости слѣдуетъ сказать то-же самое и о первыхъ волостныхъ старшинахъ. И они были по большей части тоже лучшими людьми своего общества; и они также честно, также добро-

совѣстно относились къ своимъ обязанностямъ, какъ и мировые посредники перваго трехлѣтня, и ихъ служба родинѣ была добрая. Если потомъ люди измѣнились вмѣстѣ съ характеромъ самого учрежденія, то главная вина тому ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ обязанности имѣть надзоръ за отбываніемъ податей и повинностей. Въ силу этой обязанности явились: и административное подчененіе исправнику, и сидѣнія въ полицейской тигулевкѣ, матеріальное развореніе, заливаемое водкою, и, наконецъ, даже подкупы и взятки, словомъ—всѣ прелести, сопряженныя съ должностью волостного старшины позднѣйшаго времени, столь старательно обѣгаемой всякимъ порядочнымъ крестьяниномъ *). Та-же обязанность испортила, хотя въ меньшей степени, и должности сельскаго старосты, а также сборщика податей. Далѣе, самые гг. мировые посредники, не потерпѣли-ли и они участи, совершенно сходной съ участію волостныхъ старшинъ? Всѣ согласны, что дѣятельность мировыхъ посредниковъ была въ свое время и почтенна и полезна, но даже самые горячіе защитники ихъ говорятъ это только про дѣятельность первыхъ мировыхъ посредниковъ; послѣдующіе были люди совсѣмъ другого рода; не даромъ земство ходатайствовало объ упраздненіи этой должности. Но въ силу чего они испортились—это не совсѣмъ выяснено. Говорятъ, ихъ испортили различныя дополнителныя узаконенія и циркуляры министерства, настолько измѣнившіе характеръ должности, что люди даровитые, но зависимые, умѣющіе служить дѣлу, но не лицамъ, перестали поступать на нее и стали замѣщаться искателями мѣстъ исключительно изъ-за жалованья. Положимъ, что это такъ (хотя я, съ своей стороны, затруднился-бы указать на такое узаконеніе или циркуляръ, которому можно-бы было прямо приписать подобное дѣйствіе), но эти самыя узаконенія и циркуляры—были-ли они произвольнымъ дѣйствіемъ правительства, ни-

---

*) Лѣтъ пять тому назадъ былъ напечатанъ мой докладъ раненбургскому уѣздному земскому собранію о ревизіи нѣкоторыхъ волостей этого уѣзда. Въ этомъ докладѣ пришлось вывести не мало безобразій, найденныхъ при ревизіи, но выяснить ихъ причины какъ слѣдуетъ, уже по самому положенію докладчика *уѣздному* земскому собранію, было неудобно. Этому не хотѣли понять рецензенты нѣкоторыхъ органовъ періодической печати, удостоившихъ меня своими отзывами. Все, что было отнесено въ докладѣ на вину лицъ и обществъ, о которыхъ шла рѣчь, ими было принято за чистую монету, хотя мнѣ казалось, что при внимательномъ чтеніи можно-бы было разобрать, въ чемъ дѣло. Отъ этого случилось, что одни изъ нихъ похвалили докладъ не по заслугамъ, другіе-же увидѣли въ немъ чуть не тенденціозное порицаніе крестьянства, глядя по направленію каждаго. Возражать въ то время я не имѣлъ возможности; пользуюсь случаемъ сдѣлать теперь эту замѣтку.

чѣмъ не вызваннымъ со стороны областного быта, или-же они имѣли реальную подкладку въ жизни и, такимъ образомъ, сами обуславливались ея измѣнившимися условіями? Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ позволю себѣ обратить вниманіе только на одно обстоятельство. Извѣстно, что выборъ мировыхъ посредниковъ зависѣлъ отъ губернатора, который при этомъ обыкновенно совѣщался съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Когда выбирали первыхъ посредниковъ, которымъ предстояло улаживать на первыхъ порахъ отношенія помѣщиковъ къ ихъ бывшимъ крѣпостнымъ, производить разверстанія угодій и вводить уставныя грамоты, когда всѣ опасались чуть не возстанія, губернаторамъ нужно было имѣть въ посредникѣ челоуѣка, за отвѣтственностью котораго можно-бы было самому схорониться.

Съ другой стороны и предводители, на совѣты которыхъ въ то время и полагались губернаторы, опять-же не тѣ предводители, которые были до реформы, и не тѣ, какіе стали послѣ, а предводители 1861 года, уже и выбиравшіеся въ виду предстоявшаго преобразованія, не могли не понимать важности предстоявшей имъ совмѣстно съ мировыми посредниками задачи. Къ 1864 году, когда истекалъ срокъ полномочій первыхъ посредниковъ, не только введеніе уставныхъ грамотъ и разверстаніе крестьянъ съ помѣщиками было покончено, но большинство крестьянъ успѣло уже приступить къ выкупу своихъ надѣловъ. Возстанія уже никто больше не опасался. Для помѣщиковъ должность мировыхъ посредниковъ съ каждымъ годомъ утрачивала свое значеніе. Для государства-же выросла новая забота по сбору выкупныхъ платежей, самаго крупнаго и самаго тяжкаго изъ всѣхъ нашихъ прямыхъ налоговъ. Что-же удивительнаго, если губернатору стало всего желательнѣе видѣть въ посредникѣ послушнаго чиновника, а предводителю, буде губернаторъ пожелалъ-бы положиться на его совѣты, рекомендовать кого-либо изъ дворянъ, наиболѣе нуждающихся въ мѣстѣ. А это, въ свою очередь, могло-ли остаться безъ вліянія и на составъ и на самое положеніе мировыхъ посредниковъ? Не естественно-ли далѣе и самому правительству хлопотать прежде всего объ исправномъ отбываніи повинностей? Расколъ, происшедшій въ нашемъ сельскомъ населеніи послѣ реформы, съ завершеніемъ нашей податной системы, окончательно обозначился и началъ уже производить свое дѣйствіе.

Мировымъ посредникамъ въ дѣлѣ надзора за крестьянами въ уѣздѣ наслѣдовали доживающія нынѣ, надо полагать, свои послѣдніе дни уѣздныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Эти учрежденія, по общему признанію, и задуманы, и обставлены

хуже учреждений мировыхъ посредниковъ, но въ нихъ есть одна особенность, которой нельзя не признать за послѣдовательный шагъ впередъ противъ предшествовавшаго положенія, логически вытекающій изъ всего предъидущаго. Надзоръ за отбываніемъ повинностей отдѣленъ отъ прочихъ обязанностей присутствія и возложенъ непосредственно на уѣздную полицію. Государство сдѣлало попытку стать еще ближе къ податному населенію: прежнихъ способовъ понужденія оказалось, какъ видно, недостаточнымъ; потребовались новые. Что-же вышло? Исправникъ сталъ фактически начальникомъ крестьянъ; о дѣятельности остальной части присутствія и не слышно. Нѣтъ сомнѣній, что больше всего отъ этого терпитъ сама полиція.

Вотъ рядъ учреждений, входившихъ въ послѣднее время въ соприкосновеніе съ надзоромъ за отбываніемъ повинностей. Всѣ они сильно пострадали отъ этой обязанности. Но до сихъ поръ ни въ одномъ учрежденіи не податная, интеллигентная часть нашего населенія не принимала на себя добровольно обязанности сборщика податей съ другой, податной части. Это предложеніе впервые является въ московскомъ проектѣ. Не знаю, будетъ-ли отъ такой перемѣны легче плательщикамъ, но сборщикамъ ужъ ни въ какомъ случаѣ хорошо не будетъ. Бѣдные волостные мировые судьи, какъ опорочатъ, какъ запачкаютъ ваше честное дотолѣмя, когда вы, вынужденные, вѣроятно, нуждою, приметесь согласно этому проекту, при всѣхъ вашихъ другихъ обязанностяхъ, еще и за эту; и съ какою радостью встрѣтитъ ваше упраздненіе то самое общество, которому вы посвятите свои труды, когда несостоятельность такого положенія сдѣлается очевидною всѣмъ и каждому!

Всего этого не могли проглядѣть составители московскаго проекта, хорошо, повидимому, знакомые съ условіями нашей уѣздной жизни. И если при всемъ томъ они все-таки рѣшаютъ выступить съ своею волостью передъ собраніемъ, то должно-же быть что-нибудь особенно привлекательное въ этомъ учрежденіи, что-нибудь такое, отъ чего трудно отказаться. Одна газета изъ числа нашей либеральной прессы, упомянувши о московскомъ проектѣ въ связи съ проектами уѣзднаго переустройства другихъ губерній, похвалила его за практичность и большую удобопримѣнимость чѣмъ эти послѣдніе (предлагавшіе устройство земской хозяйственной волости). Вотъ эта-то практичность и удобовыполнимость, выраженія, означающія въ данномъ случаѣ ни что иное, какъ соотвѣтствіе московскихъ предположеній нашимъ вкусамъ, составляющія главное, я-бы сказалъ единственное, достоинство проекта московской комиссіи, и составляетъ на мой взглядъ его

главный недостатокъ, способный подкупить въ его пользу многихъ. А практиченъ и выполнимъ онъ очень, гораздо удобовыполнимѣе, напр., проектовъ тверской волости или округа князя Волконскаго. Кн. Волконскій (чтобы не говорить многого) предлагаетъ не болѣе и не менѣе, какъ прямо посадить гг. личныхъ землевладѣльцевъ на одну доску съ крестьянами. Но какъ же это я сяду, скажетъ иной землевладѣлецъ, въ особенности изъ крупныхъ, и, если сяду, какое-же мнѣ мѣсто отведутъ въ собраніи округа: если мнѣ дадутъ голосъ одинаковый съ крестьянами, то что будетъ со мной, при обложеніи сообразно моему состоянію, если же мнѣ и голосъ дадутъ сообразно съ состояніемъ, то что будетъ съ крестьянами? Мы видѣли, какъ кн. Волконскій старается выйти изъ этого затрудненія путемъ установленія нормальнаго обложенія съ правомъ, во всѣхъ случаяхъ, когда потребуются расходы выше нормы, переносить вопросъ на разсмотрѣніе земскихъ уѣздныхъ и даже губернскихъ собраній. Предосторожность, по моему, совершенно излишняя. Въ сущности самъ землевладѣлецъ, разсуждающій вышеприведеннымъ образомъ, очень хорошо знаетъ, что все дѣло заключается въ томъ, чтобы сѣсть, а разъ онъ сядетъ и захочетъ заняться общимъ дѣломъ, то какой-бы голосъ ему не предоставили (голоса сообразно состоянію, разумѣется, ему не дадутъ) его голосъ будетъ не чета крестьянскому. Но сѣсть надо, иначе дѣйствительно можно потерпѣть матеріальный ущербъ. Всякое учрежденіе будетъ - ли то земская волость или округъ или учрежденіе еще какого-нибудь новаго названія, въ смыслѣ самостоятельнаго органа земскаго самоуправленія, непременно предполагаетъ для усиѣннаго развитія непосредственнаго участія въ дѣлѣ самихъ плательщиковъ, къ чему они и побуждаются собственнымъ матеріальнымъ интересамъ.

Ничего такого не требуется при устройствѣ московской административной волости. При существованіи этого учрежденія землевладѣлецъ можетъ совершенно спокойно не казать носу въ свое имѣніе, будучи увѣренъ, что лишней копѣйки на общественныя нужды съ него не возьмутъ. Вотъ и вся практичность московскаго проекта.

Кн. Н. Волконскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣчто о нашихъ ближайшихъ общественныхъ задачахъ.

Теперешній читатель не похожъ на читателя шестидесятихъ годовъ. Зато у читателя есть своя исторія и у него явился опытъ, которымъ ему и не мѣшаетъ воспользоваться.

Было время—а было оно лѣтъ двадцать назадъ—когда читатель гордо и высокомерно держалъ свою голову. Онъ носилъ въ себѣ великія надежды, вѣрилъ въ свою умственную силу и на нее возлагалъ всѣ свои упованія. Это время было медовымъ мѣсяцемъ и для писателя. Писатель былъ въ нѣкоторомъ родѣ пророкомъ и помазанникомъ и на его челѣ горѣла звѣзда его призванія. Такъ думалъ о себѣ писатель и такъ-же думалъ о писателѣ и читатель. Горделивый сознаниемъ своего высокаго призванія, писатель въ своей умственной роли видѣлъ свою общественную миссію; онъ открывалъ новые горизонты мысли и вмѣстѣ съ читателемъ составлялъ «интеллигенцію», служившую лабораторіей спасительныхъ идеаловъ, общественнаго и личнаго блага, личнаго и общественнаго усовершенствованія.

Въ это хорошее время, когда всѣ надежды возлагались только на интеллигента, конкретными представителями, воплощавшими въ себѣ идею общественнаго спасенія, явился сначала Надимовъ (чиновникъ), потомъ Базаровъ (нигилистъ), затѣмъ «земець» и, наконецъ, «земскій врачъ».

Но спасла-ли насъ *эта* «интеллигентная» сила, какіе идеалы общаго блага, правды, добра насадила она въ жизни? Очистилъ-ли атмосферу общественной жизни чиновникъ Надимовъ, думавшій, что стоитъ не брать взятокъ и вѣрить власть честнымъ губернаторамъ и исправникамъ, чтобы Россія была богата, умна и счастлива? Очистилъ-ли умственную атмосферу головникъ Ба-

заровъ, хотѣвшій искоренить предрасудки и научить людей смотрѣть на жизнь, какъ на анатомическій театр. Что сдѣлалъ благородный «земець», а еще болѣе благородный «земскій врачъ»?

Единственнымъ результатомъ такого направленія единоличной мысли было то, что Россія отвернулась отъ боговъ, которымъ недавно такъ усердно молилась, и недавнее поклоненіе смѣнилось избіеніемъ. Пророкъ и вожакъ «интеллигентъ» превратился въ парія, во что-то всѣми преслѣдуемое и гонимое. Идеаламъ его никто теперь не вѣрилъ, мыслей его никто не хотѣлъ знать и вмѣсто умственной стройности, царившей въ моментъ вѣры, въ моментъ безвѣрія и гоненія оказались только разбитые осколки и хаосъ, въ которыхъ никто не могъ разобраться; въ общей кучѣ оказались ложь и правда, враги и друзья, умные и глупые, честные и безчестные, точно какой-то геологическій вихрь пронесся надъ русской землею.

Болѣе рѣдкаго и крутого поворота отъ поклоненія къ безвѣрію и къ гоненію своихъ собственныхъ работниковъ мысли не представляетъ ни одна исторія ни одного изъ современныхъ политическихъ народовъ. Поворотъ дѣйствительно замѣчательный по рѣзкости и быстротѣ, но онъ объясняется очень просто. Объясняется онъ частію недоразумѣніемъ, о которомъ я поговорю дальше, а частію вотъ чѣмъ.

Въ то время, когда общее спасеніе возлагали на Надимова, Базарова, земца и земскаго врача, параллельно возникало новое умственное теченіе, созданное цвѣтомъ русской интеллигенціи, истинной умственной русской силой. Незамѣтно шагъ за шагомъ создавалось его новое движеніе мысли и завоевывало себѣ большее мѣсто, пока не овладѣло всей нашей умственной областью и не явилось во всеоружіи новаго общественнаго идеала. Идеаль этотъ былъ реакціей прежняго исканія выхода. Онъ вытѣснилъ прежній аристократическій элементъ, выражавшій въ лицѣ Надимова идеальную администрацію; въ лицѣ Базарова—умственный аристократизмъ, подавлявшій массу своей высокоумной подачкой; въ лицѣ земца—аристократію земли, и въ лицѣ земскаго врача—аристократизмъ нравственныхъ качествъ, т. е. аристократизмъ управленія, ума, положенія и честности.

Сравнительно съ прежнимъ аристократическимъ идеаломъ новый сѣрый мужикъ не блисталъ ни правомъ на власть, ни умомъ, ни земскимъ родовитымъ происхожденіемъ. Сѣрый, безличный, не имѣющій никакого точнаго очертанія, «мужикъ» даль тѣмъ не менѣе рѣшительный поворотъ русской мысли и своей широкой спиной заслонилъ привилегіи рожденія, воспитанія, ума и общественныхъ правъ.

Но что-же такое этотъ «мужикъ», смѣнившій Надимова, Базарова и другихъ? Мужикъ есть не больше какъ новое знамя, подъ которое встала русская мысль, новый опорный пунктъ, въ которомъ она нашла свое сосредоточеніе. Въ сущности «мужикъ» еще болѣе неясенъ и неопредѣленъ, онъ болѣе сложная алгебраическая формула со многими неизвѣстными, чѣмъ «интеллигентъ». Сотнями, а можетъ быть, и тысячами этихъ неизвѣстныхъ выражается смутное представленіе о чемъ-то новомъ, несомнѣнно лучшемъ, представленіе, говорящее опредѣленно только чувству и возбуждаются больше нравственныя, чѣмъ разсудочныя представленія. Большинству людей, перешедшихъ отъ знамени, на которомъ написано «интеллигентъ», къ знамени, на которомъ написано «мужикъ», ясно только одно, что мужикъ какъ генеральное понятіе поглотилъ и растворилъ въ себѣ интеллигента, понятіе слишкомъ личное и потому эгоистическое и аристократическое.

«Мужикъ», какъ генеральное понятіе, очень облегчаетъ весь путь общественнаго и личнаго мышленія. Онъ заключаетъ въ себѣ цѣлую программу, весьма точную и, растворяя лицо во «множествѣ», дѣлаетъ это множество, или «всѣхъ», началомъ и концомъ мышленія, альфой и омегой всѣхъ общественныхъ и личныхъ вопросовъ, общественной нравственности, взаимныхъ отношеній и всѣхъ вытекающихъ отсюда практическихъ мѣръ. «Мужикъ» сразу покончилъ съ прежними противорѣчiями, указавъ въ то-же время точно опредѣленное направленіе для общественной мысли, котораго никакъ не могли создать ни Надимовъ, ни Базаровъ, ни земець, ни земскій врачъ.

Въ «мужикѣ» общественная мысль приобрѣла себѣ безошибочный и безспорный критерій, объективное провѣрочное средство, которымъ каждый можетъ исправить свои собственныя умственныя ошибки; теперь уже не зачѣмъ путаться въ области субъективнаго мышленія, породившаго немало заблужденій и ошибокъ, которыми подчасъ погрѣшали люди не только недюжинныхъ, но даже и очень выдающихся способностей въ качествѣ руководителей общественнаго мнѣнія.

Этотъ переворотъ, подготовлявшійся очень долго, въ послѣднія двадцать лѣтъ, повидимому, вполне уже закончился и составляетъ самое богатое приобретеніе, какого когда-либо достигала русская общественная мысль. Теперь мы овладѣли новымъ путемъ для мысли уже настолько, что какъ-бы ни уклонялись отъ него въ частностяхъ, мы не впадемъ въ грубую ошибку, ибо новый путь совершенно исключаетъ возможность такой ошибочности, при которой-бы дрогнуло самое представленіе объ

идеалѣ. Если еще и могутъ возникать недоразумѣнія, то развѣ только относительно средствъ достиженія такихъ взаимныхъ отношеній, которыя составляютъ самую сущность идеала мужаика, какъ идеи абсолютнаго множества!

Новый идеалъ, выступившій какъ новое жизненное требованіе не въ силу личнаго, субъективнаго мышленія, а какъ сужденіе историческое, путемъ той-же самой исторической логики выставилъ вопросъ о формахъ жизни. Вопросъ этотъ, конечно, основной и главный и, хотя осуществленіе въ жизни идеала общаго равенства, какимъ оно заключается въ идеѣ народа и мужаика, можно, конечно, достигнуть разными путями, но неоспоримо, что изъ множества путей только одинъ можетъ быть наиболѣе короткимъ, прямымъ и успѣшнымъ. Понятно, что вмѣстѣ съ идеаломъ мужаика немедленно и возникъ вопросъ о формахъ общественныхъ отношеній и этотъ вопросъ слѣдуетъ считать такимъ-же важнымъ умственнымъ приобрѣтеніемъ общества, какъ и его новый общественный идеалъ. Попыткамъ уяснить этотъ вопросъ осуществиться не удалось, разработка вопроса заглохла на первыхъ порахъ и общество очутилось въ положеніи той недосказанности и недоумѣнія, которыя и выражаются теперешнимъ неопредѣленнымъ положеніемъ общественной мысли.

Впрочемъ, въ сей моментъ даже и не особенно важно это временное затишье мысли, которая, тѣмъ не менѣе, будетъ все-таки зрѣть внутри себя. Мы считаемъ важнымъ уже самый умственный фактъ, т. е. то, что пора подобной умственной зрѣлости намѣтилась, а вмѣстѣ съ этимъ сдѣланъ, значитъ, еще одинъ шагъ впередъ въ политической зрѣлости общества. Конечно, если-бы общество было зрѣлѣе, и сама его мысль была-бы яснѣе. Когда свершалось освобожденіе крестьянъ, все общественное мнѣніе, даже и не выражаясь фигурально, встало за идею освобожденія, какъ одинъ человекъ. То-же было съ земскою, съ судебною реформой и съ всеобщей воинскою повинностью. Это единогласіе было простымъ слѣдствіемъ того, что исключительное большинство смотрѣли на реформы одинаковымъ образомъ. Но вопросъ объ общественныхъ формахъ не дошелъ еще до такой зрѣлости, чтобы представляться безспорнымъ для рѣшительнаго большинства. Вотъ причина не только неопредѣленности этого вопроса, но и тѣхъ крайнихъ, рѣзкихъ разнорѣчій, которыя были заявлены въ петербургской и московской печати. Вдаваться въ подробности этого вопроса я не стану, не стану даже просто констатировать мнѣній, потому-что вопросъ этотъ изъять изъ обсуждения его въ печати, а говорить объ немъ оби-

няками, значить, только давать поводы къ недоразумѣніямъ и нисколько не помогать общественному сознанию.

Итакъ, моментъ современнаго состоянія общественной мысли слѣдующій. Установленъ общественный идеаль въ собирательномъ понятіи «мужикъ» и явилось стремленіе установить и найти такія формы для жизни, при которыхъ-бы совершеннѣе всего осуществился этотъ идеаль.

Послѣднимъ стремленіемъ самъ собою опредѣляется характеръ умственныхъ отношеній ко всѣмъ вопросамъ идейнаго и общественнаго порядка, а, слѣдовательно, программа для дѣятельности современнаго публициста. Предметовъ, подлежащихъ обсужденію, масса: всѣ они требуютъ пересмотра и провѣрки съ той новой точки зрѣнія, которую устанавливаетъ мужикъ и благо мужика. Предполагаемое продолженіе реформъ есть собственно пересмотръ и перерѣшеніе того, что было сдѣлано въ предъидущій двадцатипятилѣтній періодъ, когда «интеллигентъ» и «мужикъ», какъ два противоположныхъ критерія, нарушали цѣльность и единство реформаціонной мысли, внося въ нее двойственность.

Установить очередь вопросовъ не такъ просто, но едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что прежде всего нужно очистить область нравственныхъ понятій и внести въ нее свѣтъ, котораго давно уже въ ней нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ пошла борьба между мужикомъ и интеллигентомъ, раздоръ закрался повсюду и сбитая съ толку мысль совсѣмъ растерялась. Такъ-какъ принято всегда во всемъ обвинять только настоящее, а не прошедшее, то въ упрекъ новому поколѣнію (съ шестидесятыхъ годовъ пошла уже вторая генерация молодого поколѣнія, а нарождается теперь и третья) поставлено, что оно разрушило семью. Рядомъ съ этой ошибкой высказывается и другая, что будто-бы общественная нравственность зависитъ отъ нравственности семьи; иначе сказать, цѣлый рядъ поколѣній обвиняется въ томъ, что они создали смуту въ семьѣ и укротить эту смуту не сумѣли родители, а затѣмъ смута изъ семьи перешла и въ общество. Дорогой читатель, не вѣрьте этому. Вы сами принадлежали когда-то къ «дѣтямъ» и потому меня поймете, если-же вы еще и теперь принадлежите къ «дѣтямъ», то поймете меня еще лучше. Хорошія чувства никогда не вымирали въ людяхъ и любовь не такое чувство, чтобы его можно было вычеркнуть изъ человѣческаго сердца. Семейное чувство и теперь такое-же, какимъ оно было прежде, а если семья стала другой, то вовсе не потому, что матери и отцы меньше любятъ своихъ дѣтей, а дѣти меньше любятъ своихъ

родителей: любите вы насъ, любимъ и мы васъ. Разъединеніе въ семью внесло не чувство, а мысль. Пренняя патріархальная семья не знала никакихъ идей, а тѣмъ болѣе общественныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появились политическія задачи, которыя зародились внѣ семьи, и явилась борьба изъ-за нихъ, эти самыя идеи вошли въ семью и создали въ ней подобныя-же общественныя и политическія партіи. Не идея семьи поэтому вліяла на общество, а, напротивъ, идеи общества входили въ семью и вляли на нее общественный отпечатокъ, слѣдовательно, понятно, что не общество будетъ такимъ, какова семья, а, напротивъ, семья будетъ такой, каково общество. Въ семьѣ, въ которой сохранилась умственная связь между старшими и младшими, въ семьѣ, въ которой для старшихъ «любить» значитъ то-же, что оно значитъ для молодыхъ, умственная цѣльность никогда не разрушится. Но возможно-ли умственное единство, если нѣтъ единства въ задачахъ и цѣляхъ основнаго человѣческаго чувства. Предположите семью, гдѣ сталкиваются и борются два идеала, отцы—«интеллигенты», а дѣти—«мужики». Вѣдь тутъ, что ни слово, то разница и противорѣчіе. Взаимное непониманіе, конечно, охладить, наконецъ, даже самую страстную привязанность и раздѣлить «отцевъ» и «дѣтей» на два непримиримыхъ воинствующихъ лагеря. Винить въ этомъ некого. Нужно желать только, чтобы въ обществѣ измѣнились условія и чтобы рознь не вносилась въ семью извнѣ вслѣдствіе противорѣчій въ общественныхъ стремленіяхъ.

«Дѣти» всегда жили преимущественно чувствомъ и всегда будутъ жить чувствомъ; поэтому-то съ тѣхъ поръ, какъ къ «мужикѣ» началось привлекаться общественное вниманіе, онъ не могъ даже одною своею обездоленностью не привлекать къ себѣ симпатіи людей, склонныхъ къ благожелательнымъ чувствамъ. Но тотъ-же мужикъ, какъ генеральное понятіе, является и критическимъ свѣточемъ для чувства и помѣшаетъ ему разсыпать свои дары тамъ, гдѣ они не нужны. Если мужикъ есть все обездоленное и страдающее, на чемъ должны быть сосредоточены вниманіе и благожелательство, то ясно, что мужикомъ будетъ только то, что нуждается въ благожелательствѣ и какой-нибудь Антошка-хриstopродавецъ, хотя-бы онъ и никогда не выходилъ изъ своей деревни, мужикомъ уже не будетъ. Въ этомъ смыслѣ «мужикъ» даетъ мѣрку той высшей справедливости, для которой всѣ люди равны, и новый идеалъ не знаетъ дѣленія людей, онъ хочетъ для всѣхъ равнаго счастья, довольства и одинаковаго достоинства, а въ этомъ только и заключается высшая нравствен-

ность и только этимъ аршиномъ можно правильно провѣрять и оцѣнять общественное поведеніе людей.

Шопенгауэръ говоритъ, что человѣкъ, переставшій возмущаться, потерялъ разумъ. Если это вѣрно, то въ послѣднія пятнадцать лѣтъ мы сдѣлались очень неразумны. Надъ излишней впечатлительностью шестидесятихъ годовъ, когда печать была тревогу по поводу самыхъ ничтожныхъ безобразій, нѣкоторые вожаки общественнаго мнѣнія смѣялись очень усердно. Но лучше-ли, что мы нынче съ объективнымъ величіемъ спокойно зримъ на правыхъ и виновныхъ,

Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Если-бы наша печать не потеряла шопенгауэровскаго разума, если-бы она сохранила свѣжесть чувства, которымъ отличалась двадцать лѣтъ тому назадъ, она не потеряла-бы ни своего обаянія, ни своего вліянія на общественное мнѣніе и сослужила-бы лучшую службу, какую отъ нея можно ожидать, ибо воспитывала-бы общество въ чувствѣ справедливости. Теперь же самые возмутительные факты скользятъ и проходятъ мимо и никто ихъ не замѣчаетъ, никто противъ нихъ не протестуетъ, никто на нихъ не обращаетъ даже вниманія. Зачѣмъ ихъ и печатать! Для иллюстраціи этой мысли возьму хоть фактъ, напечатанный нѣсколько дней назадъ въ «Новомъ Времени». Судился въ Новгородѣ становой приставъ Мазовскій. Сначала этотъ самый г. Мазовскій предалъ суду крестьянина Галактіонова за оскорбленіе его, Мазовскаго, при отправленіи имъ обязанностей службы и судъ приговорилъ Галактіонова къ штрафу въ 50 р., но потомъ изъ допроса свидѣтелей оказалось, что Мазовскій первый обозвалъ Галактіонова «сукинымъ сыномъ, негодяемъ, мерзавцемъ» и ударилъ его. Мазовскій не отрицалъ этого, но въ свое оправданіе говорилъ, что «сукинъ сынъ, негодяй, мерзавецъ» вошли у него въ обычай и что онъ произноситъ эти хорошія слова безъ всякаго желанія оскорбить.

Я васъ спрошу, какія должны быть взаимныя отношенія между людьми и каково то общество, въ которомъ можно пріобрѣсти привычку говорить каждому «сукинъ сынъ, негодяй, мерзавецъ». Если во всей новгородской губерніи найдется только одинъ Мазовскій, то и этого достаточно, чтобы бѣжать вонъ изъ губерніи. Но мы знаемъ, что тамъ Мазовскій не одинъ. Въ «Порядкѣ» былъ напечатанъ случай подобнаго-же пикантнаго свойства. Ъхала по улицѣ «первая дама въ городѣ». Изъ одного дома выскакиваетъ собака, бросается на лошадь и та, повернувшись круто, сламываетъ оглоблю. Полиція составляетъ протоколъ и

мировой судья, исполняя въ точности законъ, приглашаетъ къ себѣ въ камеру хозяина собаки и потерпѣвшую даму.

Все это очень просто, обыкновенно, а главное, вполне законно, но, однако, случилось вотъ что. «Первая дама въ городѣ» встрѣтила на пароходѣ отца, пригласившаго ее мирового судьи, почтеннаго семидесятилѣтняго старика, генерала по чину, управляющаго отдѣльною частью въ губерніи. Грозя пальцемъ, точно передъ ней стоялъ ея комнатный казачекъ, она въ теченіи ровно сорока-пяти минутъ бранила старика за его сына, выбранила всѣхъ его остальныхъ дѣтей и наговорила такихъ оскорбительныхъ вещей, которыя не только публично, на пароходѣ, при многочисленной публикѣ, но ни одинъ порядочный человѣкъ не позволитъ себѣ думать о другомъ наединѣ. Въ чемъ-же заключалась обида? Обида заключалась въ томъ, что мировой судья пригласилъ «даму» къ себѣ въ камеру. Совершенно достаточно, чтобы въ Новгородѣ поселился только одинъ Мазовскій, говорящій всякому «сукинъ сынъ, негодай и мерзавецъ» и чтобы уровень общественной нравственности и общественной совѣсти устанавливался такими людьми, какъ «первая дама въ городѣ», чтобы Новгородъ оказался невозможнымъ для гражданскаго обществія.

Въ этомъ фактѣ цѣпляется одно за другимъ цѣлая цѣпь послѣдствій и всѣ они имѣютъ общественный характеръ, всѣ они требуютъ установленія иныхъ отношеній. Общество приходится вновь будить, вновь растолковывать ему самыя азбучныя понятія о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ общественной правдѣ, объ истинѣ, о томъ, какъ слѣдуетъ жить, чтобы походить на человѣческое общество, а не на стадо волковъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ эта-же самая «первая дама» не позволила-бы себѣ ни чего подобнаго. Мазовскій тоже не сдѣлалъ-бы себѣ привычки говорить каждому «сукинъ сынъ» и «мерзавецъ». Уровень общественнаго чувства несомнѣнно упалъ за это время и вотъ его-то и нужно поднять. Какой толкъ страннѣ, что отдѣльныхъ честныхъ людей прибавилось, когда они не могутъ вліять на собирательную посредственность и эта жалкая посредственность даетъ тонъ и цвѣтъ жизни, такъ-что порядочный человѣкъ хоть бѣги вонъ.

Значить ясно, что нужно что-нибудь сдѣлать. Но что? Ближайшее «что» можетъ заключаться только въ правѣ надѣвать узду на всѣхъ подобныхъ лицъ, усвоившихъ себѣ противоположныя привычки и потерявшихъ свое мѣсто въ природѣ.

Мѣстная печать оказала-бы неоспоримо огромную услугу провинціи, ибо самый мѣднолобый человѣкъ боится огласки. Но,

къ сожалѣнію, мѣстной печати у насъ еще нѣтъ и потому что ее нѣтъ, провинція лишена одного изъ могущественнѣйшихъ средствъ для развитія въ себѣ общественнаго сознанія.

Впрочемъ, если-бы и была подобная печать, на нее едва-ли можно возлагать всѣ упованія. Современная печать сама утратила чистоту, сама подорвала вѣру въ себя, потому-что быть журналистомъ и писателемъ не значитъ еще быть общественно безукоризненнымъ человѣкомъ. Очевидно, что рядомъ съ печатью нужно имѣть и еще что-то. Но что?

Надняхъ въ Новгородѣ должны происходить выборы въ мировые судьи. Та часть общества, которая заинтересована скандаломъ съ первой дамой въ городѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересована и выборами, волнуется ожиданіемъ, какъ разрешится вопросъ. Будетъ-ли судья, обнаружившій непочтеніе къ первой дамѣ, избранъ вновь въ судьи, или-же его непочтительность будетъ причиною его невыбора. Если завѣситъ всѣ вѣроятности за и противъ, то приходится скорѣе думать, что нелицепріятный судья выбранъ не будетъ.

Не въ одной Америкѣ выборы возбуждаютъ общественныя страсти, вызываютъ выборную агитацію и производятъ лихорадку. Мы тоже умѣемъ волноваться и агитировать—тоже люди, тоже живемъ, тоже хотимъ достигать того, что намъ нужно; но вопросъ не въ томъ, что мы живемъ, а какъ мы живемъ, вопросъ въ средствахъ и цѣляхъ, которыми мы пользуемся. Народы, живущіе политической жизнью, достиженіе личныхъ цѣлей ставятъ въ зависимость отъ политическихъ средствъ, мы-же достигаемъ личныхъ цѣлей личными средствами.

Казалось-бы, нелицепріятный судья долженъ быть вездѣ владомъ, а между тѣмъ, по всей вѣроятности, владъ этотъ въ Новгородѣ выбранъ не будетъ, а выберутъ кого-нибудь другого, на сторонѣ котораго стоитъ вліятельный человѣкъ и выборщики будутъ, конечно, правы. Какое имъ дѣло до безпристрастнаго мирового судьи, когда имъ, т. е. тѣмъ двадцати старшинамъ, которые будутъ участвовать въ выборахъ, и городскимъ выборщикамъ никогда не придется побывать у мирового, а между тѣмъ съ вліятельнымъ административнымъ лицомъ имъ придется сталкиваться на каждомъ шагу и они не разъ пожалѣютъ, что выбрали судьей нелицепріятнаго. И вотъ, именно вслѣдствіе этихъ отношеній и получится слѣдующій результатъ. Лица, которымъ никогда не придется быть у мирового, ради поддержанія отношеній съ властнымъ человѣкомъ, который имъ всегда можетъ напортить, выберутъ судью по вкусу властнаго человѣка, а не по вкусу тѣхъ, кого онъ будетъ судить и кто

будетъ къ нему обращаться. Эти люди даже и не участвуютъ въ выборахъ, хотя, казалось-бы, вопросъ о нелицепріятномъ судѣ для нихъ самый существенный.

Нашъ законъ отличается идеальнымъ взглядомъ на людей. Онъ прежде всего предполагаетъ, что человѣкъ, призванный на служеніе обществу, заключаетъ въ себѣ тѣ высокія нравственныя качества, которыя дѣлаютъ его достойнымъ довѣрія. Конечно, законъ и не можетъ смотрѣть иначе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, ввѣрить наблюденіе за благомъ согражданъ исполнителямъ, лишеннымъ необходимыхъ для дѣла личныхъ качествъ. Законъ послѣдователенъ и непогрѣшимъ. Какъ скрижаль завѣта, онъ указываетъ на то, чего не должно быть, и затѣмъ предполагаетъ, что все благородное свершается само собою. Но если законъ и непогрѣшимъ, зато погрѣшимы люди, и потому-то кромѣ непогрѣшимаго закона должна быть въ обществѣ еще и законность; законность-же закономъ не создается; она создается извѣстными общественными условіями, которыхъ если нѣтъ, то и законъ пойдетъ не въ законъ. Г. Мазовскому никто не разрешалъ говорить всякому «сукинъ сынъ» и «мошенникъ». Напротивъ, законъ это положительно запрещаетъ. Законъ не позволяетъ и первой дамѣ въ городѣ распекать отца судьи за то, что сынъ его, судья, исполнилъ свою общественную обязанность. Законъ не позволяетъ производить никакого давленія при выборахъ и, несмотря на всѣ эти строгія запрещенія, законъ все-таки нарушается, потому-что общество лишено права и возможности защищать себя отъ личнаго произвола и имѣть общественный контроль надъ лицами, которымъ ввѣряется охраненіе его интересовъ. Власть, предоставленная закономъ лицу даже такого маленькаго размѣра, какъ г. Мазовской, неограничена ничѣмъ противъ уклоненій, а общество ничѣмъ не гарантировано противъ злоупотребленій г. Мазовскаго. Въ той-же новгородской губерніи года четыре назадъ случился фактъ, въ свое время оглашенный въ «Нашемъ Вѣкѣ». На губернскомъ земскомъ собраніи прошлаго года фактъ этотъ еще разъ былъ вытасченъ изъ архива и послужилъ основаніемъ для предложенія, принятаго чуть-ли не единогласно: — чтобы должность предсѣдателя земской управы не совмѣщалась съ должностью предводителя дворянства. Въ томъ фактѣ, который послужилъ поводомъ для этого предложенія, была еще слѣдующая особенность, обсуждать которую земское собраніе не имѣло компетенціи. Одинъ уѣздный предводитель, онъ-же и предсѣдатель уѣздной управы, желая отдѣлаться отъ двухъ членовъ изъ крестьянъ, которые могли-бы помѣшать его выборамъ

на новое трехлѣтіе, съумѣлъ устроить дѣло такъ, что они были высланы изъ города. Дѣйствіе это было вполнѣ незаконное, но законъ ничего не зналъ объ немъ и потому невинные пострадали, а виновный достигъ своей цѣли. Нашъ законъ несомнѣнно защитилъ-бы невинныхъ и наказалъ-бы виновнаго, но, однако, этого все-таки не случилось. А отчего?

Говорять, что самоуправленіе лучше всего обезпечиваетъ правильное и нормальное развитіе общества и лучше всего оберегаетъ общественные интересы. Это вѣрно, но не вполнѣ. Когда явились земскія учрежденія, то на земство возлагали самыя блистательныя надежды. Но оправдало-ли земство эти надежды, удовлетворило-ли оно ожиданія лучшихъ людей, соединило-ли оно въ себѣ лучшія русскія силы, стало-ли оно вождемъ земской справедливости и земской правды, хотя-бы въ случаѣ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Былъ-ли поступокъ предсѣдателя уѣздной управы земскимъ поступкомъ? Отчего земское самоуправленіе не спасло крестьянъ отъ происковъ предсѣдателя? и гдѣ народу искать защиты противъ того самоуправленія, которое, повидимому, исходитъ изъ среды его самого? Послѣ пятнадцатилѣтняго земскаго опыта мы уже очень хорошо знаемъ, что такое наше земство въ его практической земской дѣятельности. Сдѣлало-ли оно вѣрныя земскія оцѣнки и справедливыя земскія раскладки? Стало-ли народу легче отъ земскаго хозяйства, стала-ли деревня просвѣщеннѣе и богаче? наконецъ, научился-ли мужикъ отъ земцевъ самоуправленію? Ничего этого не случилось. Нечего идеализировать земство только изъ боязми, что прямое правдивое отношеніе къ его дѣятельности можетъ повести къ сокращенію его правъ. Еще недавно мы слышали разсужденія одного лица, искренно преданнаго интересамъ народа, который утверждалъ, что незачѣмъ обнаруживать дурныхъ сторонъ земства ради того немого хорошаго, что въ немъ есть,—что, напротивъ, слѣдуетъ говорить о хорошихъ сторонахъ земства, стараться развивать ихъ, а о дурныхъ умалчивать, чтобы не ронять значенія и авторитета земства.

Это мнѣніе тенденціозно и потому едва-ли можно ожидать отъ него плодотворнаго желательнаго результата. Было время, когда вся наша печать была тенденціонной. Для тенденціонности тогда было основаніе, ибо ею создавались сторонники того или другого мнѣнія. Но незачѣмъ скрывать, что тенденціозность не привела къ тому, что отъ нея ожидали.

Въ настоящее время, когда въ обществѣ явилось неоспоримо значительно большее число знающихъ и думающихъ людей,

только тѣ органы печати вызываютъ довѣріе и создаютъ прочное общественное мнѣніе, которые не отличаются тенденціозностью. Тенденція, въ какую-бы сторону она ни была направлена, отличается всегда короткимъ ударомъ и годится только для извѣстной минуты. Сошлюсь на «Московскія Вѣдомости» и на «Русь». При всѣхъ, благопріятствующихъ имъ условіяхъ, эти два крайнихъ тенденціонныхъ органа не пользуются въ лучшей части русскаго общества ни уваженіемъ, ни авторитетомъ, и вся причина только въ томъ, что общественная мысль просто истомилась отъ тѣхъ постоянныхъ тенденціозностей, которыя не привели общество ни къ успокоенію, ни къ выработкѣ твердыхъ началъ, дающихъ возможность для правильнаго спокойнаго развитія и для водворенія въ общественныхъ отношеніяхъ правды и справедливости. Вотъ почему лозунгомъ нашего времени является не тенденція, а истина. Истина есть та общественная правда, которой всѣ теперь ищутъ. Зачѣмъ-же мы станемъ отталкивать отъ себя эту правду въ земскихъ дѣлахъ. Теперь нужны не земскія иллюзіи, а земское самосознаніе, земская зрѣлость и знаніе реальной, а не призрачной правды. Всѣ мы одинаково русскіе люди; всѣ мы хотимъ себѣ хорошаго, а не дурнаго, блага, а не зла; мы всѣ—земцы, но мы никогда не будемъ настоящими земцами, пока не уяснимъ себѣ, почему на насъ, на земскихъ соучастникахъ, лежитъ такъ много прегрѣшеній, почему мы ходимъ съ завязанными глазами и со связанными ногами. Правда, которую мы узнаемъ, приведетъ не къ сокращенію, а къ расширенію права земства, потому-что она сдѣлаетъ насъ умнѣе, а слѣдовательно, авторитетнѣе и умственнo вліятельнѣе.

Прежде всего, самоуправленіе безъ самаго широкаго права голосованія не можетъ быть настоящимъ самоуправленіемъ. Оно выйдетъ *всего скорѣе* только самоуправствомъ, и создаетъ массу людей, подобныхъ Мазовскому и «первой дамѣ въ городѣ». Прежде всего нужно, чтобы общественное мнѣніе имѣло возможность налагать свое veto на подобныхъ людей, которые не только возможны, но и существуютъ дѣйствительно въ нашемъ земскомъ самоуправленіи. Предсѣдатель земской управы, пользующійся своими связями для того, чтобы выслать земцевъ, которые ему мѣшаютъ, есть такой печальный признакъ нашего самоуправления, что одного этого факта достаточно, чтобы осудить все новгородское земство. Какое-же отношеніе къ земскому самоуправленію можетъ имѣть деревня и какой можетъ она имѣть въ немъ голосъ, если за всякое свободное и независимое мнѣніе противъ личныхъ притязаній можно вылетѣть изъ земства и

лишиться всѣхъ своихъ земскихъ правъ? Но этого мало. Какое участіе въ земскомъ голосованіи имѣетъ деревня? Участіе самое слабое и безвліятельное. Мы говоримъ о земскомъ самоуправленіи, мы желаемъ, чтобы его хвалили, а между тѣмъ самая коренная основа земства, «земля», молчитъ и не принимаетъ почти никакого участія ни въ самоуправленіи, ни въ голосованіи. Еще хуже, когда деревня подъ давленіемъ людей, преслѣдующихъ личныя цѣли, принуждена дѣлать земскіе подлоги, потому - что нельзя-же не назвать подлогомъ завѣдомо пристрастные выборы или вынужденное молчаніе. Земское самоуправленіе безъ представленія земской равноправности деревнѣ никогда не будетъ настоящимъ самоуправленіемъ и вотъ въ чемъ именно заключается большое мѣсто нынѣшняго земства, о которомъ слѣдуетъ говорить, говорить и говорить, пока услышатъ голосъ самые глухіе изъ земцевъ и въ нихъ проснется чувство общественной справедливости.

Въ большинствѣ земствъ распространено мнѣніе, что мужикъ глупъ. Такъ-ли это? Первые пуритане, отправившіеся въ Америку, были тоже простыми мужиками. Но, высадившись на берегъ, эти простые мужики завели у себя такое совершенное самоуправленіе, что изъ него черезъ сто лѣтъ выросъ союзъ, изумившій міръ своими порядками и силой. Примѣръ этотъ, конечно, нѣсколько далекій, но вотъ съ чѣмъ согласится каждый современный русскій земецъ. Если объ общественныхъ вопросахъ разсуждать въ деревняхъ съ простыми сѣрыми мужиками, но не съ Антошкой-хриstopродавцемъ или Колупаевымъ, то вы поразитесь обиліемъ его спокойнаго здравомыслія и вѣрнаго практическаго пониманія своихъ нуждъ, а также и помѣхъ, которыми перерываетъ мужицкій путь жизни. Но этотъ экспертъ призывался - ли когда - вѣбудь земствомъ, участвовалъ-ли онъ когда-нибудь на земскихъ совѣщаніяхъ и являлся-ли онъ когда-нибудь представителемъ деревенскихъ нуждъ, когда объ нихъ велись разсужденія? Мужикъ не потому глупъ, какъ думаютъ земцы, что онъ ничего не понимаетъ въ своихъ дѣлахъ, онъ глупъ, потому - что молчитъ, а молчитъ потому, что съ нимъ не разговариваютъ. Но если нашъ общественный идеалъ повернулся отъ интеллигента къ мужику, то само собою ясно, что мужика нельзя оставить безучастнымъ зрителемъ того, какъ будетъ разсуждать объ немъ интеллигентъ ужъ по одному тому даже, что безъ участія мужика интеллигентъ никогда ничего не узнаетъ о деревнѣ, и всѣ наши толки о народѣ и землѣ будутъ пустыми либеральными фразами аксаковскаго пошиба.

Говорятъ еще, что мужику нужна школа и что безъ школы

его нельзя впустить въ земство. А это почему? Если вы припомните исторію Россіи, то найдете въ царской думѣ даже такихъ московскихъ царей, какъ Иванъ III и Иванъ IV, неграмотныхъ бояръ, разсуждавшихъ о дѣлахъ государственныхъ и о внѣшней политикѣ, и грозные цари не только ихъ слушали, но и поступали по ихъ совѣтамъ. И эти неграмотные люди создавали нашу исторію. Отъ теперешнихъ мужиковъ, конечно, никто не потребуетъ государственныхъ указаній, или совѣтовъ по маждународной политикѣ, но вѣдь простыя вещи, о которыхъ обыкновенно разсуждается на земскихъ собраніяхъ, доступны пониманію людей самаго скромнаго ума, такъ что говорить о какомъ-то высшемъ образованіи совсѣмъ ужъ и не приходится. Наконецъ, никакая школа не научаетъ думать и говорить объ общественныхъ дѣлахъ. Она учитъ читать и писать, а не самоуправленію. Способность самоуправленія создается возрастомъ, а не грамотой. Она создается опытомъ жизни и пониманіемъ условій жизни. Отъ земцевъ никто не отнимаетъ ихъ грамотности, однако, эта грамотность и даже полный гимназическій и университетскій курсъ не даютъ ручательства, что люди будутъ поступать правильно и наше земское самоуправленіе, оттого, что оно заполнилось грамотными людьми, ни на волосъ не стало лучше. Если наша деревня должна получить образованіе, то важнѣе школьнаго ей нужно образованіе общественное, или, точнѣе, въ то время, какъ дѣти будутъ учиться въ школѣ грамотности, отцы должны воспитываться въ школѣ самоуправленія и пониманія общественныхъ отношеній. Самоуправленіе, безъ возможности участвовать въ немъ всѣмъ и безъ привычки тѣхъ-же всѣхъ разсуждать и говорить о своихъ дѣлахъ, никогда не будетъ настоящимъ самоуправленіемъ. Это понято у насъ уже всѣми и люди, повидимому, самыхъ противоположныхъ воззрѣній согласны въ томъ, что земскія учрежденія только потому не достигаютъ своей цѣли, что земское право распредѣлено у насъ неравномѣрно и составляетъ пока привиллегію нѣкоторыхъ.

Но и земское самоуправленіе едва-ли сослужитъ свою службу даже и при правѣ равнаго участія всѣхъ, если мужику не будутъ предоставлены всѣ возможности для развитія чувства чедовѣческаго и гражданскаго достоинства. Это чувство вообще во всѣхъ слояхъ нашего населенія слишкомъ низко. Его нужно поднять не въ одномъ мужикѣ: его необходимо поднять и въ купцѣ, и въ чиновникѣ, и въ литераторѣ. Чувство-же гражданскаго достоинства создается не школой, а гражданскими правами и гражданскими гарантіями; правомъ свободнаго мнѣнія, сомоуправленія, самоизбранія и самообложенія.

Все, о чемъ мы говоримъ, заключаетъ въ себѣ очень умѣренныя желанія или, точнѣе, указаніе условій, развитіе которыхъ только и обезпечиваетъ личное и общественное благосостояніе общества. Всѣ желаютъ правды, справедливости, довольства и порядка; но никакой гражданскій порядокъ невозможенъ, если въ обществѣ не существуетъ возможностей для правильной и свободной оцѣнки разныхъ ненормальныхъ проявленій въ общественныхъ отношеніяхъ и если объ этихъ уродливостяхъ нельзя ни думать, ни говорить, ни протестовать противъ нихъ. Пятнадцатилѣтній опытъ уже указалъ, что земскія учрежденія въ ихъ теперешней зачаточной формѣ не приведутъ ни къ чему полезному, если земское и общественное самоуправленіе останется въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ оно находится. Но рядомъ съ этимъ никакое расширеніе правъ земства не приведетъ ни къ чему, если не будетъ обезпечена надлежащими правами и гарантіями каждая отдѣльная личность. Общество должно быть увѣрено, что по произволу предсѣдателя управы не будутъ высылать изъ губерніи членовъ управъ только потому, что они мужики; что какой-нибудь г. Мазовской не станетъ говорить всякому «сукинъ сынъ» и «мошенникъ» и первыя дамы въ городѣ не будутъ мнить о себѣ, какъ о чемъ то сверхъестественномъ, стоящемъ внѣ суда и внѣ общественнаго мнѣнія. Пока это не сдѣлается, всѣ патріотическіе и благожелательные разговоры о счастіи Россіи и мужика будутъ пустыми либеральными словами и настоящаго дѣла никогда не выйдетъ.

Въ тѣ времена, когда отношенія между людьми были несложны, былъ также простъ и несложенъ и весь государственный механизмъ. Но новѣйшее европейское общество съ конца прошедшаго столѣтія сдѣлало такіе быстрые успѣхи въ своемъ развитіи, всѣ отношенія настолько усложнились, что прежній государственный механизмъ уже рѣшительно не въ состояніи удовлетворять новымъ общественнымъ многосложностямъ и разнообразіямъ. Крымская война убѣдила въ этомъ и Россію. И вотъ является земское самоуправленіе, болѣе свободная печать, болѣшій просторъ гласности, болѣшій просторъ для критической мысли. Администрація, имѣвшая прежде возможность удовлетворять всѣмъ потребностямъ управленія, тоже убѣдилась, что ей невозможно успѣть вездѣ, видѣть все, знать все и управиться со всѣмъ. Область ея вѣденія настолько расширилась и уразнообразилась, что ей просто недостаетъ физическихъ возможностей знать всѣ подробности и всѣ разнообразные факты, выдвигаемые усложнившюся жизнью, чтобы составить правильное, безошибочное сужденіе и принять правильныя безошибочныя мѣры. Это

сознаніе администраціи выразилось уже въ приглашеніи экспертовъ въ комиссіи, учрежденныя по вопросамъ по пониженію выкупныхъ платежей, по питейному и т. д., и, конечно, слѣдуетъ ожидать еще и большаго расширенія правъ общества при обсужденіи вопросовъ, касающихся внутренняго управленія. Но теперешнее и будущее участіе общества въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ никогда не будетъ достаточно полнымъ, если развитие общественнаго мнѣнія не будетъ обезпечено болѣе свободной печатью. Печать есть нервъ жизни; если нѣтъ этого нерва, нѣтъ и правильной жизни. Односторонняя печать не можетъ давать никакихъ вѣрныхъ указаній, на которыхъ-бы могла твердо опереться государственная власть. Можно даже сказать, что у насъ теперь вовсе нѣтъ печати. Подавленность общественной мысли чувствуется такъ сильно только потому, что для выраженія всѣхъ разнообразныхъ стремленій общественной мысли не существуетъ соотвѣтственнаго числа органовъ. «Московскія Вѣдомости», «Русь», «Новое Время», да «Петербургскія Вѣдомости», вотъ и вся печать, которой пробавляется теперешнее русское общество. Эти газеты, поющія болѣе или менѣе въ униссонъ, не выражаютъ да и не могутъ выражать всѣхъ теченій общественной мысли и практическихъ стремленій общества.

Жизнь есть борьба и эта истина настолько всемъ извѣстна, что стала даже банальной. Здоровая, нормальная общественная жизнь выражается всегда извѣстнымъ протестомъ, который создаетъ бодрость духа, энергію мысли и двигаетъ общество впередъ. Моменты апатіи и подавленности являются только тогда, когда не раздастся голосъ протеста и устранена возможность столкновенія мнѣній. Въ одной изъ статей въ «Revue des deux mondes» Леруа Болье, какъ извѣстно, очень симпатизирующій Россіи, но человѣкъ далеко не склонный къ какимъ-нибудь крайностямъ или къ радикализму, высказываетъ мысль, которой желательно-бы сообщить у насъ право гражданства. Леруа Болье говоритъ, что и въ Европѣ, и у насъ въ Россіи необходимо примириться съ извѣстной долей безпояйнаго элемента. Подобную терпимость Леруа Болье считаетъ неизбѣжной, потому что при современномъ развитіи общественной мысли и при той массѣ идей, которыми она питается и поддерживается, никакими средствами невозможно устранить элементовъ броженія. Графъ Бисмаркъ въ Германіи, Гамбетта во Франціи, Англія и даже Австрія, однимъ словомъ, всѣ государства современной Европы, сознавъ невозможность поставить общественную мысль въ тѣ предѣлы, въ какихъ, на примѣръ, она находилась во времена просвѣщеннаго деспотизма держатся политики терпимости и счи-

таютъ законнымъ и допускаемымъ то, что иначе можетъ явиться незаконнымъ и породить опасныя послѣдствія противообщественнаго порядка. Чего нельзя уничтожить, того нельзя не допустить. Подобное мнѣніе стало теперь господствующимъ въ Европѣ, а въ Англіи оно и всегда практиковалось. Мудрость внутренней англійской политики только въ томъ и заключалась, что тамошніе представители аристократическихъ интересовъ всегда знали, когда слѣдуетъ уступить общественному мнѣнію и своей неуступчивостью или упрямствомъ никогда не доводили его до раздраженія. Правда, что Англія въ этомъ отношеніи обезпечена очень свободными учрежденіями и широкими правами. Она не боится борьбы мнѣній, а напротивъ, открываетъ для нея вполне свободное поле и отличается такою разсудительностью, что можетъ служить образцомъ государственной мудрости. Англійскій темпераментъ тутъ ничего не значитъ, потому-что и самъ этотъ темпераментъ историческаго воспитанія. Я напомню читателю только два факта изъ англійской исторіи: борьбу за хлѣбныя законы и теперешній ирландскій вопросъ. И то, и другое движеніе свершалось на законной почвѣ мирной умственной борьбы и сущность либеральной агитаціи заключалась только въ томъ, чтобы привлечь большее число сторонниковъ. Такъ-какъ всѣ вопросы Англія разрѣшаетъ большинствомъ голосовъ, то ясно, что торжество партіи зависитъ отъ большинства, которымъ она располагаетъ. Агитацію противъ хлѣбныхъ законовъ начали какихъ-нибудь десять человѣкъ и тридцать-пять лѣтъ изъ-года въ годъ поступалъ хлѣбный вопросъ на голосованіе, привлекая къ себѣ каждый годъ новыхъ сторонниковъ, пока они, наконецъ, не составили пересилившаго большинства. То-же самое повторяется и съ ирландскимъ вопросомъ. Вопросъ этотъ тоже вопросъ простаго голосованія и привлеченія на свою сторону большинства общественнаго мнѣнія. Поземельная лига дѣйствуетъ не только путемъ закона, но и возстаетъ противъ всякихъ незаконныхъ средствъ, которыя могли-бы вызывать раздраженіе и репрессаліи. Успѣхъ этой мирной агитаціи настолько уже великъ, что даже «Times» начинаетъ склоняться на сторону рабочаго сословія. Нужно, конечно, прибавить, что англійскій законъ весьма широкъ и даетъ полный просторъ для развитія и выработки общественнаго мнѣнія, разрѣшая самыя широкія сходки и митинги, на которыхъ могутъ собираться десятки тысячъ людей.

Политическая зрѣлость на континентѣ Европы не дошла еще до этого размѣра и вслѣдствіе этого, напримѣръ, въ Германіи такъ-называемые вредные общественные элементы какъ-бы грозятъ больше общественному спокойствію. Но эта опасность боль-

ше кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная и политика князя Бисмарка могла-бы быть гораздо успѣшнѣе, если-бы онъ былъ еще терпимѣе и служилъ-бы больше народу, чѣмъ баронамъ.

Мы, русскіе, находимся въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ для свободной печати и свободнаго развитія общественнаго мнѣнія. Сама очередь нашихъ вопросовъ заключаетъ въ себѣ ручательство за это спокойствіе. Интересы мужика, т. е. вопросъ земельный, вопросъ о земскихъ правахъ народа, о правѣ его участія въ управленіи, о народной школѣ, объ условіяхъ малоизвѣстнаго народнаго быта, — всѣ эти вопросы настолько простые и мирные, настолько выставляютъ на первый планъ изученіе бытовыхъ, юридическихъ, экономическихъ и другихъ условій русской жизни, настолько по существу своему положительны и реальны, что, право, можно быть спокойнымъ относительно русскаго здравогомыслія нашей передовой печати и людей, которые могли-бы дать дѣйствительное патріотическое направленіе общественному мнѣнію.

Совершенно справедливо, что наша печать утратила въ настоящее время то значеніе, которымъ она пользовалась ранѣе. Но говоря о печати, нельзя-же валить всѣхъ въ одну кучу. Уж если «Совр. Извѣстія» нашли, что газетная печать только сбиваетъ съ толку общественное мнѣніе и пріучаетъ къ легкомысленнымъ сужденіямъ, то что-же сказать хорошаго объ этой печати другимъ. Достоинство печати никогда не поднимутъ тѣ газетные органы, которые въ настоящее время предлагаются читающимъ русскимъ людямъ. Достоинство печати возстановится не прежде, чѣмъ откроется полный доступъ для выраженія своихъ мнѣній той части интеллигенціи, которая вынесла на себѣ всю тяжесть разработки коренныхъ вопросовъ русской жизни и которой принадлежитъ созданіе новаго общественнаго идеала. Эта часть русскихъ мыслящихъ людей ведетъ свою преемственность отъ Петра Великаго черезъ Ломоносова къ писателямъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ и участвовали дѣятельнымъ образомъ въ реформахъ прошлаго царствованія. Во всѣхъ лучшихъ начинаніяхъ каждаго царствованія эта лучшая умственная сила Россіи принимала всегда участіе и помогала правительству. Наиболѣе блестящія страницы въ русской исторіи созданы только этими людьми, а не Магницкими; времена-же господства Магницкихъ отмѣчали собой только фактъ умственнаго и нравственнаго паденія русскаго общества. Когда русское правительство желало улучшить положеніе страны и открыть возможности для развитія умственныхъ и экономическихъ силъ народа, оно опиралось всегда лишь на лучшихъ людей и къ нимъ-же обращалось

всегда послѣ всякого застоя во внутренней жизни. Факты эти очень хорошо извѣстны читателю, чтобы нужно было указывать на эпохи, когда русское правительство искало себѣ работниковъ только въ этой лучшей и наиболѣе образованной части русскаго населенія. Этой умственной силѣ Россія обязана всѣми своими умственными и общественными приобрѣтеніями. Она создала наиболѣе прогрессивную и художественную беллетристику, она создала цѣлый рядъ изслѣдователей народнаго быта, создала все то, что знакомило насъ съ самими собою, создала все то, что создало наше народное сознание, что привело, наконецъ, къ сознанию необходимости національной политики. Наша прогрессивная народная партія больше всего родственна по духу и направленію съ великими патріотами передовыхъ европейскихъ народовъ, съ тѣми патріотами, которые, подобно сподвижникамъ Вашингтона, положили основаніе процвѣтанію и могуществу сѣверо-американскаго союза, или, подобно сподвижникамъ Штейна, пробудили національное сознание въ забитой и униженной Пруссіи. Германская имперія, князь Бисмаркъ и политическая роль, которую играютъ нынче нѣмцы, были-бы невозможны, если-бы въ Германіи не явились такіе европейски-просвѣщенные люди, какъ Штейнъ. Не люди реакціи создали величіе Германіи, а люди прогресса, т. е. всѣ тѣ, кто старался поднять чувство личнаго достоинства каждаго нѣмца, кто дѣйствовалъ въ пользу расширенія общественныхъ правъ, и въ интересахъ развитія умственныхъ силъ страны и богатства народа. Семдесятъ лѣтъ изъ года въ годъ Пруссія твердо держалась принятой ею прогрессивной программы и когда, наконецъ, подъ Садовой вырвала главенство изъ рукъ Австріи, то Европа рѣшила, что побѣдилъ прусскій народный учитель. Мы по своей теперешней зависимости отъ Пруссіи въ вопросахъ нашей биржи, курса и торговаго значенія имѣемъ возможность убѣдиться на практикѣ насколько даже промышленно-экономическое значеніе въ международныхъ сношеніяхъ зависитъ отъ твердо-установленныхъ и послѣдовательно проведенныхъ прогрессивныхъ мѣръ, дѣйствующихъ въ длинный періодъ времени.

Въ то время, какъ московская печать обрушилась на русскую интеллигенцію и къ ея голосу присоединились и нѣкоторые петербургскіе псевдопатріотическіе органы, понятіе объ интеллигенціи настолько запуталось и затемнилось, что, казалось, наступилъ конецъ русской цивилизаціи и русскому умственному движенію. Московская печать забыла, да вѣрно и не хотѣла знать, что, когда Москва имѣла серьезное и плодотворное вліяніе на общественное сознание, когда московскій университетъ

игралъ свою выдающуюся роль въ русскомъ просвѣщеніи, московская печать не была такою, какова она теперь, и даже самъ Катковъ поучалъ Россію англійской конституціи.

Расширить свободу слова значить расширить область предметовъ, подлежащихъ обсужденію. Обыкновенный страховый приемъ, который практиковался и не въ одной Россіи, заключался въ томъ, что «опасные вопросы» не допускались для обсужденія въ печати. Это вело къ тому, что ихъ обсуждала внѣ печати, ибо, какъ говоритъ Гейне, для идей не существуетъ границъ и они, какъ птицы, перелетаютъ свободно повсюду. Еще не давно социализмъ замалчивался у насъ печатью и слова «социализмъ» и «нигилизмъ» считались запрещенными. Но если социализмъ есть общій врагъ, то его нужно изучить, чтобы знать, какъ съ нимъ бороться, а если онъ не врагъ, то еще большій резонъ узнать его. Въ Европѣ существуетъ социализмъ государственный, христіанскій и профессорскій. Всѣ эти три вида социализма не только существуютъ на законной почвѣ, но князь Бисмаркъ даже прямо имъ покровительствуетъ и въ числѣ своихъ совѣтниковъ имѣлъ Лассаля.

У насъ относительно социализма существуютъ очень смутныя понятія и черта, за которой социальныя понятія становятся социалистическими, едва-ли кому-нибудь ясна. Изъ этого выходитъ то, что, боясь слова, мы не боимся понятія. Наше теоретическое разрѣшеніе экономическихъ задачъ и способъ ихъ разрѣшенія, мѣры улучшенія народнаго быта и установленіе общихъ основаній, на которыхъ улучшеніе должно быть сдѣлано, наша теоретическая и даже практическая борьба противъ капитализма, Колупасва и кулака, стремленіе къ артельности, къ освобожденію народной и кустарной производительности отъ капиталистовъ, наше общинное землевладѣніе и общественныя запашки, которыя не только поощрялись, но даже вводились правительствомъ—все это такія вещи, которыя-бы очень не прочь ввести у себя европейскіе социалисты, а мы живемъ, такъ-сказать, въ самой средѣ этихъ вещей и мы-же боимся слова «социализмъ». Для взрослыхъ людей это слишкомъ наивно. Любопытнѣе всего, что о всѣхъ этихъ вопросахъ мы разсуждали въ печати довольно свободно, а въ послѣднее время, когда общественнымъ идеаломъ сдѣлался мужикъ—и практическое разрѣшеніе ихъ получило именно это направленіе,—а мы все-таки боимся произнести страшное слово. Между тѣмъ извѣстно, что Европа наше народно-экономическое направленіе зоветъ «русскимъ социализмомъ» въ отличіе отъ социализма европейскаго, который опять, въ свою очередь, распадается на социализмъ нѣмецкій, фран-

пузскій, англійскій въ силу того, что у каждой страны свои общественныя условія, свои социально-экономическія требованія и свои практическіе способы ихъ осуществленія.

. То-же самое можно сказать о нигилизмѣ, коммунизмѣ и т. д., которые законъ о печати запрещаетъ распространять какъ вредныя ученія. Но наши общественныя запашки, общественное пользованіе выгонами, пастбищами, лѣсомъ, наши артели составляютъ-ли они коммунистическую форму производства или не коммунистическую? Можно-ли рекомендовать ихъ или не только нельзя, но даже слѣдуетъ имъ противодѣйствовать? Можно распространять мысли Стюарта Милля объ уничтоженіи личнаго наслѣдства (см. русскій переводъ «Основаній политической экономіи»), мысль о томъ, что личная собственность должна переходить по наслѣдству только къ государству, и какія это идеи—соціалистическія, коммунистическія или нигилистическія?

Въ томъ-то и дѣло, что, когда социализмъ и коммунизмъ явились впервые въ Европѣ какъ теоретическія ученія, за ними дѣйствительно рисовался страшный призракъ и смутныя и невыясненныя идеи этихъ ученій возбуждали тревоги, опасенія и даже преслѣдованія. Все это было очень давно. Въ послѣднія-же двадцать-пять лѣтъ идеи общаго блага, изъ которыхъ исходили эти теоріи, стали настолько общимъ достояніемъ и явилась такая масса практическихъ мѣръ, принятыхъ самими правительствами для разрѣшенія общественныхъ и экономическихъ вопросовъ въ томъ-же направленіи, что, какъ мы уже говорили, социализмъ государственный, христіанскій и профессорскій считаетъ въ числѣ своихъ сторонниковъ князя Бисмарка, Гладстона, Гамбетту и императора Вильгельма. У насъ реформы совершались тоже въ направленіи тѣхъ желаній, которыя высказывались европейскими социалистами и считались у насъ тоже вредными, то - есть, въ направленіи улучшенія положенія трудящихся классовъ (тогда считалось вреднымъ говорить даже объ освобожденіи крестьянъ—и это былъ социализмъ), а между тѣмъ статья закона, запрещающая говорить о вредныхъ ученіяхъ, теперь непризнаваемыхъ никѣмъ вредными, все еще существуетъ.

Мы всегда обнаруживали страхъ къ словамъ, и до сихъ поръ у насъ обращается масса словъ и страшныхъ кличекъ, какъ, напр., западникъ, восточникъ, народникъ, славянофилъ, интеллигентъ, служащіе какими-то враждебными знаменами и только сбивающіе съ толку общественное мнѣніе. Конечно, за этими словами скрывается извѣстный смыслъ и извѣстныя требованія. Отъ этого и нужно, чтобы люди каждаго подобнаго

теоретическаго знамени, прикрывающіеся всё благомъ Россіи и благомъ народа, выставили-бы программу практическихъ мѣръ, которыми они думаютъ осчастливить Россію. Если люди, называющіе себя славянофилами или народниками по новому (г. Аксаковъ говорить, что онъ народникъ), будутъ предлагать мѣры закрѣпощенія народа, уничтоженія общиннаго владѣнія и введенія подворныхъ участковъ, если они для развитія въ народѣ самоуправления будутъ предлагать волостныхъ судей изъ землевладельцевъ и этимъ-же судьямъ будутъ ввѣрять взиманіе податей и раскладку налоговъ, то, какимъ христіанскимъ именемъ ни прикрывайся подобныя радѣтели народа, всёмъ будетъ ясно, что эти люди предлагаютъ новыя мѣры крѣпостнаго права, съ которымъ мы только что раздѣлались. Если люди эти называются славянофилами, то мы такъ и будемъ знать, кто такіе славянофилы и чего можно ожидать отъ ихъ практической программы. Изъ этой-же-самой программы не трудно будетъ заключить и о томъ, что противники ихъ, или, такъ-называемые, западники, или интеллигенція, очевидно, предлагаютъ иную программу практическихъ мѣръ, за что и навлекаютъ на себя неудовольствіе славянофиловъ. Но какъ вы ни назовите противниковъ—западниками или интеллигенціей, изъ исторіи развитія этой общественной фракціи будетъ ясно только то, что къ ней принадлежали всегда люди наиболѣе разсудительные, развитые, гуманные и благожелательные, люди, одаренные высшими способностями и, наконецъ, люди наиболѣе патріотическіе, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Поэтому, казалось-бы, тѣ влички, которыя до сихъ поръ у насъ употреблялись, слѣдовало-бы давно забросить и замѣнить ихъ словами на европейскій ладъ, т. е. такими названіями, которыя заключали-бы въ себѣ соціальныи, политическій и экономическій смыслъ. Въ сей моментъ подобныя ярлычки у насъ еще и невозможны, но они непременно явятся, когда у насъ разовьется болѣе правильная политическая жизнь и покончится та путаница общественныхъ понятій, въ которой мы пока пребываемъ, благодаря отсутствію свободной печати.

Благодаря тому-же обстоятельству, т. е. неразвитію практической политической дѣятельности, существуетъ у насъ неразрѣшенный вопросъ о томъ, какими путями или средствами всего удобнѣе достигнуть осуществленія на практикѣ общаго блага. Когда вопросы подобнаго рода явились впервые въ нашемъ обществѣ—я говорю объ эпохѣ шестидесятихъ годовъ—сложилось три мнѣнія, которыя и до сихъ поръ существуютъ каждое въ отдѣльности по прежнему непримиренныя и несогласованныя.

Одно изъ этихъ мнѣній считало возможнымъ достиг-

нута общественныхъ совершенствъ исключительно путемъ усовершенствованія личности. По мнѣнію сторонниковъ, стоитъ только выработать идеаль личнаго счастья и при посредствѣ личной воли сдѣлаться совершеннымъ и тогда общество, состоящее изъ совершенныхъ людей, будетъ тоже совершенно. Это старый вопросъ о томъ, республиканцы-ли создаютъ республику или республика республиканцевъ? или еще болѣе старый вопросъ—что было раньше, курица или яйцо? Нападки на семью, требованія, чтобы она создавала хорошихъ дѣтей и чтобы путемъ совершенной семьи создать совершенное общество, какъ извѣстно читателю, не привели ни къ чему. Если бросить прямолинейное разсужденіе и предъявлять жизни практическія и реальныя, а не теоретическія и абсолютныя требованія, то придется согласиться, что, если семья не исправила общества, а напротивъ, сама испортилась, то ясно, что на нее возлагали задачу не по силамъ и общественнаго усовершенствованія этимъ путемъ не достигнуть. Практика именно указываетъ на то, что общественныя отношенія гораздо болѣе вліяютъ на личность, чѣмъ личность на общественныя формы. Слѣдовательно, если приходится говорить о личной нравственности, то ее нужно создавать исправленіемъ общественнаго и гражданскаго міровоззрѣнія и созданіемъ того чувства человеческого достоинства, которое является только слѣдствіемъ политическихъ правъ, освобожденіемъ лица отъ произвола лица и гражданской независимостью. Въдъ великіе герои и патріоты древняго Рима, обаятельно дѣйствующіе и до сихъ поръ на юношество, создались только этимъ путемъ. Римская семья въ это время то-же отличалась своими добродѣтелями и дѣти, среди примѣровъ героизма и патріотизма, росли то-же будущими героями и патріотами. Тамъ, гдѣ общественныя отношенія сложились такъ, что требуются люди высшихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, независимые и свободные, и общество и семья будутъ именно формировать людей этого, а не другого закала.

Воздѣйствіемъ-же общественныхъ отношеній удобнѣе всего разрѣшается и другая задача, т. е. достиженіе социальнаго-экономическаго благополучія. Этотъ вопросъ при его исключительно экономической постановкѣ имѣетъ аналогію съ вопросомъ предъидущимъ. Какъ тамъ совершенное общество должно формироваться изъ совершенныхъ людей, такъ и здѣсь обеспеченное и процвѣтающее общество должно быть создано обеспеченными и процвѣтающими единицами. Вся логика этого сужденія основана на томъ, что личность по мѣрѣ своего экономическаго процвѣ-

танія, какъ въ первомъ случаѣ по мѣрѣ своего нравственнаго усовершенствованія, будетъ раздвигать формы жизни и органически, твердо, поступательно выработаетъ, наконецъ, такой порядокъ, къ какому она способна. Нельзя не согласиться, что у этого сужденія есть твердая точка опоры и оно весьма послѣдовательно въ своихъ выводахъ. Но для того, чтобы мнѣніе это могло быть принято жизнью и сдѣлалось практически руководящимъ, ему недостаетъ одного маленькаго обстоятельства, которое и дѣлаетъ его исключительно кабинетнымъ. Это обстоятельство заключается въ томъ, что сторонники общественнаго экономизма рассуждаютъ такъ, какъ-будто-бы они живутъ на островѣ Робинзона Крузе и Пятицы. Если-бы на свѣтѣ могло существовать общество, народъ, государство, развивавшіеся вполне самостоятельно, безъ всякаго вліянія постороннихъ, входящихъ элементовъ, то противъ этого мнѣнія возражать-бы не приходилось, ибо въ свое подтвержденіе оно-бы могло представить историческіе факты. Въ настоящее-же время оно именно и лишено этой поддержки. Даже наиболѣе застрахованное отъ постороннихъ вліяній государство, какъ Англія, не подтверждаетъ правильности этой теоріи и возможности ея прямолинейнаго практическаго примѣненія. Про такія-же государства, какъ Россія, и говорить нечего. Мы изображаемъ собою двѣ общественныя группы, крайности которыхъ называются интеллигенціей и народомъ. Интеллигенція сложилась при однихъ экономическихъ условіяхъ, народъ при другихъ. И до сихъ поръ обѣ группы живутъ при разныхъ экономическихъ условіяхъ и, слѣдовательно, по теоріи экономическаго развитія для каждой изъ этихъ группъ должна быть своя общественная форма. Подобная теорія въ рукахъ людей, менѣе пропитанныхъ интересами народа, можетъ привести къ такому государственному дуализму, который, пожалуй, станетъ проповѣдывать теорію оптиматовъ и рабовъ.

Но вѣдь политическія формы не больше какъ возможность для общественнаго развитія. Странно было-бы лишать древняго раба свободныхъ учреждений только потому, что ихъ выработали оптиматы. И земскія учрежденія выработаны не народомъ, такъ-же какъ и «Положеніе объ освобожденіи крестьянъ», но едва-ли изъ этого слѣдуетъ, что нашъ народъ не доросъ до нихъ и что, поэтому, нужно ждать, когда онъ разовьется экономически, когда ему сдѣлается тѣсно въ прежнихъ рамкахъ и онъ самъ создастъ себѣ новыя формы жизни. Что не самъ народъ участвовалъ въ составленіи земскаго положенія видно изъ того, что доля участія народа въ земствѣ слишкомъ стѣснена и ограничена. Но именно это-то обстоятельство вызываетъ въ об-

разованномъ общественномъ мнѣніи Россіи желаніе предоставленія народу полной земской равноправности или такого личнаго участія, которое создастъ ему умственный ростъ и гражданскую зрѣлость, а вмѣстѣ съ тѣмъ разовьетъ въ немъ и чувство равнаго достоинства. Что при теперешнемъ состояніи Россіи всѣ государственныя мѣры, имѣющія народный характеръ, должны исходить преимущественно изъ экономическихъ отношеній, это само собою понятно, ибо главный недугъ нашего народа есть бѣдность. Также справедливо, что идея равноправности не можетъ ограничиваться одной сферой юридическихъ правъ, но должна быть водворена и въ сферѣ экономической. Этимъ самымъ вопросъ расширяется уже настолько, что экономическія права сливаются съ правами общественными и основой тѣхъ и другихъ служить уже идея равнаго достоинства, заключающая въ себѣ цѣлую массу факторовъ, въ числѣ которыхъ находится и факторъ экономическій. Такимъ образомъ, эти три отдѣльныя мнѣнія отлично примиряются въ идеѣ равнаго достоинства и общественной справедливости. Никто вамъ не мѣшаетъ стремиться къ личному совершенствованію человѣка, насаждать въ семьѣ нравственность и любовь, никто вамъ не мѣшаетъ ставить каждое отдѣльное лицо въ положеніе, наиболѣе для него экономически-выгодное; ибо развитіе отдѣльнаго лица необходимо и безъ возможности личнаго счастья человѣку жить нельзя. Но одной теоріей личности нельзя создать благополучія государства. Государство заключаетъ въ себѣ цѣлую массу общественныхъ элементовъ и, если всѣ эти элементы не будутъ имѣть возможности для всесторонняго общественнаго развитія и ими не создается атмосфера всеобщаго счастья, то вы не создадите и счастливаго человѣка въ счастливомъ государствѣ.

Н. Ш.

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ КАИРЪ И ЕГИПЕТСКІЙ ВОПРОСЪ.

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА).

Осень—время политическаго затишья. Парламенты пользуются своими каникулами; государственные люди и государи употребляют свои досуги на поѣздки и путешествія. Газеты, за неимѣніемъ обычныхъ поводовъ къ спорамъ и пререканіямъ, раздираютъ другъ друга съ особою и нерѣдко плохо вознаграждаемою яростью. Особенно упражняетъ неутомимые ноги репартеровъ Гамбетта. Одни слѣдуютъ за нимъ въ Бельгію, гдѣ, какъ полагаютъ, у него назначено таинственное свиданіе съ королемъ Леопольдомъ II. Съ какою цѣлью? Не для того-ли, чтобы выразить неудовольствіе по поводу фортификаціонныхъ работъ, которыя находятъ нужнымъ предпринять нейтральный народъ на своей западной границѣ? Или, быть можетъ, въ видахъ подготовленія франко-бельгійскаго союза на случай грядущихъ событій? Другіе добираются до самаго Варцина, гдѣ г. Бискаркъ будто бы поджидаетъ президента французской палаты депутатовъ. При этомъ содрагаются отъ мысли объ опасностяхъ, грозящихъ картѣ Европы отъ подобнаго свиданія.

Между тѣмъ какъ Гамбетта совѣщается съ германскимъ канцлеромъ, король Гумбертъ, какъ увѣряютъ, терпѣливо ждетъ въ передней императора Франца Иосифа. Онъ ждетъ, впрочемъ, уже давно. Увѣнчаются-ли успѣхомъ эти ожиданія? Откликнется-ли на его жалобы Австрія и Пруссія?

Еще ранѣе мы имѣли данцигское свиданіе. Это пресловутое свиданіе возбудило воображеніе всѣхъ. Въ Австро-Венгрии и Германіи, въ Англіи и Франціи, также какъ въ Россіи, всѣ слышали предвидѣть и опредѣлить его послѣдствія. Это свиданіе, подготовленное заранѣе и облеченное величайшей тайной,

что не помѣшало, однако-же, нѣкоторымъ нескромностямъ, —предшествуемое продолжительнымъ совѣщаніемъ съ княземъ Бисмаркомъ, естественно должно было породить всевозможныя гипотезы. Мы, какъ непосвященные, не отважимся пускаться въ туманную и неуловимую область боговъ. Однако, было нѣкоторое основаніе предположить, что въ сущности дѣло касалось прежде всего этого вѣчнаго восточнаго вопроса, въ которомъ Пруссія играетъ, нѣкоторымъ образомъ, роль судьи.

Не имѣя никакого прямого интереса въ этомъ дѣлѣ, оставляя Австро-Венгріи заботу объ урегулированіи судоходства на Дунаѣ, объ увлеченіи княжествъ въ свою орбиту, о пути къ Солоникамъ и Эгейскому морю, Пруссія, повидимому, равнодушно слѣдитъ за усиліями своей сосѣдки. Она говоритъ себѣ, что чѣмъ болѣе распространяетъ свои предѣлы Австрія въ сторону турецко-славянскихъ земель, тѣмъ труднѣе будетъ ей удержать свои нѣмецкія провинціи.

Что касается Россіи, то политика Австріи на Дунаѣ, въ княжествахъ и въ самой Турціи является для нея самой помѣхой. Россія находитъ, что ей по праву принадлежитъ гегемонія надъ славянскими землями и, что было-бы несправедливо лишать ее этой гегемоніи въ пользу императора Франца Юсіафа. Какіе именно планы имѣетъ Австро-Венгрія и до какихъ предѣловъ можетъ она дойти въ своихъ посягательствахъ, вотъ что озабочиваетъ русскій дворъ и по поводу чего можно было предположить желаніе посовѣтоваться съ императоромъ Вильгельмомъ.

Впрочемъ, депеши, опубликованныя греческой газетой «Эгігтертесъ» и доставшіяся ей вслѣдствіе чей-то нескромности, даже и не касались этого вопроса и ограничивались констатированіемъ полнаго отсутствія черныхъ точекъ на политическомъ горизонтѣ. Послѣ этого можно было подумать, что дѣло идетъ о борьбѣ противъ соціализма. Это уже совсѣмъ не опасно.

Не болѣе опасности представляли и послѣдствія свиданія, на которомъ сходились въ Варцинѣ желѣзный канцлеръ и диктаторъ 1870 г., такъ-какъ это свиданіе оказалось плодомъ воображенія репортеровъ, а что касается короля Гумберта, то возвѣщавшіе о немъ принуждены были объявить, что его не будетъ, но что оно едва не состоялось.

Болѣе интереса представляли, быть можетъ, собранія иного рода, гдѣ, правда, отсутствовали вѣнценосцы и гдѣ обсуждались менѣе возвышенные интересы, но куда, по крайней мѣрѣ, мы простые смертные, имѣемъ свободный доступъ.

Въ Лондонѣ происходилъ конгрессъ Trades Unions; въ Па-

рижѣ—конгрессъ свободныхъ мыслителей; въ Барселонѣ—конгрессъ рабочихъ. Но, быть можетъ, въ настоящую минуту было бы несвоевременнымъ заниматься этими вещами и я буду руководствоваться въ этомъ случаѣ пословицей, гласящей, что «воздержись, если сомнѣваешься».

Если мы обратимъ взоры на ту сторону Атлантическаго океана, то увидимъ, что умы поглощены тамъ послѣдствіями только-что совершившагося важнаго событія, т. е. смерти и замѣщенія президента Гарфильда. Говоря о президентскихъ выборахъ, мы уже имѣли случай высказать наше мнѣніе о генералѣ и его преемникѣ Арчэрѣ.

Напомнимъ только, что выборъ этой сравнительно темной личности явился слѣдствіемъ сдѣлки между различными фракціями республиканской партіи, имѣвшей цѣлью устраненіе генерала Гранта.

Грантистамъ-же было предложено, въ видѣ вознагражденія, вице-президентство и такимъ-то образомъ, Арчэръ, чистый грантистъ, очутился во главѣ государства.

«Смерть Гарфильда», читаемъ въ одной американской газетѣ, «большее несчастіе. Это былъ умѣренный и благоразумный человекъ, который многому научился въ суровой школѣ труда нашей страны, гдѣ начавъ съ того, что былъ дровосѣкомъ въ лѣсахъ Огайо, дочникомъ на пенсильванскихъ каналахъ, затѣмъ студентомъ геанійской семинаріи, проповѣдникомъ въ селеніи Горана, генераломъ во время сраженія при Гикамануѣ, сдѣлался сенаторомъ и, наконецъ, президентомъ республики, преемникомъ Гейса. Поэтому-то мы обязаны Гарфильду полезными преобразованіями, несмотря на кратковременность его службы. (Онъ занялъ президентскій постъ въ мартѣ текущаго года). Онъ составилъ планъ морализаціи администраціи нашей республики, оставляющей многого пожелать и уже умѣлъ многое предпринять, въ видахъ прекращенія постыднаго торга мѣстами, позорящаго нашу свободную страну. Гарфильдъ желалъ, чтобы власть была настолько-же уважаема, насколько и достойна уваженія.

«Выстрѣлъ Гитто привелъ къ кормилу противную партію, которая можетъ причинить не мало зла въ четырехлѣтній періодъ президентскаго полномочія г. Арчэра. Если можно сравнивать, то мы позволили-бы себя уподобить Гарфильду г-ну Гриви, а Арчэра—Гамбеттѣ».

Ожидаютъ, что неожиданное возвышеніе грантистовъ будетъ имѣть результатомъ важныя измѣненія въ общемъ направленіи внутренней политики и въ административномъ персоналѣ. Нельзя

сомнѣваться также, что новый президентъ воспользуется предстоящимъ ему четырехлѣтнимъ срокомъ для подготовленія возвращенія Гранта на президентскій постъ.

Грантисты не скрываютъ своихъ надеждъ и уже успѣли воспользоваться своего рода междуцарствіемъ, возникшимъ вслѣдствіе болѣзни Гарфильда, чтобы захватывать мѣста и возобновить свои плутни. Однако-же, смерть Гарфильда до такой степени ожесточила противную партію и большинство населенія, что Честеръ Арчару пришлось принять это къ свѣденію и объявить американскому народу, что онъ намѣренъ слѣдовать по стопамъ своего предшественника и продолжать его дѣло. Итакъ, чтобы сдѣлать точную оцѣнку новаго положенія вещей въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, приходится подождать.

Вотъ почему мы оставимъ Новый Свѣтъ, а также и старую Европу и еще разъ обратимъ вниманіе читателя на африканскій берегъ, гдѣ событія становятся все болѣе и болѣе тревожными и гдѣ самыя стихіи какъ-бы вступили въ заговоръ для большаго усложненія обстоятельствъ.

I.

Сѣверный берегъ Африки представляетъ въ настоящую минуту картину всевозможныхъ бѣдствій. Отъ береговъ Сенегала до Чермнаго моря нѣтъ ни одного уголка этой столь щедро одаренной природой земли, который находился-бы въ нормальномъ состояніи. Между тѣмъ, какъ холера зарождается у самого гроба пророка, желтая лихорадка наводитъ ужасъ на городъ Людовика Святого. Въ другихъ мѣстахъ голодъ грозитъ цѣлымъ краямъ; наконецъ, повсюду инсurreкція, разбой и гражданская война. До сихъ поръ былъ пощажень одинъ только Египетъ. Нельзя, конечно, сказать, что это образцовое государство и здоровая страна; но, по крайней мѣрѣ, это такой больной, который, повидимому, сознаетъ свое положеніе и, хотя и по неволѣ, ввѣрилъ судьбу свою врачамъ, пользующимся доброй славой, по своему искусству и желающимъ исцѣлить его, если не въ видахъ его собственныхъ интересовъ, то, по крайней мѣрѣ, въ интересахъ его кредиторовъ. Юный египетскій монархъ—слабое, апатичное созданіе, охотно предоставляющій европейскимъ опекунамъ своимъ совершать преобразованія въ финансовой сферѣ страны. Онъ даже дозволяетъ контролировать свои собственные расходы, что уже рѣдкость, въ особенности на Востока.

Извѣстно, что всѣ арміи въ мірѣ весьма недоброжелательно

относятся къ финансовымъ реформамъ; такъ и египетское войско не особенно радовалось новому управленію, но это неудовольствіе не внушало опасеній, и во всякомъ случаѣ никто и не подозрѣвалъ возможности того внезапнаго *coup de théâtre*'а, который уничтожилъ все, что успѣли сдѣлать для Египта со времени паденія Измаила-паши.

Какимъ образомъ, однимъ ударомъ и среди полного спокойствія населенія, нѣсколько полковъ могли низложить министерство и превратить юнаго хедива Тевфика-пашу въ маріонетку въ рукахъ вожаковъ мятежа? И что такое этотъ Шерифъ-паша, сдѣлавшійся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на этой сценѣ?

Мы видимъ его диктующимъ условія своему государю и обсуждающимъ ихъ съ тѣми, кто только-что назначилъ его первымъ министромъ. Говорятъ, что это самый вліятельный и способный изъ вождей «національной партіи».

Это послѣднее слово, само по себѣ, уже цѣлое откровеніе. До сихъ поръ, кажется, никто и не подозрѣвалъ существованія національной египетской партіи и даже вообще существованія какого бы-то ни было патріотизма въ этой странѣ, гдѣ, хотя и отмѣнено невольничество, но гдѣ самъ законный владѣлецъ земли представляетъ собою нѣчто мѣньшее, чѣмъ рабъ. Что касается до иностранцевъ, господствующихъ въ странѣ, то они исключительно озабочены своими спекуляціями и не гонятся за безкорыстіемъ.

Не легко было открыть истинныя причины движенія. Вожаки, повидимому, воспользовались недовольствомъ, возбужденнымъ въ войскахъ постановленіемъ (турецкаго происхожденія), доставляющимъ важныя преимущества иностранцамъ, въ ущербъ мѣстному элементу и дающимъ возможность пришельцамъ овладѣть всѣми высшими должностями. Но это объясненіе все-таки никого не удовлетворяетъ, какъ оно ни правдоподобно, и въ недавнемъ движеніи продолжаютъ упорно усматривать скорѣе дипломатическую интригу, чѣмъ военное возмущеніе.

Египетъ—добыча, на которую завистливымъ окомъ взираетъ не одна держава. Съ тѣхъ поръ, какъ Франція вступила въ Тунисъ, Англія не скрываетъ болѣе своихъ поползновеній относительно земли Фараоновъ. «Египетъ долженъ принадлежать Англіи», заявлялъ нѣсколько дней тому назадъ «Daily Telegraph». «Это необходимо для всѣхъ цѣлей и намѣреній, а также и для безопасности британской имперіи». Но и по другую сторону Ламанша не мало людей, которые утверждаютъ, что такъ-какъ новый Египетъ есть дѣло Франціи, болѣе чѣмъ какой-либо иной державы, то она и должна пользоваться одинаковыми, если не

большими правами, чѣмъ Великобританія, на берегахъ Нила, а умѣренная газета «National» заявляла, съ своей стороны, что правительство республики безъ всякихъ колебаній должно провозгласить Египетъ французской территоріей.

Что касается Австріи и Италіи, то онѣ выражаютъ готовность терпѣть въ теченіи нѣкотораго времени преобладающее вліяніе той и другой державы, по причинѣ финансовыхъ интересовъ своихъ прошедшихъ и настоящихъ; но полагаютъ, что какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ должны привыкнуть къ мысли, что наступитъ время, когда и онѣ скажутъ: «Египетъ нашъ». А до тѣхъ поръ онѣ довольствуются тѣмъ, что создаютъ препятствія къ утвержденію вліянія соперничающихъ державъ. Наконецъ, и Константинополь считаетъ себя имѣющимъ нѣкоторыя права на орошаемую Ниломъ страну. Послѣ неудачъ, постигшихъ Блистательную Порту въ Европѣ, она, какъ мы указали въ одной изъ предыдущихъ статей нашихъ, обратила свои виды на Африку и здѣсь разсчитываетъ найти элементы для вознагражденія себя за жестокія потери, которыя пришлось испытать въ другихъ мѣстахъ. Съ этой цѣлью стамбульскій калифатъ дѣятельно продолжаетъ свою пропаганду, клонящуюся къ сосредоточенію вокругъ себя исламизма и образованія изъ него могучей массы, которая должна быть направлена противъ христіанъ-побѣдителей, но разединенныхъ между собою.

При такомъ количествѣ соискателей, какъ узнать, кто руководитъ нитями интриги и въ чью пользу она ведется? Каждое изъ заинтересованныхъ правительствъ, слагаетъ съ себя отвѣтственность и старается взвалить ее на сосѣда. Франція жалуется на посредническую роль, которую игралъ англійскій консулъ. Англія инсинуируетъ, что французскій консулъ, быть можетъ, не оставался чуждымъ этому дѣлу, причемъ указываютъ, что по какому-то странному совпаденію, мятежъ разразился на другой день послѣ отъѣзда г. де-Блиньера, точно будто хотѣли доставить французскому вліянію возможность сослаться на отсутствіе, или-же, согласно съ другой версіей, удалить слишкомъ безпристрастнаго свидѣтеля.

Все это, повидимому, довольно фантастично. Въ ту минуту какъ у Франціи и безъ того уже полны руки дѣла, и когда Англія, болѣе чѣмъ когда-либо, чувствуетъ себя изолированной въ Европѣ, трудно понять, въ силу какого интереса та или другая захотѣли-бы вновь открыть восточный вопросъ путемъ революціи въ Египтѣ. Если-бы во главѣ англійскаго правительства стоялъ человѣкъ съ пламеннымъ воображеніемъ, то-есть

лордъ Биконсфилдъ, то можно было-бы заподозрить его въ желаніи реванша за тунисское дѣло, посредствомъ занятія Александріи, за которымъ послѣдовало-бы заключеніе договора, въ родѣ того, который былъ подписанъ въ Бардо и, наконецъ, протекторатъ. Но Гладстонъ человѣкъ не этого закала. Тотъ, кто отдалъ Греціи Ионическіе острова, кто возвратилъ бозрамъ Трансвааль и бросилъ афганцевъ на произволь судьбы, тотъ, конечно, уже не мечтаетъ о завоеваніяхъ. Политика Гладстона политика «развязанныхъ рукъ», указываетъ на почтенную совѣстливость и нѣкоторое уваженіе къ общенародному праву, а темпераментъ ограждаетъ его отъ стремленія къ приключеніямъ въ далекихъ странахъ, которыя такъ плѣняли его предшественника.

Какъ-бы то ни было, событіе имѣетъ важное значеніе, потому-что Египетъ — не Болгарія, не Албанія или Тунисъ, Египетъ, это значитъ Суэзь, Индія, путь на востокъ и одинъ изъ величайшихъ міровыхъ путей. Европейскіе капиталисты приходятъ въ великій ужасъ при мысли, что онъ будетъ добычей анархіи и въ зависимости отъ горсти недовольныхъ солдатъ.

Поэтому желали-бы во чтобы-то ни стало извлечь Египетъ изъ настоящаго кризиса.

Но какимъ образомъ? Рѣшеніе этого вопроса не изъ легкихъ.

Слѣдуетъ-ли искать этого рѣшенія въ простой сдѣлкѣ съ египетскими «военачальниками»?

Но это было-бы большей иллюзіей. Дѣйствительно, движеніе зависѣло не отъ одного недовольства нѣсколькихъ полковниковъ: оно нашло сторонниковъ, если не дѣйствующихъ, то сочувствующихъ, почти во всѣхъ слояхъ населенія и тайныхъ сообщниковъ въ самыхъ высокихъ сферахъ египетскаго общества.

Рѣшенія «египетскаго вопроса» слѣдуетъ искать выше; необходимо для этого обратиться къ его дѣйствительному происхожденію, къ его основнымъ причинамъ и затѣмъ уже слѣдить за ихъ послѣдовательнымъ развитіемъ и результатами. Только такимъ способомъ можно составить себѣ точное понятіе о положеніи дѣлъ и найти средство для приведенія ихъ въ порядокъ.

Въ числѣ различнаго рода фактовъ, къ которымъ относятся эти причины, первое мѣсто занимаетъ иностранное вмѣшательство, затѣмъ дѣйствія Порты и, наконецъ, развитіе «національной партіи», съ которой приходится считаться, какъ ни неожиданно ея появленіе.

II.

Уже съ давнихъ поръ Египеть былъ благословенной страной для европейцевъ. Изъ всѣхъ мусульманскихъ странъ онъ несомнѣнно отличается наименьшею интенсивностью религіознаго фанатизма. Въ высшихъ сферахъ это чувство охлаждается, сверхъ того, образованіемъ и свѣтскостью. Такимъ образомъ, иностранцы находили гарантію своей безопасности въ самомъ свойствѣ среды и, сверхъ того, они были увѣрены, что, въ случаѣ надобности, могутъ рассчитывать на поддержку властей, такъ-какъ правительство не разъ давало доказательства своего благорасположенія. Приведемъ примѣръ: это было во время управленія вице-короля Мехмеда-Али. Мусульмане несли покойника къ послѣдному жилищу, какъ вдругъ похоронная процессія останавливается, подъ предлогомъ, что покойникъ не хочетъ проходить по кварталу гяуровъ. Носильщики положили свою ношу на землю, ожидая, по всей вѣроятности, чуда свыше. Но вмѣсто того явилась полиція и наградила носильщиковъ палочными ударами, что оказалось вполнѣ достаточнымъ для успокоенія религіозной щекотливости покойника и процессія двинулась далѣе.

Преемники Мехмеда-Али послѣдовали его примѣру. Европейское вліяніе росло и укрѣплялось, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и честолюбіе и поползновенія европейцевъ. Слѣдствіемъ явилось реакціонное движеніе; оно начало проявляться въ концѣ правленія Магомеда-Саида.

Этотъ государь былъ добрымъ мусульманиномъ, но оставался свободнымъ отъ религіозныхъ предрасудковъ и отличался особымъ расположеніемъ къ иностранцамъ, которыми былъ постоянно окруженъ. Старая Турція возмутилась. Устраненные отъ всѣхъ должностей турки ждали воцаренія Измаила, какъ сигнала къ возвращенію имъ вліянія и власти. Онъ не могъ вполнѣ разрушить эти надежды, такъ-какъ вѣроятный наслѣдникъ всегда предполагается принадлежащимъ къ оппозиціи. Когда пробилъ часъ его вступленія на престолъ, старые турки заволновались. Ихъ нетерпѣливое честолюбіе раздуло угасавшую искру религіи и они возбудили толпу противъ европейской колоніи. По ихъ наущенію, три фанатизированные солдата напали на одного француза, безъ всякаго вызова съ его стороны и избили его. Французскій консулъ немедленно взялъ это дѣло въ свои руки. Было потребовано удовлетвореніе. Правительство колебалось, но въ концѣ-концовъ, виновные были при-

говорены къ ссылкѣ. Они могли почестъ себя счастливыми, что избѣжали *курбаша*, т. е. египетскаго кнута. Тѣмъ не менѣе турки были недовольны. Съ тѣхъ поръ вице-король началъ серьезно думать объ огражденіи себя отъ дальнѣйшихъ затрудненій того-же рода.

Новому пашѣ удалось сдѣлаться болѣе популярнымъ въ Европѣ, чѣмъ всѣ его предшественники. Одно время имъ положительно увлекались. Хвалили его либерализмъ и увѣряли, что онъ гениальный человекъ. Дѣйствительно, Исмаиль-паша былъ человекомъ недюжиннымъ. Онъ зналъ Европу, изучилъ пружины ея правительства и вознамѣрился воспользоваться результатами своихъ наблюденій. Особенно плѣнила его теорія интересовъ народа и его проницательный умъ немедленно угадалъ всю выгоду, которая могла быть извлечена изъ этой теоріи. «Интересы египетскаго народа», «благоденствіе египетскаго народа», — какая находка и какой неопровержимый отвѣтъ на требованія европейцевъ.

Эти послѣдніе даже не спросили себя, гдѣ-же этотъ народъ въ Египтѣ. Слухъ западно-европейца былъ слишкомъ польщенъ, чтобы взглянуть пристальнѣе въ дѣло и европейская публика привѣтствовала насажденіе демократическихъ идей въ странѣ фараоновъ. Она не замѣтила, что подъ кудрявой фразой кроется предостереженіе на будущее время, опасность для собственныхъ интересовъ и что «благоденствіе египетскаго народа» явится непобѣдимымъ и неосязаемымъ конкурентомъ.

Уже въ слѣдующемъ году новая теорія нашла себѣ приложение по поводу Суэзскаго канала. Было рѣшено, что работы по прорытію канала будутъ производиться людьми и предшественникъ Исмаила, Мехмедъ-Саидъ обѣщаль доставить для этихъ работъ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ феллаховъ, которые будутъ чередоваться изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и получать отъ компаніи заработную плату въ размѣрѣ 1 франка въ день. Вице-король сократилъ составъ своей арміи и направлялъ своихъ рекрутовъ на работы по каналу. Мнѣнія ихъ, конечно, не спрашивали, но можно было съ увѣренностью сказать, что эти люди предпочитаютъ кирку ружью и оплачиваемыя земляныя работы даровому ученью ружейнымъ приѣмамъ и т. п. Поэтому Мехмедъ-Саидъ нисколько не затруднялся выполненіемъ своихъ обязательствъ и доставлялъ на работы необходимые контингенты рабочихъ.

Но при его преемникѣ положеніе дѣлъ внезапно измѣняется. Въ одинъ прекрасный день въ Парижъ является делегатъ отъ правительства вице-короля: хитрый, ловкій дипломатъ, умѣю-

щій съ величайшимъ искусствомъ эксплуатировать людскую до-
вѣрчивость. Онъ съ успѣхомъ разыгрываетъ роль апостола
теоріи блага народнаго. Онъ даетъ почувствовать, что барщина
несовмѣстима съ этимъ благомъ, что его правительство, по со-
глашенію съ Портой, не находитъ возможнымъ терпѣть долѣе
столь противный пріазамъ чловѣка и гражданина обычай. Онъ
требуетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, были значительно сокраще-
ны обязательные контингенты рабочихъ на каналѣ.

Доводы дипломата были такъ убѣдительны, а приемы его такъ
неотразимы, что онъ остался побѣдителемъ. Впрочемъ, интересы
народа и принципы 89-го года были не единственными стру-
нами, на которыхъ онъ игралъ. Онъ втерся въ печать, приобрѣлъ
въ ней прозелитовъ и скоро мы сдѣлались свидѣтелями страннаго
зрѣлища. Во Франціи, и притомъ въ ущербъ французскимъ
интересамъ, появился египетскій патриотизмъ, египетскій либе-
рализмъ и египетское вліяніе. Послѣдовалъ настоящій бунтъ
журналистовъ въ пользу вице-короля, и даже возстаніе дипло-
матовъ, изъ которыхъ нѣкоторые заплатились своимъ положе-
ніемъ за такое чрезмѣрное усердіе.

Въ чемъ-же заключался секретъ этого дѣла?

Истина можетъ быть выражена въ двухъ словахъ: вице-
король желалъ оставить для себя рабочія руки своихъ поддан-
ныхъ, въ виду обработки обширныхъ владѣній своихъ; англи-
чане-же поддерживали его, такъ-какъ желали разстроить пред-
пріятіе, начатое подъ французскимъ покровительствомъ, а сул-
танъ также поддерживалъ хедива въ угоду англичанамъ. Фран-
цузское правосудіе, конечно, видѣло нити этой игры, но какъ
высказаться въ пользу барщины? Какъ отказать государю въ сред-
ствахъ облегченія страданій его народа? Рѣшеніе было въ пользу
хедива и его громко привѣтствовали французскіе либералы. Но
въ ту минуту какъ заговоръ былъ близокъ къ осуществленію,
г. Лессепсъ смѣло отказался отъ барщинной работы и рѣшился
замѣнить ее машинами.

III.

Можно-ли, однако-же, утверждать, что принципы, выставленные
государемъ - реформаторомъ, служили ему лишь предлогомъ для
прикрытія честолюбивыхъ и корыстныхъ намѣреній? Можно-ли
отрицать важныя преобразования, начатыя этимъ царствова-
ніемъ въ управленіи страной?

Когда Измаиль-паша вступилъ на престолъ, египетское пра-
вительство никому не давало отчета во внутреннемъ управленіи

страной, оно не было подчинено на малѣйшему контролю ни со стороны представительнаго собранія, ни со стороны общественнаго мнѣнія, путемъ печати; послѣдняя даже вовсе не существовала, если не считать правительственныхъ сообщеній. Измаилъ измѣнилъ такое положеніе вещей.

Въ былыя времена, при Мехмедъ-Али и даже при Аббасъ-пашѣ, безусловная власть вице-короля ограничивалась (по крайней мѣрѣ въ теоріи) меджлисами, т. е. верховными совѣтами, составленными изъ улемовъ и именитыхъ людей.

Измаилъ рѣшился воскресить это учрежденіе въ болѣе современномъ и демократическомъ видѣ. Онъ создалъ «совѣтъ представителей египетскаго народа».

Съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ?

Хотѣлъ-ли онъ доказать европейскому общественному мнѣнію, что либеральныя намѣренія, выраженыя представителями вице-короля за-границей, не были пустыми фразами? Дѣйствиительно-ли предвидѣлся парламентъ, съ борьбою партій, съ возможностью оппозиціоннаго правительства, и все это въ сторонѣ абсолютизма по преимуществу?

На первый взглядъ можно было ошибиться. Дѣло въ томъ, что вице-король октроировалъ народнымъ представителямъ широкія права, а избирательный законъ, имъ изданный, былъ настолько разуменъ и либераленъ, что могъ служить образцомъ всякой другой странѣ, безъ исключенія.

Чтобы быть выбраннымъ требовалось только гарантія «честности и способности». «Люди, приговоренные къ позорящему наказанію, заранѣе устранялись изъ списка избираемыхъ. Военные также не допускались въ предѣлы парламента. Однимъ словомъ—ничто не было опущено для обезпеченія доброй нравственности выборовъ. Прежде всего ихъ дѣйствительность контролировалась комиссіей совѣта, которому воспрещалось имѣть двѣ мѣры и два вѣса, т. е. для друзей и противниковъ. Наконецъ, вице-король предоставилъ себѣ право выдачи каждому представителю диплома на это званіе на три года. Правда, ничего не было сказано о гонорарѣ. Но представителей это не должно было удивить.

Ихъ новыя обязанности, по всей вѣроятности, казались имъ новымъ видомъ барщины.

Правительство начало съ того, что сдѣлало имъ два, связанныхъ одно съ другимъ, предложенія. Оно потребовало отъ нихъ «облегченія осуществленія общепользныхъ сооруженій» и, сверхъ того, назначенія сроковъ, въ которые будутъ вноситься подати. Первое предложеніе, слѣдовательно заключало, въ себѣ

требованіе денегъ, а во-второмъ—выражалось желаніе узнать, когда именно эти деньги будутъ внесены. Изъ этого можно видѣть, что цѣль созванія представителей была до крайности опредѣлена и не имѣла въ себѣ ничего иллюзорнаго.

Иллюзоренъ-же былъ ихъ контроль, какъ то оказалось впоследствии. Не желая затруднять администрацію и стѣснять вице-короля въ его расходахъ, они предпочли воздержаться отъ всякихъ преній и всякаго разсмотрѣнія. Правительство могло, следовательно, предаваться самымъ безумнымъ тратамъ и можно по справедливости сказать, что не много найдется государей, которые съ такою безцеремонностью обращались-бы съ государственными средствами. Кромѣ налоговъ и займовъ, другъ народа Измаиль-паша прибѣгалъ къ весьма страннымъ способамъ пополненія своей пустой кассы. Приведемъ примѣръ.

Крестьяне въ Египтѣ не владѣютъ землей на правахъ собственниковъ. Они арендуютъ поля и продаютъ жатву на корню за ничтожныя цѣны. «Какъ ни мало мы получаемъ, думаютъ эти крестьяне,—все-таки мы вырвемъ кое-что у фиска». Феллахи напоминаютъ средневѣковыхъ евреевъ, которые притворялись бѣдными, чтобы избѣжать поборовъ. Магомедъ-Саидъ, тронутый бѣдствіями этихъ крестьянъ, предоставилъ имъ свободныя земли вокругъ нѣкоторыхъ селеній, думая внушить имъ желаніе улучшать свои хозяйства и дѣлать сбереженія. Новое правительство отняло эти земли, обѣщая вознаградить за экспроприацію. Но по отчужденіи земель, о вознагражденіи было забыто. Народные представители, конечно, могли-бы напомнить объ этомъ и взять въ свои руки дѣло угнетенныхъ; но они, повидимому, раздѣляли мнѣніе того турка, который находилъ, что вице-король и такъ уже слишкомъ стѣсняется и восклицалъ въ совѣтѣ министровъ: «если хотять какую-нибудь землю, то пусть и берутъ ее!»

Единственнымъ результатомъ, достигнутымъ «совѣтомъ представителей», было доказательство полной ничтожности этого учрежденія.

IV.

Несмотря на все это, легковѣріе Запада оставалось непобѣдимымъ и при первомъ удобномъ случаѣ державы поспѣшили выразить свое сочувствіе славному египетскому реформатору. Въ концѣ 1869 г. назначено было открытіе Суэзскаго канала. Всѣ европейскія монархіи поспѣшили отвѣтить на приглашеніе, полученное ими изъ Каира. Въѣздъ государей въ Портъ-Саидъ

представлялъ единственное, въ своемъ родѣ, зрѣлище, и не только по выказанной по этому поводу роскоши, но и вслѣдствіе чуда технического искусства, которое служило рамкой картинѣ. Во время переѣзда изъ Александріи въ Портъ-Саидъ, взоръ останавливался на низменныхъ и песчаныхъ берегахъ, лишенныхъ всякой растительности, и на необозримыхъ желтѣющихъ пескахъ. Ни холма, ни дерева. Кое-гдѣ видѣлся мертвенный тамарискъ, кустарникъ, лишенный зелени. Повсюду обнаженная, ужасная пустыня. Какъ вдругъ, обогнувъ мысъ, предъ глазами путника открывается обширная поверхность синѣющей влаги, окруженная мастерскими и магазинами, полными движенія и жизни; разноцвѣтные флаги развѣваются на мачтахъ, а монцныя машины, подобно чудовищнымъ животнымъ, покоятся повсюду на берегу. Контрастъ между плодотворной дѣятельностью и бесплодной пустыней, долиной смерти, производилъ потрясающее впечатлѣніе. И среди всего этого двигалось шествіе представителей цивилизованнаго міра, явившихся на праздникъ человѣческаго генія, на зрѣлище торжества человѣка надъ природой. Каски, короны, діадемы, блестящіе мундиры и наряды придворныхъ дамъ, залитые египетскимъ ноябрьскимъ солнцемъ, звуки музыки, пушечные выстрѣлы, все это вмѣстѣ взятое производило на умы неизгладимое впечатлѣніе. Измаилъ долженъ былъ остаться довольнымъ. Онъ не щадилъ издержекъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія. Балы и увеселенія слѣдовали одни за другими. Балы давались въ Каирѣ, на палубѣ кораблей, наконецъ, на перешейкѣ, гдѣ его высочество велѣлъ выстроить дворецъ. Это зданіе, которому на другой-же день предстояло быть покинутымъ и развалиться, было обширныхъ размѣровъ и блистало роскошью внутренняго убранства, для котораго не щадилъ золота, шелка и красокъ. Ужинъ, поданный въ этомъ дворцѣ, навсегда остался въ памяти приглашенныхъ. Эти приглашенные были созваны со всего свѣта и каждый хвалилъ царственную щедрость и великолѣпіе, выказанныя Измаиломъ. Довольные такимъ гостепримствомъ, гости вернулись домой съ самымъ грандіознымъ представленіемъ о богатствахъ, которыми могло располагать египетское правительство, а это послѣднее воспользовалось этимъ, чтобы начать переговоры о новыхъ займахъ, которые, главнымъ образомъ, являлись оригинальной уплатой за угощеніе. Европа не могла отказать. Она подписывалась на займы и снова подписывалась. Хедивъ былъ неутомимъ въ этомъ отношеніи и употреблялъ сбереженія своихъ западныхъ друзей на устройство себѣ жизни, полной роскоши и блеска. Ноябрьскія празднества, повидимому, разлакомили египет-

саго амфитріона. Съ той поры въ Каирѣ непрерывною цѣпью тянулись самыя безумныя увеселенія и праздники. Однажды, по поводу бракосочетанія какой-то принцессы, каирскіе жители увидѣли на своихъ улицахъ цѣлую процессію слугъ, облеченныхъ въ роскошнѣйшія ливреи, точнѣйшимъ образомъ скопированныя съ ливрей придворныхъ лакеевъ временъ Людовика XIV. Арабы, мусульмане, шествовали по улицамъ въ огромныхъ напудренныхъ парикахъ. Какъ удивлялись эти бѣдные люди такому своему превращенію! Но не одними костюмами стремился Измаилъ воскресить дворъ великаго короля. Подобно ему, онъ явился покровителемъ искусства. Онъ давалъ субсидіи театрамъ, онъ щедро награждалъ иностранныхъ артистовъ.

Въ Парижѣ у него былъ агентъ, миссія котораго заключалась въ приглашеніи женскихъ знаменитостей нашихъ маленькихъ театровъ. Онъ израсходовалъ громадныя суммы на пріобрѣтеніе театральныхъ новинокъ. Какая слава для Измаила! Композиторы и артисты искали чести блистать въ Каирѣ, подобно тому какъ прежде блистали въ Парижѣ и Берлинѣ!

Однимъ словомъ—все обстояло благополучно на берегахъ Нила, а кредиторы были вполне довольны перспективой полученія семи на сто на свои капиталы. Чего-же лучше? Оставалось только пожелать, чтобы такой порядокъ вещей простоялъ еще долгое время.

У.

Но онъ не простоялъ. Въ одно прекрасное утро сдѣлалось извѣстнымъ, что хедивъ прекратилъ платежи. Тогда все измѣнилось. Увлеченіе смѣнилось самымъ противоположнымъ чувствомъ. Славный Измаилъ превратился въ презрѣннаго авантюриста, его реформы сдѣлались пустымъ фарсомъ, его совѣтъ представителей—отводомъ глазъ злополучныхъ кредиторовъ. Объятые ужасомъ, кредиторы потребовали вмѣшательства Европы. Относительно вмѣшательства въ желающихъ недостатка не было. Германія, Австрія, Италія ничего лучшаго не желали какъ вмѣшаться, надѣясь извлечь изъ положенія выгоды для своего вліянія и сразу стать на одномъ уровнѣ съ прочими націями. Франція и Англія опередили другихъ. Чувство самозащиты побудило ихъ вступить въ союзъ и потребовать, на первый случай, назначенія слѣдственной комиссіи. Но обоимъ делегатамъ этихъ державъ Гошену и Жуберу пришлось считаться съ глухою враждебностью египетскаго правительства. Пред-

напрямѣнно обманутые ложными свѣденіями, они скоро пришли къ убѣжденію о полной невозможности переустройства египетскихъ финансовъ. Такъ, напримѣръ, чистый доходъ съ желѣзныхъ дорогъ былъ показанъ въ 24.750,000 франк. Къ концу же года была получена только треть этой суммы. Стали искать объясненія этой громадной разности между опредѣленіемъ цифры дохода и дѣйствительно полученной суммой. И объяснили. Отправка зерноваго хлѣба собственнаго имѣнія хедива (Даира), а также и отправка продуктовъ изъ имѣній его родственниковъ была показана въ отчетахъ какъ производящаяся на счетъ владѣльцевъ, но при помощи сложной и весьма искусной бухгалтеріи, въ концѣ концовъ выходило, что управленіе желѣзныхъ дорогъ ровно ничего не получало. Слѣдственная коммиссія была признана недостаточной и ее нашли нужнымъ превратить въ смѣшанную коммиссію, составленную изъ европейцевъ и туземцевъ и снабженную болѣе обширными полномочіями. Новая коммиссія была названа «верховнымъ совѣтомъ казначейства». Этотъ совѣтъ долженъ былъ завѣдывать составленіемъ бюджета, взиманіемъ доходовъ, назначенныхъ для уплаты долговъ и уплатой этихъ послѣднихъ, а также составленіемъ и рассмотрѣніемъ отчетовъ. Подобное учрежденіе, установлявшее серьезный контроль, должно было удовлетворить самыя строгія требованія. Но что можетъ быть неумолимѣе кредитора? Впрочемъ, нельзя не признать, что оставалась и нѣкоторая причина для опасеній. Понять ее не трудно. Дѣло въ томъ, что верховный совѣтъ казначейства назначался главою государства, а потому могъ быть и смѣняемъ тѣмъ-же главою. Существованіе и права этого совѣта вполнѣ зависѣли отъ воли вице-короля. Въ государствѣ не существовало никакого ограничивающаго вліянія, такъ-какъ пресловутый совѣтъ представителей не могъ оказать никакого противодѣйствія своему властителю.

По крайней мѣрѣ, слѣдовало дополнить это учрежденіе, видоизмѣнивъ его въ такомъ смыслѣ, который давалъ-бы какія-нибудь гарантіи для осуществленія реформъ, предложенныхъ англійскими и французскими делегатами. Отсюда мысль о смѣшанномъ министерствѣ, которое заставили принять Измаила-пашу. Президентомъ этого кабинета былъ назначенъ Нубаръ-паша; министерство финансовъ было поручено г. Вильсону, а министерство общественныхъ работъ г. де-Блиньеру.

Это смѣшанное министерство и смѣшанная коммиссія очень напоминали карточный домикъ, который могъ быть разрушенъ малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра. Послѣдствія вполнѣ подтвердили справедливость этого сравненія. Въ ту самую минуту какъ

англо-французская дипломатія поздравляла себя съ успѣшнымъ окончаніемъ своего дѣла, пришло извѣстіе, что хедивъ все перевернулъ по своему. Гг. Вильсонъ и де-Блиньеръ протестовали. Вице-король не обратилъ на это никакого вниманія. Но могли-ли французское и англійское правительство снести оскорбленіе, нанесенное имъ въ лицѣ ихъ представителей, и въ особенности въ виду того удовольствія, которое доставила ихъ неудача державамъ-завистницамъ, радостно потиравшимъ руки за кулисами.

Рѣшено было дѣйствовать быстро и энергично. Отреченіе вице-короля, какъ полагали, было единственнымъ средствомъ расчистить путь и устранить затрудненія, зависѣвшія отъ пребыванія его на тронѣ. Для новаго порядка вещей, которому желали дать прочныя основы, требовался и новый государь, свободный отъ всякихъ сдѣлокъ съ прошлымъ. Приглашенный къ отреченію Измаилъ отказался. Тогда Франція и Англія рѣшили потребовать энергичнаго вмѣшательства султана, чтобы принудить хедива къ повиновенію. Для султана это было совершенно неожиданной находкой. Измаилъ-паша постоянно стремился къ постоянному ослабленію узъ, связывавшихъ его съ Портой и до тѣхъ поръ такая политика съ его стороны встрѣчала въ Европѣ если не одобреніе, то снисхожденіе. Да и какъ не поддерживать государя, который, по собственному его выраженію, желалъ сдѣлать изъ Египта пунктъ соприкосновенія христіанской цивилизаціи съ мусульманской? «Но всякое усиліе въ эту сторону», прибавлялъ вице-король, «было несомнѣнно съ поглощающимъ авторитаризмомъ султана Калифа, власть котораго основана именно на поддержаніи прошлаго, исключаящаго всякую мысль о прогрессѣ». Опираясь на нравственную поддержку Европы и рассчитывая на непреодолимый аргументъ для убѣжденія Порты, а именно—золото, Измаилъ отправился однажды въ Константинополь и вернулся оттуда съ новымъ титуломъ хедива. Въ Европѣ плохо понимали значеніе этого титула, да и султанъ, повидимому, не придавалъ ему особаго значенія. Но какъ-бы то ни было, хедивъ значить государь, какъ объяснили европейцамъ приближенные Измаила и съ той поры онъ сталъ именоваться Измаиломъ I.

Порта, по всей вѣроятности, думала отдѣлаться однимъ титуломъ, такъ-какъ не было издано никакого фирмана о расширеніи правъ египетскаго вице-короля, а слѣдовательно, оставался въ силѣ фирманъ, данный Мехмеду-Али 18-го февраля 1841 г. Но Измаилъ смотрѣлъ на дѣло иначе и вовсе не желалъ производительнаго титула, намѣреваясь извлечь пользу изъ дорого

обошедшейся ему милости. Дѣйствительно, съ этихъ поръ онъ сталъ на ровную ногу съ иностранными государями въ своихъ съ ними сношеніяхъ. Порты не замедлила сдѣлать ему внушеніе, по этому поводу, но онъ зналъ вѣрное средство для ея успокоенія.

Теперь положеніе измѣнилось. Прошло то время, когда вице-король, свободно располагая государственными средствами, осыпалъ ими турецкихъ министровъ, придворныхъ фаворитовъ и гаремъ, гдѣ султанъ также получалъ долю щедротъ своего вассала. Хедивъ не могъ уже болѣе рассчитывать на закупленныхъ имъ людей. Порты потребовала и Исмаилъ - паша принужденъ былъ передать корону своему сыну.

Въ виду миролюбиваго настроенія новаго Хедива, смѣшанное министерство найдено было излишнимъ и могло, безъ опасеній, уступить мѣсто исключительно туземному министерству. Гг. Вильсонъ и де-Блиньеръ низведены были на степень простыхъ контролеровъ подъ предсѣдательствомъ Ріаза-паши, главы египетскаго кабинета.

VI.

Порты, какъ мы видѣли, съ радостью ухватила за возможность подтвердить свою верховную власть надъ Египтомъ. Обращеніе Франціи и Англіи къ ея вмѣшательству въ египетскія дѣла, могло сдѣлаться исходнымъ пунктомъ претензій, клонившихся къ полному возвращенію власти надъ Египтомъ. Вліяніе Порты, имѣвшее цѣлью этотъ результатъ, должно быть причислено къ главнымъ причинамъ настоящаго кризиса. Это вліяніе выразилось во всевозможныхъ интригахъ и не трудно прослѣдить его въ инсurreкціонныхъ движеніяхъ, театромъ которыхъ сдѣлался Каиръ. Въ то - же время, страннымъ образомъ, оно умѣло привлечь къ себѣ Хедива-Тевфика, несмотря на то, что отецъ его Исмаилъ питалъ совершенно иныя чувства. Послѣ отреченія отца, по весьма естественному отвращенію къ иностранному вліянію, вызвавшего это отреченіе, новый Хедивъ обратился къ верховной власти Порты. Неспособный къ борьбѣ, онъ въ этомъ случаѣ искалъ только противовѣса чужеземному преобладанію. Заявляя о своей полной покорности Портѣ, онъ просто хотѣлъ сдѣлать Порту солидарной съ принятіемъ имъ англо-французскаго *condaminiun*'а и такимъ образомъ смягчить унижительность этой опеки въ глазахъ своихъ подданныхъ. Но для того, чтобы не выйти изъ предѣловъ себѣ назначенныхъ, на этомъ пути требовались сила характера и ловкость, которыхъ

не имѣется у Тевфика. Порты же эксплуатировала новое благоприятное для нея настроеніе египетскаго правительства съ тѣмъ умѣньемъ, которымъ обязана она долговременной практикѣ. Возстановить въ Египтѣ неоспоримую власть свою, воссоединить его съ панисламическимъ движеніемъ, организованнымъ, по внушенію султана, это было болѣе чѣмъ увеличеніемъ престижа, это равнялось цѣлому новому завоеванію.

Порты посвятила этому дѣлу всѣ свои старанія и мы увидимъ далѣе, до какой степени эти старанія увѣнчались успѣхомъ.

Къ этому смущающему вліянію Порты, которое съ общей точки зрѣнія должно считаться одною изъ основныхъ причинъ египетскаго кризиса, присоединилось еще и комбинированное дѣйствіе англійскаго и французскаго вліянія, которое мало - помалу превратилось въ *condominium*, доставившій соперничеству обѣихъ державъ опредѣленную почву, которой не имѣлось до тѣхъ поръ. Уже одного этого соперничества было достаточно, чтобы помѣшать всякому серьезному рѣшенію вопроса. Благодаря ему, Франція измѣнила своей традиціонной политикѣ, честной и правдивой, клонившейся къ содѣйствію постепенному освобожденію Египта отъ власти Порты. Обращаясь къ ней для устраненія Измаила, Франція тѣмъ самымъ затягивала узы, связывавшія Египетъ съ Турціей.

Можно - бы указать не мало и другихъ ошибокъ и противорѣчій.

Сверхъ того, что же выиграла Франція отъ *condominium*'а, которымъ пользуется вмѣстѣ съ Англіей? Она хотѣла обезпечить уплату египетскаго долга, такъ - какъ кредиторами состоятъ и французы. Но прежде всего слѣдуетъ спросить, не могла-ли эта цѣль быть достигнута иными путями? Но допустивъ даже, что финансовыя интересы, замѣшанные въ египетскихъ займахъ, потеряли-бы нѣсколько купоновъ, не могли-ли они найти вознагражденіе въ преобладающемъ положеніи, которое занимали въ торговлѣ, въ различныхъ предпріятіяхъ страны и которое значительно ослабло послѣ того, какъ была открыта дверь поползновеніямъ Англіи, путемъ химерическаго слитія вліяній обѣихъ странъ. Почты, телеграфы, таможи, александрійскій портъ и всѣ полезныя предпріятія перешли въ руки англичанъ.

Не лучше-ли было воздержаться и если какая-нибудь другая держава грозила вмѣшательствомъ, комбинировать ея дѣйствіе съ дѣйствіемъ Англіи, единственно съ цѣлью помѣшать ему и потребовать сохраненія *statu quo*.

Въ отвѣтъ на критическія замѣчанія, относившіяся къ англо-французскому контролю, ссылались на процвѣтаніе египетскихъ

финансовъ. Но имѣеть ли участіе въ этомъ процвѣтаніи большинство населенія страны, феллахи, т. е. крестьяне? Напротивъ, не въ ущербъ ли этому населенію было достигнуто «цвѣтущее положеніе» этихъ финансовъ? Однимъ изъ первыхъ дѣлъ контроля была отмена такъ-называемой Макабаллы. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ налогъ, взимаемый за нѣсколько лѣтъ впередъ и дававшій платившему его земледѣльцу право собственности на землю, которая находилась ранѣе только въ арендномъ пользованіи у него. Сверхъ того, приобрѣвшій такимъ образомъ землю могъ пользоваться преимуществомъ владѣній *атуриэ*, которыя платятъ только десятину, т. е. около половины обыкновенныхъ податей. Можно оспаривать экономическую мѣру, заключающуюся въ продажѣ подобнаго преимущества, но продать и, затѣмъ получивъ уплату, отнять его, это уже, безъ сомнѣнія, поступокъ весьма сомнительной чистоты. Правда, несчастнымъ феллахамъ присудили 3% на внесенныя ими суммы; но большая часть изъ нихъ уплатили Макабаллу, занимая подъ 25 и 30%. Итакъ, не съ этой стороны заслужилъ и получилъ сочувствіе контроль. Но это не единственное обстоятельство, подавшее справедливый поводъ неудовольствію египтянъ по отношенію къ *condominium*'у. Не могли ли контролеры и не должны ли они были стараться установить равновѣсіе въ бюджетѣ, заставивъ европейскихъ владѣльцевъ земель и недвижимостей въ Египтѣ принять участіе въ тяготахъ, падающихъ на мѣстныхъ жителей и отъ которыхъ европейцы избавлены въ силу договоровъ. Добрая половина домовъ въ Александріи принадлежитъ иностранцамъ, не платящимъ налоговъ, въ силу этихъ договоровъ. Если бы контроль уничтожилъ эти привилегіи, онъ, безъ сомнѣнія, возбудилъ бы протесты со стороны европейцевъ. Но зато онъ приобрѣлъ бы сочувствіе мѣстнаго населенія и не подалъ бы повода обвинить себя въ томъ, что доставляетъ возможность иностранцамъ наживаться, обирая страну.

Что касается войска, то оно болѣе всѣхъ имѣло причину жаловаться на дѣйствія контроля, какъ это мы скоро увидимъ. Но прежде мы позволимъ себѣ нѣсколько необходимыхъ объясненій, чтобы указать на ту роль, которую играетъ этотъ элементъ въ египетскомъ кризисѣ.

VII.

Военный элементъ въ Египтѣ дѣлится на двѣ отличныя одна отъ другой категоріи: — собственно арабскіе офицеры и офицеры турецкаго происхожденія. Турки не скрываютъ презрѣнія

своего къ арабамъ, которыхъ называютъ феллахами, т. е. мужиками, а эти послѣдніе горько жалуется на то, что всѣ милости расточаются однимъ туркамъ.

Враждебность дошла до того, что въ началѣ нынѣшняго года нѣсколько арабскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ полковникъ Али-бей рѣшительно отказались исполнять приказанія военного министра Османа-паши Реѣви, черкеса, по происхожденію. Эти офицеры подписали петицію, въ которой требуютъ отставки министра. Османъ потребовалъ къ себѣ полковника, но Али-бей отказался отъ повиновенія. Узнавъ объ этомъ, Хедивъ велѣлъ мятежному офицеру немедленно явиться къ своему начальнику. Али-бей повиновался своему государю и имѣлъ съ министромъ крайне бурное объясненіе. Министръ началъ съ того, что приказалъ полковнику передать начальствованіе надъ полкомъ другому, указанному имъ офицеру, а вмѣсто отвѣта на возраженія Али-бея велѣлъ дежурнымъ солдатамъ отвести его подъ арестъ. На другой день, 1-го февраля, въ 11-ть часовъ утра, нѣсколько сотъ солдатъ его полка явились къ мѣсту заключенію въ Рафъ-Эль Нилъ, куда и проникли, разбивъ всѣ встрѣченныя на пути препятствія. Выломавъ двери, они освободили своего полковника и, предводимые имъ, вернулись въ казармы. По дорогѣ, возмущившіеся солдаты успѣли оскорбить нѣсколькихъ пашей, поспѣвшихъ на мѣсто происшествія. Оскорбленіямъ подверглись также двое изъ высшихъ французскихъ офицеровъ, находившихся съ давнихъ поръ на службѣ у Хедива и одинъ американецъ Стаунъ-паша, которому изорвали мундиръ. Другого генерала избили. Узнавъ о случившемся, министры немедленно собрались подъ предсѣдательствомъ Хедива. Возмущившійся полкъ ожидалъ событій съ оружіемъ въ рукахъ. Адъютантъ Хедива объявляетъ мятежникамъ приказаніе подчиниться. Они отвѣчаютъ, что вся кровь ихъ принадлежитъ Хедиву, но что они предпочитаютъ смерть выдачѣ своего начальника. Послѣ долгихъ преній совѣтъ рѣшилъ, что прежде всего слѣдуетъ успокоить броженіе въ войскахъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія, мятежникамъ было объявлено, что ихъ полковникъ останется во главѣ полка, и, что Османъ-Реѣви выйдетъ въ отставку. Это извѣстіе было встрѣчено криками: «Да здравствуетъ Хедивъ!»

Читая отчетъ объ этомъ событіи, въ немъ увидѣли простую казарменную вспышку и соперничество между людьми одного ремесла, не имѣющее ничего общаго съ политическими вопросами.

А между тѣмъ нельзя отрицать, что весьма важно, когда ар-

мія съ такою легкостію переходитъ въ состояніе возмущенія и если допустимъ, что духъ крамолы ограничился однимъ полкомъ, то все-таки было основаніе опасаться распространенія его, подъ вліяніемъ примѣра и виѣшнихъ подстрекательствъ. Въ политикѣ, когда вспыхнетъ гдѣ-нибудь пожаръ, всегда найдется болѣе охотниковъ его раздувать, чѣмъ гасить. Въ этомъ случаѣ къ числу раздувателей, какъ мы уже видѣли, принадлежалъ султанъ.

Порта имѣетъ подъ рукой человѣка, которымъ съ большимъ удобствомъ можетъ пользоваться для своихъ интригъ въ Египтѣ. Преданность этого человѣка тѣмъ надежнѣе, что она далеко не безкорыстна. Это никто иной какъ Халимъ-паша, младшій сынъ Махмеда-Али и дядя Измаила-паши.

Согласно постановленіямъ «шерифа» (духовнаго закона) Халимъ-паша долженъ наследовать нынѣшнему хедиву, такъ-какъ по этому закону престолъ долженъ переходить отъ старшаго къ старшему въ семействѣ. Халимъ, какъ старшій изъ семейства Махмеда-Али, долженъ-бы былъ наследовать Измаилу. Но Измаиль, при помощи золота, добился отъ султана Абдула-Азиса фирмана, измѣнявшаго порядокъ престоло-наслѣдія и устанавливавшаго переходъ коронъ отъ отца къ сыну. Такимъ-то образомъ Измаилу наследовалъ Тевфикъ, а Халимъ лишился права, предоставляемаго ему «шерифомъ». Понятно, что онъ желаетъ вернуть себѣ это право, а султанъ обѣщалъ ему свою поддержку. Халимъ-паша такъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, что отказывается отъ ежегоднаго содержанія въ 350,000 ф., которые назначены ему въ смѣтъ государственныхъ расходовъ, такъ-какъ, по его мнѣнію, принятіе этой суммы могло-бы быть сочтено за отреченіе отъ правъ на престолъ.

Наконецъ, февральскому возмущенію не остался чуждымъ и бывшій хедивъ Измаиль. Посмотримъ, что стало съ нимъ со времени его низложенія.

Между Неаполемъ и Кастелламаре, неподалеку отъ древняго Геркуланума, а нынѣшній Резины, возвышается громадный и великолѣпный дворецъ, извѣстный подъ именемъ Фаворитки. Этотъ дворецъ соединяетъ въ себѣ чудеса природы съ чудесами искусства. Мѣстоположеніе изумительно по своей красотѣ. Капри, Сорренто смотрятся въ прозрачно-голубыя волны. Видѣнь Везувій и долетаетъ его глухой ропотъ. Вечеромъ онъ украшаетъ ландшафтъ и воспламеняетъ его свѣтомъ своей огненной короны. Здѣсь-то, въ этомъ самомъ дворцѣ Фаворитки, жила знаменитая Марія Каролина, супруга Фердинанда IV и сестра Маріи Антуанеты.

Любившая ножить, королева сдѣлала изъ этого дворца свой

маленькій Трианонъ и всѣ прихоти ея воображенія нашли въ немъ свое осуществленіе.

Въ настоящее время въ томъ-же дворцѣ обитаетъ эксъ-хедивъ Измаиль-паша. Но вмѣсто прежняго шумнаго веселья и блеска, его окружаетъ молчаніе и страхъ. Овна обширнаго жилища плотно закрыты сѣвными ставнями съ круглыми отверстіями по восточному обычаю. Порою по пустынному саду скользнетъ бѣлая тѣнь: это одна изъ египетскихъ принцессъ, гуляющая, впрочемъ, не для удовольствія, а по предписанію доктора. Скука томитъ прекрасныхъ обитательницъ гарема Измаила-паши. Недавно извѣстная путешественница, г-жа Делла Ракка, получила разрѣшеніе осмотрѣть этотъ гаремъ. Подруги Измаила-паши горько жаловались на плохое житье. Онѣ плачутъ объ утраченной восточной роскоши и удовольствіяхъ. «Мы не имѣемъ здѣсь ни малѣйшаго развлеченія», говорила принцесса Чехми-Афетъ, «ни родныхъ, ни знакомыхъ, и влачимъ печальную жизнь на чужбинѣ».

Несмотря на такую уединенную жизнь, которую ему приходится вести, эксъ-хедивъ продолжаетъ питать надежду на возвращеніе и мечтаетъ о величїи и славѣ, что должно внушать нѣкоторыя опасенія.

Измаиль-паша употребилъ свои досуги на созданіе себѣ генеалогіи, изъ которой видно, что онъ по прямой линіи происходитъ отъ пророка. Онъ разсчитываетъ для себя, ни болѣе, ни менѣе какъ на калифатъ, т. е. на духовную власть надъ мусульманами всего міра, осуществляя, такимъ образомъ, панисламизмъ, который нивогда не могъ быть достигнутъ константинопольскими султанами, такъ-какъ ихъ калифатъ не признается ни персидскимъ шахомъ, ни мароккскимъ султаномъ, которые считаютъ себя гораздо болѣе истинными преемниками Магомета и вѣрными хранителями мусульманской традиціи. Стремясь къ только-что указанной высокой цѣли, Измаиль приложилъ все свое стараніе, чтобы повернуть въ свою пользу движеніе, возникшее въ средѣ арабовъ-мусульманъ и клонившееся къ отдѣленію званія калифа отъ титула турецкаго султана. Не можетъ быть сомнѣнія, что бывший хедивъ не остался чуждымъ усиленію фанатизма, проявляющагося во всей Сѣверной Африкѣ, и отголоски котораго слышатся въ Аравіи, Персіи, Афганистанѣ и даже англійской Индіи. Весьма вѣроятно, что Измаилу принадлежитъ широкое участіе въ недавнихъ волненіяхъ египетской арміи, гдѣ онъ имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ. Замѣчено было, что ядро недовольныхъ составлено было изъ офицеровъ нисшихъ и среднихъ чиновъ, и что самыми яркими изъ

мятежниковъ оказались тѣ, которые были женаты на «невольницахъ», взятыхъ изъ дворца Измаила-паши и получившихъ свободу въ 1873 году. Въ этомъ году, по настояніямъ Англіи, хедивъ принялъ мѣры къ искорененію рабства. Онъ публично объявилъ декретами, занесенными въ *Мекэмэ*, объ освобожденіи всѣхъ своихъ рабовъ. Но, соображаясь съ религіозными предписаніями, требующими, чтобы, въ такомъ случаѣ, господинъ заботился обезпеченіемъ пропитанія бывшихъ рабовъ, Измаилъ выдалъ замужъ бывшихъ невольницъ за офицеровъ, или чиновниковъ. Преданность этихъ супруговъ Измаилу пашѣ вѣ всякаго сомнѣнія, къ тому-же онъ подогрѣваетъ ее при случаѣ своими щедротами. Само собою разумѣется, что онъ имѣетъ въ этихъ людяхъ ярыхъ сторонниковъ своего возвращенія на египетскій престолъ.

Однако, главная отвѣтственность должна пасть не на султана и не на хедива, такъ-какъ всего болѣе содѣйствовали египетскому военному движенію сами европейскіе контролеры, а именно, своими проектами сокращенія состава арміи.

«Хотятъ сократить войска, писали султану нѣкоторые египетскіе офицеры,—это дѣлается въ видахъ экономіи. Но скандальныя (по своимъ размѣрамъ) оклады европейскихъ чиновниковъ прямо противорѣчатъ такимъ намѣреніямъ. На самомъ-же дѣлѣ разрушаютъ кадры, чтобы легче было справиться и овладѣть страной безъ борьбы».

Дѣйствительно, было уже распушено двѣ тысячи офицеровъ, которымъ не заплатили даже задержаннаго ранѣе жалованья. Эти люди очутились въ совершенно нищенскомъ положеніи и они приписали его реформамъ, на которыя согласился новый хедивъ, въ ущербъ пріобрѣтеннымъ его народомъ правамъ и въ пользу гарантій, даруемыхъ иностраннымъ кредиторамъ страны, между тѣмъ, какъ подданные хедива не имѣли и понятія о долгѣ, уплата котораго требовала такихъ тяжелыхъ жертвъ.

Нищета этихъ несчастныхъ, внезапно выброшенныхъ на мостовую, была ужасна и вполнѣ оправдывала горечь ихъ жалобъ. Нѣкоторые примирились съ тѣмъ, что жены ихъ обратились къ проституціи, чтобы достать кусокъ хлѣба, который мужа не въ состояніи были заработать. Въ числѣ этихъ офицеровъ было немало такихъ, которые дрались съ русскими въ Турціи и съ абиссинцами, на южной окраинѣ Египта. вмѣсто награды, на которую рассчитывали одни, вмѣсто отставки, которой ждали другіе, ихъ просто-на-просто распустили, безъ малѣйшаго обезпеченія на будущее время и даже не заплативъ жалованья.

Оставивъ вопросъ о гуманности и справедливости, простой

разсчетъ и предусмотрительная политика должны были бы внушить мысль объ ассигнованіи нѣсколькихъ милліоновъ на смягченіе этой нищеты. Но контроль отказался отъ такого расхода во имя финансовыхъ интересовъ, ему ввѣренныхъ. Французскій генеральный консулъ, г. Рингъ, указавъ на опасность, могущую явиться слѣдствіемъ такой жесткой скардености, которая взволновавъ умы, могла привести къ общему возстанію въ войскѣ, такъ-какъ и оно могло ожидать, что его постигнетъ та-же мѣра. Но голосъ благоразумія остался неслышаннымъ, а затѣмъ, позднѣе, должны были признать, что главный корень движенія гнѣзвился въ средѣ распущенныхъ офицеровъ, откуда мятежъ перешолъ и въ ряды полковъ, въ которыхъ они служили.

IX.

«Вопросы желудка!» говорили о военномъ движеніи люди, желавшіе его дискредитировать. Это выраженіе, конечно, оправдывалось вполнѣ. Но если можно знать, откуда и какъ возникаетъ движеніе, то едва-ли мудрѣйшій изъ мудрыхъ въ состояніи предсказать, чѣмъ оно кончится. Такъ и здѣсь, движеніе вышло за предѣлы казармы и охватило элементы внѣ ея стоящіе, а затѣмъ, какъ то всегда бываетъ, по мѣрѣ того какъ волненіе обобщалось, оно измѣняло свой характеръ. Въ одинъ прекрасный день съ изумленіемъ увидѣли, что вопросъ желудка, какъ тогда выражались, націонализировался.

Какъ ни ново въ Египтѣ наименованіе «національной партіи», тѣмъ не менѣе достовѣрно, что оно теперь у всѣхъ на устахъ. Измаиль-паша ввезъ это слово въ свое государство и потрудились объяснить его значеніе египтянамъ. Сперва они ничего въ немъ не видѣли, но съ теченіемъ времени разобрали и поняли. Теперь они вспомнили о новомъ словѣ и не довольствуясь имъ намѣреваются выполнить и самую задачу бывшаго хедива. И вотъ какимъ способомъ.

«Будетъ выбрана палата депутатовъ, говоритъ египетская національная партія.—Палата будетъ дѣйствовать подъ охраной арміи».

Выборъ преемника Тевфику долженъ явиться результатомъ желанія этой палаты.

Будетъ выработана и обнародована конституція, а новый государь долженъ принести присягу въ вѣрности этой конституціи. Далѣе—ответственные министры, утверждаемый бюджетъ и т. п., однимъ словомъ—всѣ учрежденія, требуемые честной конституціей.

Оставалось узнать, какимъ образомъ армія переведетъ эту программу изъ области платоническихъ пожеланій въ область дѣйствительности? На это одинъ изъ вліятельныхъ представителей партіи отвѣчалъ:

«Если не будетъ иностраннаго вмѣшательства, дѣло совершится само собою. Въ одинъ прекрасный день телеграфъ принесетъ извѣстіе, что министры и хедивъ «заперты» и волей или неволей должны были покинуть свои посты; что назначены новые министры, которымъ поручено созвать народное представительство. Коль скоро это будетъ исполнено, конституція провозглашена, новый хедивъ назначенъ, тогда стараго отпустить на всѣ четыре стороны. «А если вмѣшаются иностранныя державы?»—Въ такомъ случаѣ, армія отступить и не станетъ нападать первая; если-же она сама подвергнется нападенію, то будетъ защищаться. Но въ этомъ случаѣ соотечественники нападающей арміи, проживающіе въ Египтѣ, будутъ приглашены удалиться; тѣ-же, которые не подчинятся этому, подвергнутся дѣйствию военно-полевыхъ законовъ. Приступать къ партизанской войнѣ и операціоннымъ базисомъ будетъ Верхній Египетъ. Впрочемъ, надѣются, что Европа, увидя это, вступитъ въ переговоры съ людьми, не желающими ничего иного, кромѣ внутренняго устройства страны своей, не касаясь европейскихъ интересовъ, признающими національный долгъ и вполне готовыми оказывать личное и имущественное покровительство каждому иностранцу».

Таковы въ общемъ проекты партіи и средства ихъ осуществленія. Только-что приведенная нами программа выражаетъ собою среднюю общественнаго мнѣнія. Въ Египтѣ, какъ и вездѣ, существуетъ крайняя лѣвая, радикалы и непримиримые, которые идутъ далѣе въ своихъ требованіяхъ. Они желаютъ залога для имѣющейся въ виду революціи и требуютъ, чтобы Тевфикъ остался заложникомъ.

Coup d'Etat предполагался еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Хотѣли похитить Тевфика и президента совѣта министровъ Ріаза-пашу. Все было готово, какъ вдругъ юный хедивъ вздумалъ провести въ Александріи время мусульманскаго поста. Въ Александріи, т. е. подъ выстрѣлами англійской эскадры и во время Рамазана, приступить къ выполненію плана заговорщиковъ, сочтено было неудобнымъ. Глава движенія, Араби-бей,—вообще человекъ осторожный и не лишенный политическаго такта.

Дѣйствительно, только въ Каирѣ можно было съ успѣхомъ произвести все вышеизложенное, такъ-какъ это центръ арміи и

къ тому-же тамъ по сосѣдству бродятъ шайки бедуиновъ, съ которыми Араби-бей находится въ сношеніяхъ и которые, въ случаѣ надобности, готовы были-бы поддержать его. Однако, рѣшительный шагъ былъ только отложенъ до возвращенія Тевфика въ Каиръ.

Между-тѣмъ, хедивъ или, вѣрнѣе, Ріазъ, съ своей стороны, не оставались въ бездѣйствіи. По его просьбѣ, англійскій консулъ отправился въ Константинополь, чтобы просить о турецкомъ вмѣшательствѣ. Порта не замедлила согласіемъ. Но тогда Ріаза стали одолевать сомнѣнія и онъ рѣшилъ, наконецъ, обойтись безъ турокъ. Съ этою цѣлью онъ вернулъ хедива, который ничего лучшаго не желалъ, такъ-какъ мало понимая интриги Порты, онъ инстинктивно боится всего, что отъ нея исходитъ.

Немедленно рѣшено было назначить губернаторомъ и префектомъ полиціи въ Каиръ двухъ наиболѣе свирѣпыхъ пашей. Составъ полиціи былъ увеличенъ на 600 человекъ. Далѣе, совѣтъ министровъ, превращенный въ верховный судъ, тайно приговорилъ 130 офицеровъ:—однихъ къ высылкѣ въ Фацуглу, другихъ—къ смерти. Впрочемъ, эта высылка равнялась смерти. Само собою разумѣется, что четыре полковника: Араби-бей, Али-бей, Феми-Абделлахъ-бей и Рафатъ-бей находились въ числѣ приговоренныхъ къ смерти.

Это рѣшеніе было повергнуто на разсмотрѣніе хедива, который одобрилъ, но подписать согласился только по полученіи «ветвы» отъ Шейхъ-Эль-Багри. Эта религіозная щекотливость разрушила все званіе правительственнаго заговора, какъ мы то сейчасъ увидимъ. По утвержденіи приговора духовнымъ главой, немедленно отданъ былъ приказъ губернатору и полицейскому префекту, арестовать прежде всего Араби-бея, а затѣмъ и остальныхъ.

Новый губернаторъ началъ свою дѣятельность изданіемъ приказа, запрещающаго офицерамъ выходить за городскую черту группами, состоящими болѣе чѣмъ изъ двухъ человекъ. Запрещались также всякія собранія лицамъ военнаго званія, даже частныя. Далѣе, 9-го, утромъ, едва успѣлъ вернуться хедивъ въ Каиръ, какъ домъ Араби-бея былъ окруженъ.

Но было уже поздно. Предупрежденный о грозившей ему опасности, Араби-бей воспользовался тайнымъ ходомъ и скрылся отъ преслѣдованія губернаторской полиціи.

Но война была объявлена, война немедленная и безпощадная, такъ-какъ военачальникамъ отнынѣ было извѣстно, что до тѣхъ поръ, пока Ріазъ остается у кормила, а Тевфикъ на египетскомъ престолѣ,—ихъ головамъ грозитъ постоянная опасность.

Отвѣтъ на окруженіе дома Араби не заставилъ себя долго ждать. Нѣсколько часовъ спустя, мятежные полковники явились на дворцовую площадь съ 4,000 солдатъ и 30 пушками. Когда Тевфикъ обратился къ войскамъ, оставшимся вѣрными, они успѣли уже побрататься съ мятежниками. Полки окружили дворецъ, стали шпалерами на краяхъ площади и отрѣзали всякій изъ нея выходъ. Осада была полная и пришлось прибѣгнуть къ переговорамъ. Мятежные полки поставили свои условія: дарованіе конституціи, назначеніе собранія именитыхъ людей, увеличеніе состава арміи и т. д. Все это не представило затрудненій. Ріазъ началъ оказывать сопротивление только когда дѣло дошло до его отставки, которой армія требовала настойчиво и безотлагательно. Ни одинъ министръ не дѣлялся за власть съ такимъ упорствомъ, какъ египетскій министръ-президентъ. Убѣдившись же въ невозможности остаться на своемъ посту, Ріазъ возымѣлъ претензію назначить себя преемника. Но и это оказалось напраснымъ. Войска желали назначенія Шерифа-паши, прозваннаго французомъ. На всѣ предложенія имъ разныхъ наиболее популярныхъ лицъ, они отвѣчали крикомъ: «француза! француз!»

Арабы зовутъ Шерифа-пашу французомъ, потому что онъ получилъ образованіе вмѣстѣ съ принцемъ Халимомъ во французской военной школѣ, приготовляющей офицеровъ генеральнаго штаба, мундиръ которой сохранилъ и по возвращеніи въ Египетъ. Онъ и Халимъ придерживаются монополіи. Шерифъ даже женился на французкѣ, дочери французскаго офицера. Итакъ, войска желали Шерифа, но Ріазъ этого не хотѣлъ и это вызвало безконечные переговоры. Англійскій консулъ г. Коксонъ и американскій Боделавскій служили посредниками и потратили не мало времени и труда на переговоры.

Наконецъ, Ріазъ уступилъ, но не безъ задней мысли. Ему предстояло заставить этого бѣднаго Тевфика совершить еще одну глупость.

На другой день, рано утромъ, хедивъ выѣхалъ изъ дворца въ сопровожденіи Ріаза, продолжавшаго считать себя министромъ, такъ-какъ Шерифъ еще не принялъ его поста. Государь и министръ направились къ цитадели. Ріазъ желалъ сдѣлать послѣднюю попытку, испробовать силу непосредственнаго престожа личности хедива на войска и обратиться къ нимъ помимо посредничества ихъ полковниковъ.

У входа въ крѣпость карета хедива была остановлена дежурнымъ офицеромъ, который весьма сухо объявилъ, что не велѣно никого пускать.

«Такъ ты не узнаешь меня? воскликнулъ Тевфикъ, «я хе-

дивъ!»—Именно потому-что узнаю васъ, объявляю, что входъ запрещенъ.

При этихъ словахъ Тевфикъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе. Онъ выскочилъ изъ кареты, схватилъ офицера за воротъ, намѣреваясь его бить и пройти во что-бы-то ни стало. Офицеръ, не стараясь даже освободить ворота отъ рукъ хедива, отдаетъ приказаніе, вслѣдствіе котораго солдаты сбѣжались толпою и скрестили штыки противъ вице-короля. Этотъ послѣдній, забывая все болѣе и болѣе о своемъ достоинствѣ, начинаетъ осыпать бранью офицера и войско.

Офицеръ пристально посмотрѣлъ на Ріаза, который стоялъ молча и тихо; затѣмъ обратившись къ хедиву и опустивъ обычный титулъ ему подобающій «сударь», сказалъ онъ, «извольте сѣсть въ карету». Это—«сударь» немедленно успокоило Тевфика и заставило остолбенѣть Ріаза, который увидѣлъ въ этомъ словѣ цѣлое откровеніе. Сѣвъ въ экипажъ, хедивъ велѣлъ везти себя на Гелуанскую станцію желѣзной дороги.

Государь и его министръ намѣревались бѣжать изъ Каира. Но тутъ уже дали знать и бѣглецовъ встрѣтилъ кавалерійскій пикетъ, который и загородилъ имъ дорогу. Обмѣнялись словами, не особенно любящаго свойства, а затѣмъ прибылъ Арабъ-бей, который вѣжливо попросилъ Тевфика и его спутника вернуться во дворецъ.

Вечеромъ было сдѣлано еще двѣ попытки побѣга чрезъ Булакъ-Докрурскую станцію и, наконецъ, четвертая была произведена на другой день утромъ на Александрійской станціи. Всѣ попытки оказались тщетными, и такъ, что Тевфикъ и надменный министръ его Ріазъ должны были понять, что если они еще не плѣнники, то, во всякомъ случаѣ, за ними зорко и пристально слѣдятъ.

Бѣдные владѣльцы купоновъ египетскихъ бумагъ, что станетъ съ ними въ этой сутололѣ? Были предположены и обсуждены всѣ средства, чтобы вывести ихъ изъ затрудненій и доставить имъ спокойное пользованіе доходами: предлагалась турецкая оккупация, смѣшанная англо-французская, обще-европейская и, наконецъ, испанская. Послѣдняя подъ покровительствомъ остальныхъ державъ. Но все это оказалось совершенно невозможнымъ для пракческаго примѣненія.

«Не оставитъ-ли Египетъ свариться въ собственномъ согу», замѣчаетъ одна англійская газета. «Это было-бы жестоко, возрожаютъ владѣльцы облигацій, лицемѣрно заявляющіе, что желаютъ только «возрожденія Египта».

А до тѣхъ поръ египетскій народъ придумалъ слѣдующее, наилучшее, по его мнѣнію, рѣшеніе вопроса:

Шерифъ-паша сдѣланъ министромъ-президентомъ, онъ составилъ кабинетъ, владѣющій тѣмъ, чѣмъ не всегда богаты и европейскіе кабинеты, а именно: программой, согласной съ желаніями народа.

Онъ высказался въ пользу развитія всѣхъ судебныхъ и финансовыхъ реформъ, онъ предлагаетъ учрежденіе государственнаго совѣта, невѣдомаго донинѣ колеса въ мусульманскихъ государственныхъ механизмахъ и, наконецъ, онъ общается конституцію.

Замѣтимъ, сверхъ того, что Шерифъ-паша—бывшій министръ Измаила и его стремленіе къ освобожденію Египта отъ турецкихъ помочей—извѣстно. Правда, это стремленіе къ автономіи и либерализму не особенно нравится въ Лондонѣ, Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, но зато оно пришлось по вкусу египетскимъ военачальникамъ, которые и избрали его именно вслѣдствіе вышеуказанныхъ стремленій.

Въ настоящую минуту, если не всѣ довольны, то, по крайней мѣрѣ, всѣ дѣлаютъ видъ, что довольны: хедивъ, султанъ, державы, Шерифъ-паша и египетская армія. Эта послѣдняя готова даже отправиться на югъ, гдѣ только-что вспыхнулъ мятежъ въ Суданѣ.

Итакъ, все обстоитъ благополучно, но на долго-ли, вотъ въ чемъ вопросъ и затрудненіе.

Ж...

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

Крутыя горы. Романъ. (Часть вторая. Главы XV—XX).	<i>Я. П. Полонскаго.</i>
Нума Руместанъ. Романъ. (Главы XII—XV)	<i>Альфонса Додэ.</i>
Экономическій принципъ въ социологіи. (Статья первая).	<i>Н. С. Русанова.</i>
Изъ старыхъ пѣсень. Стихотвореніе.	<i>А. Н. Плещеева.</i>
Юліанка. Очеркъ изъ польскаго городского быта. (Переводъ съ польскаго). (Окончаніе).	<i>Элиза Ожешко.</i>
Надъ прудомъ. (Изъ Ады Кристенъ). Стихотвореніе.	<i>А. Н. Плещеева.</i>
Замѣтки и воспоминанія (1848—1871 гг.). (Продолженіе).	<i>Гальфранка.</i>
Рѣдкій праздникъ. (Изъ хроники южно-русскаго села).	<i>И. Н. Потапенко.</i>
Писатель. Романъ. (Окончаніе).	<i>Роберта Гальта.</i>
Послѣ голода. Народная пѣсня. Стихотвореніе.	<i>Мартова.</i>
Экономическая безпомощность и народное продовольствіе.	<i>В. В. Иванова.</i>
Омутъ. Романъ. (Главы VIII—XIII).	<i>К. М. Станюковича.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крестьянскія переселенія	<i>С. С. Пашкова.</i>
Замѣтки земца о земскихъ изданіяхъ и земскихъ приемахъ. (Продолженіе).	<i>Земца.</i>
Новыя книги.	
Жизнь и печать.	<i>М. Ам.</i>
Московскій проектъ преобразованія уѣзднаго и крестьянскаго управленія	<i>Кн. Н. Волконскаго.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. Ш.</i>
Революція въ Каирѣ и египетскій вопросъ. (Политическая и общественная хроника).	<i>Ж—на.</i>

ef

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 642